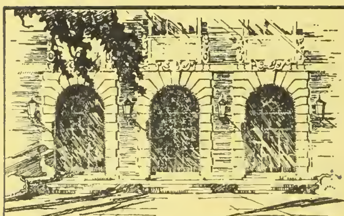

Вольное Экономическое Общество.

И. В. ЧЕРНЫШЕВЪ.

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССІИ

ЗА 150 ЛѢТЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К⁰), Фонтанка, 117.
1918.

ИЗДАНІЯ

Вольнаго Экономическаго Общества

ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.

	Р.	К.
Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины, подъ редакціей Ѳ. Л. Барыкова, А. В. Половцева и П. А. Соколовскаго. Спб. 1880. 8°. Т. I, стр. IX+ +393+64. Съ двумя рис. и **указателемъ книгъ и статей** на русск. и иностр. яз. по вопросу объ общинѣ.	2	—
Продовольственный вопросъ въ 1697—98 гг.; съ 6 картограммами. Спб. 1898 г. 8°; стр. 250+142+10. . .	1	50
Щербина, Ф. А. Крестьянскіе бюджеты. Воронежъ. 1900 г. 8°; стр. VIII+240+480.	3	—
Аграрное движеніе въ Россіи 1905—06 гг. Обзоры по районамъ на основаніи данныхъ, произведенной И. В. Э. Общ. анкеты. **Авторы** обзоровъ: Б. Б. Веселовскій, В. С. Голубевъ, В. Г. Громанъ, А. Е. Лосицкій, П. П. Масловъ, С. Н. Прокоповичъ, Д. И. Рихтеръ, А. М. Рыкачевъ. И. В. Чернышевъ. Часть 1-я. Спб. 1908 г.; стр. XVI+400	2	—
Тоже. Часть 2. Спб. 1908 г.; стр. 544.	2	50
Вопросы организаціи сельскаго хозяйства. Сборникъ докладовъ С. Первушина, А. В. Чаянова и А. Н. Челинцева и журналы засѣданія И. В. Э. Общ. Спб. 1912; стр. 98. . .	—	60
Чернышевъ, И. В. Община послѣ 9 ноября 1906 г. Часть I. Птгр. 1917; стр. 195	2	25
Тоже. Часть II. Птгр. 1917; стр. 143	1	75
Фабрикантъ, А. О. Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Новороссіи. Вып. I. Птгр. 1917; стр. 44	—	60
Труды Вольнаго Экономическаго Общества (издаются съ 1766 г.). Журналъ сельско-хозяйственный и экономическій, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о дѣятельности Вольнаго Экономическаго Общ. 6 книгъ въ годъ.	3	—
Серія „**Аграрные вопросы въ Россіи**“ (составляются совмѣстно съ Петрогр. отд. **Лиги аграрныхъ реформъ**):		
Вып. I. Бруцкусъ, Б. Д. Къ современному положенію аграрнаго вопроса. Птгр., 1917 г.; стр. 32	—	40
Вып. II. Рихтеръ, Д. И. Государств. земел. банки въ Россіи и ихъ дальнѣйшая судьба. Птгр. 1917 г.; стр. 21	—	45
Вып. III. Закъ, А. Н. Финансированіе аграрной реформы. Птгр. 1917 г.; стр. 57	1	—
Вып. IV. Бруцкусъ, Б. Д. Очерки аграрной политики иностранныхъ государствъ въ Россіи.	1	—

Вольное Экономическое Общество.

И. В. ЧЕРНЫШЕВЪ.

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССІИ

ЗА 150 ЛѢТЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1918.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Въ отдѣлѣ: *Судьбы пореформенной общины* необходимо исправить нумерацію главъ:

Стран.	*Напечатано:*	*Надо читать:*
153	IX	IV
163	X	V
167	XI	VI
174	XII	VII
179	пропущено	VIII
183	пропущено	IX
186	XIII	X
199	XIV	XI

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемой работѣ авторъ поставилъ задачей прослѣдить развитіе нашей аграрно-крестьянской политики со второй половины 18 ст. до эпохи, такъ наз., Столыпинскаго землеустройства. Особенное вниманіе авторомъ обращено на выясненіе тѣхъ цѣлей, которыя ставила себѣ государственная власть при проведеніи въ жизнь аграрныхъ законовъ. Памятуя, что «Духъ» законовъ познается не изъ декларацій и манифестовъ, сопровождающихъ ихъ обнародованіе, а изъ «дѣловыхъ», часто не подлежащихъ опубликованію обсужденій ихъ проектовъ, авторъ удѣлилъ много вниманія разсмотрѣнію соотвѣтствующихъ матеріаловъ.

Вторая половина XVIII ст. взята, какъ отправной пунктъ нашей работы, потому, что только съ этого времени у насъ можно говорить объ аграрно-крестьянской политикѣ...

До этого времени—не говоря уже о крѣпостныхъ крестьянахъ, всегда остававшихся неподлежащимъ государственному вѣдѣнію «имуществомъ» помѣщиковъ—государственная власть не вмѣшивалась въ земельныя отношенія свободныхъ крестьянъ.

Съ точки зрѣнія содержанія аграрной политики, время, охваченное нашей работой, разбивается на два неравныхъ періода, Первый—съ изданія Межевыхъ Инструкцій до 1906 г.—является эпохой борьбы государственной власти съ частной земельной собственнностью у крестьянъ и насажденія у нихъ уравнительныхъ земельныхъ порядковъ; второй періодъ, съ 1906 г., представляетъ эпоху борьбы государственной власти съ земельно-уравнительными порядками у крестьянъ и насажденіе у нихъ частной земельной собственности.

При всемъ различіи своего содержанія, аграрная крестьянская политика въ оба разсматриваемые періода преслѣдуетъ одну и ту же цѣль—охрану самодержавной монархіи, съ ея политическимъ и экономическимъ господствомъ дворянства.

Изученіе перваго періода—періода революціонной ломки быта свободныхъ крестьянъ—даетъ возможность отвѣтить на поставленный, въ частности, К. Марксомъ вопросъ: «какъ могло случиться, чтобы извѣстное учрежденіе (наша община И. Ч.) было введено въ Россіи, какъ простая фискальная мѣра—просто какъ случайный спутникъ рабства, тогда какъ во всѣхъ другихъ странахъ это же самое учрежденіе явилось путемъ самороднаго возникновенія и разростанія и отмѣчаетъ собою необходимую фазу развитія всѣхъ свободныхъ народовъ [1]). Марксъ ошибочно считалъ современную ему русскую общину «первобытной». Въ дѣйствительности, та хозяйственная «община», которая дожила въ Россіи до нашихъ дней, не является первобытной «*самородной*» общиной, которая свойственна первымъ фазамъ исторіи земледѣльческихъ народовъ.. Тяглыя сельскія общества Россіи XV—XVI ст. не знали «ни принудительной уравнительности участковъ, съ ихъ передѣлами, ни сословнаго характера поземельныхъ крестьянскихъ обязанностей» [2]). Тяглецы-крестьяне XIV—XV ст. были связаны государствомъ въ податные союзы—«міры»; подати платились «мірами» за круговой порукой, но [міры въ земельныя отношенія тяглецовъ не вмѣшивались (поскольку дѣло не шло объ общихъ угодьяхъ и пустошахъ). Первобытно-земельныя отношенія, «самородная» община, о которой говорилъ Марксъ и наши славянофилы,—къ XIV ст. остались уже гдѣ-то позади [3]).

---

[1]) Письма К. Маркса и Фр. Энгельса къ Н—ону. Изъ письма 1872 г., стран. 14.

[2]) Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Т. II. Стран. 379. Павловъ Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси стр. 52. У Сергѣевича—Русск. Юрид. Древности, т. III, стр. 385—496 (см. разборъ взглядовъ на общину).

[3]) Въ цитируемомъ въ дальнѣйшемъ предисловіи К. Маркса и Ф. Энгельса къ Ком. Манифесту русская община называется авторами „формой первобытнаго землевладѣнія“.

Первые признаки уравнительныхъ земельныхъ отношеній встрѣчаются на земляхъ крупныхъ владѣльцевъ и монастырей въ XVI ст. И только съ развитіемъ крѣпостного права, какъ общее правило, устанавливаются земельно—передѣльные порядки, сначала на владѣльческихъ земляхъ, обрабатываемыхъ холопами, а затѣмъ и на земляхъ крестьянъ, записанныхъ за помѣщиками. Въ XVIII ст. уравнительно-передѣльные порядки у крѣпостныхъ крестьянъ наблюдаются почти повсемѣстно.

Когда государственная власть приступила къ урегулированію земельныхъ отношеній на земляхъ «свободныхъ» крестьянъ [1]), то она имѣла передъ собой готовый образецъ—крѣпостное хозяйство крупныхъ землевладѣльцевъ.

Съ точки зрѣнія преслѣдуемыхъ государственной властью фискально-административныхъ задачъ на помѣщичьихъ земляхъ установился идеальный строй: помѣщики регулярно получали свои доходы съ крестьянъ и крестьяне «безпрекословно» повиновались помѣщикамъ.

Для установленія такихъ порядковъ на земляхъ свободныхъ крестьянъ (а эти земли государство считало «своими») государство не остановилось предъ «революціонными» мѣрами: оно силой уничтожило отношенія частной собственности на крестьянскихъ земляхъ, (куплю, продажу, наслѣдованіе, закладъ) оно посягнуло на не-крестьянскую частную собственность, отобравъ земли у всѣхъ купившихъ крестьянскія земли, и затѣмъ пустило всѣ эти земли (и крестьянскія, и отобранныя) въ уравнительный передѣлъ между крестьянами. Эта безвозмездная конфискація крестьянской земли не обошлась безъ серьезныхъ волненій среди крестьянъ; въ дѣло были пущены и «дреколья», и вооруженныя силы. Но, въ концѣ концовъ, организованная сила государства побѣдила. Побѣдѣ этой содѣйствовало

---

[1]) Сюда, какъ показано ниже, вошли крестьяне самыхъ разнообразныхъ категорій: „черныя сохи"; крестьяне сидѣвшіе на земляхъ церкви; дворцовые крестьяне (изъ дворцоваго вѣдомства сперва переведенные въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, а затѣмъ въ вѣдомство удѣловъ) и т. д.

малоземельное крестьянство, которому «не съ чего» было тянуть государственное тягло и которое поэтому неоднократно обращалось къ власти съ жалобами на земельное «утѣсненіе» и съ просьбами о земельной нарѣзкѣ.

«Справедливое» уравнительное землепользованіе—«аки у помѣщиковъ» у свободныхъ крестьянъ выросло, какъ и у крѣпостныхъ, изъ принудительнаго труда. «Право на землю» было и здѣсь лишь обратной стороной обязанности работать на государство и платить подати.

Въ условіяхъ примитивнаго земледѣлія и примитивнаго государственнаго аппарата для дворянскаго правительства не было болѣе пріемлемаго выхода изъ финансово-административныхъ затрудненій, помимо пересадки крѣпостническихъ отношеній въ среду свободныхъ крестьянъ.

«Всѣ правительства, писалъ Энгельсъ по поводу русскаго пореформеннаго хозяйства, хотя бы самыя абсолютныя, въ конечномъ счетѣ, суть только осуществители (executors) экономическихъ необходимостей даннаго національнаго положенія. Они могутъ выполнять предлежащую имъ задачу разными путями хорошо, худо или посредственно; они могутъ ускорять или замедлять экономическое развитіе съ его политическими и юридическими послѣдствіями, но въ концѣ концовъ они должны слѣдовать за нимъ» [1]).

Описанію земельно-крестьянской политики помѣщиковъ и государства въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. посвящена первая часть предлагаемой работы.

По мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ роста внутренняго и внѣшняго рынковъ измѣнялся общій строй народнаго хозяйства, общинно-уравнительные порядки начинаютъ изживать себя. Это сказывается прежде всего на земляхъ тѣхъ крупныхъ владѣльцевъ, помѣстья которыхъ были расположены въ экономически-передовыхъ районахъ.

---

[1]) Ibid. Изъ письма 1892 г.

Тамъ, гдѣ доходность помѣщичьяго хозяйства переставала опредѣляться строгостью уравнительнаго режима, помѣщики (и сами крестьяне) дѣлаются равнодушными къ уравнительно-передѣльной практикѣ. Съ 30-хъ годовъ 19 ст. теоретическая агрономія начинаетъ подвергать передѣльное землепользованіе рѣзкой критикѣ.

Въ то время, когда помѣщики и агрономы уже давно опредѣлили свое отношеніе къ уравнительному землепользованію и практически, и теоретически, эти земельные порядки «открываетъ» политическая публицистика. Въ русской, и особенно въ иностранной, литературѣ распространено убѣжденіе, что эти уравнительные земельные порядки или, какъ назвала ихъ наша публицистика первой половины 19 ст.,—*община*—открыта у насъ «прусскимъ чиновникомъ Гакстгаузеномъ: Марксъ, напримѣръ. иронизировалъ надъ Герценомъ», что тотъ «сдѣлалъ свое открытіе *русскаго* коммунизма» не въ Россіи, а въ сочиненіи «этого прусскаго регирунгсрата». Неоднократно объ «открытіи» Гакстгаузена говорилъ и Энгельсъ. Въ дѣйствительности, дѣло было какъ разъ наоборотъ; о русскихъ земельныхъ порядкахъ путешествующій по Россіи баронъ Гакстгаузенъ многое узналъ отъ русскихъ славянофиловъ.

Подъ вліяніемъ и нашихъ внутреннихъ событій (декабрьское возстаніе 1825 г.), и подъ вліяніемъ европейскихъ революцій— простой «хозяйственный» вопросъ о томъ, какъ выгоднѣе сажать на тягло «мужиковъ»—на «вѣчные» участки или заставлять ихъ «равнять» эти участки, въ зависимости отъ измѣненія состава ихъ семей и отъ имущественныхъ измѣненій въ крестьянскихъ дворахъ,—превращается въ соціальную проблему, въ вопросъ о «судьбахъ Россіи».

Въ 50-хъ годахъ политическіе дѣятели уже гораздо больше занимаются общиной, чѣмъ «управители» и агрономы.

Возникаетъ теорія объ общинѣ, какъ о «нашемъ» «вѣковѣчномъ» институтѣ; объ уравнительномъ землевладѣніи, какъ «нашей» національной особенности, страхующей Россію отъ

тяжкаго пути «европейскаго» развитія. Реакціонеры видятъ въ общинѣ «оплотъ» противъ пролетаріата, соціализма и революціи. Демократы-соціалисты, наоборотъ, находятъ въ ней готовую почву для будущаго соціалистическаго строя,—почву, исключающую необходимость для Россіи переживать капиталистическую фазу.

Разсмотрѣнію процесса выработки этой общинной идеологіи какъ въ кругахъ охранителей, такъ и въ кругахъ демократически-соціалистическихъ—посвящена вторая часть нашей работы.

Вопросу объ аграрной политикѣ при обсужденіи условій освобожденія крестьянъ въ Крестьянской Реформѣ правительство и дворянство придавало огромное значеніе. Въ сужденіяхъ по этому предмету рѣчь шла уже не объ «обновленіи» Европы, а о рѣшеніи прозаическихъ задачъ: о сохраненіи «доходовъ помѣщика», о способахъ взысканія съ крестьянина выкупного долга, о сохраненіи освобожденныхъ крестьянъ въ «повиновеніи».

Рѣшался трудный вопросъ,—какъ при грандіозной экспропріаціи крестьянства—во что отлилась Крестьянская Реформа—заставить крестьянина «платить и работать».

Судьба общины въ Крестьянской Реформѣ находилась всецѣло въ зависимости отъ того, какъ съ точки зрѣнія платежа выкупного долга будетъ признано болѣе правильнымъ продать землю крестьянамъ — цѣлымъ обществамъ или отдѣльнымъ дворамъ. Мѣстное дворянство въ своемъ большинствѣ высказалось въ томъ смыслѣ, что помимо старой общинно-мірской системы оно не видѣло иныхъ способовъ взять съ крестьянъ выкупной долгъ. Свободные государственные крестьяне, съ ихъ земельно-уравнительными порядками, давали живой примѣръ того, какъ «совмѣстить свободу съ обязательнымъ трудомъ». Эти хозяйственныя соображенія иногда прикрытыя фразами объ «исконности», объ оплотѣ противъ пролетаріата, а чаще всего вовсе ничѣмъ не прикрытыя, и рѣшили законодательную судьбу общины... Положеніе 1861 года—

эта крестьянская конституція дѣйствовавшая до революціи 1917 года — была построена по типу конституціи свободныхъ, государственныхъ крестьянъ. Это были вполнѣ надежныя «формы быта», такъ какъ сама конституція государственныхъ крестьянъ—Положеніе 1838 г.—была скопирована съ «быта» крѣпостныхъ крестьянъ. Положеніе 1861 г. сдѣлало общинно-мірской строй обязательнымъ не только для тѣхъ крестьянъ, которые знали этотъ строй въ крѣпостное время, но и для части тѣхъ, которые жили въ условіяхъ подворнаго владѣнія [1]).

Въ дворянской публицистикѣ послѣ освобожденія крестьянъ много говорилось о безпримѣрно благопріятныхъ условіяхъ, въ которыя Крестьянская Реформа поставила русскихъ крестьянъ, сравнительно съ другими странами.

Сами крестьяне на условія своего освобожденія, несмотря на то, что оно было произведено съ сохраненіемъ «исконныхъ» устоевъ, отвѣтили многочисленными бунтами, которые нерѣдко усмирялись вооруженной силой.

Бунты эти показывали, что крестьяне въ условіяхъ своего освобожденія нашли то, что находили и крестьяне «другихъ странъ» въ своемъ освобожденіи—отнятіе у крестьянъ принадлежавшихъ имъ земель.

Во время крестьянскихъ движеній 1861—62 гг. возникаетъ первый проектъ подавленія крестьянскихъ движеній путемъ выдѣленія изъ общины крѣпкихъ крестьянъ.

Выработкѣ правительствомъ и дворянствомъ условій освобожденія крестьянъ посвящена третья часть настоящей работы

Въ то время, когда у насъ впервые заговорили (послѣ 1848 г.) о томъ, что Россія можетъ въ своей исторіи не повторять «бѣдственной» капиталистической фазы, капитализмъ уже пролагалъ себѣ пути въ Россіи. Объ этомъ свидѣтельствовалъ ростъ оборотовъ внѣшней и внутренней торговли; развитіе, подъ

[1]) См. ниже пренія объ общинѣ въ Г. Совѣтѣ.

покровомъ покровительственныхъ пошлинъ, промышленности (въ особенности хлопчатобумажной); развитіе банковаго дѣла и т. д. Все это были элементы развивавшагося капитализма. Правда, рабочіе въ этой капиталистической промышленности были или отпущенные на оброкъ крѣпостные, или крѣпостные-кустари, работавшіе на фабрики или на скупщиковъ, но это не мѣшало имъ давать прибавочную стоимость и участвовать въ «накопленіи» капитала...

Крестьянская Реформа, съ ея выкупными свидѣтельствами, образованіемъ прочнаго рабочаго рынка изъ неполучившихъ земли дворовыхъ и изъ малоземельныхъ, явилась могучей основой для дальнѣйшаго развитія капитализма...

Условія нашего крестьянскаго «освобожденія» были тѣмъ «*первоначальнымъ* накопленіемъ капитала», которое во всѣхъ странахъ ускорило процессъ развитія капитализма и содѣйствовало гибели крѣпостническаго хозяйства.

Экономическая политика пореформенной Россіи, съ ея растущими протекціонизмомъ и усиленнымъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ, создала для русскаго капитализма условія, «достойныя великой страны», какъ писалъ Энгельсъ.

Русская демократическая публицистика встрѣтила эти первыя завоеванія капитализма въ «освобожденной» странѣ крайне скептически. Нашъ капитализмъ былъ объявленъ нежизнеспособнымъ, во-первыхъ, потому, что онъ «искусственный», такъ какъ выращивается государственной властью,—какъ будто можно было указать страну, гдѣ бы капитализмъ не поднимался на дрожжахъ государственнаго покровительства,—во вторыхъ, нашему капитализму «не на кого» будетъ работать, ибо всѣ рынки уже заняты «передовыми» государствами. Дальнѣйшая исторія показала, что и для удовлетворенія русскаго рынка нашему капитализму «работы» было болѣе, чѣмъ достаточно. Что же касается внѣшнихъ рынковъ, то опытъ мірового капитализма прочно утвердилъ положеніе: была бы промышленность, а рынки для ея продуктовъ капиталъ найдетъ.

Вторая половина 19 ст. дала примѣры захвата рынковъ,—казавшихся навсегда монополизированными Англіей,—американскими и германскими товарами. Доказывая несостоятельность теоріи мертворожденности русскаго капитализма, Плехановъ въ 1884 г. высказалъ, между прочимъ, соображеніе, сохраняющее всю силу въ наши дни. «Если русскіе бланкисты захватятъ власть еще при жизни Бисмарка, писалъ Плехановъ, то желѣзный канцлеръ не откажется, вѣроятно, открыть имъ тайну своей торговой политики и убѣдить нашихъ журналистовъ, что «громадные рынки не растутъ и никогда не росли на деревьяхъ» [1]). Если замѣнить «желѣзнаго» канцлера «желѣзнымъ» фельдмаршаломъ, то цитату эту всякій русскій гражданинъ, интересующійся «судьбами» нашего общественнаго развитія, можетъ и теперь продумать не безъ пользы для себя.

Наблюдая процессъ развитія русскаго капитализма, К. Марксъ въ 1877 году пришелъ къ выводу, что «если Россія будетъ продолжать итти по тому же пути, по которому она шла съ 1861 года, то она лишится самаго прекраснаго случая, какой когда-либо предоставляла исторія какому-либо народу для избѣжанія всѣхъ злоключеній капиталистическаго строя» [2]).

Россія «продолжала итти по тому же пути» и жалобы на расшатываніе «устоевъ» увеличивались какъ въ кругахъ соціалистовъ, такъ и въ кругахъ дворянства.

Особенное безпокойство возбуждало разрушеніе общины. «Боюсь, что это учрежденіе уже осуждено на гибель», писалъ въ октябрѣ 1893 года Ф. Энгельсъ, въ отвѣтъ на тревогу по этому поводу Н.—она.

О крушеніи «устоевъ», и особенно общины, къ русскому правительству неслись вопли со всѣхъ сторонъ. Съ 80-хъ го-

---

[1]) Наши разногласія. Стран. 107. Изъ области работъ, посвященныхъ ликвидаціи теоріи нашего самобытнаго развитія, блестящая работа Г. В. Плеханова „Наши разногласія“ осталась непревзойденной. Главы о „бланкизмѣ“ написаны какъ будто для нашего „текущаго момента“.

[2]) Изъ письма К. Маркса на статью Н. К. Михайловскаго: „Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго“. Отеч. Записки 1877 года.

довъ государственная власть энергично принялась за подкрѣпленіе этихъ «устоевъ», которые «разрушались» не въ малой степени отъ той экономической политики, которую вела сама же государственная власть.

«Устоями», на которыхъ опиралась власть пореформеннаго дворянства, являлись: принудительная семья, принудительная община, круговая порука, власть «міра». Само крестьянство «держалось» не на этихъ «правовыхъ» устояхъ, а на своемъ надѣлѣ, при которомъ мѣстами «куренка нельзя было выпустить»; на домашней промышленности; на кустарныхъ промыслахъ, на арендѣ земли и на «отходѣ». Это и были матеріальные «устои», на которые опирался крестьянскій бытъ... Ростъ населенія; почти поголовная безграмотность деревни; примитивность земледѣльческой техники, при ростущихъ налогахъ и всеобщей воинской повинности,—дѣлалъ надѣльный фондъ все болѣе недостаточнымъ для удовлетворенія пищевыхъ и податныхъ потребностей крестьянина; «фабрика» систематически убивала домашнюю промышленность; аренда земли у помѣщиковъ дѣлалась все болѣе дорогой и часто не «оправдывающей» труда; кустарные промыслы, развитые далеко не повсемѣстно, частью вымирали подъ напоромъ «фабрики», частью подпадали подъ власть капитала; отходъ развивался, но «капиталистическіе» земледѣліе, промышленность, транспортъ и торговля не поспѣвали поглощать отхожее населеніе и давать ему сносный заработокъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій деревня или просто «уравнительно» нищала, или разслаивалась, выдѣляя «настоящій» пролетаріатъ и «настоящую» буржуазію.

Крушеніе матеріальныхъ устоевъ деревенской жизни было причиной «паденія нравовъ»; растущаго недовольства крестьянъ; распада большой семьи, члены которой предпочитали промышлять себѣ хлѣбъ «розно»; банкротства круговой поруки, распаденія общины.

Степень разрушенія пореформеннымъ „капитализмомъ“ общины обычно преувеличивалась, благодаря тому, что передѣльная

община была предписана большинству крестьянъ, какъ обязательная для нихъ «форма быта», Положеніемъ 1861 г.

Во время Кр. Реформы сами крестьяне не были опрошены о наиболѣе пріемлемой для нихъ формѣ землепользованія. Если бы крестьянъ объ этомъ спросить, то, какъ „реалисты", они навѣрно отвѣтили бы, что для нихъ важна прежде всего не „форма", а „содержаніе"; имъ важно, чтобы земли у нихъ было достаточно для жизни и чтобы платежи за землю были не чрезмѣрны; а лучше—чтобы платежей вовсе никакихъ не было и чтобы земля вся перешла къ нимъ „даромъ", потому, что „земля наша".

Что же касается „формы землевладѣнія", то, сказали-бы они, это вопросъ мѣста и времени: одна форма хороша въ одномъ мѣстѣ, другая—въ другомъ.

Такъ, по существу, крестьяне, въ своей массѣ, и говорили въ движеніяхъ 1861—62 г., 1902 г., 1905—06 г.; и въ 1917 году.

О томъ, что крестьяне не особенно привязаны къ своей исконной «формѣ быта», дворянство хорошо знало, и опасеніями, что предоставленные самимъ себѣ крестьяне разбѣгутся изъ общины полны были разсужденія объ общинѣ и въ дворянскихъ комитетахъ, и въ Ред. Комиссіяхъ во время Крестьянской Реформы [1]). Къ земельнымъ передѣламъ дѣятели Кр. Реформы, въ сущности, были очень равнодушны, считая ихъ второстепеннымъ явленіемъ въ общинномъ быту и даже существеннымъ „неудобствомъ" этого быта. Въ общинѣ они цѣнили не передѣлы, а круговую поруку за выкупные платежи. Въ виду этого почти вся крестьянская Россія и купила („получила") надѣлы на общинномъ правѣ. Но если бы во время Кр. Реформы общественный выкупъ надѣловъ былъ оставленъ только въ районахъ „живой" и въ крѣпостное время, общины, то область общиннаго землевладѣнія на картѣ Европейской Россіи была бы значительно сокращена. Огульно проведенный общин-

[1]) См. ниже. Пренія объ Общинѣ въ Ред. Комиссіяхъ.

ный выкупъ повелъ къ тому, что во множествѣ обществъ послѣ освобожденія никогда передѣловъ не производилось, потому, что тамъ они умерли еще въ крѣпостное время. „Открытіе“, при изслѣдованіяхъ, такихъ безпередѣльныхъ общинъ объяснялось часто тѣмъ, что «общинный духъ» былъ убитъ проникшимъ въ деревню вмѣстѣ съ пореформеннымъ „капиталомъ“— индивидуализмомомъ. Статистически это, несомнѣнно. увеличивало число «жертвъ» неповиннаго въ этомъ пореформеннаго капитализма.

Наблюденія надъ пореформенной общиной показываютъ, что, съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ, община даже начала „оживать“, ибо новая „власть“, согласно традиціонной любви дворянскихъ массъ къ общинѣ считала насажденіе передѣловъ своей миссіей [1]).

Законодательной борьбѣ съ разрушеніемъ «устоевъ» посвящена четвертая часть нашей работы.

Не прошло и десяти лѣтъ съ того момента, какъ правительство и дворянство окончательно прикрѣпили крестьянина къ общинѣ, забивъ, какъ говорилъ Витте, послѣднюю «лазейку», чрезъ которую мужикъ вылѣзалъ изъ общины, какъ крестьяне нарушили снова покой правительства и дворянства.

Начавшіеся крестьянскіе «безпорядки» въ южныхъ губерніяхъ, вскорѣ подавленные, черезъ два года повторились въ видѣ революціи 1905 г. Вновь ставится на очередь пересмотръ аграрно-крестьянской политики... И опять въ сужденіяхъ о землѣ правительства и дворянства «форма» преобладаетъ надъ «содержаніемъ». Революція 1905—06 г., казалось, до очевидности вскрыла основныя язвы крестьянской жизни, она показала, что крестьянскій вопросъ нельзя сводить къ вопросу объ общинѣ или о частной собственности на надѣльную землю, что это есть коренной вопросъ и экономической, и политической «конституціи» Россіи... Но правительство, вмѣстѣ съ дворянствомъ,

---

[1]) См. объ этомъ пренія объ общинѣ въ О. Совѣщаніи и въ Г. Совѣтѣ.

къ которому теперь присоединилась и крупная промышленно-торговая буржуазія, признало общину причиной всѣхъ россійскихъ бѣдствій: отъ общины и неурожаи, и «буйный» пролетаріатъ, и «паденіе нравовъ», отъ нея же идетъ и крестьянскій соціализмъ. Всѣ общиннофильствующіе дворянскіе и бюрократическіе Савлы превратились въ общиноборствующихъ Павловъ! И та самая община, которая еще такъ недавно признавалась «палладіумомъ русскаго народа», теперь была объявлена величайшимъ бѣдствіемъ русскаго народа. Общину принялись разрушать съ такой же административной страстью, съ какой ее нѣкогда насаждали. Но удары, наносимые общинѣ были поистинѣ ударами не по коню, а по оглоблѣ. Крестьянство использовало право выхода изъ общины, поскольку это диктовалось его ближайшими интересами. Но за „формой" оно не забыло „содержанія". Въ революцію 1917 г. оно опять, поставило вопросъ о передачѣ земли трудящимся на ней крестьянамъ.

Исторіей Указа 9 ноября заканчивается наша работа.

Эпохамъ революціоннаго подъема всегда свойственны двѣ характерныя особенности. Это во-первыхъ, широко распространенная вѣра въ возможность осуществить «программу максимумъ» въ то время, когда жизнь едва подготовила почву для осуществленія «программъ-минимумъ» и во-вторыхъ—оживленіе свойственныхъ каждому народу національно-мессіанскихъ идей.

У насъ въ Россіи эти двѣ черты ярко выражены были въ движеніяхъ 60-хъ—70-хъ годовъ; въ революцію 1905—06 гг.

Базой для возможности осуществленія задачъ максимумъ—соціалистическій строй!—въ построеніяхъ русской демократіи всегда являлось уравнительное (общинное) землепользованіе.

Эта же община дастъ возможность Россіи и осуществить ея міровую миссію—«обновить» гнилой Западъ и «зажечь» тамъ пламя соціалистическаго пожара.

Обѣ эти идеи—о соціалистичности нашего земельнаго уклада, какъ готовомъ основаніи для соціализма и о нашей славянской миссіи—«толкнуть» впередъ, косный и заблуждающійся Западъ усиленно реставрируются въ революцію 1917 г. [1]).

Если наша работа, посвященная выясненію экономической и политической природы нашего *уравнительнаго* землевладѣнія, поможетъ разобраться въ вопросахъ о томъ, каковы дѣйствительные шансы уравнительнаго землепользованія (уже испробованнаго Россіей) въ дальнѣйшемъ развитіи нашей исторіи, каковы дѣйствительные шансы на осуществленіе въ современной Россіи «задачъ-максимумъ»—соціалистическаго строя—и въ чемъ должна заключаться прогрессивная экономическая программа революціонной Россіи [2]), то авторъ будетъ считать свой трудъ не потеряннымъ.

Январь 1918 г.

---

[1]) Безспорно, революція въ одной странѣ не остается безъ вліянія для сосѣднихъ странъ. Напримѣръ, Россія и Австрія въ 1905-1906 гг. Но это вліяніе далеко не всегда носитъ характеръ „зажиганія пожара“. Съ другой стороны, и зажженный „пожаръ“ въ разныхъ странахъ даетъ разные эффекты. Въ 1848 г. почти вся Европа была охвачена революціоннымъ пожаромъ. Но въ результатѣ этого пожара каждая страна получила ту конституцію, которую она „заслужила“ за „успѣхи“ въ своемъ экономическомъ развитіи. Такъ будетъ и съ революціей 1917 г.

[2]) Что будетъ представлять изъ себя Россія, какъ географическое и политическое понятія послѣ заключенія мира—сказать сейчасъ невозможно. Но уже теперь ясно, что Россія послѣ войны будетъ продолжать свое экономическое, а слѣдовательно, и соціальное, развитіе въ условіяхъ крайне тяжелыхъ.

Міръ и община у русскихъ крестьянъ при крѣпостномъ строѣ.

I.

Въ эпоху крѣпостного права въ Россіи помѣстное дворянство было единственно политически и экономически господствующимъ классомъ. Высшіе административные посты въ центрѣ и въ провинціи занимали дворяне-помѣщики, частное землевладѣніе Россіи было почти исключительно дворянскимъ. Наканунѣ крестьянской реформы 1861 года дворянству на правахъ собственности принадлежала болѣе $^1/_4$ территоріи Европейской Россіи и одна треть населенія Россійской Имперіи. Обладаніе громадной массой населенія страны на правахъ собственности превращало помѣщиковъ въ органы государственной власти. Государство было освобождено отъ управленія милліонами крѣпостныхъ крестьянъ, предоставивъ это ихъ собственникамъ. Законъ и обычай въ лицѣ помѣщиковъ сливали воедино функціи предпринимателя и функціи агента государственной власти. Помѣщики, охраняя въ своихъ интересахъ порядокъ у себя въ имѣніяхъ, охраняли его въ цѣломъ государствѣ.

Владѣльцы крѣпостныхъ душъ выполняли полицейскія функціи для государства даже тогда, когда они вели свое собственное хозяйство, не занимая офиціальныхъ полицейскихъ и административныхъ должностей — земскихъ комиссаровъ, окружныхъ и иныхъ начальниковъ.

Сами помѣщики крѣпостной эпохи смотрѣли на себя, какъ на главную полицейскую силу, безъ которой государство не могло обойтись, такъ какъ крестьяне безъ нихъ не стали бы ни работать, ни платить подати [1]).

---

[1]) Журналы Главнаго и Секретнаго Комитетовъ по Крестьянскому Дѣлу. Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, II, Пг. 1915 г.

Дворянская литература съ 18 столѣтія называла помѣщиковъ лучшей полиціей и самыми надежными «полицеймейстерами».

Массонъ Лопухинъ утверждалъ, что Русскій народъ «требуетъ обузданія». Это обузданіе, по его мнѣнію, наилучшимъ образомъ производилось помѣщиками, такъ какъ нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Въ его глазахъ «ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ для Россіи было бы опаснѣе нашествія непріятельскаго» [1]).

Въ 1814 году массонъ Поздѣевъ говорилъ о помѣщикахъ, какъ о «полицеймейстерахъ, разсѣянныхъ по всему пространству государства», безъ которыхъ было бы невозможно въ государствѣ «поддерживать спокойствіе и повиновеніе правительству» [2]).

Когда въ 1848 году по Европѣ пронесся ураганъ революціи, императоръ Николай I напомнилъ въ своей рѣчи дворянству, какую важную роль оно играло въ системѣ силъ, сохраняющихъ и поддерживающихъ государственный строй крѣпостной Россіи: «у меня нѣтъ полиціи—говорилъ онъ депутатамъ Петербургскаго дворянства,—вы моя полиція и каждый изъ васъ мой управляющій».

Въ запискѣ, поданной въ 1849 году Николаю I, Смоленскій губернскій предводитель дворянства Друцкой-Соколинскій доказывалъ, что власть помѣщиковъ облегчаетъ государственной власти управленіе Россіей.

«Въ нашемъ обширномъ отечествѣ болѣе десяти милліоновъ народонаселенія управляется своими помѣщиками. Правительство не имѣетъ съ ними никакихъ прямыхъ отношеній. Помѣщики стоятъ лицомъ къ государству и отвѣтствуютъ ему за цѣлость милліоновъ народовъ. Въ лицѣ ихъ заключается власть и административная, и полицейская, и судебная. Исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей помѣщиками, соединенное съ отвѣтственностью и ручательствомъ ихъ имуществъ, не стоитъ ничего ни правительству, ни народу» [3]).

---

[1]) Записка Лопухина. Чтеніе въ И. О. Исторіи древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1860. Книга III.

[2]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, стр. 362.

[3]) Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время.

Князь Гагаринъ въ Главномъ Комитетѣ по Крестьянскому Дѣлу въ 1860 г. говорилъ: «103.000 помѣщиковъ дурно-ли, хорошо-ли управляли, безъ особаго за то вознагражденія, 22.000.000 населеніемъ» [1]).

Дворянство являлось «полиціей» не только къ своимъ крѣпостнымъ, но и по отношенію къ русскому крестьянству вообще. Заботы о томъ, чтобы въ среду ихъ крѣпостныхъ не проникли «воровскіе» люди и бунтовскія идеи, заставляли помѣщиковъ слѣдить и за своими крестьянами, и за всѣмъ остальнымъ населеніемъ Россіи.

«Присутствіе помѣщиковъ среди народа необходимо у насъ для спокойствія государства и для успѣховъ народнаго благосостоянія, такъ какъ дворянство оказываетъ полезное вліяніе не только на помѣщиковъ, но и на свободныхъ крестьянъ, и даже на другія сословія», писалъ крѣпостникъ-сенаторъ Шиповъ въ концѣ сороковыхъ годовъ 19 столѣтія.

Сознавая свои «государственныя» функціи, даже неслужилое дворянство считало себя «наслѣдственными чиновниками». Въ «Земледѣльческомъ Журналѣ» за 1821 годъ давалось такое опредѣленіе понятія «помѣщикъ»: «помѣщикъ это наслѣдственный чиновникъ, которому верховная власть, давъ землю для населенія, ввѣрила черезъ то и попеченіе о людяхъ населенныхъ».

«Помѣщикъ это природный покровитель сихъ людей, мѣстный ихъ судья, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ въ благомъ, наблюдатель за благоустройствомъ и правилами» [2]).

Отсюда вытекало, что всякій протестъ крестьянъ противъ помѣщика законъ считалъ «бунтомъ» противъ государственной власти.

«Помѣщикъ возведенъ на степень власти, правительствомъ установленной: онъ судитъ, рядитъ и наказываетъ; сверхъ того, въ качествѣ же помѣщика, онъ выгоняетъ своихъ крестьянъ на свои поля, сажаетъ своего крѣпостного кучера на козлы своей кареты, заставляетъ своего камердинера чистить свои сапоги. При этихъ отношеніяхъ, есть ли какая-нибудь воз-

---

[1]) Журналы Секретнаго и Главнаго Комитетовъ по Крестьянскому Дѣлу. Пг. 1915 г., т. II, стр. 40.

[2]) Самаринъ. Сочиненія. Т. II, стр. 30.

можность разобрать, въ какихъ случаяхъ ослушаніе противъ помѣщика, или оскорбленіе ему нанесенное, относятся къ его личности, въ какихъ случаяхъ оно восходитъ до представителя правительствомъ установленной власти», писалъ Самаринъ въ 1856 году.

Государство могло сдерживать милліонныя массы крѣпостныхъ въ повиновеніи и подавлять ихъ движеніе противъ помѣщичьяго гнета, только при условіи надѣленія помѣщиковъ неограниченной властью надъ крѣпостными, при организаціи вотчиннаго управленія на началахъ неограниченнаго «самодержавія».

«Въ обширной самодержавной имперіи», писалъ одинъ дворянскій публицистъ начала 19 вѣка, «всѣ малыя владѣнія, составляющія части, должны имѣть монархическое правленіе. Не на сей ли власти малыхъ монарховъ непоколебимо покоится дѣятельное могущество и слава Россіи»?

Въ глазахъ защитниковъ крѣпостного государства самой раціональной системой государственнаго управленія являлось делегированіе Россійскимъ самодержавнымъ монархомъ—отдѣльнымъ помѣщикамъ, какъ «малымъ монархамъ», неограниченныхъ правъ надъ населеніемъ.

Крѣпостническое государство считало себя гарантированнымъ отъ всякихъ внутреннихъ потрясеній, только при расчлененіи его на рядъ «малыхъ монархій».

Вся Имперія держалась на власти этихъ «малыхъ монарховъ»; а власть самихъ «малыхъ монарховъ» держалась на крестьянскихъ «мірахъ». Съ 40-хъ годовъ 19 столѣтія отъ славянофиловъ идетъ до сего времени еще не окончательно потерявшее силу парадоксальное утвержденіе, что составлявшіе основу малыхъ монархій «крестьянскіе міры» представляли изъ себя не простые органы крѣпостническаго управленія крестьянами, а какіе-то своеобразныя крестьянскія республики.

Наканунѣ Крестьянской Реформы въ 1859 году К. С. Аксаковъ далъ классическое выраженіе этому парадоксу.

«Помѣщичья власть, писалъ К. С. Аксаковъ, въ нѣкоторой части имѣній барщинскихъ и въ имѣніяхъ чисто оброчныхъ вообще, служила для крестьянъ какъ бы стекляннымъ колпакомъ, избавлявшимъ ихъ отъ государственной регламентаціи отъ наружнаго административнаго благоустройства. Подъ защитою этихъ стеклянныхъ колпаковъ жила жизнь нашего на

рода во всей самобытности своихъ началъ. Здѣсь-то (въ оброчныхъ имѣніяхъ Ярославской и Вологодской губерній, наприм.), является «міръ»... самъ себя установляющій, самъ себя опредѣляющій съ своимъ единогласіемъ и съ своею окончательною «верховностью».

Въ этой формулѣ «мірской» строй, «съ своей, окончательной верховностью» оказывался не только не враждебнымъ самодержавной власти помѣщиковъ, наоборотъ, самъ помѣщикъ охранялъ этотъ строй отъ покушеній на него государственной власти.

Изучившій вотчинную жизнь XVII столѣтія Забѣлинъ даетъ иную характеристику взаимнаго отношенія «міра» и помѣщичьей власти въ вотчинахъ 17 столѣтія, онъ признаетъ «міръ» органической частью помѣщичьяго управленія.

«Вообще, въ помѣщичьемъ быту деревенскій міръ являлся силою, хотя и безправною предъ самовластьемъ вотчинника или его приказчика, но безъ которой, все-таки, по понятіямъ старины, немыслимо было устройство вотчинныхъ дѣлъ и вотчиннаго управленія», писалъ Забѣлинъ, о вотчинныхъ хозяйствахъ 17 столѣтія [1]).

Но черезъ связанныхъ круговой порукой въ «міры» крестьянъ управляли и другіе вотчинники—церковь, дворцовое вѣдомство и казна.

Вопросъ объ «устояхъ», на которыхъ держалась крѣпостная Россія, такимъ образомъ, приводитъ къ изученію крестьянскаго «міра».

Что представлялъ изъ себя «крестьянскій міръ»? — Каковы были его функціи въ крѣпостную эпоху у свободныхъ и несвободныхъ крестьянъ разныхъ разрядовъ?

---

[1]) Забѣлинъ. Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ. Вѣстникъ Европы, 1871 годъ.

II.

Міръ и община у крѣпостныхъ крестьянъ.

Изъ оставшихся отъ крѣпостной эпохи помѣщичьихъ «наказовъ»; «инструкцій»; «наставленій управителямъ и дворецкимъ»; «приказовъ», посылаемыхъ помѣщиками въ свои вотчины и т. д., видно, что управленіе крѣпостными при помощи «міра», т. е., сходовъ крестьянъ, во главѣ съ назначаемой или выборной администраціей, было обычнымъ явленіемъ въ крупныхъ вотчинахъ.

Впрочемъ, и въ крупныхъ вотчинахъ «мірское» управленіе практиковалось только у крестьянъ, ведшихъ земледѣльческое хозяйство. Всѣ другія категоріи крѣпостныхъ—дворовые, приписанные къ фабрикамъ, мѣсячники, т. е., всѣ крѣпостные, лишенные запашки—не имѣли мірской организаціи и управлялись только вотчинными конторами. Но бывали и исключенія, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ вотчинахъ дѣла дворовыхъ передавались на судъ «міра».

Функціи крестьянскаго «міра» въ управленіи крѣпостными и его роль въ извлеченіи изъ крестьянъ прибавочнаго труда лучше всего можно выяснить на конкретномъ примѣрѣ. Въ наиболѣе чистомъ видѣ по вышецитированному заявленію И. С. Аксакова «крестьянскій міръ» проявлялъ себя въ губерніяхъ сѣверо-востока Россіи и, въ особенности, въ оброчныхъ имѣніяхъ.

Изъ документовъ крѣпостного времени, относящихся къ этому району, богатый матеріалъ содержитъ переписка В. С. Суворова (отца знаменитаго полководца) съ его крѣпостными.

Суворовъ въ 1766 году купилъ имѣніе въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, т. е. въ томъ районѣ, гдѣ, по утвержденію славянофиловъ, помѣщичья власть сберегла для Россіи «самобытныя начала крестьянскаго строя».

Переписка Суворова съ крѣпостными тянулась 28 лѣтъ, съ 1766 по 1794 годъ [1]), т. е. захватила почти все царствованіе Екатерины II.

[1]) Послѣ смерти В. А. Суворова крѣпостные вели переписку съ его женой.

Покупка имѣнія для Суворова была затратой денегъ, съ цѣлью извлеченія изъ него доходовъ. Доходъ отъ имѣнія Суворовъ не проживалъ, а раздавалъ въ ростъ лицамъ «надежнымъ въ процентахъ, подъ вексель съ поруками». Оброкъ Суворовъ положилъ на крестьянъ (въ 1780 г. у него числилось 700 душъ) денежный—1.000 руб. и натуральный, въ видѣ разныхъ столовыхъ и другихъ «запасовъ»: дичь, рыба, грибы, ягоды, масло, сукно, нитки, холстъ и т. д. Размѣръ оброка былъ опредѣленъ въ зависимости отъ доходности двухъ главныхъ источниковъ существованія у крестьянъ этой мѣстности—земледѣлія и лѣсныхъ промысловъ. Въ этомъ районѣ особенно былъ развитъ рогожный промыселъ.

Суворовъ жилъ въ Москвѣ и въ своей вотчинѣ не показывался. Въ первыхъ письмахъ къ крестьянамъ и администраціи (или, какъ они назывались, «приказахъ»), Суворовъ изложилъ свою административную и хозяйственную программу.

Способъ управленія купленной вотчиной Суворовъ оставилъ прежнимъ и свой первый «приказъ» адресовалъ старымъ деревенскимъ властямъ: «бурмистру, старостѣ, выборному, а также и всѣмъ крестьянамъ».

«Какъ нынѣ я вас отъ бывшаго господина вашего Ивана Яковлевича Барша купилъ и крѣпость въ томъ получилъ, то вамъ быть послушнымъ всѣмъ моимъ повелѣніямъ и посылаемымъ отъ меня людямъ для управленія и утвержденія моихъ дѣлъ».

Въ началѣ Суворовъ приказывалъ производить выборы должностныхъ лицъ каждый годъ.

«Для вашей лучшей пользы выбрать вамъ для исправленія всѣхъ дѣлъ и смотрѣть за крестьянами, старосту, выборнаго и бурмистра ежегодно сначала года».

Впослѣдствіи Суворову показалась неудобной эта система ежегодныхъ выборовъ, и онъ началъ удлинять сроки выборовъ, а затѣмъ уничтожилъ выборный порядокъ и сталъ самъ назначать должностныхъ лицъ [1]).

Изъ переписки видно, что кандидатами на всѣ административныя должности и при выборахъ, и при назначеніи ихъ, выступали всегда члены однѣхъ и тѣхъ же богатыхъ семей. Эти богатыя семьи вели все время жестокую борьбу за мірскіе

[1]) См. письма 1778, 1780, 1783 гг. Изъ переписки помѣщика съ крестьянами. Кузнецовъ. Изд. Владимир. Архивн. Ком. 1904 г. Г. Владимиръ.

посты и старательно вербовали себѣ сторонниковъ въ деревнѣ. Получившая, по выбору или по назначенію, «мірскую власть», семья направляла эту власть прежде всего противъ своихъ конкурентовъ.

«По приказу Вашего Превосходительства, бурмистръ Ермолай Даниловъ отъ мірскихъ дѣлъ отставленъ и по приказу вашему наказанъ, чтобы «другимъ было на страхъ»,—писалъ прикащикъ Никита Ларіоновъ «съ товарищи и мірскими людьми».

Изъ дальнѣйшихъ писемъ обнаруживается, что два года спустя этотъ прикащикъ Никита Ларіоновъ былъ уже отрѣшенъ отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ, а бурмистромъ былъ избранъ ранѣе наказанный «міромъ» Ермолай Даниловъ.

«При семъ Вамъ, Государынѣ, объявляемъ, выбрали бурмистра съ согласія мірского, изъ всякаго дома было по человѣку и приговорили... Ермолая Данилова, что оной Даниловъ намъ мірскимъ людямъ бурмистромъ быть угоденъ, господскія и всякія мірскія дѣла править можетъ. По приказу васъ милостивыя Государыня и повелѣно прикащика Никиту Ларіонова отъ мірскихъ дѣлъ отрѣшить и на всякіе мірскіе совѣты не призывать».

Богатые дворы [1]) добивались мірскихъ должностей, потому, что мірская власть давала ея обладателямъ возможность безнаказанно эксплоатировать своихъ односельчанъ.

Во главѣ вотчинно-мірской администраціи обычно ставилось особое довѣренное лицо, которое посылалось «для лучшаго надзиранія и собранія оброку».

Въ составъ вотчинно-мірской организаціи Суворовъ приказалъ ввести и мѣстнаго священника: «брать его въ совѣтъ и во всемъ слушать».

«Крестьянину Ермолаю Данилову приказываю быть старостой и имѣть разбирательство и смотрѣніе во всемъ вмѣстѣ съ бурмистромъ и со священникомъ».

«Священникъ пишетъ, что бурмистръ его не слушаетъ и совѣтовъ въ пользу крестьянъ не принимаетъ, то за непослушаніе жестоко будетъ наказанъ и впредь въ нуждахъ вашихъ съ нимъ совѣтовать, какъ къ лучшему и буде ему въ чемъ нужда, то дѣлайте ему вспоможеніе».

---

[1]) Въ вотчинѣ Суворова, напримѣръ, одинъ богатый крестьянинъ-крѣпостной, часто занимавшій мѣста въ вотчинно-мірской администраціи, получалъ по „разрѣшенію Суворова“ денежныя ссуды для своихъ дѣлъ изъ оброчныхъ суммъ.

Священникъ находился въ матеріальной зависимости отъ помѣщика, отъ котораго получалъ надѣлъ, и потому естественно «въ совѣтахъ» держалъ руку помѣщика.

«Священнику Степану Гаврилову землю оставить ту, которою онъ владѣлъ и прежде. А въ случаѣ, по усмотрѣнію его поручилъ я ему васъ за вины и наказывать и въ томъ вамъ во всемъ быть ему послушну и противности ему никакой не дѣлать».

Разные проступки и мелкія преступленія крестьянъ было приказано разбирать вотчинно-мірской администраціи вмѣстѣ со священникомъ. Болѣе важныя дѣла рѣшалъ самъ Суворовъ.

Случалось, что на священника возлагались и обязанности писаря.

«Писчикъ Титъ Тимофѣевъ за плутни былъ брошенъ, а священникъ Степанъ Гавриловъ обѣщалъ мнѣ то дѣло въ мірской избѣ исправлять, а вы его священника отогнали и стараго плута посадили».

Разбирательство крестьянскихъ проступковъ въ вотчинѣ Суворова совершалось крайне просто: въ мірской избѣ допрашивались свидѣтели и обвиняемые, обычно «съ пристрастіемъ» и затѣмъ приговоры тутъ же приводились въ исполненіе. Наиболѣе частымъ наказаніемъ за проступки было «сѣченіе».

Вотчинно-мірская администрація приводила въ исполненіе и личные, внѣсудебные приказы самого помѣщика о наказаніяхъ крестьянъ; она же «нещадно» сѣкла и недоимщиковъ при сборѣ оброка. Суворовъ требовалъ, чтобы оброкъ собирался аккуратно безнедоимочно и въ «положенный срокъ и безъ всякихъ отговорокъ».

«А собирать оброкъ съ крестьянъ по 1.000 рублевъ наличныхъ денегъ, не включая никакихъ расходовъ, а на расходы могутъ небольшое собирать межъ себя и чтобы мнѣ 1.000 рублевъ чистыя деньги доходило»,—приказывалъ Суворовъ.

Платить оброкъ крестьяне должны были съ тягла, при чемъ за всѣхъ «отсутствующихъ», почему-либо не оказавшихся въ вотчинахъ крестьянъ,—умершихъ, взятыхъ въ рекруты и т. д., какъ и за всѣхъ неимущихъ—міръ отвѣчалъ круговой порукой.

«За выбылыхъ имъ крестьянамъ платить міромъ»,—писалъ Суворовъ.

Недоимщиковъ, за которыхъ платилъ «міръ» или богатые крестьяне, Суворовъ разрѣшалъ администраціи сдавать въ работы до полной уплаты недоимокъ.

«А что неимущихъ пишете, што имѣются у васъ такіе и вездѣ есть и за тѣхъ платятъ состоятельные и тѣ могутъ на нихъ зарабатывать».

Въ заботахъ о правильномъ поступленіи оброка Суворовъ въ первый же годъ послѣ покупки вотчины предписалъ крестьянамъ *передѣлить* землю между дворами, по тягламъ.

«А присланъ къ вамъ будетъ въ скорости человѣкъ мой»,— писалъ Суворовъ бурмистру, старостѣ и всѣмъ крестьянамъ,— «который у васъ будетъ и жить, смотрѣть, чтобы васъ никто не обижалъ, и жили бы вы порядочно и хлѣба сѣяли, и пахали больше, землю бы передѣлили по тягламъ, съ чего и платить всякіе поборы».

Для того, чтобы новые тяглецы не оставались безъ земли, Суворовъ настойчиво приказывалъ администраціи смотрѣть за тѣмъ, чтобы крестьяне больше распахивали нови и всячески «множили пашню».

«Крестьянъ, какъ можно, къ пашнѣ принуждать, неимущимъ сдѣлать подмогу, взявъ взаймы у тѣхъ, кто имѣетъ и послѣ могутъ заплатить» наказывалъ Суворовъ «міру».

«Старайтесь умножить хлѣбопашество и лѣса какъ можно расчищать и другъ друга снабдевайте, неимущихъ лошадей старайтесь выправлять, чтобы каждый крестьянинъ пахалъ землю, а праздный ни одинъ бы не шатался», приказывалъ отъ имени Суворова его довѣренный.

Для того, чтобы поощрять крѣпостныхъ къ распашкѣ нови, Суворовъ разрѣшилъ вновь распаханныя земли въ *передѣлъ не пускать*, а оставлять за тѣми дворами, которые ее расчистили. Но если дворы оказывались не въ силахъ обработать всю ихъ землю, то у нихъ излишки можно было отбирать.

«Которые сами земли расчистили и распахали, то чтобы у нихъ столько оставить, сколько они могутъ засѣвать».

«Если кто самъ расчистилъ и пашетъ, у того не брать».

Впрочемъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ покупки вотчины Суворовъ призналъ болѣе выгоднымъ отмѣнить вовсе земельные передѣлы.

Изъ переписки не видно, чѣмъ было вызвано это распоряженіе. Расчищено ли было много новыхъ земель; несправедливостями ли, которыя чинились при передѣлахъ маломощнымъ дворамъ, или чѣмъ-либо инымъ—неизвѣстно.

Что при передѣлахъ интересы бѣдныхъ крестьянъ часто нарушались, на это имѣются прямыя указанія. Съ передѣленіемъ земель «бѣдныхъ конечно не обидѣть», приказывалъ Суворовъ вотчинно-мірской администраціи.

Приказъ Суворова о запрещеніи передѣловъ гласилъ такъ: „отнынѣ всѣмъ тѣмъ землямъ остаться за тѣми крестьянами, которые чѣмъ владѣютъ, чтобъ отнюдь впредь ссоръ не было".

Распоряженіе это «міръ» привелъ въ исполненіе и мірская администрація сообщала въ одномъ ихъ писемъ въ Москву, что передѣловъ у нихъ не производится, и что согласно приказамъ, не отбираются даже земли у тѣхъ дворовъ, которые захватили чужіе надѣлы, если только захватчики исправно платили за нихъ оброкъ.

«А въ приказахъ вашихъ доподлинно писано, чтобъ всякъ владѣлъ своею землею или кто хотя и завладѣлъ бы изъ-подъ крестьянъ землею, да окупаетъ, такъ тому и владѣть».

«Приказъ» о прекращеніи передѣловъ для богатыхъ захватчиковъ былъ выгоденъ, такъ какъ они теперь могли владѣть безъ помѣхи своими хорошо обработанными участками и позволялъ имъ, не боясь отобранія, скупать землю у маломощныхъ тяглецовъ. (Въ вотчинѣ Суворова крѣпостные свободно покупали, продавали и закладывали земельные участки).

Опасаясь обезземеленія слабосильныхъ крестьянъ, Суворовъ запретилъ продажу и залогъ надѣловъ.

«Пахотную землю, тоже и сѣнные покосы не продавать и не закладывать», писалъ довѣренный Суворова. Но продажа земельныхъ участковъ была разрѣшена тѣмъ дворамъ, у которыхъ много земли.

«О пожняхъ и о земляхъ кто хочетъ вновь расчищать и землю распахивать для своей прибыли, а ему она будетъ излишняя и остается пуста, то каковыхъ можно излишнюю продавать и закладывать, только съ обязательствомъ письменнымъ, а у кого пожни и земли и для себя съ нуждою, таковымъ запретить, и чтобъ не продавать и не закладывать».

Послѣ уничтоженія передѣловъ единственнымъ способомъ бороться съ малоземеліемъ у Суворова оставалось только *принудительное переселеніе*.

Вотчина Суворова состояла изъ большого села и нѣсколькихъ деревень и починковъ, разбросанныхъ на пространствѣ болѣе, чѣмъ на 20 верстъ.

И если въ какомъ-нибудь мѣстѣ ощущался сильный недостатокъ земли, то Суворовъ приказывалъ переселять малоземельные дворы на новыя мѣста. Въ случаѣ несогласія на «добровольныя» переселенія, Суворовъ предписывалъ дѣйствовать силой.

«Въ которыхъ деревняхъ утѣсненіе въ земляхъ, то изъ тѣхъ деревень поселять на новыя мѣста, о чемъ неоднократно отъ меня приказываемо было, но отговорку приносите, что крестьяне не слушаютъ, то таковыхъ вамъ наказывать нещадно, а которыхъ крестьянъ вы берете на поселеніе на новыя мѣста, а они будутъ съ непослушаніемъ, таковыхъ принуждать, но смотрѣть, чтобы и не разорять».

Однако, мѣръ, принимавшихся Суворовымъ для надѣленія всѣхъ крестьянъ землей было недостаточно, для того, чтобы въ корнѣ уничтожить недоимочность.

Каждый разъ при наступленіи срока платежа оброка оказывалось много недоимщиковъ и начиналось жесточайшее выколачиваніе оброка. «Нещаднымъ сѣченіемъ» недоимщиковъ вотчинно-мірская администрація старалась заставить бѣдняковъ платить свои доли полностью и тѣмъ избавить богатые дворы отъ платежа за бѣдныхъ.

Донесенія «міра» о сборѣ оброка обычно были полны жалобъ на «бѣдность» и «великую нужду». «Міръ павъ предъ честными ногами своихъ государя и государыни и кланяясь имъ до земли, жаловался, что онъ за великою нуждою и бѣдностью» оброка полностью доставить не могъ.

— «Еще объявляемъ вамъ, милостивому Государю, сбирали мы нынѣшняго ноября 27 сбору токмо отъ подушное съ великой нуждой, а и многихъ крестьянъ твоихъ Господскихъ сѣкли и били нещадно, а они захватывались въ займы, а и товаръ никакой нейдетъ, и на рогожу по сіе время покупки нѣтъ, мочальевъ мочить негдѣ, а и лѣсъ отведенъ въ иное намѣстничество, а иныхъ промысловъ нѣтъ никакихъ, какъ, Государь, поизволите».

— «За неурожаемъ прошлымъ лѣтомъ, писали крестьяне въ слѣдующемъ году, у многихъ вашихъ Государскихъ крестьянъ сѣять нечѣмъ, а оброкъ твой Государскій правили съ великой нуждой и многихъ твоихъ Государскихъ крестьянъ пристрастіемъ и принужденіемъ сѣкли и правили».

Черезъ три года крестьяне опять пишутъ: «о великой нуждѣ и сѣченіи» — «Многихъ вашихъ Государскихъ крестьянъ по

мірскому приговору сѣкли и съ нихъ по частямъ брали и не все же, потому что хлѣбомъ противъ прошедшихъ годовъ очень великая нужда».

Стремленіе поднять доходность имѣнія путемъ увеличенія числа плательщиковъ ставило задачу — объ умноженіи числа тяголъ. Суворовъ приказывалъ администраціи слѣдить за тѣмъ, чтобы ежегодно число брачныхъ паръ, образующихъ новыя тягла, — подготовлялось соотвѣтственно приросту работниковъ.

— «Холостыхъ ребятъ, которые въ 20 лѣтъ, стараться обженить, а особливо бобылей, чтобы холостыхъ не было и безъ домовъ, чтобы всѣ обселены и сдѣланы домами».

Разстраивавшіеся, благодаря смерти мужа или жены, тягла «міръ» обязанъ былъ немедленно возстановлять. Суворовъ настойчиво требовалъ, чтобы вдовцамъ «міръ» находилъ женъ, а вдовамъ — мужей.

— «Въ починкѣ Шабалкиномъ вдова Татьяна, неся болѣзни, не можетъ сама въ домѣ исправлять работы домашнія, а слышу домъ хорошій, то, чтобы не разорился, стараться сына ея обженить на вдовѣ или дѣвкѣ хорошей».

«Міръ» въ точности выполнялъ приказы своего господина.

— «По приказу Вашего Превосходительства дер. Огарковъ мальчикъ Михайло Аксеновъ 16 лѣтъ женатъ, о семъ Вамъ Государю объявляемъ».

Если родители противились принудительному браку дѣтей, то Суворовъ выступалъ самъ и смирялъ непокорныхъ.

— «Холостыхъ ребятъ стараться обженить, что вамъ неоднократно и прежде писано, по согласію отцовъ и матерей не изъ принужденія; однако, за упрямство отцы, матери и дѣти будутъ сюда взяты для наказанія».

— «Крестьянъ холостыхъ всѣхъ оженить, а которые еще дочерей своихъ добровольно отдавать не будутъ, тѣмъ такъ и ихъ дочерямъ пришли вѣдомость, съ показаніемъ дѣвкамъ лѣтъ не ниже 15, почему оныя взяты будутъ и отданы на фабрику или въ другія отдаленныя мѣста, а отъ отцовъ ихъ непремѣнно будутъ отлучены, и сколько будетъ свадебъ, о томъ пришли извѣстіе».

Однако, бывали случаи, что крѣпостные оказывали упорное сопротивленіе «міру», даже тогда, когда приходилъ «приказъ» господина.

Тогда міръ самъ просилъ господина смирить строптиваго. Однажды «міръ» писалъ Суворову о крестьянинѣ Михайлѣ, котораго «приказано въ милостивомъ приказѣ съ согласія мірскаго обженить по разсмотрѣнію»...

— «Въ ономъ совѣтовали всѣмъ міромъ и съ каждаго дому было по человѣку и сдѣлали невѣстамъ перепись и было въ переписи 26 дѣвокъ, изъ оныхъ выбрали міромъ всѣхъ равныхъ, какъ стойками, такъ и лѣтами—10 дѣвокъ. И по жеребью вышла у Василья Никифорова дочь его Евдокія 16 лѣтъ, ибо онаго крестьянина міромъ никакъ согласить не могли, явился оной крестьянинъ противъ Вашего Господскаго приказу и міру противенъ и силенъ, никакъ его, какъ присутствующіе, такъ и мірскіе люди уговорить честью не могли. Еще жъ просимъ васъ оному просителю Василью Никифорову ни въ чемъ не вѣрить и челобитной его, потому что онъ со всѣмъ міромъ тягается и васъ, Государыня, въ напрасныя затрудненія приводитъ и за оные непорядки извольте жестоко наказать».

Принудительные браки естественно приводили къ тому, что семейная жизнь крѣпостныхъ была далеко не всегда «согласной». Этотъ вопросъ интересовалъ администрацію вотчины, прежде всего, съ экономической стороны. «Несогласная жизнь» понижала работоспособность семьи, въ то время, какъ «согласная жизнь» являлась залогомъ дружной работы, содѣйствовала хозяйственной исправности тягла и сохраняла «домъ» отъ разоренія.

Когда однажды, въ вотчинѣ Суворова, мужъ довелъ жену побоями до самоубійства, Суворовъ приказалъ міру высѣчь не только мужа самоубійцы, но и бурмистра, и старосту за плохой надзоръ за крестьянами.

— «Въ присланной отпискѣ значится, что у крестьянина Дементья Сидорова жена его отъ несогласія и побоевъ самовольно удавилась, что при собраніи крестьянъ на страхъ прочимъ наказать его нещадно, о чемъ отъ меня неоднократно приказываемо было, чтобы бурмистръ со старостой смотрѣли за таковыми, и про котораго услышать, что съ женой живетъ непорядочно, а кольми паче и увѣчитъ безчеловѣчно, таковыхъ самихъ при собраніи крестьянъ сѣчь нещадно. И за того за недосмотрѣніе бурмистра и старосты высѣчь самихъ, чтобы они смотрѣли за крестьянами неленостно, до ссоръ, дракъ и всякаго безчинства другихъ не допускали».

Неисправимо жестокимъ мужьямъ Суворовъ грозилъ каторгой. «А буде кто и по наказанію не исправляется въ своихъ непорядкахъ, таковыхъ присылать ко мнѣ, а я пошлю въ Сибирь на каторгу».

Заботясь въ хозяйственныхъ расчетахъ о «согласной жизни» въ семьяхъ, Суворовъ не задумывался разлучать родителей съ дѣтьми, когда это ему было выгодно. Одними изъ источниковъ дохода у Суворова была подготовка изъ крѣпостныхъ всякаго рода прислуги. Суворовъ приказывалъ «міру» раздавать крѣпостную молодежь въ «хорошія руки» для выучки—при чемъ во время выучки приказывалось давать содержаніе изъ вотчины—«выдавать приличныя крестьянину держи».

Грамотные люди нужны были и въ вотчинѣ, и продавались они по болѣе дорогой цѣнѣ и потому въ приказахъ Суворова видна забота и о грамотѣ крестьянъ.

«Изъ деревень выбери хорошихъ молодыхъ ребятъ лѣтъ отъ 20 или отъ 25 проворныхъ и видныхъ человѣкъ 10 и пріучать ихъ въ лакеи, конюхи и для того попросить графа Ивана Ларіоновича, чтобы приказалъ у себя на конюшнѣ ихъ держать и обучать, какъ я и прежде писалъ. А въ лакеи также раздать куда-нибудь, чтобы пріобвыкли, хотя къ нѣмцамъ-купцамъ. А что надо будетъ на ихъ содержаніе, то изъ доходовъ моихъ брать. Тоже мальчиковъ велите учить грамотѣ и за то попу платить. Двѣ или три дѣвки небольшія и не старше 12 или 13 лѣтъ хорошенькія и проворныя выбери и попроси Аграфену Васильевну, чтобы у себя изволила подержать, чтобы пріобыкали, да и княжну Вѣру Кононовну попроси, чтобы одну взяла къ себѣ, а что слѣдуетъ на содержаніе, то сколько требуетъ дай. Если Романъ Ларіоновичъ въ Москвѣ, то попросить, чтобы приказалъ взять для пріобученія человѣка два или три къ себѣ въ домъ».

Прислугу и разныхъ спеціалистовъ—плотниковъ, кучеровъ, и т. д. Суворовъ часто требовалъ къ себѣ въ Москву,

«По приказу васъ Государыни посылаемъ два мальчика и двѣ дѣвочки. А выбирали, милостивая наша матушка, по приказанію вашему всѣмъ міромъ и выбирали, которыя по нашему разсмотрѣнію, позаправнѣе, поприроднѣе, какъ для васъ государыни онѣ поглянутся, какъ и мальчиковъ».

Прислуга, терявшая способность къ труду по болѣзни, старости, или просто оказавшаяся негодною или лишнею, отсылалась назадъ въ деревню.

«Крестьянинъ Елисей Агафоновъ посылается обратно, котораго отдать вамъ въ хорошій домъ, чтобъ онъ праздно не шатался и женить его».

«Вдова Матрена посылается же при семъ, а буде изъ бабъ молодая овдовѣетъ, то оную замужъ не отдавать, а съ попутчиками прислать ко мнѣ».

Случалось, что Суворовъ присылалъ въ вотчину новыхъ поселенцевъ и приказывалъ сажать ихъ въ тягло. Получивъ такой приказъ, міръ обязанъ былъ найти землю для новаго оброчнаго крѣпостного, принять его въ свою среду, какъ равноправнаго домохозяина.

Отвѣтственная роль выпадала на долю міра при сдачѣ крѣпостныхъ въ рекруты. Суворовъ приказывалъ міру и мірской администраціи наблюдать, чтобы въ рекруты сдавались крестьяне изъ слабыхъ и малотяглыхъ семей, а не изъ сильныхъ, зажиточныхъ семей, хозяйство которыхъ могло пострадать отъ потери работника.

«Если будетъ наборъ рекрутскій, то отдавать изъ подозрительныхъ и худого подозрѣнія крестьянъ, а если таковыхъ нѣтъ, то въ такомъ случаѣ малотяглыхъ по жребію, какъ въ томъ у васъ обыкновеніе бываетъ», писалъ довѣренный Суворова.

— «Хорошихъ домовъ береги и отъ нихъ въ рекруты не давай».

— «Подтверждается вамъ накрѣпко, дабы женатыхъ домовыхъ и одинокихъ въ рекруты не отдавать и тѣмъ домовъ не разорять, а отдавать отъ семейства неженатыхъ или шатающихся лѣнивцевъ, неспособныхъ къ работамъ, и то дѣлать не однимъ старостамъ и выборнымъ, но съ общаго согласія мірского».

Для того же чтобы сохранить крѣпкія хозяйства, Суворовъ разрѣшалъ богатымъ крестьянамъ откупаться отъ воинской повинности и ставить вмѣсто себя бѣдняковъ. При этомъ онъ выигрывалъ вдвойнѣ: онъ бралъ хорошій выкупъ съ богатаго двора и сохранялъ богатому двору работника. При такихъ покупкахъ рекрута міръ бралъ съ откупающагося еще нѣкоторую сумму и въ свою пользу.

— «Вамъ Государыня увѣдомляемъ, отъ покойнаго Государя нашего велѣно зачесть лапотника Фетиста Агафонова, который нынѣ зачтенъ за рекрутъ и положенъ за крестьянина

Василья Кондратьева . . . онъ положенъ въ 400 рублей и онъ Василій внесъ къ вамъ Государынѣ 300 рублей да въ міръ положилъ 50 рублей . . . какъ вы матушка изволите приказать».

Благодаря мірской организаціи Суворовъ не имѣлъ дѣла съ отдѣльными крѣпостными: между крѣпостнымъ и его господиномъ стоялъ «міръ» и вотчинно-мірская администрація.

Администрація разбирала всѣ дѣла крѣпостныхъ. Суворовъ не признавалъ никакихъ жалобъ на ея рѣшенія. Борьба съ міромъ отдѣльному крѣпостному была непосильна.

Когда крѣпостной жаловался на «міръ» и просилъ защиты, то для поддержанія дисциплины помѣщикъ отдавалъ челобитчика въ руки «міра».

— «Никита Ларіоновъ, прикащикъ, пишетъ о крестьянинѣ Петрѣ Елисеевѣ что онъ изъ деревни бѣжалъ ко мнѣ безъ бурмистрова вѣдома, то его за то наказать, чтобы впередъ другимъ не повадно было и безъ мірского вѣдома никого сюда не пускать, а если есть какая нужда міру отъ меня, то таковыхъ отпущать».

III.

Приведенныя отрывки изъ богатой бытовымъ матеріаломъ переписки Суворова позволяютъ возстановить строй одной изъ многочисленныхъ «малыхъ монархій», изъ которыхъ составлялась крѣпостная Россія.

Мы видимъ, что крѣпостная вотчина представляла изъ себя хозяйственное предпріятіе, все управленіе котораго было приспособлено къ возможно полной эксплуатаціи крѣпостныхъ. Главнымъ органомъ управленія крѣпостными являлся крестьянскій міръ, во главѣ съ администраціей, набиравшейся изъ богатыхъ крестьянскихъ дворовъ. Господство надъ міромъ богатыхъ приводило къ тому, что внутри вотчины имѣла мѣсто эксплоатація всѣхъ крестьянъ помѣщикомъ, а бѣдныхъ крестьянъ, какъ помѣщикомъ, такъ и державшими мірскую власть въ своихъ рукахъ богатыми крестьянами.

Вся хозяйственная и семейная жизнь крѣпостныхъ въ вотчинѣ находилась подъ неослабнымъ контролемъ міра, который отвѣчалъ передъ помѣщикомъ за каждаго домохозяина.

Приказы помѣщика попадали прежде всего въ руки вотчинно-мірской администраціи, которая объявляла и истолковывала міру волю помѣщика и подъ страхомъ тягчайшихъ наказаній, до ссылки въ каторгу включительно, должна была слѣдить за точнымъ исполненіемъ приказовъ господина — независимо отъ того, касались ли эти приказы земельныхъ или семейныхъ отношеній.

«Міръ», т. е. сходы домохозяевъ и вотчинная администрація— наряжали крестьянъ на помѣщичью работу, дѣлили землю, собирали для помѣщика оброкъ, судили и наказывали крестьянъ. Словомъ, вся крѣпостная вотчина держалась «міромъ».

Отношенія, сложившіяся въ Суворовской вотчинѣ, находившейся въ нечерноземной Россіи не представляли чего-либо исключительнаго. Управленіе крѣпостными посредствомъ «міра» наблюдалось во многихъ крупныхъ вотчинахъ не только нечерноземной оброчной, но и черноземной барщинной по преимуществу—Россіи. Какъ править вотчиной—съ «міромъ» или безъ «міра», какими правами надѣлять «міръ» все это конечно всецѣло зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика: въ однѣхъ вотчинахъ эти права были широки, въ другихъ — очень незначительны.

Одинъ депутатъ отъ Курской губерніи въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ по освобожденію крестьянъ сообщилъ, что въ его вотчинѣ хозяйство организовано было безъ всякаго участія міра. Крѣпостные его были сведены на положеніе арендаторовъ, снимающихъ землю или изъ доли урожая, или за отработки. При такомъ способѣ веденія хозяйства, очевидно, не было надобности въ такомъ сложномъ аппаратѣ, какъ мірское управленіе.

Тамъ, гдѣ было мірское управленіе объемъ правъ міра даже въ одной и той же общинѣ могъ измѣняться при смѣнахъ владѣльцевъ. Бывали случаи, что новые владѣльцы упраздняли мірскую организацію и начинали управлять вотчиной или сами, или черезъ свои конторы; бывали случаи введенія мірского управленія и тамъ гдѣ его не было. Мѣстами крестьяне совершенно отвыкали отъ мірского управленія и неохотно ходили на сходы, когда въ вотчинахъ переходили къ мірскому управленію.

Въ 1849 году славянофилъ Кошелевъ жаловался славянофилу Хомякову на равнодушіе купленныхъ имъ крестьянъ къ мірскимъ дѣламъ. Хомяковъ такъ объяснилъ Кошелеву это явленіе: «Твои предшественники во владѣніи, писалъ Хомяковъ, прервали сходку и отучили крестьянъ отъ права обычнаго, замѣнивъ его произволомъ своимъ и управительскимъ. Тебѣ трудно было возстановить нить прерваннаго обычая» [1]).

Но встрѣчались отношенія и прямо противоположныя—помѣщики старались уничтожить у крестьянъ всякій намекъ на самостоятельность даже въ ихъ домашнихъ дѣлахъ.

Въ «Журналѣ Землевладѣльцевъ» въ 1854 году, одинъ помѣщикъ описывалъ, какъ онъ уничтожилъ у вновь купленныхъ крѣпостныхъ порядки, установленные ихъ «волею».

«Прежняя госпожа, писалъ онъ, въ теченіе 20 лѣтъ не выѣзжала изъ Москвы и вовсе не входила въ управленіе. Женитьба и выходъ въ замужество зависѣли отъ воли крестьянъ».

«Отъ этого мы застали восьмерыхъ отъ 19 до 34 лѣтъ неженатыми, одного 40-лѣтняго вдовца, двоихъ, у которыхъ жены находятся въ бѣгахъ. Такъ что на 37 работниковъ 11 были безъ женъ (почти четвертая часть). Мы прибѣгали къ убѣжденіямъ, съ помощью которыхъ въ три года всѣ переженились и только троихъ отцовъ вынуждены были поневолить. Всѣ эти браки вышли удачными, молодые остаются другъ другомъ довольны, только въ одномъ семействѣ невѣстка недовольна вспыльчивымъ и безразсуднымъ свекромъ и злою свекровью» [2]).

Но крупные помѣщики чаще всего держались мірского управленія, вводя порядокъ весьма близкій, какъ свидѣтельствуетъ литература крѣпостной эпохи, къ порядкамъ установившимся въ вотчинѣ Суворова.

При мірскомъ строѣ «міру» всегда передавался домашній судъ и «расправа» безъ чего, какъ говорилъ помѣщикъ-агро-

[1]) Соч. Хомякова. Т. III, стр. 460.

[2]) Произведенную реформу этотъ помѣщикъ оправдывалъ не хозяйственными, а моральными соображеніями. . . „Положеніе холостого крестьянина, не имѣющаго у себя хозяйки, самое тягостное, а безбрачная жизнь для дѣвокъ ведетъ къ растлѣнію общественной нравственности. Какъ послѣ этого благонамѣреннымъ помѣщикамъ было не вмѣшиваться въ браки крестьянъ?“ Подобное прикрашиваніе эксплоатаціи соображеніями о пользѣ крѣпостныхъ было обычно въ литературѣ крѣпостниковъ.

номъ Шелеховъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» въ 1836 году, «нельзя водворить порядка и устроить надлежащимъ образомъ быта и трудовъ сельскихъ».

Вездѣ во главѣ «міра» стояли богатые крестьяне.

На эксплоатацію крѣпостной бѣдноты указывалъ въ 1842 году Хомяковъ: «строгое устройство міра, писалъ онъ, приводитъ крестьянъ небойкихъ и плохихъ въ тяжелую зависимость отъ крестьянъ расторопныхъ и трудолюбивыхъ» [1]).

Присутствіе священника въ числѣ членовъ вотчинно-мірской администраціи было обычнымъ дѣломъ. Объ этомъ говорятъ очень старые памятники.

По словамъ Забѣлина, священникъ являлся однимъ изъ звеньевъ «той цѣпи вотчинныхъ отношеній, которыя извѣстны подъ именемъ круговой поруки» [2]).

Артемій Волынскій въ своей «Инструкціи дворецкому» требовалъ «пашпорты крестьянъ вмѣстѣ съ прикащикомъ, чтобы и священникъ приходскій подписывалъ» [3]).

Отношеніе вотчинниковъ къ земельнымъ и семейнымъ крестьянскимъ дѣламъ вездѣ складывалось одинаково.

Крѣпостное хозяйство давало дохода тѣмъ больше, чѣмъ больше было тяглецовъ въ вотчинѣ. Если въ вотчинѣ было достаточно земли, чтобы занять подрастающія «руки», то приростъ населенія утилизировался въ собственномъ хозяйствѣ. Если были избыточныя души, то ихъ пускали или на оброкъ (на заработки), или продавали на рынкѣ, какъ ходкій товаръ.

Заботы о приростѣ населенія, «о размноженіи людей» и «тяголъ» всегда стояли на первомъ планѣ у всякаго владѣльца крѣпостныхъ душъ. «Накрѣпко смотрѣть, наказывалъ Волынскій своему дворецкому, чтобы холостыхъ выше 20 лѣтъ не было».

«Чтобы всѣ взрослые крѣпостные своевременно были посажены на тягло».

На тягло, т. е. на обязательную барскую работу крѣпостного сажали послѣ женитьбы. Зная это, крѣпостные не спѣшили съ

---

[1]) Здѣсь Хомяковъ употребляетъ обычную помѣщичью терминологію: бѣднякъ—это плохой крестьянинъ, богатый мужикъ—это трудолюбивый и расторопный крестьянинъ. Богатство крѣпостныхъ—отъ трудолюбія, бѣдность—отъ лѣни. Вотъ философія помѣщиковъ.

[2]) Ив. Забѣлинъ. Большой Бояринъ. Вѣстникъ Европы. 1871.

[3]) Москвитянинъ за 1854 годъ. „Инструкціи дворецкому“.

заключеніемъ браковъ. Борясь съ такимъ явленіемъ, Волынскій нашелъ и здѣсь выходъ. Въ своей «Инструкціи» онъ писалъ: «и понеже мужики не хотятъ на себя брать участія тягла, для того долго нѣкоторые не женятся. Однако же, женатъ онъ или нѣтъ, несмотря на то, токмо когда которому 20 лѣтъ, накладывать на него полтягла» [1]).

Документы крѣпостной эпохи отмѣчаютъ повсемѣстно систематическую борьбу помѣщиковъ съ семейными раздѣлами у крестьянъ. Уже въ «Инструкціи» Волынскаго дворецкому предписывалось смотрѣть за тѣмъ, чтобы «семейства какъ можно менѣе раздѣлялись, а болѣе бы жили вмѣстѣ». Недѣленная, большая семья, съ точки зрѣнія работоспособности, была для помѣщика желательна, какъ трудовая артель, гдѣ передъ помѣщикомъ всѣ отвѣчали за каждаго. Дробленіе семей крѣпостныхъ безъ разрѣшенія помѣщиковъ и безъ «уважительныхъ причинъ» строжайшимъ образомъ запрещалось. Точно также, заботы помѣщиковъ о сохраненіи зажиточныхъ—платежеспособныхъ семей диктовали одинаковое во всѣхъ вотчинахъ отношеніе къ рекрутской повинности: въ рекруты всегда отдавали наихудшихъ работниковъ. «Отдача въ рекруты изъ хорошихъ и зажиточныхъ семей много вредитъ крестьянскому быту», писалъ «Журналъ Землевладѣльцевъ» въ 1818 году.

Какъ предприниматель, помѣщикъ видѣлъ въ вотчинѣ источникъ дохода. Въ вотчинѣ Суворова мы видѣли, что мірской аппаратъ особенно напряженно работалъ въ періодѣ собиранія оброка. Совершенно та же картина наблюдалась въ оброчныхъ вотчинахъ по всей Россіи. Въ барщинныхъ же имѣніяхъ вотчинно-мірская администрація давила на крестьянъ съ особой силой во время сельско-хозяйственныхъ работъ.

«Рязанскіе помѣщики, пишетъ одинъ наблюдатель крѣпостной жизни, взыскивали оброкъ строго; они требовали, чтобы за неплательщиковъ платилъ міръ, неисправныхъ крестьянъ отправляли на работу для заработка оброчнаго долга, брали ихъ на мѣсячину». Неисправныхъ оброчниковъ помѣщики вездѣ сажали на барщину.

Приказъ одного помѣщика, Рязанской губ., 40-хъ годовъ 19 столѣтія, во многомъ напоминаетъ приказы 18 столѣтія:

---

[1]) Волынскій наказывалъ, чтобы въ цѣлое тягло ставили „два человѣка работниковъ мужескаго полу и двѣ женскаго“.

«Объявить всему міру съ будущаго новаго года, я всѣхъ неисправныхъ плательщиковъ оброка, всѣхъ людей дурного поведенія, всѣхъ дѣвокъ безъ уважительныхъ причинъ не выходящихъ замужъ, буду совершенно переселять сюда на хлѣбопашество, чтобы имѣть ближайшій за ними надзоръ».

Переводъ изъ оброчниковъ въ барщинники для крѣпостныхъ былъ страшенъ потому, что крестьяне на помѣщичьихъ поляхъ эксплоатировались болѣе жестоко, чѣмъ оброчники.

Во всѣхъ крѣпостныхъ вотчинахъ форму эксплоатаціи крестьянъ и форму землевладѣнія опредѣлялъ не «міръ», а помѣщикъ: онъ или велъ чисто сельскохозяйственное производство, или открывалъ фабрику и переводилъ крѣпостныхъ на фабрику; заводилъ барщину и велъ собственную запашку или переводилъ крестьянъ на оброкъ—все это дѣлалось въ зависимости отъ того, что въ данной мѣстности было болѣе экономически-раціональнымъ, что давало больщій доходъ. Помѣщикъ рѣшалъ, какъ верстать землю его крѣпостнымъ—по тягламъ или душамъ, дѣлать или не дѣлать земельные передѣлы и т. д.

Въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества въ 1820 году нѣкто Дурасовъ писалъ: «помѣщичьи земли являются неограниченной собственностью помѣщиковъ, а владѣніе ими крестьянъ ихъ зависитъ единственно отъ произвола тѣхъ помѣщиковъ» [1]). Изъ переписки Суворова мы видѣли, что, держась сначала тяглово-передѣльной общины, онъ затѣмъ перешелъ къ безпредѣльному пользованію землей у его крѣпостныхъ.

Но матеріалы крѣпостной эпохи показываютъ, что передѣльно-тягловая система пользованія землей была повсемѣстно излюбленной формой, которую помѣщики вводили у своихъ крѣпостныхъ. Только съ XIX вѣка помѣщики кое-гдѣ начинали ограничивать передѣлы у себя въ вотчинахъ. Въ XVIII же вѣкѣ, во многихъ мѣстахъ наблюдалось стремленіе добиваться отъ крѣпостныхъ возможно «уравнительнаго» разверстанія земли. Уравнительная система разверстки считалась наиболѣе выгодной, потому что она страховала помѣщика отъ появленія «упалыхъ» дворовъ, дававшихъ и плохихъ плательщиковъ, и плохихъ работниковъ.

Уже Волынскій въ своей Инструкціи, написанной въ первую

1) Труды В. Экономическаго Общества. Томъ 72, стран. 23.

половину XVIII вѣка, требовалъ уравнительной разверстки. Причемъ эта «уравнительность» должна была заключаться въ томъ, что каждое тягло обязано было обрабатывать одинаковое количество барской пашни и имѣть для прокормленія одинаковый надѣлъ.

«И повиненъ всякій, имѣя цѣлое тягло, вспахать моей земли двѣ десятины въ полѣ, а въ дву потому-жъ... Также на каждое цѣлое тягло уравнять земли крестьянамъ ихъ собственныя во всѣхъ деревняхъ, когда тягло вспашетъ на меня 2 десятины въ полѣ, то надобно, чтобъ собственной земли ему было на всякое тягло противъ того вдвое, которую, не запуская, конечно, повиненъ всякой крестьянинъ самъ для себя вспахать и всю землю посѣять, не отговариваясь тѣмъ, что сѣять нечѣмъ или не на чемъ пахать, понеже на то имъ опредѣляется ссуда».

«И тако всѣми мѣрами лѣнивцевъ къ тому побуждать и накрѣпко того за ними смотрѣть, чтобы у нихъ земля напрасно пуста не лежала», писалъ Волынскій.

Заботами объ умноженіи тяголъ, «объ уравненіи» земли между тяглецами полны помѣщичьи наказы и инструкціи конца XVIII столѣтія и отчасти начала XIX столѣтія.

Въ Наказѣ Управителямъ, написанномъ въ 1770 году, Рычковъ укорялъ мірскую администрацію за то, что она въ ущербъ помѣщикамъ часто затягиваетъ передѣлы земли между крѣпостными и «не наблюдаетъ за удобовозможнымъ уравненіемъ».

По правиламъ крѣпостной экономіи требовалось, чтобы уравненіе земли между крѣпостными производилось періодически — черезъ 3—5 лѣтъ. Въ томъ же «Наказѣ Управителя или приказчика о порядочномъ содержаніи и управленіи деревень въ отсутствіе господина» Рычковъ рекомендовалъ приказчикамъ каждые два—три года дѣлать новыя описи тяголъ.

Въ «Наставленіи Приказчикамъ опредѣленныхъ въ господскихъ мызахъ и деревняхъ около Петербурга», написанномъ въ 1769 году, рекомендуется «тягловыхъ крестьянъ умножать», равнять между крѣпостными господскую пашню и производить такое равненіе черезъ каждое пятилѣтіе.

«Надлежитъ расписать въ мызѣ или въ деревнѣ мужескій и женскій полъ по тягламъ, чтобы въ каждомъ тяглѣ состояло по шести мужчинъ и по шести женщинъ отъ 16 до 65 лѣтъ, и сколько тѣхъ тяглыхъ обоего пола работниковъ въ опредѣленные лѣта будетъ, на то число содержать господской пашни

на каждое тягло по двѣ десятины въ полѣ: а въ дву потомужъ, а во всѣхъ трехъ поляхъ шесть десятинъ, тожъ число десятинъ исправлять и сѣнокосу: а буде того числа господской пашни и сѣнокосу по числу тяголъ нынѣ въ наличности нѣтъ, то пріумножить пашню на способныхъ и бугроватыхъ, а сѣнокосы на низкихъ мѣстахъ и приводить пашню и сѣнокосы сколько на одно тягло имѣть опредѣлено, въ надлежащій порядокъ и удобреніе тѣмъ числомъ работниковъ, сколько въ тяглѣ быть должно, не болѣе какъ въ пять лѣтъ.

Земельныя «равненія» предполагали обязательныя переписи крѣпостного населенія.

Періодическимъ исчисленіемъ крѣпостного населенія имѣлось въ виду достигнуть возможно полнаго использованія рабочей силы не только здоровыхъ крѣпостныхъ всѣхъ возрастовъ, но даже и калѣкъ.

«Сколько жъ по такой новой описи явится наличныхъ тяголъ, что прибавится или убавится тягловыхъ крестьянъ, о томъ должны управители и приказчики господина своего увѣдомлять. А не худо, когда они и сіе будутъ притомъ означивать, сколько явится оженившихся вновь, новорожденныхъ и умершихъ, изъ чего всякій помѣщикъ состояніе своихъ деревень будетъ знать. Словомъ: рачительной о пользѣ своего господина управитель и прикащикъ долженъ всегда стараться, чтобъ тягловыхъ крестьянъ умножить, а изъ тягловыхъ не выключать, кромѣ такихъ, кои увѣчны, очень стары и къ господскимъ работамъ совсѣмъ не годятся, да и сихъ безъ дѣла не оставлять, но употреблять по возможности силъ ихъ къ разнымъ деревенскимъ присмотрамъ, придавая имъ въ помощь изъ молодыхъ ребятъ» [1]).

Принципъ равненія земли между крѣпостными, выросшій на почвѣ эксплуатаціи крестьянства помѣщиками, какъ увидимъ ниже, былъ перенесенъ къ государственнымъ крестьянамъ государствомъ, игравшимъ по отношенію къ свободнымъ крестьянамъ роль помѣщика.

Въ способахъ разверстки наблюдались различія въ томъ, что у помѣщичьихъ крестьянъ передѣлы происходили при измѣненіи числа тяголъ, а у казенныхъ при измѣненіи числа мужскихъ душъ при новыхъ ревизіяхъ.

---

[1]) Труды В. Э. О. 1770 г. Часть XVI. Стран. 25—26.

«Казенные крестьяне дѣлятъ во всѣхъ поляхъ землю и покосы по мужескимъ душамъ, въ семействахъ находящимся, съ числа коихъ и оплачиваютъ государственные доходы, а дворянскія селенія раздѣляютъ землю по работникамъ, съ коихъ оплачиваютъ оброкъ и государственную повинность или намѣсто оброка обрабатываютъ господское издѣліе. Производятъ раздѣлъ земель, казенная съ перемѣною мужескихъ душъ, а помѣщичьи—тяголъ *или работниковъ*» [1]).

Однообразіе формъ, въ которыя отлились отношенія между помѣщиками міромъ крѣпостныхъ и отдѣльными крѣпостными въ различныхъ районахъ Россіи, обусловливалось однообразіемъ формъ земледѣльческаго хозяйства при господствѣ крѣпостного права.

Крѣпостное право въ концѣ XVIII и XIX в.в. знало два главныхъ способа эксплоатаціи крестьянъ: сельскохозяйственное и фабричное предпринимательство. При всемъ различіи климатическихъ и экономическихъ условій, въ которыхъ велось помѣщичье хозяйство, оно вездѣ строилось на принудительномъ трудѣ, потому имѣло вездѣ одинаковыя черты. Подобно тому, какъ современное капиталистическое, основанное на наемномъ трудѣ, хозяйство вездѣ однимъ и тѣмъ же способомъ организуетъ капиталистовъ, съ одной стороны, и рабочихъ, съ другой, и вездѣ устанавливаетъ между ними однообразныя отношенія. Хозяйство съ принудительнымъ трудомъ также однообразно организовало эксплоатируемыхъ и эксплоатирующихъ.

И взаимныя ихъ отношенія окрашивало въ одинъ и тотъ же цвѣтъ.

Помѣщикъ-крѣпостникъ былъ такой же предприниматель, какъ и современный капиталистъ. Вотчины для помѣщика были прежде всего источникомъ дохода.

«Главная забота хорошаго, разумнаго хозяина, хорошаго устроителя своей вотчины и своихъ выгодъ—говорилъ Забѣлинъ про вотчинника 17 ст.,—чтобы никакая доходная сила его хозяйства не пустовала и именно по отношенію къ крестьянамъ, къ этой основной силѣ вотчинническаго быта. Поэтому не было предмета въ крестьянской работѣ или каковомъ промыслѣ, за которымъ время отъ времени не протягивалась бы рука помѣ-

[1]) Труды В. Э. О. 1820 г. 1872. Стран. 232.

щика. Онъ почиталъ своею собственностью все, что ни производилъ и чѣмъ бы силенъ ни былъ человѣкъ, живущій въ его крѣпости... Очень естественно, что покупая новую вотчину или пріобрѣтая ее въ пожалованіе отъ Государя, умный вотчинникъ внимательно осматривалъ свое новое поле крѣпостныхъ дѣйствій и почти всегда окладывалъ крестьянъ новыми податями и поборами, если не прямыми, то косвенными, заводя новыя производства, промыслы, открывая въ самой землѣ новые источники разныхъ выгодъ».

Въ вотчинахъ съ чисто сельскохозяйственной эксплоатаціей населенія задача вотчинника-предпринимателя сводилась къ тому, чтобы взять отъ земли все, что земля могла дать, какъ доходная статья.

Основными формами хозяйства въ этомъ случаѣ были оброкъ и барщина [1]).

При оброчной системѣ обычно вся пахотная земля вотчины отдавалась подъ посѣвы крѣпостнымъ, обязаннымъ доставлять за это вотчиннику оброкъ въ денежной или натуральной формѣ [2]).

При барщинной эксплоатаціи вотчинная пашня дѣлилась на крестьянскую часть, съ которой крѣпостные добывали себѣ средства существованія, и на господскую часть, гдѣ вырабатывался прибавочный продуктъ для помѣщика.

Въ крупныхъ вотчинахъ при барщинѣ и при оброкѣ, притомъ при оброкѣ чаще, чѣмъ при барщинѣ—управленіе крѣпостными и ихъ эксплуатація обычно производилось черезъ «крестьянскій міръ». «Міръ» представлялъ своеобразный административно-рабочій коллективъ; судилъ крестьянъ міръ; на помѣщичью работу выгонялъ міръ; работалъ на помѣщика міръ; круговой порукой за помѣщика отвѣчалъ тотъ же міръ. Круговое ручательство міра за правильное поступленіе помѣщику прибавочнаго продукта или прибавочнаго труда заставляло крѣпостныхъ въ собственныхъ интересахъ слѣдить, чтобы каждый тяглецъ не уклонялся отъ барской работы и не перелагалъ своихъ обязанностей на другихъ. Міръ смотрѣлъ, чтобы

---

[1]) Другіе виды эксплоатаціи крѣпостныхъ въ Россіи играли въ XVIII и XIX в.в. подчиненную роль.

[2]) Если съ земли не получалась вся сумма оброка, крѣпостные добывали недостающую часть на сторонѣ.

сѣ работали на «господина» «старательно», чтобы сильнаго и рудолюбиваго хозяина не заставляли работать на помѣщика двойнѣ—за себя и за отсталаго и «нерадиваго». Крестьяне міромъ» рѣшали, кого можно отпустить на заработки, и кого лѣдуетъ оставить при землѣ.

Помѣщики считали, что мірская система управленія крестья- іами удовлетворяетъ обѣ стороны, такъ какъ она «одинаково» ыгодна и помѣщикамъ, и крестьянамъ.

«Міромъ—и для крестьянъ гораздо удобнѣе», читаемъ мы въ Грудахъ В. Э. Об-ва, «крестьяне сами между собою лучше могутъ нать, кто изъ нихъ дѣятельнѣе въ сельской работѣ и кто больше прочихъ можетъ промышлять на сторонѣ денегъ. При- іѣры тому очевидны на вотчинахъ многихъ знатныхъ Россій- кихъ господъ. Вотчины ихъ черезъ нѣсколько уже родовъ уществуя подъ благотворнымъ господъ своихъ управленіемъ, южно сказать, процвѣтаютъ» [1]).

Главной обязанностью міра было смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ вотчинѣ ни мужикъ, ни земля праздно не лежали. Міръ долженъ былъ приставлять къ землѣ работника, а работнику давать землю, чтобы земля не пустовала. Земли на дворъ нельзя было давать больше того, чѣмъ дворъ могъ ее осилить; и меньше того, чѣмъ дворъ могъ ее поднять. Словомъ, міръ обязанъ былъ *равнять* землю по работникамъ и смотрѣть, чтобы каждый работникъ приносилъ помѣщику «пользу». Изъ основного правила крѣпостной экономіи земледѣлія, — чтобы земля не лежала впустѣ, и чтобы крѣпостные не шатались праздно — выросло и уравнительное землепользованіе у крѣпостныхъ крестьянъ.

Помѣщикъ-хозяинъ слѣдилъ самъ и міру приказывалъ смотрѣтъ за тѣмъ, чтобы крѣпостные пользовались землею *уравнительно.* При нарушеніи уравнительности міръ долженъ былъ сдѣлать сбавку земли съ слабѣющихъ дворовъ и надбавить земли сильнымъ тяглецамъ. При значительномъ нарушеніи равномѣрности распредѣленія дѣлалась общая поверстка земли у всѣхъ дворовъ.

«По разнымъ обстоятельствамъ вотчины, говорится въ «Наказѣ управителю» Рычкова, иногда прибавку, а иногда и убавку

---

[1]) Труды В. Э. О-ва, 1810 г. Часть 62, стран. 117—118.

дѣлать въ томъ (въ землѣ) надобно, наблюдая между всѣми (дворами) удобовозможное уравненіе [1]).

Конечно, «уравнительное» землепользованіе помѣщикъ устанавливалъ и строго его придерживался только тогда, когда оно повышало доходность имѣнія. Гдѣ земля не была главнымъ источникомъ помѣщичьяго дохода, гдѣ ея было много, или гдѣ повышеніе доходности можно было достигнуть и безъ «уравнительности, «тамъ помѣщики устраняли міръ отъ распоряженія землей и уничтожали передѣльную систему.

Принципъ земельнаго равненія, при помощи котораго прибавочный трудъ и прибавочный продуктъ крѣпостныхъ приводился въ соотвѣтствіе съ ихъ земельнымъ надѣломъ, а размѣръ земельнаго надѣла на дворъ опредѣлялся его рабочимъ составомъ, былъ болѣе выгоденъ для крѣпостныхъ, чѣмъ ни съ чѣмъ не соразмѣряемое обложеніе ихъ помѣщиками трудомъ и оброкомъ. Конечно, и «уравнительность» не мѣшала многимъ помѣщикамъ равномѣрно отбирать у крестьянъ не только «прибавочный», но и часть «необходимаго» продукта и держать крѣпостныхъ на нищенскомъ пайкѣ.

При передѣлахъ земля распредѣлялась «справедливѣе» между крѣпостными въ томъ смыслѣ, что со всѣхъ брали одинаково и гнетъ крѣпостного права распространялся между крѣпостными все же равномѣрнѣе.

Съ земли крѣпостной вырабатывалъ себѣ средства существованія; съ земли шли у него платежи помѣщику и работа на помѣщика. И чѣмъ было больше пропорціональности между рабочей силой двора, его земельнымъ обезпеченіемъ и его повинностями въ пользу помѣщика, тѣмъ легче было крѣпостному «тянуть тягло».

Когда не было этой пропорціональности, когда въ дворѣ крѣпостного было много ѣдоковъ и мало земли (малотяглые дворы), тогда не съ чего было тянуть тягло, а когда за дворами числилось много земли, но мало рабочихъ рукъ — «было некому тягло тянуть».

Если у крѣпостныхъ устанавливалась такая диспропорціональность между требованіями помѣщика и средствами осуществленія этихъ требованій, то большинству крѣпостныхъ

[1]) Труды В. Э. О-ва, 1770 г. Часть XVI, стран. 23.

были выгодны приказы помѣщика о земельномъ равненіи, и бѣдные дворы сами часто просили помѣщика о равненіи.

Но стоявшіе во главѣ міра богатые крестьяне далеко не всегда сочувствовали земельнымъ передѣламъ. Рычковъ еще въ 1770 году жаловался (въ Тр. В. Э. О.) на то, что корыстолюбивые управители, приказчики, а особливо старосты и выборные затягиваютъ земельный передѣлъ ни у нихъ «единожды учиненная разверстка остается на долгое время» [1]).

Казалось бы, что при круговой порукѣ богатые крестьяне, отвѣчавшіе и въ уплатѣ оброка, и въ работахъ за бѣдныхъ крестьянъ, должны были быть сторонниками земельныхъ передѣловъ, которые усиливали бѣдняковъ и освобождали богатыхъ отъ необходимости «отвѣчать» за нихъ. Но на практикѣ часто наблюдалось обратное. Противорѣчіе это объясняется тѣмъ что мірское управленіе фактически приводило всегда къ организованному господству богатыхъ крестьянъ надъ бѣдными. Богатымъ крестьянамъ было выгодно держать бѣдноту въ кабалѣ: то, что богатые теряли отъ круговой поруки, то они выигрывали отъ эксплоатаціи бѣдняковъ.

Формѣ землепользованія у крѣпостныхъ, когда количество земли, данной двору въ надѣлъ, а также и количество земли, данной ему для обработки въ пользу помѣщика, періодически мѣнялась путемъ передѣловъ, — въ литературѣ 19 вѣка было дано названіе *поземельной общины*.

Мірское управленіе и общинное владѣніе землею — это были два основныхъ института крѣпостной деревни. Эти институты дополняли другъ друга и составляли фундаментъ власти «малыхъ монарховъ».

Мірская организація держала подъ своимъ надзоромъ каждаго крестьянина и тѣмъ безконечно облегчала помѣщику управленіе крѣпостными, а государственной власти управленіе страной. Полное подчиненіе. крѣпостной массы помѣщикамъ въ каждой вотчинѣ была основнымъ условіемъ крѣпостного хозяйства. Прочность такого порядка во всѣхъ вотчинахъ Россіи былъ основнымъ условіемъ существованія помѣщиковъ, какъ господствующаго въ государствѣ класса.

Открытая въ XIX в. славянофилами наша поземельная община, была не остаткомъ первобытной общины — отъ той

[1]) Т. В. Э. О. 1770 г., часть XVI стран. 23.

общины къ XIX в. не осталось и слѣда, не институтомъ, вы-
росшимъ изъ альтруистическихъ инстинктовъ славянскаг-
крестьянина, а формой пользованія землей, выросшей из
эксплоатаціи крестьянства въ отсталыхъ условіяхъ крѣпостни-
ческаго строя.

Славянофильскій «крестьянскій міръ», какъ нѣчто авто-
номно-управляющееся; «міръ самъ себя опредѣляющій, с
единогласіемъ и своею окончательною верховностью» [1]) в
крѣпостной Россіи не существовалъ: крѣпостное право знал
«крестьянскій міръ» только какъ органъ управленія крѣпостным
крестьянами и какъ органъ ихъ эксплоатаціи.

И то дворянство, которое говорило о помѣщичьемъ упр-
вленіи, не какъ о «стеклянномъ колпакѣ, сохраняющемъ Росс
ея исконныя начала, а какъ о лучшей формѣ господства над
крѣпостными, смотрѣло болѣе трезво, чѣмъ славянофилы. «Лу
шая система управленія народомъ, говорило, Смоленское дв
рянство, есть помѣщичья, такъ какъ помѣщики суть правител
ничего не стоющіе казнѣ и притомъ заботящіеся о крестьяни
въ своихъ личныхъ интересахъ» [2]).

Что помѣщичье управленіе было управленіемъ наибол
дешевымъ и удобнымъ, государственная власть признала у
давно. Съ конца XVIII в. она начала копировать помѣщич
управленіе въ вотчинахъ государственныхъ крестьянъ и пер
носить туда крѣпостные порядки и вмѣстѣ съ тѣмъ «земельн
равненіе» — поземельную общину. И уже въ первой четвер
19 ст. почти у всѣхъ «свободныхъ» крестьянъ устанавливают
отношенія, мало чѣмъ отличающіяся отъ отношеній госпо-
ствовавшихъ у оброчныхъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Разсмотримъ, теперь каковы были земельные порядки
управленіе у крестьянъ разныхъ разрядовъ, не принадлежавши
помѣщикамъ.

---

[1]) К. С. Аксаковъ—см. выше.

[2]) Изъ записки Смоленскаго предводителя дворянства Друцкаго-Соколинск
поданной Николаю I въ 1849 году.

IV.

Міръ и община у экономическихъ крестьянъ.

Крестьяне, получившіе въ 18 столѣтіи названіе «экономическихъ», составились изъ разныхъ группъ крестьянъ-синодальныхъ (ранѣе патріаршихъ, а еще ранѣе «митрополичьихъ»), архіерейскихъ, соборныхъ, церковныхъ и монастырскихъ. До секуляризаціи церковныхъ имуществъ (въ 1764 году) всѣ эти группы крестьянъ считались крѣпостными церковныхъ установленій. Крѣпостныхъ въ вотчинахъ духовнаго вѣдомства въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія насчитывалось до 1 милліона душъ. Эксплоатація этого разряда крестьянъ носила тотъ же характеръ, что и помѣщичьихъ крестьянъ, и потому управленіе этими крестьянами не отличалось отъ управленія помѣщичьими крестьянами. Подобно помѣщичьимъ крестьянамъ, церковные крестьяне раздѣлялись на барщинныхъ и оброчныхъ. Барщинные крестьяне подъ присмотромъ приказчиковъ дѣлали всякое «издѣлье» и работали на поляхъ и сѣнокосахъ духовныхъ вотчинъ.

Объемъ и виды «издѣлья» были различны въ разныхъ районахъ. Въ патріаршихъ вотчинахъ они опредѣлялись особыми окладными и уставными грамотами, утверждаемыми патріархомъ, а въ періодъ междупатріаршескій—царями [1]).

При оброчной системѣ эксплоатаціи крестьяне доставляли управленіямъ своихъ вотчинъ опредѣленный денежный или хлѣбный оброкъ. Размѣръ оброка опредѣляется «выгодами», которыя получили крестьяне отъ находившейся въ ихъ пользованіи пашенной земли и угодій.

И при «издѣльѣ», и при оброкѣ крѣпостные обязаны были доставлять въ вотчинныя конторы и всякаго рода натуральные запасы: масло, яйца, грибы, ягоды и т. д. Мѣстами, вмѣсто этихъ запасовъ, крестьяне вносили въ конторы монастырей опредѣленныя денежныя суммы.

---

[1]) Горчаковъ. О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода.

Были среди крѣпостныхъ церковныхъ вотчинъ и безземельные крестьяне, которые промышляли на сторонѣ и платили своимъ владѣльцамъ денежный оброкъ. Подобно помѣщичьимъ крестьянамъ, крестьяне церковныхъ вотчинъ круговой порукой за исправное отбываніе повинностей связывались въ административно-трудовые коллективы—«крестьянскіе міры». За этими «мірами» надзирали церковныя вотчинныя конторы. Указомъ 1719 г. задачи крестьянскаго «міра» въ церковныхъ вотчинахъ опредѣлялись такъ: «въ патріаршихъ и приписныхъ монастыряхъ въ вотчинахъ велѣть взять по крестьянамъ поручныя записи круговою порукою, чтобы имъ никуда не бѣжать и тяглыхъ своихъ жеребьевъ не опустошать, итого смотрѣть другъ надъ другомъ накрѣпко».

Тождеству обязанностей вотчинныхъ конторъ и «міра» у крѣпостныхъ церкви и у крѣпостныхъ помѣщиковъ соотвѣтствовало и тождеству правъ, которыя «міръ» имѣлъ надъ отдѣльными крестьянами, это было право контроля семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ, право назначенія рекрутовъ, право суда и наказанія и т. д.

Самовольные семейные раздѣлы церковнымъ крестьянамъ запрещались такъ же, какъ и помѣщичьимъ крестьянамъ. Начальникамъ предписывалось, чтобы въ духовныхъ вотчинахъ «всякой въ своемъ вѣдомствѣ учинилъ всѣмъ крестьянамъ заказъ съ подкрѣпленіемъ жестокаго наказанія, чтобы семьянистые крестьяне отъ семейства своего, безъ указу изъ патріаршей дворцовой канцеляріи, отнюдь не дѣлились, изъ двора во дворъ не выходили, понеже оттого всѣ крестьяне весьма разоряются и въ убожество приходятъ» [1]).

При поставкѣ рекрутовъ церковныя вотчины руководились тѣми же правилами, что и помѣщичьи вотчины. «Въ рекрутные солдаты чтобы выбирали изъ крестьянскихъ дѣтей крѣпостныхъ добрыхъ въ службу годныхъ или изъ гулякъ и безпахотныхъ бобылей».

«А съ которыхъ дворовъ будетъ и отдачи не было, а тягла подъ ними большія и подати всякія платятъ бездоимочно, и съ нихъ не имать».

Приказчики, настоятели монастырей и управители церковныхъ вотчинъ имѣли право суда и наказанія крестьянъ, помимо

1) Ibid. Стр. 485.

«міра». Особенно строгія наказанія налагались на «ослушниковъ» распоряженій мірскихъ должностныхъ лицъ. Въ Инструкціи настоятелямъ и управителямъ первой четверти 18 столѣтія говорилось, что «въ случаѣ непослушанія крестьянъ старостѣ и цѣловальникамъ въ отправленіи государственныхъ оброчныхъ податей и повинностей, ослушниковъ наказывать безпощадно батогами на сходахъ, чтобы другіе видѣли и страхъ и послушаніе имѣли».

Та же Инструкція настоятельно требовала, чтобы управители «неусыпно заботились о пользѣ вотчинъ, о бездоимочной уплатѣ государственныхъ сборовъ», и «неослабно» «сбирали» «оброки, пошлины и столовые запасы».

При земельномъ надѣленіи крестьянъ церковныя вотчины такъ же, какъ и помѣщичьи вотчины, старались возможно полнѣе использовать рабочую силу крѣпостныхъ. Поэтому равномѣрная разверстка земли между крестьянами издавна была основной земельной политикой церковныхъ вотчинъ. Уже въ 1511 году приказъ митрополита Симеона требовалъ измѣренія крестьянскихъ земель Константиновскаго монастыря. Поводомъ къ такому измѣренію была неравномѣрность распредѣленія земли между крестьянами, а также и неравномѣрность распредѣленія между крѣпостными монастырскихъ надѣловъ. Монастырскіе христіане пахали пашни «на себя много», а на монастырь мало. Поэтому митрополитъ распорядился перемѣрить землю и разверстать между дворами поровну и надѣлъ, и издѣлье. «Да землю бы есте во всѣхъ въ трехъ поляхъ перемѣрить».

На каждый дворъ опредѣлить по 5 дес. въ полѣ и съ этихъ 5 дес. каждый дворъ обязанъ пахать на монастырь по 1 дес. «Да далъ бы еси христіанамъ въ тѣхъ селѣхъ во всѣхъ трехъ полѣхъ по 5 дес., а на монастырь бы еси указалъ имъ пахать шестую десятину». Приказъ заканчивается указаніемъ на то, что если будетъ земли «обильно», то сильнымъ дворамъ можно было и прибавить земли свыше 5 дес., при условіи соразмѣрнаго увеличенія количества монастырской пашни и всякаго дѣла, а слабымъ убавить: «Кому не будетъ силы», разрѣшалось пахать 5 дес.; разрѣшалось пахать и менѣе 5 дес., при чемъ соотвѣтственно уменьшался размѣръ монастырской пашни [1]).

[1]) Горчаковъ. Ibid. Приложеніе. Юридическіе Акты.

Несмотря на то, что церковныя вотчины уже съ XVI вѣка дѣлаютъ попытки ввести у своихъ крѣпостныхъ «уравнительное» землепользованіе, передѣльная община у крѣпостныхъ церкви и въ XVIII в. еще не стала общимъ явленіемъ.

Работать на церковныя вотчины и доставлять имъ положенный «запасъ» тамъ, гдѣ не было еще земельныхъ передѣловъ — маломощнымъ дворамъ стало особенно тяжко послѣ введенія *равной* для всѣхъ подушной подати. Слабосильные тяглецы начали посылать челобитныя къ церковной администраціи о равномѣрной поверсткѣ пашни и сѣнокоса. Такъ, въ 1725 г. малотяглые крестьяне синодальныхъ вотчинъ просили синодальный Дворцовый Приказъ издать указъ о поверсткѣ «большетяглыхъ крестьянъ съ нами малотяглыми, чтобы намъ противъ своей братьи обиды и въ платежѣ подушныхъ денегъ излишняго отягощенія не было».

«Отягощеніе» и «разореніе» происходили по словамъ челобитчиковъ отъ того, что «на большихъ жеребьяхъ» сидѣли одинокіе крестьяне, а «семьянистые» жили на одномъ тяглѣ «по три, по четыре» человѣка. Челобитчики объясняли, что имъ приходится просить о принудительной поверсткѣ, «потому, что безъ повелительнаго указу оные одинокіе, а большетяглые крестьяне пашенною землею и сѣнными покосы съ нами не верстаются» [1]).

Часть крестьянъ церковныхъ вотчинъ уже въ началѣ XVIII в. на нѣкоторое время попала въ распоряженіе казны. Съ 1700 по 1721 годъ, со времени уничтоженія патріаршества до учрежденія Св. Синода, крестьяне числившіеся за патріаршими вотчинами, были переданы въ казну. Въ этотъ періодъ казна распоряжалась патріаршими крестьянами, какъ своей собственностью. Казна переселяла этихъ крестьянъ въ разныя мѣста (между прочимъ, въ Петербургъ и Олонецкъ); продавала ихъ съ землей, и отдавала «на оброчное содержаніе» частнымъ лицамъ; приписывала ихъ къ различнымъ государственнымъ учрежденіямъ и т. д. Словомъ, казна пользовалась всѣми правами церковныхъ вотчинъ, администрація которыхъ доходила до того, что закладывала своихъ крестьянъ не только частнымъ лицамъ, но богатымъ монахамъ [2]). Окончательно церковные крестьяне перешли въ казну послѣ секуляризаціи церковныхъ

[1]) Горчаковъ. Юридическіе Акты.

[2]) Горчаковъ. Юридическіе Акты.

имуществъ въ 1764 году. Въ дальнѣйшемъ, крестьяне церковныхъ вотчинъ слились съ государственными крестьянами.

Отъ имени «Коллегіи Экономіи», въ вѣдѣніе которой послѣ перехода въ казну поступили крестьяне церковныхъ установленій, они стали называться *«экономическими крестьянами»*. Наказы въ Екатерининскую Комиссію показываютъ, что ко времени секуляризаціи «уравнительное землепользованіе» церковныя вотчины еще не успѣли ввести у всѣхъ своихъ крестьянъ.

Ко времени составленія наказовъ у «экономическихъ» крестьянъ сѣвера не было еще передѣльной общины. Крестьяне эти владѣли землей на правахъ частной собственности «по писцовымъ книгамъ», «по наслѣдству» и «по купчимъ крѣпостямъ». Частью это объяснялось тѣмъ, что къ сѣвернымъ монастырямъ приписывались черносошные крестьяне, не знавшіе до конца XVIII ст. «уравнительнаго» землевладѣнія. «А у насъ въ оной слободкѣ тѣ пахомыя земли и сѣнные покосы издревле, по писцовымъ книгамъ природные, а иныя многія и покупныя по крѣпостямъ, писали въ одномъ наказѣ крестьяне экономическаго вѣдомства Усольскаго уѣзда [1]).

Владѣя землею на правахъ «частныхъ собственниковъ» экономическіе крестьяне послѣ перевода ихъ въ казну, начали добиваться возстановленія уничтоженнаго Межевыми Инструкціями 1765—1766 гг. права отчуждать и закладывать ихъ землю.

Мотивировались эти просьбы тѣмъ, что такія запрещенія были стѣснительны для нихъ, такъ какъ крестьянину по ходу его хозяйственныхъ дѣлъ иногда бываетъ нужно продать или заложить землю. Крестьяне Коллегіи Экономіи Яренскаго уѣзда, Окводской волости, въ своемъ наказѣ въ Екатерининскую Комиссію просили «дозволенія», въ покупкѣ, въ продажѣ и въ закладѣ всякому своихъ природныхъ и покупныхъ хлѣбопашенныхъ и сѣнокосныхъ земель и въ письмѣ на тѣ земли купчихъ и закладныхъ крѣпостей, дабы въ случаѣ которые крестьяне придутъ въ упадокъ, то бъ могли для поправленія себѣ подъ закладъ деньги занимать, а съ другой стороны, надѣясь на закладъ охотнѣе давать».

Строй жизни церковныхъ крестьянъ послѣ перехода ихъ въ казну мало измѣнился. Казна была такимъ же суровымъ вотчининкомъ, какъ и церковныя учрежденія.

[1]) Сб. И. Р. И. О-ва. Т. 123. Стран. 200.

Въ 1771 году Коллегія Экономіи разослала подвѣдомственнымъ ей Экономическимъ Правленіямъ для руководства новыя «Наставленія» взамѣнъ прежнихъ «Инструкцій» объ устройствѣ экономическихъ крестьянъ. Въ этихъ Наставленіяхъ, написанныхъ въ духѣ обычныхъ помѣщичьихъ, приказовъ, Коллегія требовала отъ своихъ агентовъ на мѣстахъ (казначеевъ), чтобы они не допускали крестьянъ уклоняться отъ тягла, производить семейные раздѣлы, чтобы они равняли своевременно землю.

«Крестьянъ сажать на тягла съ 15 лѣтъ, снимать съ тягла въ 60 лѣтъ, семейные раздѣлы запрещать, слѣдя за тѣмъ, чтобы въ тяглѣ было не менѣе 3 работниковъ».

Землю предписывалось дѣлить «на тягла, а не на ревизскія души». Малоземельныхъ крестьянъ приказывалось переселять на новыя мѣста, «равнять ихъ тамъ землею и другими угодьями».

Членамъ Экономическихъ Правленій вмѣнялось въ обязанность смотрѣть «въ настоящее ли время землю свою пашутъ и засѣваютъ и въ другихъ крестьянскихъ работахъ не лѣностно ли упражняются». «Наставленіе» заканчивается напоминаніемъ, чтобы «старосты и выборные наблюдали, чтобы крестьяне отъ времени до времени приходили въ лучшее состояніе и способны были, какъ къ бездоимочному платежу казенныхъ податей, такъ и собственно для себя имѣли бы безнужное существованіе».

«Наставленіе» предоставляло членамъ Правленія «наиприлежнѣйше развѣдывать», какъ недостатки каждаго селенія вообще и всякаго крестьянина и все регистрировать, дабы примѣчаніе о пользѣ казенной забвенію преданы не были».

У экономическихъ крестьянъ такъ же, какъ и у помѣщичьихъ, способъ эксплуатаціи крестьянъ опредѣлилъ способъ Управленія ими. Послѣ секуляризаціи крѣпостные церковныхъ установленій эксплуатировались посредствомъ оброчной системы.

Бездоимочный платежъ оброка и всякихъ платежей былъ основной обязанностью крестьянъ. За неисправность платежей отвѣчалъ по круговой порукѣ «міръ», съ выборными. Надъ міромъ въ качествѣ наблюдателя стоялъ казначей, а надъ казначеемъ стояла Экономическая Коллегія. Крестьянскій міръ распоряжался и землей и равнялъ ее подъ контролемъ представителя вотчинника. Въ общемъ, «міръ» и у экономическихъ крестьянъ являлся органомъ управленія крестьянами и органомъ ихъ эксплуатаціи.

V.

Міръ и община у удѣльныхъ крестьянъ.

Разрядъ крестьянъ, получившихъ названіе «удѣльныхъ», составился изъ крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ, сначала принадлежавшихъ дворцовому вѣдомству (дворцовые крестьяне), а затѣмъ, съ 1797 года, перешедшихъ къ Удѣльному Вѣдомству.

Управленіе дворцовыми крестьянами носило обычный помѣщичій характеръ. Дворцовое Вѣдомство распоряжалось крестьянами, сидѣвшими на землѣ вѣдомства, какъ крѣпостными: при Екатеринѣ II дворцовыя селенія сдавались въ аренду и путемъ «пожалованій» частнымъ лицамъ массы дворцовыхъ крестьянъ были превращены въ крѣпостныхъ помѣщиковъ.

Къ началу 80 годовъ 18 столѣтія дворцовые крестьяне почти всѣ были на оброкѣ. Размѣръ оброка у нихъ былъ одинаковъ съ тѣмъ, который платили государственные крестьяне. За исправность и своевременность доставки въ конторы оброка и подушной подати отвѣчали мірскіе выборные.

Издаваемые дворцовымъ вѣдомствомъ Указы (1739 г.), Инструкціи (1731 г.), Наставленія (1778 г.) управителямъ и губернскимъ дворцовымъ конторамъ даютъ полную картину характера эксплоатаціи крестьянъ этого разряда. Дворцовое Вѣдомство требовало отъ своихъ прикащиковъ надзирать за тѣмъ, чтобы пашня у крестьянъ не пустѣла, чтобы земля и повинности раскладывались на живыя тягла, и чтобы подати правились безъ послабленія. Подъ круговой отвѣтственностью крестьянскія общества обязывались платить подати за всѣхъ выбылыхъ, убогихъ, умершихъ, бѣглыхъ и взятыхъ на службу. А за это круговое ручательство Дворцовое Вѣдомство надѣлило сходы своихъ крестьянъ правами «міра» помѣщичьихъ крестьянъ. При недоборѣ оброка «міру» разрѣшалось отдавать недоимщиковъ въ работы или сдавать ихъ не въ очередь вмѣсто аккуратныхъ плательщиковъ въ рекруты. Обычное въ помѣщичьихъ вотчинахъ запрещеніе «самовольныхъ» семейныхъ раздѣловъ имѣло мѣсто и у дворцовыхъ крестьянъ.

До второй половины 18 столѣтія Дворцовое Вѣдомство, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно земли, смотрѣло равнодушно на то, что его крестьяне пользовались землей какъ частные собственники и владѣли землей «по наслѣдству», «по купчимъ и дарственнымъ» и т. д. Совершаемыя сдѣлки по продажѣ и залогу земли Дворцовое Вѣдомство признавало законными и разрѣшало регистрировать ихъ присутственнымъ мѣстамъ.

Однако, къ половинѣ 18 столѣтія почувствовалось земельное «утѣсненіе» и въ дворцовыхъ вотчинахъ. Неравномѣрность земельнаго обезпеченія крестьянъ, усиливаемая мобильностью крестьянской земли, начала все болѣе сильно отражаться на финансахъ Дворцоваго Вѣдомства. Вѣдомство начинаетъ все настойчивѣе проводить въ своихъ вотчинахъ помѣщичье «равненіе». Путемъ ряда Указовъ въ дворцовыхъ вотчинахъ сначала устанавливается неотчуждаемость крестьянской земли, затѣмъ, уничтожается частная собственность на землю и, наконецъ, вводятся принудительные земельные передѣлы.

Неотчуждаемость надѣловъ у дворцовыхъ крестьянъ вводилась манифестомъ о Генеральномъ Межеваніи 1765 года и Межевой Инструкціей 1766 года. Межевая Инструкція запрещала крестьянамъ отдавать земли въ приданое, завѣщать ихъ, продавать лицу, не положенному въ «подушный окладъ», и требовала отъ разнаго «чина людей безденежнаго возврата проданныхъ и заложенныхъ имъ земель крестьянъ».

Мѣропріятія 1765—1766 гг. (Манифестъ о межеваніи и Инструкція) повторяли въ главныхъ чертахъ содержаніе Указа 1713 года и Межевую Инструкцію 1754 года, требованія которыхъ остались неосуществимыми. Хотя этими актами устанавливалась неотчуждаемость земли непосредственно у черносошныхъ крестьянъ, но заключавшееся въ нихъ запрещеніе отчужденія земли было Дворцовымъ Вѣдомствомъ распространено и на дворцовыхъ крестьянъ. Начиная борьбу съ частной земельной собственностью у крестьянъ, правительство не разграничивало экономическихъ отъ черносошныхъ крестьянъ. Статсъ-секретарь Екатерины II, Козьминъ, представившій Екатеринѣ II проектъ аграрной реформы, доказывалъ, что мобильность крестьянской земли у черносошныхъ и у дворцовыхъ крестьянъ крайне убыточна казнѣ и должна быть уничтожена.

«И тѣ двухъ наименованій земли (тяглыя и оброчныя) черносошные и дворцовые крестьяне, яко же и помѣщики продаютъ» [1]).

Козьминъ считалъ безусловно необходимымъ, чтобы правительство безотлагательно уничтожило это «помѣщичье» право собственности на землю у крестьянъ дворцовыхъ и у черносошныхъ и ввело бы у нихъ земельныя отношенія помѣщичьихъ крѣпостныхъ. Козьминъ полагалъ, что при уничтоженіи права отчуждать земли, слабые крестьяне не будутъ имѣть возможности свои земли проматывать, а сильные не въ состояніи эти земли укрѣпить за собою, какъ помѣщики. Въ дальнѣйшемъ Козьминъ думалъ уравнять крестьянъ въ землѣ, «какъ и помѣщики своихъ крестьянъ по числу людей, кто что снести можетъ, уравниваютъ». Наиболѣе правильнымъ Козьминъ считалъ «повелѣть крестьянамъ дѣлить землю и раздавать въ волостяхъ недостаточнымъ равномѣрно» [2]).

Все содержаніе земельной крестьянской политики правительства конца XVIII столѣтія и первой половины XIX вѣка представляла осуществленіе идей, высказанныхъ въ цитированныхъ словахъ Козьмина.

Съ конца XVIII столѣтія правительство объявило рѣшительную борьбу крестьянской частной собственности на землю у всѣхъ зависимыхъ отъ него крестьянъ и приступило къ насажденію передѣльной общины.

У правительства, конечно, не было ни силъ, ни возможности сразу осуществить свою задачу. Правительству нужно было сперва націонализировать крестьянскую землю и, затѣмъ, найти средства заставить крестьянъ помириться съ этой мѣрой.

Дворцовая администрація пыталась съ самаго начала использовать Межевую Инструкцію для введенія уравнительнаго землевладѣнія у своихъ крестьянъ. Но первыя попытки вѣдомства разрушить «исконные» крестьянскіе обычаи вызвали въ дворцовыхъ деревняхъ большое броженіе. Въ дворцовыхъ селеніяхъ много лѣтъ шла жестокая борьба сторонниковъ и противниковъ вводимыхъ властью передѣловъ.

Борьба среди дворцовыхъ крестьянъ за и противъ уравнительной политики отразилась на содержаніи крестьянскихъ на-

---

[1]) Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Т. II.
[2]) Ibid. Стран. 625.

казовъ въ Екатерининскую Законодательную Комиссію. Въ рядѣ наказовъ крестьяне протестуютъ противъ земельныхъ передѣловъ, путемъ которыхъ разные «тунеядцы» по лѣности и мотовству, «размотавшіе» и «запустившіе» свои участки, желають захватить земли «съ великимъ трудомъ и убыткомъ», «превращенныя въ пашню лѣсныя, болотныя и согорныя мѣста крестьянами, имѣющими къ хлѣбопашеству раченіе». (Наказъ Важесскаго уѣзда дворцовой Химаневской волости; съ этимъ наказомъ сходны еще 23 наказа того же уѣзда [1]).

Наказы говорили и о томъ, какъ «управители», не считаясь съ правами крестьянъ: распаханныя и унавоженныя земли отводили такимъ крестьянамъ, которые той земли какъ прежде, такъ и нынѣ не распахивали и не улаживали (удобряли) [2]).

Многіе наказы дворцовые крестьяне заканчивали просьбами объ отмѣнѣ новыхъ земельныхъ законовъ. Они просили о «повелѣніи имъ владѣть по прежнему порядку, безъотъемлемо, землями, записанными по писцовымъ книгамъ и по крѣпостямъ, и по другимъ сдѣлочнымъ письмамъ».

(Наказы Важесскаго уѣзда).

Но во время писанія наказовъ крестьяне Дворцоваго Вѣдомства стояли еще въ началѣ борьбы. Періодъ наиболѣе энергичнаго давленія Дворцовое Вѣдомство на крестьянъ въ видахъ уничтоженія у нихъ частной собственности на землю наступилъ нѣсколько позже, въ концѣ 18 вѣка.

Съ особенной настойчивостью за это взялся Департаментъ Удѣловъ, въ вѣдѣніи котораго съ 1797 года перешли дворцо-

---

[1]) Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій противники и сторонники передѣловъ оказывались то въ большинствѣ, то въ меньшинствѣ. Большеземельные дворы не всегда были противниками передѣловъ. Передѣлы давали землю должникамъ большетяглыхъ дворовъ и, въ разсчетѣ на захватъ въ свою пользу земель отъ получившихъ прирѣзку своихъ должниковъ, большетяглые хозяева мѣстами выступили защитниками начальственныхъ предписаній о земельныхъ передѣлахъ. Такъ, въ одной жалобѣ Департаменту Удѣловъ на принудительный передѣлъ не только тяглыхъ, но и купчихъ крестьянскихъ земель въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, говорится о сторонникѣ передѣловъ богатомъ крестьянинѣ Долгинѣ, различными оборотами увеличившемъ состояніе свое до мѣры, въ коей онъ можетъ малозначущими противу обрѣтаемыхъ имъ выгодъ пособіями преклонить большую часть крестьянъ къ единомыслію съ нимъ. Жалобы относятся къ 19 стол., къ передѣламъ по душамъ 6-й ревизіи. В. В. Къ исторіи общины.

Сб. И. Р. И. О-ва. Т. 123, стран. 63—66.

[2]) Ibid. Стран. 55.

вые крестьяне. Удѣльное Вѣдомство, узнавъ, что перешедшіе къ нему крестьяне еще не переведены къ уравнительному землевладѣнію, немедленно приступило къ его насажденію. Въ 1800 году Архангельская Экспедиція сообщила Департаменту Удѣловъ о продолжающейся въ ея районѣ мобилизаціи тяглыхъ земель, приводящей къ разстройству крестьянское хозяйство. «Перепродажа поселянами тяглыхъ земель, съ платежемъ за то въ казну пошлинъ, годъ отъ году увеличиваясь, продолжалась даже по самый 1765 годъ, въ которомъ при изданіи Манифеста о генеральномъ межеваніи, а также въ послѣдующіе годы многія уже строжайшія послѣдовали воспрещенія» [1]). Въ отвѣтъ на это донесеніе Администрація Удѣловъ потребовала отъ мѣстнаго начальства принять мѣры къ тому, чтобы всѣ крестьяне были снабжены достаточнымъ количествомъ земли для того, чтобы они всѣ были въ состояніи очищать повинности [2]).

Если земли для малоземельныхъ дворовъ недоставало, то ее предписывалось брать не у казны, а у сильныхъ крестьянъ. путемъ земельныхъ передѣловъ. Администрація требовала скорѣйшаго производства такихъ передѣловъ во всѣхъ дворцовыхъ вотчинахъ.

Жестокія междоусобія, начавшіяся на мѣстахъ при принудительныхъ передѣлахъ, не остановили Департаментъ Удѣловъ. Департаментъ принималъ «законныя» мѣры къ прекращенію происходящей между крестьянами вражды и подавлялъ безпорядки.

«Если же въ раздѣлѣ земель» откроется неудовольствіе «писала Архангельская Удѣльная Экспедиція въ 1799 году», а особливо отъ тѣхъ (крестьянъ), которые согласились на раздѣлъ земли—таковыхъ, какъ бунтовщиковъ и возмутителей общаго спокойствія, заковавъ въ кандалы, держать подъ стражей [3]).

Въ 1800 году для Вологодской губерніи Департаментомъ Удѣловъ было издано рѣшительное предписаніе, которое еще десятилѣтія спустя не было осуществлено: «раздѣлъ земель немедленно привести къ окончанію». На случай, если между крестьянами возникнутъ разногласія, Департаментъ Удѣловъ предписывалъ

---

[1]) В. В. Къ исторіи общины въ Россіи. Стран. 22.

[2]) Ibid. Стран. 19.

[3]) Ibid. Стран. 19.

добиваться понужденіемъ единогласія. «А ежели въ какихъ-либо селеніяхъ мірскихъ приговоровъ на поравненіе земель вовсе не было постановлено, а дѣлить земли нѣкоторые изъ поселянъ согласны, другіе же не согласны, въ такомъ случаѣ строго сдѣлать понужденіе къ постановленію общесогласныхъ приговоровъ» [1]).

Какъ приводился миръ къ «единогласію», описывается въ одной жалобѣ крестьянъ Вологодской губерніи. «Волостной старшина, говорится тамъ, билъ и сажалъ на цѣпь, чтобы отдали другимъ крестьянамъ земли и сѣнные покосы, состоящіе изъ древнихъ лѣтъ какъ за предками ихними, такъ и за ними самими въ безспорномъ владѣніи и вновь расчищенные собственнымъ ихъ капиталомъ и трудами».

Несмотря на всю энергію Департамента Удѣловъ, понадобилось много времени, чтобы уничтожить среди дворцовыхъ крестьянъ частную собственность и ввести у нихъ уравнительную общину.

Введеніе принудительнаго уравнительнаго землепользованія у удѣльныхъ крестьянъ закончилось только наканунѣ Крестьянской Реформы 1861 года. Въ Вологодской губерніи оно было закончено въ десятыхъ годахъ 19 столѣтія Въ Архангельской—въ 20-хъ, въ Пермской—въ 30-хъ, въ Оренбургской—въ 50-хъ.

Естественно, что при начальственномъ достиженія «единогласія» столкновенія на почвѣ проведенія аграрной реформы были обычнымъ явленіемъ въ деревнѣ. Крестьяне не признавали передѣловъ; они увозили сѣно съ своихъ старыхъ доставшихся другимъ покосовъ (пожень), огораживали свои старые участки, увозили со своихъ старыхъ полосъ хлѣбъ. Все это вызывало большіе «споры, шумъ и даже драки». «За такія дерзости, доносили мѣстныя власти высшему начальству, виновные подвергаются уѣздному суду и хотя по рѣшенію суда и уголовной палаты часто подвергались наказанію, но это не удерживаетъ отъ своеволія другихъ крестьянъ, а иногда тѣхъ самыхъ, которые уже подвергались наказанію» [2]).

Уравнительное землепользованіе вводилось Удѣльнымъ Вѣдомствомъ у всѣхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на удѣльныхъ зе-

[1]) Ibid. Стран. 23.

[2]) В. В. Къ исторіи общины въ Россіи. Стран. 33.

мляхъ, независимо отъ ихъ національности, и отъ характера происхожденія у нихъ правъ собственности на землю. Такъ напримѣръ, земельное равненіе было произведено среди Симбирскихъ Лашмановъ, потомковъ служилыхъ татаръ, получившихъ землю на наслѣдственномъ правѣ по особымъ жалованнымъ грамотамъ [1]).

Такимъ образомъ, «исконная» «славянская» община переносилась къ татарамъ.

При земельномъ равненіи Удѣльное Вѣдомство предписывало соединять вмѣстѣ землю *нѣсколькихъ селеній* и затѣмъ дѣлить ее по числу душъ.

При Генеральномъ Межеваніи по указу Сената 1788 г. и по Межевой Инструкціи 1766 г. землемѣры обязаны были отмежевывать въ одну дачу всѣ сосѣднія селенія дворцовыхъ крестьянъ, при чемъ по усмотрѣнію начальства полученная такимъ образомъ *общая* дача могла быть пущена въ передѣлъ между селеніями по числу душъ [2]).

И если при внутриселенномъ земельномъ равненіи одна часть деревни шла на другую, то при межселенномъ равненіи бывали случаи, что вступали въ сраженіе цѣлыя деревни. Въ Пензенской губ., напримѣръ, въ Сораевскомъ Приказѣ, дѣло дошло до настоящаго боя между толпой въ 700 человѣкъ. Въ столкновеніи былъ убитъ староста и много крестьянъ переранено. Въ результатѣ 37 крестьянъ были жестоко наказаны плетьми, 14 изъ нихъ приговорены къ церковному покаянію. Въ Покровскомъ Приказѣ староста и 18 человѣкъ крестьянъ были отданы подъ судъ за явное буйство и неповиновеніе приказу о межселенномъ уравненіи.

Но эти явленія не останавливали Департаментъ Удѣловъ, онъ продолжалъ требовать отъ мѣстныхъ конторъ, чтобы они всемѣстно старались содѣйствовать уравнительной разверсткѣ земель между крестьянами [3]).

Въ Орловскую губ., гдѣ межселенные передѣлы подвигались особенно туго, Департаменту Удѣловъ только послѣ долгихъ усилій удалось, наконецъ, получить донесеніе, что «приказами сдѣланы селеніямъ строгія внушенія и что съ селенія взяты

[1]) Ibid. Стр. 68.
[2]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II. Т. II, стр. 34.
[3]) Стр. 122. В. В. Ibid.

о передѣлахъ особыя подписки». Несмотря на эти подписки крестьяне отказывались принимать изготовленные землемѣрами планы. Администрація укрощала строптивыхъ подходящими средствами. Бывали случаи, что дѣло кончалось и безъ насилія.

Въ одномъ приговорѣ Саратовской губ. говорилось, что долго упорствовавшій міръ, въ концѣ концовъ, сдался на безпристрастныя убѣжденія его «высокоблагородія» [1]).

Съ введеніемъ уравнительнаго землепользованія у удѣльныхъ крестьянъ установились обычные помѣщичьи порядки. Власть надъ крестьянами перешла къ связанному круговой порукой крестьянскому міру. Міръ, угрожаемый всяческими карами за несвоевременную доставку податей сажалъ крестьянъ на тягла: «сколько вытянетъ дворъ», налагалъ на дворы «посильные платежи» и вообще усуществлялъ подъ контролемъ начальства ту податную «справедливость», о которой такъ заботилась крѣпостная администрація.

«Въ виду того, что всякая недоимка въ денежномъ окладѣ состоитъ на отвѣтственности мірскихъ обществъ, то и распредѣленіе тяголъ по семействамъ въ каждомъ селеніи предоставляется непосредственному усмотрѣнію того же общества, подъ наблюденіемъ токмо мѣстнаго начальства, дабы вся тягловая земля при селеніи непремѣнно была обработана самими крестьянами, а отнюдь не отдаваема въ наемъ и не лежала въ пустѣ», говорилось въ «Правилахъ о Сборѣ съ Удѣльныхъ Крестьянъ Поземельныхъ Налоговъ».

Администрація прекрасно понимала, что сами крестьяне не сторонники введенія у нихъ фискальнаго коммунизма. Одинъ удѣльный чиновникъ описывалъ начальству, какъ упорно боролись крестьяне съ справедливымъ распредѣленіемъ податныхъ тягостей.

«Всѣ крестьяне, какъ бы ни была урожайна и выгодна земля, стараются всѣми возможными отговорками предъ мірскимъ обществомъ уклониться отъ принятія на себя именно столько тяголъ, сколько въ домѣ работниковъ, имѣя главною своею опорой, многозначущія слова: «не исправлю, не подниму, не вытяну: міръ же будетъ за меня платить». Но міръ знаетъ, кто въ семъ случаѣ говоритъ правду, и кто лжетъ, и потому очень часто налагаетъ тяглы совершенно *насильно*».

---

[1]) Ibid. Стр. 147.

Однако, по словамъ этого чиновника, крестьяне будто бы не протестовали противъ такого насильнаго наложенія тяголъ. «Когда же такимъ образомъ тягло наложено, то крестьянинъ безъ ропота покоряется сужденію мірского общества ибо видитъ, что оно справедливо: русскому крестьянину всего болѣе тяжела одна неправда, неуравнительность, обидность передъ своимъ братомъ».

Эта мірская «справедливость», которой «безъ ропота» покорялись крестьяне, не исключала наложенія и непосильныхъ тяголъ.

«Крестьяне вообще почитаютъ тягло за тягость (разумѣется, кромѣ количества земли, которое необходимо для содержанія ихъ). И въ каждомъ селеніи найдется много людей, охотно сдающихъ свои тягла, и особенно такихъ, на семейства которыхъ наложено міромъ насильно три и болѣе тягла» [1]).

Департаментъ Удѣловъ старался регулировать земельные передѣлы тамъ, гдѣ они производились «безпорядочно» и устанавливалъ срокъ между передѣлами «въ 10 хлѣбовъ».

«Во всякомъ селеніи пашенная земля и угодья для пользы хлѣбопашества и обезпеченія земледѣльцевъ», предписывалъ Департаментъ Удѣловъ, «не иначе должны дѣлиться, какъ, по жребію между крестьянами на тягловые участки, какъ по крайней мѣрѣ, на 10 хлѣбовъ или жатвъ, т. е. 15 лѣтъ или сближенія съ эпохами переписи, отъ ревизіи до ревизіи».

Впослѣдствіи Департаментъ Удѣловъ вовсе запретилъ крестьянамъ дѣлить земли «безъ разрѣшенія начальства».

Послѣ 8-й ревизіи Департаментъ Удѣловъ отдалъ приказъ «подъ строжайшей отвѣтственностью всего мірского общества землю до 9-й ревизіи или безъ особеннаго разрѣшенія начальства ни подъ какимъ предлогомъ вновь не дѣлить».

Такъ, у дворцовыхъ крестьянъ установились тѣ же отношенія что и у крѣпостныхъ крестьянъ: крестьяне обязаны были равняться въ землѣ и въ работѣ, но когда и какъ производить «равненіе» это было не дѣломъ міра, а дѣломъ вотчинныхъ конторъ.

[1]) В. В. Къ исторіи общины въ Россіи. Стр. 83.

VI.

Міръ и община у однодворцевъ.

Въ теченіе 18 столѣтія къ государственнымъ крестьянамъ рядомъ указовъ были причислены однодворцы, потомки служилыхъ людей южныхъ и восточныхъ провинцій. Служилые люди за свою службу получали болѣе или менѣе значительные земельные надѣлы. Но съ ростомъ населенія надѣлы мельчали и уже къ началу 18 столѣтія и по земельному обезпеченію, и по образу жизни однодворческія массы сблизились съ массой государственныхъ крестьянъ и поколѣнія бывшихъ помѣщиковъ въ большинствѣ сами стали ходить за сохой. «Они были всѣ дворяне и дѣти боярскіе», писалъ о нихъ Болтинъ въ концѣ 18 вѣка, «но пришедши въ убожество сдѣлались земледѣльцами». А въ старину жребій былъ всѣхъ дворянъ, пришедшихъ въ убожество, стать однодворцами»[1]).

Въ 1724 году однодворцы были положены наравнѣ со всѣми крестьянами въ подушный окладъ и подъ круговой порукой обязывались его вносить своевременно.

«Въ слободахъ всѣмъ однодворцамъ объявить указъ, ежели послѣ нынѣшняго свидѣтельства, кто побѣжитъ, за тѣхъ подушный окладъ правленъ будетъ на оставшихся жителяхъ неотмѣнно».

Въ уравненіи себя съ крестьянами однодворцы увидѣли нарушеніе своихъ исконныхъ правъ, и мѣстами борьба за возстановленіе этихъ правъ приводила къ однодворческимъ бунтамъ.

Въ Екатерининскую Комиссію отъ однодворцевъ поступали жалобы на присоединеніе ихъ къ крестьянамъ. «А изъ давнихъ лѣтъ», жаловались въ своемъ наказѣ одоевскіе однодворцы, «прародители наши въ подушномъ окладѣ до 1724 года не состояли и служили въ московскомъ чину и въ городовехъ дворянехъ по наряду и разряду полковую службу»[2]).

[1]) И. Болтинъ. Примѣчаніе на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка. Т. II, 1788 г., стран. 226.

[2]) Сб. И. Р. И. О-ва. Т. 115, стран. 13.

Многіе однодворцы продолжали считать себя дворянами: «И объ одномъ нашемъ россійскомъ дворянствѣ всякъ о себѣ доказать можетъ,либо у многихъ и нынѣ родственники находятся въ службѣ штабъ и оберъ-офицерами, и прочіе въ отставкѣ въ домахъ своихъ обрѣтаются, которые отъ родства не отрекутся», писали въ своемъ наказѣ однодворцы Симбирской губерніи [1]).

«И желанія нашего къ тому ни отъ кого не имѣлось, да и бывшими ревизорами таковою о дворянствѣ предковъ нашихъ доказательства не требовало» [2]) говорили въ наказѣ однодворцы Крапивенскаго уѣзда, жалуясьна приписку ихъ къ крестьянамъ.

Реорганизація арміи и присоединеніе Крыма сдѣлали къ концу 18 столѣтія особую ландмилицкую службу ненужной и возстановленіе привилегорованнаго положенія, о чемъ просили многіе однодворческіе наказы въ Екатерининскую Комиссію 1867 года, сдѣлалось окончательно невозможнымъ.

Со второй половины 18 столѣтія большинство однодворческихъ поселеній уже составляли, связанные круговой порукой, крѣпкіе землѣ крестьянскіе «міры» и ничѣмъ не отличавшіеся отъ міровъ государственныхъ крестьянъ. Мѣстами однодворцы даже просили правительство о надѣленіи ихъ обществъ правами обществъ помѣщичьихъ крестьянъ. Такъ, въ наказѣ Свіяжскаго уѣзда однодворцы требовали для «міра» права сдавать въ рекруты не въ очередь сочленовъ и право отправлять ихъ по приговорамъ сходовъ въ ссылку.

«Много плутающихъ и не за одну вину наказанныхъ по явному свидѣтельству и по желанію мірскому повелѣно было бъ таковыхъ, *яко и помѣщиковыхъ и прочихъ крестьянъ* съ зачетомъ въ рекруты на поселеніе отправлять куда надлежитъ» [3]).

Приравнявъ однодворцевъ къ государственнымъ крестьянамъ, казна стала на нихъ смотрѣть глазами вотчинника. Казна требовала, чтобы однодворцы платили бездоимочно подушную подать и оброкъ, при чемъ размѣръ оброка у однодворцевъ постепенно былъ доведенъ до нормы, одинаковой съ государственными крестьянами.

Считая частное землевладѣніе у крестьянъ крайне вреднымъ

[1]) Ibid., стран. 197.
[2]) Сб. И. Р. И. О-ва. Т. 115. стран. 34.
[3]) Ibid., стран. 195.

для казны, правительство съ конца 18 столѣтія начинаетъ ломать его и насаждать у нихъ передѣльную общину. Однодворцы получили землю «въ помѣстье» и владѣли ею на правахъ помѣщиковъ: они ее продавали, закладывали, давали въ приданое и въ наслѣдство.

Такой порядокъ земельныхъ отношеній оставался у однодворцевъ на первыхъ порахъ и послѣ того, какъ они, обѣднявъ впали въ «крестьянство». На почвѣ свободной купли-продажи земли среди однодворцевъ появилось значительное число малоземельныхъ и даже вовсе безземельныхъ дворовъ. Это положеніе составляло угрозу финансовому хозяйству.

Борьба съ недоимочностью однодворцевъ вызвала къ жизни рядъ правительственныхъ указовъ, ограничивающихъ земельную мобилизацію. Но эти указы не имѣли силы.

Межевыя Инструкціи 1754—1766 гг. запретили однодворцамъ продавать и закладывать землю. Но Межевая Инструкція 1766 г. запретила продажу земель только подушнаго оклада; продажа же земель «въ подушный окладъ не положенныхъ» была допущена среди самихъ однодворцевъ.

«Впредь однодворцамъ... тѣхъ земель, на коихъ они въ подушный окладъ положены не только постороннимъ, но и равнымъ себѣ, отнюдь не продавать и въ наемъ кромѣ какъ погодно, также за долги и въ искѣ никому не отдавать, а ежели кто продастъ или заложитъ, то купчимъ и закладнымъ быть не дѣйствительнымъ. А и отхожія свои земли... дозволяется имъ... продавать единственно равнаго себѣ состоянія людямъ».

Въ то же время Межевая Инструкція предписывала, чтобы при межеваніи земель всѣмъ однодворцамъ, не имѣвшимъ документовъ на землю, а также и малоземельнымъ дворамъ, нарѣзывалось по равному количеству земли по 60 дес. на дворъ (по 8 дес. въ среднемъ на 4 души) да по 28 дес. про запасъ, «на размножающихся». При этомъ требовалось, чтобы всѣ однодворческія земли межевались въ «одну общую округу, а не порознь».

Такимъ образомъ, какъ межеваніе отводимыхъ однодворцамъ земель въ одну общую дачу при установленіи равной для всѣхъ нормы надѣла, подготовлялась почва для будущаго «земельнаго равненія всѣхъ однодворцевъ». Замежевываніе владѣній нѣсколькихъ владѣльцевъ въ одну дачу, при раздѣльномъ веденіи хозяйства, вызывало потребность въ раздѣлѣ такихъ дачъ между разными владѣльцами.

Въ Межевой Инструкціи 1754 года правительство шло настолько далеко въ стремленіи охранить земли однодворцевъ отъ «расхищенія», что предписывало отбирать безденежно земли, купленныя у однодворцевъ послѣ указа 1727 года, въ томъ случаѣ, если при межеваніи не всѣмъ хватало земли, если «на число душъ земли не достанетъ». Межевая Инструкція въ 1766 году не упоминаетъ о такомъ отобраніи земель, такъ какъ такая мѣра затрагивала бы интересы многихъ помѣщиковъ, скупавшихъ землю у малоземельныхъ однодворцевъ. Но сами однодворцы въ своихъ наказахъ Екатерининской Комиссіи, жалуясь на свои «недостатки и изнеможенія» и прося о дополнительной земельной нарѣзкѣ, указывали что это дополнительное надѣленіе можно произвести путемъ отобранія проданныхъ однодворцами земель, а также путемъ передачи имъ «смежныхъ государственныхъ земель».

Въ наказѣ однодворцевъ Крапивенскаго уѣзда говорилось, что благодаря «платежу подушныхъ, рекрутскихъ и ландмилицкихъ поборовъ, однодворцы пришли въ настоящее изнеможеніе и недостатки», частью распродали помѣщикамъ жалованныя предкамъ ихъ земли, частью эти земли крупные помѣщики отобрали у нихъ силой. Крапивенскіе однодворцы просили въ своемъ наказѣ «проданныя послѣ запретительныхъ 727 и 730 гг. указовъ предками нашими и потомками ихъ земли отобрать отъ тѣхъ, кому оныя проданы, возвратить въ число однодворческихъ земель».

То же самое повторяли въ своемъ наказѣ Одоевскіе погостные однодворцы: они просили проданныя послѣ запретительнаго 727 г. предками нашими и потомками ихъ земли отобравъ отъ тѣхъ, кому оныя проданы, возвратить попрежнему въ число однодворческихъ земель [1]).

Однодворцы Калужской провинціи также просили: «отобравъ отъ силновладѣльцевъ усадебную землю, съ прибавленіемъ къ оной изъ прежней назначенной по межеванію намъ земли, и съ примѣрныхъ пригородныхъ Мосальскихъ земель насъ наградить и ихъ силновладѣльцевъ (силою захватившихъ) отъ владѣнія той нашей усадебной земли отрѣшить».

Однодворцы села Левенскаго Одоевскаго уѣзда писали въ своемъ наказѣ: «И мы именованные сначала съ обоихъ про-

[1]) Сб. И. Р. И. О-ва. Т. 115. Стран. 15.

шедшихъ ревизіевъ такую подушнаго сбору окладную сумму платили съ великимъ изнеможеніемъ, принимая въ наемъ у смежныхъ владѣльцевъ землю, у крестьянъ, съ которой себѣ получая съ посѣву пропитаніе, и по ней годно подушныя деньги плачевали, а протчая наша братія, какъ выше сего оказуется, что и нанять нечѣмъ, а состоящая по крѣпостямъ земля въ силновладѣльцевъ состоитъ, и нынѣ и тѣхъ подушныхъ денегъ взять неначѣмъ. А впредь ежели отъ тѣхъ силновладѣльцевъ въ нашей братіи такая сумма пашенной земли не возвратится, то уже и до сущаго прійдутъ во оскудѣніе и пропитаніе получить не могутъ» [1]).

Наказы однодворцевъ показывали, что «оскудѣніе» ихъ зашло слишкомъ далеко—часть однодворцевъ не только не могла платить оклада, но дошла до «недостатка и въ пропитаніи».

Правительство не желало удовлетворить ходатайствъ однодворцевъ объ «отобраніи» земли, попавшей изъ слабыхъ рукъ къ силновладѣльцамъ. Тѣмъ настойчивѣе оно поддерживало идею смѣшенія всѣхъ однодворческихъ земель и уравнительнаго раздѣла ихъ между всѣми однодворцами даннаго селенія.

Первыя попытки правительства направить однодворцевъ на путь передѣловъ оставшихся у нихъ земель между собою имѣли мѣсто и до Екатерининской Комиссіи. Изъ приведенныхъ наказовъ однодворцевъ видно, что естественнымъ фондомъ для пополненія ихъ земельныхъ недостачъ составители наказовъ считали рядомъ лежащіе помѣщичьи земли, земли «силновладѣльцовъ», а правительство отсылало ихъ отъ помѣщичьихъ земель къ ихъ собственнымъ. Такая программа правительства не могла не встрѣтить оппозицію у зажиточныхъ однодворцевъ. Однодворцы Свіяжскаго уѣзда въ своемъ наказѣ протестовали противъ дѣлежа ихъ земель поровну: такая мѣра для однихъ была «хороша», для другихъ «обидна».

«Изъ нашей же братьи есть и таковые, и отцы ихъ въ службахъ не находились, доставшіе послѣ отцовъ своихъ земли и протчія урочища продали, а другіе и промѣняли помѣщикамъ... А по Межевой Инструкціи напечатано наличную землю дѣлить по душамъ равно. Изъ онаго одни продали, а другіе и совсѣмъ не имѣли, а по раздѣлу получатъ землю: онымъ видится сходно

[1]) Ibid. Стран. 21.

намъ же крайняя изъ того обида», писали въ своемъ наказѣ однодворцы Свіяжскаго уѣзда [1]).

Переходы однодворцевъ къ душевому равненію земли въ 18-столѣтіи были случайны. Въ 19 же вѣкѣ, послѣ учрежденія М—ства Госуд. Имуществъ, которому однодворцы, какъ государственные крестьяне были подчинены, благодаря воздѣйствію окружныхъ начальниковъ приведеніе однодворцевъ къ душевой разверсткѣ пошло довольно быстро.

Послѣ Киселевской Реформы у однодворцевъ воцарился уже чисто крѣпостническій строй.

«Вообразите крупнѣйшаго въ мірѣ помѣщика рабовладѣльца. Этотъ рабовладѣлецъ никто оной, какъ само государство, графъ Киселевъ—это главный управляющій. Министерство Государственнаго Имущества его вотчинная контора, а окружные начальники—бурмистры, дѣйствующіе на мѣстахъ. Ихъ дѣйдѣйствія подкрѣплялись зуботычинами, засадкой въ холодную, драньемъ и сверхъ всего взиманіемъ денежной молитвы. Послѣднюю очень любили окружные и жили не хуже губернаторовъ». Однимъ изъ важныхъ моментовъ, содѣйствовавшихъ переходу однодворцевъ къ уравнительному землепользованію, было «воздѣйствіе этихъ окружныхъ начальниковъ» [2]).

Принявъ въ свое вѣдѣніе однодворцевъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ начало борьбу съ недоимочностью однодворцевъ съ того, что разрѣшило имъ по приговорамъ обществъ раздѣлять свои земли на ревизскія души [3]).

Это разрѣшеніе Министерства Государственныхъ Имуществъ подняло въ однодворческой деревнѣ ожесточенную междуусобицу: «Иначе, какъ съ дрекольемъ на сходку не ходили», разсказывали однодворцы Курской губерніи о времени борьбы за передѣлы [4]). Отношеніе къ передѣламъ слабыхъ и сильныхъ однодворческихъ семей было различно; но далеко не всегда слабые дворы были сторонниками передѣловъ. Наоборотъ, когда оброкъ послѣ 1845 года сталъ однодворцами выплачиваться не съ души, а съ земли, то передѣлы оказались выгодными сильнымъ дворамъ, такъ называемымъ «широкодачникамъ» въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бывшая во владѣніи двора земля

---

[1]) Сб. И. Р. И. О-ва. Т. 115. Стран. 193.

[2]) Благовѣщенскій. Четвертное Право. Стр. 134—137.

[3]) Благовѣщенскій. Стран. 138. Четвертное Право.

[4]) Ibid. Стран. 139.

не окупала падающихъ на нее повинностей. Не желая платить за малодоходную землю широкодачники просили «міръ» взять съ нихъ часть земли, а имъ оставить только, «что на ихъ долю приходится по душамъ» [1]). Но перспектива тянуть непосильное тягло не прельщала малоземельныхъ однодворцевъ и они не всегда удовлетворяли просьбы широкодачниковъ снять съ нихъ излишнюю землю и отказывали имъ въ уравнительномъ передѣлѣ.

Въ районахъ болѣе доходной земли положеніе создавалось прямо противоположное—малоземельные боролись съ многоземельными, не желавшими давать своихъ земель въ передѣлъ.

Въ междуусобной борьбѣ однодворцевъ правительство всегда было на сторонѣ передѣловъ, кто бы ни являлся ихъ иниціаторомъ, слабые или сильные дворы. Земская статистика начала 80-хъ годовъ 19 столѣтія записала воспоминанія крестьянъ о томъ времени, въ жизни однодворческой деревни, когда по словамъ изслѣдователя русской общины В. В. «правительство активно выразило свое сочувствіе общинѣ». По Курской губерніи имѣется слѣдующая запись: «До 1839—1840 гг. всѣ крестьяне Обоянскаго уѣзда (кромѣ помѣщичьихъ и нѣсколькихъ селъ государственныхъ крестьянъ), живя обществами и связанные круговой порукой, владѣли землей подворно. Въ этомъ же году т. е., послѣ перехода однодворцевъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, по всему уѣзду начинаютъ разъѣзжать правительственные чиновники въ сопровожденіи волостныхъ головъ и предлагать подворнымъ владѣльцамъ передѣлить всѣ ихъ участки на ревизскія души. Вслѣдствіе большой и неравномѣрной раздробленности участковъ, съ одной стороны, съ другой—въ надеждѣ привлечь къ раздѣлу участки крупныхъ четвертныхъ [2]) владѣльцевъ, большинство населенія охотно соглашалось на предложеніе, и въ короткое время (въ теченіе 1839—1840 гг.) почти всѣ четвертныя земли уѣзда обратились въ общинныя. Однако дѣло не обошлось безъ упорства со стороны большеземельныхъ, которые частью силою не допускали до передѣла своихъ земель,

[1]) Ibid. Стран. 445.

[2]) Однодворческія земли назывались четвертными—„четвертное право", — такъ какъ въ старину земля нарѣзывалась по особымъ мѣрамъ—четвертямъ, а сами однодворцы часто назывались „четвертниками".

частью подавали въ суды жалобы и прошенія о возвращеніи ихъ земель уже передѣленныхъ на души [1]).

Въ другомъ уѣздѣ Курской губерніи (Льговскомъ) однодворцы отъ четвертного владѣнія переходили къ общинѣ также подъ давленіемъ правительственной власти.

«Переходы съ четвертей на души произошли въ Льговскомъ уѣздѣ Курской губерніи очевидно подъ вліяніемъ извѣстныхъ тенденцій Палаты Государственныхъ Имуществъ, такъ какъ въ извѣстныхъ намъ случаяхъ они относятся крестьянской памятью къ 40-мъ годамъ (19 стол.)» [2]).

Роль Министерства Государственныхъ Имуществъ въ переходахъ однодворцевъ къ общинѣ была рѣшающей. «Самымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для душевого передѣльнаго землевладѣнія у однодворцевъ, было то, что гр. Киселевъ, а за нимъ и все Министерство, понимали, что помѣстная четвертная форма землевладѣнія невыгодна крестьянству, и что уравнительная душевая община спасетъ его отъ многихъ хозяйственныхъ бѣдъ» [3]).

Однако, несмотря на всю энергію чиновъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, несмотря на всѣ понужденія однодворцевъ переходить къ «уравнительному» пользованію землей, къ началу 50-хъ годовъ 19 столѣтія правительству удалось уничтожить наслѣдственное владѣніе менѣе, чѣмъ у половины однодворческихъ дворовъ (всего 44%). Переходы отъ «четвертного» владѣнія къ передѣльному—душевному продолжалось и въ пореформенное время. У части однодворцевъ власть такъ и не успѣла произвести обмірщенія земли у однодворцевъ до самаго 1906 года, когда аграрная политика правительства рѣзко измѣнилась и борьба съ частной земельной собственностью въ пользу обмірщенія смѣнилась борьбой съ обмірщеніемъ въ пользу частной собственности. На однодворческихъ земляхъ скрестились двѣ эпохи аграрной политики.

Хотя съ 1906 года содержаніе земельной политики и рѣзко измѣнилось, но способъ насажденія новыхъ формъ землевладѣнія не измѣнился.

«Активное несочувствіе» власти съ 1906 года къ общинѣ выражалось нерѣдко въ столь же жестокихъ репрессіяхъ, по

---

[1]) В. В. Крестьянская Община. Стран. 33.

[2]) Благовѣщенскій. Четвертное Право. Стран. 402.

[3]) Ibid. Стран. 136.

отношенію къ крестьянамъ въ какихъ въ дореформенное время выражалось активное несочувствіе власти къ частно-собственническимъ земельнымъ отношеніямъ у государственныхъ крестьянъ.

VI.

Міръ и община у черносошныхъ крестьянъ.

Крестьяне сѣверныхъ «Поморскихъ уѣздовъ» (нынѣшнія — Архангельская, Вологодская и Олонецкая губерніи), сидѣвшіе на земляхъ казны, носили названіе «черносошныхъ». Они считались лично свободными, хотя казна смотрѣла на себя, какъ на вотчинника «черныхъ деревень». Казна требовала, чтобы крестьяне «черныхъ сохъ» платили ей оброкъ, какъ «прочіе крестьяне своимъ вотчинникамъ платятъ». Этотъ оброкъ систематически повышался, соотвѣтственно его росту у помѣщичьихъ крестьянъ. По закону, вѣдающіе черносошными крестьянами учрежденія играли по отношенію къ нимъ ту же роль, что и помѣщичьи вотчинныя конторы по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Напримѣръ, Указъ 1761 года запретилъ крестьянамъ обязываться векселями и вступать въ поручительства «*крѣпостнымъ* безъ разрѣщенія ихъ помощниковъ, *дворцовымъ* — ихъ «управителей», а *черносошнымъ* — безъ разрѣшенія «тѣхъ мѣстъ, гдѣ оные въ вѣдомствѣ состоятъ».

Круговая порука при отбываніи подушной подати и оброка лишала черносошныхъ свободы передвиженія и дѣлала ихъ «крѣпкими» ихъ волостямъ. Но это прикрѣпленіе къ землѣ черносошныхъ крестьянъ было достигнуто не сразу. Еще въ XVII вѣкѣ крестьяне «бѣжали» изъ волостей и ихъ ловили «безъ срока» [1]). Вся система управленія черносошными крестьянами была направлена къ тому, чтобы ни одинъ крестьянинъ «въ государевыхъ податяхъ въ избылыхъ не оказался». Крестьянскій «міръ» игралъ въ этой системѣ роль низшаго ад-

[1]) Богуславскій. Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в. Т. II.

министративно-податного органа, наблюдавшаго за тѣмъ, чтобы «хлѣбопашество размножалось», налоги и повинности поступали «безъ доимокъ», рекруты поставлялись исправно и среди крестьянъ порядокъ не нарушался.

Соотвѣтственно этому избираемымъ крестьянскимъ «міромъ» властямъ предписывалось всемѣрно слѣдить за тѣмъ, чтобы казенному интересу не было въ чемъ-либо нанесено ущерба. О суровости отвѣтственности «мірскихъ» избранныхъ красноръчиво говоритъ указъ 1769 года, предписывавшій—«старостъ и выборныхъ недоимочныхъ волостей брать въ города и употреблять подъ карауломъ въ тяжкія работы», пока заработанная плата за эти работы не покроетъ всей недоимки.

Наказы черносошныхъ крестьянъ въ Екатерининскую комиссію 1767 года даютъ яркую картину быта крестьянъ этого «разряда». Изъ этихъ наказовъ видно, прежде всего, что подъ давленіемъ круговой поруки мірская власть у черносошныхъ, какъ и у помѣщичьихъ крестьянъ, попадала въ руки богатыхъ крестьянъ и черносошный бѣднякъ также страдалъ отъ двойной эксплоатаціи—казны и богатыхъ крестьянъ, своихъ односельцевъ [1]).

Наказы черносошныхъ крестьянъ (они же «государственные» крестьяне) полны жалобъ на тяжесть круговой поруки, по которой приходится «мірскимъ людямъ» платить за всѣхъ положенныхъ въ окладъ «юродивыхъ», «дряхлыхъ и увѣчныхъ», «за ссущихъ младенцевъ», «за неимущія и умершія души» [2]).

Жалуются черносошные крестьяне на разоренія ихъ круговой порукой и въ рекрутской повинности: міру приходится поставлять рекрутовъ за всѣхъ бѣглыхъ, «по несыску» которыхъ «отдаютъ въ рекруты пожиточныхъ крестьянъ» [3]).

Разоряетъ крестьянъ и крѣпость къ землѣ и трудность уйти на заработки, ибо для отлучекъ нужно брать не только «письменный видъ», но и оставлять за себя поручителей, которые обязались бы платить за ушедшихъ «подушныя деньги», «по наступленіи подушному сбору указного термина» [4]).

Въ теченіе всего 18 вѣка казна все настойчивѣе предъявляла

---

[1]) Объ угнетеніи „маломочныхъ" крестьянъ богатыми („прожиточными") путемъ захвата мірской власти, см. Богуславскій. Ibid. стран. 292.

[2], [3], [4]) Сборн. И. Русскаго Историческаго О-ва. Т. IV, стран. 81. Т. XV, стран. 237, 243, 248, 249.

свои вотчинныя права на черносошныхъ крестьянъ и все шире и шире пользовалась этими правами.

«Свободные» крестьяне сѣвера все болѣе сближались съ крѣпостными помѣщичьими крестьянами и въ отношеніи тягости обложенія, и въ способахъ взысканія съ нихъ налоговъ, и въ полномъ безправіи ихъ передъ властями. Въ концѣ 18 столѣтія этотъ процессъ сближенія свободныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ заканчивается принудительнымъ введеніемъ у свободныхъ крестьянъ сѣвера земельно-уравнительныхъ порядковъ, получившихъ преобладаніе у крѣпостныхъ крестьянъ.

Еще въ половинѣ 18 столѣтія въ области права распоряженія землей черносошные крестьяне мало отличались отъ другихъ свободныхъ владѣльцевъ: помѣщиковъ, посадскихъ людей, монастырей и т. д.

Распоряженіе землей у крестьянъ сѣвера фактически ничѣмъ не было ограничено [1]), сдѣлки по куплѣ-продажѣ и залогу крестьянской земли—крестьянамъ и не крестьянамъ—регистрировались правительственными учрежденіями, оплачивались соотвѣтственными пошлинами и имѣли юридическую силу.

Купля и продажа земли, будучи порожденіемъ имущественнаго неравенства, усиливали это неравенство: земля постепенно скоплялась въ рукахъ имущественно сильныхъ крестьянскихъ семей, монастырей, торговыхъ людей, а бѣднота изъ полноправныхъ владѣльцевъ переходила въ «половниковъ», обрабатавшихъ прежнюю свою землю изъ доли урожая или превращались въ пролетаріевъ.

Имѣя въ своихъ рукахъ «мірскую власть», богатые крестьяне сгоняли слабые дворы и съ оброчныхъ земель (т. е. съ казенныхъ земель, которыя помимо тяглой земли крестьяне брали у казны изъ платежа оброка), и захватывали эти оброчныя земли въ полную собственность [2]).

Отъ такого порядка страдала не только крестьянская бѣднота, но терпѣла убытокъ и казна. Обезземеленный крестьянинъ не могъ тянуть государева тягла—и въ каждомъ обезземеленномъ казна теряла исправнаго плательщика. Правда, бо-

---

[1]) М. Островская, стран. 93 и др. Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVIII вѣкахъ.

[2]) Ibid. Стран. 77, 94, 111, 113.

гатое меньшинство крестьянъ, путемъ эксплоатаціи слабосильныхъ дворовъ еще болѣе увеличивало свое богатство и свои платежныя силы. Но, «собирая» въ своихъ рукахъ землю покупкой, за долгъ, за «ростъ» и т. д. богатые крестьяне, все-таки, были плохими плательщиками. Въ качествѣ «мірского начальства» они перекладывали на бѣдныхъ главную массу налоговъ, а себѣ выговаривали у правительства разныя льготы [1]). При такихъ условіяхъ, несмотря на всю энергію правительственныхъ сборщиковъ, несмотря на всю безпощадность, съ которой они «правили» государевы «доходы» — недоимочность сѣверныхъ крестьянъ все болѣе возрастала.

Приписывая это финансовое нестроеніе главнымъ образомъ земельнымъ порядкамъ черныхъ деревень, правительство со второй половины 18 вѣка рѣшительно приступило къ уничтоженію у сѣверныхъ крестьянъ купли-продажи земли и къ введенію у нихъ передѣльной общины.

Отдѣльныя попытки борьбы центральной власти съ свободой распоряженія землей у черносошныхъ [2]) имѣли мѣсто еще въ XVII столѣтіи.

Но только въ Инструкціяхъ о Генеральномъ межеваніи 1754 и 1766 годовъ намѣчается цѣлый планъ новаго курса аграрной политики. Эту политику правительство неуклонно проводило втеченіе полутора столѣтія, вплоть до знаменитаго указа 9 ноября 1906 года, когда направленіе аграрнаго курса было круто измѣнено.

Въ Межевой Инструкціи 1754 года предписывалось земли— государственными и черносошными посадскимъ людямъ, церковнымъ, монастырскимъ или архіерейскимъ вотчинамъ—проданныя, заложенныя или отобранныя по искамъ, *отбирать безденежно* и отмежевывать «попрежнему къ государственнымъ же черносошныхъ крестьянъ землямъ».

Межевая Инструкція 1766 года повторяетъ требованіе о безденежномъ возвращеніи черносошнымъ крестьянамъ ихъ земель, отчужденныхъ учрежденіямъ и лицамъ, «не положеннымъ въ подушный окладъ». Кромѣ того, Межевая Инструкція 1766 г. ограничиваетъ право распоряженія крестьянами землей, запретивъ имъ продавать землю «не себѣ равнымъ».

---

[1]) Ibid.

[2]) Богуславскій. Ibid. Т. I, стран. 60, 190; Островская. Ibid., стран. 97.

Межевая Инструкція 1766 года не раздѣляетъ черносошныхъ крестьянъ отъ крестьянъ-однодворцевъ и крестьянъ экономическихъ, а предписываетъ земель всѣхъ этихъ категорій крестьянъ «порознь не межевать», объединяя ихъ всѣхъ въ одну категорію черносошныхъ «крестьянъ казеннаго вѣдомства».

О «поверсткѣ», т. е. о раздѣлѣ всѣхъ крестьянскихъ земель по душамъ, Межевая Инструкція 1766 года еще ничего не говорила. Однако, предписывая *одинаковый* размѣръ земельной нарѣзки для всѣхъ служилыхъ людей, требуя отвода земли всѣмъ владѣльцамъ данной дачи въ одной межѣ, не считаясь съ прежними границами, правительство подготовляло почву для *уравнительно-передѣльной политики*.

Мѣстныя власти тотчасъ же послѣ изданія Межевыхъ Инструкцій начали засыпать крестьянъ «указами о земельной поверсткѣ», т. е. объ обязательныхъ земельныхъ передѣлахъ.

Ограниченія купли и продажи земель и указы «о поверсткахъ» вызвали къ себѣ различное отношеніе со стороны различныхъ слоевъ крестьянства. Часть крестьянства рѣшительно стала на сторону мѣропріятій правительства. Въ большинствѣ случаевъ это было малоземельное крестьянство и безземельныя «прибылыя души», которыхъ ревизіи подсчитывали, клали въ подушный окладъ, не считаясь съ тѣмъ, что этимъ новымъ «душамъ» не съ чего было тянуть казенное тягло, отправлять повинности и платить подати.

Наказы крестьянъ въ Екатерининскую Комиссію 1767 г. даютъ яркую картину настроенія крестьянъ черныхъ деревень въ тотъ моментъ, когда правительство только что приступало къ ломкѣ, установившихся у „казенныхъ“ крестьянъ, земельныхъ отношеній.

Въ своихъ наказахъ малоземельная бѣднота жалуется на земельное неравенство; на разореніе и утверждаетъ, что она не въ силахъ исправно платить „подушное“.

Въ наказѣ Толшемской волости, Тотемскаго уѣзда многодушные, но малоземельные крестьяне говорили, напримѣръ: „У насъ въ волости у многихъ крестьянъ имѣется по написанію по третьей ревизіи сказкамъ душъ по 8, и по 7, и по 6, а пашенной земли у нихъ имѣется самое малое число, а у которыхъ имѣется крестьянъ по 3, и по 2, и по 1 души, то у нихъ пашен-

ной земли имѣютъ полное число, и отъ того многодушнымъ разореніе и скудность бываетъ"[1]).

Малоземельные ходатайствуютъ о томъ, чтобы правительство принудило больше-тяглыхъ крестьянъ произвести ту „поверстку" земли по душамъ, на которой мѣстная администрація по ихъ словамъ безуспѣшно требуетъ.

„Поверсткѣ этой, говорится въ наказѣ, препятствуютъ мірскія власти выборные—богатые крестьяне, которые опираются на свои права, прежними указами подкрѣпленныя".

Крестьяне Мольской волости, (Николаевъ погостъ), объ этомъ писали такъ: „Хотя-де Тотемская канцелярія о сборѣ подушныхъ денегъ и о поверсткѣ указами и не оставляетъ, потомъ же и выборные точію тѣ больше-тяглые крестьяне поступаютъ въ силу прежнихъ указовъ и по писцовымъ книгамъ, и числятъ за родовыя свои вотчины, а платежъ подушныхъ денегъ производятъ съ написанныхъ душъ по окладу, а не совладѣнія земли, какъ о томъ выше значится, а хотя-жъ по усмотрѣнію сотскаго и выборныхъ вспоможенія и чинятъ, то не большое[2]).

Малоземельные крестьяне, ждавшіе отъ подушнаго раздѣла земли увеличенія площади своихъ пашенъ, настаивая на поверсткѣ, признавали, однако, что не желавшіе передѣловъ малодушники владѣютъ землею, въ большинствѣ случаевъ, правомѣрно, „по писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ, и другимъ сдѣлкамъ".

Въ наказѣ Спасскаго погоста Тотемской волости крестьяне говорили о томъ, что у нихъ „между крестьянствомъ въ деревняхъ и пустошахъ, по писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ и другимъ сдѣлкамъ, пашенная земля съ угодьями не въ равенствѣ противъ написанныхъ мужескаго пола душъ: у иныхъ на одну душу владѣнія противъ двухъ или трехъ; въ подушномъ малоземельнымъ и неимущимъ, безъ подмоги за ихъ души отъ имущихъ многое число земель, которымъ безъ поверстки, немалое отягощеніе и обида, а у иныхъ на таковыхъ-же участкахъ земли и душъ не написано и съ таковыхъ владѣній къ выбору подушному въ подмогу неимущества платятъ самое малое число, а иные не платятъ"[3]).

---

[1]) Сборникъ И. Рус. Истор. О-ва. Т. 123, стр. 324 § 6.
[2]) Ibid. Т. 123, стр. 311.
[3]) Ibid. Т. 123, стр. 292.

Особенно протестовали малодушные дворы противъ того, что захватчики оброчныхъ земель—богачи не даютъ ихъ въ раздѣлъ.

Крестьяне Стрѣлецкой волости Тотемскаго уѣзда въ своемъ наказѣ жаловались, что эти казенныя земли захвачены въ собственность. „Изъ многихъ крестьянъ, по возможности, завладѣли оброчными пустошами, и на которыхъ написались душами и называли своей землей, и въ поверстку другимъ неимущимъ крестьянамъ той земли не даютъ" [1]).

Наоборотъ, большетяглые, но малодушные крестьяне рѣшительно возстали противъ поверстки. Поверстка грозила имъ уменьшеніемъ ихъ земельныхъ владѣній. Пашня, которую ихъ отцы и они сами годами „собирали", которую они съ „великимъ трудомъ" расчищали, должна была даромъ перейти къ тѣмъ, кого они считали, „тунеядцами и бездѣльниками".

Наказъ крестьянъ Важскаго уѣзда Химанской волости говоритъ, что только „моты" и „лѣнивцы" желаютъ дѣлить по душамъ распашныя и унавоженныя чужими трудами земли и отобрать ихъ отъ тѣхъ, кто имѣя къ хлѣбопашеству раченіе, прилагаетъ къ нему „неусыпные труды" и участки свои ежегодно унаваживаетъ. Въ наказѣ этомъ указывалось, что пашенной земли въ ихъ мѣстахъ вообще у крестьянъ мало—общій передѣлъ бѣднякамъ не поможетъ, а только раздробитъ землю на мелкія полоски и уничтожитъ всякій интересъ къ хлѣбопашеству у „рачительныхъ крестьянъ", которыхъ передѣлами хотятъ заставить работать на „лѣнивыхъ".

„И если такимъ мотамъ и лѣнивцамъ повелѣно будетъ изъ тѣхъ распашныхъ съ великимъ трудомъ и убыткомъ и унавоженныхъ участковъ раздѣлить по душамъ, то оной обойдетъ на каждую мужескаго пола душу по одной десятинѣ не съ большимъ прибавкомъ, на чемъ содержаться не можно". „Послѣ раздѣла къ умноженію хлѣбопашества и къ распространенію земли" впредь такого старанія и раченія прилагать будетъ никому неохотно, „потому что какъ рачительные распахивать, а лѣнивые въ готовое входить, а также опять проматывать и запустошать будутъ" [2]).

Поэтому составители наказа просятъ возстановить старый

---

[1]) Ibid. Т. 123, стр. 300.
[2]) Ibid. Т. 123, стр. 64.

земельный порядокъ: „чтобы было повелѣно, землямъ записанными за ними по писцовымъ книгамъ и по крѣпостнымъ, и по другимъ сдѣлачнымъ письмамъ владѣть попрежнему порядку безотъемлемо“ [1]).

Объ отмѣнѣ запрещенія государственнымъ крестьянамъ производить продажу и мѣну земельныхъ участковъ просили также наказы Яренскихъ и Каргопольскихъ крестьянъ.

Въ этихъ наказахъ указывалось, что право продажи и заклада земли является у крестьянъ главнымъ основаніемъ кредита.

Крестьяне Подгородной волости Яренскаго уѣзда [2]) просили „дозволенія въ покупкѣ, и въ продажѣ, и въ закладѣ всякому своихъ природныхъ и покупныхъ хлѣбопашенныхъ и сѣнокосныхъ земель и въ письмѣ на эти земли купчихъ и закладныхъ крѣпостей, дабы въ случаѣ крестьяне придутъ въ упадокъ, тобъ могли для поправленія себя подъ закладъ земли деньги заплатить, а съ другой стороны, надѣясь на закладъ, охотнѣе давать было“.

Каргопольскіе крестьяне въ своемъ наказѣ доказывали, что новый порядокъ не будетъ выгоденъ и для самой казны. При свободномъ распоряженіи землей крестьянинъ, пришедшій въ „несостояніе“, продавалъ землю болѣе сильному крестьянину, на котораго и переходилъ платежъ „подушныхъ“ денегъ— при новомъ порядкѣ—продажа будетъ невозможна и казна просто потеряетъ плательщика [3]).

Межевыя Инструкціи и Указы о поверсткѣ не прекратили мобилизаціи земельной собственности у черносошныхъ: сдѣлки по продажѣ и залогу земли совершались и послѣ Межевыхъ Инструкцій, хотя онѣ и потеряли юридическую силу. Для того, чтобы въ корнѣ подорвать самую идею „полной собственности“ на землю правительство приступило *къ прямой экспропріаціи крестьянской земли и къ введенію насильственныхъ земельныхъ передѣловъ.*

Землеустройство на новыхъ началахъ съ 1774 года было возложено на Казенныя Палаты.

Казенныя Палаты имѣли, говоря современнымъ языкомъ, особый «землеустроительный органъ»—Экспедиціи, съ Директо-

---

[1]) Ibid. T. 123, § 1—6, стр. 64—66.
[2]) Idid. T. 123, стр. 293, § 6.
[3]) Ibid. T. V, стр. 72.

ромъ Экономіи во главѣ. На этихъ Директоровъ и была возложена обязанность уничтожить частную собственность на землю у крестьянъ черныхъ деревень и ввести принудительные земельные передѣлы. Одновременно правительство поставило вопросъ и о прибавкѣ земли крестьянамъ. Эта прибавка должна была быть произведена, во-первыхъ, за счетъ возвращенія крестьянамъ ранѣе отчужденныхъ ими земель въ руки разныхъ нетяглыхъ элементовъ; во-вторыхъ, за счетъ оброчныхъ земель, которыя было признано необходимымъ постепенно передать крестьянамъ для раздѣла. При недостаткѣ земли для малоземельныхъ рѣшено было принудительно переводить крестьянъ на новыя мѣста.

Всѣ приказы Директоровъ Экономіи о земельныхъ передѣлахъ писались въ духѣ приказовъ помѣщиковъ по своей вотчинѣ. Директоръ Экономіи въ Архангельской губерніи въ одномъ приказѣ всѣмъ волостямъ своего района предписалъ передѣлить не только всѣ тяглыя земли, но и поравнять все крестьянское имущество и за мірской счетъ надѣлить бѣдныхъ крестьянъ лошадьми и скотомъ [1]).

Послѣдняго рода предписанія, конечно, остались на бумагѣ, прежде всего за неимѣніемъ у правительства средствъ ввести у «свободныхъ крестьянъ» крѣпостническій «коммунизмъ» въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ далеко не всегда удавалось проводить его помѣщикамъ у своихъ крѣпостныхъ, даже при неограниченной власти надъ ними.

Строжайшіе приказы Директоровъ Экономіи разныхъ губерній объ обязательныхъ передѣлахъ, ихъ мотивировка и почти полная одновременность ихъ изданія указываютъ на то, что Директора Экономіи выполняли одновременное предписаніе центральной власти.

Архангельскій Директоръ Экономіи свой категорическій приказъ о раздѣлѣ тяглыхъ земель издалъ въ 1785 году. Петербургскій—предписалъ произвести равненіе пашни и сѣнокоса въ 1784 г. Олонецкій—въ 1785 г. нѣсколько позже издается приказъ Вологодской Экспедиціи. Посылая свои предписанія о передѣлахъ земли, Директора указывали, что хотя крестьяне «почитаютъ» земли по закону «своей собственностью», такъ какъ владѣютъ ею по законнымъ документамъ—«по наслѣдству, по

---

[1]) А. Я. Ефименко. Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ. Стран. 334.

купчимъ, по закладнымъ и т. д.», но съ этимъ не нужно считаться.

Казенная администрація не видѣла другихъ радикальныхъ средствъ борьбы съ недоимщиками, кромѣ *принудительнаго земельнаго «равненія»*. Принципъ помѣщичьей эксплоатаціи крѣпостныхъ—накладывать земли на дворъ соотвѣтственно его рабочимъ силамъ, здѣсь былъ преобразованъ въ другой,—накладывать земли по количеству платежей, падающихъ на дворъ. Этого, по словамъ администраціи, требовала «сама справедливость».

Насажденіе этого «справедливаго» уравнительнаго землепользованія и борьба съ «несправедливой» частной собственностью сдѣлались лозунгомъ высшей администраціи 18 столѣтія. Администраторы съ мѣстъ и изъ центра много и часто писали о необходимости скорѣйшаго введенія «справедливаго» земельнаго порядка. «Несправедливо, чтобы люди одного будучи состоянія и жительствуя въ однихъ селеніяхъ, а паче платя равную подать, имѣли не равное число земли», пишетъ Тамбовская Казенная Палата о землевладѣніи однодворцевъ въ 1790 году [1]).

«Справедливость требуетъ, чтобы поселяне, платя одинаковую подать, равное имѣли участіе въ угодьяхъ земляныхъ», писалъ Архангельскій Директоръ Экономіи въ 1785 году о землевладѣніи черносошныхъ крестьянъ сѣвера.

«Самая справедливость обязываетъ, чтобы каждый поселянинъ и землями и угодьями воспользовался по мѣрѣ того числа душъ, за которыя онъ очищаетъ повинность», писалъ въ 1799 г. Департаментъ Удѣловъ о дворцовыхъ крестьянахъ.

Проводя въ жизнь свою «справедливую» политику правительство не останавливалось передъ самыми крутыми мѣрами. Отъ своихъ агентовъ на мѣстахъ оно требовало точнаго и скораго исполненія своихъ предписаній. Передѣлы земли сплошь и рядомъ производились насильно. «Это порождало недовольство и давало въ руки несогласныхъ съ правительственной политикой сильное оружіе въ борьбѣ противъ уравненія», говоритъ В. В.—историкъ общины у удѣльныхъ крестьянъ [2]).

---

[1]) Такая же насильственная уравнительная политика велась въ Сибири (Туринская и Енисейская Экспедиціи).

Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Стран. 758.

[2]) Къ исторіи общины въ Россіи. Стран. 105, стран. 19.

При производствѣ уравнительныхъ передѣловъ было много злоупотребленій: путемъ подкупа, богатые крестьяне получали лучшія угодья, присяжные мѣрщики захватывали себѣ лучшія земли и т. д. [1]).

Это еще болѣе озлобляло крестьянъ и только суровыя репрессіи не давали развиться серьезному крестьянскому движенію.

Но приказы объ обязательныхъ передѣлахъ и объ отобраніи у новыхъ владѣльцевъ купленныхъ ими земель, породили въ черныхъ деревняхъ все же жестокую междоусобицу. Производство передѣловъ встрѣчало упорное сопротивленіе со стороны богатаго и средняго крестьянства. Сочувственно къ передѣламъ отнеслись только маломощные крестьяне, «нерачивые къ землепашеству», «стремившіеся вернуть свои проданные и заложенные повытки, видя ихъ удобренными и обработанными», какъ о нихъ говорили «прожиточные». Столкновеніе изъ-за принудительныхъ передѣловъ нерѣдко принимали кровавый характеръ: дѣло доходило до «дрекольевъ».

Для того, чтобы сдѣлать передѣлы болѣе заманчивыми для крестьянъ, правительство разрѣшило безплатно пускать въ передѣлъ наравнѣ съ тяглыми землями и оброчныя, т. е. государственныя земли, за которыя крестьяне платили казнѣ оброчную подать. Хотя это и было крупной преміей тѣмъ деревнямъ, которыя соглашались на передѣлы своихъ «родовыхъ» земель, но крестьяне далеко не всегда шли на эту приманку. Предписанія начальства часто обходились: оброчную землю крестьяне передѣляли между собой, но не пускали въ раздѣлъ «своихъ» родовыхъ земель. О передачѣ оброчныхъ земель безплатно крестьяне мѣстами сами просили правительство: «и не повелѣно ли будетъ оную оброчную землю по скудости крестьянъ отдать безъ оброчно [2])», говорилось въ наказѣ крестьянъ Яренскаго уѣзда. Несмотря на энергію начальства, на строжайшія предписанія на мѣстахъ, на примѣненіе вооруженной силы, создать передѣльную общину на сѣверѣ правительству удалось далеко не сразу. Полстолѣтія оказалось недостаточнымъ для проведенія въ жизнь плана уравнительнаго землепользованія у сѣверныхъ крестьянъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ 19 столѣтія правительство еще вело жестокую борьбу съ «неуравнительнымъ» землевладѣніемъ черносошныхъ крестьянъ на сѣверѣ.

[1]) Ibid. Стран. 27. А. Я. Ефименко. Ibid. Стран. 338—342—348.

[2]) Сборникъ И. Р. И. О-ва. Т. 123, стран. 282.

VII.

Однако, правительству все-таки удалось у значительнаго числа крестьянъ сѣвера ввести передѣльную общину и силой установить среди крестьянъ то самое «справедливое» землепользованіе, какое крупные помѣщики гораздо раньше ввели у своихъ крѣпостныхъ. Суть этого стремленія къ „справедливости" въ землепользованіи и у казны, и у помѣщиковъ была одна и та же: извлечь изъ крестьянина возможно большій доходъ. При отсталости земледѣлія въ крѣпостную эпоху этого можно было достигнуть только періодическимъ распредѣленіемъ земли между тяглецами.

Ко времени изданія Межевыхъ Инструкцій (1766) экономическіе крестьяне, черносошные и однодворцы, составили главную массу государственныхъ или казенныхъ крестьянъ. По отношенію ко всѣмъ этимъ крестьянамъ государство заняло положеніе вотчинника и собирало съ нихъ оброчную подать.

Въ качествѣ вотчинника правительственная власть и разрушила частную собственность на землю у государственныхъ крестьянъ, земли которыхъ номинально съ 16 вѣка считались государственными.

Проводя передѣльную уравнительную политику, правительство такъ же мало справлялось съ желаніями „міра", какъ мало съ нимъ справлялись помѣщики. „Міръ" и мірскія власти были простыми орудіями правительственной власти въ осуществленіи ея аграрныхъ мѣропріятій.

Перенесеніе въ среду свободныхъ крестьянъ отношеній, господствовавшихъ въ крѣпостныхъ вотчинахъ, правительство предполагало завершить прямымъ подчиненіемъ сельскихъ обществъ государственныхъ крестьянъ *мѣстнымъ помѣщикамъ*. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ въ 1828 году проектъ положенія о казенныхъ крестьянахъ въ особомъ Комитетѣ подъ предсѣдательствомъ князя Куракина [1]).

Управленіе государственными крестьянами, подъ вѣдѣніемъ

[1]) Ранѣе мысль о передачѣ управленія казенными крестьянами мѣстнымъ помѣщикамъ лелѣялъ Императоръ Павелъ I. „Историческое Обозрѣніе 50-лѣтней дѣятельности М-ва Госуд. Имуществъ", стр. 23.

казенныхъ палатъ, по проекту этого Комитета д. б. подчиняться мѣстнымъ помѣщикамъ.

Проектъ Куракина не получилъ осуществленія. Но когда вырабатывался проектъ Положенія о казенныхъ крестьянахъ графомъ Киселевымъ, то въ основу этого Положенія были положены принципы именно помѣщичьяго управленія крестьянами. Киселевъ въ своемъ проектѣ исходилъ изъ двухъ положеній: вопервыхъ, государство по отношенію къ казеннымъ крестьянамъ является вотчинникомъ, и потому на немъ лежитъ забота „путемъ ближайшаго, непосредственнаго попечительства вести крестьянъ къ благосостоянію", и, во-вторыхъ, что земля, на которой сидятъ государственные крестьяне, принадлежитъ казнѣ, а не крестьянамъ[1]).

Получившее въ 1838 году законодательное утвержденіе «Положеніе о государственныхъ крестьянахъ гр. Киселева» было построено по типу частныхъ положеній, примѣняемыхъ въ крупныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Въ этой системѣ управленія внизу стоялъ отдѣльный домохозяинъ, выше его „міръ" —организація связанныхъ круговой порукой крестьянъ, имѣвшихъ надѣлъ въ одной „межѣ", еще выше стоялъ, подчиненный Палатамъ Государственныхъ Имуществъ окружной начальникъ. Этотъ агентъ власти--прототипъ введенныхъ въ 1889 году земскихъ начальниковъ—былъ „близкой къ народу" властью имѣвшей ближайшее наблюденіе за «государственнымъ имуществомъ» и къ которому причислялось и крестьянство. Главной обязанностью окружного начальника было наблюденіе за сборомъ податей: онъ отвѣтствовалъ, чтобы всѣ денежные сборы, слѣдующіе съ сельскихъ обществъ, внесены были безнедоимочно. Онъ обязанъ былъ отправляться на мѣста въ „потребныхъ случаяхъ" самъ или посылать своего помощника для „побужденія неплательщиковъ". Эти побужденія обычно заключались въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, распространенность примѣненія которыхъ поразила даже гр. Киселева, когда онъ ознакомился съ этимъ дѣломъ въ качествѣ Министра Государственныхъ Имуществъ.

Подчиненные окружному начальнику крестьянскіе „міры"— сельскіе сходы—составлялись изъ выборныхъ отъ каждыхъ 10 дворовъ и изъ сельской администраціи, избираемой на этихъ же сходахъ. Этимъ сходамъ „свободныхъ" крестьянъ раз-

[1]) Гр. Киселевъ и его время, стр. 53—54, т. 2. Заблоцкій-Десятовскій.

ръшалось обсуждать тѣ же дѣла, что и сходамъ оброчныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, дѣла: рекрутскія, земельныя, податныя: разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ; вопросы о ссылкѣ, такъ называемыхъ, „порочныхъ“ членовъ въ Сибирь и сдача ихъ въ „неочередь“ въ рекруты.

Сдача нежелательныхъ „міру“ членовъ сельскаго общества въ рекруты и ссылка ихъ въ Сибирь въ помѣщичьихъ имѣніяхъ было сильнымъ оружіемъ стоявшихъ во главѣ „міровъ“ богатыхъ крестьянъ противъ нежелательныхъ имъ односельчанъ. Такихъ людей „міръ“ временами ссылалъ въ Сибирь цѣлыми группами. Въ дневникѣ, за 1827 годъ, крѣпостного изъ оброчнаго гр. Шереметьева села Иванова (впослѣдствіи города Иваново-Вознесенска) мы читаемъ: „отданы на поселеніе, съ позволенія его сіятельства, двѣнадцать человѣкъ плутовъ и распутныхъ людей“. („Вѣст. Промышл.“ 1861 г.).

Для рѣшенія маловажныхъ дѣлъ (гражданскихъ и уголовныхъ) по Положенію 1838 г. во всякомъ сельскомъ обществѣ долженъ былъ дѣйствовать „домашній судъ“—„Сельская Расправа“ съ правомъ,—на основаніи особаго судебнаго устава, приговаривать виновныхъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ (до 20 ударовъ) и къ заключенію въ сельской тюрьмѣ.

Высшею, по сравненію съ сельскимъ обществомъ, административной единицею была волость, объединявшая смѣжныя сельскія общества. Дѣлами волости завѣдывалъ волостной сходъ и волостное правленіе. Въ каждой волости имѣлась вторая степень „домашняго суда“—Волостная Расправа, бывшая высшей судебной инстанціей по нѣкоторымъ дѣламъ, разсматриваемымъ въ Сельской Расправѣ. За дѣлопроизводствомъ волостныхъ правленій и за рѣшеніями волостныхъ судовъ надзиралъ окружной начальникъ“. Еще по Уложенію Алексѣя Михайловича передъ казной крестьянскій „міръ“ являлся поручителемъ за каждаго домохозяина въ его податной исправности. Казна при обложеніи крестьянскаго населенія налогами и повинностями имѣла дѣло не съ отдѣльными крестьянами, а съ цѣлыми крестьянскими обществами, которыя облагались по числу живущихъ въ нихъ тяглецовъ. За исправность „свободныхъ“ крестьянъ сельскія общества отвѣчали за круговой порукой.

Круговая порука передавала въ руки „міра“ не только каждаго крестьянина, но и его землю. „Съ того момента, когда законъ сталъ прикрѣплять „свободныхъ“ крестьянъ къ сель-

скимъ обществамъ и ввелъ круговую поруку, у сельскихъ обществъ уже получилось нѣкоторое основаніе взять въ свои руки распоряженіе землей, для того, чтобы равнять всѣхъ въ землѣ такъ же, какъ казна уравняла всѣхъ въ платежѣ».

«Сумма податей, падавшая на имѣнія, опредѣлялась количествомъ дворовъ, значившихся въ немъ по переписной книгѣ. Но податные платежи предоставлено было разверстывать отвѣтственному за нихъ владѣльцу между всѣми крѣпостными хлѣбопашцами, у свободныхъ крестьянъ развертывалъ міръ» [1]).

«Положеніе о государственныхъ крестьянахъ» 1838 года разрѣшало сельскимъ обществамъ уравнивать мірскую землю при каждой новой ревизіи. Но помимо ревизіи «міру» разрѣшалось производить передѣлы только въ случаяхъ значительнаго измѣненія въ числѣ ревизскихъ душъ.

«Положеніе» 1838 года въ каждомъ сельскомъ обществѣ казенныхъ крестьянъ создало нѣчто вродѣ казенной вотчины съ своимъ административно-судебнымъ аппаратомъ, съ особымъ судебнымъ и полицейскимъ уставомъ, служившимъ руководствомъ для сельской администраціи и сельскихъ судей.

Подобно владѣльческимъ вотчиннымъ конторамъ, сельскія и волостныя правленія обязаны были заботиться не только объ исправномъ выполненіи крестьянами ихъ податныхъ обязанностей, но также и объ исправности ихъ «нравственности». Нравственныя обязанности казенныхъ крестьянъ были перечислены въ сельскомъ полицейскомъ Уставѣ.

«Цѣль сего Устава», говорилъ Киселевъ, «заключалась въ томъ, чтобы поставить государственныхъ крестьянъ въ извѣстность о главнѣйшихъ обязанностяхъ въ отношеніи вѣры, правительства и гражданскаго общества и чрезъ то пріучить народъ къ порядку и укоренить среди сельскаго класса общее благочиніе и благоустройство» [2]). Статьи запретительныя этого

---

[1]) „Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого правила (требованіе Уложенія 1649 г. отвѣтственности сельскихъ обществъ и помѣщиковъ за податную исправность крестьянъ) была принудительная разверстка тяголъ: сельскія общества и землевладѣльцы получали право отводить отдѣльнымъ крестьянамъ большіе или меньшіе пахотные участки соразмѣрно съ ихъ рабочими силами и налагать на нихъ подати соразмѣрно съ отведенными участками".

Ключевскій. Исторія сословій въ Россіи, стр. 195.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время. Т. II, стран. 67.

Устава изложены были въ формѣ заповѣдей, «которыя легко было бы удержать и безграмотному поселянину въ памяти».

При обсужденіи проекта этого полицейскаго Устава въ Государственномъ Совѣтѣ адмиралъ Грейгъ усумнился въ цѣлесообразности такого сборника заповѣдей. «При грубомъ состояніи нашихъ крестьянъ», говорилъ онъ, «вмѣсто законовъ, въ коихъ запретительныя статьи излагаются въ видѣ заповѣдей, едва ли не полезнѣе внушить имъ и истолковать въ пространномъ видѣ самыя заповѣди Господни». Киселевъ не согласился съ этимъ. «Въ заповѣдяхъ Господнихъ заключаются главныя основанія божественныхъ и нравственныхъ законовъ, а въ полицейскомъ уставѣ означаются, сверхъ того, правила внѣшняго благочинія и общественнаго благосостоянія, какъ напримѣръ, порядокъ объявленія законовъ, мѣры охраненія народнаго здравія, предупрежденія и тушенія пожаровъ, правила о паспортахъ и другіе сему подобные предметы, которые не только нельзя помѣщать въ истолкованіяхъ Господнихъ заповѣдей, но и было бы неприлично соединять съ божественнымъ ученіемъ».

Несмотря на то, что «Положеніе 1838» года было скопировано съ крѣпостническихъ уставовъ того времени, а мірское управленіе казенныхъ крестьянъ строилось по схемѣ мірского управленія крѣпостными крестьянами, славянофилы все же отказывались видѣть въ крестьянскомъ «мірѣ», функціонировавшемъ на основаніи Положенія 1838 г., самородный «міръ» русскихъ крестьянъ. Они считали, что у государственныхъ крестьянъ былъ не русскій, а «киселевскій міръ», устроенный «господиномъ (Киселевымъ), ничего на разумѣвшимъ въ дѣлѣ русской жизни», какъ говорилъ К. С. Аксаковъ. Въ Киселевскомъ «мірѣ» видѣли искусственную организацію, измышленную бюрократіей. Это, конечно, было неправильно.

Бюрократія создавала писанное право для «свободныхъ» крестьянъ не «отъ вѣтра главы своея», а по типу, который былъ выработанъ крѣпостнической практикой. Эксплоатація крестьянства государствомъ на той ступени экономическаго развитія могла совершаться только въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она происходила и у помѣщиковъ. И пока эти экономическія отношенія оставались неизмѣнными, оставался крѣпокъ и Киселевскій міръ. «Киселевскому міру» у нашихъ крестьянъ посчастливилось: его начала ломать только революція 1917 года.

Положеніе о государствнныхъ крестьянахъ 1838 года служило

образцомъ при составленіи Положенія 1861 г. о крестьянахъ, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости. Это крѣпостническое Положеніе 1861 г. и было распространено въ 1866 году на всѣ разряды крестьянъ, въ томъ числѣ и на казенныхъ крестьянъ.

Крестьянскій міръ крѣпостнической эпохи, съ окружнымъ начальникомъ во главѣ, замѣненный послѣ Реформы 1861 г. крестьянскимъ міромъ, съ земскимъ начальникомъ во главѣ, дожили до нашихъ дней.

Чѣмъ казался Киселевскій міръ—прототипъ пореформеннаго крестьянскаго міра—либеральнымъ людямъ 50 годовъ 19 столѣтія, видно изъ слѣдующей характеристики:

«Современная зависимость сельскихъ начальствъ отъ бюрократіи, чуждой интересамъ народа, отняла у крестьянъ всякую возможность пользоваться ихъ общественными правами, она привела къ тому, что въ сельскіе начальники теперь не пойдетъ ни одинъ честный крестьянинъ Въ этихъ должностяхъ необходимо грабить и доставлять начальству, иначе начальство всегда найдетъ причину удалить отъ должности, отдать подъ судъ, или сдѣлать такой денежный начетъ, что всего имѣнія не достанетъ на пополненіе взысканія. Найти случай къ этому начальство легко можетъ. Голова, старшина и другія должностныя лица, большею частью, едва грамотные крестьяне, а порядокъ дѣлопроизводства письменный; между тѣмъ, писарь опредѣляется по усмотрѣнію начальства, стоитъ только приказать писарю сдѣлать безпорядокъ, и крестьяне попались, притомъ государственные крестьяне вовсе не имѣютъ выборныхъ правъ, эти права зависятъ отъ усмотрѣнія начальства уже потому, что онъ имѣетъ право утверждать прежнихъ выборныхъ на будущее время. По всѣмъ этимъ причинамъ съ правами государственныхъ крестьянъ начальство обращается безъ церемоніи, напримѣръ, законъ дозволяетъ окружнымъ начальникамъ подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію не иначе, какъ по приговору міра, чиновникъ, несмотря на это, сѣчетъ кого ему угодно, и потому приказываетъ писарю написать приговоръ и приложить за всѣхъ руки. Что дѣлать крестьянину въ случаѣ нарушенія его правъ, идти жаловаться, но куда. Прямо въ судъ жаловатся нельзя: чиновники отвѣтственны передъ судомъ только тогда, когда ихъ найдетъ виновными административное начальство. Идти къ этому начальству. Но тамъ дѣло должно попасть въ руки именно

той канцеляріи, которой чиновникъ платитъ оброкъ, слѣдовательно, все будетъ скрыто, и еще затаскаютъ самого просителя къ допросамъ и дознаніямъ. Такимъ образомъ, крестьяне должны молчать и сносить терпѣливо всѣ притѣсненія» [1]). Точно такія же отношенія сложились у всѣхъ крестьянъ послѣ реформы 1861 г. и отношенія эти продолжались до революціи 1917 г.

Почти 60 лѣтъ пореформеннаго безправія крестьянина сдѣлали свое злое дѣло — ему обязана революція 1917 г. многими изъ сопровождавшихъ ее эксцессовъ при переходѣ къ демократически-республиканскому строю.

---

[1]) Скребицкій. Т. I, стран. 792. Крестьянское дѣло при Александрѣ II.

Судьбы общины въ первой половинѣ 19 ст.

I.

Агрономы-помѣщики противъ общины.

Въ то время, когда въ концѣ XVIII столѣтія государственная власть приступила къ уничтоженію частной собственности на землю у казенныхъ крестьянъ и къ насажденію среди нихъ уравнительно—передѣльной общины, среди помѣщиковъ уже начинаютъ раздаваться отдѣльные голоса противъ земельныхъ передѣловъ у крѣпостныхъ крестьянъ.

Ростъ населенія и ростъ городовъ, возрастаніе государственныхъ потребностей, ростъ казеннаго спроса на продукты сельскаго хозяйства, постепенно увеличивающееся отдѣленіе промышленности отъ земледѣлія—все это усиливало товарное хозяйство и вызывало со стороны помѣщиковъ стремленіе лучше использовать все болѣе развивающійся, въ особенности около столицъ, внутренній рынокъ.

Однако, повышеніе доходности имѣній при обычныхъ тогда способахъ веденія хозяйства было дѣломъ очень труднымъ. Помѣщичьи земли были уже въ значительной степени выпаханными и для полученія хорошихъ сборовъ, требовали сильнаго удобренія и въ то же время со стороны ихъ крестьянъ все болѣе росли жалобы на «малоземелье» [1]).

Въ поискахъ выхода изъ такого положенія агрономы - практики того времени обратились къ опыту Западной Европы, гдѣ

---

[1]) См. Модестъ Бакунинъ: „Правила, руководящія къ новому раздѣлу и обрабатыванію полей".

уже съ половины 18 столѣтія мѣстные помѣщики, познавшіе «истинную цѣнность земли», переходили къ «новому земледѣлію».

Русскимъ помѣщикамъ становится извѣстно, что «иностранные экономы» борятся съ малоземельемъ путемъ сокращенія или даже путемъ полнаго уничтоженія паровыхъ полей, безполезно занимавшихъ, при трехпольи, цѣлую треть пашни.

Съ конца XVIII столѣтія въ крупныхъ русскихъ вотчинахъ наблюдаются отдѣльныя попытки завести «иноземное» земледѣліе на своихъ поляхъ. Особенной популярностью у тогдашнихъ русскихъ агрономовъ пользовались двѣ системы полеводства: одна — «аглинская»—выгонное многополье, съ оставленіемъ части поля подъ выгонъ на время отъ 3 до 6 лѣтъ; другая—«нѣмецкая»—«Шубартова»—разведеніе искусственныхъ луговъ, путемъ посѣва «иностранныхъ травъ», особенно клевера, люцерны и эспарцета.

Уже съ 70-хъ годовъ 18 столѣтія на русскомъ книжномъ рынкѣ появляются переводныя и оригинальныя статьи и сочиненія, пропагандирующіе агрономическія ученія просвѣщенныхъ аглинскихъ земледѣловъ и правила славнаго Шубарта — рыцаря клевера [1]).

Однимъ изъ первыхъ агрономовъ пропагандировавшихъ аглинскую систему теоретически и практически былъ С. Т. Болотовъ. Въ 1770 году въ его статьѣ, напечатанной въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества подъ названіемъ «о раздѣленіи полей», доказывалась настоятельная необходимость для русскаго помѣщика начать переходить отъ трехпольнаго къ другому «раздѣленію полей», къ другимъ системамъ сѣвооборота.

Наиболѣе прибыльной для центральной Россіи Болотовъ считалъ выгонную систему, которую онъ ввелъ въ 70-хъ годахъ 18 столѣтія въ одномъ изъ дворцовыхъ имѣній. Чередованіе полей у Болотова шло въ такомъ порядкѣ: 1) удобренный паръ, 2) озимь, 3) яровое, 4) яровое, 5, 6, 7) выгонъ.

---

[1]) Шубартъ—нѣмецкій агрономъ, премированный Берлинской академіей. Въ возданіе его заслугъ предъ нѣмецкой агрономіей Шубарту было пожаловано званіе дворянина и къ его фамиліи было прибавлено фонъ-Клеефельдъ (клеверное поле).

Въ концѣ 18 столѣтія въ рядѣ имѣній [1]), въ особенности Московской губерніи, помѣщичье хозяйство уже велось по правиламъ «иностранныхъ земледѣловъ» отчего доходы помѣщиковъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ увеличились. Въ 1794 году Калужскій помѣщикъ Полторацкій сообщилъ о томъ, какъ онъ уже «тому другой годъ завелъ у себя «земледѣліе совершенно на основаніи аглинскихъ и нѣмецкихъ земледѣльцевъ». Новымъ порядкомъ веденія дѣла Полторацкій былъ очень доволенъ и ссылался на своихъ сосѣдей, которые могли подтвердить, что «въ своемъ предпріятіи онъ имѣлъ величайшій успѣхъ, несмотря на препоны при введеніи новаго дѣла встрѣчающіяся».

Съ 20-хъ годовъ 19 вѣка среди русскихъ помѣщиковъ сдѣлалось популярнымъ плодосмѣнное хозяйство, которое «основываетъ силу своей пашни и урожай преимущественно на выгоднѣйшемъ сѣвооборотѣ или плодоперемѣніи» [2]) и при «умѣренномъ первоначальномъ употребленіи капитала приносить въ нѣсколько разъ болѣе дохода».

На помощь ищущимъ новыхъ путей сельскимъ хозяевамъ выступало Вольное Экономическое Общество. Въ 1804 году В. Э. Общество объявляетъ на премію тему: «Въ чемъ состоитъ преимущество многопольнаго или такъ называемаго коппельнаго хозяйства, предъ обыкновеннымъ трехъ-клиновымъ; при которыхъ обстоятельствахъ можно оное ввести съ выгодою или совсѣмъ неудобно къ введенію, каковое лучшее распоряженіе коппелей (клиновъ) въ разсужденіи оныхъ мѣстоположенія, числа, занятія паствою, посмѣннымъ сѣвомъ и травокошеніемъ».

Здѣсь вопросъ шелъ объ «аглинскомъ» сѣвооборотѣ (или выгонномъ, коппельной системѣ).

Черезъ 25 лѣтъ, въ 1829 — 30 годахъ, Вольное Экономическое Общество даетъ тему о плодоперемѣнномъ сѣвооборотѣ: «Кто изложитъ убѣдительнымъ образомъ и подтвердитъ опытами и подлежащимъ засвидѣтельствованіемъ, какіе сѣвообороты плодоперемѣннаго хозяйства наиболѣе выгодны

[1]) См. Рознатовскій. „Новое Земледѣліе, основанное на правилахъ тайнаго совѣтника Іоанна Христіана Шубарта фонъ-Клеефельда. 1794 г.

[2]) Л. Фишеръ. Начертаніе руководства къ плодоперемѣнному хозяйству съ показаніемъ перехода къ оному отъ трехпольнаго (переводъ нѣмецкаго М. 1823 г.).

въ одной изъ трехъ полосъ Европейской Россіи, а именно: 1) сѣверной съ 57° с. шир., 2) средней—съ 51° до 57° с. шир., 3) южной—отъ 45° — до 51° с. шир. — и покажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворительно, какіе въ каждой изъ сихъ полосъ (отдѣльно) находятся по селамъ и деревнямъ роды мануфактурной или заводской промышленности и какіе роды такой промышленности можно ввести въ оныхъ вновь и соединить съ земледѣліемъ, тому общество выдастъ награды 1.000 руб.» [1]).

Это заданіе показываетъ, что агрономы того времени уже сознавали, что вопросъ о системахъ полеводства какъ вопросъ мѣста и времени—не допускаетъ огульнаго рѣшенія. До этой мысли практики хозяева дошли путемъ тяжелыхъ неудачъ съ опытами «новаго земледѣлія».

Въ преобразованіи хозяйства на «иноземныхъ началахъ» русскіе помѣщики приступали обычно безъ знанія дѣла, безъ изученія рынка, безъ финансоваго плана. Громадныя затраты не окупались и новаторы - помѣщики скоро разочаровывались въ способахъ веденія хозяйства по чужимъ образцамъ и возвращались къ старинѣ. Яркое выраженіе этому настроенію помѣщиковъ далъ анонимный авторъ брошюры: «Плугъ и соха», изданной въ 1806 году. Современники признавали въ авторѣ гр. Растопчина, который раньше сильно увлекался «аглинскимъ» хозяйствомъ. Еще весною 1803 года онъ выписалъ въ свое имѣніе, въ Воронежской губерніи, англичанина управляющаго и англійскихъ рабочихъ и началъ хозяйствовать по «аглинскому» образцу. Въ началѣ, дѣло, по словамъ самого Растопчина, пошло блестяще, но уже въ мартѣ 1804 года онъ жаловался на 300-тысячный долгъ и искалъ покупателя на свое имѣніе.

Въ брошюрѣ «Плугъ и Соха», приписываемой этому Растопчину, высмѣивалась «скоропостижная» мода на «аглинское земледѣліе» и на развившееся пристрастіе русскихъ помѣщиковъ къ англинскимъ фермамъ, которыя иронизировалъ авторъ,—«теперь начинаютъ быть нужными многимъ русскимъ дворянамъ, какъ французскіе эмигранты, итальянскія въ домахъ окна и скаковыя лошади въ запряжку». Авторъ утверждалъ, что при русскихъ условіяхъ интенсивное земледѣліе можетъ быть выгодно только на хорошихъ земляхъ и вблизи

[1]) Ходневъ. Исторія В. Э. Общества, стр. 425.

столицъ. При отсутствіи этихъ условій интенсивное хозяйство не окупаетъ издержекъ. Авторъ пришелъ къ окончательному выводу, что русскому хозяину, въ большинствѣ случаевъ, болѣе выгодно оставаться при старомъ способѣ веденія хозяйства, чѣмъ переходить къ новому; и что какъ общее правило, у насъ интенсивное хозяйство вредно; и соха предпочтительнѣе плуга.

«Если въ существующихъ теперь уже въ Россіи англинскихъ фермахъ тѣ, кому онѣ принадлежатъ, хотѣли вычислить повѣрнѣе всѣ издержки на заведеніе, содержаніе лошадей, скота, строеній, орудій, жалованіе иностраннымъ и прежній доходъ: тогда, пожертвуя самолюбіемъ истинѣ, признались, что едва получатъ два процента на сто, за модную перемѣну сохи на плуги» [1]).

Авторъ звалъ назадъ, къ старому хозяйству: недаромъ эпиграфомъ къ своей брошюрѣ онъ поставилъ знаменательное изреченіе: «отцы наши не глупѣе насъ были».

Несомнѣнно, что условія развитія русскаго помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства того времени весьма мало походили на условія развитія сельскаго хозяйства на родинѣ Шубарта — Саксоніи или въ Англіи. И вполнѣ естественно, что методы превращенія бездоходнаго хозяйства въ доходное въ Россіи того времени должны были быть иными, чѣмъ въ болѣе развитыхъ экономически странахъ.

Къ началу 40-хъ годовъ 19 столѣтія «иноземныя» агрономическія новшества вышли изъ моды. За нихъ продолжали держаться только немногія крупныя хозяйства. Главная же масса помѣщиковъ вопросъ о поднятіи доходности своихъ имѣній рѣшала «по старинѣ»: въ нечерноземныхъ губерніяхъ помѣщики систематически повышали размѣръ оброка съ крѣпостныхъ, а въ черноземной Россіи—расширяли господскую запашку.

О періодѣ увлеченія помѣщиковъ «плодоперемѣніемъ» и «другими чужеземными новшествами» Ив. Кирѣевскій въ 1845 году говорилъ уже какъ о дѣлѣ прошломъ...

«За безотчетною привычкою къ старинѣ послѣдовала безотчетная любовь къ нововведеніямъ... Начались заимствованія чужеземныхъ системъ, вводившихся у насъ часто вопреки мѣст-

[1]) „Плугъ и Соха". Стран. 61.

нымъ обычаямъ. Учреждались плодопеременныя хозяйства, где избытокъ земли и недостатокъ рукъ указывали на устройство прямо противоположное. Сеяли картофель въ громадныхъ количествахъ, где некуда было сбывать даже зернового хлеба. Заводили многосложныя орудія, не соответствующія местнымъ потребностямъ. Ломали прежніе обычаи не для новой выгоды, но для новой системы. Тратили огромные капиталы, чтобы добыть малоценныя произведенія. Многіе разорили своихъ крестьянъ. Другіе разорились сами. Общія неудачи моднораціональныхъ хозяйствъ произвели въ общемъ мненіи помещиковъ направленіе совершенно противоположное. Какъ прежде искали всего новаго, называя всякое нововведеніе улучшеніемъ, такъ теперь начали бояться всякаго улучшенія потому, что оно нововведеніе» [1]).

Но переставъ быть «модой», вопросъ о поднятіи производительности крепостного хозяйства не переставалъ быть предметомъ систематической разработки въ агрономической литературе и въ различныхъ сельскохозяйственныхъ обществахъ, которыя были учреждены къ началу 50-хъ годовъ прошлаго столетія въ целомъ ряде городовъ [2]). Пропаганда травосеянія, посева корнеплодовъ, примененія къ земледелію машинъ— благодаря Сельскохозяйственнымъ Обществамъ, въ первой половине 19 столетія была поставлена довольно широка и давала практическіе результаты [3]).

Достаточно просмотреть списокъ машинъ, испытанныхъ въ одномъ 1852 году при содействіи Лебедянскаго Общества Сельскаго Хозяйства, чтобы увидеть, что наши передовые агрономы-практики, изъ дореформенныхъ помещиковъ, внимательно следили за прогрессомъ сельскохозяйственной техники въ Западной Европе. На этой выставке испытывались разныхъ системъ плуги, бороны, сеялки и пр. машины, конныя грабли, жатвенныя машины и т. п.

---

[1]) Ив. Киреевскій. Т. II, стран. 116.

[2]) Въ Москве, Петербурге, Одессе, Казани, Ярославле, Лебедяни, въ Остзейскихъ губерніяхъ.

[3]) Вообще научный подходъ къ явленіямъ экономической и въ частности сельскохозяйственной жизни ко времени Крестьянской Реформы началъ завоевывать себе прочное место въ „образованныхъ“ кругахъ. „Одна практика,—писалъ переводчикъ книги Рошера „о хлебной торговле“ Корсакъ въ 1857 году,—плохая порука за успехъ“.

«Сколько было въ послѣдніе 20 лѣтъ разнаго рода попытокъ усовершенствовать то ту, то другую отрасль этой промышленности, сколько полезныхъ книгъ и статей напечатано по всѣмъ частямъ сельскаго хозяйства, сколько произведено опытовъ практическаго улучшенія полеводства, сколько мѣръ правительства», писалъ русскій сельскій хозяинъ Вилькинсъ въ 1843 г.

Но всякаго рода усовершенствованія въ крѣпостномъ хозяйствѣ можно было вести только на помѣщичьемъ полѣ, а не на крестьянской черезполосицѣ. Поэтому введеніе «новшествъ» очень часто шло рядомъ съ отобраніемъ у крестьянъ пашни, въ цѣляхъ расширенія «господскаго» поля, или даже сопровождалось переходомъ отъ оброка къ барщинѣ.

Въ 1847 году Кошелевъ затронулъ вопросъ о связи посѣвовъ свекловицы для сахарныхъ заводовъ, «пропагандируемыхъ различными обществами сельскаго хозяйства», съ переводомъ крестьянъ съ оброка на барщину.

«Къ несчастію, съ нѣкотораго времени вошло въ моду сажать крестьянъ на барщину. Этимъ злополучнымъ нововведеніемъ обязаны мы въ особенности Обществамъ сельскаго хозяйства, которыя распространяютъ свеклосахарныя и другія промышленности и толкуютъ о тукахъ, а забываютъ, что первымъ основаніемъ всякаго хозяйства должно быть благосостояніе поселянъ—людей, занимающихся обработкою полей. Сколько сахаръ заставилъ пролить горькихъ слезъ! Сколько имѣній разорено переводомъ съ оброка на барщину! Сколько записныхъ агрономовъ себя не устроили, а крестьянъ довели до крайней бѣдности» [1]).

Практика крѣпостного хозяйства выработала рядъ правилъ, какими «рачительный» хозяинъ долженъ былъ руководствоваться для установленія раціональнаго отношенія крѣпостныхъ къ землѣ, къ семьѣ, къ «міру» и къ помѣщику. Эти «правила» излагались въ многочисленныхъ руководствахъ для управляющихъ и приказчиковъ. Когда въ средѣ помѣщиковъ началось движеніе, направленное на поднятіе доходности хозяйства, въ этихъ «руководствахъ», на ряду со старыми «правилами», появились новыя, свидѣтельствующія о происшедшей перемѣнѣ во взглядахъ агрономовъ того времени на существенныя стороны помѣщичьяго хозяйства и, главнымъ образомъ, на уравнительное землепользованіе у крѣпостныхъ.

---

[1]) Колюпановъ. Біографія Кошелева. Стран. 198.

Еще въ 1770 году въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества было помѣщено «Собраніе Экономическихъ Правилъ» Удалова, въ которомъ авторъ рѣшительно высказывался противъ земельнаго «равненія».

Удаловъ свою работу написалъ на заданную Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ тему.

Удаловъ настойчиво совѣтовалъ помѣщикамъ уничтожить въ своихъ имѣніяхъ земельные передѣлы и отдавать тяглые участки крестьянамъ въ «вѣчное содержаніе». Система безпередѣльнаго пользованія землей, по его мнѣнію, значительно «увеличитъ доходность крестьянскаго хозяйства, чѣмъ увеличатся и доходы помѣщиковъ».

«Помѣщики весьма великую пользу получатъ, отдавая по тягламъ на вѣчное содержаніе землю, и сіе лучшимъ способомъ будетъ къ достиженію желаемаго успѣха».

Удаловъ подробно объяснилъ, почему именно «вѣчное содержаніе» земли подниметъ доходность крестьянскаго хозяйства. Онъ утверждалъ, что земельное равненіе дѣлаетъ «хорошихъ» хозяевъ совершенно равнодушными къ обработкѣ земли, такъ какъ они знаютъ, что ихъ участки при передѣлѣ отъ нихъ будутъ отобраны и ихъ «трудами» воспользуются «чужіе». Съ другой стороны, передѣльная система отучаетъ ухаживать за землей и плохихъ хозяевъ, такъ какъ эти послѣдніе разсчитываютъ, что при передѣлѣ ихъ запущенная земля перейдетъ отъ нихъ къ «другимъ», а они получатъ удобренные и разработанныя участки.

При уничтоженіи передѣловъ у крестьянъ получилось бы совершенно иное отношеніе къ землѣ.

«Прилежные до хлѣбопашества не будутъ съ сожалѣніемъ думать, какъ прежде бывало, что ихъ земля достанется другимъ, а съ надеждою станутъ стараться, какъ можно скорѣе земли свои удобрять и получать засѣваемый хлѣбъ съ большимъ умноженіемъ. Напротивъ того и лѣнивымъ не можно будетъ впредь надѣяться, трудами чужими пользоваться, а принуждены будутъ по примѣру другихъ, обрабатывать свои земли, и дѣлать хорошими и оставя всѣ пустыя желанія, станутъ единственно упражняться въ земледѣліи и размноженіи скота» [1]).

[1]) Труды В. Э. О-ва 1770 года, часть XV, стран. 211—212.

Тотъ же вопросъ объ уничтоженіи общины и уравнительнаго землепользованія и о замѣнѣ его «потомственнымъ владѣніемъ» поднятъ былъ Елагинымъ въ его докладѣ Екатеринѣ II по поводу веденія хозяйства въ дворцовыхъ имѣніяхъ. Докладъ Елагина былъ также направленъ на защиту «потомственнаго» владѣнія землей. Почти въ то самое время когда Статсъ-Секретарь Козьминъ рекомендовалъ уничтожить у казенныхъ и дворцовыхъ крестьянъ существующую у нихъ частную собственность на землю и ввести правительственными мѣрами передѣльную общину [1]), Елагинъ, предлагалъ Екатеринѣ II «подать примѣръ» дворянству, по «непроницанію» своему непонимающему собственныхъ выгодъ, и ввести въ «домостроительство» дворцовыхъ имѣній новый распорядокъ, состоящій въ потомственномъ владѣніи крестьянами землей. Такой распорядокъ привелъ бы къ усугубленію доходовъ съ дворцовыхъ имѣній, путемъ обогащенія каждаго крестьянина. По глубокому убѣжденію Елагина, «обогащеніе» крестьянъ съ несомнѣнностью наступитъ какъ только будутъ созданы условія, гарантирующія тяглецамъ прочное обладаніе землей.

«Необходимо—писалъ Елагинъ въ своемъ докладѣ—надобно себѣ представить то естественное побужденіе, поощряющее каждаго человѣка мыслить о будущемъ тѣлесномъ блаженствѣ, которое, конечно, въ надежномъ обладаніи имѣнія состоитъ. А сіе воображеніе и откроетъ тотчасъ, что безъ опредѣленія земледѣльцамъ прочныхъ выгодъ, кои бы собственною родовою и надежною корыстью ихъ къ трудамъ и прилежности обязывали, невозможно побудить ихъ къ прямому земледѣлію».

«Изъ того и слѣдуетъ, что должно на каждый крестьянскій домъ опредѣлять извѣстное число земли, дабы онъ и себя содержать, и подати могъ платить, и оную землю утвердить ему въ неотъемлемое и потомственное владѣніе» [2]).

Докладъ Елагина никакого успѣха не имѣлъ, аграрная политика правительства Екатерины II опредѣлилась взглядами, изложенными въ докладѣ Козьмина.

И въ финансовомъ, и въ полицейскомъ отношеніяхъ «временное» пользованіе землей отъ передѣла до передѣла было признано болѣе соотвѣтствующимъ государственнымъ интере-

---

[1]) См. выше.

[2]) „Журналъ Землевладѣльцевъ“ 1859 г. 41 томъ, стран. 29.

самъ, чѣмъ наслѣдственное безпередѣльное пользованіе. Сама Екатерина II съ большой ироніей относилась ко всякимъ новшествамъ въ земледѣліи и къ начинающейся модѣ на «агрономію».

— «Господи Боже мой, еслибы Вы знали, какъ я ненавижу всѣхъ этихъ агрономовъ и сельскихъ хозяевъ, которые и сохи то въ руки никогда не брали...» писала она Гримму въ 1796 году.

— «Крестьяне русскіе ихъ ненавидятъ еще больше моего и они правы».

— «У насъ крестьяне привыкли съ небольшимъ трудомъ добывать все необходимое для жизни и они же доставляютъ другимъ государствамъ рогатый скотъ и лошадей».

— «Видали мы англичанъ, хозяевъ-хлѣбопашцевъ, но подражать имъ не станемъ; у насъ другой климатъ—другія условія жизни». Знаете ли что было бы съ мнимымъ хозяиномъ Іенишемъ, если бы ему дать управлять въ одномъ изъ казенныхъ имѣній. Крестьяне отправили бы его на тотъ свѣтъ и съ агрономіей, которая ни на что не годна, вотъ и все. Предоставьте насъ самимъ себѣ: мы производимъ и продаемъ больше хлѣба, чѣмъ остальныя государства Европы, взятыя вмѣстѣ, такъ какъ же вы хотите, чтобы мы брали за образецъ крохотную Англію» [1].

Такіе взгляды, которые высказывали Елагинъ и Удаловъ въ концѣ 18 столѣтія, были единичными. Но въ 40-хъ годахъ 19 столѣтія отрицательное отношеніе хозяевъ и агрономовъ къ «уравнительному» землепользованію у крестьянъ было распространено уже довольно широко.

Передовые хозяева, агрономы и «управители» были противъ передѣловъ не только въ виду «непрочности» владѣнія, но и въ виду порождаемой уравнительной практикой черезполосицы, съ ея принудительнымъ сѣвооборотомъ.

Принудительный сѣвооборотъ «связывалъ силы» крестьянъ и убивалъ у нихъ «всякую инициативу».

При черезполосицѣ, господствовавшей на крестьянскихъ поляхъ, нечего было и думать о заведеніи на нихъ нѣмецкаго или англійскаго хозяйства. На вредъ черезполосицы еще въ

[1]) Русскій Архивъ 1878 года. Книга III.

концѣ 90-хъ годовъ 18 столѣтія указывалъ Рознатовскій, одинъ изъ послѣдователей Шубарта въ Россіи [1]).

Рознатовскій считалъ совершенно безнадежнымъ дѣломъ пытаться измѣнить способъ веденія крестьянскаго хозяйства при черезполосицѣ, съ паровыми полями, служащими для общихъ выгоновъ. «Сколько всѣ увѣрены въ томъ, писалъ онъ, что черезполосное владѣніе отымаетъ, такъ сказать, руки у земледѣльца, а особливо у малоземельнаго, весьма часто притѣсняемаго, столько же истинно и то, что общіе выгоны, нераздѣльные луга и пастбища, да и самыя паровыя поля чрезмѣрно вредны землепашеству. Въ первомъ случаѣ земледѣлецъ на собственной землѣ своей не можетъ сѣять того, что хочетъ и что надобно ему, но сѣетъ то, что сѣютъ и хотятъ другіе; во-вторыхъ же, хотя третья часть и болѣе земли его почти ничего не произрощаетъ, однако жъ не властенъ онъ тамъ произрощать ни травъ, ни хлѣба, ниже другихъ какихъ бы то ни было растеній, пасомыя на нихъ стада препятствуютъ тому, и слѣдовательно лишаютъ его способовъ работать такъ, какъ нужно».

Черезъ 30 лѣтъ послѣ Рознатовскаго на этомъ же вопросѣ много разъ останавливался популярный въ свое время агрономъ-помѣщикъ Д. П. Шелеховъ, который въ 1825 году, выступилъ съ горячей защитой плодопеременнаго хозяйства въ своей работѣ: «Главныя основанія земледѣлія».

Въ Библіотекѣ для Чтенія въ 1837 году этотъ Шелеховъ писалъ, что крестьянинъ лишенъ всякой возможности произвести самое незначительное измѣненіе въ своемъ хозяйствѣ, если оно противорѣчитъ прочно установившейся въ деревнѣ практикѣ.

«Вотъ еще Сизифовъ камень, непрестанно тяготѣющій на плечахъ крестьянина въ вольныхъ и оброчныхъ деревняхъ: онъ не имѣетъ права выйти въ поле и на лугъ пахать землю, сѣять, косить, жать прежде своего брата или безъ общаго согласія. А это общее согласіе всегда трудно и медленно, потому что въ немъ участвуютъ ретивые и лѣнивые, которыхъ едва ли вездѣ не больше».

«Оттого крестьянину нельзя посѣять ни многоплоднаго ранняго хлѣба, который ранѣе поспѣваетъ и требуетъ ранней

---

[1]) А. Рознатовскій. Ibid. Стран. 9.

уборки, ни сдѣлать какихъ-либо опытовъ травосѣянія и посѣвовъ корнеплодныхъ овощей, даже нельзя выступить на лугъ съ косой прежде другихъ, чтобы снять траву въ самомъ соку: ему надобно дождаться общаго дѣлежа, иначе онъ посѣвами раннихъ хлѣбовъ и, слѣдственно съ ранними выходами, онъ подвергается неминуемо потравѣ отъ скота, который бродитъ весной повсемѣстно и съ жадностью бросается на всякую отпрыснувшую зелень, на всякій клочекъ свѣжаго корма послѣ зимы, въ которую онъ умиралъ съ голоду [1]).

Послѣ Шелехова эти нападки на чрезполосицу и на принудительный сѣвооборотъ почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ повторялось въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ въ агрономической и публицистической литературѣ.

На этомъ въ 1843 году останавливается, напримѣръ, Вилькинсъ. Въ своей книгѣ: «Мысли и наблюденія о положеніи земледѣльческой промышленности», изданной въ Москвѣ, онъ говорилъ, что черезполосица положительно губитъ крестьянское хозяйство. Благодаря чрезполосицѣ, поля крестьянскія плохо удобряются, плохо обрабатываются, но самое главное зло отъ черезполосицы Вилькинсъ видѣлъ въ томъ, что при ней хозяйство всей деревни строится по уровню наиболѣе слабыхъ домохозяевъ [2]).

«Рачительный хозяинъ, имѣющій средства хорошо и успѣшно обработать свой участокъ не можетъ располагать этими средствами по собственной волѣ, а долженъ приноравливаться въ работахъ своихъ къ распоряженіямъ другихъ, болѣе слабыхъ или болѣе лѣнивыхъ домохозяевъ. Напримѣръ, онъ посѣялъ бы свой озимый хлѣбъ къ 1 августа, такъ что ранній сѣвъ у насъ бываетъ всего надежнѣе, но долженъ остановиться, хотя пашня и сѣмена у него готовы, потому, что большая часть сосѣдей не начинала еще и пахать подъ сѣвъ; на нашихъ сторонахъ пока вся деревня не отсѣется, скотъ и лѣтомъ ходитъ безпрепятственно по паренинѣ. Весною онъ бы раньше заперъ луга свои, раньше бы посѣялъ яровое; лѣтомъ раньше убралъ бы пустоши и пустилъ на нихъ свою скотину, вмѣсто того, чтобы морить ее голодомъ въ пару, да на бѣду никто изъ сосѣдей

---

[1]) Д. Шелеховъ, стран. 8. Библіотека для Чтенія, 1837 г.

[2]) Это равненіе въ общинѣ крестьянскаго хозяйства по слабымъ черезъ 70 лѣтъ выдвинулъ Столыпинъ, какъ главный аргументъ противъ общины.

не принимался еще за эти работы, а онъ одинъ не можетъ быть указчикомъ цѣлой деревнѣ, гдѣ всякій хозяинъ въ свое окошко смотритъ и всякій говоритъ, что онъ такой же вотчинникъ, какъ и другіе, слѣдственно принуждать его къ работѣ сверхъ силъ никто не въ правѣ».

Вилькинсъ разсказываетъ, какъ одинъ «старательный» крестьянинъ объяснялъ ему причину, по которой онъ не сѣетъ на своемъ участкѣ кормовыя травы, столь нужныя его хозяйству: «посѣялъ бы клеверъ или тимофеевку, которые на хуторѣ такъ славно растутъ—говоритъ крестьянинъ,—да въ которомъ полѣ его сѣять? У насъ всѣ три клина заняты либо хлѣбомъ, либо скотомъ» [1]).

Конечно, крестьяне могли бы заводить травосѣяніе или переходить къ многополью сразу цѣлыми деревнями, но на это крестьяне по своей закоснѣлости никогда не рѣшатся.

«Косность массъ, говоритъ Вилькинсъ, и является причиной того, что крестьяне не только сами не рѣшаются безъ особаго принужденія заводить у себя что-нибудь небывалое, аособливо нерусское, но готовы препятствовать въ этомъ и другимъ».

Отъ критики «непрочнаго» владѣнія землей, черезполосицы и принудительнаго сѣвооборота агрономы, помѣщики и публицисты перешли къ критикѣ общиннаго землевладѣнія и къ защитѣ частной собственности на землю.

Вопросъ же о преимуществахъ общины и частной собственности на землю привелъ къ общему вопросу объ экономическихъ и политическихъ судьбахъ Россіи.

Убѣжденіе, что главные тормазы развитія крестьянскаго хозяйства создаются общиной, съ ея передѣлами и черезполосицей ко времени Кр. Реформы, пріобрѣло характеръ аксіомы въ довольно широкихъ кругахъ помѣщиковъ.

---

[1]) Черезъ 65 лѣтъ, въ 1902 году, на принудительный сѣвооборотъ крестьяне Смоленской губерніи жаловались почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. «Нѣтъ возможности правильно обработывать землю, т. е. вводить столь необходимую многопольную систему, съ правильнымъ чередованіемъ воздѣлываемыхъ растеній, но въ особенности столь необходимаго для насъ травосѣянія, безъ котораго почти что невозможно улучшеніе скотоводства». «Крестьяне съ поля хлѣбъ свезли, а одинъ остается, то ужъ надо такъ: спѣлъ или зеленъ, а убирай, сухъ или мокръ, а увози, а то и ногъ не ухватить: скотомъ цѣлаго селенія все съѣдятъ. Да одного и ждать не будутъ, потому что скоту бываетъ очень даже трудно, особенно въ паровомъ полѣ». И. Чернышевъ. Крестьяне объ общинѣ. Стран. 11—5.

Въ 1847 году князь Черкасскій, одинъ изъ самыхъ активныхъ дѣятелей Крестьянской Реформы, въ своей извѣстной «Запискѣ Тульскихъ дворянъ объ освобожденіи крестьянъ», писалъ: «О вредѣ общиннаго владѣнія крестьянъ излишне было бы, кажется, распространяться—вредъ сей слишкомъ очевиденъ».

Черкасскій считалъ, что община—институтъ примитивный. Когда-то она была необходима, необходима она еще и теперь, но она должна исчезнуть въ дальнѣйшемъ развитіи.

Черезъ 10 лѣтъ въ 1857 году, Черкасскій, возвращаясь къ вопросу объ общинѣ, опять выражалъ глубокое убѣжденіе, что общественный и экономическій прогрессъ въ Россіи приведетъ къ замѣнѣ общиннаго владѣнія землей частной собственностью на землю. Но князь Черкасскій различалъ въ общинъ двѣ стороны—экономическую и административную, и его предсказанія объ исчезновеніи общины касались только первой—уравнительно-передѣльнаго землепользованія.

«Мы... смѣемъ думать, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ гражданственности, умноженіемъ народонаселенія и возвышеніемъ поземельной цѣнности, наши сельскія общества, сохранивъ лишь общинное управленіе, покинутъ сами собой первообразную несовершенную форму владѣнія поземельнаго и путемъ естественнаго развитія дойдутъ до болѣе или менѣе общаго приложенія понятія о частной собственности» [1]).

И для другого виднаго дѣятеля Крестьянской Реформы, Самарина, также было очевидно, что тенденція экономическаго развитія заключается въ «уменьшеніи правъ общины надъ землей и въ ростѣ правъ отдѣльныхъ домохозяевъ».

Эта тенденція, говорилъ Самаринъ, уже въ крѣпостную эпоху проявляла себя въ удлиненіи сроковъ земельныхъ передѣловъ.

«Совершенствованіе земледѣлія ведетъ именно къ постепенному расширенію участія мысли, воли, труда, капитала, и причины, заставившія нашихъ крестьянъ и помѣщиковъ отказаться въ среднихъ губерніяхъ отъ ежегодныхъ передѣловъ (еще недавно повсемѣстно существовавшихъ)... потребуетъ со временемъ совершеннаго прекращенія передѣловъ» [2]).

---

[1]) Кн. Трубецкая. Матеріалы для біографіи князя Черкасскаго. Т. I, часть 1. Стран. 27.

[2]) Будучи противникомъ передѣловъ и считая, что община съ ходомъ исторіи будетъ замѣнена другой формой землевладѣнія, Самаринъ, тѣмъ не менѣе, въ Кре-

Въ «Экономическомъ Указателѣ», либеральномъ журналѣ, издававшемся при Вольно-Экономическомъ Обществѣ и руководимомъ профессоромъ Вернадскимъ, въ 1857 году (№№ 5, 7, 9, и 10) былъ помѣщенъ рядъ статей противъ общины. Между прочимъ «инспекторъ сельскаго хозяйства» на югѣ Россіи, нѣкто Струковъ, утверждалъ, что благодаря общинѣ «силы земли истощаются, развитіе богатства замедляется и даже нравственность населенія падаетъ».

Тенгоборскій въ своей извѣстной работѣ «Производительныя силы Россіи» (изданной въ 1853 году) боролся съ передѣльной общиной. «Успѣхи земледѣлія замедляются у насъ, писалъ Тенгоборскій, болѣе всего существующимъ раздѣленіемъ земли по тягламъ». «Такой порядокъ вещей не можетъ быть названъ выгоднымъ въ агрономическомъ отношеніи, потому что, во-первыхъ, неувѣренность сохранить надолго и передать по наслѣдству своимъ дѣтямъ обработанную землю дѣлаетъ поселянина равнодушнымъ ко всякому улучшенію, выгоды отъ котораго могутъ быть получены имъ только въ болѣе или менѣе отдаленномъ времени; во-вторыхъ, раздробленіе участка поселянина на нѣсколько мелкихъ частичекъ, разбросанныхъ по нѣсколькимъ полямъ для уравненія производительной цѣнности участковъ, также чрезвычайно невыгодно для обработки».

Отрицательное отношеніе къ общинѣ нашло себѣ сторонниковъ и въ средѣ высшей администраціи. Даже графъ Киселевъ, въ качествѣ Министра Государственныхъ Имуществъ, всѣми мѣрами насаждавшій общину у государственныхъ крестьянъ, въ письмѣ къ великому князю Константину Константиновичу призналъ (въ 1857 году), что «общинное пользованіе землею имѣетъ для преуспѣванія хлѣбопашества явные недостатки».

Литература первой половины 19 столѣтія сохранила намъ много свидѣтельствъ объ отношеніи дореформенныхъ помѣщиковъ къ общинѣ. Но объ отношеніи помѣщичьихъ кре-

---

стьянской Реформѣ защищалъ общину, хотя и съ большими оговорками. Онъ говорилъ: „Защищая хозяйственную общину у насъ въ Россіи и въ настоящее время, я однако же не выдаю за форму безукоризненную и общепримѣнимую...“ „Общинное землевладѣніе имѣетъ свои стороны существеннаго неудобства. Въ немъ таится внутреннее противорѣчіе, свидѣтельствующее, что эта форма не можетъ быть вѣковѣчною, а должна измѣниться путемъ свободнаго развитія“. Самаринъ. Соч. Т. III. Стран. 169.

стьянъ къ общинѣ и къ передѣламъ, къ черезполосицѣ и принудительному сѣвообороту мы ничего не знаемъ и можемъ судить объ этомъ только по даннымъ изъ вторыхъ рукъ, т. е. по матеріаламъ, исходящимъ отъ тѣхъ же помѣщиковъ.

Крѣпостная деревня экономически не была однородной и въ вопросѣ о формахъ землепользованія, какъ и въ другихъ вопросахъ крестьянскаго быта, бѣднота и богатые крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, судили различно.

По словамъ Самарина «исправные» домохозяева не любили земельныхъ передѣловъ. такъ какъ передѣлы очень часто означали для нихъ безвозвратную потерю результатовъ ихъ тяжелаго труда и затраченныхъ ими средствъ:

«Обработка земли подъ рожь требуетъ большаго труда чѣмъ обработка подъ яровое, передъ посѣвомъ озимаго хлѣба исправные хозяева поднимаютъ паръ плугами, потомъ двоятъ и даже иногда троятъ сохами, нерадивые и бѣдные довольствуются двумя пашнями и не употребляютъ плуга; отъ тщательности обработки земли подъ рожь зависитъ не только урожай озимаго хлѣба, но и послѣдующій урожай ярового. Крестьяне это знаютъ, оттого передѣлъ полей изъ-подъ ярового обходится легко и скоро, а когда доходитъ дѣло до ржаница, исправные хозяева начинаютъ кряхтѣть».

Самаринъ признавалъ эти протесты исправныхъ домохозяевъ противъ передѣловъ вполнѣ справедливыми, такъ какъ, по его мнѣнію, «по мѣрѣ того, какъ увеличивается въ земледѣліи участіе труда и капитала, замѣняя дѣйствія даровыхъ силъ природы, увеличивается затруднительность и несправедливость передѣловъ, а слѣдовательно и общиннаго владѣнія».

Въ «Экономическомъ Журналѣ» помѣщикъ Симбирской и Нижегородской губерній (Савельевъ) сообщалъ въ 1858 году о томъ, что его «собственные» зажиточные крестьяне, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ онъ «не успѣлъ ихъ надѣлить землей въ вѣчную собственность, и гдѣ у него по старому обычаю существуетъ общинное, владѣніе, перестали унаваживать свои поля». И далѣе онъ разсказывалъ, какъ въ одномъ изъ своихъ имѣній еще въ 40-хъ годахъ, по просьбѣ самихъ крестьянъ, онъ уничтожилъ передѣлы и при избранныхъ міромъ старшинахъ онъ разбилъ землю по тягламъ «въ неизмѣнное владѣніе крестьянъ».

«Журналъ Землевладѣльцевъ»—органъ, въ Крестьянской Реформѣ защищавшій интересы помѣщиковъ писалъ, что «всегда

главными крикунами при передѣлахъ были тунеядцы, расчитывающіе (нерѣдко удачно) на полученіе удобренныхъ участковъ вмѣсто своихъ, по собственной винѣ потерявшихъ производительность».

Отношеніе къ общинѣ богатыхъ крестьянъ мѣнялось въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Мѣстами богатые крестьяне отстаивали общину и поддерживали бѣдноту, когда та требовала земельныхъ передѣловъ. Самаринъ приводилъ одинъ свой характерный разговоръ съ зажиточнымъ крестьяниномъ Смоленской губерніи. Разговоръ этотъ происходилъ еще до Крестьянской Реформы: «Конечно, батюшка, говорилъ Самарину этотъ крестьянинъ, я буду въ убыткахъ (при передѣлѣ), да зато противъ бѣдныхъ всегда въ барышахъ, у кого на пастьбѣ четыре головы, а у меня четырнадцать, то и приходится иногда и потерпѣть» [1]).

Въ вопросѣ объ общинѣ многіе помѣщики заняли своеобразную позицію: они признавали экономическій вредъ общины, но всетаки защищали ее, полагая, что община можетъ существовать и безъ передѣловъ. Такъ, славянофилъ Кошелевъ въ своей «Русской Бесѣдѣ», журналѣ, гдѣ наканунѣ Реформы велась энергичная защита общины, утверждалъ, что общинное владѣніе «нимало не измѣняя своему характеру, можетъ допустить даже наслѣдственное пользованіе землей. «Это не только возможно, говорилъ онъ, но даже удобно». Кошелевъ полагалъ, что община нужна только на время крѣпостного права и что послѣ освобожденія крестьянъ она сама собой уничтожится, такъ какъ держится она только помѣщичьимъ принужденіемъ.

«Теперь передѣлы необходимы, потому что тягла въ помѣщичьихъ имѣніяхъ большей частью не спрашиваются, а налагаются».

«Слѣдовательно, какъ скоро рабочая сила или старѣетъ, или

---

[1]) Въ XX вѣкѣ (1902 г.) въ деревнѣ той же Смоленской губерніи мы встрѣчаемъ совершенно тожественныя изложенія причинъ, по которымъ богатые крестьяне иногда стояли за передѣльную общину: „Общинное владѣніе—это просто грабежъ, такъ какъ у богача, напримѣръ, 3 душевыхъ надѣла, онъ имѣетъ 5 коровъ, 2—3 подтелковъ, не менѣе 10 овецъ—все это пасется въ общемъ стадѣ. У бѣднаго же при 3-хъ душевныхъ надѣлахъ бываетъ одна корова и 2 овцы, и всѣ плохіе, потому—то богатый мужикъ иногда и дорожилъ общиной“. И. Чернышевъ. Крестьяне объ общинѣ. Спб. 1912.

умираетъ, то семейство проситъ льготы, т. е. складки тягла, и въ такомъ случаѣ необходима накладка тягла».

Эти частыя складки и накладки тяголъ перепутываютъ поземельные участки и заставляютъ прибѣгать къ передѣламъ. Помѣщичья власть и тяжесть обложенія—вотъ основы передѣльной общины по Кошелеву. И она естественно должна умереть, какъ только крестьяне начнутъ дорожить землей.

— «Такое положеніе дѣла еще продолжится, пока будутъ обязательныя работы или пока будутъ взноситься оброчныя или выкупныя деньги, но когда всѣ эти повинности минуютъ, и крестьянамъ придется взносить однѣ государственныя, земскія и общественныя повинности, тогда тягломъ будутъ дорожить».

— «Тогда семейства, лишающіяся работниковъ, будутъ удерживать за собою землю, доставляющую имъ возможность кормиться даже при наемкѣ работниковъ. Слѣдовательно, и передѣлы, о которыхъ такъ много толкуютъ, могутъ все рѣже и рѣже повторяться или вовсе прекратиться» [1]).

Кошелевъ ссылался на факты современной жизни. «Это не догадка, не предположеніе, а почти фактъ: усадебная земля въ нашихъ селеніяхъ находится въ мірскомъ владѣніи, а между тѣмъ въ большей части деревень конопляники и огороды (ужъ не говорю о землѣ подъ строеніемъ) находятся въ коренномъ, наслѣдственномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ».

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1859 годъ, въ статьѣ Юрьина, посвященной горячей защитѣ общины—такъ же говорилось, что передѣлы не составляютъ необходимаго условія общиннаго землевладѣнія, что «сроки передѣловъ могутъ измѣняться до безконечности, а земельные участки переходить во владѣніе пожизненное, а иногда даже потомственное».

Редакторъ демократическаго журнала «Современникъ» Н. Г. Чернышевскій, разбирая нападки на общинное землевладѣніе, находилъ неправильнымъ считать общину главнымъ тормазомъ развитія сельскаго хозяйства.

Причина отсталости и косности земледѣлія въ крѣпостное время, Чернышевскій видѣлъ въ общихъ условіяхъ развитія Россіи. «Отсутствіе умственнаго развитія въ народѣ, упадокъ

---

[1]) Въ этомъ отношеніи Кошелевъ оказался совершенно правъ: первое же земское изслѣдованіе общины (Орловымъ въ Московской губ.) показало, что передѣлы замирали тамъ, гдѣ земля окупала падающіе на нее платежи.

его энергіи, крѣпостное состояніе, недостатокъ оборотнаго ка-капитала, неразвитость торговли и промышленности, плохое состояніе путей сообщенія, слабое развитіе городовъ, незначи-чительная степень населенности — все это такія причины, изъ которыхъ каждая сама по себѣ и безъ содѣйствія другихъ бываетъ въ состояніи задержать сельское хозяйство на низкой степени развитія писалъ Чернышевскій» [1]).

Главной причиной жалкаго состоянія крестьянскаго хозяй-ства являлась въ томъ, что въ Россіи еще не было ни условій, ни почвы для интенсивнаго хозяйства. Въ Россіи, по мнѣнію Чернышевскаго, еще не было «коммерческаго расчета затра-чивать капиталы на введеніе сильныхъ удобреній, улучшенныхъ орудій и т. д. Сельскіе хозяева очень хорошо знаютъ это и потому держатся той системы, которая требуетъ наименьшихъ затратъ» [2]).

Что дѣло стояло именно такъ, прекрасно доказывало по-мѣщичье хозяйство. «Не очень блестяще, писалъ Чернышев-скій, вообще и результатъ стоящаго рядомъ съ общиной по-мѣщичьяго хозяйства, которое, однако же, имѣло совершенно отдѣльную, личную собственность». Что касается крестьянскаго хозяйства, то ему, по мнѣнію Чернышевскаго, особенно мѣ-шало крѣпостное право. «Почти вездѣ, гдѣ бремя крѣпостного состоянія замѣтно облегчалось, крестьяне, если они только не были совершенно убиты духомъ отъ предшествовавшаго угне-тенія, въ скоромъ времени приводили свое хозяйство въ поря-докъ и достигали весьма удовлетворительныхъ результатовъ, общинное владѣніе землею, повидимому, имъ не мѣшало» [3]).

«Секретъ плодоперемѣнной системы разъяснялъ Чернышев-скій Вернадскому, лежитъ не въ уничтоженіи общиннаго вла-дѣнія, а въ прочномъ законномъ порядкѣ» [4]).

Но Чернышевскій въ своей оцѣнкѣ общины былъ почти одинокъ среди экономистовъ. Въ дворянскихъ и правитель-ственныхъ кругахъ, въ литературѣ первой половины 19 вѣка и наканунѣ Крестьянской Реформы преобладало убѣжденіе, что низкій уровень крестьянскаго хозяйства объясняется об-

---

[1]) Чернышевскій. Суевѣріе и правила логики. Стр. 674—675.
[2]) Чернышевскій. Устройство быта крестьянъ.
[3]) Чернышевскій. Устройство быта крестьянъ. Стр. 563.
[4]) Чернышевскій. О собственности. Стр. 127—1287.

щиной. Въ то же время считалось немыслимымъ, чтобы законодательство посягнуло когда-нибудь на общину. По господствующему взгляду община была необходима не только Россіи крѣпостной, но она столь же будетъ необходима Россіи, если даже ей было бы суждено стать «свободной».

Отрицательное отношеніе помѣщиковъ къ общинѣ носило больше теоретическій характеръ; на практикѣ они всемѣрно поддерживали общину, внося въ общинный строй «коррективъ» въ видѣ сокращенія или полнаго уничтоженія передѣловъ.

«Современная защита общины, писалъ Кошелевъ послѣ Крестьянской Реформы, принесла свою пользу: въ литературѣ того времени, большинство оказалось противниками общиннаго владѣнія въ теоріи, но ни одинъ голосъ, не рѣшился выступить съ предложеніемъ о необходимости принудительныхъ мѣръ противъ существующей у насъ поземельной общины».

Защищавшіе общину помѣщики и публицисты первой половины 19 столѣтія всегда подчеркивали, что община необходима не только для казны и помѣщиковъ, но она полезна также и самимъ крестьянамъ.

«Это, можетъ быть, единственный вопросъ, въ которомъ интересъ казны и помѣщиковъ совпадаетъ съ народнымъ обычаемъ», писалъ Ю. Самаринъ въ 1858 году объ общинѣ.

II.

Политическая защита общинно-мірского строя.

Наканунѣ Крестьянской Реформы графъ Киселевъ утверждалъ, что правительство и помѣщики были самыми убѣжденными друзьями общины. «Оппозиція противъ общиннаго владѣнія, писалъ онъ, въ пользу личной собственности идетъ не отъ помѣщиковъ и правительства, а отъ ученыхъ и почитающихъ себя учеными, во имя такъ называемой науки» [1]).

[1]) Намекъ на издававшійся при В. Э. О-вѣ „Экономическій Указатель“ проф. Вернадскаго.

Въ чемъ же заключались причины этой солидарности пр вительства и дворянства въ защитѣ общины, при общемъ пр знаніи убыточности и для помѣщика и для казны общинна хозяйства?

Классическій отвѣтъ на это далъ тотъ же графъ Киселе въ своей Запискѣ «Развитіе сельскаго хозяйства», поданной им Императору Николаю І-му въ 1849 году.

Суть этого отвѣта заключалась въ томъ, что вопросъ об общинѣ не можетъ быть рѣшаемъ экономическими аргуме тами, такъ какъ это вопросъ не экономическій, а *политическі*

«Душевой раздѣлъ земель, столь вредный для всякаго коре ного улучшенія въ хозяйствѣ, писалъ Киселевъ, имѣетъ сво выгоду въ отношеніи устраненія *пролетаріевъ* и потому соста ляетъ вопросъ, котораго рѣшеніе выходитъ изъ предѣлов чисто экономическихъ».

Какую «страшную» угрозу самодержавію и господству дв рянства представляютъ эти «пролетаріи» правительству был извѣстно изъ примѣра Западной Европы.

Общинно-мірской строй давалъ правительству незамѣним средство управленія народомъ и препятствовалъ обезземел ванію крестьянъ. Западная Европа, разрушившая общину, н можетъ найти никакихъ средствъ для того, чтобы избавит себя отъ анархіи и распада.

Вообще, вопросъ объ общинѣ въ исторіи русской «пом щицкой» мысли въ концѣ 50-хъ годовъ XIX-го столѣтія сл вается съ вопросомъ о русскомъ мессіанизмѣ, т. е. объ ист рической миссіи Россіи—влить новыя силы въ «умирающую Европу. Что Западъ погибнетъ, что онъ скоро сыграетъ сво историческую роль и сойдетъ съ исторической сцены, что н смѣну ему для обновленія міра придетъ здоровая, молода Россія—эта идея была знакома Россіи еще съ XVI вѣка.

Въ ходѣ развитія ученій объ особой миссіи Россіи мѣн лось только представленіе о силахъ, которыя должны был погубить Западъ.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія и въ началѣ XIX-го стол. тако силой былъ признанъ политическій строй Европы—«вольность Запада. Этой разлагающей Западную Европу «вольности» пр тивопоставлялось русское самодержавіе и крѣпостное право.

Затѣмъ въ XIX в. было реставрировано старое ученіе о други силѣ, которая неминуемо должна была погубить Европу—это е

католицизмъ и протестантизмъ, которымъ противопоставлялось русское—«православіе». Наконецъ, по послѣдней версіи, Западъ долженъ былъ погибнуть отъ своего экономическаго строя, отъ частной собственности на землю, отъ капитализма. Россіи же предопредѣлено было безмятежно развиваться на основѣ своей патріархальной земельной общины и обновить ею Европу.

Защищая общину, дореформенные публицисты въ XIX ст. часто противопоставляли ложнымъ «вольностямъ» Запада нашу «патріархальность», и такимъ образомъ сближались и по тону, и по содержанію съ защитниками крѣпостного права въ XVIII стол.

Публицистика XIX-го стол. отличалась тѣмъ же націоналистическимъ пафосомъ, что и публицистика XVIII стол.: мирная Русь и мятущійся Западъ были ея любимыми темами.

«Вольный» строй Запада, по мнѣнію дворянскихъ публицистовъ XVIII го стол., принесъ народу только голодъ и нищету, а крѣпостной строй далъ Россіи «сытость» и «благоденствіе».

Французская революція явила міру картину полнаго банкротства отношеній, построенныхъ на этихъ «вольностяхъ», и вполнѣ оправдывала самыя мрачныя предсказанія о судьбѣ Запада.

Въ своихъ «примѣчаніяхъ на исторію Леклерка» Ив. Болтинъ спрашивалъ: «тѣ народы, кои называются вольными въ Европѣ, вящими ли выгодами, лучшимъ ли жребіемъ благосостоянія пользуются, нежели мы» [1]?

«Земледѣльцы государствъ, тщеславящихся изгнаніемъ изъ предѣловъ своихъ рабства, выгоднѣйшую ли же жизнь ведутъ, меньше ли отягощены поборами и всякородными налогами, нежели наши? Если окажется по справкѣ, что съ названіемъ свободы благоденствіе не сопряжено, что народы, называющіеся вольными, не лучшею участью пользуются насъ, признаваемыхъ за находящихся въ тяжкой неволѣ, что земледѣльцы сихъ государствъ, *вольныхъ* по воображенію, не меньше отягощены, какъ и наши, называющіеся рабами, то чтожъ пользы въ сей вольности пустой и мечтательной, толико проповѣдуемой и превозносимой» [2].

На всѣ эти вопросы Болтинъ давалъ отвѣты не въ пользу

[1]) Ив. Болтинъ. Примѣчанія на исторію г. Леклерка. 1788 г. Стран. 234.
[2]) Стран. 235, Ibid.

Запада. «Земледѣльцы наши, говорилъ онъ, *Прусской вольност* не снесутъ, Германская не здѣлаетъ состояніе ихъ лучшимъ съ Французскою помрутъ они съ голоду, а Англійская низвер нетъ ихъ въ пучину погибели». Таковъ былъ обычный тон публицистовъ XVIII-го столѣтія. Тѣ же мотивы повторяютс и въ XIX стол.

Начавшееся съ конца 30-хъ годовъ XIX-го стол. въ Запад ной Европѣ движеніе пролетаріата дало новыя подтверждені мысли о томъ, что «вольность» и бунтъ—неразлучны. «Вольный пролетарій грозилъ Европѣ переворотами еще болѣе ужасным чѣмъ французская революція.

Въ Россіи нѣтъ революцій потому, что въ ней нѣтъ проле таріата, не могущаго развиваться при наличности передѣльно общины. Но общину въ Россіи охраняютъ помѣщики, слѣдо вательно, помѣщики охраняютъ Россію отъ революцій, а потом крѣпостное право, какъ оплотъ общины и «міра», должно быт всемѣрно орханяемо—вотъ выводъ, за который крѣпко держа лись дворянскіе дореформенные публицисты.

Князь Черкасскій указывалъ въ 1856 году, что среди дв рянъ еще были люди, которые въ крѣпостномъ состояніи ви дѣли якорь спасенія для современнаго государства и восхв ляли «благодѣтельное вліяніе его на ослабленіе нищенства пролетаріата».

«Оно (крѣпостное право) есть и теперь единственно во можное нравственное отношеніе въ обществѣ не вполнѣ еш развившемся и доселѣ представляетъ такія ручательства наро наго благосостоянія, какихъ не обезпечиваютъ для низших классовъ народа другія европейскія общества. Въ Европѣ «с ществуютъ пролетаріи, которыхъ у насъ при крѣпостномъ с стояніи быть не можетъ». «Для уврачеванія золъ пауперизм и пролетаріата многіе изъ европейскихъ мыслителей, нап Сисмонди, предлагали для низшихъ классовъ покровительст патроновъ, похожихъ на нашихъ помѣщиковъ»—писалъ Кош леву его другъ Свербѣевъ.

Подобную защиту крѣпостного права, какъ оплота против пролетаріата, съ ихъ разрушительными идеями и дѣйствіям далъ Друцкой-Соколинскій въ цитированной выше «Записк 1849 года.

«Съ освобожденіемъ крестьянъ образуется у насъ невѣдомы классъ пролетаріевъ, который своими *идеями и дѣйствіям*

нанесетъ гораздо болѣе вреда, нежели сколько можно ожидать пользы отъ свободнаго труда».

Демократъ-соціалистъ Н. Г. Чернышевскій, защищая общину, какъ основу будущаго соціалистическаго переустройства Россіи, также предупреждалъ противниковъ общины о томъ, что «возникновеніе пролетаріата произвело много государственныхъ бѣдствій въ Англіи и Франціи и грозитъ этимъ странамъ новыми смутами, жесточайшими прежнихъ, потому что, съ одной стороны, требованія пролетаріевъ остаются все еще неудовлетворенными, а съ другой стороны,—*число пролетаріевъ все увеличивается* и, главное, возрастаетъ ихъ сознаніе о *своихъ силахъ* и *проясняется* ихъ *сознаніе* о своихъ потребностяхъ».

Характерна здѣсь заключительная часть приведеннаго отрывка: она въ извѣстной степени напоминаетъ одно мѣсто изъ 1-го т. «Капитала» Маркса, о ростѣ числа и сознательности пролетаріата въ процессѣ капиталистическаго развитія.

— «Вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ, которые узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого преобразовательнаго процесса увеличивается масса нищеты, угнетенія, рабства, вырожденія, эксплоатаціи, но съ другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возрастающаго рабочаго класса, вышколеннаго, объединеннаго, организованнаго механизмомъ самаго капиталистическаго способа производства (Капиталъ, т. I, стран. 55)».

Но пролетаріатъ развивался вмѣстѣ съ ростомъ промышленности и ненависть дворянскихъ публицистовъ пролетаріату распространялась и на промышленность.

Если пролетаріатъ такъ опасенъ существующему строю, если его кадры растутъ съ разрушеніемъ крестьянскаго общиннаго хозяйства и крестьянскихъ промысловъ, то Россіи не нужно развивать и собственную обрабатывающую промышленность; Россія должна оставаться земледѣльческой страной.

Противники индустріализаціи Россіи настаивали на томъ, что «намъ» нужно совершенствовать свое основное занятіе — земледѣліе на почвѣ свободной торговли съ Европой, которая въ обмѣнъ на продукты сельскаго хозяйства дастъ намъ свои фабричнаго издѣлія товары. Политика таможенной защиты своей слабой промышленности и стѣсненія свободы торговли сулитъ намъ развитіе «несчастныхъ и безнравственныхъ пролетаріевъ».

Въ ходѣ нашей экономической исторіи вопросъ о томъ, остаться ли Россіи только земледѣльческой страной, болѣе чѣмъ черезъ полстолѣтіе преобразовался въ вопросъ о томъ, быть или не быть въ Россіи капитализму. Несмотря на измѣнившуюся постановку вопроса, доводы публицистовъ, обсуждавшихъ судьбы нашего экономическаго будущаго наканунѣ Крестьянской Реформы и даже послѣ Реформы, во многомъ повторяли споры— о томъ, развивать ли свою промышленность или жить европейской промышленностью,—которые велись въ началѣ XIX столѣтія.

Въ органѣ помѣщиковъ, защитниковъ свободы торговли [1], «Духѣ Журналовъ», былъ напечатанъ рядъ статей, посвященныхъ сравненію положенія крѣпостного крестьянина въ Россіи и свободнаго крестьянина на Западѣ, а также сравненію положенія русскаго крестьянина земледѣльца и русскаго крестьянина фабричнаго.

Въ этихъ статьяхъ нашъ «фабричный», изъ крѣпостныхъ, выводился въ качествѣ представителя нарождавшагося русскаго пролетарія — «голоднаго», а потому «развратнаго и буйнаго». Наоборотъ, русскій крѣпостной - земледѣлецъ выступалъ здѣсь въ качествѣ домовитаго, устойчиваго и мирнаго хозяина.

— У крестьянина полная чаша, онъ спокоенъ, счастливъ и потому нравственёнъ, фабричный—голоденъ, а потому онъ развратенъ и бунтарь.

— «У насъ, въ Россіи, у мужичка въ избѣ спроси молока,— тащитъ кринку, спроси яицъ—цѣлый кузовъ, но - фабричные держатъ постъ. Посмотри на крестьянскую дѣвку или бабу— кровь съ молокомъ, а сила, хоть какого парня свалитъ».

Подходя къ самому опасному съ государственной точки зрѣнія, качеству фабричнаго, къ его политической неблагонамѣренности, сотрудникъ «Духа Журналовъ» спрашивалъ о фабричномъ: «Можетъ ли такой человѣкъ быть счастливъ и сохранитъ ли нравственность». И рѣшалъ, что «такой человѣкъ» «поневолѣ долженъ предаться разгулу и злодѣянію» [2].

Сравненіе россійскаго крѣпостнаго крестьянина-земледѣльца съ россійскимъ «фабричнымъ» оказывалось болѣе выгоднымъ

---

[1] О нашихъ протекціонистахъ и фритредерахъ начала 19 стол. См. Туганъ-Барановскій. „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ". Глава VII. Изд. 1898 г.

[2] „Духъ Журналовъ" 1816 г. § 10, стран. 215.

для крестьянина. Столь же выгодные для русскаго крѣпостного крестьянина результаты подъ перомъ крѣпостниковъ получались при сравненіи его съ европейскимъ «вольнымъ» крестьяниномъ.

«Взглянемъ на Англію,—пишетъ «Духъ Журналовъ», въ 1817 году,—народъ тамъ называется *вольнымъ* и имѣетъ право дышать и говорить безпошлинно. Но гдѣ болѣе нищихъ, какъ въ просвѣщенномъ семъ государствѣ. Гдѣ народъ болѣе отягощенъ чрезмѣрными налогами?» [1]).

«А русскіе крестьяне въ своей неволѣ благоденствуютъ».

Цитируемый публицистъ «Духа Журналовъ» уподобляетъ вольнаго англійскаго крестьянина «вольному» зайцу въ лѣсу, о которомъ никто не заботится, а русскаго крестьянина домашней лошади, которая «хоть на привязи стоитъ и на насъ работаетъ», но зато хозяинъ о ней печется, кормитъ, поитъ, чиститъ и холитъ ее: она и тогда сыта бываетъ, когда поле покрыто снѣгомъ [2]).

Положеніе нѣмецкихъ крестьянъ оказывалось столь же жалкимъ, какъ и англійскихъ:

Доля русскаго крѣпостного рейнскому крестьянину представляется недостижимымъ идеаломъ.

«О нещастное слово «вольность»! — Здѣшніе (рейнскіе) мужики всѣ *вольны*.—Вольны, какъ птицы небесныя; но такъ же, какъ они безпріютны и беззащитны, погибаютъ отъ голода и холода. Какъ бы они были счастливы, если бы законъ поставилъ ихъ въ *неразрывную связь съ землею и помѣщиками*».

«Что привязываетъ ихъ къ родной сторонѣ. И могутъ ли такіе люди *пламенѣть любовью къ отечеству. Его нѣтъ у нихъ* и послѣдніе годы показали сіе неоспоримо» [3]).

«Было время, когда состояніе крѣпостныхъ людей въ Россіи почиталось отъ иностранцевъ рабскимъ и самымъ жалостнымъ. Теперь они узнали свое заблужденіе» [4]).

Изъ всѣхъ этихъ параллелей публицисты «Духа Журналовъ» дѣлали выводъ, что крѣпостной строй является «древнимъ патріархальнымъ и самымъ естественнымъ образомъ гражданскаго благоустройства».

---

[1]) „Духъ Журналовъ" 1817 г., ч. XXIV, стран. 355—356.
[2]) Ibid., стран. 357.
[3]) „Духъ Журналовъ" 1817 г., часть XXIV, стран. 340.
[4]) Ibid., стран. 341.

Но если развитіе «бездомнаго» пролетаріата грозило Россіи неисчислимыми бѣдствіями, то неразумно разрушать свои земельные порядки и отрывать крестьянина отъ земли и помѣщика. Нашъ земельный строй даетъ каждому крестьянину землю, ибо русскій крестьянинъ рождается съ правомъ на нее.

Русскіе публицисты открыли общину и признали огромную ея политическую роль гораздо раньше нѣмецкаго барона Гакстгаузена, будто бы «открывшаго» намъ общину. Въ своихъ «Studien», изданныхъ въ 1847 году, Гастгаузенъ повторилъ многое изъ того, что уже твердо было усвоено въ дворянскихъ и бюрократическихъ кругахъ по вопросу объ отличіи нашихъ поземельныхъ отношеній отъ европейскихъ.

До появленія Гакстгаузена въ Россіи, славянофилъ А. С. Хомяковъ въ 1842 году опредѣленно указывалъ на то, что община ограждаетъ Россію отъ пролетаріата. «Въ Россіи право каждаго члена общины на участокъ земли,—писалъ Хомяковъ,— удаляетъ возможность пролетарства»; ...«у насъ пролетаріатъ возможенъ въ рѣдкихъ случаяхъ, происходящихъ отъ чрезмѣрной глупости или неисцѣлимой лѣни» [1]).

И когда Гакстгаузенъ писалъ, что въ «русской общинѣ лежитъ крѣпкая общественная *сила и порядокъ*, какъ нигдѣ въ другихъ странахъ», и что общинный «порядокъ доставляетъ Россіи ту выгоду, что въ этой странѣ до сихъ поръ нѣтъ и не можетъ образоваться пролетаріата, пока существуетъ общинное устройство», то для русскихъ здѣсь не было никакого открытія, ибо въ Россіи это знали до Гакстгаузена [2]). Роль Гакстгаузена, какъ «нѣмца», открывшаго въ Россіи общину преувеличена самой русской публицистикой. Для того, чтобы придать большій вѣсъ защитѣ общины и чтобы импонировать противникамъ, русскіе публицисты охотно ссылались на авторитетъ «объективнаго» нѣмецкаго ученаго, высоко цѣнившаго нашу общину.

Уже въ 1845 году Хомяковъ писалъ о Гакстгаузенѣ: «Еще недавно безпристрастный нѣмецкій путешественникъ говорилъ

---

[1]) Хомяковъ. Томъ III, стран. 84.

[2]) Фридрихъ Энгельсъ повторилъ ошибочное утвержденіе, что „общинная собственность у русскихъ крестьянъ была открыта въ 1845 г. прусскимъ чиновникомъ Гакстгаузеномъ и что отъ Гакстгаузена Герценъ, самъ русскій помѣщикъ, впервые узналъ, что его крестьяне владѣютъ *сообща землей*".

„Sociales aus Russland". Volksstaat. 1875.

о славянской сельской общинѣ, объ нашемъ русскомъ «мірѣ» съ его стариннымъ единодушіемъ, какъ о лучшемъ, святѣйшемъ остаткѣ народной старины, которому должна бы подражать вся остальная Европа».

Извѣстно, что этотъ «объективный» прусскій чиновникъ путешествовалъ по Россіи на средства русскаго казначейства и на русскія же казенныя деньги издалъ свои «Studien»...

Нельзя отрицать, конечно, значенія работы Гакстгаузена: его «Studien» [1]) явились первой работой, дававшей подробное описаніе общинныхъ порядковъ въ Россіи.

Но это описаніе ни по условіямъ собиранія матеріаловъ (изученіе общины происходило при содѣйствіи и подъ надзоромъ провинціальной администраціи), ни по задачамъ, которыя ставилъ себѣ авторъ, не могло быть «объективнымъ» и страдало односторонностью и тенденціозностью.

III.

Ученіе объ общинѣ, какъ оплотѣ противъ соціализма и революцій.

Шансы общины особенно окрѣпли послѣ 1848 года. Послѣ Европейской революціи 1848 года офиціальная и дворянская пресса заговорила о нашей земельной общинѣ съ небывалымъ до того времени подъемомъ. Русскій мессіонизмъ въ европейскихъ революціяхъ нашелъ огромное подкрѣпленіе.

Погрязшая въ индивидуализмѣ Европа въ поискахъ утерянной «общинности» разрушаетъ у себя троны и вѣковыя учрежденія и тщетно пытается замѣнить древнюю общину искусственными людскими союзами—ассоціаціями.

Руси не страшенъ коммунизмъ—онъ родственъ «духу» русскаго народа. Русь не знаетъ и не будетъ знать революціи. Въ Россіи революціи навсегда исключены, ибо коммунизмъ—это

[1]) Studien über die innern Zustände Russlands. Hannover. 1847.

грозно ощетинившееся чудовище, грозящее пожрать Западъ, у насъ мирно пасется на крестьянскихъ поляхъ. Мысль о «прирожденности» коммунизма русскому духу развивали даже наши правительственные органы. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» отозвался на революцію 1848 года большой статьей, посвященной аппологіи русскаго общиннаго соціализма. Журналъ утверждалъ, что Россія навсегда застрахована отъ пролетаріата съ его разрушительными теоріями и движеніями, такъ какъ, благодаря «братскому» общинному владѣнію, въ Россіи уже осуществлены коммунистическіе идеалы западно-европейскихъ пролетаріевъ и «мечтательная для Европы общинность существуетъ у насъ на дѣлѣ».

«Европейскія событія 1848 года совершенно взволновали ходъ экономическаго развитія во всѣхъ западныхъ государствахъ», писалъ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»,—«въ Европѣ мыслители начали болѣе и болѣе заботиться объ отысканіи способовъ самаго выгоднаго общественнаго устройства. Многія системы смѣняли одна другую, но ни одна не имѣла столько защитниковъ, какъ идея общинности. Милліоны пролетаріевъ, наполняющихъ Западную Европу, составляютъ самую чувствительную язву всѣхъ странъ и потому главное вниманіе всѣхъ изобрѣтателей системы было устремлено на извлеченіе этой язвы [1])». Послѣ долгихъ исканій Западъ рѣшилъ лѣчить свою «язву» переходомъ къ коммунизму, т. е. къ той же общинѣ; но это тщетное стараніе. Для странъ, уже однажды порвавшихъ съ «общинностью», возвратиться къ ней крайне трудно».

«Общинность можетъ почитаться лучшимъ устройствомъ для такой страны, гдѣ общинное начало еще сохранилось, но тамъ, гдѣ его надобно создавать усиленно, общинность остается одною идеею, если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, на весьма долгое время».

«Всякое примѣненіе идеи общинности въ Европѣ рѣшительно неудобоисполнительно. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ измѣ

[1]) Въ первой, и даже частью во второй половинѣ 19 вѣка о пролетаріатѣ всегда говорилось, какъ о „язвѣ“. О язвѣ пролетаріата можно прочесть у писателей самыхъ противоположныхъ лагерей, напримѣръ, у Хомякова, у Гакстгаузена, Чернышевскаго и т. д. Считалось, что пролетаріатъ—это общественное зло, развитіе котораго грозитъ всякому государству неисчислимыми бѣдствіями и потрясеніями. Такое отношеніе къ пролетаріату характерно для всѣхъ экономически отсталыхъ странъ.

нить въ странѣ весь порядокъ земледѣлія, уничтожить всѣ права и перемѣнить всю промышленную дѣятельность» [1])?

Россія счастливѣе Европы: мечта Запада у насъ—это сама жизнь; это система отношеній, признанныхъ государствомъ и поддерживаемая имъ.

«Имѣя такое братское общинное владѣніе землями, каждая община обязана заботиться о призрѣніи неимущихъ своихъ собратій: въ вольныхъ общинахъ—подъ надзоромъ установленныхъ на то властей, а въ *помѣщичьихъ*—подъ надзоромъ и *отвѣтственностью помѣщика*».

«При нашемъ способѣ пролетаріевъ нѣтъ, и все владѣніе раздѣлено уравнительно между всѣми общинниками».

Россія не похожа на Европу, Россія есть единственное въ мірѣ царство.

«Входя въ ближайшее разсмотрѣніе жизни нашего отечества, надлежитъ убѣдиться, что Россія есть особая часть свѣта, въ которой свои собственныя стихіи благоденствія. Такъ она доселѣ единственное въ мірѣ царство, въ которомъ общественное благосостояніе совершенствуется въ самыхъ прочныхъ началахъ—Вѣрѣ, Самодержавіи и Народности» [1]).

Здѣсь Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія подошелъ къ тѣмъ знаменитымъ тремъ устоямъ—«*православіе, самодержавіе* и *народность*», которые Министръ Народнаго Просвѣщенія Уваровъ въ своей Запискѣ Николаю I объявилъ отличительными особенностями нашей исторіи.

Это противопоставленіе мирной общиной Россіи революціонному индивидуалистическому Западу было одной изъ популярнѣйшихъ темъ и въ славянофильской журналистикѣ того времени.

Наканунѣ Крестьянской Реформы, въ 1858 году, славянофилъ Кошелевъ, доказывая необходимость сохраненія общины, также утверждалъ, что Россіи не будетъ страшенъ европейскій коммунизмъ, пока у нея останется община.

«Въ Западной Европѣ», писалъ Кошелевъ, «личность и личная собственность развиты до крайности, а потому тамъ соціалисты и коммунисты опасны. Западъ въ своихъ передовыхъ людяхъ подходитъ къ тому, что у насъ существуетъ на дѣлѣ».

Но если наша община является осуществленіемъ идеаловъ

---

[1]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1849 годъ.

европейскихъ пролетаріевъ, то ясно, что быть крѣпостныхъ русскихъ общинниковъ представляется идеаломъ, сравнительно съ бытомъ европейскаго пролетаріата. Подъ перомъ идеологовъ крѣпостного права наше безпощадно сѣкомое крестьянство, эта «крещеная собственность», превращалось въ счастливцевъ, живущихъ подъ отеческимъ кровомъ общины, на положеніи «товарищей» помѣщиковъ.

«Гдѣ же въ Россіи пролетаріатъ? Его нѣтъ. Русская община всѣхъ пріютила подъ свой отеческій кровъ, надѣлила землей все крестьянское населеніе: работникъ дѣлитъ труды своего хозяина, онъ не поденщикъ, онъ товарищъ. Чего же ищетъ Западная Европа со своими учеными? Если задача въ Россіи разрѣшена практически, то для чего же выдумывать коммунизмъ и ассоціацію?» писалъ Журналъ Землевладѣльцевъ.

Эта маниловщина дворянскихъ публицистовъ ставила на голову тяжкую крѣпостническую дѣйствительность, съ безграничнымъ произволомъ крѣпостниковъ, съ безысходной нищетой крестьянскихъ массъ, въ особенности у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ. Дворянскіе публицисты игнорировали многочисленный крѣпостной пролетаріатъ [1]), составлявшійся изъ такъ называемыхъ затяглыхъ крестьянъ (т. е. лишенныхъ помѣщикомъ надѣла за недостаткомъ земли), безземельныхъ дворовыхъ и обезземеленныхъ «мѣсячниковъ», съ тяжелыми работами и поборами. Но при всемъ неправдоподобіи этихъ идилическихъ картинъ, изображавшихъ «товарищеское» сожительство помѣщиковъ съ ихъ крѣпостными,—картины эти постоянно рисовались дворянскими публицистами и поэтами, несмотря на то, что угрожающій ростъ крестьянскихъ бунтовъ наводилъ уже многихъ на мысль о близости развязки крѣпостного права.

Графъ Бутурлинъ такъ рисовалъ настроеніе Рязанской деревни въ 1855 году: «не знаю, какъ происходило въ прочихъ губерніяхъ, но въ Рязанской во время тамошней моей службы не проходило года, чтобы крѣпостные люди не расправлялись съ своими барами убійствомъ, или сѣченіемъ, или побоями» [2]).

Что касается славянофиловъ, то они не были повинны въ сознательной идеализаціи крѣпостного права.

---

[1]) „Вольнонаемный трудъ“ на фабрикахъ и въ сельскохозяйственныхъ экономіяхъ юга Россіи въ крѣпостную эпоху былъ трудомъ отпускаемыхъ помѣщиками на заработки крѣпостныхъ.

[2]) Русскій Архивъ, 1898 г., № 7.

«Я утверждаю, писалъ Хомяковъ, что крѣпостное право нашихъ крестьянъ превращается въ рабство по неизбѣжно вытекающимъ послѣдствіямъ, которыя должны были допустить и даже утвердить законъ или болѣе того, которыя законъ не можетъ ни выслѣдить, ни обуздать, и которыя черезъ то сдѣлались составными частями обычныхъ правъ» [1]).

Въ практической жизни помѣщики смотрѣли на русскій коммунизмъ, т. е. общину и «міръ» у своихъ крѣпостныхъ, болѣе трезво и умѣли хорошо пользоваться доставляемыми этимъ «коммунизмомъ» реальными выгодами.

Даже славянофилы цѣнили въ общинѣ и мірѣ не только національно-соціальныя возможности, въ ней заключенныя, но учитывали и ту матеріальную пользу, которую давала помѣщикамъ круговая порука, и ту гарантію порядка, которая являлась слѣдствіемъ «мірской» опеки надъ мужикомъ. Типичное изложеніе практическихъ выгодъ, получаемыхъ помѣщиками отъ «мірской организаціи», далъ славянофилъ Хомяковъ, говоря о преимуществахъ заключенія выкупныхъ сдѣлокъ съ цѣлымъ «міромъ», сравнительно со сдѣлками, заключаемыми съ отдѣльными крестьянами.

Хомяковъ, по поводу условій освобожденія крестьянъ по закону 1842 года о «вольныхъ хлѣбопашцахъ», писалъ: «Подъ высшимъ надзоромъ законовъ и властей государственныхъ, ближайшій надзоръ надъ поселяниномъ принадлежитъ совокупной власти землевладѣльца и опекѣ мірской, въ которой соединяется и благодѣтельное покровительство и законный присмотръ надъ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ».

«Обезпеченіе правъ землевладѣльца должно находиться не въ волѣ каждаго поселянина, взятаго порознь, но въ обязанностяхъ всей сельской общины и во взаимной отвѣтственности всѣхъ ея членовъ».

«Земля, отдаваемая землевладѣльцемъ мірской общинѣ, будетъ дѣлиться между членами ея по тягламъ, т. е. по рабочимъ силамъ, точно такъ должна дѣлиться и *обязанность* поселянъ въ отношеніи къ землевладѣльцу [2]).

Въ этихъ словахъ прекрасно отмѣчено, какія стороны «міра» и «общины» особенно цѣнили помѣщики въ эпоху крѣпостного

[1]) Хомяковъ. Сочиненія. Т. II, стран. 413.
[2]) Хомяковъ. Т. III, стран. 70—71.

права. Эти достоинства общинно-мірского строя впослѣдствіи оцѣнили и составители Положенія 19 февраля 1861 года.

«Мірская опека» надъ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ домохозяиномъ и круговая отвѣтственность всѣхъ за каждаго давали наиболѣе прочное обезпеченіе «правъ землевладѣльца». Съ точки зрѣнія этихъ правъ *уравнительный* раздѣлъ земли по тягламъ являлся *уравнительнымъ* раздѣломъ обязанностей крестьянъ по отношенію къ дворянамъ, а періодическіе земельные передѣлы были лишь формой періодическаго перераспредѣленія этихъ «мужицкихъ» обязанностей.

Впослѣдствіи дворянскіе дѣятели Крестьянской Реформы въ общинѣ и мірскомъ строѣ, съ круговой порукой, нашли наиболѣе прочное обезпеченіе интересовъ казны при взысканіи съ крестьянъ выкупного долга за покупаемую крестьянами у помѣщиковъ землю.

Но мы уже видѣли, что выгодность для помѣщиковъ общины и подворья опредѣлялись условіями мѣста и времени. Если по мѣстнымъ экономическимъ условіямъ оказывалось, что при «наслѣдственномъ владѣніи» землей крѣпостные приносили помѣщику больше дохода, чѣмъ при передѣльной общинѣ, то помѣщикъ уничтожалъ передѣлы, оставляя нетронутыми «мірскую опеку» и «круговую поруку». Дѣятели Крестьянской Реформы, какъ увидимъ ниже, оставили цѣлые районы освобожденной Россіи на подворномъ правѣ, признавъ тамъ въ фискальномъ отношеніи эту форму землевладѣнія болѣе выгодной, чѣмъ общину.

Прозаическія основы симпатій помѣщиковъ къ «мірскимъ» формамъ быта обычно прикрывались пышной фразеологіей. Въ цитированной статьѣ Хомякова навязанная крестьянамъ круговая порука охарактеризована, какъ явленіе, обусловленное самой «природой» русскаго мужика.

«Во многихъ и именно лучшихъ оброчныхъ деревняхъ плата производится «міромъ» и недоимка взыскивается съ «міра», писалъ Хомяковъ.

«Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе такой взаимной отвѣтственности способствовало къ самому улучшенію состоянія и къ исправности поселянъ въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ мірская община тверже и лучше устроена. Самое же понятіе о законности надзора всѣхъ надъ каждымъ связано съ русскимъ понятіемъ о священномъ долгѣ взаимнаго вспоможенія. При

первой неисправности каждаго поселянина за него отвѣчаетъ «міръ», за нерадивое и дурное исполненіе обязанностей въ работѣ отвѣчаетъ точно также вся община» [1]). Въ заключеніе Хомяковъ перечислялъ мѣры, къ которымъ должна прибѣгать община по отношенію къ недоимщикамъ, получившимъ мірское „вспоможеніе" на основаніи понятія „о священномъ долгѣ". Этотъ перечень включалъ всѣ способы взысканій, которыми пользовалась дореформенная практика и которыя впослѣдствіи перешли въ пореформенное крестьянское Положеніе (1861 г.) Это были: a) отдача неисправнаго плательщика въ работу „міру" b) отдача его въ батрачество; c) отдача его, съ семьей, въ распоряженіе правительства, т. е. исключеніе изъ общины" [2]).

Все это предлагалось Хомяковымъ, какъ возмездіе за неисполненіе крестьяниномъ „священной его обязанности"—своевременно платить помѣщику „положенные" взносы.

Приведенный проектъ Хомяковымъ, съ его мотивировкой, представляетъ одинъ изъ характерныхъ образчиковъ упомянутой выше идеализаціи крѣпостного быта. Обычная для рабскаго періода круговая отвѣтственность раба предъ господиномъ превратилась у Хомякова въ какое-то „русское порятіе о священномъ долгѣ взаимнаго вспоможенія". И такъ писалъ тотъ самый Хомяковъ, который бичевалъ „клейменую игомъ рабства", „полную неправдой черной" Русь.

IV.

Ученіе объ общинѣ, какъ основѣ соціализма.

На защиту общины наканунѣ Крестьянской Реформы встала и демократическая печать, однако, по совершенно инымъ основаніямъ, чѣмъ печать дворянская.

Немногочисленные представители демократіи того времени не имѣли основаній идеализировать режимъ Николая I-го, они

[1]) Ibid., стран. 72.

[2]) Исключенный изъ общины ссылался по закону въ Сибирь на поселеніе.

достаточно трезво смотрѣли на крѣпостное право и настаивали на коренныхъ политическихъ и экономическихъ реформахъ.

Но одинъ институтъ крѣпостного права—поземельную общину идеализировала и демократія.

Въ типичномъ для отсталой земледѣльческой страны способѣ эксплоатаціи господствующими классами крѣпостныхъ массъ—путемъ равномѣрнаго надѣленія землей всѣхъ крѣпостныхъ для полученія съ нихъ „равнаго“ дохода,—демократія увидѣла осуществленіе соціалистическаго лозунга Запада—„права на трудъ“.

Демократія полагала, что чрезъ существующее, по ея мнѣнію, въ Россіи „право каждаго на землю“ Россія идетъ къ тому же соціалистическому строю, къ которому стремилась Западная Европа путемъ осуществленія лозунга пролетаріевъ „право каждаго на трудъ“.

Считая, что въ Россіи каждый рождается съ правомъ на землю и что уравнительность въ пользованіи землей является основнымъ принципомъ русскихъ земельныхъ отношеній,—демократія не замѣчала, что въ дѣйствительности далеко не всѣ крестьяне и въ то время имѣли землю; что съ каждымъ годомъ все болѣе значительная часть крѣпостныхъ отрывалась отъ земли, а изъ тѣхъ, кто оставался крѣпкимъ землѣ, далеко не всѣ жили въ „уравнительной“ общинѣ, такъ какъ многіе помѣщики уничтожали передѣлы, а мѣстами и сами крестьяне не желали этихъ передѣловъ.

Наиболѣе яркими выразителями идей демократіи въ 50 гг. 19 столѣтія были Герценъ и Чернышевскій. При всемъ различіи взглядовъ этихъ вождей демократіи объединяло признаніе возможности для Россіи—послѣ уничтоженія крѣпостного права, *при сохраненіи общины и „міра“* и при созданіи въ странѣ демократическихъ учрежденій—выйти на иной путь историческаго развитія, чѣмъ тотъ, которымъ шла Западная Европа.

Оба эти вождя демократіи считали, что Европа покупаетъ свое развитіе слишкомъ дорогой цѣною: въ Европѣ крестьянинъ обезземеленный и превращенный въ бездомнаго пролетарія принужденъ добиваться права на хлѣбъ и трудъ посредствомъ кровавыхъ революцій.

Въ своей борьбѣ за новый порядокъ имущественныхъ отношеній европейскій пролетарій идетъ подъ знамемемъ соціализма.

На этомъ знамени кровавыми буквами написанъ лозунгъ: „Возвращеніе производителю средствъ производства".

Нуженъ ли Россіи этотъ путь борьбы пролетаріата и буржуазіи? Нѣтъ. Россія не нуждается во всемъ этомъ, такъ какъ въ Россіи производитель неразлученъ со средствами производства. А потому, если Россія въ дальнѣйшемъ оставитъ крестьянамъ ихъ земельный порядокъ, съ „правомъ каждаго на землю", то главнѣйшее средство производства земледѣльца—земля—никогда не будетъ отнята у нашего крестьянина и потому въ Россіи не будетъ условій для борьбы за возвращеніе земли „производителю".—Таковъ былъ ходъ мыслей у Герцена и у Чернышевскаго. Оба они считали, что Россія и Западъ идутъ къ соціализму разными путями: Россія чрезъ землю, Западъ—черезъ капиталъ.

Герценъ былъ убѣжденъ, что земельный порядокъ русскихъ крестьянъ, самъ по себѣ, уже близокъ къ тому, чего добивается европейскій пролетаріатъ. „Само слово „соціализмъ" неизвѣстно нашему народу, но смыслъ его близокъ душѣ русскаго человѣка, изживающаго вѣкъ въ сельской общинѣ и въ работнической артели" [1]), писалъ Герценъ въ письмѣ къ русскому дворянству.

Съ общиной и артелью путь Россіи къ соціализму будетъ менѣе труднымъ и болѣзненнымъ, чѣмъ путь Западной Европы.—„При нашихъ формахъ быта большинства населенія, Россіи не нужно проходить наиболѣе болѣзненныя формы историческаго развитія, какъ не нужно ей строить сначала шоссе, а потомъ желѣзныя дороги, когда превосходство желѣзныхъ дорогъ очевидно" [2]). Такъ какъ Россія уже сознала превосходство русскаго пути развитія передъ европейскимъ и теоретически пережила наиболѣе тяжкія фазы европейской исторіи, то ей не нужно переживать эти фазы практически.

Зло западнаго пути, приводящаго человѣчество къ тупику, признано въ Россіи и „мы можемъ обойти это зло". Въ идеѣ, въ меньшинствѣ мыслящихъ людей, въ литературѣ, въ казематахъ—мы прожили западную исторію.

Но Герценъ не отрицалъ цѣликомъ „всю Европу", онъ далеко не считалъ, что Россія должна отказаться отъ всего, что

---

[1]) Герценъ Т. V. Письмо къ русскому дворянству. Стран. 329.
[2]) Ibid. Русскіе нѣмцы. Стран. 275.

идетъ отъ ея опыта, науки и искусства. Наоборотъ, онъ доказывалъ, что безъ науки и опыта Запада Россія на сумѣетъ сознательно построить формъ новой жизни изъ положительныхъ элементовъ своей общественности.

„Артель и сельская община, раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе селъ въ волости—все это краеугольные камни, на которыхъ созиждается храмина нашего будущаго *свободно-общиннаго быта* [1]).

Но эти устои нуждаются прежде всего въ „оплодотвореніи“ ихъ западной наукой.

И только при содѣйствіи западной мысли свободно-общинный бытъ можетъ вырости изъ нашего патріархальнаго строя. „Одна могучая мысль Запада, къ которой примыкаетъ вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши, дремлющіе въ нашемъ патріархальномъ быту“ [2]), писалъ Герценъ.

Отсюда задача, рѣшеніе которой предстояло Россіи, заключалась по Герцену въ томъ, чтобы „на основаніи науки сознательно развить элементъ нашего общиннаго самоуправленія до полной свободы лица, *минуя тѣ промежуточныя формы*, которыми по необходимости шло, плутаясь по неизвѣстнымъ путямъ, развитіе Запада“.

—„Новая жизнь наша должна такъ заткать въ одну ткань эти два наслѣдства, чтобы *у свободной личности земля осталась подъ ногами, чтобы общинникъ былъ совершенно свободное лицо*“,—вотъ по Герцену тѣ условія, при которыхъ Россіи возможно было миновать промежуточныя къ соціализму фазы.

Страданія Запада и принесли Россіи громадную пользу: они заставили Россію познать себя—убѣдиться въ томъ, что элементы, изъ которыхъ Россія можетъ создать для себя новый строй, у насъ подъ руками: это—наши „стародавніе элементы“, теперь только *приходящіе къ сознанію* и „встрѣчающіеся съ западнымъ стремленіемъ экономическаго переворота“.—Эти элементы—„право каждаго на землю, общинное владѣніе ею; мірское управленіе“. „На этихъ истинахъ и только на нихъ можетъ развиваться будущая Русь“ [3]), говорилъ Герценъ наканунѣ Крестьянской Реформы.

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid. Русскіе нѣмцы (1859 г.).

Герценъ считалъ современную ему общину не тѣмъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности, сравнительно молодымъ институтомъ, выросшимъ на почвѣ крѣпостнической эксплоатаціи крестьянъ, онъ видѣлъ въ ней остатокъ земельныхъ отношеній, существовавшихъ у всѣхъ народовъ на низшихъ ступеняхъ развитія. Счастье Россіи, по Герцену, заключалось не въ томъ, что у насъ была община, а у другихъ народовъ будто бы ея не было, а въ томъ, что у насъ община сохранилась въ государственный періодъ и „благополучно дожила до развитія соціализма".

Въ своемъ отрицаніи происхожденія общины изъ мистическихъ глубинъ русскаго духа Герценъ рѣзко разошелся съ славянофилами, искавшими корней общины въ „особыхъ" свойствахъ натуры славянина.

Герценъ не сразу пришелъ къ такому пониманію судебъ соціальнаго развитія Россіи. Въ началѣ 40-хъ годовъ онъ крайне скептически относился къ славянофильскимъ увлеченіямъ „общиннымъ" духомъ русскаго народа. „Наши славянофилы, писалъ онъ въ своемъ дневникѣ 1844 года, толкуютъ объ общинномъ началѣ, о томъ, *что у насъ нѣтъ пролетаріевъ*, о раздѣлѣ полей, все это хорошіе зародыши, но они основаны на неразвитости—такъ у бедуиновъ право собственности не имѣетъ эгоистическаго характера европейскаго, но они забываютъ, съ другой стороны, отсутствіе всякаго уваженія къ себѣ, глупую выносливость всякихъ притѣсненій, словомъ возможность жить при такомъ порядкѣ дѣлъ. Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности въ смыслѣ личнаго владѣнія, когда его полоса не его полоса, *когда даже жена, дочь и сынъ не его!* Какая собственность у раба?" [1]).

Но переживъ заграницей крушеніе революціи 1848 года, Герценъ пришелъ къ совершенно иной оцѣнкѣ общины. Вмѣстѣ со многими европейскими соціалистами того времени Герценъ призналъ, что начинавшееся въ Западной Европѣ движеніе пролетаріата принципіально враждебно европейскимъ „гражданскимъ" формамъ и европейской „цивилизаціи" и что осуществленіе идей „равенства, братства и свободы" въ пролетарскомъ смыслѣ будетъ неминуемо полнымъ отрицаніемъ современнаго европейскаго быта, будетъ смертью этого быта.

---

[1]) Ibid.

Герценъ ясно видѣлъ, что современный ему „Западъ“ не можетъ удовлетворить соціальныхъ требованій пролетаріата, не разрушивъ своихъ основныхъ государственныхъ формъ; онъ видѣлъ, что Западъ „срѣзался“ предъ задачами, поставленными ему исторіей, въ лицѣ революціоннаго пролетаріата.

Сравнивая отношенія земельной собственности въ Россіи и у „срѣзавшагося“ Запада, Герценъ все болѣе убѣждался въ томъ, что Россія „бытомъ своимъ ближе всѣхъ европейскихъ народовъ находится къ новому соціальному устройству, къ которому стремился пролетаріатъ“ [1]).

Вѣдь у живущаго общиной земледѣльческаго народа „право на трудъ“, котораго добивались пролетаріи З. Европы, означаетъ „право на землю“.

Но это право на землю, говоритъ Герценъ, „у насъ гораздо болѣе, чѣмъ право, оно фактъ; оно болѣе, чѣмъ признано, оно существуетъ. Крестьянинъ на немъ стоитъ, онъ мѣритъ его десятинами“. Отсюда Герценъ дѣлалъ свой знаменитый выводъ: „Соціализмъ, эта революціонная идея на Западѣ, у насъ можетъ сдѣлаться народною идеею“ (1854 г.).

Герценъ считалъ вполнѣ естественнымъ, что европейцамъ трудно было повѣрить въ русскую общину. Европа такъ отвыкла отъ общинныхъ отношеній, что она вправѣ была видѣть въ описаніяхъ русскаго общиннаго быта продуктъ фантазіи русскихъ радикаловъ. „Съ удивленіемъ слушали у Васъ наши разсказы о русской общинѣ, раздѣлѣ полей, мірoвыхъ сходкахъ, о работничьихъ артеляхъ, избранныхъ старостахъ. Многіе думали, что все это мечта, соціальный бредъ. Но Европа должна была повѣрить, когда объ этой общинѣ написалъ три тома прусскій баронъ, католикъ, агрономъ, и до такой степени радикальный монархистъ, что для него прусскій король слишкомъ либераленъ“ [2]).

Ставъ въ вопросѣ объ общинѣ на эту точку зрѣнія, Герценъ совершенно измѣнилъ и свою старую оцѣнку славянофиловъ. Теперь Герценъ съ чувствомъ признательности говорилъ о великомъ значеніи открытія славянофилами общины. «Для пониманія общины труды славянофиловъ дали матеріалъ—и славянофиламъ принадлежитъ честь и слава почина» [3]).

---

[1]) Герценъ. Т. У-ый, стран. 318. 1854 г.
[2]) Ibid.
[3]) Крещенная собственность. Стран. 296.

Герценъ не задумывался надъ вопросомъ, почему помѣщики и казна поддерживали систему земельныхъ отношеній, построенныхъ будто бы на «соціалистическомъ» правѣ на землю.

Онъ видѣлъ всю суровость отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ и высмѣивалъ Гакстгаузена, пытавшагося доказывать, «что въ Россіи помѣщики представляютъ патріархальную главу общины, нѣчто въ родѣ старинныхъ шотландскихъ клановъ или аравійскихъ эмировъ» [1]).

Герценъ глубоко чувствовалъ все варварство крѣпостнической дѣйствительности и не находилъ въ ней ни атома патріархальной идилліи.

«Крѣпостное право, писалъ Герценъ, даетъ помѣщику безграничное право собственности на человѣка. Помѣщикъ владѣетъ гораздо больше человѣкомъ, нежели землею, онъ беретъ окупъ не съ десятины, а съ мышцъ, съ дыханія, онъ заставляетъ платить за право работы, движенія, существованія».

Онъ считалъ, что въ оцѣнкѣ крѣпостническаго строя Гакстгаузенъ болѣе былъ правъ, когда видѣлъ въ немъ не патріархальную пастораль, а сенъ-симонизмъ на изнанку.

«Оброкъ дворовыхъ, ходящихъ по паспорту, основанъ, по превосходному выраженію, невзначай сорвавшемуся у Гакстгаузена, на обратномъ сенъ-симонизмѣ: чѣмъ больше способности, тѣмъ больше требуетъ баринъ».

И, тѣмъ не менѣе, Герценъ не замѣтилъ, что крестьянское «право на землю» было вовсе не земледѣльческой формой европейскаго права на трудъ, а крѣпостнически-земледѣльческой формой права помѣщика и казны на трудъ крестьянъ.

Власти помѣщика и казны въ дѣлѣ сохраненія общины Герценъ не придавалъ значенія, ему казалось дѣломъ крайне легкимъ снять съ общины налетъ крѣпостничества и дать ей возможность свободно развиваться.

«Помѣщичья власть, писалъ Герценъ, какъ нѣчто совершенно внѣшнее, поддерживаемое однимъ насиліемъ, легко снимается съ сельской жизни» [2]).

Въ этихъ словахъ ясно чувствуется славянофильское представленіе о помѣщичьей власти, какъ о «стеклянномъ колпакѣ», сохраняющемъ общину отъ разрушительныхъ вліяній.

---

[1]) Герценъ, т. V, стран. 313.
[2]) Герценъ, т. V (1854 г.).

У Герцена старое ученіе объ особенности русской исторіи и о русскомъ мессіонизмѣ получило впервые соціалистическую интерпретацію. Россія расчиститъ Западу путь къ соціализму.

Имѣя прочную земельную общину, Россія не будетъ переживать болѣзненнаго процесса экономическаго развитія Европы: безъ капитализма она прямо приведетъ Россію, а за ней все человѣчество, къ соціализму.

Тѣ же мысли объ *особыхъ путяхъ развитія Россіи* развивалъ и Чернышевскій.

Исходнымъ пунктомъ сужденій Чернышевскаго о роли общины въ Россіи былъ общепризнанный въ то время взглядъ, что русская община представляетъ институтъ, сохранившійся съ первобытныхъ временъ.

Чернышевскій не раздѣлялъ убѣжденій славянофиловъ, что община особенно сродна славянскому племени и, въ особенности, великороссамъ [1]), Чернышевскій считалъ, что общинная форма землевладѣнія есть «принадлежность» «извѣстнаго періода въ жизни каждаго народа». Сохраненіемъ этого остатка первобытной древности, писалъ Чернышевскій, гордиться намъ нечего—какъ вообще никому не слѣдуетъ гордиться какою бы то ни было стариною, потому, что сохраненіе старины свидѣтельствуетъ только о медленности и вялости историческаго развитія [2]).

Правда, этотъ остатокъ старины въ нашей исторіи можетъ сыграть огромную роль, какъ экономическая основа для соціализма.

Доктринѣ объ особыхъ путяхъ развитія Россіи Чернышевскій далъ обоснованіе въ духѣ философіи Гегеля. Въ своихъ логическихъ построеніяхъ онъ исходилъ изъ двухъ Гегеліанскихъ формулъ развитія: 1) по формѣ высшая ступень развитія сходна съ началомъ, отъ котораго оно отправляется, и 2) при извѣстныхъ условіяхъ, «логическіе моменты развитія не переходятъ за границу идеальнаго или логическаго бытія».

Въ примѣненіи къ русской экономикѣ это означало, во-первыхъ, что историческій процессъ, начавшись съ земельной общины на высшей ступени развитія придетъ къ этой же

---

[1]) „У другихъ народовъ, какъ господствующая черта, она намъ не встрѣчалась", писалъ Самаринъ, но мы вовсе не утверждаемъ, чтобы ея никогда не было". Самаринъ, Соч., т. III, стран. 120.

[2]) О причинахъ паденія Рима.

формѣ земельныхъ отношеній. Исторія Запада началась также съ общины и теперь Западъ дошелъ до идей коммунизма, реализація которыхъ и дастъ опять общину, но общину въ высшей формѣ.

«Въ рабочемъ классѣ Западной Европы все болѣе и болѣе развивается убѣжденіе въ «droit du travail»; «ateliers nationaux», растетъ стремленіе къ общинному началу», говорилъ Чернышевскій.

Къ коммунизму въ его высшей формѣ съ необходимостью должна придти Россія и переходъ ея къ этой формѣ «будетъ облегченъ существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ *по принципу* съ порядкомъ, какой тогда *понадобится* для насъ, дающаго удобное просторное основаніе для этого новаго порядка».

Западъ пришелъ къ признанію выгодъ общинной собственности на землю чрезъ среднюю ступень—представляюшую отрицаніе первой ступени—чрезъ режимъ частной собственности.

Это средняя, переходная ступень была полна величайшихъ бѣдствій и страданій, благодаря образованію огромныхъ массъ пролетаріата.

«Въ Западной Европѣ оказалось, что если вся земля принадлежащая націи, обращена въ частную собственность, то большинство землевладѣльцевъ превращается въ пролетаріевъ».

Должна ли Россія пройти эту среднюю фазу развитія въ отношеніяхъ собственности?

Опираясь на второй тезисъ Гегеля, Чернышевскій давалъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

«Гегель положительно говоритъ, что средніе логическіе моменты чаще всего не достигаютъ объективнаго бытія, оставаясь только логическими моментами».

Но пропуски «среднихъ» моментовъ въ общественномъ развитіи могутъ произойти только при сближеніи отсталаго народа съ передовымъ. Только при такомъ сближеніи опытъ и наука народа, находящагося на высшей ступени развитія дадутъ возможность народу низшей культуры теоретически пережить фазу развитія, уже фактически пережитую народомъ высшей культуры.

Русскіе увидѣли бѣдствія Западной Европы, допустившей у себя развитіе пролетаріата и поняли, какимъ сильнымъ «противоядіемъ» противъ этой «болѣзни» владѣетъ Россія въ своей общинѣ.

«Поземельная община есть такое благо, которому могутъ позавидовать и опередившіе насъ въ развитіи народы, оно въ нашихъ рукахъ и можетъ въ будущемъ предохранить отъ язвы пролетаріатства—*милліоны русскихъ людей*».

Но если не было сомнѣнія въ томъ, что Западъ воплотитъ въ жизнь стремленіе рабочаго класса «къ общинному началу», то условія возможности для Россіи пропустить среднюю фазу были на лицо: русскій—отсталый народъ—пришелъ въ соприкосновеніе съ передовыми народами Европы, уже переходящими къ высшей фазѣ своей исторіи.

Зная исторію Европы «мы поступили бы очень неразсчетливо, если бы вздумали отступить отъ общины» [1].

Такое «счастливое» для Россіи сочетаніе условій—соціализирующійся Западъ рядомъ съ общиннымъ Востокомъ—давало Чернышевскому увѣренность, что Россія очень не долго будетъ ждать начальныхъ моментовъ перехода къ соціалистическому строю.

«Черезъ 30—25 лѣтъ общинное владѣніе, писалъ онъ, будетъ доставлять нашимъ поселянамъ другую еще болѣе важную выгоду, открывая имъ чрезвычайно легкую возможность къ составленію земледѣльческихъ товариществъ для обработки земли».

Разсматривая общину, какъ готовое основаніе для будущаго соціалистическаго строя въ Россіи, Чернышевскій горячо защищалъ ее отъ нападокъ противниковъ. Здѣсь онъ шелъ объ руку съ славянофилами, хотя политическія воззрѣнія славянофиловъ были очень далеки отъ демократическихъ взглядовъ Чернышевскаго.

---

[1] Въ 1893 г. Фридрихъ Энгельсъ такъ писалъ о возможности для Россіи прямо перейти къ соціализму: „ни въ Россіи ни въ какомъ другомъ мѣстѣ невозможно развить изъ первобытнаго земельнаго коммунизма болѣе высокую соціальную форму, если эта болѣе высокая форма не существуетъ уже въ дѣйствительности въ какой-либо другой странѣ и не является такимъ образомъ, какъ бы образцомъ, для подражанія... Если бы Западъ Европы былъ достаточно зрѣлъ въ 1860—70 гг. для такого преобразованія и если бы это преобразованіе было предпринято тогда Англіей, Франціей и т. д.—ну, тогда русскіе были бы дѣйствительно призваны показать, что можетъ быть сдѣлано изъ ихъ общины, которая въ то время оставалась еще болѣе или менѣе не тронутой. Но Западъ пребывалъ въ застоѣ, а капитализмъ напротивъ того развивался все быстрѣе и быстрѣе.... Итакъ, Россіи не оставалось никакого иного выбора, кромѣ слѣдующаго: или развить свою общину въ такую форму производства, отъ которой ее отдѣляло еще много про-

Славянофиламъ очень не нравились такіе попутчики, какъ Чернышевскій, и они старательно отмежевывали себя отъ демократіи.

Особенно рѣзко это сдѣлалъ Кошелевъ въ 1857 году въ «Русской Бесѣдѣ».

«Чернышевскій, писалъ Кошелевъ, защищаетъ *мірское пользованіе* или владѣніе землею, — въ этомъ мы съ нимъ вполнѣ согласны, но г. Чернышевскій смотритъ на нынѣшнюю нашу общину, какъ на ступень *къ другой*, гдѣ явится общинный трудъ со всѣми принадлежностями: туда мы за г. Чернышевскимъ слѣдовать не расположены».

Въ спорѣ объ общинѣ, наканунѣ Крестьянской Реформы, къ философіи Гегеля аппелировали не только защитники, но и противники общины.

У послѣднихъ «тріада» Гегеля играла прямо противоположную роль: она должна была доказать, что русскую общину ожидаетъ не развитіе, а неминуемая гибель.

Въ книгѣ «О вліяніи различныхъ видовъ поземельной собственности на народное богатство» Е. Масловъ доказывалъ это, опираясь на тезисъ, взятый у Гегеля Чернышевскимъ, гласящій, что начальная и конечная стадія развитія различаются только по содержанію, а не по формѣ.

Эта была послѣдняя книга объ общинѣ, вышедшая наканунѣ Крестьянской Реформы, она была издана въ Казани въ 1860 году, т. е. тогда, когда Положеніе 1861 года уже было въ

межуточныхъ историческихъ ступеней и условія осуществленія которой не созрѣли еще тогда даже на Западѣ—задача, очевидно, невозможная, или же развиваться въ направленіи капитализма". (Письма къ Н—ону).

Здѣсь у Энгельса видно недостаточное знакомство съ русской общиной. Онъ ошибочно считалъ нашу общину „первобытной". Исторія насильственнаго насажденія передѣльной общины у нѣкоторыхъ разрядовъ крестьянъ происходила еще на глазахъ поколѣнія пережившаго эпоху Крестьянской Реформы. Съ другой стороны, ошибочно было считать общину 1860–70 гг. „болѣе или менѣе нетронутой". Дифференціація деревни въ то время была и въ общинной Россіи уже достаточна велика и противниковъ передѣловъ среди крестьянъ даже тамъ, гдѣ крестьянамъ дали надѣлъ на обязательномъ общинномъ правѣ, было и въ то время уже такое значительное количество, что требуемыхъ закономъ 2/3 голосовъ сходовъ для составленія приговора о земельномъ передѣлѣ во многихъ мѣстахъ не находилось.

существенномъ составлено и самый вопросъ объ общинѣ былъ рѣшенъ утвердительно, въ смыслѣ передачи надѣловъ огромному большинству освобожденныхъ крестьянъ на выкупъ, на общинномъ правѣ, съ круговой порукой.

Масловъ въ своей работѣ суммировалъ всѣ возраженія экономическаго характера противъ общины и подробно перечислилъ всѣ ея «радикальные недостатки» [1]).

Убыточность для крестьянъ этой формы землепользованія очевидна. Масловъ уподоблялъ состояніе земледѣльца, живущаго подъ угрозой передѣла, хозяину навѣрняка предвидящему, что будущимъ лѣтомъ сильный градъ выбьетъ у него ниву, Захотѣлъ ли бы такой земледѣлецъ засѣять свое поле — спрашивалъ онъ и отвѣчалъ: «Навѣрно, нѣтъ, онъ перенесъ бы свой капиталъ и трудъ въ болѣе надежное предпріятіе» [2]).

Масловъ не находилъ убѣдительнымъ соображенія объ административныхъ «удобствахъ» общины.

«Правительственныя цѣли не должны мѣшать полному и свободному движенію экономическихъ интересовъ, говорилъ онъ и утверждалъ, что при хорошей общественной организаціи «та и другая система, т. е. административная и народно-хозяйственная не могутъ быть во враждѣ и разладѣ». Масловъ рѣшительно возражалъ противъ такихъ экономическихъ мѣропріятій, «гдѣ законы человѣческіе борются съ законами естественными, гдѣ является попытка создать искусственный организмъ и задержать его обязательной формой». Подобныя мѣры, говорилъ онъ, не оправдываются вообще въ экономической дѣятельности, не менѣе того онѣ вредны и въ земледѣліи» [3]).

Какъ истый манчестерецъ, Масловъ настаивалъ на необходимости для государства предоставить «пріобрѣтеніе и распредѣленіе поземельной собственности *свободной игрѣ* и движенію экономическихъ интересовъ страны» [4]).

---

[1]) Стран. 14.

[2]) Главный вредъ общиннаго владѣнія землей тотъ, что при общинѣ личный интересъ не является стимуломъ для труда. „Съ одной стороны нежеланіе, чтобы другой воспользовался его искусствомъ, дѣятельностью и пожертвованіями удерживаетъ общинника отъ улучшенія хозяйства, а съ другой, — расчетъ на помощь своихъ собратовъ, въ случаѣ его несостоятельности, подавляютъ въ немъ охоту къ труду и занятію“ — стран. 14.

[3]) Ibid. Стран. 110.

[4]) Стран. 124.

По его убѣжденію, государство должно было дать крестьянамъ землю въ личную собственность. Только мелкая собственность можетъ перевоспитать наше крестьянство, дать ему «средство къ *матеріальному и нравственному развитію заставить уважать и охранить интересы чужіе*» [1]).

Поддерживать общину безполезно потому, что это означало бы поддерживать институтъ, осужденный на неминуемую гибель.

За это говорятъ основные формулированные Гегелемъ законы развитія всего сущаго: «Если начальный и конечный моментъ развитія различаются только, какъ степени одного и того же содержанія, то высшей формой развитія собственности есть собственность личная, а не коммунизмъ, потому что первоначальной формой поземельнаго владѣнія была собственность, а вовсе не общинное владѣніе, какъ говорятъ другіе» писалъ Масловъ, дѣлая ссылку на статью Чернышевскаго въ Современникѣ за 1858 годъ. (Разборъ философ. предъубѣжденій противъ общин. владѣнія).

V.

Первыя сомнѣнія дворянства въ политической благонадежности общины.

При защитѣ общиннаго землевладѣнія—этой основы управляющаго крестьянами «міра»—у правительства и помѣщиковъ, какъ было уже указано, играли большую роль соображенія объ охранѣ общественнаго порядка и объ удержаніи крестьянъ въ «повиновеніи». Общинно-мірской строй поддерживался и защищался, какъ административный аппаратъ.

Графъ Киселевъ выражалъ общее мнѣніе администраторовъ того времени, когда говорилъ, что «общинный порядокъ существуетъ въ Россіи съ древнихъ временъ» и что имъ утверждается «*административная сила правительства* надъ милліонами людей».

[1]) Стран. 137.

Но въ хорѣ голосовъ, восхвалявшихъ «мірской строй» съ общиннымъ землевладѣніемъ, уже въ крѣпостную эпоху раздавались отдѣльные голоса, предупреждающіе правительство объ опасностяхъ, которыя таятъ въ себѣ крестьянскіе «міры»—эти союзы «низшаго класса народа».

Организуемый искусственно самою властью въ «міры» народъ можетъ выйти изъ повиновенія и задавить организованной массой господствующіе классы.

Правительству указывалось, что управлять народомъ гораздо легче, если распылять его, а не собирать вмѣстѣ.

Настроеніе этого политическаго теченія наиболѣе ярко выразилъ князь Меньшиковъ въ запискѣ *по поводу Проекта закона «объ обязанныхъ крестьянахъ»* [1]).

«Не отъ отдѣльно *обязанныхъ обывателей* (писалъ Меньшиковъ въ 1841 году) опасаться должно неповиновенія, *но отъ общинъ*, которымъ дается политическое бытіе, огражденное матеріальными силами люднаго соединенія, способнаго къ сопротивленію и, слѣдовательно, къ *неповиновенію*. Отъ неповиновенія недалекъ переходъ къ явному мятежу».

Возражая противъ предположеній Проекта—давать землю на выкупъ цѣлымъ общинамъ, а не отдѣльнымъ крестьянамъ порознь,—князь Меньшиковъ ужасался, представляя возможныя послѣдствія такого неслыханнаго способа организаціи государствомъ крестьянскихъ массъ.

«Неизвѣстно, чтобы гдѣ-либо допущены были *условія* съ общинами нисшаго класса народа».

«Исторія лучше всего доказываетъ, что общины, въ какихъ бы ни было видахъ, предпринять, выполнить и поколебать могутъ». Меньшиковъ рекомендовалъ правительству отказаться отъ своего предположенія и не упускать изъ виду основного принципа раціональной государственной политики, гласящаго что «для упроченія власти правительства и общественнаго спокойствія *не соединять, а разъединять* должно силы матеріальныя [2])».

Это политически враждебное общинѣ теченіе къ тому времени, когда правительство приступило къ обсужденію вопроса о ликвидаціи крѣпостного права, сдѣлалось уже довольно замѣтнымъ. Въ 1857 году Самарину (въ «Запискѣ къ крестьян-

---

[1]) Законъ этотъ былъ изданъ въ 1842 году.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій. „Графъ Киселевъ и его время" т. IV, стран. 207.

скому дѣлу») пришлось оспаривать приведенные доводы князя Меньшикова.

«Противники общины говорили, писалъ Самаринъ, что событія, переданныя намъ исторіею, доказываютъ, что опасно неповиновеніе не отдѣльныхъ обывателей, а цѣлыхъ общинъ, обладающихъ матеріальными силами».

Но опытъ исторіи учитъ какъ разъ обратному. Именно общины менѣе воспріимчивы чѣмъ «разрозненныя личности» къ революціоннымъ воздѣйствіямъ. Сросшіеся съ землей крестьянскіе «міры» гораздо менѣе склонны увлекаться фантастическими построеніями, чѣмъ люди, нигдѣ не имѣющіе прочныхъ корней.

«Въ какой исторіи, писалъ Самаринъ, вычитано, что революціонныя начала прививаются къ сельскимъ общинамъ легче, чѣмъ къ отдѣльнымъ личностямъ?—Этого не говорятъ, да и трудно было бы доказать не только примѣрами, но даже общими соображеніями, что общество поселянъ, такъ сказать, приросшихъ къ землѣ и связанныхъ другъ съ другомъ единствомъ мірского владѣнія, по природѣ своей подвижнѣе, безпокойнѣе и болѣе способно увлечься страстью или мечтою, чѣмъ разрозненныя личности, нигдѣ не имѣющія корней и лишенныя общихъ хозяйственныхъ интересовъ».

«Изъ нашей исторіи видно, что сельскія и городскія общины въ 1612 году очистили Россію отъ бездомныхъ бродягъ, спасли ея цѣлость и возвели на Московскій престолъ Михаила Романова, а исторія западная доказываетъ, что Королевская власть обязана своимъ торжествомъ надъ могучими вассалами содѣйствію общинъ».

Недаромъ съ этимъ консерватизмомъ общинъ начала въ первую голову борьбу революціонная Франція. «Первымъ дѣломъ революціоннаго правительства во Франціи было разбить всѣ общины, корпораціи и частные союзы на безсвязныя единицы».

Выбитые изъ естественныхъ общинъ элементы дѣлаются особенно опасными для государства, кагда они начинаютъ соединяться въ тайные союзы, стремясь создать «искусственныя» общины.

«Мы знаемъ», писалъ Самаринъ, «изъ современной исторіи, что разрозненныя, пущенныя *на всѣ четыре стороны личности*, томясь своимъ одиночествомъ и своею слабостью, сами собой стремятся неудержимо къ соединенію, и тогда, за отсутствіемъ

естественной общины, основанной на единствѣ хозяйственныхъ интересовъ за одно сохраняемыхъ, слагается *община искусственная,* основанная на единствѣ неудовлетворенныхъ потребностей, на чувствахъ зависти и *озлобленія* противъ существующаго порядка вещей. Эта искусственная ассоціація называется тайнымъ обществомъ. Лучше ли она нашей сельской общины? [1])

А потому не раздроблять, а сохранять надо нашу общину, состоящую изъ людей «приросшихъ къ землѣ».

Эта аргументація Самарина очень точно выражала отношеніе къ общинѣ, какъ огромнаго большинства дворянъ, такъ и правительственныхъ круговъ наканунѣ Крестьянской Реформы.

---

[1]) Самаринъ. Т. II. Стран. 163—164.

Община въ Крестьянской Реформѣ 1861 года.

I.

Основы Реформы.

Какъ только накануне Крестьянской Реформы предъ правительствомъ всталъ вопросъ о томъ, какъ управлять крестьянами послѣ освобожденія, какъ гарантировать государству уплату выкупа за землю,—судьбы общины и міра были предрѣшены. Для правительства и для дворянства было ясно, что эти испытанные въ крѣпостную эпоху и въ податномъ, и въ административномъ отношеніяхъ институты—«міръ» и община должны быть сохранены и въ пореформенной Россіи. На сторонѣ общины оказалось и общественное мнѣніе, поскольку оно выражалось въ прессѣ легальной и нелегальной.

Что думало объ общинѣ крѣпостное крестьянство—объ этомъ во время Крестьянской Реформы никто не спрашивалъ защита интересовъ крестьянъ, какъ объ этомъ торжественно заявило правительство, была «поручена дворянству».

Крестьянская Реформа 1861 г. была не «добровольной жертвой», принесенной дворянствомъ „на престолъ отечества“, какъ объ этомъ пишутъ дворянскіе историки, а государственной мѣрой, вырванной крестьянствомъ у дворянскаго правительства, ослабленнаго разложеніемъ крѣпостного хозяйства и общей разрухой, вызванной неудачной Севастопольской войной. Но благодаря тому, что дворянство само проводило «Реформу», оно вышло изъ нея съ самымъ ничтожнымъ умаленіемъ своихъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ. Сохранить эти права

помогла дворянству все та же общинно-мірская организація, съ помощью которой дворянство правило крестьянствомъ и въ крѣпостную эпоху.

При вступленіи на престолъ Алаксандра II правительство и дворянство были еще увѣрены въ томъ, что имъ удастся избѣжать освобожденія крестьянъ, и что окажется возможнымъ ограничиться лишь облегченіемъ «положенія крѣпостныхъ», «умягченіемъ» крѣпостного права—въ духѣ безвредныхъ для помѣщиковъ законовъ 1803—1842 годовъ. Оба эти закона почти не отразились на количествѣ крѣпостныхъ: за 50 лѣтъ дѣйствія закона 1803 г. было уволено въ «свободные хлѣбопашцы» 140 тыс. душъ; законъ 1842 г. за 15 лѣтъ почти не имѣлъ примѣненія.

Въ царствованіе Николая I-го, такъ называемые «Секретные Комитеты» по Крестьянскому Дѣлу сдѣлались какъ бы постоянными правительственными учрежденіями, вѣдающими вопросы, связанные съ бытомъ крѣпостныхъ крестьянъ. По установившемуся обычаю, при воцареніи Александра II также былъ образованъ Секретный Комитетъ по Крестьянскому Дѣлу, который, какъ и предыдущіе, собирался отнюдь не для радикальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса. Но этотъ, девятый по счету, Секретный Комитетъ оказался послѣднимъ.

Въ началѣ своихъ засѣданій въ 1857 году, девятый Секретный Комитетъ, хотя и констатировалъ наличность необычнаго «возбужденія крестьянскихъ умовъ», тѣмъ не менѣе призналъ, что время для освобожденія крестьянъ еще не настало: во-первыхъ, потому, что «народъ» не сумѣлъ бы воспользоваться свободою «внезапно»; во-вторыхъ, потому, что объявленіе крестьянъ свободными разстроило бы ихъ вѣковыя отношенія къ помѣщикамъ.

Однако, уже лѣтомъ 1857 года Министръ Государственныхъ Имуществъ Муравьевъ, послѣ своей поѣздки по Россіи, представилъ столь мрачное описаніе настроенія деревни, что, ознакомившись съ его Запиской, Александръ II на докладѣ предсѣдателя Секретнаго Комитета князя Орлова написалъ: «повторяю, что положеніе наше таково, что медлить нельзя». Въ Запискѣ Муравьева говорилось, что крестьяне «хотя и повинуются помѣщикамъ безпрекословно, но вовсе къ нимъ не расположены»; что народъ настроенъ очень тревожно: каждый праздникъ и отъ каждаго проѣзжающаго «значительнаго чиновника» ждутъ

объявленія «свободы». Муравьевъ прибавлялъ, что «свободу» эту они, крестьяне, понимаютъ превратно, и «полагаютъ оную, въ своеволіи и полной необузданности съ прекращеніемъ всякихъ работъ и платежа за землю, въ безграниченномъ пользованіи всѣми землями помѣщиковъ, которые, по ихъ мнѣнію, должны будутъ *выѣхать изъ имѣній въ города*, ибо земля, по понятіямъ крестьянъ, принадлежитъ имъ, а не теперешнимъ владѣльцамъ».

«Нѣкоторые даже считаютъ, что они не станутъ платить государственныхъ податей, что будетъ полная свобода и что они будутъ имѣть свои собственныя мірскія судилища, которыя замѣнятъ нынѣ существующія отъ правительства», писалъ Муравьевъ.

Особенно тревожила Муравьева одинаковость настроенія крѣпостныхъ и казенныхъ крестьянъ. «И превратныя эти понятія, писалъ Муравьевъ, поддерживаются подобными же убѣжденіями государственныхъ крестьянъ», которые „считаютъ землю своею неотъемлемою собственностью».

Однако, заключенія Муравьева клонились не въ пользу немедленной отмѣны крѣпостного права, главнымъ образомъ, въ виду того, что онъ считалъ невозможнымъ «вдругъ колебать помѣщичью власть», не замѣнивъ ее сначала другою—равносильною».

«Внезапное» уничтоженіе крѣпостного права создало бы въ деревнѣ полное безначаліе, ибо въ деревнѣ нѣтъ никакихъ властей. На мѣстахъ «не на кого положиться», кромѣ помѣщиковъ [1]).

Докладъ Муравьева, ярко рисовавшій революціонное напряженіе русскаго крестьянства, Александръ II читалъ заграницей. Почти одновременно ему была представлена «Записка» по крестьянскому дѣлу, извѣстнаго въ Россіи по работамъ объ общинѣ, барона Гакстгаузена.

Въ этой Запискѣ Гакстгаузенъ горячо убѣждалъ русское правительство «не упускать момента» и не доводить крестьянскій вопросъ до того, когда событія опередятъ правительство и вырвутъ у него такія уступки, которыя могутъ повлечь за собой его «собственное паденіе».

---

[1]) П. Лященко. Послѣдній Секретный Комитетъ по Крестьянскому Дѣлу. Журналы Секретнаго и Главнаго Комитетовъ по Крестьянскому Дѣлу, т. I. Засѣданіе 17 января 1857 года.

Въ письмѣ къ князю Горчакову, сопровождавшемъ эту «Записку», Гакстгаузенъ указывалъ русскому правительству на одно особенно важное, въ его глазахъ, обстоятельство. Промедленіемъ въ крестьянскомъ вопросѣ, полагалъ Гакстгаузенъ, Россія подвергнетъ опасности всю Европу: такъ какъ, если въ Россіи на почвѣ крестьянскаго вопроса вспыхнетъ революція, то она можетъ стать началомъ соціальной революціи въ Европѣ.

«Вопросъ освобожденія, будучи спеціальнымъ вопросомъ для Россіи, есть вмѣстѣ и политическій, и при томъ самый важный не только въ отношеніи Россіи, но и для всей Европы», писалъ Гакстгаузенъ. «Я убѣждаюсь въ этомъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что радикальная партія Мадзини и братіи въ Англіи возлагаетъ теперь главную надежду свою на соціальную революцію въ Россіи. Опытъ указывалъ намъ, что предводители этой партіи не пустые мечтатели, но люди, вѣрно разсчитывающіе и проницательные» [1]).

Насколько положеніе дѣлъ въ Россіи считалось въ Западной Европѣ опаснымъ, видно уже потому, что о готовящейся въ Россіи соціальной революціи русское правительство предупреждалъ тотъ самый Гакстгаузенъ, который въ своихъ «Studien» утверждалъ, что именно въ Россіи не можетъ быть соціальной революціи—потому, что въ Россіи нѣтъ элементовъ и условій для такой революціи, такъ какъ въ Россіи мечты европейскихъ соціалистовъ, будто бы, давно осуществлены.

«Во всѣхъ государствахъ Западной Европы существуютъ предвѣстники соціальной революціи противъ богатства и собственности, писалъ Гакстгаузенъ въ «Studien». Ея лозунгъ— уничтоженіе наслѣдства и провозглашеніе *правъ каждаго на равный участокъ земли*. Въ Россіи такая революція невозможна, такъ какъ эти мечты европейскихъ революціонеровъ имѣютъ уже свое реальное осуществленіе въ русской народной жизни» [2]).

И вотъ прошло едва десять лѣтъ послѣ того, какъ баронъ Гакстгаузенъ написалъ эти строки, ему пришлось признать, что въ Россіи имѣются тѣ же сѣмена соціальной революціи, что и въ Западной Европѣ. Россія оказывается не только не

---

[1]) Попельницкій. Освобожденіе крестьянъ въ 1861 г. Вѣстн. Европы. 1911 г.
[2]) Гакстгаузенъ. „Studien", стран. XIX.

была застрахована отъ соціальной революціи, но она даже могла дать сигналъ къ революціи всей Европѣ.

По прочтеніи «Записки» Гакстгаузена, Александръ II написалъ: «Гакстгаузенъ отгадалъ мое главное опасеніе, чтобы дѣло не началось само собой снизу».

Когда правительство пришло къ убѣжденію, что медлить далѣе дѣйствительно было опасно, Секретному Комитету было поручено выработать основы реформы крѣпостного права.

Рѣшеніе вопроса о томъ, должна-ли въ системѣ учрежденій, регулирующихъ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ послѣ ихъ освобожденія, остаться принудительная поземельная община, зависѣло отъ рѣшенія другого вопроса—о крестьянскомъ надѣлѣ. Какъ освобождать крестьянъ—съ землей или безъ земли—вотъ задача, надъ которой прежде всего остановился Секретный Комитетъ. Если бы государственная власть нашла средства провести безземельное освобожденіе крестьянъ, то для него судьба общины была бы безразлична. Въ случаѣ безземельнаго освобожденія, крестьяне добывали бы себѣ землю у помѣщиковъ путемъ частныхъ сдѣлокъ, въ которыхъ правительство не было бы заинтересовано. Помѣщики же могли обезпечить себѣ полученіе ренты тѣмъ, что они давали бы землю лишь надежнымъ плательщикамъ. Для правительства тогда могъ остаться только вопросъ объ управленіи крестьянами, объ административной общинѣ, т. е. крестьянскомъ «мірѣ», не распоряжавшемся крестьянской землей. Наоборотъ, при освобожденіи крестьянъ съ землей—безразлична была ли бы это принудительная продажа помѣщиками земли или принудительное наслѣдственное надѣленіе крестьянъ землей («въ пользованіе»—за оброкъ),—возникалъ вопросъ о гарантіяхъ сохраненія помѣщичьяго «дохода», при передачѣ земли въ пользованіе, или о гарантіяхъ возвращенія крестьянами казнѣ выкупной ссуды, при выкупѣ надѣловъ, съ содѣйствіемъ казны.

Поземельно-административная община («міръ», распоряжающійся землей) въ крѣпостную эпоху давалъ такую гарантію. Это былъ надежный аппаратъ, одинаково годный и для извлеченія изъ крестьянъ «дохода», и для управленія ими. Естественно, что какъ только былъ рѣшенъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землей, то и правительство, и дворянство выступили самыми рѣшительными сторонниками передачи крестьянамъ выкупаемой ими земли на общинномъ правѣ.

Хотя Секретный Комитетъ исходнымъ пунктомъ своихъ работъ призналъ, что помѣщикамъ принадлежитъ «полное право собственности на землю» въ ихъ имѣніяхъ, тѣмъ не менѣе, ему пришлось отказаться отъ мысли о совершенномъ обезземеліи крестьянъ.

Одинъ изъ членовъ Секретнаго Комитета, Чевкинъ, выразилъ общее отношеніе къ вопросу о надѣленіи крестьянъ землею въ слѣдующей формулѣ: «прямая выгода помѣщиковъ требуетъ, чтобы тѣ уступили часть земель для надежнаго сохраненія остальныхъ».

Нужно было только рѣшить, сколько именно необходимо дать земли крестьянамъ и на какихъ условіяхъ ее дать.

Вопросы эти въ ходѣ Крестьянской Реформы получили свое рѣшеніе далеко не сразу.

Первый планъ Крестьянской Реформы [1]) былъ формулированъ Секретнымъ Комитетомъ въ ноябрѣ 1857 года.

Въ рескриптахъ, разрѣшающихъ Виленскому, Ковенскому и Гродненскому дворянству приступить къ составленію проектовъ «объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ», условія пользованія крестьянами помѣщичьей землей, способы организаціи сельской полиціи и способы обезпеченія исправнаго полученія налоговъ и повинностей съ крестьянъ были выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

«1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ *усадебная осѣдлость*, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется *въ пользованіе* крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, ко-

---

[1]) Выработка условій освобожденія крестьянъ продолжалась 4 года. Девятый Секретный Комитетъ былъ открытъ 3 января 1857 года. Законъ объ освобожденіи крестьянъ въ Государственномъ Совѣтѣ прошелъ 28 января 1861 года. Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ подписанъ въ годовщину вступленія на престолъ Александра II — 19 февраля 1861 года.

Законопроектъ вырабатывался въ цѣломъ рядѣ учрежденій:

1) Въ Секретномъ Комитетѣ (существовалъ съ 1857 года по 19 февраля 1858 г.).

2) Въ Главномъ Комитетѣ (существовалъ съ 19 февраля 1858 года по январь 1861 г.).

личество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчиная полиція.

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть подлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Какъ видно изъ этихъ положеній, по первоначальному плану помѣщики отнюдь не были обязаны давать крестьянамъ, выходящимъ «на волю», надѣлы на выкупъ. Обязательно для помѣщиковъ было только предоставленіе на выкупъ крестьянамъ усадебъ. Это предполагалось сдѣлать въ видахъ предотвращенія «вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи», такъ пояснилъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ содержаніе рескриптовъ губернаторамъ. Что касается пашни и другихъ угодій, то помѣщики обязывались дать крестьянамъ «для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ» «надлежащее количество земли». За землю крестьяне должны были или платить оброкъ, или отбывать барщину. Но помѣщики обязаны были давать землю крестьянамъ только въ «переходный періодъ», продолжающійся не болѣе 12 лѣтъ, а затѣмъ, крестьяне могли вступать въ договорныя отношенія съ помѣщиками.

Аналогичнаго содержанія рескрипты, разрѣшающіе дворянству учредить Комитеты для составленія проектовъ Положеній объ улучшеніи и «устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ» были разосланы губернаторамъ другихъ губерній.

Въ февралѣ 1858 года девятый Секретный Комитетъ былъ переименованъ въ Главный Комитетъ по Крестьянскому дѣлу и съ тѣхъ поръ крестьянскій вопросъ изъ стадіи Секретныхъ

3) Въ Дворянскихъ Комитетахъ на мѣстахъ (съ декабря 1857 г. по 1860 г.).

4) Въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ, учрежденныхъ 4 марта 1859 года для составленія проекта „Общаго Положенія".

5) Въ Государственномъ Совѣтѣ.

Дворянскіе Комитеты руководились при составленіи проектовъ положеній:

1) Рескриптами Губернаторамъ.

2) Отношеніями Министра Внутреннихъ Дѣлъ, разъясняющими эти рескрипты.

3) Программой дѣятельности, разосланной 21 августа 1858 года.

4) Дополнительными разъясненіями Тверскому Комитету.

Всѣхъ Дворянскихъ Комитетовъ было 49.

Комитетовъ перешелъ въ стадію секретныхъ и полусекретныхъ совѣщаній, стадію, продолжавшуюся до 1906 года [1]).

Рескрипты объ открытіи дворянскихъ Комитетовъ по первоначальному плану Секретнаго Комитета разсылались дворянству въ теченіе цѣлаго года. Первый рескриптъ объ открытіи Комитетовъ въ Виленской, Ковенской и Гродненской губерніяхъ былъ посланъ 20 ноября 1857 года еще Секретнымъ Комитетомъ, а послѣдній—на имя начальниковъ губерній: Вятской, Пермской и Олонецкой—въ октябрѣ 1858 года уже Главнымъ Комитетомъ.

Но въ теченіе 1858 года измѣнился самый планъ Крестьянской Реформы, въ томъ смыслѣ, что за исходный пунктъ реформы было принято надѣленіе крестьянъ землею въ постоянное пользованіе, съ правомъ выкупа крестьянами не только усадьбы, но и пашни, и другихъ угодій. Къ концу 1858 года во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствовали дворянскія собранія, работали дворянскіе Комитеты, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ къ этому времени уже заканчивали проекты своихъ положеній. А въ это время Главный Комитетовъ, отказавшись отъ мысли о безземельномъ освобожденіи крестьянъ съ выкупомъ однѣхъ усадебъ призналъ необходимымъ принять мѣры къ тому, «чтобы крестьяне дѣлались поземельными собственниками».

Это измѣненіе плана Реформы произошло подъ вліяніемъ двухъ факторовъ—крестьянства и дворянства нечерноземныхъ губерній. Съ ходомъ обсужденія крестьянскаго вопроса въ центрѣ и на мѣстахъ правительство все болѣе убѣждалось въ невозможности безземельнаго освобожденія.

Какъ сказано выше программа, разосланная 21 августа 1858 года дворянскимъ Комитетамъ для руководства и разъясненія Министра Внутреннихъ Дѣлъ рескриптовъ, говорили о томъ, что помѣщики обязаны были дать землю крестьянамъ въ пользованіе «для обезпеченія ихъ быта» только «на срочно-обязанный періодъ», затѣмъ земли отъ крестьянъ должны были отбираться, послѣ чего наступалъ періодъ частныхъ земельныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и «свободными крестьянами». Но на пути осуществленія такого плана Реформы стояло твердое убѣжденіе крестьянъ въ принадлежности имъ земель, та «несчаст-

---

[1]) Въ Крестьянской Реформѣ засѣданія дворянскихъ Комитетовъ, Главнаго Комитета, Государственнаго Совѣта были негласными.

ная мысль, почти повсемѣстно существующая между помѣщичьими крестьянами, что они сами принадлежатъ господину, а земля принадлежитъ имъ» [1]).

Членъ девятаго Секретнаго Комитета Корфъ указывалъ, что «крѣпостные, вопреки всѣмъ подтвержденіямъ закона, считаютъ земли своими».

Зная настроеніе крестьянъ, первый предсѣдатель Редакціонныхъ Комиссій Ростовцевъ сказалъ, что освободить крестьянъ безъ земли значитъ «зажечь въ Россіи пламя бунтовъ».

Но помимо этого, перспектива безземельнаго освобожденія крестьянъ, безусловно не удовлетворяла дворянство нечерноземныхъ губерній.

Еще въ самомъ началѣ своихъ засѣданій Секретный Комитетъ разсматривалъ «Записку по Крестьянскому Дѣлу», составленную въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ которой указывалось, что условія освобожденія крестьянъ должны быть составлены такъ, чтобы удовлетворить противорѣчивые интересы сѣверныхъ и южныхъ помѣщиковъ Россіи. Это противорѣчіе интересовъ обусловливалось различіемъ способовъ эксплоатаціи крѣпостныхъ крестьянъ. Южные помѣщики и помѣщики собственно центральной Россіи эксплоатировали крестьянъ, большей частью, посредствомъ барщины, а сѣверные—держали своихъ крестьянъ чаще всего на оброкѣ.

«Доходъ сѣверныхъ помѣщиковъ, говорилось въ Запискѣ, состоитъ въ оброкѣ съ личныхъ силъ крестьянъ».

Отсюда главный капиталъ у помѣщиковъ, державшихъ своихъ крестьянъ на оброкѣ—были сами крестьяне: у помѣщиковъ, ведшихъ барщинное хозяйство,—земля.

Освобожденіе крестьянъ въ оброчныхъ имѣніяхъ безъ земли и безъ выкупа душъ было бы полнымъ разореніемъ для владѣльцевъ этихъ имѣній [2]).

Записка Министра Внутреннихъ Дѣлъ примиряла помѣщиковъ обоихъ районовъ тѣмъ, что предлагала надѣлить крестьянъ

[1]) Изъ доклада Секретнаго Крестьянскаго Комитета 1835 года.

[2]) Главный Комитетъ, разсматривая проектъ Редакціонныхъ Комиссій стоялъ на этой же точкѣ зрѣнія. „Гдѣ земля имѣетъ сравнительно малую цѣнность, тамъ крестьяне, не привязанные къ землѣ правомъ постояннаго пользованія, будутъ неохотно брать землю въ наймы отъ владѣльцевъ и сіи послѣдніе понесутъ значительные убытки, если Правительство не приметъ на себя обязательство выкупить сіи земли для крестьянъ". Журналы Секретнаго и Главнаго Комитетовъ по Крестьянскому Дѣлу. Т. II, стран. 115.

землей съ выкупомъ по такой оцѣнкѣ земли, чтобы въ цѣнѣ за землю помѣщики получили бы и цѣну крѣпостныхъ душъ.

«Тамъ, гдѣ души дороги, говорилось въ Запискѣ, въ оброчныхъ губерніяхъ, количество усадебной земли можно увеличивать и стоимость ея, вмѣстѣ со строеніями довести до того, чтобы помѣщикъ былъ достаточно вознагражденъ за потерю крестьянъ, составляющихъ его главный капиталъ». При такихъ условіяхъ помѣщики смогли бы «вознаградить себя за потерю оброка и добыть необходимыя для веденія хозяйства въ новыхъ условіяхъ денежныя средства».

Наоборотъ, въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ земля была дорога, Записка предлагала уменьшить количество усадебной земли «до послѣдней крайности».

Это противорѣчіе интересовъ сѣверныхъ и южныхъ помѣщиковъ красною нитью прошло черезъ всѣ стадіи выработки закона объ освобожденіи крестьянъ, до обсужденія Положенія 1861 года въ Государственномъ Совѣтѣ включительно. Оно отразилось и на характерѣ дворянскихъ проектовъ объ условіяхъ освобожденія крестьянъ разныхъ губерній и на отношеніяхъ депутатовъ перваго призыва, (собравшихся преимущественно изъ нечерноземныхъ губерній) и депутатовъ второго призыва (по преимуществу помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній), къ проекту Положенія объ освобождаемыхъ крестьянахъ, выработанному Редакціонными Комиссіями.

Записка Министра Внутреннихъ Дѣлъ доказывала, что только выкупъ можетъ дать помѣщикамъ нужныя имъ для веденія хозяйства на новыхъ началахъ средства. То же говорилось впослѣдствіи и въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ.

Дворяне также считали, что при достаточной цѣнѣ земли, выкупная операція, съ правительственной помощью, будетъ безусловно имъ выгодна, такъ какъ она снабдитъ ихъ деньгами.

«Здравому смыслу и духу русскаго дворянства, разставшагося разъ съ крѣпостнымъ правомъ, совершенно соотвѣтствуетъ не тянуть длинной канители обязательныхъ отношеній, а принять сразу безповоротное рѣшеніе и затѣмъ уже устраивать свое хозяйство на новыхъ началахъ—при помощи тѣхъ оброчныхъ капиталовъ, которые дастъ дворянству организованный правительствомъ выкупъ» [1]).

[1]) Семеновъ. Т. III, стран. 259.

II.

Дворянскіе Комитеты объ общинѣ и управленіи крестьянами.

Выработкѣ конкретныхъ нормъ размѣра выкупаемыхъ надѣловъ содѣйствовало больше всего дворянство нечерноземныхъ губерній.

Дворяне нечерноземной Тверской губерніи, считая выкупъ однѣхъ усадебъ убыточнымъ для помѣщиковъ, просили разрѣшенія у Главнаго Комитета внести въ свой проектъ и выкупъ крестьянами полевыхъ угодій, расширивъ понятіе «усадебная осѣдлость». Главный Комитетъ не счелъ возможнымъ дать расширительное толкованіе понятію «усадебная осѣдлость», но разрѣшилъ Тверскому Комитету составить особый выкупной проектъ для полевыхъ угодій. Такое же разрѣшеніе Главный Комитетъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1858 года далъ и другимъ Комитетамъ [1]).

Главный Комитетъ признавъ, что безземельное освобожденіе крестьянъ (чѣмъ было бы освобожденіе крестьянъ съ выкупомъ одной усадебной осѣдлости) и оставленіе за помѣщиками вотчинной власти, почти ничего не измѣнило бы въ системѣ крѣпостныхъ отношеній, въ силу чего съ такой «реформой» не помирились бы крѣпостные, напряженно ждавшіе «полной воли», рѣшилъ поставить дѣло такъ, чтобы крестьяне «постепенно дѣлались поземельными собственниками», путемъ выкупа земельныхъ угодій, съ содѣйствіемъ правительства, и чтобы вотчинная власть помѣщиковъ была отмѣнена.

Измѣненіе взглядовъ правительства на объемъ Крестьянской Реформы произошло, какъ уже было указано, въ то время, когда часть дворянскихъ комитетовъ заканчивала свои работы по составленію проектовъ Положенія. И потому во

[1]) Тверскому Губернатору было послано соотвѣтственное разрѣшеніе 5 ноября 1858 года. Затѣмъ объ этомъ сообщено Комитетамъ: Владимірскому, Костромскому, Рязанскому, Самарскому, Саратовскому, Пензенскому, Новгородскому, Ярославскому, Виленскому, Гродненскому, Ковенскому, Кіевскому, Подольскому и Волынскому, Новороссійскому, Бессарабскому и Оренбургскому. Журналы Секретнаго и Главнаго Комитетовъ. Т. I, стран. 274.

многіе дворянскіе проекты вошли и безземельное освобожденіе крестьянъ (выкупъ усадебъ), и вотчинная власть помѣщика, какъ того требовалъ первый планъ Реформы, выраженный въ рескриптахъ губернаторамъ.

Оба плана Реформы—безъ земли, выкупаемой въ собственность, но съ снабженіемъ крестьянъ надѣлами во временное пользованіе (срочно-обязанный періодъ) или съ землей на выкупъ—выдвигали одну и ту же задачу—найти средства къ тому, чтобы заставить крестьянъ продолжать работать на помѣщика или платить выкупъ государству.

Нужно было найти средства «соединить права свободнаго человѣка съ требованіями отъ него обязательнаго труда» [1]). Или, какъ формулировалъ ту же задачу Ю. Самаринъ, надо было обезпечить доходъ, получаемый вотчинникомъ изъ рукъ крестьянъ отъ земли, отданной имъ въ пользованіе, не прибѣгая къ произволу помѣщичьей власти [2]).

Для правительства, кромѣ финансовой стороны, въ Реформѣ—гарантированіе доходовъ помѣщику и казнѣ была еще важна и полицейская ея сторона. Нужно было создать учрежденія, обезпечивающія сохраненіе общественнаго порядка.

По отношенію къ первому вопросу и правительство, и дворянство, и литература съ большимъ единодушіемъ признавали, что доходъ помѣщику и повинности государству лучше всего можетъ гарантировать распоряжающійся землей крестьянскій «міръ», т. е. «Крестьянская община».

— «При предстоящихъ перемѣнахъ (освобожденіе крестьянъ) общинное владѣніе было неизбѣжно по многимъ причинамъ, писалъ «Журналъ Землевладѣльцевъ», между прочимъ для вѣрнаго обезпеченія интересовъ помѣщиковъ».

— «Не очевидно ли, писалъ Самаринъ, что доходъ, поступающій отъ всѣхъ за круговою порукою, такъ сказать застрахованный обществомъ гораздо вѣрнѣе и надежнѣе дохода, зависящаго отъ доброй воли и состоятельности отдѣльно взятыхъ лицъ. Къ тому же, «мірская опека будетъ дешевле, дѣйствительнѣе и разборчивѣе другой».

Точку зрѣнія правительства на объемъ и границы Крестьянской Реформы въ ея второй фазѣ—освобожденія съ выкупомъ

[1]) Матеріалы Ред. Комиссій. Т. III, стран. 29.
[2]) Самаринъ. Т. III, стран. 143.

надѣловъ—формулировалъ въ рядѣ статей Ростовцевъ, (написаны въ 1858 году). Статьи эти выражали взгляды всего правительства и были одобрены Императоромъ Александромъ II, признавшимъ, что главныя основанія работъ Ростовцева «совершенно согласны» съ его взглядами [1]).

Ростовцевъ считалъ, что Крестьянская Реформа не вызоветъ ни всероссійскаго бунта крестьянъ, ни недовольства дворянства только въ томъ случаѣ, если она будетъ удовлетворять тремъ условіямъ: а) чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшенъ, б) чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены, и в) чтобы сильная власть ни на минуту на мѣстѣ не колебалась, отчего ни на минуту же и общественный порядокъ не нарушался [2]). Для того же, чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ, «необходимо, писалъ Ростовцевъ, чтобы патріархальная власть помѣщика, державшая доселѣ въ спокойствіи всю Россію, но при новомъ порядкѣ уже вещей невозможная, замѣнилась другой надежной властью: т. е. *совокупными дѣйствіями міра, помѣщика и правительства*». Этимъ предрѣшалось, что власть помѣщика надъ крестьянами должна была, въ значительной степени, перейти къ «міру».

«Сельская власть помѣщика надъ крестьянами, державшая доселѣ въ спокойствіи Россію, внезапно прекратится, она должна быть замѣнена другою сильною властью», писалъ Ростовцевъ.

«Власть эта должна быть двойственная: внутренняя—въ самомъ мірскомъ управленіи общины, внѣшняя — въ орудіяхъ правительства».

Но практика давно показала, что крестьянскій «міръ» былъ вліятеленъ и силенъ только тамъ, гдѣ онъ распоряжался крестьянской землей, т. е. тамъ, гдѣ было общинное землепользованіе.

«Въ литературѣ, писалъ Ростовцевъ, возникли два спорныя мнѣнія—какъ устроить бытъ крестьянъ: «міромъ» или отдѣльными семействами? Тутъ можно высказать много pro и contra, но историческая жизнь и нынѣшнія условія переходнаго со-

—

[1]) Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ при Александрѣ II, т. III, стран. 45.

[2]) Эти 3 „начала“ и были положены „въ основу какъ разсмотрѣнія, такъ и обнародованія всѣхъ законодательныхъ, по настоящему дѣлу мѣръ“ — такъ было постановлено Главнымъ Комитетомъ 18 октября 1858 г.

стоянія вопросъ этотъ рѣшаютъ, какъ мнѣ кажется, очень просто: «общинное устройство теперь, въ настоящую минуту, для Россіи необходимо: народу нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы власть помѣщика. Безъ «міра» помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство своихъ податей и повинностей». Подъ «общиннымъ» устройствомъ Ростовцевъ, какъ и всѣ помѣщики того времени, разумѣлъ административно-земельную общину.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ сообщало дворянству о желаніи правительства не нарушать общиннаго устройства тамъ, гдѣ оно существуетъ, оговаривая въ то же время, что правительство частые земельные передѣлы признаетъ нежелательными. Программа, разосланная Дворянскимъ Комитетамъ отъ Главнаго Комитета, указывала также, что исправное отправленіе повинностей можно будетъ достигнуть круговой отвѣтственностью «сельскихъ обществъ».

Общинное управленіе: «міръ», поземельная община и круговая порука по закону 1838 года существовали уже у государственныхъ крестьянъ, и правительственная программа, данная Дворянскимъ Комитетамъ, въ сущности, рекомендовала дворянамъ перенести на освобождаемыхъ крестьянъ «Положеніе 1838 года объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ». Слѣдуя указаніямъ правительства, Дворянскіе Комитеты составляли свои проекты Положеній объ освобождаемыхъ крестьянахъ, руководствуясь, главнымъ образомъ, этимъ Положеніемъ 1838 г.

Права государственныхъ крестьянъ признавались предѣломъ, который не должны были переходить права освобождаемыхъ крестьянъ. Правда, нѣкоторые Дворянскіе Комитеты даже и ту степень свободы, которою пользовались государственные крестьяне, считали слишкомъ большой и вносили въ свои проекты дополненія, взятыя прямо изъ своей крѣпостнической практики.

Вятскій Дворянскій Комитетъ находилъ, что права, предоставляемыя помѣщиками крестьянамъ, «должны быть вполнѣ согласованы съ правами государственныхъ, удѣльныхъ и другихъ разныхъ наименованій свободныхъ крестьянъ».

Пермскій Комитетъ составлялъ свой проектъ въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями, исходя изъ «уставовъ сельскаго управленія государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ».

Тульскій Комитетъ, основываясь на томъ, что помѣщичьимъ крестьянамъ предполагается даровать «права податныхъ со-

словій», также призналъ наиболѣе цѣлесообразнымъ «руководствоваться въ своемъ проектѣ учрежденіями государственныхъ имуществъ».

Въ проектѣ семи членовъ *Симбирскаго* Комитета [1]) доказывалось, что вносимый ими проектъ Положенія лишь «упрощаетъ главныя черты существующаго сельскаго управленія у государственныхъ крестьянъ и приближается къ существующему порядку въ *оброчныхъ* имѣніяхъ».

Семь членовъ *Курскаго* Комитета также въ своемъ проектѣ опирались на отношенія, господствовавшія у крѣпостныхъ (оброчныхъ) крестьянъ: «мірское начало, говорилось въ этомъ проектѣ, положенное въ основаніе проекта административной организаціи бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, не есть нововведеніе, оно существуетъ и теперь въ оброчныхъ имѣніяхъ, у оброчныхъ крестьянъ и мѣщанъ».

Калужскій Комитетъ доказывалъ необходимость оставить мірское устройство у освобожденныхъ крестьянъ тѣмъ, что это устройство уже было въ обычаѣ у оброчныхъ крѣпостныхъ: «наши оброчныя имѣнія, въ которыхъ не живутъ помѣщики, управляются, писалъ Комитетъ, издавна сами собой по мѣстнымъ обычаямъ и преданіямъ».

За устройство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на «мірскомъ началѣ» высказывалась и мѣстная администрація.

Вологодскій губернаторъ докладывалъ по начальству, что по его соображеніямъ «основанія устройства управленія срочно-обязанныхъ крестьянъ слѣдовало бы сообразить съ началами сельскаго управленія крестьянъ государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ».

Редакціонныя Комиссіи въ своемъ проектѣ Положенія исходили изъ отправныхъ началъ дворянскихъ Комитетовъ. «Редакціонныя Комиссіи, писало Административное Отдѣленіе, положили въ основаніе общее предположеніе Комитетовъ, чтобы сельское управленіе слагалось изъ мірскаго схода, Сельской Расправы и сельскаго старшины, съ другими должностными лицами».

Редакціонныя Комиссіи признавали эту схему наиболѣе цѣлесообразной, такъ какъ «мірское управленіе, вообще, лежитъ въ нравахъ народа и имѣетъ свое историческое основаніе».

---

[1]) Правительство разрѣшило дворянству представлять проекты и отъ большинства, и отъ меньшинства Комитетовъ.

«Такое управленіе, по мнѣнію Редакціонныхъ Комиссій, не представляетъ для крестьянъ чего-либо новаго; ибо оно всего ближе подходитъ къ существующему устройству въ значительной части помѣщичьихъ имѣній и въ основныхъ чертахъ существуетъ уже довольно продолжительное время по вѣдомству Государственныхъ Имуществъ».

Такимъ образомъ, дворянство и правительство, создавая учрежденія для управленія свободными крестьянами, взяли за основу этихъ учрежденій тѣ самые институты и нормы, которыми регулировалась жизнь казенныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ.

При этомъ нужно замѣтить, что въ дворянскихъ кругахъ прекрасно сознавалось, насколько Положеніе 1838 года сковывало экономическую жизнь и парализовало самодѣятельность государственныхъ крестьянъ. Не было случайностью, что будучи «свободными» и лучше обезпеченными землей, государственные крестьяне по типу жизни мало чѣмъ отличались отъ своихъ крѣпостныхъ собратій.

Задача, формулированная Ростовцевымъ, передать по освобожденіи крестьянъ часть функцій помѣщика міру, опредѣлила права, которыми дворянскіе проекты надѣляли этотъ «міръ» [1]).

Въ проектѣ *Могилевскихъ* дворянъ указывалось, что «домохозяинъ, начальникъ семейства и, наконецъ, вся совокупность крестьянъ, водворенныхъ въ извѣстномъ пространствѣ, должны въ нѣкоторомъ отношеніи замѣнить власть помѣщика».

Меньшинство *Самарскаго* Комитета постановило «всѣ обязанности, лежавшіѣ на помѣщикѣ, по праву владѣнія крѣпостными людьми, переносятся *на самое общество*, которое принимается, какъ отдѣльное юридическое лицо, облеченное самостоятельной властью, надъ членами, его составляющими».

«Міръ» въ районахъ общиннаго землевладѣнія получалъ въ свое вѣдѣніе распредѣленіе земли между отдѣльными дворами и разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ. Къ «міру» переходили помѣщичье право ссылки «порочныхъ» членовъ сельскихъ обществъ въ Сибирь; право суда и тѣлесныхъ наказаній; право сдачи недоимщиковъ въ работы и т. д.

---

[1]) „Власть надъ личностью крестьянина по исполненію или по нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества сосредоточивается въ *міръ* и его избранныхъ"—таково было одно изъ *началъ* которымъ обязаны были руководиться дворянскіе Комитеты.

Словомъ, освобождаемый отъ помѣщика крестьянинъ обезличивался и отдавался во власть «міра», во главѣ котораго всегда стояли «міроѣды».

При обсужденіи вопроса о формѣ землевладѣнія, которую желательно было дворянству видѣть у освобождаемыхъ крестьянъ, большинство дворянскихъ Комитетовъ высказалось за общину [1]).

Въ мотивировкѣ проектовъ статей, касавшихся формъ землевладѣнія у освобождаемыхъ крестьянъ, дворянскіе проекты повторяли ходячіе въ то время аргументы въ защиту общины. Подробно обосновало свой взглядъ на желательную форму крестьянской земельной собственности *Самарское* меньшинство, руководителемъ котораго былъ членъ отъ правительства Ю. Ф. Самаринъ. Доводы проекта Самарскаго меньшинства повторялись въ проектахъ многихъ комитетовъ.

Проектъ Самарскаго меньшинства разрѣшалъ выкупъ надѣловъ у помѣщиковъ (для усадебной земли допускался другой порядокъ) только цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ, съ обязательной круговой отвѣтственностью всѣхъ домохозяевъ.

Сельская община, какъ «единица податная», и круговая порука крестьянъ другъ за друга объявлялись въ этомъ проектѣ единственной надежной и ничѣмъ не замѣнимой гарантіей исправнаго выполненія крестьянами падающихъ на нихъ повинностей.

Общинную форму землевладѣнія этотъ Самарскій проектъ выводилъ изъ круговой поруки. Тамъ, гдѣ существуетъ круговая порука, по мнѣнію Самарскаго меньшинства, было вполнѣ справедливымъ дать обществу возможность «распредѣлять имущество, съ котораго и распредѣляются всѣ повинности (т. е. землю) *пропорціонально рабочимъ силамъ* и потребностямъ каждаго». Выкупъ земли отдѣльными дворами въ частную собственность въ проектѣ Самарскаго меньшинства допускался только «съ согласія вотчинника и мірского общества» [2]).

На поземельной общинѣ и круговой порукѣ дворянство въ большинствѣ проектовъ настаивало какъ на «временныхъ мѣрахъ», долженствовавшихъ существовать до полной уплаты

[1]) Изъ 53 дворянскихъ проектовъ за общину высказалось 30 проектовъ; за участковое владѣніе—16; 4 проекта предоставляли выборъ формы землевладѣнія помѣщику и 3 проекта предоставляли выборъ формы землевладѣнія „міру“.

[2]) Самаринъ. Сочиненія, т. III, стран. 404.

выкупной ссуды. Какая форма замлевладѣнія будетъ у крестьянъ послѣ погашенія выкупного долга и прекращенія всякаго рода обязательствъ по отношенію къ помѣщикамъ, надъ этимъ большинство дворянскихъ Комитстовъ не задумывалось. Поскольку же этотъ вопросъ въ этихъ Комитетахъ ставился, онъ часто рѣшался въ томъ смыслѣ, что какъ только будутъ ликвидированы обязательства крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ или погашенъ выкупной долгъ казнѣ, община должна быть распущена.

Харьковскій дворянскій Комитетъ для «срочно-обязаннаго времени» высказался за обязательное общинное владѣніе, съ правомъ каждаго члена общины выдѣлять свой надѣлъ въ частную собственность, не спрашивая согласія «міра». Но этотъ Комитетъ требовалъ, чтобы по окончаніи выкупа община была уничтожена путемъ передѣла надѣльной земли между членами общества въ частную собственность.

Проектъ трехъ членовъ *Рязанскаго* Комитета также настаивалъ на обязательномъ для крестьянъ общинномъ пользованіи надѣлами только до уплаты слѣдуемой за нихъ капитальной суммы, по окончаніи же выкупа «міру» предоставлялось рѣшить, нужно ли раздѣлить надѣльную землю въ личную собственность домохозяевъ или оставить ее въ общинномъ пользованіи.

Въ проектѣ шести членовъ *Владимірскаго* Комитета было выражено отрицательное отношеніе къ сельско-хозяйственной общинѣ, но признавались выгоды административной общины.

Составлявшіе этотъ проектъ дворяне считали частную собственность на землю въ хозяйственномъ отношеніи болѣе выгодной, чѣмъ общинную собственность. Но они признавали нежелательнымъ «крутой переходъ» отъ земельной общины, существовавшей у крестьянъ при крѣпостномъ правѣ, такъ какъ «община связана съ многими существенными моментами крестьянскаго управленія».

По отношенію къ формамъ крестьянскаго землевладѣнія русская исторія выполнила довольно точно пожеланіе проекта пяти членовъ *Владимірскаго* Комитета. Этотъ проектъ считалъ полезнымъ, въ виду государственнаго значенія общины сохранить ее, по крайней мѣрѣ, на полстолѣтія. «Составители проекта», писали пять членовъ Владимірскаго Комитета, «предоставляютъ усадебную осѣдлость и поземельный надѣлъ въ общинную собственность крестьянъ и, вполнѣ понимая всю важность вопроса

объ общинномъ и личномъ владѣніи, какъ вопроса не частнаго, а общенароднаго и государственнаго, полагаютъ, что, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 50 лѣтъ общинное землевладѣніе должно остаться неприкосновеннымъ».

Нѣкоторые представители провинціальной администраціи также полагали, что сохранять общину нужно только до тѣхъ поръ, пока на землѣ лежитъ выкупной долгъ. *Саратовскій* Губернаторъ считалъ, что послѣ выкупа усадьба и полевыя угодья «должны составлять не общинное владѣніе мірского общества, а личную собственность каждаго отдѣльнаго члена».

Однако, не всѣ Дворянскіе Комитеты высказались за общину. Среди проектовъ, принадлежавшихъ даже дворянству великорусскихъ губерній, были такіе, въ которыхъ защищалась только административная община. Такъ *Воронежскій* Комитетъ былъ противъ поземельной общины, такъ какъ, по словамъ составителей Воронежскаго проекта, «тамъ, гдѣ вводится общинное владѣніе, появляются тунеядцы и міроѣды». «Только то владѣніе даетъ полезное направленіе труду, говорилось въ мотивировкѣ постановленія этого Комитета объ общинѣ,—гдѣ человѣкъ пользуется онымъ отдѣльно и работаетъ на самого себя».

Семь членовъ *Курскаго* Комитета въ своемъ проектѣ отрицали, вообще, существованіе поземельной общины въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Курской губерніи. «Хозяйственной общины, мірского распоряженія крестьянскою землею въ Курской губерніи не существуетъ», утверждали они. Это подтвердилъ и представитель курскаго дворянства въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ (второй призывъ). «Въ моемъ имѣніи, говорилъ онъ, никакого мірского устройства не было, а каждый крестьянинъ бралъ землю только для себя и за себя».

Проектъ пяти членовъ *Симбирскаго* Комитета отвергалъ общину на томъ основаніи, что неразлучная съ общиной круговая порука недѣйствительна, въ качествѣ средства, гарантирующаго исправную уплату выкупного долга. Подворное владѣніе, въ глазахъ авторовъ проекта, могло гораздо полнѣе обезпечить интересы помѣщика. «Установленіе общиннаго владѣнія, писали эти пять членовъ, вытекаетъ изъ фальшиваго убѣжденія, что для помѣщиковъ было бы затруднительно имѣть дѣло съ отдѣльными личностями, и что только круговое ручательство всего общества можетъ спасти ихъ отъ недоимокъ. Но несмотря на всю строгость мѣръ противъ несостоятельнаго

общества, оно не будетъ дѣйствовать. При единоличномъ надѣлѣ каждое семейство отвѣчаетъ только за себя. Такой надѣлъ также важенъ и потому, что онъ облегчаетъ выкупъ».

Рѣшительно противъ общины и круговой поруки высказалась *Кіевская Комиссія*, куда вошли дворяне малороссійскихъ губерній—*Кіевской, Подольской и Волынской*. «Общинный бытъ, тождественный съ передѣлами полей и угодій, и предполагающій порабощеніе личности въ пользу общества, такъ же, какъ круговая порука, вовсе неизвѣстны малороссіянамъ», говорилось въ проектѣ этой Комиссіи.

«И нѣтъ повода ожидать, писала Комиссія, чтобы по упраздненіи крѣпостного права эти несродныя имъ явленія могли развиться». Поэтому Комиссія признала необходимымъ отвести землю въ подворное, а не мірское пользованіе; «предоставить право на землю не міру, а семействамъ, и установить, за отбываніе повинностей, личную отвѣтственность, а не круговую поруку».

Но *Кіевскій* Генералъ-Губернаторъ, Кн. Васильчиковъ, не согласился съ такимъ отношеніемъ дворянства его области къ общинѣ, такъ какъ это шло въ разрѣзъ съ «предначертаніями правительства». Онъ не отрицалъ, что у крестьянъ этихъ губерній не было общины, но это, въ его глазахъ, не служило препятствіемъ къ введенію круговой поруки у этихъ крестьянъ и къ насажденію у нихъ «мірского владѣнія землей».

Въ своемъ заключеніи по поводу этого постановленія Кіевской Комиссіи онъ писалъ: «хотя дѣйствительно общинное владѣніе землей здѣсь неизвѣстно въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, но это не можетъ служить препятствіемъ къ установленію кругового поручительства общества въ исправномъ исполненіи членами его повинностей владѣльцу за пользованіе усадьбами и къ допущенію участія, въ извѣстной степени, міра въ распоряженіе надѣленными крестьянъ угодьями. Сохраняя порядокъ надѣла земельныхъ угодій на каждое хозяйство отдѣльно, вмѣстѣ съ тѣмъ можно установить круговое ручательство міра въ исполненіи повинностей за эти угодья, предоставивъ міру распоряжаться вакантными участками, отдавая ихъ, по усмотрѣнію, другимъ членамъ общества» [1]).

[1]) Скребицкій. Т. 2/1 477. Крестьянское дѣло при Александрѣ II.

III.

Редакціонныя Комиссіи объ общинѣ.

Редакціонныя Комиссіи составляли проектъ Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, послѣ того, какъ въ основу Реформы былъ положенъ выкупъ надѣловъ, съ помощью правительства, которое должно было выступить въ роли банкира-посредника между помѣщиками и крестьянами: уплатить помѣщикамъ деньги за крестьянскіе надѣлы сразу, а затѣмъ уже взыскать выданныя суммы съ крестьянъ въ разсрочку. При такомъ способѣ, въ «гарантіяхъ» уплаты выкупа за надѣлы становилось заинтересованнымъ не дворянство, а правительство. Послѣднему и важно было уяснить, какая именно форма землевладѣнія—общинная или личная—будетъ лучше гарантировать возвращеніе выданныхъ помѣщикамъ суммъ. И потому вопросъ о томъ на какомъ правѣ крестьяне послѣ освобожденія будутъ владѣть землей, по мнѣнію Редакціонныхъ Комиссій, былъ дѣломъ не дворянства, а правительства. Это и было высказано Ростовцевымъ дворянству, при разсмотрѣніи проекта пяти членовъ *Симбирскаго* Комитета.

Какъ было уже указано, въ проектѣ пяти Симбирскихъ членовъ говорилось о ненадежности мірской отвѣтственности за выкупной долгъ, такъ какъ «нельзя продавать землю, отведенную всему міру, и давать право покупщику сгонять съ нея всѣхъ прежнихъ хозяевъ, изъ которыхъ одни, можетъ быть, были совершенно состоятельны и поневолѣ должны отвѣчать за другихъ». Болѣе цѣлесообразнымъ этотъ проектъ признавалъ подворное надѣленіе, такъ какъ «при единоличномъ надѣлѣ многіе крестьяне пожелаютъ выкупить свои участки, и примѣнить къ нимъ кредитъ легко, ибо отчужденіе этихъ участковъ, за неисправный платежъ процентовъ, всегда возможно».

На это разсужденіе пяти членовъ Симбирскаго Комитета Ростовцевъ отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что разъ правительство беретъ *на себя* уплату помѣщикамъ выкупной ссуды, то оно будетъ охранять ту форму крестьянскаго землевладѣнія, ко-

торую оно признаетъ наиболѣе выгодной. «Я замѣчаю одинъ, по моему, недостатокъ въ проектѣ пяти членовъ, именно, что проектъ этотъ желаетъ непремѣнно замѣнить общинное владѣніе землею частнымъ. Вѣроятно, въ частномъ владѣніи землею, при которомъ земля неисправнаго плательщика могла бы быть тотчасъ же продана на удовлетвореніе его долга, проектъ пяти членовъ искалъ себѣ гарантій въ уплатѣ тѣхъ умѣренныхъ повинностей или выкуповъ, которые соотвѣтствуютъ стоимости уступаемой имъ крестьянамъ земли. Но правительство же, имѣя въ виду нерѣшенный еще вопросъ о преимуществахъ того или другого способа владѣнія землей (т. е. общиннаго или частнаго), должно предоставить это дѣло историческому его ходу, а не замѣнять насильственно существующаго въ Россіи способа владѣнія землею другимъ. Впрочемъ, при выкупѣ съ гарантіей правительства, вопросъ объ удержаніи общиннаго владѣнія землею, или замѣны его частнымъ есть вопросъ чисто правительственный, до правъ собственности и до интересовъ помѣщика не относящійся».

При пріемѣ депутатовъ отъ дворянства перваго и второго призывовъ Редакціонныя Комиссіи подробно выясняли основанія выработаннаго ими крестьянскаго Положенія. Дворянскимъ депутатамъ было указано, что проектъ Положенія связываетъ всѣхъ крестьянъ (и съ подворнымъ, и съ общиннымъ землевладѣніемъ) въ мірскія общества и вводитъ вездѣ круговую поруку. Но между общинными и подворными селеніями проектъ устанавливаетъ нѣкоторое различіе въ объемѣ примѣненія круговой поруки. У крестьянъ, съ общиннымъ владѣніемъ, вводилась круговая порука за всякаго рода платежи и повинности; а у крестьянъ съ подворнымъ владѣніемъ— только за отбываніе казенныхъ повинностей [1]).

Проектъ Положенія, выработанный Редакціонными Комиссіями, встрѣтилъ различную оцѣнку у дворянства разныхъ районовъ Россіи. Это сказалось прежде всего на отношеніи къ этому проекту депутатовъ отъ дворянства перваго и второго призывовъ. Депутаты перваго призыва, въ большинствѣ пріѣхали изъ нечерноземныхъ губерній, въ то время какъ въ составѣ депутатовъ второго призыва преобладали помѣщики черноземныхъ губерній.

[1]) Мат. Ред. Ком. Т. I, стран. 250.

Нечерноземная полоса, какъ сказано, давала очень большой процентъ оброчныхъ крѣпостныхъ (болѣе $^2/_3$ крѣпостного населенія), и помѣщики этого района издавна пользовались «мірской» организацией и поземельной общиной, какъ органами управленія крестьянами и «страхованія» платимаго оброка. Помѣщики этой малоплодородной полосы представляли себѣ освобожденіе крестьянъ или, какъ продажу всѣхъ своихъ крестьянъ правительству, или какъ продажу освобождаемымъ крестьянамъ надѣловъ, по оцѣнкѣ, включающей оплату отпускаемыхъ «на волю» душъ. Отпустить крѣпостныхъ даромъ и безъ земли для помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній означало потерять всю сумму оброка и остаться сидѣть на малодоходной землѣ, къ тому же безъ рабочихъ рукъ [1]. Земледѣліе у крестьянъ нечерноземныхъ губерній не было единственнымъ источникомъ добыванія средствъ существованія и помѣщики правильно полагали, что при безземельномъ освобожденіи далеко не всѣ ихъ крестьяне продолжали бы оставаться на мѣстахъ и брать землю у нихъ въ аренду. Промысловый отходъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ былъ великъ и въ крѣпостное время. Для того, чтобы крестьянинъ остался привязаннымъ къ помѣщичьей экономіи, а самъ помѣщикъ имѣлъ бы деньги для веденія хозяйства наемнымъ трудомъ, дворяне нечерноземныхъ губерній настаивали на освобожденіи съ землей. Большинство нечерноземныхъ помѣщиковъ не возражало ни противъ круговой поруки, ни противъ поземельной общины, такъ какъ они понимали, что они безусловно нужны для полученія съ крестьянъ выкупного долга.

Въ черноземныхъ губерніяхъ эксплуатація крѣпостного труда носила, по преимуществу, барщинный характеръ. Немедленное освобожденіе крестьянъ для помѣщиковъ этихъ губерній означало потерю обязательнаго труда, а значитъ—полное разстройство хозяйства и разореніе.

Въ виду этого, помѣщики черноземныхъ губерній были противниками немедленнаго освобожденія крестьянъ и требовали для переустройства своего хозяйства на новыхъ началахъ переходнаго «полукрѣпостническаго» періода, съ вотчинной властью помѣщика надъ крестьянами. Въ то же время помѣщики этого района нерѣдко были сторонниками беззе-

[1]) Журналы Секретнаго и Главнаго Комитетовъ. Т. II. Стран. 114—115.

мельнаго освобожденія крестьянъ, такъ какъ исключительно земледѣльческій характеръ занятій населенія въ этомъ районѣ гарантировалъ имъ и достаточное количество наемныхъ рабочихъ, и постоянный контингентъ съемщиковъ ихъ земли. И то и другое помѣщики получили бы отъ своихъ крѣпостныхъ, которые принуждены были бы, при безземельномъ освобожденіи, искать себѣ земледѣльческихъ заработковъ на мѣстѣ, такъ какъ въ черноземномъ районѣ не было иныхъ заработковъ, кромѣ земледѣльческихъ.

Различіе экономическихъ условій нашихъ нечерноземныхъ и черноземныхъ губерній обусловило различіе занятыхъ позицій дворянствомъ этихъ районовъ въ Крестьянской Реформѣ. Нашъ южный черноземный районъ въ дѣлѣ реформы игралъ въ извѣстномъ смыслѣ ту же роль, которую въ борьбѣ съ рабствомъ въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ игралъ рабовладѣльческій югъ, нечерноземный же районъ—это былъ въ русской исторической обстановкѣ районъ «аболюціонистовъ» Сѣверныхъ Штатовъ С. Америки. Извѣстный въ исторіи Реформы 1861 г. «демократизмъ» депутатовъ перваго призыва, сравнительно съ «консерватизмомъ» депутатовъ второго призыва, отражалъ болѣе «либеральный» характеръ экономики нашихъ нечерноземныхъ промышленныхъ губерній.

Проектъ Редакціонныхъ Комиссій, основанный на освобожденіи крестьянъ съ землею, больше удовлетворилъ помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній, наоборотъ, помѣщикамъ черноземныхъ губерній онъ представлялся и крайне опаснымъ, и крайне вреднымъ для интересовъ дворянства.

Въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ представители дворянства черноземныхъ губерній, вмѣстѣ съ представителями западныхъ губерній, составили большинство среди «депутатовъ второго призыва». Эти депутаты рѣзко напали на проектъ Положенія Редакціонныхъ Комиссій. Однимъ изъ пунктовъ нападенія была, между прочимъ, *поземельная община*.

Аргументація дворянскихъ депутатовъ второго призыва [1]) отчасти развивала тѣ политическія возраженія противъ общины, которыя высказывались кое-гдѣ въ дворянскихъ кругахъ уже въ началѣ сороковыхъ годовъ, и яркимъ выразителемъ которыхъ былъ цитированный выше Меньшиковъ. Главное обви-

[1]) Это были 36 депутатовъ, въ томъ числѣ 9 отъ Западныхъ губерній.

ненie, выдвинутое депутатами по адресу общины, состояло въ томъ, что община вноситъ въ русскую жизнь враждебныя самодержавному строю демократическiя начала, въ противоположность личной собственности, которая вездѣ была и остается залогомъ консервативныхъ началъ. «Устраненiе консервативнаго элемента частной собственности и соединеннаго съ нею умственнаго развитiя», писали эти депутаты, «введетъ въ русскую жизнь такой крайнiй демократическiй принципъ, который несовмѣстимъ съ сильной правительственной властью, и отъ котораго могутъ пострадать общественный порядокъ и спокойствiе въ государствѣ» [1]).

Депутаты негодовали на Редакцiонныя Комиссiи, которыя, отнявъ у помѣщиковъ землю, бросали ихъ самихъ въ гущу «искусственно» сплачиваемаго въ общины крестьянства.

«Редакцiонныя Комиссiи», писали депутаты, «признали нужнымъ лишить помѣщика большей части его поземельной собственности», и въ то же время организуютъ «подъ именемъ сельскихъ обществъ, какъ бы постоянную коалицiю работниковъ и тѣмъ ставятъ самого землевладѣльца въ прямую зависимость отъ прихоти наемщиковъ» [2]). Будетъ вполнѣ естественнымъ, если эти организованные «наемщики» воспользуются своимъ численнымъ превосходствомъ для того, чтобы одолѣть умственный трудъ и капиталъ [3]). По мнѣнiю 36 членовъ второго призыва, община чужда нашему «историческому быту».

«Проектъ организацiи мѣстнаго самоуправленiя исключительно на общинномъ началѣ, съ устраненiемъ отъ всякаго участiя въ дѣлахъ консервативнаго элемента личной собственности, является отвлеченной системой, не принимающей въ расчетъ ни историческаго быта, ни мѣстныхъ условiй».

Это признанiе «коренным» русскимъ дворянствомъ общинно-мiрского начала «продуктомъ отвлеченнаго творчества, не считающагося съ русскими историческими условiями», крайне показательно. Оно несомнѣнно было подсказано всей практикой крѣпостного быта, при которомъ форму землепользованiя крестьянъ опредѣляли не крестьяне, а помѣщики, выбиравшiе для себя ту форму землевладѣнiя, какая давала имъ наибольшiй доходъ.

[1]) Мат. Т. XII, стран. 7.
[2]) Мат. XII, стран. 6.
[3]) Мат. XII, стран. 6.

Особенно интересно, что въ качествѣ неудачнаго, отвлеченнаго законодательнаго творчества, депутаты приводили знаменитый «Киселевскій міръ» [1]) государственныхъ крестьянъ. Депутаты утверждали, что даже помѣщичьи крѣпостные боялись подвергнуться «благоустроенію Киселевскаго міра», осуществлявшаго, по мнѣнію авторовъ Положенія 1838 г., заложенныя въ глубинахъ народнаго духа общинно-уравнительныя начала.

Именно эта боязнь помѣщичьихъ крѣпостныхъ того, что ихъ заставятъ жить по нормамъ «Киселевскаго міра», по словамъ 36 депутатовъ, «содѣйствовала въ послѣдніе два года поддержанію порядка и тишины въ помѣщичьихъ имѣніяхъ».

Помѣщикамъ черноземной Россіи проектъ сословнаго крестьянскаго «самоуправленія», составленный Редакціонными Комиссіями, представлялся «искусственнымъ» насажденіемъ по лицу земли русской какихъ-то «крестьянскихъ республикъ». Депутаты писали, что они «съ трудомъ могутъ представить нынѣшнее крѣпостное народонаселеніе Россіи, распредѣленное на десять тысячъ республикъ, съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи».

Въ своихъ возраженіяхъ на эти обвиненія Редакціонныя Комиссіи развивали тѣ общинно-фильскіе принципы, которыми руководилось правительство въ крестьянской политикѣ крѣпостной и послѣ-крѣпостной эпохи.

Редакціонныя Комиссіи заявляли, что никакихъ «республикъ» онѣ и не думаютъ насаждать. Онѣ соглашались, что въ своемъ проектѣ онѣ дѣйствительно копировали Киселевскій «міръ», т. е. Положеніе 1838 г., давшее прекрасные результаты, для управленія крестьянами. Они указывали, что въ Россіи правительство никогда ни въ чемъ не могло заподозрить сельскія общины и никогда не считало ихъ враждебной для себя «стихіей», и именно потому 25 лѣтъ тому назадъ (1838 г.), въ заботливомъ попеченіи о лучшемъ огражденіи выгодъ и самостоятельной хозяйственной жизни свободныхъ сельскихъ сословій, правительство создало особый порядокъ управленія государственными крестьянами. «И эти управляемые Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, организованные въ общины казенные крестьяне не уступали по преданности Престолу и Пра-

---

[1]) См. выше: Міръ и община у черносошныхъ крестьянъ.

вительству какому-либо сословію въ государствѣ [1]); потому и опасенія, возбужденныя Гг. членами, безъ всякаго сомнѣнія, не заставятъ отступить отъ зрѣло взвѣшенныхъ и неоднократно одобренныхъ правительствомъ началъ».

Указаніе депутатовъ на «отвлеченность» проектируемой системы мірского управленія освобожденными крѣпостными Редакціонныя Комиссіи отвергли ссылкой не только на свободныхъ государственныхъ, но и на крѣпостныхъ, оброчныхъ крестьянъ. Мірское устройство, особенно развитое въ великороссійскихъ губерніяхъ, давало всегда исправныхъ плательщиковъ и было выгодно не только помѣщикамъ и правительству, но и самимъ крестьянамъ, писали Редакціонныя Комиссіи.

Но Редакціонныя Комиссіи соглашались, что въ западныхъ губерніяхъ общинно-мірской строй не имѣетъ распространенія, и отрицательное отношеніе къ нему помѣщиковъ этихъ губерній они считали вполнѣ естественнымъ.

«Возраженіе это, до нѣкоторой степени понятное въ устахъ Гг. членовъ отъ Комитетовъ губерній Западныхъ, гдѣ мірское устройство находилось въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ для успѣшнаго своего развитія, возбуждаетъ одно удивленіе, когда оно предлагается членами отъ Комитетовъ губерній Великороссійскихъ».

«Стоитъ только взглянуть внимательно кругомъ себя, дабы убѣдиться, что, кромѣ всѣхъ свободныхъ сельскихъ и даже отчасти городскихъ сословій, еще 3.000.000 душъ муж. пола, т. е. цѣлая треть крѣпостного сельскаго населенія, состоящая на оброкѣ, пользуется на дѣлѣ полнѣйшимъ осуществленіемъ самаго свободнаго мірского устройства, управляясь сама собой, безъ посторонняго вмѣшательства и съ примѣрною исправностью отправляя всѣ лежащіе на ней платежи и повинности. Устройство это, въ значительной мѣрѣ, содѣйствовало хозяйственному развитію и вещественному благосостоянію тѣхъ

---

[1]) Нужно отмѣтить, что Редакціонныя Комиссіи часто употребляли понятія „міръ“ и „община“ въ одномъ и томъ же смыслѣ. Членъ Редакціонныхъ Комиссій Самаринъ прекрасно выяснилъ, что крѣпкій „міръ“ мыслимъ только при общинномъ владѣніи землей. „Никто не смѣшивалъ хозяйственной общины съ общиной административной, писалъ онъ, точно такъ, какъ никто не смѣшивалъ народа съ государствомъ, но очень многіе теперь уже понимаютъ, что крѣпкая, живая и самородная община предполагаетъ бытовую самородную хозяйственную основу, и что отсутствіе ея не восполняется административными удобствами“.

великороссійскихъ губерній, гдѣ оно наиболѣе распространено и оказалось равно выгоднымъ для правительства, помѣщиковъ и самихъ крестьянъ. Существенный недостатокъ мірского устройства въ оброчныхъ имѣніяхъ состоитъ лишь въ томъ, что, не будучи освящено закономъ, оно подвержено всѣмъ случайностямъ, *связаннымъ съ перемѣною владѣльца*».

Обвиненіе «въ искусственномъ» созданіи демократической и враждебной правительству организаціи крестьянства Редакціонныя Комиссіи отклоняли тѣмъ соображеніемъ, что наше правительство поддерживало еще со временъ Іоанна III мірскую организацію.

Редакціонныя Комиссіи тѣмъ болѣе были поражены этимъ обвиненіемъ, что ни одна изъ теорій происхожденія нашей общины,—«ни теорія, отстаивающая вѣковую древность русской общины, ни тѣмъ менѣе теорія, считавшая общину продуктомъ сравнительно недавняго творчества правительства,—не объявляла её враждебной правительству» [1]).

Указаніе на то, что проектъ Редакціонныхъ Комиссій создаетъ будто бы «враждебныя правительству и дворянству коалиціи рабочихъ», Редакціонныя Комиссіи устраняли ссылкой на то, что именно поземельная община и является вѣрнѣйшимъ оплотомъ противъ развитія пролетаріата и противъ распространенія «разрушительныхъ идей».

Община предохраняетъ Россію отъ разложенія земледѣльческаго населенія, а, слѣдовательно, и отъ утраты его антисоціалистической психологіи, и тѣмъ самымъ является надежной защитой Россіи отъ соціализма и прочной опорой существующаго въ ней порядка.

«Сохраненіе самородной сельской общины тамъ, гдѣ она въ силу народнаго обычая уже нынѣ существуетъ», читаемъ мы въ отвѣтахъ Редакціонныхъ Комиссій, «не только не благопріятствуетъ образованію коалицій въ рабочихъ классахъ и развитію демократическаго разрушительнаго начала, но, напротивъ, укрѣпляетъ самый надежный въ Европѣ, къ сожалѣнію, съ каждымъ днемъ исчезающій, оплотъ противъ него».

[1]) Въ то время въ литературѣ боролись два взгляда на происхожденіе поземельной общины: по одному (съ Бѣляевымъ во главѣ) община считалась древнѣйшимъ русскимъ институтомъ, по другому (во главѣ съ Чичеринымъ) поземельную общину признавали сравнительно позднимъ продуктомъ фискальной политики правительства.

По мнѣнію Редакціонныхъ Комиссій, только лишенный собственности, изолированный и безпомощный въ своемъ одиночествѣ, пролетарій ищетъ опоры въ искусственныхъ союзахъ, которые безполезны русскому крестьянину-общиннику.

«Коалиція работниковъ, коллективная оппозиція противъ капиталистовъ и властей со всѣми ихъ послѣдствіями, все то, чѣмъ господа члены стараются возбудить опасеніе за мирный исходъ крестьянскаго вопроса, развилось въ тѣхъ странахъ, гдѣ давно уже нѣтъ никакихъ слѣдовъ поземельной общины и притомъ почти исключительно въ тѣхъ сословіяхъ, въ которыхъ распущенныя личности, не связанныя никакимъ общимъ поземельнымъ интересомъ и предоставленныя самимъ себѣ, сознали свою единичную слабость и сложились въ искусственные союзы, враждебные правительству, собственности и общественному порядку, какъ, напримѣръ, во Франціи, въ Ирландіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи».

«Въ земледѣльческомъ сословіи, тамъ, гдѣ оно сохранило крѣпкую общинную организацію, антисоціальныя стремленія никогда не находили отголоска. Это сословіе въ критическія минуты всегда служило правительствамъ самою надежною опорою для охраненія общаго порядка и спокойствія» [1]).

Цитированный отвѣтъ 36-ти депутатамъ былъ составленъ Административнымъ Отдѣленіемъ Редакціонныхъ Комиссій. Содержаніе его показываетъ, что отвѣтъ этотъ написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ Самарина: аргументація здѣсь во многомъ повторяетъ выше цитированное возраженіе Самарина послѣдователямъ Меньшикова [2]).

Въ Общемъ присутствіи Редакціонныхъ Комиссій отвѣтъ депутатамъ второго призыва обсуждался подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи гр. Панина. Въ открывшихся по этому поводу преніяхъ ораторами не разъ было подчеркнуто, что поземельная община въ Положеніяхъ о крестьянахъ вводилась, съ одной стороны, какъ гарантія противъ пролетаріата и его коммунистическихъ идеаловъ, съ другой—какъ оплотъ

---

[1]) Изученіе Трудовъ Редакціонныхъ Комиссій позволяютъ установить, что многіе доклады этихъ комиссій написаны Самаринымъ и Черкасскимъ; въ докладахъ можно найти не только мысли, но и цѣлыя фразы изъ ихъ прежнихъ работъ.

[2]) На этотъ консерватизмъ крестьянскихъ массъ разсчитывало правительство и въ 1905 году, при выработкѣ избирательнаго закона въ Государственную Думу. Расчетъ этотъ, какъ извѣстно, оказался ошибочнымъ.

патріархальныхъ отношеній и артельно-іерархическаго начала въ организаціяхъ рабочихъ. Съ возраженіями противъ нѣкоторыхъ положеній доклада выступилъ, между прочимъ, и самъ Предсѣдатель Редакціонныхъ Комиссій.

Когда докладчикъ Гирсъ дошелъ, во время чтенія доклада, до того мѣста отвѣта, гдѣ говорилось, что община охраняетъ землевладѣльца отъ коалиціи рабочихъ, графъ Панинъ выразилъ сомнѣніе въ правильности выводовъ доклада.

«Чтобы порядокъ общиннаго пользованія охранялъ отъ коалицій или стачки работниковъ, это—подъ большимъ сомнѣніемъ. Если образовался бы со временемъ, когда-нибудь, въ большихъ еще размѣрахъ классъ тѣхъ работниковъ, которые живутъ у насъ на фабрикахъ, то я удивляюсь и не понимаю, какъ община крестьянъ въ деревнѣ могла бы тамъ предупредить коалицію работниковъ».

Съ объясненіями гр. Панину выступили кн. Черкасскій и Самаринъ. Они говорили, что здѣсь дѣло идетъ не о непосредственномъ, а косвенномъ вліяніи общины. Во-первыхъ, община съ ея правомъ на землю, явится въ старости матеріальной опорой фабричныхъ рабочихъ, обычно выходцевъ изъ деревни, и потому она будетъ ослаблять у нихъ потребность въ союзахъ; во-вторыхъ, рабочіе-крестьяне будутъ въ городахъ организоваться на началахъ дисциплины крестьянскихъ артелей и тѣмъ будутъ вносить дисциплину въ ряды коренныхъ городскихъ рабочихъ.

Эта часть преній во многомъ предвосхищала дебаты объ общинѣ въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу указа 9 ноября 1906 года:

Кн. Черкасскій. При отсутствіи капиталовъ въ рабочемъ сословіи, само собой, работники принуждаются иногда вступать въ коалиціи, но какъ общинное устройство гораздо болѣе обезпечиваетъ крестьянъ вообще, то они и будутъ предпочитать его коалиціямъ.

Графъ Панинъ. Да, это предохраняетъ отъ бездомности, съ этимъ я согласенъ.

Кн. Черкасскій. Сохраняя связи въ деревняхъ, крестьяне вносятъ полезное іерархическое начало и въ другую среду. На фабрикахъ, гдѣ крестьяне, сейчасъ назначается десятскій, который и смотритъ за рабочими своей деревни. Это артельный порядокъ.

Гр. Панинъ. Нѣтъ сомнѣній, что это полезно. Я только говорю, что само по себѣ общинное устройство не будетъ предупрежденіемъ коалицій въ той степени, въ какой оно выражено у васъ въ соображеніяхъ.

Самаринъ. Мы не то имѣли въ виду, чтобы сохраненіе общиннаго устройства было собственно предупредительной мѣрой противъ стачекъ. Мы разсчитали на большее, что этимъ будетъ поставленъ твердый оплотъ, который не допуститъ вовлечь безъ насилія массу во что-нибудь, вредъ кому-либо наносящее.

Что касается «соціалистичности» общины, то, по словамъ Самарина, «сходство съ коммунизмомъ здѣсь только внѣшнее,— то, что община по-французски называется commune—съ словомъ коммунизмъ здѣсь выходитъ только созвучіе, но въ сущности, изъясняясь по-русски, тутъ полное несходство».

Гр. Панинъ. Правда, многіе думаютъ, что это коммунизмъ, каковъ въ Европѣ. Это преувеличено, оно не имѣетъ основанія [1]).

Въ Журналѣ «Сельское Благоустройство 1858 г.» Самаринъ подробно объяснилъ, насколько наша поземельная община непохожа на европейскій коммунизмъ. По Самарину, коммунизмъ требовалъ дѣлежа продуктовъ труда между трудящимися, чего у насъ нѣтъ въ общинѣ.

«Если бы, писалъ Самаринъ, по-распоряженію мірского общества весь собранный на общественныхъ поляхъ хлѣбъ и все сѣно, убранное на общественныхъ лугахъ, дѣлилось по числу душъ или пропорціонально потребностямъ, то оно дѣйствительно посягало бы на продукты свободнаго труда и лишало бы нѣкоторыхъ хозяевъ заработанныхъ ими цѣнностей, а другимъ давало бы больше, чѣмъ они заработали».

Самаринъ не отрицалъ, что при земельныхъ передѣлахъ происходитъ нѣчто подобное перераспредѣленію собственности, но онъ считалъ, что это всетаки очень далеко отъ коммунизма [2]).

«При передѣлѣ полей случается, что нѣкоторая цѣнность, выработанная трудомъ одного хозяина, достается другому».

---

[1]) Семеновъ, 54—55. Т. III, ч. II.

[2]) Герценъ напротивъ полагалъ неправильно противопоставлять европейскій соціализмъ нашей общинѣ: „Развѣ общинное владѣніе и право на землю не соціализмъ, какъ тамъ себѣ ни голоси славянофильскія кликуши“.

Герценъ. Письма къ путешественнику.

«Такъ, но если вообще всякое пожертвованіе и всякое проявленіе круговой поруки, которою связываются между собою члены какого бы то ни было общества, деревни, сословія, государства, есть коммунизмъ, то мы желали бы знать, какимъ именемъ назвать, напримѣръ, подать, собираемую съ тѣхъ, у кого есть избытокъ, на устройство больницъ, школъ, которыми бы могли пользоваться бѣдные, не платя ничего» [1]).

Среди членовъ Редакціонныхъ Комиссій были и рѣшительные противники общины. Противъ общины рѣзко выступалъ, напримѣръ, *Грабянка*. Онъ утверждалъ, что община, съ ея круговою порукой, вовсе не является выраженіемъ какихъ-то особенностей славянскаго духа, а представляетъ институтъ, созданный крѣпостнымъ правомъ. Онъ рекомендовалъ искать общину не тамъ, гдѣ живутъ славяне, а тамъ, гдѣ царитъ крѣпостное право. «Почему, спрашивалъ онъ, гдѣ крѣпостная зависимость или не существуетъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ, или введена тамъ съ недавнихъ поръ, какъ въ Малороссіи, нѣтъ ни кругового ручательства, ни общиннаго владѣнія?».

«Введеніе круговой отвѣтственности въ хозяйственное устройство, введеніе общиннаго владѣнія могло только явиться тамъ, гдѣ помѣщикъ, пользуясь почти неограниченнымъ правомъ надъ крестьянами, пожелавъ обезпечить слѣдующія ему повинности, поставилъ себѣ главною задачею получить все ему слѣдующее, вовсе не обращая вниманія на печальные результаты, проистекающіе для крестьянъ отъ подобнаго образа дѣйствія».

«Существующая доселѣ круговая порука и общинное владѣніе не могутъ никакъ принимаемы признакомъ народнаго духа, но послѣдствіемъ столь ненавистнаго народу самовластія помѣщика».

Грабянка настаивалъ на томъ, что законы должны содѣйствовать развитію самостоятельности личности, а не убивать эту самостоятельность. «Законъ, говорилъ Грабянка, не долженъ поддерживать учрежденія, которыя убиваютъ личность». Законъ долженъ усиливать личность «увѣренностью, что плоды личныхъ трудовъ останутся неприкосновенною собственностью трудящагося. Эта увѣренность служитъ лучшимъ двигателемъ для развитія народной промышленности, къ которой должно стремиться всякое государство».

[1]) Самаринъ. Т. III, стран. 162.

Противники общины въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ составляли незначительное меньшинство и они не могли пошатнуть общаго убѣжденія въ необходимости оставить общину, по крайней мѣрѣ, до уплаты выкупной ссуды.

IX.

Статья 165 Положенія 1861 г. о «свободномъ» выходѣ изъ общины.

Въ Проектѣ Положенія о крестьянахъ, выработанномъ Редакціонными Комиссіями, огромное большинство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ получало землю на общинномъ правѣ, съ круговой порукой за всѣ платежи. Пребываніе въ общинѣ по проекту Положенія, для каждаго крестьянина было принудительнымъ. Общинникъ могъ сдѣлаться частнымъ собственникомъ на надѣлъ только при двухъ условіяхъ: или при переходѣ всего общества отъ общины къ подворью, или при погашеніи имъ всего выкупного долга, лежавшаго на его участкѣ. Для перехода цѣлаго общества къ подворному владѣнію, по проекту Редакціонныхъ Комиссій, требовалось согласіе двухъ третей домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ [1]).

Переходъ же къ личному владѣнію отдѣльному домохозяину разрѣшался (безъ согласія міра) лишь при досрочной уплатѣ выкупного долга. Въ Положеніи 1861 года такой выходъ нормированъ былъ статьей 165-й. Эта статья сдѣлалась исторической: около нея шла кипучая борьба противниковъ и сторонниковъ общины въ теченіе полстолѣтія: послѣдніе дебаты о ней происходили въ 1910 году въ Государственномъ Совѣтѣ, въ связи съ Столыпинскимъ указомъ 9 ноября 1906 года о правѣ крестьянъ выходить изъ общины безъ согласія „міра".

Въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ пришли къ этой статьѣ при опредѣленіи объема имущественныхъ правъ освобождаемыхъ крестьянъ.

---

[1]) Вошло въ Положеніе 1861 г., ст. 115 Мѣстн. Положенія и ст. 54 Общаго Положенія.

Крѣпостные крестьяне не имѣли права покупать землю. Теперь, когда крестьяне дѣлались свободными, за ними было признано право покупать землю какъ цѣлыми обществами, такъ и отдѣльными лицами. При общественныхъ покупкахъ права общества, купившаго землю и права отдѣльныхъ входящихъ въ это общество домохозяевъ на эту землю, Юридическое Отдѣленіе Редакціонныхъ Комиссій проектировало разграничить такими нормами:

Проектъ ст. 3. «Сельскому обществу предоставляется распоряжаться принадлежащими ему въ собственность землями, по своему усмотрѣнію. Оно можетъ раздѣлить эти земли между домохозяевами, составляющими общество, предоставивъ каждому участокъ въ полную собственность, или сохранить земли въ общемъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ. Право на участіе въ общемъ владѣніи собственностью, пріобрѣтенною обществомъ, отдѣльный членъ общества можетъ уступить постороннему лицу, съ согласія общества».

Проектъ ст. 4. «Каждому члену сельскаго общества предоставляется право требовать выдѣла своей части изъ общаго владѣнія собственностью, пріобрѣтенною обществомъ; если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить своего члена, желающаго выдѣлиться, денежнымъ вознагражденіемъ по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ. Разборъ возникшихъ по сему предмету споровъ предоставляется крестьянскимъ судамъ».

Въ этихъ статьяхъ Юридическое Отдѣленіе говорило о выкупкѣ крестьянами земли въ общей формѣ, не раздѣляя земель, выкупленныхъ у помѣщиковъ съ помощью государства (надѣльная земля), отъ земель, купленныхъ безъ помощи государства.

Въ Общемъ Собраніи Редакціонныхъ Комиссій оспаривалась возможность примѣненія ст. 4-й къ надѣльной землѣ, въ виду вреднаго вліянія, какое она могла оказать на общину.

Въ дебатахъ по этому поводу во второмъ періодѣ занятій Редакціонныхъ Комиссій («вторымъ періодомъ» называлось обсужденіе проекта Редакціонными Комиссіями съ депутатами) членъ Редакціонной Комиссіи Николай Семеновъ доказывалъ, что эта статья поведетъ къ распаденію общины, если она будетъ примѣнена къ надѣльнымъ землямъ. «Если многіе, одинъ за другимъ, пріобрѣтутъ участки въ собственность и поже-

лають отдѣлиться отъ общины, говорилъ онъ, чему при такомъ положеніи дѣла не можетъ быть поставлено препятствій, то кто же останется въ общинѣ? Общинный надѣлъ уже не сохранится въ своемъ объемѣ, чѣмъ же онъ будетъ держаться? А потому, такъ или иначе, приведенная статья 4 ведетъ за собой неминуемое и, можетъ быть, скорое распаденіе общины» [1]).

Въ августѣ 1860 г. Редакціонная Комиссія вернулась къ тому вопросу о примѣнимости 4-й статьи къ надѣльнымъ землямъ (въ такъ называемомъ «третьемъ періодѣ» своихъ занятій, послѣ обсужденія проекта Ред. Комиссій съ депутатами второго призыва) [2]).

На этотъ разъ пренія, въ которыхъ принялъ участіе Председатель Редакціонныхъ Комиссій, Гр. Панинъ, затянулись на два засѣданія.

Когда была прочитана цитированная выше статья 4-я, графъ Панинъ, который впервые присутствовалъ при обсужденіи этого вопроса, сдѣлалъ такое заявленіе:

«Странное постановленіе. Большинство на сходѣ возстанетъ противъ выдѣла изъ общиннаго владѣнія, и какъ это будетъ на практикѣ. Мнѣ кажется, тутъ необходимы двѣ оговорки: первое, чтобы имѣлось удостовѣреніе, что выдѣлъ участка возможенъ, и второе, чтобы крестьянинъ, требующій выдѣла, былъ одобрительнаго поведенія, иначе это превратится въ спекуляцію».

Членъ Редакціонныхъ Комиссій Николай Семеновъ вновь выступилъ съ возраженіями противъ примѣненія этой статьи къ надѣльнымъ землямъ. Онъ говорилъ, что «міръ», за которымъ крестьяне признаютъ верховенство въ рѣшеніяхъ, не можетъ допустить выдѣла участка, такъ какъ въ общинѣ у крестьянъ цѣльныхъ участковъ нѣтъ, а весь надѣлъ разбитъ на отдѣльныя полосы, разбросаныя въ разныхъ частяхъ крестьянской дачи: при такихъ условіяхъ выдѣлъ участка въ натурѣ невозможенъ; для выдѣла одного надо будетъ каждый разъ разстраивать все общинное владѣніе и хозяйство».

Удивленный противорѣчіемъ между содержаніемъ рѣчей въ защиту общины, раздававшимися въ засѣданіяхъ Редакціонныхъ

---

[1]) Н. Семеновъ. Т. II, стран. 381—382.
[2]) Засѣданіе 14 августа, стран. 12.

Комиссій, и предложеніемъ Юридическаго Отдѣленія допустить выходъ изъ общины безъ согласія общества, графъ Панинъ замѣтилъ: «*Я* не знаю, въ какой степени это ваше положеніе соотвѣтствуетъ общей вашей мысли—сохранить общину».

На это Милютинъ, Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, защищавшій общину, какъ «гарантію» возврата выкупного долга, отвѣтилъ: «мы и не стремимся къ этому».

Членъ Редакціонныхъ Комиссій, кн. Черкасскій, сказалъ, что разсматриваемая статья 4-я должна относиться не къ надѣльнымъ землямъ, а только къ купчимъ землямъ.

«Иногда крестьяне получаютъ землю помимо надѣла. Это роскошь. Почему же не дозволить имъ выдѣла въ томъ случаѣ, когда они вздумали бы напримѣръ, купить обществомъ на сторонѣ, сосѣднюю, прилегающую къ нимъ землю или угодья, напримѣръ, сады и потомъ подѣлить ихъ между собою».

На это графъ Панинъ возразилъ: «тому что Вы говорите Ваше постановленіе не соотвѣтствуетъ».

Въ дѣйствительности, толкованіе, данное кн. Черкасскимъ, противорѣчило общей мотивировкѣ этой статьи въ докладѣ Юридическаго Отдѣленія. Тамъ говорилось вообще о земляхъ пріобрѣтаемыхъ въ собственность, безъ дѣленія ихъ на надѣльныя и купчія.

«По мнѣнію Отдѣленія говорилось въ докладѣ, не слѣдуетъ препятствовать переходу земель, окончательно пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность изъ общиннаго владѣнія въ личное владѣніе. Если способъ общиннаго владѣнія крестьяне признаютъ для себя выгоднымъ, то надлежитъ ихъ оставлять при такомъ порядкѣ владѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не должно искусственнымъ покровительствомъ системѣ общиннаго владѣнія преграждать крестьянамъ путь къ общему и отдѣльному выходу изъ общиннаго порядка. Въ томъ и въ другомъ случаѣ всякое принудительное распоряженіе, напримѣръ, подчиненіе выдѣла согласію опредѣленнаго числа домохозяевъ и проч., было бы мѣрою стѣснительною и несправедливою. Личный интересъ членовъ общества лучшій и безошибочный судья въ этомъ дѣлѣ».

Какъ видно изъ этихъ словъ постановка вопроса здѣсь была чисто принципіальная: «не слѣдуетъ препятствовать переходу земель въ личное владѣніе»; «подчиненіе выдѣла согла-

сію опредѣленнаго числа домохозяевъ было бы мѣрою стѣснительною и несправедливою», и наконецъ, «личный интересъ членовъ общества лучшій судья въ этомъ дѣлѣ», говорило Юридическое Отдѣленіе.

Послѣ этихъ преній цитированная выше ст. 4 доклада Юридическаго Отдѣленія была формулирована такъ: «Каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ *навсегда* въ частную собственность участокъ, соразмѣрно съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли. Если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, денежнымъ вознагражденіемъ по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ».

Измѣненіе редакціи заключалось въ томъ, что требованіе выдѣла «своей части» было замѣнено требованіемъ выдѣла «участка, соразмѣрно съ долею участія въ пріобрѣтеніи земли».

Новая редакція вызвала новыя пренія принципіальнаго характера, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что статья эта, по мысли большинства членовъ Редакціонныхъ Комиссій, относилась и къ выкупаемой надѣльной землѣ.

Защитники общины боролись всѣми силами противъ этой статьи. Самаринъ заявилъ, что эта статья «подрываетъ общину въ основаніи». Николай Семеновъ говорилъ, что статья эта «ломаетъ бытъ», а «ломать бытъ народа — не государственная мѣра», что она навязываетъ чуждыя Россіи «формы быта, заимствованныя у Западной Европы», такъ какъ ея практика приведетъ къ тому, что община распадается. «Въ общинѣ составляющія ее, напримѣръ, нѣсколько сотъ душъ замѣнятся, можетъ быть, пятью, шестью владѣльцами кулаками, которые сдѣлаются маленькими помѣщиками».

Членъ Редакціонныхъ Комиссій Петръ Семеновъ высказывалъ опасенія за судьбу *всего земельнаго фонда* крестьянъ: «Когда на крестьянскомъ надѣлѣ выкупной долгъ уже будетъ не великъ», говорилъ онъ, «найдется много охотниковъ скупать отдѣльные крестьянскіе надѣлы, при посредствѣ выдѣленія участковъ въ частную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, которымъ не возбраняется продавать выдѣленные участки кому угодно».

Такія пренія возникли именно потому, что разсматриваемая статья должна была относиться не только къ купчимъ землямъ. Покупки земли крестьянами не могли принять большого размѣра,—это была въ крестьянскомъ быту «роскошь», какъ говорилъ кн. Черкасскій. Корень вопроса здѣсь былъ въ надѣльныхъ земляхъ.

Николай Семеновъ въ протокольныхъ записяхъ преній Редакціонныхъ Комиссій говоритъ именно о примѣненіи этой статьи къ надѣльнымъ землямъ: «Доводы защитниковъ предлагаемой Юридическимъ Отдѣленіемъ статьи, основывались, главнымъ образомъ на томъ, что освобождая крестьянъ изъ крѣпостной зависимости *отъ помѣщиковъ*, нельзя было создать для нихъ новую крѣпостную зависимость отъ «міра» и общины, что посреди мелкой поземельной собственности, которую создастъ новое Положеніе для крестьянъ при свободѣ труда, слѣдуетъ вызывать и поощрять развитіе фермерскаго хозяйства условія котораго требуютъ выдѣленія надѣловъ *лучшими и зажиточнѣйшими хозяевами* въ отдѣльные и неподлежащіе передѣлу участки, на которые и будутъ переселяться домохозяева, ихъ пріобрѣвшіе, въ полную собственность».

Статья 4-я была принята, по словамъ протокола Семенова, «подавляющимъ большинствомъ голосовъ» и въ послѣдней редакціи, какъ статья относящаяся къ надѣльнымъ и ненадѣльнымъ землямъ вошла въ Положеніе 1861 г. (въ Отдѣлъ Общее Положеніе, 2 глава о правахъ крестьянъ по имуществу, статья 36) [1]).

Кромѣ того эта же статья, неизмѣненная по существу, но уже въ иной редакціи, была внесена Финансовой Комиссіей въ Отдѣлъ проекта «Положенія о выкупѣ».

Одобренная Редакціонными Комиссіями статья эта была принята Главнымъ Комитетомъ и затѣмъ утверждена Госу-

[1]) Цитированный же выше проектъ ст. 3 въ Положеніи 1861 г. составилъ 34 ст. Общаго Положенія, съ характерной оговоркой, что она относится какъ къ движимостямъ, такъ и недвижимостямъ, но помимо надѣла. Вотъ эта статья: „Сельское общество можетъ также на основаніи общихъ законовъ, пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества.

„Землями, пріобрѣтенными въ собственность, помимо своего надѣла, общество можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, раздѣлять ихъ между домохозяевами и предоставлять каждому участокъ въ частную собственность, или оставлять сіи земли въ общемъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ“.

дарственнымъ Совѣтомъ. Въ «Положеніи о выкупѣ» это и была знаменитая 165 статья Положенія 1861 г., разрѣшавшая выходъ изъ общины, безъ согласія общества, при единовременномъ досрочномъ взносѣ, всего лежащаго на участкѣ выкупного долга. Текстъ ея гласилъ:

«До уплаты выкупной ссуды, выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ хозяевамъ, изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія общества.

«Но, если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ Уѣздное Казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ, по возможности, къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самаго общества, а впредь до выдѣла, крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частію земли въ составѣ мірского надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей» [1]).

Статья 165 относилась только къ надѣльной землѣ и имѣла силу только для выкупного періода. Каждый домохозяинъ, пожелавшій воспользоваться этой статьей, послѣ взноса выкупной суммы, лежащей на участкѣ, находящемся въ его фактическомъ пользованіи (по послѣднему передѣлу), имѣлъ право, безъ согласія общества, закрѣпить за собой этотъ участокъ. Право выхода изъ общины, безъ согласія общества, продержалось послѣ Реформы недолго: оно показалось дворянству опаснымъ и въ 1893 г. 2-я часть 165 ст. была отмѣнена (Часть, говорящая о выходѣ изъ общины при досрочномъ выкупѣ).

Въ литературѣ по крестьянскому вопросу пореформенной эпохи долгое время была очень популярна тема о противорѣчіи 2-й части статьи 165, разрѣшавшей выходъ изъ общины безъ согласія «міра» «*общему духу*» Положенія 1861 г.

Если Редакціонныя Комиссіи стремились съ такой настойчивостью сохранить общину «въ интересахъ крестьянъ» (какъ говорилъ Самаринъ), то какъ они могли вставить въ Положеніе статью, неминуемо разлагавшую общину? Съ другой стороны, если Редакціонныя Комиссіи отстаивали «міръ» и общину въ интересахъ дворянъ, какъ средство извлеченія изъ крестьянскихъ массъ доходовъ и какъ аппаратъ управленія,

[1]) Положеніе о выкупѣ. Изд. 1861 г. ст. 165.

то какъ оно могло вносить статью, подтачивающую «мірское начало» въ его главной опорѣ — въ мірскомъ владѣніи землею.

Что касается «духа Положенія 1861 г.», то этотъ «духъ» опредѣлился стремленіемъ дворянства и правительства, въ вынужденной Реформѣ, защитить, съ возможною полнотою экономическіе и правовые интересы дворянства. Даже наиболѣе передовые дворяне свою роль въ дѣлѣ Крестьянской Реформы понимали въ смыслѣ защиты «справедливыхъ» дворянскихъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи очень характерны извѣстныя слова дѣятеля Реформы Унковскаго, что «альтруистомъ» въ Крестьянской Реформѣ онъ не былъ, «да и не могъ быть по своему положенію». Что же касается «разложенія общины», то обстановленный обязательной досрочной уплатой выкупного долга выходъ изъ общины не могъ принять «опасныхъ» размѣровъ, что, конечно, и имѣли въ виду Редакціонныя Комиссіи, вводя эту статью.

Положеніе 1861 г. оставляло общину, какъ общій случай, выходъ же изъ общины, безъ согласія общества какъ исключеніе, не могущее нарушить общаго строя крестьянской жизни. Такія исключенія нѣкоторыми помѣщиками считались допустимыми въ самый разгаръ крѣпостного права, даже по отношенію къ выходу изъ крѣпостного состоянія *безъ согласія помѣщика.*

Въ 1816 г. гр. Киселевъ подалъ Александру I Записку «О постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи». Въ этой Запискѣ Киселевъ, въ числѣ переходныхъ мѣръ къ ликвидаціи крѣпостного права, предлагалъ правительству установить извѣстную выкупную цѣну, «сколько можно для дворянъ выгодную» и разрѣшить крестьянамъ (но не дворовымъ) выходить на волю «безъ согласія помѣщика» послѣ взноса этого выкупа. Черезъ 40 лѣтъ послѣ гр. Киселева, въ 1856 г., кн. Черкасскій подалъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Записку по тому же вопросу подъ названіемъ: «О лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія». Въ своей Запискѣ кн. Черкасскій исходилъ изъ безспорнаго, въ его глазахъ, положенія, что Россія не созрѣла еще для немедленнаго радикальнаго преобразованія крѣпостного состоянія. (это наканунѣ Крестьянской Реформы!), и что крѣпостное право для «части крестьянъ» было еще «благотворно».

«Мы осмѣлимся выразить то искреннее убѣжденіе, писалъ Черкасскій, что въ настоящее время, при настоящей, къ сожалѣнію, вообще еще низкой степени развитія у насъ большинства народнаго, при искусственномъ вѣковомъ развращеніи его самымъ учрежденіемъ крѣпостного права, послѣднее являетъ весьма неравномѣрное и неоднообразное дѣйствіе на отдѣльныхъ членовъ народа».

«Будучи въ вещественномъ, и притомъ въ одномъ только вещественномъ, отношеніи учрежденіемъ отчасти *благотворнымъ* для крестьянина необразованнаго, развратнаго и облѣнившагося, оно падаетъ бременемъ невыносимымъ на каждаго, кто сохранилъ и развилъ въ себѣ искру свѣта Божьяго, кто хотя нѣсколько воспитался духовно, кто трудомъ своимъ умѣлъ пріобрѣсти себѣ капиталъ и ощутилъ уже потребность и нужду въ обезпеченіи противъ слѣпого произвола безотвѣтственной власти господина или прикащика его» [1].

Этимъ-то крѣпостнымъ, «развивавшимъ въ себѣ искру Божью», кн. Черкасскій и считалъ возможнымъ разрѣшить выходъ изъ крѣпостного права «безъ согласія помѣщика».

Способъ выпуска на волю этихъ крестьянъ Черкасскій бралъ у Киселева. По его проекту, законъ долженъ установить извѣстный предѣлъ цѣнъ, выше которыхъ помѣщикъ не имѣлъ бы права требовать съ крестьянина своего за отпускъ его на «волю». И какъ только крестьянинъ внесетъ такой выкупъ, онъ долженъ былъ считаться свободнымъ.

Редакція этого проекта кн. Черкасскаго о выходѣ изъ-подъ власти помѣщика и редакція ст. 165, трактующей о выходѣ изъ-подъ власти «міра», во многихъ пунктахъ сходны между собою. Въ своей Запискѣ 1856 года кн. Черкасскій говорилъ:

«Крестьянинъ, желающій откупиться на волю, долженъ при прошеніи о томъ представить въ мѣстный уѣздный судъ слѣдующія съ него деньги и немедленно послѣ того ставится закономъ подъ покровительство стряпчаго», т. е. выходитъ изъ-подъ власти помѣщика.

Въ ст. 165 говорится, если крестьянинъ внесетъ въ уѣздное казначейство выкупную ссуду, то общество обязывается выпустить его изъ общины.

[1]) Матеріалы для біографіи Черкасскаго. Т. I. Приложеніе, стран. 17.

Ходъ мыслей Черкасскаго [1]) въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ, гдѣ онъ защищалъ 165 ст. оставался, тѣмъ же, что и въ его «Запискѣ» 1856 года. Разъ власть «міра» замѣняла власть помѣщика, то и способы освобожденія изъ-подъ власти «міра» должны были быть тѣ же, что и способы выхода изъ-подъ власти помѣщика. Дореформенный «мужикъ» долженъ былъ откупаться отъ барина, пореформенный—отъ «міра». И въ томъ и въ другомъ случаѣ откупаться могли только тѣ, кто умѣлъ пріобрѣсти себѣ «капиталъ», т. е. нарождавшаяся деревенская буржуазія, держать которую въ общинѣ и Редакціонныя Комиссіи, и Главный Комитетъ считали излишнимъ [2]).

Нужно замѣтить, что самые ревностные защитники общины въ литературѣ и въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ признавали желательнымъ, чтобы рядомъ съ общиной существовала и частная собственность на землю.

Соловьевъ, впослѣдствіи членъ Редакціонныхъ Комиссій, въ 1858 году писалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», что при освобожденіи крестьянъ необходимо «отвести большее или меньшее количество земли сначала въ общественное пользованіе, впослѣдствіи или въ то же время, предоставить крестьянину пріобрѣтать слѣдующую ему часть въ общинной землѣ въ собственность, съ отводомъ къ одному мѣсту» [3]).

Хотя высокая оцѣнка земельныхъ надѣловъ, установленная Положеніемъ 1861 года, и исключала возможность того, чтобы 165 статьей, въ особености въ началѣ выкупного періода, могло воспользоваться значительное число домохозяевъ, однако у статьи этой оказалось много противниковъ.

Противъ нея возстали по политическимъ мотивамъ всѣ тѣ кто связывалъ съ общиной осуществленіе своихъ *политическихъ*—реакціонныхъ или прогрессивныхъ плановъ.

По мнѣнію реакціонеровъ, выходы крестьянъ изъ-подъ власти «міра» подорвутъ патріархальный строй деревни и деморализуютъ крестьянство.

---

[1]) Николай Семеновъ сообщаетъ, что въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ главными защитниками выхода изъ общины безъ согласія „міра" были: Черкасскій, Соловьевъ, Жуковскій, Любощинскій, Домонтовичъ и Арапетовъ.

[2]) И Редакціонныя Комиссіи, и Главный Комитетъ были противъ того, чтобы держать въ общинѣ „лучшихъ" и „зажиточнѣйшихъ хозяевъ".

[2]) Соловьевъ. Крест. Дѣло въ 1858 году. Русская Старина, 1881 г.

Выдѣлы изъ общины разовьютъ въ деревнѣ частную собственность, «индивидуализмъ» и разрушатъ основу коммунистической психологіи русскаго крестьянина, говорили прогрессивные сторонники общины.

Въ результатѣ—въ 1893 г., какъ сказано, статья 165 была измѣнена.

X.

Земельные передѣлы въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ.

Вопросъ объ общинѣ поднялъ другой вопросъ—о земельныхъ передѣлахъ.

Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, съ «мірскимъ» пользованіемъ землей, помѣщики, а отчасти и сами крестьяне, какъ мы указывали, далеко не всегда были защитниками земельныхъ передѣловъ.

Нѣкоторые сторонники общины изъ помѣщиковъ находили, что земельные передѣлы вовсе и не составляютъ необходимаго признака общиннаго землевладѣнія.

Даже Кошелевъ, который видѣлъ въ русской общинѣ «осуществленіе европейской коммунической мечты», въ спорѣ съ Самаринымъ утверждалъ что «наслѣдственное пользованіе въ будущемъ явится необходимой формой владѣнія общинной землей».—«Этимъ однимъ, говорилъ онъ, можно устранить тѣ «неудобства», на которыя вы указали съ такимъ краснорѣчіемъ, что вами восхищаются наши противники», посылалъ онъ укоръ Самарину, намекая на его статью, гдѣ тотъ говорилъ о вредѣ частыхъ земельныхъ передѣловъ [1]), и тѣмъ «подавалъ руку» противникамъ общины.

А. И. Кошелевъ не замѣчалъ противорѣчія, въ которое онъ впадалъ: «мечты» Западной Европы—«право на средства труда»—

[1]) Ю. Ф. Самаринъ писалъ Кошелеву: 27 сентября 1858 г. „Допустивши возможность прекращенія передѣловъ, Вы отреклись отъ общиннаго владѣнія и пожертвовали имъ“.

Кошелевъ возражалъ на это 12 октября 1858 г.

„Не понимая, почему Вы думаете, что передѣлы составляютъ *существенную часть* общиннаго владѣнія и что оно не можетъ существовать съ наслѣдствен-

земледѣлецъ могъ осуществить только при наличности періодическихъ земельныхъ передѣловъ, предоставляющихъ землю всѣмъ новымъ членамъ общины. Гдѣ этихъ передѣловъ не было, тамъ не было и «права на землю».

Самаринъ отмѣтилъ это противорѣчіе Кошелеву. «Допустивши возможность прекращенія передѣловъ, писалъ ему Самаринъ, Вы со ipso отреклись отъ общиннаго владѣнія, пожертвовали имъ» [1]).

Но сами защитники земельныхъ передѣловъ, для того, чтобы парализовать вредное вліяніе передѣловъ на сельское хозяйство считали необходимымъ установленіе болѣе или менѣе значительныхъ сроковъ между земельными передѣлами.

Славянофилъ Хомяковъ считая, что передѣлы тормозятъ развитію земледѣлія, допускалъ возможность при «дальнѣйшемъ развитіи общины» (!) увеличенія сроковъ передѣловъ даже до 30-ти лѣтъ.

«Если 25-лѣтнее фермерство (сроки часто гораздо короче) благопріятствуетъ землепашеству, писалъ онъ въ 1849 году, отчего 25-лѣтнее владѣніе общинныхъ земель должно быть ему гибельнымъ. А сроки нераздѣльнаго владѣнія бываютъ часто гораздо продолжительнѣе, часто отъ дѣда переходитъ участокъ къ внуку и даже далѣе. Вѣроятно, при полнѣйшемъ развитіи общины, 20-ти или 30-ти-лѣтнее владѣніе будетъ поставлено условіемъ общимъ и кореннымъ, и тогда главное затрудненіе будетъ устранено» [2]).

Отрицательное отношеніе къ передѣламъ отразилось и на правительственной программѣ, посланной Дворянскимъ Комитетамъ для составленія проектовъ Положеній. Въ программѣ было указано на нежелательность допущенія у крестьянъ *частыхъ* земельныхъ передѣловъ.

Это указаніе правительства шло навстрѣчу желаніямъ дворянства на мѣстахъ и потому въ проектахъ Комитетовъ, даже

нымъ пользованіемъ. Это мое мнѣніе не есть догадка, предположеніе, а фактъ: усадьба находится не въ общинномъ владѣніи, а въ наслѣдственномъ пользованіи; то же должно сказать и о коноплянникахъ во многихъ имѣніяхъ и хорошихъ полевыхъ земляхъ, которыя также въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ не подлежатъ передѣлу. Вотъ, дражайшій Юрій Федоровичъ, наслѣдственное пользованіе есть въ будущемъ необходимая форма владѣнія *общинной землей*".

[1]) Матеріалы для біографіи Черкасскаго I. стран. 118.

[2]) Хомяковъ. Соч. III; 460.

вно стоявшихъ на сторонѣ общиннаго владѣнія, право крестьянскихъ обществъ производить земельные передѣлы было обставлено разнаго рода ограниченіями. Съ передѣлами приходилось мириться, какъ съ присущимъ общинному землевладѣнію «неудобствомъ», писали 5 членовъ Владимірскаго Комитета въ своемъ проектѣ.

Многіе проекты допускали передѣлы только въ «случаяхъ крайней необходимости». Эта формула была прямо взята изъ законодательства о государственныхъ крестьянахъ. (Положеніе 1838 г.).

Дворянскіе Комитеты въ своихъ проектахъ разрѣшали передѣлы при переходѣ къ лучшей системѣ хозяйства; при убыли населенія, уменьшающей число тяголъ на $^1/_3$—$^1/_4$; или наоборотъ,—при увеличеніи числа тяголъ на $^1/_4$.

Въ проектѣ Тульскаго меньшинства передѣлы запрещались даже послѣ ревизій. Не допускались передѣлы въ проектѣ Нижегородскаго «меньшинства» и въ проектѣ Симбирскихъ двухъ членовъ (хотя два послѣднихъ проекта высказались за общинное владѣніе).

Постановленіе Тульскаго «меньшинства» отразило отношеніе къ передѣламъ кн. Черкасскаго, стоявшаго во главѣ этого меньшинства. Приблизительно въ то время, когда дворянскіе комитеты собрались для обсужденія проектовъ Положеній, Черкасскій писалъ: «Сроки для передѣловъ мірскихъ земель должны, конечно, въ каждой мѣстности быть соображены съ нынѣ существующими мѣстными обычаями. Эти обычаи часто весьма разнообразны не только въ одной губерніи, но и въ одномъ и томъ же уѣздѣ. Но само собой разумѣется, что Комитеты должны бы для каждой мѣстности избрать изъ всѣхъ нынѣ существующихъ сроковъ передѣла *самый продолжительный*, какъ наиболѣе соотвѣтствующій истиннымъ выгодамъ и земледѣлія, и добраго хозяйства» [2]).

Для производства передѣловъ Дворянскіе Комитеты въ своихъ проектахъ чаще всего требовали отъ сходовъ согласія большинства въ $^2/_3$ голосовъ.

Въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ также преобладало мнѣніе, что земельные передѣлы не только не составляютъ необходи-

[1]) Курскіе 7 членовъ, меньшинство Орловское, Олонецкій комитетъ.
[2]) Матеріалы для біографіи Черкасскаго. Стран. 78. Т. I/I.

маго элемента общиннаго владѣнія, но сами по себѣ вредны и потому считалось необходимымъ ограничить закономъ права крестьянскаго «міра» въ этой области.

Въ докладѣ по поводу земельныхъ передѣловъ, одобренномъ Общимъ Собраніемъ Редакціонныхъ Комиссій, говорилось, что «община можетъ существовать, и во множествѣ мѣстностей дѣйствительно существуетъ, безъ періодическихъ передѣловъ земли. Передѣлы представляются въ общинномъ быту лишь второстепеннымъ явленіемъ, одной изъ первыхъ ступеней въ развитіи этого учрежденія, формою, постепенно отпадающей по мѣрѣ сгущенія народонаселенія, возвышенія земельной цѣнности или приложенія къ почвѣ труда болѣе упорнаго». Какъ видимъ, и въ этой аргументаціи цѣликомъ повторялись тѣ мысли, которыя развивали Черкасскій и Самаринъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ.

Редакціонныя Комиссіи считали далѣе, что эпоха земельныхъ передѣловъ уже прошла, такъ какъ теперь земля требуетъ большаго труда и внимательнаго къ себѣ отношенія. «Передѣлы обусловливаются отсутствіемъ привычки или нужды въ тщательной обработкѣ земли и естественнымъ плодородіемъ почвы, или вовсе не требующей удобренія, или при самомъ маломъ удобреніи производящей хорошіе урожаи».

Докладъ Редакціонныхъ Комиссій ссылался на тотъ фактъ, что помѣщики еще въ крѣпостную эпоху начали борьбу съ передѣлами и что въ этой борьбѣ находили поддержку у «лучшихъ крестьянъ».

«Къ постепенному искорененію этого обычая не только постоянно клонились заботы помѣщиковъ, но стремились лучшіе и трудолюбивѣйшіе изъ крестьянъ, усматривающіе въ каждомъ передѣлѣ неминуемые и ничѣмъ не вознаграждаемые для себѣ убытки»,—писали Редакціонныя Комиссіи.

Редакціонныя Комиссій указывали далѣе на «несомнѣнное отвращеніе всей литературы къ системѣ земельныхъ передѣловъ и на явное нерасположеніе къ ней Губернскихъ Комитетовъ, изъ числа которыхъ только очень немногіе выразились въ ея пользу».

Не рѣшаясь совсѣмъ уничтожить передѣлы, Редакціонныя Комиссіи затруднили ихъ, ограничивъ «въ этомъ дѣлѣ произволъ численно превосходной толпы требованіемъ весьма

значительнаго большинства для разрѣшенія всякаго новаго передѣла земель».

Это большинство въ первоначальномъ проектѣ Редакціонныя Комиссіи опредѣлили въ $^9/_{10}$ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, впослѣдствіи это большинство было понижено до $^2/_3$ [1]. (Ст. 54 Общ. Пол. 1861 г.).

Характерно, что пониженіе большинства съ $^9/_{10}$ до $^2/_3$ было сдѣлано Редакціонными Комиссіями подъ давленіемъ депутатовъ второго призыва, крайнихъ противниковъ общины. Рѣзко критикуя проектъ Редакціонныхъ Комиссій, эти депутаты указывали на непослѣдовательность Редакціонныхъ Комиссій, которыя, защищая общину, въ то же время затрудняютъ производство передѣловъ почти до полнаго ихъ запрещенія и тѣмъ создаютъ почву для грандіозной *путаницы надѣловъ*.

«Трудолюбивые крестьяне, писали депутаты второго призыва, жалуются на передѣлы, но не могутъ избѣжать ихъ, когда передача тяглъ перепутаетъ владѣніе полосами. Пока сохраняется общинное владѣніе землею, нельзя воспретить передѣлять крестьянамъ поля, но требованіе согласія $^9/_{10}$ всѣхъ домохозяевъ для учиненія передѣла—есть условіе, равняющееся совершенному запрещенію передѣловъ» [2]).

XI.

Круговая порука и община.

Редакціонныя Комиссіи не разошлись съ пожеланіемъ дворянскихъ комитетовъ какъ въ вопросѣ о круговой порукѣ, такъ и вообще въ вопросѣ о способахъ отвѣтственности крестьянъ за исправность въ платежахъ и повинностяхъ.

Въ правительственной программѣ, разосланной дворянскимъ Комитетамъ, «для исправнаго отбыванія крестьянами повинностей», предписывалось связать ихъ круговой порукой.

Вопросъ о способахъ охраны помѣщичьихъ доходовъ имѣлъ существенную важность: въ особенности, необходимы были

---

[1]) Скребицкій, 527. Т. II.

[2]) Скребицкій. Т, II, ч. I, стран. 651.

надежныя средства для того, чтобы заставить крестьянъ отбывать барщину во «временно-обязанный періодъ», когда помѣщикъ лишался прежней власти надъ крестьянами, а крестьяне признавались лично свободными.

Всѣ предложенные Дворянскими Комитетами способы взыскивать недоимки и принуждать бывшихъ крѣпостныхъ къ работѣ цѣликомъ брались изъ крѣпостническаго арсенала. Дворянскіе проекты предлагали продавать у неисправныхъ крестьянъ движимое имущество; сдавать недоимщиковъ или членовъ ихъ семей въ работы; сдавать недоимщиковъ, признанныхъ вредными членами общества, въ солдаты или въ Сибирь. Нѣкоторые Комитеты проектировали для недоимщиковъ тѣлесныя наказанія (до 15 ударовъ палками—мужчинъ и до 40 ударовъ розгами—женщинъ). Всѣ эти мѣры въ проектахъ однихъ Комитетовъ долженъ былъ примѣнять «міръ», въ другихъ—помѣщикъ. Лишь очень небольшое число Комитетовъ не внесло круговой поруки въ свои проекты. Но дворянство этихъ Комитетовъ руководилось отнюдь не гуманитарными соображеніями, а просто не признавали эту мѣру достигающей цѣли.

Противники круговой поруки (они же чаще всего и противники общины, напримѣръ, *Комитеты Западныхъ губерній)* считали денежные штрафы, тѣлесное наказаніе, а въ крайнемъ случаѣ отобраніе надѣловъ — болѣе дѣйствительными средствами воздѣйствія на неисправныхъ плательщиковъ и охраны доходовъ помѣщиковъ, чѣмъ круговая порука.

Меньшинство *Калужскаго* Комитета считало круговую поруку мѣрою не только совершенно безуспѣшною, но даже развращающею крестьянъ: «Круговая порука, писало это меньшинство, пріучаетъ народъ къ безпечности, лѣни, намѣренному (!) обнищанію. На трудолюбивыхъ и зажиточныхъ крестьянъ она падаетъ бременемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность закабалить большую часть неимущихъ членовъ общества. Для правительства она служитъ слабымъ обезпеченіемъ, что доказываютъ огромныя недоимки, числящіяся на *казенныхъ крестьянахъ* и мѣщанахъ, сверхъ прощенныхъ уже имъ».

По убѣжденію Калужскаго меньшинства, круговая порука есть видъ крѣпостной зависимости, влекущей за собою стѣснительныя условія приписки къ обществамъ и выхода изъ нихъ [1]).

[1]) Скребицкій. Т. III, стран. 516.

Въ проектѣ *Симбирскихъ* пяти членовъ также указывалось на нецѣлесообразность круговой поруки и опять со ссылкой на государственныхъ крестьянъ. «Опытъ показываетъ, что установленное въ казенныхъ селеніяхъ обязательное круговое ручательство вовсе не предохраняетъ отъ недоимокъ, хотя казенныя повинности гораздо меньше помѣщичьихъ и недоимки эти всегда слагаются манифестами. Одна изъ главныхъ причинъ, почему состояніе нѣкоторыхъ казенныхъ селеній кажется многимъ хуже положенія крѣпостныхъ крестьянъ, заключается именно въ общинномъ владѣніи землею, въ соединенномъ съ нимъ за повинности ручательствѣ «міра» и въ предоставленной этому послѣднему неизбѣжной власти надъ отдѣльными личностями» [1]), говорилось въ этомъ Симбирскомъ проектѣ.

Къ тому же, говорили симбирцы, въ мелкихъ барщинныхъ имѣніяхъ круговая порука немыслима. «Какимъ образомъ», спрашивали они, «два—три семейства будутъ исправлять двойныя работы за другія семьи, гдѣ не будетъ исправныхъ работниковъ?»

Минскіе дворяне, не практиковавшіе въ своихъ имѣніяхъ круговой поруки, утверждали, что она приведетъ только къ тому, что богатымъ крестьянамъ придется работать за бѣдныхъ. «Круговое поручительство общины въ исполненіи обязанностей относительно помѣщиковъ,—обременительное для крестьянъ, какъ не существовавшее до сихъ поръ въ обычаѣ народа и ведущее къ ослабленію дѣятельности частныхъ лицъ, находящихъ въ общественной отвѣтственности поводы къ безпечности,—имѣло бы слѣдствіемъ совершенное обѣднѣніе и разореніе зажиточныхъ крестьянъ, отвѣчающихъ за нерадивыхъ и бѣдняковъ. При освобожденіи крестьянскаго сословія отъ крѣпостной зависимости, при уничтоженіи попечительства надъ ними, всѣ мѣры законодательныя должны вести и вызывать народъ къ дѣятельности частныхъ лицъ, которая достигаетъ своихъ возможныхъ предѣловъ лишь тогда, когда всякій человѣкъ отвѣчаетъ самъ за себя и за свои обстоятельства [2]).

---

[1]) Скребицкій. Т. II, стран. 515.
[2]) Скребицкій. Т. II, стран. 531.

Однако, большинство дворянства высказалось за круговую поруку [1]). За нее были даже такіе представители дворянскаго либерализма, какъ Кошелевъ и Унковскій.

Кошелевъ считалъ, что круговая порука необходима для огромнаго большинства крестьянства и безъ нея нѣтъ возможности сдѣлать его землевладѣльцемъ. Кошелевъ соглашался, что для «небольшой части крестьянъ» круговая порука, быть можетъ, и будетъ «насиліемъ», но если «насиліе» примѣнено по отношенію къ помѣщикамъ, у которыхъ отбираютъ землю, почему же не примѣнить его къ крестьянамъ.

«Если правительство для доставленія крестьянству прочной осѣдлости рѣшилось на насильственное отчужденіе земли отъ одного сословія въ пользу другого, то оно должно рѣшиться и на возложеніе на послѣднее общей отвѣтственности за его членовъ. Другого въ этомъ дѣлѣ исхода нѣтъ». Кошелевъ считалъ особенно удобнымъ проводить круговую поруку въ селеніяхъ съ общиннымъ владѣніемъ [2]).

«Въ губерніяхъ, гдѣ общинное владѣніе существуетъ, и гдѣ оно въ народныхъ нравахъ, тамъ круговое ручательство имѣетъ прочную основу и его слѣдуетъ всячески поддержать», писалъ Кошелевъ [3]).

Самаринъ тоже не видѣлъ ничего предосудительнаго въ отвѣтственности «исправныхъ за неисправныхъ».

Во время преній о круговой порукѣ въ Ред. Комиссіяхъ Любощинскій назвалъ круговую отвѣтственность «истязаніемъ». На это Самаринъ сказалъ: «Вы можете замѣнять одно слово другимъ, называть «истязаніемъ» круговую поруку. Это только запутаетъ понятія: при круговомъ ручательствѣ ни одинъ членъ

---

[1]) Введеніе круговой поруки для крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, влекло за собой цѣлый рядъ тяжелыхъ правовыхъ ограниченій. Первымъ такимъ слѣдствіемъ было ограниченіе свободы передвиженія.

Редакціонныя Комиссіи въ свой проектъ Положенія внесли для временно обязаннаго періода запрещеніе безъ согласія помѣщика выдачи паспортовъ всѣмъ крестьянамъ несостоятельныхъ обществъ. При этомъ помѣщикъ могъ не допустить возобновленіе паспорта всякому крестьянину неисправнаго общества. Послѣ перехода на выкупъ права помѣщика въ области разрѣшенія отлучекъ переходили къ „міру“.

При такихъ ограниченіяхъ право передвиженія у свободныхъ крестьянъ почти не расширялось, сравнительно съ крѣпостнымъ состояніемъ.

[2]) Скребицкій. Т. II, стран. 619.

[3]) Скребицкій. Т. II, стран. 619.

общества не можетъ считать себя правымъ и свободнымъ, пока хотя на одномъ членѣ изъ цѣлаго общества лежитъ какая-нибудь недоимка. Это уже свойство круговой поруки».

По круговой порукѣ состоятельные домохозяева должны были отвѣчать за несостоятельныхъ. Но какъ взыскивать недоимки при несостоятельности всего сельскаго общества? По проекту Редакціонныхъ Комиссій такія взысканія должны были производиться съ «неуклонной строгостью», немедленно и независимо отъ того, какова была причина недоимки: пожаръ, недородъ или просто уклоненіе отъ платежа.

Съ особой настойчивостью на строгости взысканія недоимокъ въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ настаивалъ кн. Черкасскій. Онъ говорилъ, что неаккуратными платежами крестьяне будутъ ставить помѣщиковъ въ невыносимое положеніе, и потому необходимо пріучить крестьянъ къ исправности въ этомъ отношеніи.

«Я, напримѣръ, говорилъ онъ, долженъ получить 1 января 1859 г. 1.000 руб. серебромъ. Случился пожаръ, и я умираю съ голоду, если нѣтъ у меня другихъ средствъ къ существованію, пока полиція будетъ сноситься съ губернаторомъ. Изъ этого можетъ выйти одно: помѣщикамъ придется ждать отъ коронаціи до коронаціи своихъ оброковъ, а по случаю коронаціи они будутъ прощаться по милостивому манифесту» [1].

Огромное большинство депутатовъ перваго и второго приглашенія въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ поддерживали предложенія своихъ Комитетовъ по вопросу о круговой порукѣ.

Часть депутатовъ второго приглашенія (отъ 13 Комитетовъ—20 депутатовъ) заявляла, что «круговая порука составляетъ для помѣщика, хотя слабое, но единственное обезпеченіе, въ замѣну котораго «міръ» ничего не можетъ ему предложить».

Редакціонныя Комиссіи признали необходимымъ для «временно-обязаннаго періода» [2]), во всякомъ случаѣ, ввести «круговую поруку», и «личныя взысканія», какъ неизбѣжное зло,

---

[1]) Н. Семеновъ. Т. II, стран. 441. Мат. для біогр. Черкасскаго, 438.

[2]) Въ проектѣ своего Положенія Редакціонныя Комиссіи для крестьянъ общинниковъ ввели круговую поруку по всѣмъ казеннымъ, земскимъ, мірскимъ и выкупнымъ платежамъ, а для крестьянъ подворниковъ—по казеннымъ, земскимъ и мірскимъ платежамъ. По выкупному долгу подворники круговой порукой не отвѣчали. Общ. Положеніе ст. 187; Пол. о выкупѣ, ст. 127 и 131.

какъ остатокъ крѣпостного права», какъ говорилъ Черкаскій [1]).

Обсужденіе вопроса о круговой порукѣ въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ неоднократно давало поводъ къ возобновленію дебатовъ объ общинѣ. Эти дебаты съ особенной ясностью показали, что, вопреки дворянскимъ публицистамъ, неустанно твердившимъ, что община является исконнымъ народнымъ учрежденіемъ, помѣщики были гораздо болѣе горячими сторонниками общины, чѣмъ сами крестьяне, и дворянская масса отнюдь не вѣрила въ любовь крестьянъ къ общинѣ. Не довѣряли крестьянину даже тѣ самые дворяне, которые писали о «древности» нашей земельной общины; о «вѣковой привычкѣ и любви къ ней крестьянства»; о возможности и необходимости строить русскую государственную и общественную жизнь на общинѣ, въ противоположность Западной Европѣ, опирающей свой бытъ «на частной земельной собственности» и т. д., и т. д.

Дворянство сильно опасалось, что предоставленный себѣ и несвязанный никакими ограниченіями крестьянинъ уйдетъ изъ общины, предпочтя ей личное владѣніе землей.

Для того, чтобы «предохранить» общину отъ распаденія, Редакціонныя Комиссіи при переходѣ отъ общины къ подворью на временно обязанный періодъ, т. е. до перехода крестьянъ на обязательный выкупъ, требовали, помимо согласія $^2/_3$ правомочныхъ на сходѣ домохозяевъ, еще и согласіе помѣщика [2]).

Съ переходомъ къ подворному владѣнію по проекту Редакціонныхъ Комиссій круговая порука крестьянъ по выкупнымъ платежамъ отмѣнялась и каждый домохозяинъ отвѣчалъ только за свои платежи [3]).

Въ предложеніи Редакціонныхъ Комиссій—освобождать отъ круговой поруки подворныхъ владѣльцевъ Кошелевъ увидѣлъ опаснѣйшую для судебъ общины премію за переходъ крестьянъ отъ общины къ подворью. «Еще новый подкупъ въ пользу

[1]) Временно-обязаннымъ періодомъ назывался періодъ, въ который крестьяне пользовались помѣщичьей землей за оброкъ, но не приступили къ выкупу этой земли въ собственность. Обязательный выкупъ для крестьянъ введенъ закономъ съ 1883 года.

[2]) Вошло въ Положеніе 1861 г. Ст. 115 Мѣстнаго Положенія Великоросск., Новороссійск. и Бѣлорусск. губ.

[3]) Вошло въ Положеніе 1861 г. Ст. 248 Мѣстнаго Положенія Великоросск., Новороссійск. и Бѣлорусск. губ.

личнаго владѣнія»! возмущался по этому поводу Кошелевъ. «Къ счастью, тутъ поставлено одно условіе—согласіе помѣщика. Онъ (помѣщикъ), вѣроятно, не изъявитъ его», писалъ по этому поводу Кошелевъ.

Кошелеву хорошо было извѣстно, что, по убѣжденію большинства помѣщиковъ, община съ круговой порукой будетъ гораздо надежнѣе подворья обезпечивать помѣщику доходы. Поэтому-то требованіе обязательнаго «согласія помѣщика», въ глазахъ Кошелева, совершенно обезвреживало проектъ Редакціонныхъ Комиссій, такъ какъ немногіе помѣщики согласились бы разрѣшить крестьянамъ уничтожить общину.

Въ засѣданіяхъ Редакціонныхъ Комиссій, когда обсуждался вопросъ о переходѣ отъ общины къ подворью, при условіи *«согласія помѣщика»*, Соловьевъ, предложилъ выбросить изъ текста статьи слова о «согласіи помѣщика».

Самаринъ рѣшительно протестовалъ противъ этого. «Я уже на это никакъ не согласенъ. *Я не желаю окончательно подорвать общинное владѣніе»*. Въ охранѣ общины у Самарина была единственная надежда на помѣщика. Недовѣріе Самарина къ «мужику» въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе характерно, что дѣло шло о составленіи проекта Положенія для общинныхъ—Великороссійскихъ губерній, гдѣ, казалось бы, самъ «мужикъ» не долженъ былъ желать ухода изъ общины, ибо «мужикъ-великороссъ», по Самарину, питалъ особую склонность къ общинѣ.

Кошелеву казалось, что весь проектъ Положенія Редакціонныхъ Комиссій, далеко недостаточно охранялъ общину, ибо онъ слишкомъ широко открывалъ двери частной собственности на землю. По мнѣнію Кошелева, члены Редакціонныхъ Комиссій въ этомъ случаѣ «склонялись къ нерусской теоріи о большей возможности освобожденія личностей отъ общинной связи» [1]

Эту склонность къ нерусскимъ теоріямъ Кошелевъ считалъ огромнымъ недостаткомъ работъ Редакціонныхъ Комиссій. Недальновидности членовъ Редакціонныхъ Комиссій, состоящихъ изъ «русскихъ» людей, Кошелевъ противоставлялъ дальновидность *иностранныхъ банкировъ*, болѣе правильно, по его мнѣнію, оцѣнившихъ финансовую роль общины.

«Иностранные банкиры Гомбергъ и Френкель», писалъ онъ, «кажется, ставили, въ видѣ условія займа, сохраненіе общиннаго

[1]) Скребицкій. Т. III, стран. 593.

владѣнія въ крестьянскихъ обществахъ. Видно, чутье ихъ, укорялъ Кошелевъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій, вѣрнѣе свѣдѣній многихъ изъ нашихъ опытныхъ хозяевъ» [1]).

Въ виду круговой поруки, большинство дворянскихъ Комитетовъ передало «міру» рядъ помѣщичьихъ правъ надъ крестьянами: право тѣлеснаго наказанія, право контроля надъ семейными отношеніями крестьянъ, право ссылки крестьянъ въ Сибирь и т. д.

Редакціонныя Комиссіи внесли эти постановленія дворянства въ проектъ Положенія и 19 февраля 1861 года соотвѣтствующія статьи получили силу закона [2]).

XII.

Круговая порука и тѣлесныя наказанія.

На время сохраненія барщины (до перехода крестьянъ на оброкъ или выкупъ) Редакціонныя Комиссіи рядомъ съ круговой порукой, въ качествѣ мѣръ воздѣйствія на крестьянъ, ввели въ свой проектъ еще и тѣлесныя наказанія, которымъ волостныя правленія могли безъ суда подвергать неисправныхъ работниковъ. При наложеніи наказанія волостныя правленія должны были руководиться уставами «сельскихъ Расправъ» Государственныхъ Имуществъ, т. е. нормами, дѣйствовавшими у государственныхъ крестьянъ.

По поводу введенія въ проектъ Положенія тѣлесныхъ наказаній въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ велись продолжительныя пренія.

Князь Черкасскій доказывалъ, что, пока будетъ оставаться барщина, круговой поруки будетъ не достаточно для прину-

---

[1]) Скребицкій. Т. III, стран. 588.

[2]) Ст. 51 Общ. Положенія. Главный Комитетъ призналъ, что предоставленіе „обществу довольно значительной власти по взысканію недоимокъ съ неисправныхъ своихъ членовъ есть необходимое послѣдствіе круговой поруки. Стѣсненіе общества въ этомъ отношеніи повело бы къ предоставленію нерадивымъ крестьянамъ возможности пользоваться поземельнымъ надѣломъ за счетъ своихъ сочленовъ по обществу“... Журналы Секр. и Главн. Комитетовъ, т. II, стран. 197.

жденія крестьянъ къ работѣ: и потому необходимо сохранить за помѣщиками еще право тѣлеснаго наказанія.

Недостаточность круговой поруки Черкасскій иллюстрировалъ разными примѣрами. «Допустимъ, говорилъ онъ, помѣщику общество обязано по круговой порукѣ выставить опредѣленное количество рабочихъ. Общество, отвѣчающее круговой порукой, выполнило свою обязанность—поставило вамъ все нужное количество исправныхъ работниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ очень мало или ничего не дѣлаютъ—какими же мѣрами побужденія можетъ располагать общество, чтобы лѣниваго сдѣлать трудолюбивымъ»?

По Черкасскому, кромѣ тѣлесныхъ наказаній, въ такихъ случаяхъ ни чемъ дѣлу помочь было нельзя. Далѣе, Черкасскій взялъ другой случай. «Общество, по круговой порукѣ, выставило полное число рабочихъ, но всѣ безъ исключенія выставленные крестьяне оказываются негодными работниками. При этихъ условіяхъ Черкасскій считалъ единственнымъ выходомъ тотъ пріемъ, который помѣщики практиковали въ крѣпостную эпоху при, корпоративномъ сопротивленіи». «Сегодня вы потребуете, чтобы наказали Ивана, завтра ступай Петръ, а тамъ другіе и, такимъ образомъ, вы переберете всѣхъ, если будетъ необходимо. Другимъ образомъ нельзя и дѣйствовать противъ всѣхъ», говорилъ Черкасскій.

Самаринъ также считалъ цѣлесообразнымъ «предоставить помѣщикамъ, на все время барщины, право тѣлеснаго наказанія крестьянъ». Тѣлесное наказаніе для барщинныхъ крестьянъ защищалъ и Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Милютинъ [1]).

Въ пользу тѣлеснаго наказанія Самаринъ представилъ то соображеніе, что, въ концѣ концовъ, оно будетъ полезно самимъ крестьянамъ. Онъ говорилъ, что право помѣщиковъ подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію во время барщины будеть дѣлать барщину столь тяжелой, что заставитъ крестьянъ спѣшить съ выходомъ на выкупъ. «Мы желаемъ скорѣйшаго выхода ихъ (крестьянъ) на оброкъ, чтобы открылся путь къ выкупу земель; главнымъ же къ тому побужденіемъ представляется такое устройство ихъ положенія, чтобы они чувствовали тяготу барщины, и способъ къ этому одинъ, чтобы эту барщину они

---

[1]) Н. Семеновъ, Т. II, стран. 553—560.

отбывали дѣйствительно, чтобы къ этому всегда готовы были мѣры побужденія, которыя и заключаются въ томъ, что за неисправное отбываніе барщины имъ будетъ грозить всегда неизбѣжное наказаніе, закономъ установленное, и поэтому доставленіемъ помѣщику дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ способовъ взысканія, вы прямо достигаете вашей цѣли» [2]).

Противъ оставленія за помѣщикомъ права тѣлеснаго наказанія возражалъ членъ Редакціонной Комиссіи Гирсъ: «если вы хотите непремѣнно оставить помѣщику власть наказывать крестьянъ, говорилъ онъ, то я прошу, въ случаѣ неправильнаго наказанія, когда поступитъ на это жалоба, взыскать съ помѣщика самымъ строжайшимъ образомъ 50 руб. сер. за каждую розгу». Противъ такого штрафа возсталъ Николай Семеновъ. «Да помѣщикъ не будетъ самъ налагать наказанія, онъ только потребуетъ взыскать за провинности, какое будетъ установлено закономъ, отъ подлежащаго учрежденія; какъ же подвергать помѣщика штрафу за дѣйствія этого, конечно, неподвѣдомственнаго ему учрежденія»?

Кн. Черкасскій успокаивалъ Гирса указаніемъ на то, что розги не очень дорого стоятъ мужику. При этомъ онъ напомнилъ, что тѣлесное наказаніе существуетъ «во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ, между прочимъ, напримѣръ, и въ Пруссіи».

Соловьевъ указывалъ на возможность бунтовъ со стороны крестьянъ, если будетъ оставлено право наказаній у помѣщиковъ, которые получатъ возможность злоупотреблять этимъ правомъ: «многіе помѣщики, въ досадѣ на освобожденіе, будутъ посылать ихъ каждый день для наказанія; и волостное правленіе или полиція, обязанныя наказывать розгами, должны будутъ сдѣлаться палачами и исполнителями беззаконныхъ фантазій помѣщиковъ. Это именно—должно возстановить самихъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, и я боюсь, что они будутъ производить бунты».

Пренія о тѣлесныхъ наказаніяхъ возникали въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ нѣсколько разъ: при обсужденіи вопросовъ о взысканіяхъ съ барщинныхъ крестьянъ; о волостномъ судѣ, о правахъ мировыхъ посредниковъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ преній большинство Редакціонныхъ Комиссій высказа-

[1]) Н. Семеновъ. Т. II, стран. 549.

лось за тѣлесное наказаніе, оговаривая, что эта мѣра будетъ отмѣнена, когда окажутся «вещественныя» и «нравственныя» слѣдствія уничтоженія крѣпостного права.

Два соображенія въ пользу тѣлесныхъ наказаній казались Редакціоннымъ Комиссіямъ неопровержимыми. Во-первыхъ, у крестьянъ «денегъ нѣтъ», а потому, въ интересахъ самихъ же крестьянъ, нужно установить, въ качествѣ расплаты за проступки, какой-либо неденежный эквивалентъ; во-вторыхъ, тѣлесное наказаніе есть всегда наиболѣе совершенная форма личной отвѣтственности, такъ какъ оно падаетъ непосредственно на виновнаго, не задѣвая членовъ его семьи, какъ это имѣетъ мѣсто при штрафѣ.

И. С. Аксаковъ въ 1858 году писалъ по этому поводу Черкасскому: «Я не имѣю въ этомъ отношеніи никакой pruderie и знаю, что крестьянинъ предпочитаетъ тѣлесное наказаніе всякому насильственному задержанію».

Записанныя Н. Семеновымъ пренія въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ по поводу тѣлеснаго наказанія отчетливо рисуютъ классовую позицію членовъ Редакціонныхъ Комиссій въ крестьянскомъ вопросѣ.

Графъ Панинъ. «Правительство старается о томъ, чтобы его (тѣлеснаго наказанія) избѣгать. Изъятія для должностныхъ лицъ изъ крестьянъ оно имѣетъ въ виду. Относительно образованныхъ людей, всѣ къ тому стремятся. Теперь, гдѣ и для какихъ случаевъ должно опредѣлить тѣлесное наказаніе—это легко. Напримѣръ, побилъ кого нибудь: надо примѣнить тѣлесное наказаніе къ грубому человѣку. Воровство—это дѣло посрамительное. Для вора пойти въ тюрьму ничего не значитъ. Если бы мы заявили это, Главный Комитетъ, можетъ быть, и принялъ бы это. За побои, для того, который не изъятъ изъ тѣлеснаго наказанія, если онъ не должностное лицо, такое наказаніе не только будетъ соотвѣтствовать общему чувству справедливости, но будетъ и полезно. Насчетъ дѣтей, освобожденію ихъ отъ тѣлеснаго наказанія я не сочувствую. Въ деревняхъ они часто воруютъ. Тѣлесное наказаніе будетъ для нихъ благодѣяніемъ. Почему ихъ не высѣчь? Насчетъ женщинъ—иная дерется, тѣхъ, которыя воруютъ и бьютъ другихъ, слѣдуетъ тоже, мнѣ кажется, сѣчь».

Милютинъ. Позвольте изъяснить общія причины удержанія тѣлесныхъ наказаній. Я буду говорить чисто съ практической

точки зрѣнія. Въ смыслѣ аргументаціи должно задаться вопросомъ, можно ли замѣнить тѣлесное наказаніе другими».

— «Если уничтожить тѣлесное наказаніе, надо найти другое—или арестъ, или денежное взысканіе. Арестованіе обратилось бы въ повинность караульныхъ. Денежное взысканіе пока не развилось; народное благосостояніе, я не говорю уже богатство, для народныхъ массъ у насъ еще недоступно. У нашихъ крестьянъ денегъ совсѣмъ нѣтъ. Практика доказала, что они сами замѣняютъ денежное наказаніе тѣлеснымъ» [1]).

Соловьевъ. «Я именно признаю, Ваше Сіятельство, что тѣлесныя наказанія безчеловѣчны. Штрафъ дѣйствительнѣе розогъ. Я подавалъ голосъ противъ тѣлеснаго наказанія, Я видѣлъ, именно у государственныхъ крестьянъ, какъ розги не достигаютъ цѣли. Я думаю, что это наказаніе развращаетъ и унижаетъ».

Графъ Панинъ. «Надо говорить обо всемъ съ большою точностью. Если наказаніе справедливое, то оно не развращаетъ».

Соловьевъ. «Дворянство, когда для него было отмѣнено тѣлесное наказаніе, было столько же именно къ тому не приготовлено, сколько нынѣ крестьянство».

Графъ Панинъ. «Къ сожалѣнію, это несправедливо. Посмотрите въ исторію—герои носили слѣды этого наказанія».

Соловьевъ. «Но именно отмѣна наказанія возвысила дворянское сословіе».

Графъ Панинъ. «Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, взгляните на Западъ Европы. Развѣ въ иностранныхъ государствахъ воры не перестаютъ воровать отъ того, что ихъ тѣлесно не наказываютъ. Эти вопросы рѣшаются съ практической точки зрѣнія».

Соловьевъ. «Денежный штрафъ и заработокъ дѣйствительнѣе».

Графъ Панинъ. «Но заработки у насъ не въ привычкѣ».

Самаринъ. «Къ сожалѣнію въ крестьянскомъ быту тѣлесное наказаніе есть единственное, которое падаетъ на виновнаго. Штрафъ денежный падаетъ на весь домъ, значитъ на всю семью, жену, дѣтей виновнаго» [2]).

---

[1]) Н. Семеновъ, III/2, стран. 128—129.

[2]) Н. Семеновъ, III/2, стран. 130. Государственный Совѣтъ вычеркнулъ изъ Положенія 1861 года статьи о правѣ помѣщиковъ налагать на крестьянъ тѣлесныя наказанія.

Круговая порука и правовыя ограниченія крестьянъ.

Важнымъ ограниченіемъ правъ освобождаемыхъ крестьянъ была передача «міру» помѣщичьяго права контроля надъ семейными отношеніями крестьянъ. Эта мѣра, принятая большинствомъ дворянскихъ комитетовъ, имѣла двоякій смыслъ: фискальный—большая семья болѣе платежеспособна; административный—въ большой семьѣ царятъ болѣе патріархальные порядки и строго блюдется іерархическое начало. Эти качества большой семьи дворянство высоко цѣнило еще въ крѣпостную эпоху.

Въ «Запискѣ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи», написанной въ 1841 году, Заблоцкій-Десятовскій на вопросъ: «для чего запрещаютъ крестьянину дѣлиться»? давалъ такой отвѣтъ: «Для того, чтобы семья, изъ большого числа членовъ состоящая, имѣла болѣе скота, болѣе рабочей силы и, слѣдовательно, помѣщику исправнѣе исполняла бы работы, казнѣ облегчала бы взысканіе податей и наборъ рекрутъ» [1].

Въ большой семьѣ помѣщики цѣнили тѣ самыя стороны, которыя имъ были дороги и въ общинѣ. Большая, живущая вмѣстѣ и работающая вмѣстѣ семья, представляя изъ себя совокупность многихъ семей, при платежѣ ею налоговъ давала особую систему кругового ручательства каждой изъ входящихъ въ дворъ семей за всю большую семью.

Самаринъ въ засѣданіяхъ Редакціонныхъ Комиссій указывалъ, что въ крѣпостную эпоху помѣщику было удобнѣе «держать цѣлый крестьянскій домъ и имѣть въ немъ старшого, нежели имѣть этотъ же домъ раздробленнымъ» [2]. Такимъ образомъ, большая семья, съ большакомъ—начальникомъ во главѣ, давала тѣ же административныя выгоды, что и община, со старостой во главѣ.

Депутатъ отъ Владимірской губерніи и депутатъ отъ Тверской губерніи возражали противъ передачи «міру» контроля надъ семейными раздѣлами. По мнѣнію депутата Безобразова (Владим. губ.), изъ круговой поруки «въ отправленіи повинностей» ни въ коемъ случаѣ не вытекаетъ необходимость «подчиненія

[1]) Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время.

[2]) Николай Семеновъ. Т. III/2, стран. 126.

семейныхъ дѣлъ мірскимъ приговорамъ», такъ какъ помимо этого средства «у міра есть много другихъ средствъ обезпеченія круговой поруки: матеріальное и должно обезпечиваться матеріальнымъ, а не нравственными отношеніями людей». Безобразовъ считалъ, что такой контроль надъ нравственными отношеніями людей будетъ подрывать и ихъ «матеріальное благосостояніе».

«Не давайте «міру» лежать тяжелымъ гнетомъ надъ личностью», писалъ Безобразовъ. Каково положеніе враждующихъ братьевъ, которымъ «міръ» приказываетъ жить вмѣстѣ, потому что при совмѣстномъ жительствѣ меньше расходовъ. Гдѣ жизнь неспокойна и ослаблены нравственныя струны души там не можетъ быть и матеріальнаго благосостоянія» [1]).

Депутатъ Унковскій (Тверск. губ.) считалъ, что принужденіе крестьянъ жить въ одномъ семействѣ является однимъ изъ «величайшихъ насилій», какое только могло существовать при крѣпостномъ правѣ. Допустить такой контроль послѣ Реформы по Унковскому, означало передать «всѣхъ крестьянъ въ крѣпостное владѣніе мірскому сходу». Онъ предпочиталъ, чтобы Редакціонныя Комиссіи для «обезпеченія денежныхъ взносовъ» ввели бы «самыя строгія денежныя взысканія», ибо это будетъ «сообразнѣе съ духомъ настоящаго преобразованія». «Семейное спокойствіе есть единственное счастье возможное для нашихъ крестьянъ въ ихъ незавидномъ положеніи; передъ этимъ высшимъ интересомъ должны склоняться всякіе денежные расчеты» [2]).

Административное Отдѣленіе Редакціонныхъ Комиссій возражало, что было бы нелогично вводить круговую имущественную отвѣтственность «міра» и въ то же время лишать «міръ» права контроля «надъ матеріальными средствами каждаго члена общества». А надзоръ за семейными раздѣлами и есть, въ сущности, контроль за имущественными силами двора.

«Было бы несправедливо возлагать на «міръ» всю отвѣтственность по отбыванію повинностей и вмѣстѣ съ тѣмъ лишить его права предупреждать обѣднѣніе отдѣльныхъ домовъ».

На предложеніе замѣнить мірской контроль надъ семьей строгими имущественными взысканіями Административное

---

[1]) Скребицкій. Т. I, стран. 442.

[2]) Скребицкій. Т. I, стран. 750.

Отдѣленіе отвѣчало, что крестьяне бѣдны и взыскивать съ нихъ нечего. «Введеніе такого рода взысканій предполагаетъ извѣстную степень зажиточности, которой огромное большинство крестьянъ еще не имѣетъ»... И по крайней мѣрѣ «на первое время» послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, когда имъ «необходимо будетъ прежде всего упрочить за собою матеріальное обезпеченіе», неизбѣженъ контроль «міра» надъ семейными раздѣлами, разрушающими большую семью.

Защищая «большую семью», Административное Отдѣленіе утверждало, что причины семейныхъ раздѣловъ, имѣющихъ «весьма вредное и разорительное вліяніе на наше крестьянское хозяйство», далеко не всегда уважительны. «Міръ» и долженъ разобраться, насколько серьезны поводы къ раздѣлу. «Нѣтъ сомнѣнія, говорилось въ докладѣ Административнаго Отдѣленія, что въ тѣхъ важныхъ случаяхъ, когда раздѣлъ семействъ будетъ вызванъ болѣе настоятельною и существенною потребностью, а не прихотями, «міръ» и самъ не будетъ ставить препятствій къ такому раздѣлу». «При очевидной невозможности жить нѣсколькимъ членамъ семьи вмѣстѣ, писало Административное Отдѣленіе, по тѣмъ или другимъ причинамъ, хозяйство такой семьи не можетъ не страдать, а слѣдовательно и для большинства выгоднѣе будетъ разрѣшать въ такихъ случаяхъ раздѣлы, что оно, по всей вѣроятности, хорошо и скоро пойметъ, со свойственнымъ нашему народу практическимъ смысломъ».

Редакціонныя Комиссіи, вслѣдъ за дворянскими Комитетами, признали, что круговая порука требуетъ предоставленія крестьянскимъ обществамъ право ссылки своихъ сочленовъ въ Сибирь.

«Чтобы круговая отвѣтственность, установленная общими для податныхъ сословій законами, не потеряла своей силы, необходимо также предоставить сельскому обществу означенное право». И въ этомъ случаѣ Редакціонныя Комиссіи не ожидали никакихъ произвольныхъ высылокъ со стороны «міра», тѣмъ болѣе, что окончательное утвержденіе мірского приговора рѣшено было передавать Губернскому Начальству.

«Примѣръ обществъ городскихъ и свободныхъ сельскихъ обывателей, писало Административное Отдѣленіе, показываетъ, что они пользуются правомъ своимъ удалять членовъ съ боль-

шою воздержанностью и осмотрительностью, и нѣтъ причины предполагать, что крестьяне, выходящіе изъ крѣпостной зависимости, будутъ въ этомъ отношеніи менѣе осторожны и справедливы» [1]).

Власть «міра» надъ крестьянами въ Положеніи 1861 года получила свое завершеніе въ волостномъ судѣ. Большинство Дворянскихъ Комитетовъ въ своихъ проектахъ предлагали для мелкихъ дѣлъ и проступковъ судебную организацію, по типу суда у государственныхъ крестьянъ [2]).

Такая конструкція суда, съ небольшими измѣненіями, и была принята Редакціонными Комиссіями и внесена въ проектъ Положенія 1861 года. Для волостныхъ судовъ, скомбинированныхъ Редакціонными Комиссіями изъ «Сельской» и «Волостной» Расправъ государственныхъ крестьянъ, судьи должны были выбираться на волостномъ сходѣ. Въ Положеніи, утвержденномъ Государственнымъ Совѣтомъ, волостной судъ могъ приговаривать къ слачѣ въ общественныя работы (до 6 дней), къ аресту (до 7 дней), къ тѣлесному наказанію (до 20 ударовъ) и къ денежнымъ штрафамъ (до 3 рублей). Назначенная Положеніемъ норма тѣлеснаго наказанія въ 20 ударовъ многимъ помѣщикамъ казалась очень слабой. Даже славянофилъ А. И. Кошелевъ считалъ смѣшнымъ приговаривать къ такому наказанію. «Я всегда находилъ», писалъ онъ, «что помѣщику вовсе не слѣдуетъ предоставлять право наказывать розгами, но розги необходимо было оставить крестьянскому начальству и посреднику и не въ смѣшномъ размѣрѣ—двадцать ударовъ» [3]).

Роль окружного начальника, состоявшаго надъ «мірскимъ» судомъ и вообще надъ «міромъ» у государственныхъ крестьянъ, въ проектахъ дворянскихъ Комитетовъ должны были играть помѣщики, въ званіи «начальниковъ сельскихъ обществъ». На

[1]) Дѣйствительность показала обратное; право ссылки въ Сибирь, существовавшее еще и въ „конституціонный“ періодъ нашей исторіи, въ рукахъ богатыхъ крестьянъ было грознымъ средствомъ противъ бѣдняковъ.

[2]) Въ нѣкоторыхъ дворянскихъ проектахъ были отступленія отъ суда у государственныхъ крестьянъ. Такъ, Минскій и Тверской Комитеты въ качествѣ низшей инстанціи, проектировали мировыхъ судей; Калужскій и Таврическій вмѣсто сельской расправы предлагали судъ стариковъ; Харьковскій—особый судъ выборныхъ присяжныхъ и третейскій судъ; судъ изъ 12 присяжныхъ для гражданскихъ дѣлъ и проступковъ—два Рязанскихъ проекта.

[3]) Мат. для біогр. Черкасскаго. 260. Т. 2.

этихъ начальниковъ предполагалось возложить надзоръ за «мірскимъ» управленіемъ и утвержденіе «мірскихъ» приговоровъ.

Мировые посредники.

Редакціонныя Комиссіи не приняли пожеланія дворянскихъ Комитетовъ сдѣлать изъ помѣщиковъ «начальниковъ» въ сельскихъ обществахъ, въ силу того обстоятельства, что «крестьянину не легко было бы понять различіе между бывшимъ полновластнымъ помѣщикомъ и званіемъ начальника. Онъ продолжалъ бы видѣть въ помѣщикѣ того же барина и, не чувствуя приращенія личныхъ правъ, при самомъ началѣ Реформы ощутилъ бы разочарованіе, отъ котораго всего шагъ до потери довѣрія» [1]).

«Потеря же довѣрія» крестьянъ къ Реформѣ могла создать благопріятную почву для крестьянскихъ волненій.

Однако, Положеніемъ 1861 года надзоръ за освобожденнымъ крестьянскимъ «міромъ» былъ порученъ помѣщикамъ, но не въ званіи «начальниковъ» обществъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ,—а въ званіи мировыхъ посредниковъ. Для временно обязаннаго періода у помѣщиковъ Положеніе 1861 г. оставило и вотчинную власть [2]).

Мировой посредникъ назначался губернаторомъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ на трехлѣтній періодъ. Всѣ органы крестьянскаго управленія и всѣ должностныя лица находились въ завѣдываніи мировыхъ посредниковъ. Мировые посредники получили право приговаривать крестьянъ къ тѣмъ же наказаніямъ, что и волостной судъ: къ общественнымъ работамъ (до 6 дней), аресту (до 7 дней) и къ тѣлеснымъ наказаніямъ (до 20 ударовъ).

Предположеніе Редакціонныхъ Комиссій о наказаніяхъ крестьянъ безъ суда было, такимъ образомъ, оставлено за помѣщиками, но въ замаскированной формѣ: тѣлесное наказаніе

---

[1]) Скребицкій. Т. I, стран. 134.

[2]) Ст. ст. 148—163 Общаго Положенія 1861 г. Этими статьями помѣщику было предоставлено званіе попечителя сельскаго общества временно-обязанныхъ крестьянъ, водворенныхъ на его землѣ.

могло быть наложено (безъ постановленія волостного суда) по суду мирового посредника.

Мировой посредникъ утверждалъ выборы сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ и въ дисциплинарномъ порядкѣ имѣлъ право подвергать ихъ штрафамъ до 5 рублей, арестамъ до 7 дней.

Въ свою очередь эти должностныя лица (сельскія и волостныя) по Положенію 1861 г. имѣли право безъ суда налагать дисциплинарныя взысканія на крестьянъ. Такъ надъ освобожденнымъ крестьяниномъ нависла новая сѣть властей.

Въ столкновеніяхъ между дворянами-помѣщиками и выходящими на волю крестьянами дворяне—мировые посредники, т. е. представители одной изъ сторонъ, являлись судьями.

Точно также въ Губернскихъ по Крестьянскимъ Дѣламъ Присутствіяхъ, представлявшихъ инстанціи для жалобъ на рѣшенія посредниковъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствій, засѣдали помѣщики.

Въ первые два года послѣ изданія Манифеста объ освобожденіи крестьянъ на обязанности мировыхъ посредниковъ лежало составленіе «уставныхъ грамотъ»—документовъ, опредѣлявшихъ количество получаемой крестьянами на выкупъ земли и размѣръ падавшихъ на эту землю повинностей.

Дворянство, само опредѣлившее условія освобожденія крестьянъ, само же—черезъ своихъ представителей—проводило новое крестьянское Положеніе въ жизнь.

И многое, чѣмъ была тяжела жизнь крестьянина въ пореформенное время—черезполосица съ помѣщиками, удаленіе крестьянскихъ полей за десятки верстъ отъ жилья, часто непригодные и неудобные для земледѣльческой культуры надѣлы, поселеніе крестьянъ на пескахъ, вмѣсто прежнихъ удобныхъ для поселенія мѣстъ—получило санкцію мировыхъ посредниковъ. По свидѣтельству современниковъ мировые посредники, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, защищали интересы дворянъ въ ихъ столкновеніяхъ съ крестьянами. Человѣкъ очень умѣренныхъ взглядовъ, Кавелинъ, въ такихъ словахъ описывалъ, какъ примѣнялось Положеніе 1861 года:

«Гдѣ только можно было, Положеніе 19 февраля и послѣдующія крестьянскія законоположенія примѣнялись не въ пользу крестьянъ, а въ пользу владѣльцевъ; укрѣпленіе за крестьянами земель, купленныхъ въ прежнее время на ихъ

деньги, часто отклонялись подъ самыми ничтожными предлогами; надѣлы отводились, вопреки смыслу Положеній, къ невыгодѣ крестьянъ и къ выгодѣ владѣльцевъ» [1]).

Къ этому надо прибавить, что само Положеніе тотчасъ послѣ Реформы начало подвергаться систематическимъ передѣлкамъ.

Эту передѣлку производилъ Главный Комитетъ объ Устройствѣ Сельскаго Состоянія, созданный изъ Главнаго Комитета по Крестьянскому Дѣлу. По ходатайству дворянскихъ Собраній и отдѣльныхъ дворянъ рядъ статей Положенія о выкупѣ былъ измѣненъ или смягченъ въ пользу помѣщиковъ [2]).

И тѣмъ не менѣе дворянство все-таки не было вполнѣ удовлетворено предоставленной ему Положеніемъ 1861 г. ролью. Многимъ казалось, что Реформа, потребовавшая отъ дворянства такихъ «огромныхъ жертвъ», не обезпечила ни имущества, ни жизни помѣщиковъ въ деревнѣ. Депутаты второго призыва въ своей Запискѣ ярко выразили ту тревогу, которая охватила «поземельную собственность». «Недовѣріе къ высшему классу, писали 36 депутатовъ второго призыва, оставляя низшіе слои общества безъ всякаго контроля и руководства, тревожитъ поземельную собственность, которая чувствуетъ себя беззащитною на случай смятеній и безпорядковъ [3]).

Но ни Редакціонныя Комиссіи, ни Государственный Совѣтъ не могли оставить помѣщикамъ изъ ихъ прежнихъ правъ больше того, что было внесено въ Положеніе 1861 года. Политически болѣе правильнымъ Редакціонныя Комиссіи признавали предложеніе тѣхъ изъ дворянскихъ комитетовъ и тѣхъ депутатовъ, которые настаивали на предоставленіи «помѣстному дворянству, какъ сословію, какъ классу самому образованному и главному землевладѣльцу, особенное участіе по выбору въ мѣстныхъ учрежденіяхъ» [4]).

«Эта мысль», писало по этому поводу Административное Отдѣленіе, Редакціонныхъ Комиссій, «тѣмъ болѣе достойна вниманія, что представляя собой разумное вознагражденіе за тѣ права, отъ которыхъ отказывается помѣстное сословіе, она

---

[1]) Кавелинъ. Крестьянскій вопросъ, стран. 2—3.

[2]) Лященко, Крестьянское Дѣло и пореформенная землеустроительная политика. Стран. 96 и слѣд. Спб. 1913 г.

[3]) Скребицкій. Т. I, стран. 670.

[4]) Скребицкій. Т. I, стран. 647.

вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ лучшій нынѣ залогъ благосостоянія крестьянъ».

Это «разумное вознагражденіе» дворянство получило съ одной стороны въ видѣ передачи въ его руки крестьянскихъ учрежденій, съ другой стороны—въ видѣ созданнаго въ 1864 г. Земскаго Самоуправленія.

И рядовое, и передовое дворянство одинаково считало эту монополизацію представительства въ административныхъ и земскихъ учрежденіяхъ необходимой съ «государственной точки зрѣнія» мѣрой такъ какъ дворянство признавалось «основной опорой» существующаго порядка «Въ дворянствѣ заключается элементъ порядка и преуспѣянія», писалъ Кошелевъ. «Мы всегда должны принимать преимущественное участіе въ управленіи. Мы всѣ за самодержавіе, ибо признаемъ его необходимость для Россіи» [1].

XIII.

Надѣлъ и выкупъ.

Правовыя потери или, какъ тогда говорили, «жертвы» дворянства въ результатѣ Крестьянской Реформы были значительны, но они все же не были столь велики, чтобы лишить дворянство первенствующаго положенія въ государствѣ, а крестьянство поднять изъ его положенія «подлаго» сословія государства. Матеріальныя «жертвы» также не были разорительны для дворянства. Оцѣнка надѣла, по тому времени была, выше рыночныхъ цѣнъ на земли, сами надѣлы были незначительны.

При обсужденіи вопроса о размѣрѣ надѣла дворянскіе Комитеты—даже самые «либеральные» комитеты нечерноземныхъ губерній—не шли дальше того, чтобы принять за отправной пунктъ «существующій надѣлъ», т. е. тотъ надѣлъ, которымъ крестьяне пользовались во время крѣпостного права. Что же касается черноземныхъ помѣщиковъ, то они рѣшительно откло-

[1]) Черкасскій. Т. 1/2, стран. 141. (Мат. для біогр.).

нили мысль о «существующемъ надѣлѣ» и предлагали надѣлить крестьянъ по нормамъ значительно низшимъ, чѣмъ «существующій надѣлъ».

«Существующій надѣлъ» былъ различенъ для оброчныхъ и барщинныхъ имѣній. При оброчной эксплуатаціи, когда прибавочный продуктъ вырабатывался на крестьянскомъ полѣ, крестьяне пользовались всей пашней помѣстья. Когда прибавочный продуктъ вырабатывался на помѣщичьемъ полѣ (при барщинѣ) крестьянамъ давалась только часть пашни имѣнія, другая ея часть обрабатывалась въ пользу помѣщика тѣми же крестьянами.

При опредѣленіи для каждой губерніи нормъ надѣла дворяне нечерноземныхъ губерній хотя и высказывались въ принципѣ за «существующій надѣлъ», но все же, требовали, чтобы часть земли имѣнія была оставлена помѣщику, и чтобы при значительномъ «существующемъ надѣлѣ» въ пользу помѣщика производились отрѣзки отъ этого надѣла.

И нечерноземные дворяне, настаивающіе на «существующемъ надѣлѣ» съ отрѣзками, и черноземные дворяне, отстаивавшіе завѣдомо для крестьянъ недостаточные надѣлы—приводили въ защиту своихъ соображеній мотивы хозяйственнаго и моральнаго характера.

За «существующій надѣлъ», говорило то соображеніе, что если имъ удовлетворялось крестьянство въ крѣпостную эпоху, то значитъ онъ будетъ достаточенъ и для обезпеченія за ними средствъ существованія, и для отправленія всякаго рода повинностей»[1]) послѣ освобожденія.

«Выкупаемый надѣлъ не долженъ былъ быть очень большимъ, иначе крестьяне не будутъ въ состояніи вынести того возвышенія подати, которое естественно долженъ былъ влечь за собою выкупъ значительнаго надѣла».

Раздавалось много голосовъ и за то, что достаточный надѣлъ убьетъ у крестьянъ всякую склонность къ труду, затруднитъ сборъ съ нихъ повинностей, а главное уничтожитъ нужду крестьянъ искать заработка внѣ своего хозяйства и лишитъ помѣщиковъ наемныхъ рабочихъ[2]).

---

[1]) Кн. Черкасскій. I, стран. 154—155. (Мат. для біогр.).

[2]) Журналы и Меморіи Общаго Собранія Госуд. Совѣта. Петроградъ. 1915 г. стран. 115.

Средній «существующій надѣлъ» въ дѣйствительности былъ недостаточенъ даже и въ крѣпостную эпоху.

По исчисленію профессора Янсона, для удовлетворенія своихъ продовольственныхъ нуждъ крестьянинъ нуждался въ черноземной Россіи въ пяти-десятинномъ надѣлѣ на ревизскую душу, а не въ черноземной—въ восьми-десятинномъ надѣлѣ [1]).

Такихъ размѣровъ дореформенный надѣлъ изъ нечерноземныхъ губерній достигалъ только въ Новгородской и Вологодской губерніяхъ. Но онъ опускался въ Нижегородской губерніи до 3,8 дес., во Владимирской—до 3,7 дес., а въ Московской—всего до 2,3 дес., на душу. Въ черноземной полосѣ надѣлъ въ 5 дес. не достигалъ нигдѣ, а въ Харьковской губерніи доходитъ до 2.8 дес., въ Курской—до 2,3 дес.

Это малоземелье крѣпостной эпохи получило свое яркое выраженіе въ начавшемся вымираніи крѣпостного населенія. Самаринъ признавалъ совершенно правильнымъ выводъ, что въ «крѣпостномъ сословіи смертность постоянно бываетъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ напримѣръ, между государственными крестьянами и казаками, и при совершенно одинаковыхъ условіяхъ климатическихъ, при одинаковой мѣстности, одинаковыхъ занятіяхъ, пищѣ, образѣ жизни»... Эта недостаточность надѣловъ пополнялась отходомъ на сторону—въ нечерноземныхъ губерніяхъ—на фабрики и заводы (и, частью, кустарными промыслами), а въ черноземныхъ—отходомъ на сельскохозяйственныя работы за Волгу и на югъ [2]).

По плану правительства, право выкупа надѣловъ съ правительственной помощью должно было быть дано только пашеннымъ крестьянамъ, дворовымъ же крестьянамъ такого права рѣшено было не давать. Въ виду этого, съ приступомъ къ Реформѣ, дворянство усиленно начало переводить крестьянъ съ пашни въ дворовые. Въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ было констатировано, что при производствѣ 10 ревизіи, въ 1858 году, многіе помѣщики старались показать возможно больше своихъ крестьянъ, какъ дворовыхъ.

[1]) Янсонъ. Опытъ изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ.

[2]) Эти отхожіе крѣпостные и составляли главные кадры „вольнонаемныхъ рабочихъ," трудъ которыхъ признавался помѣщиками болѣе производительнымъ, чѣмъ трудъ крѣпостныхъ. Ibid. стран. 73—277.

Ростъ дворовыхъ по тремъ послѣднимъ ревизіямъ шелъ усиленнымъ темпомъ.

	8 ревизія.	9 ревизія.	10 ревизія.
Крестьянъ съ землей . .	95,9%	95,2%	93,2%
Дворовые	4,1%	4,8%	6,8%

Такъ какъ крестьянамъ, отданнымъ въ рекруты, не полагалось надѣловъ, то съ опубликованіемъ «рескриптовъ» о приступѣ къ Реформѣ началась усиленная сдача крѣпостныхъ въ рекруты.

Помѣщики черноземной Россіи для того, чтобы не дать крестьянамъ на выкупъ дорогой земли, скупали по дешевымъ цѣнамъ земли по окраинамъ Россіи и переводили туда своихъ крестьянъ.

«Со стороны помѣщиковъ злоупотребленія усиливаются вотъ по какимъ статьямъ: мелкопомѣстные сбываютъ людей въ рекруты, а помѣщики внутреннихъ губерній переселяютъ къ намъ крестьянъ на солончаки», писалъ Самаринъ въ 1861 году.

Помимо этого помѣщики начали усиленно продавать земли съ инвентаремъ; ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь на поселеніе и давать имъ отпускныя «на волю» безъ земли [1]).

Первый варіантъ нормы надѣловъ Редакціонныя Комиссіи назначили на основаніи проектовъ, представленныхъ, главнымъ образомъ, отъ дворянства нечерноземныхъ губерній, закончившаго свои работы по составленію проектовъ раньше, чѣмъ дворянство черноземныхъ губерній.

Въ этихъ проектахъ надѣлы выводились изъ «существующихъ нормъ», какъ отправного пункта.

Редакціонныя Комиссіи, съ одной стороны, на основаніи данныхъ этихъ проектовъ и, съ другой, на основаніи данныхъ, собранныхъ Земскимъ Отдѣломъ при Редакціонныхъ Комиссіяхъ, вывели среднюю норму надѣла для каждаго района. Эта «средняя» и составила такъ называемый «высшій надѣлъ».

Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ этотъ «высшій надѣлъ» и фактическій надѣлъ совпадали, тамъ крестьяне имѣли право, при согласіи помѣщика, выкупить весь фактическій надѣлъ. У крестьянъ тѣхъ имѣній, гдѣ надѣлъ превышалъ эту среднюю норму, или «высшій надѣлъ», должна была производиться «от-

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. I, стран. 206, 277—282. Петр. 1915 г.

рѣзка» въ пользу помѣщика. Въ имѣніяхъ, гдѣ помѣщикъ не могъ дать на выкупъ земли въ размѣрѣ высшаго надѣла разрѣшалось нарѣзать по нисшей нормѣ («нисшій надѣлъ»), опредѣленный въ $1/3$ высшаго надѣла. Но если у помѣщика оставалось менѣе $1/3$ удобной земли имѣнія въ черноземной и въ нечерноземной полосахъ и менѣе половины удобной земли имѣнія въ степной полосѣ, то помѣщику также разрѣшалось сдѣлать отрѣзку отъ крестьянскаго надѣла для пополненія недостающей до $1/3$ или до половины (смотря по району) удобной земли имѣнія [1]), оставляя крестьянамъ не менѣе нисшаго надѣла.

Такимъ образомъ, Редакціонныя Комиссіи допускали отрѣзки въ двухъ случаяхъ: I) въ случаѣ, если въ имѣніи фактическій надѣлъ былъ выше выведеннаго ими для данной мѣстности средней нормы или «высшаго надѣла» и II) въ случаѣ, если, за надѣленіемъ крестьянъ по средней нормѣ (высшему надѣлу), у помѣщиковъ не оставалось $1/3$ или $1/2$ прежней удобной земли имѣнія.

Прибавка же къ существующему у крестьянъ надѣлу допускалась только въ томъ случаѣ, если у крестьянъ фактически земли было менѣе низшаго надѣла, а у самого помѣщика, при передачѣ крестьянамъ на выкупъ земли по нисшей нормѣ, оставалось болѣе $1/3$ удобной земли въ черноземной и нечерноземныхъ районахъ, и не менѣе $1/2$ въ степной полосѣ.

Если высшій надѣлъ (средняя норма) надѣла самъ по себѣ былъ недостаточенъ для крестьянъ крѣпостной эпохи, то условіе, поставленное Редакціонными Комиссіями для надѣленія крестьянъ—оставлять не менѣе $1/3$ земли помѣщику—въ малоземельныхъ имѣніяхъ еще болѣе ухудшали дѣло. Этимъ крестьяне малоземельныхъ имѣній самими условіями освобожденія обрекались на нищету. При принятыхъ Редакціонными Комиссіями ограниченіяхъ идея «существующаго надѣла» превращалась въ простую вывѣску. Такъ и говорилъ Ростовцевъ, когда убѣждалъ дворянъ не бояться словъ—«существующій надѣлъ».

---

[1]) При проведеніи въ жизнь Положенія 1861 года въ отрѣзки попадали обычно наиболѣе цѣнныя угодья: отрѣзывались луга, выгоны, прогонъ къ водопою и др. Часто безъ отрѣзанныхъ угодій деревня лишалась возможности вести хозяйство и принуждена была арендовать или выкупать отрѣзки по высокимъ цѣнамъ. Общая сумма отрѣзковъ по самымъ скромнымъ вычисленіямъ превысили 3 милл. дес.

«Я считаю, говорилъ Ростовцевъ, что, отрѣзывая землю у крестьянъ, мы зажжемъ Россію. Какъ вывѣску, мы должны поставить основаніе существующаго надѣла. Не надо колебать этого,—ради Бога, оставьте это. Я хозяинъ, позвольте, вы гости. Вдругъ одинъ ихъ гостей, приглашенныхъ на обѣдъ, потребовалъ бы жаренаго. Дозвольте, тутъ есть горячее, тутъ есть еще соусъ, и я, какъ хозяинъ, предъявляю, что жареное будетъ, но надо повременить его подадутъ въ своемъ мѣстѣ»...

Что касается «жаренаго», то Ростовцевъ оказался совершенно правъ: проектъ Положенія, вышедшій изъ рукъ Редакціонныхъ Комиссій и Главнаго Комитета, соотвѣтствовалъ аппетиту большинства крѣпостниковъ.

Предварительныя среднія нормы надѣловъ, предложенныя Редакціонными Комиссіями, были все-таки значительно выше того, что предложили дворянскіе Комитеты, въ особенности комитеты черноземныхъ губерній.

Черноземные помѣщики доходили въ своихъ предложеніяхъ до утвержденія, что крестьянамъ земля вовсе не нужна. Такъ, Комитетъ *Воронежскихъ* дворянъ считалъ, что для улучшенія быта крестьянъ «сверхъ утвержденія между ними вѣры и нравственности достаточно одной свободы труда» [1]).

Другіе Комитеты не шли такъ далеко, но за уменьшеніе надѣловъ стояли даже и нечерноземные помѣщики.

Дворянскіе депутаты въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ упорно защищали нормы надѣловъ своихъ комитетовъ.

Псковскіе депутаты говорили, что «полезнѣе не для помѣщика, а для государства не слишкомъ увеличивать надѣлъ и оставить его, какъ есть, потому, что многіе крестьяне перейдутъ тогда въ мѣщане, давая болѣе простора остающимся».

Черниговскіе депутаты указывали, что «уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ совсѣмъ не представляется столь вреднымъ для крестьянъ, какъ полагаютъ Редакціонныя Комиссіи, ибо трудъ есть главный капиталъ человѣка»...

Нижегородскіе депутаты утверждали, что «закрѣпленіе за крестьянами «существующаго надѣла» вредно, такъ какъ это поведетъ къ недостатку рабочихъ рукъ для обработки помѣщичьихъ полей, питающихъ города, войска и торговлю».

---

[1]) Матеріалы Редакціонныхъ Комиссій. Т. III, стран. 167.

Въ первомъ варіантѣ своихъ нормъ надѣловъ Редакціонныя Комиссіи уже допустили отрѣзки въ пользу дворянъ отъ «существующаго надѣла». Размѣръ, произведенныхъ въ первомъ варіантѣ, отрѣзковъ Редакціонныя Комиссіи считали «максимальными» Если бы Правительство, писалъ Черкасскій въ «Запискѣ», «составленной имъ «для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и для Императрицы» осенью 1859 года, рѣшилось въ угоду какимъ-либо частнымъ интересамъ въ минуту всеобщаго преобразованія посягнуть на крестьянскія земли и предписать отрѣзку ихъ, въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, то такого рода Положеніе или осталось бы неисполненнымъ, или повело бы къ волненіямъ, первою жертвою которыхъ было бы само дворянство».

«Впрочемъ, оговаривался Черкасскій, для губерній великороссійскихъ и малороссійскихъ Комиссіи даже дозволили себѣ нѣсколько смягчить въ пользу дворянства, строгое приложеніе начала «существующаго надѣла», допустивъ въ опредѣленныхъ случаяхъ отрѣзку земли отъ крестьянъ и возвращенія ея помѣщикамъ. Далѣе этого само правительство ни подъ какимъ видомъ не можетъ дозволить имъ итти по пути уступокъ слишкомъ опасныхъ для общественнаго спокойствія»..

Однако, въ дальнѣйшей переработкѣ проекта Положенія Редакціонныя Комиссіи все-таки увеличили отрѣзки, а затѣмъ въ Главномъ Комитетѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ произошло новое увеличеніе ихъ. Послѣдовательное увеличеніе отрѣзковъ при выработкѣ Положенія 1861 года можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра:

Губерніи (безъ дарственныхъ крестьянъ) (въ тыс. дес.).	Отрѣзки по первоначальному проекту Полож. Ред. Ком.	Отрѣзки увеличены Ред. Ком. послѣ пересмотра Полож. депутатами на	Отрѣзки въ Государственномъ Совѣтѣ увеличены на	Общая сумма отрѣзковъ.	«Уменьшеніе» существующаго въ крѣп. эпоху надѣла на
Псковская	50	50	12	112	12%
Симбирская	40	15	14	69	11%
Саратовская	150	4	10	164	16%
Новгородская	500	30	25	555	35%

Главный Комитетъ, по соглашенію съ графомъ Панинымъ, урѣзалъ надѣлы принятые Редакціонными Комиссіями въ 332 уѣздахъ (33 губерній) отъ $^1/_4$ до $2^1/_2$ дес.; въ 4 уѣздахъ онъ увеличилъ надѣлы, назначенные Редакціонными Комиссіями, причемъ—въ Гжатскомъ, Смоленской губерніи, на $^1/_4$ дес. и въ Солигаличскомъ и Чухломскомъ. Костромской губерніи,—на $^1/_2$ дес.

Государственный Совѣтъ урѣзалъ нормы надѣловъ на $^1/_3$ и $^1/_2$ дес. только по восьми уѣздамъ 3-хъ губерній (Владимірской, Казанской и Рязанской).

Такимъ образомъ, дореформенныя нормы сокращены были въ Положеніи на 11%—35%. Государственный Совѣтъ, кромѣ того, сильно ухудшилъ Проектъ Положенія, принявъ предложеніе князя Гагарина о «дарственномъ надѣлѣ». Условія дарственнаго надѣленія заключалось въ томъ, что «при обоюдномъ согласіи» помѣщиковъ и крестьянъ можно было дать крестьянамъ безплатно $^1/_4$ высшаго или указного надѣла.

Какъ ни были малы нормы надѣловъ, принятыя въ Положеніи 1861 г., надѣлы, предложенные дворянскими комитетами, были значительно меньше. По нѣкоторымъ губерніямъ разница между предложеніями дворянъ и надѣлами Положенія 1861 года представляются въ такомъ видѣ:

ГУБЕРНІИ.	Дворянскіе комитеты опредѣлили площадь крестьянскаго надѣла. Тыс.	Крестьяне получили по Положенію 19 февраля 1861 года. дес.
Новгородская	667	1.045
Псковская	600	805
Рязанская	600	1.000
Воронежская	240	370
Симбирская	300	530
Саратовская	600	834

По размѣру выкупаемыхъ надѣловъ Положеніе 1861 года губерніи Великороссійскія, Новороссійскія и Бѣлорусскія были разбиты на три «полосы»: первая нечерноземная полоса; вторая черноземная полоса; третья степная полоса, при этомъ каждая

изъ полосъ дѣлилась на «мѣстности». Всѣхъ такихъ «мѣстностей» было 29.

Въ первой и второй полосахъ устанавливался «высшій» и «низшій» надѣлы; низшій опредѣленъ былъ въ $^1/_3$ высшаго; въ третьей полосѣ для всѣхъ мѣстностей устанавливался одинъ общій «указный» надѣлъ, безъ раздѣленія на высшій и низшій.

Въ нечерноземной полосѣ высшіе надѣлы колебались отъ 3 до 7 дес.; въ черноземной отъ $2^3/_4$ до 6 дес.; въ степной полосѣ въ Новороссійскихъ губерніяхъ «указный» надѣлъ колебался отъ 3 до $6^1/_2$ дес.; въ Великороссійскихъ губерніяхъ— отъ 6 до 12 дес.

Въ Малороссійскихъ губерніяхъ—(Полтавской, Харьковской и Черниговской высшій надѣлъ колебался отъ $2^3/_4$ до $4^1/_2$ дес. Нисшій равнялся $^1/_2$ высшаго.

Такимъ образомъ, ни въ одной изъ губерній черноземной и нечерноземной Россіи даже «высшій» надѣлъ не достигъ тѣхъ нормъ, которыя, по вычисленію Янсона, были достаточны для удовлетворенія потребностей крестьянъ. Что же можно сказать «о низшихъ» и дарственныхъ надѣлахъ! Крестьяне, получившіе низшіе и дарственные надѣлы, вмѣстѣ съ неполучившими вовсе земли дворовыми и крестьянами малоземельныхъ имѣній, составили ту многомилліонную массу пролетаризованнаго и полупролетаризованнаго населенія, съ которой Россія начала свою пореформенную исторію.

При опредѣленіи нормъ выкупа за землю Редакціонныя Комиссіи положили въ основу также принципъ «существующаго факта».

Въ этомъ случаѣ Редакціонными Комиссіями было принято предложеніе Ростовцева «слѣдить за тѣмъ, чтобы размѣры оцѣнки высшаго надѣла не измѣнили нынѣшняго дохода помѣщика». Это для помѣщиковъ. Для крестьянъ было признано, что существовавшія наканунѣ Реформы повинности были необременительны и вполнѣ «соразмѣрены съ ихъ средствами». Отсюда Редакціонныя Комиссіи рѣшили, что переводъ этихъ повинностей на деньги, при капитализаціи изъ 6%, можетъ дать норму для выкупа.

Такая постановка вопроса предрѣшила чрезвычайно высокій выкупъ, такъ какъ «средній размѣръ» существовавшихъ въ крѣпостную эпоху повинностей ни въ коемъ случаѣ не былъ

«соразмѣрнымъ» со средствами крестьянъ, онъ былъ выше этихъ средствъ.

Депутаты дворянскихъ комитетовъ 1-го и 2-го призывовъ оспаривали нормы выкупа, предложенныя Редакціонными Комиссіями. Совѣщанія Редакціонныхъ Комиссій съ «депутатами» привели къ тому, что для нѣкоторыхъ мѣстностей размѣръ выкупа былъ значительно повышенъ. Главный Комитетъ еще болѣе усилилъ это повышеніе. Подъ вліяніемъ депутатовъ дворянскихъ комитетовъ для всей черноземной полосы Редакціонныя Комиссіи повысили норму выкупа съ 8 р. до 9 р. т. е. на 12,5%. Но и при этихъ условіяхъ размѣръ выкупа, назначенный дворянскими комитетами, оказывался превосходящимъ принятый Редакціонными Комиссіями.

Такъ по Рязанской губ. «существующій» въ крѣпостную эпоху средній оброкъ равнялся 3 р. 14 к. съ десятины, Редакціонныя Комиссіи назначили 3 р. 27 к. съ десятины; меньшинство Рязанскаго Комитета требовало 5 р. съ дес.; большинство того же комитета—6 р. 85 к. съ десятины.

Въ Бобровскомъ уѣздѣ Воронежской губ. «существующій» оброкъ опредѣлился въ 2 р. 28 к. за дес.; Редакціонныя Комиссіи назначили 2 р. 57 к. за дес. Воронежскій комитетъ требовалъ 6 р. 46 к. за десятину.

Послѣдніе расчеты сдѣланы самими Редакціонными Комитетами, съ указаніемъ, что въ значительной части проектовъ остальныхъ губернскихъ комитетовъ заключается та же тенденція назначать высокій выкупъ за уменьшенный надѣлъ.

Мало уступивъ дворянству въ вопросѣ надѣла и выкупа, Редакціонныя Комиссіи вознаградили его принявъ «систему градацій» и распространивъ ее почти на всю Россію. Сущность этой системы, какъ было уже указано заключалась въ томъ, что независимо отъ того, какой надѣлъ выкупался крестьянами, первая его десятина оцѣнивалась выше чѣмъ остальныя десятины, входящіе въ составъ надѣла, а въ оцѣнкѣ остальныхъ десятинъ устанавливалась неравномѣрность. По размѣру годового оброка (при временномъ обязанномъ состояніи) или выкупа—за высшій надѣлъ—Положеніе 19 февраля раздѣлило Великороссійскія, Новороссійскія и Бѣлорусскія губерніи на 4 мѣстности, съ ежегоднымъ выкупомъ въ 12 [1]), 10, 9, и 8 р.

[1]) Норма въ 12 р. была назначена только для имѣній, находящихся не далѣе 25 вер. отъ Петербурга.

Въ нечерноземной полосѣ по системѣ «градацій» на первую десятину надѣла падала $^1/_2$ всей суммы душевого выкупа (т. е. 6 р.; 5 р.; 4 р. 50 к. и 4 р.); на вторую десятину надѣла $^1/_4$ суммы (т. е. 3 р. 2 р. 50 к. и 2 р.), на всѣ остальныя десятины падала остальная $^1/_4$ всей выкупной суммы (поровну).

Въ черноземной и степныхъ полосахъ, гдѣ высшій надѣлъ оцѣненъ въ 9 р., на первую десятину падало по 4 р., а на остальныя десятины поровну разлагалась остальная сумма въ 5 р. [1]).

При помощи системы «градаціи» помѣщики нечерноземныхъ губерній проводили выкупъ не только земли, но и труда крѣпостныхъ. Редакціонныя Комиссіи распространили «градаціи» на нечерноземную, на черноземную и степную Россію, хотя признавали, что эта система особенно выгодна для помѣщиковъ нечерноземной полосы, съ ея малоплодородной почвой и развитыми промыслами.

Повышенная оцѣнка первыхъ двухъ десятинъ заставляла крестьянъ нечерноземной Россіи брать возможно большій надѣлъ, такъ какъ 3-я и 4-я десятины выкупались уже по болѣе низкой цѣнѣ. Князь Черкасскій говорилъ въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ одному изъ депутатовъ 1-го призыва:

«Въ интересахъ сѣверныхъ губерній (въ интересахъ не крестьянъ, а помѣщиковъ И. Ч.) необходимо принять систему градацій. Тутъ на первую десятину накладывается оброкъ и съ *личнаго труда* и съ мѣстнаго промысла, который обусловленъ положеніемъ его усадебной осѣдлости, которымъ нельзя уже будетъ пользоваться, когда люди выйдутъ на волю.

Путемъ градацій дворянство могло при отказѣ отъ личныхъ правъ на крестьянъ получить вознагражденіе, какъ выражался членъ Редакціонныхъ Комиссій Арапетовъ, «за трудъ привинченный къ лицу» [2]).

---

[1]) Въ Малороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ надѣлы на душу колебались отъ $2^3/_4$ дес. до $4^1/_2$ дес. „градаціи" примѣнены не были и выкупной платежъ за землю (или годовой оброкъ) былъ опредѣленъ отъ 1 р. 40 к. до 2 р. 80 к. за десятину. Не было „градацій" также и въ губ. Кіевской, Волынской, Подольской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и частью Витебской.

[2]) Интересно, что иногда самые реакціонные „депутаты" дворянства (Позенъ) были противъ „градацій". Это объясняется тѣмъ, что дворянство нѣкоторыхъ губерній (наприм. Полтавской) предлагало надѣлъ всего въ $1^1/_2$ десятины. При такомъ надѣлѣ, конечно, нельзя было примѣнить высшую оцѣнку первой десятины, такъ какъ давалось всего одна „полная" десятина.

Легко видѣть, что при системѣ градацій, чѣмъ меньше былъ выкупаемый надѣлъ, тѣмъ выше была оцѣнка земли.

Возьмемъ конкректный примѣръ. Въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губ. вызшій надѣлъ былъ 4 десятины, за него полагался годовой оброкъ въ 9 р. Уѣздъ лежитъ въ черноземной полосѣ, слѣдовательно 1-я десятина стоитъ 4 р., остальныя три съ половиной по 1 р. 43 к. при капитализаціи изъ 6% весь надѣлъ оцѣнивался въ 150 р., что за одну десятину давало 33 р. 33 к. При нисшемъ надѣлѣ выкупить нужно было $1^1/_2$ десятины ($^1/_3$ высшаго надѣла) оброку за нихъ: 4 р. за первую десятину и 72 к. за полдесятины, всего, слѣдовательно 4 р. 72 к. При капитализаціи изъ 6% получаемъ съ десятины 52 р. 40 к., т. е. при 1,5 десятинахъ надѣла выкупъ десятины обходился почти на 58% дороже, чѣмъ выкупъ 4,5 десятинъ. Членъ Редакціонныхъ Комиссій, товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Милютинъ иллюстрировалъ этотъ результатъ такимъ примѣромъ: «чай фунтами вы покупаете дороже, чѣмъ цыбикомъ».

Но и при «высшемъ надѣлѣ», назначенная Редакціонными Комиссіями оцѣнка земли была значительно выше продажныхъ цѣнъ. Такъ, въ такомъ примѣрѣ, который взятъ нами въ Аткарскомъ уѣздѣ, продажная цѣна въ концѣ 50-хъ годовъ равнялась 29 рублямъ на десятину, такъ что при высшемъ надѣлѣ крестьяне переплачивали на 14%, при нисшемъ на 44%.

Выходъ, найденный въ «системѣ градацій» для выкупа крестьянскихъ душъ и для вознагражденія мелкопомѣстныхъ дворянъ, примирилъ, до извѣстной степени, дворянство съ Редакціонными Комиссіями и доставилъ членамъ этихъ комиссій большое удовлетвореніе. На обѣдѣ членовъ Редакціонныхъ Комиссій послѣ окончанія работъ 7 ноября 1860 г., былъ даже предложенъ особый тостъ: «за градацію».

Крестьянство, конечно, не имѣло основаній торжествовать и «пить» за градацію, оно скорѣе могло «пить» отъ «градаціи».

Условія выкупа завѣдомо недостаточныхъ надѣловъ завязывали тотъ узелъ «аграрнаго вопроса», который опредѣлилъ характеръ всей нашей пореформенной исторіи. Чрезвычайная напряженность платежныхъ силъ крестьянства обусловила его слабую покупательную способность и исключила возможность быстраго экономическаго развитія страны. Многомилліонное крестьянство, благодаря своей бѣдности, не могло создать нор-

мально развивающагося рынка для продуктовъ нашей промышленности. Отсталось экономическая влекла за собой отсталость культурную. Нашъ капитализмъ развивался слабо не потому, что Россія поздно вступила на путь капиталистическаго развитія, когда всѣ «внѣшніе рынки» были заняты, а потому, что въ Россіи, благодаря бѣдности населенія, слабо развивался внутренній рынокъ. Культурно-экономическая отсталость обусловила и медленность ликвидаціи безчисленныхъ остатковъ крѣпостного права нашей пореформенной Россіи.

Малоземелье крестьянъ «и въ особенности дарственные надѣлы» играли главную роль въ крестьянскихъ движеніяхъ пореформеннаго времени. Особенно остры крестьянскія волненія были всегда въ губерніяхъ, съ значительнымъ количествомъ дарственниковъ. Для уясненія крестьянской психологіи дореформенной и пореформенной Россіи характерны причины заставившія крестьянъ не отказываться отъ дарственныхъ надѣловъ. «Даровой» или нищенскій надѣлъ (безъ выкупа) получили болѣе 500 тыс. ревизскихъ душъ, изъ которыхъ 50% падало на 7 черноземныхъ губерній и 20%—на одну Саратовскую губ.

Согласіе крестьянъ брать «нищенскіе» надѣлы находитъ себѣ отчасти объясненіе въ той напряженной атмосферѣ, въ которой происходила Крестьянская Реформа.

Изстрадавшись въ крѣпостной неволѣ, крестьяне ждали нетерпѣливо свободы отъ «господскаго» гнета, утверждая, что полная свобода будетъ дана имъ потомъ,вмѣстѣ съ «царскимъ надѣломъ».

Тяжелыя условія освобожденія крестьянъ явились почвой для созданія легенды о томъ, что «воля» 19 февраля «подмѣненая», «воля» неполная и тотъ, кто не подпишетъ выкупного договора, получитъ, въ концѣ концовъ, «царскій надѣлъ».

Но были и чисто реальныя причины отказовъ отъ полныхъ надѣловъ. Тяжесть выкупныхъ платежей вызывала у крестьянъ опасеніе возстановленія крѣпостного права. «Земля не завидная, а платежъ трудный», и потому крестьяне предпочитали итти «хоть съ крестомъ, да на волю». А въ то же время была надежда, что «Царь не оставитъ безъ земли».

Низкія въ то время арендныя цѣны на землю и отсутствіе въ деревнѣ кадра постоянныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ для обработки помѣщичьихъ полей давали основаніе крестьянамъ думать, что имъ будетъ выгоднѣе брать въ аренду

землю, чѣмъ платить выкупъ. «Земля дешева была, думали, проживемъ и такъ». «Баринъ въ могилу землю не заберетъ». Но арендныя цѣны быстро поднялись, очень скоро превзошли выкупной платежъ, а сами крестьяне-дарственники и составили кадры сельскохозяйственныхъ рабочихъ [1]).

Дарственную землю крестьяне брали еще потому, что имъ предлагались часто надѣлы съ плохой землей или неудобно расположенные.

Случалось, что богатые крестьяне оказывались ревностными сторонниками «дарнаго» надѣла. Имѣя нѣкоторыя средства, зажиточные крестьяне полагали, что они пополнятъ «нищенскіе» надѣлы арендой, а при «полномъ» надѣлѣ они, при круговой порукѣ, могли оказаться плательщиками за бѣдныхъ крестьянъ, какъ это было во время крѣпостного права, когда богатые справляли «уроки» за бѣдныхъ и платили за нихъ оброкъ [2]).

Крестьянское движеніе 1905—1906 годовъ вновь подняло вопросъ о «царскомъ надѣлѣ», о «земельномъ равненіи», но въ немъ обнаружился усилившійся послѣ Крестьянской Реформы антагонизмъ различныхъ имущественныхъ слоевъ крестьянства, выросшій на почвѣ увеличившейся экономической «дифференціаціи» деревни.

XIV.

Первый варіантъ «указа 9 ноября» у одного изъ дѣятелей Крестьянской Реформы.

Многочисленныя показанія современниковъ и офиціальные документы позволяютъ съ большой точностью возстановить картину того, какъ было принято Положеніе 1861 года освобожденными крестьянами.

---

[1]) Какъ на примѣръ можно указать на Ростошевскую волость, Балашовскаго у., Саратовской губ., гдѣ арендныя цѣны за первые 3 года поднялись съ 1 руб. до 12 руб. то же наблюдалось и въ другихъ губерніяхъ.

[2]) Воля 19 февраля 1861 года считалась „бабьей", потому что въ теченіе двухъ лѣтъ 1861—1863 гг. для крестьянъ сохранилась обязательная барщина (въ барщинныхъ имѣніяхъ), но разнаго рода сборы—ягоды, полотно, яйца—преимущественно предметы женскаго хозяйства—были отмѣнены.

Крестьянство во многихъ мѣстностяхъ не повѣрило, что опубликованное Положеніе и есть эта самая «воля», которую оно такъ долго ждало и за которую оно такъ много страдало. На объявленіе этой воли во многихъ мѣстахъ оно отвѣтило активнымъ и пассивнымъ протестомъ.

Офиціальная, завѣдомо неполная статистика Министерства Внутреннихъ Дѣлъ насчитываетъ въ первые четыре мѣсяца послѣ объявленія Манифеста 647 случаевъ крестьянскихъ бунтовъ. Насколько грознымъ представлялось это движеніе крестьянъ, видно изъ того, что это число бунтовъ превысило число случаевъ крестьянскихъ волненій, имѣвшихъ мѣсто за 29 лѣтъ царствованія Николая I. Это была настоящая крестьянская революція, потребовавшая въ теченіе 1861 года въ 499 случаяхъ примѣненія военной силы съ убитыми, ранеными, изувѣченными прогнанными сквозь строй и, въ особенности, наказанными розгами [1]).

Широкой волной «вмѣстѣ съ тѣмъ» разлилось по странѣ пассивное сопротивленіе, выражавшееся въ отказѣ итти на барщину, платить оброкъ и подписывать уставныя грамоты. Мѣстами среди крестьянъ распространилась мысль, что принятіе на себя какихъ-либо обязательствъ по отношенію къ помѣщикамъ на основѣ изданнаго Положенія лишало ихъ права получать въ будущемъ «чистую волю», о которой въ народѣ ходили упорные слухи. «Уставныхъ грамотъ крестьяне рѣшительно подписывать не хотятъ. Это новая кабала, которую выдумали бары, для того, чтобы сказать Царю: вѣдь сами крестьяне хотятъ ходить на барщину или же на оброкъ», писалъ Кошелевъ въ маѣ 1861 года изъ Рязанской губерніи [2]).

«Общее настроеніе крестьянъ, ожиданіе новаго Положенія, недовольство настоящимъ и пассивная оппозиція:—мы все вынесемъ, всему покоримся и ничего не примемъ, ничѣмъ не заявимъ своего согласія», такъ характеризовалъ Самаринъ настроеніе крестьянъ въ Самарской губерніи, гдѣ онъ былъ членомъ Губернскаго Присутствія.

Въ Новгородской губерніи крестьяне, по словамъ мирового посредника, ждали надѣленія ихъ «Царскимъ нарѣзомъ, когда пройдетъ царская цѣпь». Положеніе 1861 года крестьяне счи-

---

[1]) См. Попельницкій. „Современный Міръ". 1911 г.
[3]) Матеріалы для біографіи Черкасскаго. Т. 2/I ч., стран. 283.

тали обманомъ со стороны помѣщиковъ. «Никто изъ нашихъ крестьянъ не признаетъ уставныхъ грамотъ, говоря, что это господская выдумка» [1]).

Мировой посредникъ Саратовской губерніи писалъ: «Народъ ожидалъ другой воли—«царскаго надѣла», который одни опредѣлили въ восемъ, другіе въ двѣнадцать десятинъ на душу, распространяли слухъ, что земля помѣщиковъ отбирается и послѣдніе ее получатъ по числу душъ съ своего семейства, а остальное нарѣжется крестьянамъ: не слѣдуетъ подписывать уставныя грамоты, надо ждать новой воли и царскаго надѣла, кто же подпишетъ—идетъ навсегда въ кабалу» [2]).

Противъ условій освобожденія крестьянство выступило съ доселѣ невиданной сплоченностью.

«Связь въ крестьянствѣ до того окрѣпла, что оно не позволитъ съ собою шутить, какъ съ нимъ шутили въ Положеніи», писалъ осенью 1861 года встревоженный настроеніемъ крестьянъ Кошелевъ. «Крестьяне всячески стараются отбить у насъ охоту заниматься хозяйствомъ, на оброкъ не идутъ, барщину справляютъ какъ можно хуже. Воровство и самоволіе развились въ страшныхъ размѣрахъ» [3]).

Въ атмосферѣ такого настроенія крестьянъ, дворянство почувствовало себя въ плѣну у этой небывало сплотившейся крестьянской массы. Въ то время какъ флигель-адъютанты изъ Петербурга и мѣстная администрація военной силой старались разрушить солидарность крестьянской массы, менѣе боевое дворянство на мѣстахъ искало «мирныхъ» средствъ, могущихъ разбить солидарность этихъ массъ. И тутъ среди дворянства начинаютъ все громче и громче раздаваться голоса противъ поземельной общины.

Старая мысль Меньшикова и разсужденія депутатовъ второго призыва объ «опасностяхъ», которыя таила въ себѣ поземельная община, съ ея способностью сплачивать крестьянство «въ стихію, враждебную помѣщикамъ», начинаетъ вновь занимать вниманіе помѣщиковъ.

Грозное настроеніе крестьянскихъ массъ заставило задуматься надъ Положеніемъ 1861 года и его собственныхъ авторовъ.

---

[1]) Записки Носовича: Крестьянская Реформа въ Новгородской губ., стран. 88.
[2]) Изъ Записки мирового посредника Саратовской губ.
[3]) Колюпановъ. Біографія Кошелева, стран. 308.

Между наиболѣе активными дѣятелями Реформы, Самаринымъ, Кошелевымъ и кн. Черкасскимъ, началась оживленная переписка по вопросу о содержаніи Положенія 1861 года.

Крестьянское Положеніе 1861 года, которое упорно крестьяне не хотѣли признать «настоящей волей», какъ мы видѣли, составлялось при сильномъ вліяніи Самарина и Черкасскаго, сумѣвшихъ провести въ Положеніе главнѣйшія части ихъ программы по крестьянскому вопросу.

Въ этомъ славянофильскомъ тріумвиратѣ, создавшемъ два журнала—«Русскую Бесѣду» и «Сельское Благоустройство», кн. Черкасскій всегда считался, въ извѣстномъ смыслѣ, еретикомъ въ вопросѣ объ общинѣ.

Однажды Черкасскій писалъ Кошелеву по вопросу объ общинѣ: «Опять повторяю, что касается до меня, то уже однимъ участіемъ своимъ въ «Русской Бесѣдѣ», несмотря на многія коренныя мои, не вполнѣ согласныя съ нею убѣжденія, я до нѣкоторой степени доказалъ свою вѣрность общему знамени. Въ «Сельскомъ Благоустройствѣ», также я, ради блага общаго, ни разу не выразилъ коренного и притомъ важнаго разногласія своего по вопросу объ общинѣ. Въ Комиссіяхъ (Редакціонныхъ. И. Ч.) даже поддерживалъ ее, когда видѣлъ, что мой голосъ могъ бы содѣйствовать слишкомъ враждебному противъ нея настроенію, и въ настоящее время опять послѣ переписки со всѣми вами (Кошелевымъ, Аксаковымъ, Самаринымъ) пріостановился говорить и писать противъ нея, дабы не разстраивать ни дѣла, ни согласія. Итакъ, дрожайшій Александръ Ивановичъ, я, кажется, могу, по чистой совѣсти, назвать себя, если и не цѣннымъ, то по крайней мѣрѣ вѣрнымъ союзникомъ, умѣющимъ уважать дисциплину и подчиняться въ случаѣ нужды міру, хотя и съ сохраненіемъ личныхъ убѣжденій».

Самаринъ и Черкасскій, живя въ разныхъ мѣстахъ Россіи, занялись «на досугѣ» критикой и провѣркой своего произведенія—Положенія 1861 г. Въ результатѣ этой провѣрки они пришли къ совершенно одинаковому выводу, сводившемуся къ тому, что ихъ «трудъ» не требуетъ существенныхъ измѣненій. Кн. Черкасскій въ письмахъ своихъ къ Кошелеву и Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ Милютину выражалъ, въ апрѣлѣ и маѣ 1861 года, полное удовлетвореніе Положеніемъ 1861 года.

«Если бы я одинъ распоряжался всѣмъ дѣломъ и если бы могъ вновь имъ заняться теперь», писалъ Черкасскій Кошелеву, «я постарался бы упростить его въ кое-чемъ немногомъ, убавилъ бы съ сотню или съ полсотни статей, значительно измѣнилъ бы въ нѣсколькихъ статьяхъ редакцію безъ измѣненій ихъ смысла и сущности, но заостривъ частенько редакцію не противъ помѣщика, но противъ крестьянъ. Затѣмъ, положа руку на сердце, я по чистой совѣсти повторилъ бы безстрашно вновь уже пройденный путь и не отступилъ бы ни въ чемъ существенномъ отъ принятой нами системы [1].

Почти то же самое писалъ кн. Черкасскій Милютину послѣ того, какъ онъ, по его словамъ, «многократно и строго вопрошалъ и свою совѣсть, и голую дѣйствительность, выступившую въ деревнѣ безъ прикрасъ и обольщеній».

«Коренныхъ ошибокъ мы не сдѣлали, наше дѣла правое и наша совѣсть чиста», вотъ было «твердое убѣжденіе» Черкасскаго, послѣ размышленій, «въ досугахъ двухмѣсячнаго уединенія».

Самаринъ тоже чувствовалъ себя совершенно удовлетвореннымъ Положеніемъ 1861 года. Въ письмѣ отъ 29 іюля 1861 г. онъ писалъ Кошелеву: «Такъ же, какъ Черкасскій, я на досугѣ провѣрилъ его и вдоль, и поперекъ и пришелъ къ такому же заключенію, къ какому и онъ» [2].

Правда, Черкасскій протестовалъ противъ нѣкоторыхъ поправокъ, внесенныхъ Главнымъ Комитетомъ и Г. Совѣтомъ [2]. «Нельзя представить себѣ ничего безобразнѣе ими поставленныхъ» высокихъ размѣровъ (повинностей) и уменьшенныхъ maximum'овъ [3]) земли». Но это все же не мѣшало Черкасскому называть Положеніе 1861 года «нашей работой» и находить «основныя начала» Положенія его все-таки «справедливыми».

Непримиримое отношеніе къ Положенію 1861 года крестьянъ примирило съ нимъ дворянство. Ознакомившись, въ качествѣ мирового посредника съ настроеніемъ дворянства, кн. Черкасскій писалъ Милютину въ маѣ 1861 года: «Нельзя не признать что и положеніе наше, помѣщиковъ, на первое время весьма незавидное. У многихъ крестьянъ смутно бродитъ мысль, что

---

[1]) Матеріалы для біографіи Черкасскаго. Т. I/2, стран. 252, 281.
[2]) Матеріалы для біографіи Черкасскаго Т. 1/2, стран. 258.
[3]) Матеріалы для біографіи Черкасскаго. Т. 1/2, стран. 280—281—282—287.

они имѣютъ быть освобождены отъ всякой повинности, такъ что помѣщики за наше Положеніе частенько хватаются уже какъ за якорь спасенія».

То же самое онъ повторялъ въ письмѣ къ Кошелеву: «Я ежечасно убѣждаюсь, что въ образованныхъ помѣщикахъ начинаютъ разсѣиваться многія предубѣжденія противъ нашихъ работъ» [1]).

Крестьяне, однако, «упорствовали»: уставныхъ грамотъ не брали, на выкупъ не шли, на барщинѣ работали плохо. «Посѣвъ господскихъ полей идетъ гнуснѣйшимъ образомъ. Власть помѣщика уничтожена, а другихъ властей нѣтъ», жаловался Кошелевъ въ маѣ 1861 года.

Какъ разъ въ то время, когда дѣятели Крестьянской Реформы высказывали полное удовлетвореніе своей «работой», крестьяне рѣшительно отрицали эту работу, не хотѣли платить никакого выкупа и требовали себѣ всю землю даромъ, потому что, какъ писалъ Самаринъ, «крестьянинъ былъ внутренно убѣжденъ что уже выслужилъ землю у господъ».

«Упорство» крестьянъ, которое, казалось ничѣмъ нельзя было побороть, заставило Черкасскаго признать нѣкоторые дефекты и въ Положеніи 1861 года. Это, во-первыхъ, была, по его мнѣнію, недостаточность тѣлесныхъ наказаній и, во-вторыхъ—большая связь крестьянина съ «міромъ».

Кн. Черкасскій пришелъ къ выводу, что надо усилить тѣлесныя наказанія въ барщинныхъ имѣніяхъ и найти средства ослабить узы «міра» надъ «мужикомъ», иначе не было средствъ раздавить сопротивленіе массъ.

«Опять повторяю: всѣ основныя начала Положенія справедливы и необходимы, нужно только: 1) усилить дисциплинарную власть старшинъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, ибо безъ этого барщина не можетъ итти, а отмѣнить ее вдругъ, однимъ словомъ, нельзя, и 2) облегчить раздробленіе общины при выкупѣ. Первое есть [2]) только возстановленіе въ улучшенномъ и болѣе совершенномъ видѣ того, что было сдѣлано Редак-

---

[1]) Измѣненія Государственнаго Совѣта въ проектѣ Редакціонныхъ Комиссій были очень невелики—нормы надѣла были крайне низки, а оброкъ выкупа былъ высокъ уже въ проектѣ Редакціонныхъ Комиссій.

[2]) Государственный Совѣтъ отвергъ право наложенія помѣщиками тѣлесныхъ наказаній, и Черкасскій желалъ возстановить соотвѣтствующую часть проекта Ред. Комиссій.

ціонными Комиссіями, второе будетъ лишь подсказанное опытомъ дальнѣйшее и скромное развитіе тѣхъ началъ, которыя были ими приняты въ основаніе новаго законодательства» [1]), писалъ Черкасскій Кошелеву въ 1861 году.

По отношенію мѣръ, ослабляющихъ связь крестьянинъ съ «міромъ», Черкасскій разсуждалъ такъ: послѣ объявленія воли помѣщикъ оказался въ деревнѣ лицомъ къ лицу съ потерявшей къ нему страхъ, недовѣрявшей или даже враждебной ему крестьянской массой. Помѣщикъ былъ одинъ «безъ союзниковъ», имѣя опору только въ физической силѣ войскъ и и полиціи. Но войска и полиція могли дать временную охрану имущества и личности помѣщика, не создавая ему органической связи съ крестьянствомъ, не утверждая тамъ его положенія.

И вотъ Черкасскій задался мыслью найти деревнѣ союзниковъ помѣщикамъ изъ самихъ крестьянъ. Для этого, по его мнѣнію, слѣдовало «разбить сплошную массу на куски» и опереться на отдѣльные куски этой массы. Опорой помѣщикамъ, по Черкасскому, должны были сдѣлаться выдѣлившіеся изъ общины крестьяне—частные собственники.

Положеніе 1861 года разрѣшало отдѣльнымъ домохозяевамъ выходить съ барщины на оброкъ «безъ согласія міра», но оно не разрѣшало отдѣльнымъ крестьянамъ выходить на выкупъ «безъ согласія міра» до подписанія уставной грамоты. И если «міръ» не соглашался итти на выкупъ, то ни одинъ домохозяинъ не имѣлъ права отдѣльно вступать въ соглашеніе съ помѣщикомъ о выкупѣ. «Благодаря тому, что выкупныя сдѣлки Положеніе 1861 года разрѣшали совершать только съ цѣлымъ міромъ, не смотря на наличность въ каждомъ обществѣ отдѣльныхъ крестьянъ, которые хотѣли бы выйти на выкупъ, дѣло съ выкупомъ не двигалось впередъ за невозможностью добиться согласія на выкупъ всего міра».

«Единицы въ крестьянахъ,—писалъ Черкасскій,—совершенно готовы и на оброкъ, и на сдѣлки, и на выкупъ, ихъ удерживаетъ исключительно только законъ [2]), требующій или выкупа

---

[1]) Мат. для біографіи Черкасскаго. Т. 1/2, стран. 302.

[2]) Въ другомъ письмѣ Черкасскій говоритъ: „Я говорю о позволеніи выходить изъ хозяйственной общины и выкупать независимо отъ прочихъ крестьянъ свой поземельный надѣлъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ крестьянамъ, которые пожелали бы внести помѣщику всѣ деньги вдругъ, безъ казенной ссуды, и которыхъ стѣсняетъ желаніе прочихъ оставаться на барщинѣ“. Изъ письма Самарину 8 ноября 1861 г.

всѣмъ обществомъ, или предварительнаго приговора всего же общества о распаденіи его. Того и другого теперь, очевидно, трудно добиться. Слѣдовательно, остается открыть клапанъ отдѣльнымъ личностямъ», т. е. дать каждому крестьянину право тамъ, гдѣ общество не хочетъ оставить барщины, приступить къ *единоличному выкупу* своей тягловой земли [1]).

Мысль Черкасскаго сводилась къ необходимости дать крестьянамъ право выходить изъ общины безъ согласія «міра» и выкупать надѣлы въ собственность помимо «міра» [2]).

Черкасскій полагалъ, что выдѣлившіеся изъ общины крестьяне заживутъ своей особой отъ «міра» жизнью и съ теченіемъ времени изъ нихъ создастся классъ «полныхъ собственниковъ, враждебныхъ всякому движенію полукрѣпостническихъ массъ, въ которомъ начало собственности получитъ для себя лучшую опору».

Если дать право выхода изъ общины отдѣльнымъ хозяевамъ, то крестьянская «интеллигенція» и крестьянскій «капиталъ» разорвутъ съ общиной и, само собой, «безъ всякаго физическаго насилія сломается небезопасная коалиція [3]), питаемая общиннымъ бытомъ и нынѣ слишкомъ часто насилующая *лучшихъ* крестьянъ» [4]).

И вотъ эта-то крестьянская частная собственность, по Черкасскому, и создастъ «опору» помѣщикамъ въ ихъ борьбѣ съ крестьянскимъ «міромъ».

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, писалъ Черкасскій, въ самомъ селѣ постепенно учредится, и въ весьма скоромъ времени, классъ умныхъ, вліятельныхъ и сильныхъ *собственниковъ*, которые послужатъ лучшей преградой противъ захватовъ общинниковъ, нынѣ направляемыхъ противъ одного помѣщика».

«Люди эти будутъ лучшіе союзники послѣдняго; и лучшій, вѣрнѣйшій элементъ порядка въ селѣ; съ ихъ помощью вовсе не страшны пугающіе васъ захваты крестьянъ и выкуриваніе помѣщиковъ обществомъ» [5]).

---

[1]) Кн. Трубецкая. Матеріалы для біографіи Черкасскаго, стран. 312.

[2]) Черезъ 50 лѣтъ къ этой мысли пришло пореформенное дворянство, и Столыпинъ осуществилъ ее въ указѣ 9 ноября 1906 года.

[3]) Здѣсь Черкасскій буквально повторяетъ аргументацію депутатовъ 2-го призыва.

[4]) Матеріалы для біографіи Черкасскаго. Стран. 300, 313.

[5]) Ibid. Стран. 313.

Эти разсужденія кн. Черкасскаго съ поразительною точностью предвосхищаютъ разсужденія помѣщиковъ на дворянскихъ съѣздахъ послѣ революціи 1905 года, и продиктованную этими съѣздами «аграрную реформу», проведенную правительствомъ въ жизнь по 87 статьѣ въ 1906 году. Программа Столыпина строилась также на выдѣленіи изъ крестьянской общинной массы «крѣпкихъ крестьянъ», которые должны были образовать «опору» мѣстному землевладѣнію, въ борьбѣ противъ посягательствъ крестьянскихъ массъ на помѣщичью землю.

Свои соображенія Черкасскій сообщилъ своимъ друзьямъ—Самарину, Милютину и Кошелеву.

Черкасскій объяснилъ, почему въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ онъ не считалъ возможнымъ высказывать эти взгляды. Во-первыхъ, говорилъ онъ, Редакціонными Комиссіями было сдѣлано кое-что въ этомъ отношеніи: «тамъ было положено сѣмя для возможности будущаго распаденія общества» (очевидно, 165 ст. И. Ч.), во-вторыхъ, онъ «не хотѣлъ раздѣлиться въ Комиссіяхъ съ Самаринымъ, который и безъ того находилъ, что мы слишкомъ раскачиваемъ общину», въ-третьихъ,—и что самое любопытное,—«если бы мы», говоритъ Черкасскій, «даже и сдѣлали въ Комиссіи то, что я теперь предлагаю, то Главный Комитетъ, подъ вліяніемъ Блудова, не согласился бы, какъ онъ и забраковалъ нѣсколько облегченный выходъ изъ общины. Мы это знали впередъ».

Интересно отмѣтить, что самые откровенные реакціонеры и крѣпостники, собранные въ Главномъ Комитетѣ, вродѣ Блудова, оказывались наиболѣе «принципіальными» сторонниками общины.

Отношеніе Черкасскаго къ общинѣ не нашло поддержки ни у Кошелева, ни у Самарина.

Кошелевъ отвѣчалъ Черкасскому полнымъ согласіемъ на расширеніе примѣненія тѣлеснаго наказанія, но отказывалъ ему въ поддержкѣ по вопросу объ общинѣ.

«Вы предлагаете двѣ мѣры, первую—усиленіе дисциплинарныхъ мѣръ, т. е. тѣлесныхъ наказаній. Съ этимъ я вполнѣ согласенъ: для барщинныхъ имѣній розга въ рукахъ старостъ необходима. Думаю еще, необходимо предоставить посредникамъ право тѣлесно наказывать старостъ. Штрафы недостаточны. Что касается до второй мѣры, т. е. до облегченія къ одиночнымъ выкупамъ земли, то считаю эту мѣру *безбожною* и о ней ничего и говорить не хочу».

Кошелевъ не отрицалъ необходимости бороться съ «могуществомъ крестьянъ», но предлагалъ другое средство: «Необходимо», писалъ онъ, помочь дворянству и купечеству (двумъ тяжкимъ больнымъ) нѣсколько поправиться съ силами и притти на помощь правительству». Другими словами, Кошелевъ считалъ, что сломить крестьянство можно путемъ организованной поддержки правительства аграріями и буржуазіей, которыхъ надо было, по его плану, собрать въ особой «Земской Думѣ».

Самаринъ отказался поддержать Черкасскаго и въ вопросѣ о тѣлесномъ наказаніи, и въ вопросѣ объ общинѣ. Самаринъ мотивировалъ свой отказъ поддержать проектъ разрушенія общины тѣмъ, что ускоренное разложеніе общины создастъ пролетаріатъ, а это грозитъ Россіи распространеніемъ коммунизма.

Самаринъ дружески журилъ Черкасскаго за его нетерпѣливое желаніе «ускорить ходъ вещей и помочь разложенію общины». «Хочется ему забѣжать впередъ (Черкасскому) предрѣшить историческій процессъ первостепенной важности, ускорить разложеніе поземельной общины и толкнуть ее на другой путь, забывая, что этотъ путь замыкается ущельемъ, въ которомъ гнѣздится коммунизмъ».

Кромѣ того, Самаринъ не вѣрилъ, чтобы помѣщикамъ удалось найти сторонниковъ въ деревнѣ. «Вы надѣетесь въ центрѣ общины создать изолированные консервативные элементы, которые представятъ отпоръ стихійному безсознательному броженію массъ; по моимъ наблюденіямъ, надо ждать противнаго» [1].

Крестьянское движеніе уже къ концу 1861 года сильно пошло на убыль. Хотя по даннымъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ крестьяне и общинной, и подворной Россіи мѣстами еще въ 1862 году продолжали ждать «чернаго передѣла», но сопротивленіе крестьянъ введенію уставныхъ грамотъ къ 1862 году ослабѣло: 42 свитскихъ генерала, батальоны солдатъ, усиленная порція розогъ сдѣлали «свое дѣло».

Въ 1862 году мировые посредники почувствовали подъ собой твердую почву, такъ какъ оппозиція крестьянъ была разбита.

---

[1]) Мат. для біографіи Черкасскаго. Т. 1/2, стран. 306.

«Въ обходныхъ движеніяхъ», какъ назвалъ свой проектъ Черкасскій, не было никакой нужды.

«Расположеніе крестьянскихъ умовъ», писалъ въ качествѣ мирового посредника Черкасскій въ сентябрѣ 1861 года, «улучшилось въ невообразимой степени, а помѣщики сильно оперились»[1].

Черкасскій болѣе не настаивалъ на своихъ предложеніяхъ: съ крестьянами дѣло налаживалось, надо было только «урегулировать» рабочій вопросъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, ведущихся на новыхъ началахъ.

«Теперь я лично напираю болѣе всего на строгій надзоръ за вольнонаемнымъ трудомъ, въ своемъ участкѣ держу работниковъ крайне строго, расточаю на нихъ несравненно болѣе розогъ, чѣмъ на всѣхъ обязанныхъ крестьянъ, и стараюсь въ этомъ смыслѣ тяготѣть и на Губернское Присутствіе, и на всѣхъ нашихъ мировыхъ посредниковъ», писалъ Черкасскій Кошелеву.

Кошелевъ отвѣчалъ на это сочувственнымъ письмомъ: «Весьма съ вами согласенъ, что теперь посредники должны обратить особенное вниманіе на устройство вольнаго труда. Скверна барщина, но онъ у насъ еще хуже. Работники своевольничаютъ и мы должны покоряться ихъ прихотямъ, иначе всею гурьбою они отъ насъ уходятъ. Они работаютъ не лучше барщинскихъ, а, между тѣмъ, обходятся дороже. Это обойдется, но ужасно то, что мы не имѣемъ никакого обезпеченія насчетъ работъ. Въ самое нужное время они отклоняются и на нихъ нѣтъ суда. На это обстоятельство посредники должны обратить вниманіе»[2].

Таково было отношеніе къ освобожденному крестьянству даже передовыхъ дворянъ и передовыхъ мировыхъ посредниковъ, которыхъ, по свидѣтельству Кавелина, ненавидѣло рядовое дворянство.

Черезъ три года послѣ объявленія воли въ маѣ 1864 года составленіе уставныхъ грамотъ было закончено и деревня начала новую «свободную» жизнь. Всѣ стороны этой «свободной жизни» новаго податного сословія были отравлены крѣ-

[1]) Кн. Трубецкая. Матеріалы для біографіи Черкасскаго. Стран. 380.
[2]) Матеріалы для біографіи Черкасскаго. Т. 1/2, стран. 382.

постничествомъ, пропитавшимъ регламентирующее эту жизнь Положеніе 1861 года.

Изъ эпохи крѣпостничества крестьянство перенесло въ эту «новую жизнь» малоземелье, тяжелый выкупъ и безправіе—причины его матеріальной и духовной нищеты. Но какъ крѣпостное право держало въ нищетѣ и невѣжествѣ не только рабовъ, но и «господъ», такъ и полукрѣпостническое состояніе, установленное для 9/10 населенія страны Крестьянской Реформой, обусловило медленность культурнаго роста всѣхъ сословій пореформенной Россіи и медленность ея экономическаго развитія.

Судьбы пореформенной общины.

I.

Законъ объ ограниченіи семейныхъ раздѣловъ 1886 г.

Почти вслѣдъ за принятіемъ крестьянами Уставныхъ Грамотъ началась реакціонная ломка Положенія 1861 года. Ломка эта производилась, съ одной стороны, путемъ Сенатскихъ разъясненій статей Положенія 1861 г. [1]), съ другой—путемъ законодательнымъ. Важнымъ факторомъ этого преобразованія крестьянскаго права явилось земство, въ которомъ, по Земскому Положенію 1864 года, господствующая роль была предоставлена помѣстному дворянству, въ качествѣ компенсаціи, за отмѣну крѣпостного права.

Многочисленныя земскія ходатайства о необходимости принятія мѣръ противъ «паденія нравовъ» въ деревнѣ находили полную поддержку въ правящихъ сферахъ, ведшихъ въ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ, ожесточенную борьбу съ революціоннымъ народническимъ движеніемъ.

Въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ былъ осуществленъ цѣлый рядъ земскихъ пожеланій, направленныхъ на ограниченіе семейныхъ и земельныхъ правъ крестьянъ, установленныхъ Положеніемъ 1861 года. Важнѣйшими изъ этихъ измѣненій Положенія 1861 года были: 1) законъ 1886 года, ограничивающій право семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ-общинниковъ, 2) законъ 1893 года—объ ограниченіи правъ крестьянъ въ распоряженіи ихъ надѣльной землей, 3) о запрещеніи выхода изъ общины безъ согласія «міра». Сюда надо отнести еще законъ 1889 года о земскихъ начальникахъ, расширявшій власть дво-

[1]) См. Лященко. Крестьянское Дѣло. Стран. 99—106.

рянства въ деревнѣ и законъ 1890 года объ измѣненіи земскаго Положенія 1864 года, еще болѣе разрѣдившій крестьянское представительство въ земствѣ.

Всѣ эти законы были несомнѣнымъ шагомъ назадъ отъ законодательства 60-хъ годовъ. Мотивировка ихъ носила неприкрытый классовой характеръ.

Выступая съ ходатайствами объ охранѣ разрушающихся «національныхъ устоевъ», дворяне-земцы меньше всего были воспламенены желаніемъ «поднять вчерашняго раба до гражданина» или осуществить требованія часто упоминавшейся въ застольныхъ земскихъ рѣчахъ доктрины о неотъемлемыхъ «правахъ человѣка». Мотивы ихъ предложеній были болѣе «матеріальны». Для большинства земцевъ «мужикъ» былъ прежде всего должникъ государству и рабочая сила въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Этотъ «мужикъ» съ первыхъ же годовъ послѣ Реформы началъ копить «недоимку» и возвращалъ выкупной долгъ очень туго. Дальнѣйшее накопленіе крестьянскихъ недоимокъ грозило переложеніемъ нѣкоторой доли налоговыхъ тяготъ и на плечи самихъ помѣщиковъ. Съ другой стороны Положеніе 1861 года слишкомъ отдалило «власть» отъ мужика въ интересахъ фиска, и въ интересахъ порядка необходимо было «приблизить власть къ народу».

Въ интересахъ фиска и порядка Положеніе 1861 года построило деревню на основѣ комбинаціи двухъ связанныхъ круговой порукой трудовыхъ союзовъ: патріархальныхъ семей и крестьянскихъ «міровъ». Патріархально построенная крестьянская семья представляла связанный круговой порукой за всѣхъ своихъ членовъ «*малый рабочій союзъ*», а совокупность этихъ семей—«міръ» составилъ большой рабочій союзъ, члены котораго также были связаны круговой порукой.

Въ «правильномъ» соединеніи этихъ двухъ союзовъ заключались и гарантія «порядка», и гарантія выполненія всѣхъ обязанностей мужика предъ государствомъ и помѣщикомъ.

Естественно, что реформаторство помѣщиковъ 80-хъ и 90-хъ годовъ направилось прежде всего на «упорядоченіе этихъ союзовъ».

Задача контръ-Реформы 80-хъ и 90-хъ годовъ, съ одной стороны, заключалась въ болѣе прочномъ прикрѣпленіи «мужика» къ семьѣ и къ общинѣ, а съ другой въ постановкѣ при-

крѣпленнаго къ этимъ устоямъ «мужика» подъ непосредственный надзоръ «начальника»—дворянина.

Серія крестьянскихъ законовъ 80—90-хъ годовъ открылась закономъ 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ.

По Положенію 1861 года совершеннолѣтніе сыновья имѣли право, съ разрѣшенія мірского схода, уйти отъ отца и образовать полноправный дворъ. При такомъ уходѣ долженъ былъ быть произведенъ раздѣлъ семейнаго имущества, изъ котораго уходящій получалъ свою часть. Свое согласіе на семейный раздѣлъ сельскій сходъ давалъ простымъ большинствомъ голосовъ (ст. 51 Общаго Положенія).

Такое право сыновей на уходъ изъ «родительскаго дома» помѣстному дворянству 70—80-хъ годовъ казалось недопустимой вольностью. Цѣлый рядъ земствъ, въ томъ числѣ Петроградское, Тульское, Курское—обратились къ правительству съ ходатайствомъ объ ограниченіи такого «своеволія».

Петроградское губернское земство въ 1881 году въ своемъ ходатайствѣ» просило «объ установленіи закономъ правила, по которому при жизни отца дѣти не имѣли бы право требовать раздѣла семьи, ибо «обязанность законодательной власти заставить уважать семейное начало и родительскую власть и не подрывать ихъ установленіемъ раздѣловъ по волѣ общества».

Курское губернское земство ходатайствовало объ ограниченіи семейныхъ раздѣловъ путемъ повышенія большинства на сельскихъ сходахъ, разрѣшающихъ раздѣлъ, до $^2/_3$ голосовъ, присутствующихъ на сходѣ домохозяевъ.

Правительство охотно пошло на эти просьбы «людей земли» и когда, въ 1884 году Тульское земство обратилось съ ходатайствомъ, аналогичнымъ Курскому, то Министерство Внутреннихъ Дѣлъ отвѣтило тульскимъ земцамъ, что «ходатайство губернскаго земства имѣетъ общее значеніе для всѣхъ губерній *съ общиннымъ землевладѣніемъ*, и что вопросъ объ ограниченіи семейныхъ раздѣловъ внесенъ уже въ Государственный Совѣтъ».

Въ объяснительной Запискѣ ко внесенному въ Государственный Совѣтъ проекту Министерство Внутреннихъ Дѣлъ указывало, что дѣйствующее Положеніе совершенно недостаточно, съ точки зрѣнія задачъ семейной крестьянской политики. Идеалы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ этомъ вопросѣ лежали далеко позади, въ эпохѣ крѣпостного права.

Крестьянская семья, по мнѣнію главы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, должна быть прежде всего рабочимъ союзомъ. «Рабочая семья, которая представляла бы собою тѣсно сплоченный союзъ родственниковъ, подчиняющихся главенству старшаго члена и трудящихся въ общую пользу, являлась бы идеаломъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, возможное приближеніе къ которому было бы весьма желательно въ интересахъ государственныхъ»,... писало Министерство.

Для того, чтобы этотъ рабочій союзъ не распадался Министерство Внутреннихъ Дѣлъ проектировало усилить «надзоръ міра» за семейными раздѣлами и повысить большинство на сходахъ до $^2/_3$ голосовъ, какъ это предлагало, между прочимъ, Курское земство.

Что распаденіе «большой» крестьянской семьи наносило серьезный ущербъ государственнымъ доходамъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ доказывало непрерывнымъ ростомъ недоимокъ. «Нельзя не вспомнить, говорилось въ Запискѣ, что общая сумма недоимокъ, накопившихся ко дню Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, менѣе всего свидѣтельствуетъ объ исправности крестьянъ въ уплатѣ слѣдующихъ съ нихъ сборовъ».

Въ виду того, что выкупной долгъ платили за круговой порукой всѣхъ дворовъ только крестьяне-общинники, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предлагало ограничить право образованія крестьянами новыхъ дворовъ путемъ семейныхъ раздѣловъ только въ общинныхъ селеніяхъ, такъ какъ при подворномъ владѣніи землей каждый дворъ самъ отвѣчалъ за свой выкупной долгъ.

Разсматривавшіе проектъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, объ ограниченіи семейныхъ раздѣловъ, Департаменты Г. Совѣта вполнѣ присоединились «къ мысли дѣйствительнаго статскаго совѣтника графа Толстого, сознавая невознаградимый вредъ, который дальнѣйшее безпрепятственное развитіе этого явленія (семейныхъ раздѣловъ) можетъ причинить крестьянскому хозяйству, а въ связи съ тѣмъ и экономическому благосостоянію государства».

Постоянный ростъ семейныхъ раздѣловъ Департаменты Государственнаго Совѣта считали проявленіемъ общаго упадка дисциплины среди крестьянскаго населенія, «обусловленнаго

отсутствіемъ какихъ-либо ограниченій для развивающагося, въ послѣднее время, духа своеволія и распущенности».

Общее Собраніе Г. Совѣта приняло проектъ гр. Толстого въ 1886 году. Съ 1889 года надзоръ за семейными раздѣлами былъ, кромѣ «міра», порученъ еще земскому начальнику.

Такъ была «упорядочена» крестьянская семейная жизнь, очередь теперь была за общиной. Надо было «укрѣпить» закономъ крестьянскую общину по тѣмъ же политическимъ мотивамъ, по какимъ была «укрѣплена» закономъ крестьянская семья—въ цѣляхъ сохраненія господства дворянства.

Крестьянская пореформенная политика, не измѣнила по существу своего содержанія, сравнительно съ политикой крѣпостного времени. Она не измѣнилась не только по своей основной задачѣ—охрана власти дворянства, въ странѣ, но и по своимъ средствамъ—охрана отъ «разложенія» патріархальной крестьянской семьи и общины.

II.

Законъ объ ограниченіи права распоряженія надѣлами и объ уничтоженіи права «свободнаго» выхода изъ общины 1893 г.

Противъ свободнаго выхода [1]) изъ общины, допускавшагося 165 ст. Положенія 1861 года, земства возстали даже раньше, чѣмъ противъ свободы семейныхъ раздѣловъ. Характерно, что однимъ изъ первыхъ земствъ, подавшихъ голосъ противъ распада общины, было земство Псковской губерніи, въ которой

[1]) Подъ выходами крестьянъ изъ общины подразумѣвалось закрѣпленіе крестьянами своихъ надѣловъ въ собственность. Вышедшіе изъ общины домохозяева освобождались отъ круговой поруки, а ихъ надѣлъ—отъ передѣловъ. Выходы изъ общины по 165 ст. были далеко не „свободны", такъ какъ для выхода изъ общины безъ согласія общества требовалось досрочное погашеніе выкупного долга, лежащаго на закрѣпляемомъ въ собственность надѣлѣ.

раньше, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи, передѣльная община умерла, по причинѣ отрицательнаго отношенія къ ней крестьянъ [1]).

Уже въ 1875 году Псковское земство ходатайствовало о пересмотрѣ 165 ст. въ виду того, что «выдѣлъ изъ общины ослабляетъ платежныя силы населенія и разрушаетъ его *бытовыя условія*»...

Въ концѣ 70 и въ началѣ 80 годовъ вопросъ объ общинѣ обсуждался на многихъ земскихъ собраніяхъ, при чемъ собранія приходили къ выводу, что право досрочнаго выкупа надѣловъ разрушаетъ общину. Нѣкоторыя земства (Костромское 82 г., Рославльское 84 г.), не возражая противъ права досрочнаго выкупа, возставали противъ допускаемаго 165 ст. выдѣла крестьянскихъ надѣловъ къ «одному мѣсту». Многіе земства въ своихъ «ходатайствахъ» указывали на большой вредъ неограниченнаго закономъ права продажи надѣловъ и считали настоятельно необходимымъ запретить крестьянамъ продажу надѣловъ (Самарское 84 г., Олонецкое 84 г.).

Одновременно съ «ходатайствами» объ ограниченіи права крестьянъ выходить изъ общины и о запрещеніи продажи надѣловъ, земства просили объ ограниченіи правъ «міра» въ распоряженіи надѣльной землей. Эта свобода распоряженія «міра» общинной землей особенно была пагубна, по мнѣнію земцевъ, въ дѣлѣ ничѣмъ неограничиваемаго права земельныхъ передѣловъ.

Помѣщики-земцы считали, что крестьяне безъ изданія общаго государственнаго закона о передѣлахъ, или безъ изданія «обязательныхъ постановленій» о передѣлахъ со стороны земствъ (Саратовское земство—80 г.) не въ состояніи установить «порядокъ» въ области земельныхъ передѣловъ. Нѣкоторыя земства указывали на желательность установленія закономъ минимальнаго срока между передѣлами въ 12 лѣтъ (Вельское Вологодской губ. 71 г., Богородицкое—Тульской губ. 83 г.).

Собранные въ 1881 г. земскіе «эксперты», при обсужденіи вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, также указали на «опасность» для государства «свободнаго» выхода изъ общины и мобилизаціи крестьянскихъ надѣловъ. О той же «опасности»

[1]) Статист. обслѣдованіе Псков. губ. въ 1907 г. обнаружило въ ней почти полную смерть передѣльной общины.

„Итакъ земельной общины.. почти не существуетъ въ Псковской губерніи“, пишутъ статистики Псков. земства.—Хуторскія разселенія на надѣльныхъ земляхъ Псков. губ. стр. 11. Псковъ 1909 г. Изд. Губ. Зем. Управы.

писали съ мѣстъ губернаторы, о ней говорили «свѣдущіе люди», созванные для обсужденія переселенческаго вопроса.

Въ отвѣтъ на это Министерство Вн. Дѣлъ, уже въ началѣ 1884 года, рѣшило войти въ Госуд. Совѣтъ съ «представленіемъ» объ ограниченіи правъ крестьянъ по отчужденію надѣльныхъ земель.

Въ первомъ проектѣ такого «представленія» Министерство Вн. Дѣлъ доказывало, что о владѣніи крестьянъ надѣльными землями на правахъ полной собственности «не должно быть рѣчи», ибо крестьяне получили надѣлы «для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ правительствомъ» [1].

Для сохраненія въ неприкосновенности фонда надѣльныхъ земель М—ство Вн. Дѣлъ проектировало воспретить крестьянамъ продажу и залогъ надѣльныхъ земель. При изданіи закона о запрещеніи отчужденія надѣльныхъ земель М—ство Вн. Дѣлъ считало возможнымъ оставить въ силѣ 165 статью Положенія 1861 г., такъ какъ выходъ изъ общины «не обусловливаетъ собою непремѣнно возможности отчужденія крестьянской земли». Но М—ство Вн. Дѣлъ находило безусловно опаснымъ оставлять 165 ст. безъ запрещенія продажи надѣловъ

«Статья эта должна была служить выходомъ для наиболѣе *рачительныхъ* хозяевъ изъ тяжелыхъ условій, которыя представляютъ для нихъ круговая порука и постоянные передѣлы, лишающіе ихъ возможности ввести какія-либо усовершенствованія въ свои хозяйства. На дѣлѣ же она оказалась лишь средствомъ, при помощи котораго ловкіе скупщики получили возможность пріобрѣтать крестьянскія земли»,—писало М—ство Вн. Дѣлъ.

Переписка между вѣдомствами по поводу указаннаго «представленія» Министра Вн. Дѣлъ Толстого продолжалась въ теченіе шести лѣтъ.

Въ 1888 году по вопросу «объ отчужденіи крестьянскихъ земель» была учреждена Особая Комиссія подъ предсѣдательствомъ Тов. М—ра Вн. Дѣлъ Плеве [2]. Эта Комиссія признала, что начало «неотчуждаемости надѣловъ должно быть принято за руководящее основаніе для законодательныхъ опредѣленій по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію» [3]. Доказы-

[1]) Матеріалы по изданію закона 14 декабря 1893 г. „о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель“. Стран. 14.

[2]) Ibid., стран. 171.

[3]) Ibid., стран. 177.

вала она это довольно туманными соображеніями вродѣ слѣдующаго: «Государственный интересъ установилъ положеніе, въ силу котораго земля сдѣлалась для крестьянина необходимымъ, наиболѣе вѣрнымъ и постояннымъ источникомъ обезпеченія главнѣйшихъ потребностей существованія, а примѣненіе къ землѣ привычныхъ рабочихъ силъ крестьянина явилось необходимымъ условіемъ ея производительности», или: «неотчуждаемость крестьянскихъ земель есть историческое начало нашей государственной жизни».

Комиссія Плеве высказалась за отмѣну 165 ст., такъ какъ эта статья служитъ «для немногихъ богатыхъ крестьянъ весьма легкимъ и удобнымъ средствомъ къ сосредоточенію въ своихъ рукахъ надѣльныхъ земель и къ обезземеленію значительной части крестьянскаго населенія».

Большинство въ Комиссіи Плеве было даже противъ выходовъ изъ общины съ согласія сходовъ (1-я часть 165 ст.). Засѣдавшіе въ Комиссіи бюрократы не питали никакого довѣрія къ «крестьянскому міру» и всѣ случаи разрѣшенія сходами изъ общины объясняли «легкомысліемъ и слабостью сходовъ, дѣйствовавшихъ въ пользу богатыхъ крестьянъ и во вредъ цѣлаго общества» [1]).

Въ 1890 году Дурново, преемникъ Толстого, внесъ въ Комитетъ Министровъ новое «представленіе» о мѣрахъ «къ предупрежденію неотчуждаемости надѣловъ». Въ этомъ «представленіи» онъ повторилъ всѣ доводы Толстого и доказывалъ, что крестьяне не оправдали ожиданій законодателя. «Крестьянское населеніе пользуется предоставленной ему широкой свободой распоряженія надѣльными землями далеко несогласно съ намѣреніями правительства» [2]), и потому крестьянамъ невозможно разрѣшать безпрепятственное отчужденіе надѣльныхъ земель. Кромѣ того, «неограниченная продажа надѣловъ, въ особенности лицамъ постороннимъ крестьянамъ, приводитъ къ нежелательному нарушенію, однороднаго сословнаго характера крестьянства» [3]).

Проектъ Дурново отличался отъ проекта Толстого въ одномъ отношеніи. Толстой не хотѣлъ трогать 165 ст. и ограничивался

---

[1]) Ibid. Стран. 88.

[2]) Ibid. Стран. 92.

[3]) Ibid. Стран. 133.

лишь предложеніемъ установленія «неотчуждаемости надѣловъ». Дурново высказался и противъ выхода изъ общины—безъ согласія общества, т. е. за отмѣну 2-ой части 165 ст., въ виду того, что именно эта статья разрушала общину. «Искусственное же разрушеніе сельской общины, писалъ Дурново, по инициативѣ отдѣльныхъ членовъ,—такое именно разрушеніе, которое обусловливается примѣненіемъ 2-ой части 165 ст. Пол. о выкупѣ—не отвѣчаетъ требованіямъ здравой *охранительной политики*, а вслѣдствіе сего и интересамъ общегосударственнымъ».

По поводу этого «представленія» Дурново между Министерствами возникла новая переписка, выдвинувшая неожиданно на первый планъ вопросъ «*о земельныхъ передѣлахъ*».

Отвѣчая М—стру Вн. Дѣлъ, Воронцовъ-Дашковъ, М—стръ Имп. Двора, указалъ на два недостатка проекта М—ства Внутр Дѣлъ. Во-первыхъ, у М—ства нѣтъ цифровыхъ данныхъ о томъ, сколько именно продано надѣловъ, кому именно эти надѣлы проданы; во-вторыхъ, М—ство не выяснило, по какой причинѣ крестьяне продаютъ надѣлы, гдѣ лежатъ тѣ неблагопріятныя условія крестьянскаго быта, которыя мѣшаютъ крестьянину дорожить надѣломъ.

Самъ Воронцовъ-Дашковъ открылъ одно изъ такихъ «неблагопріятныхъ условій» *въ земельныхъ передѣлахъ*. «Однимъ изъ важнѣйшихъ неудобствъ, связанныхъ съ крестьянскимъ землевладѣніемъ, считаю я, писалъ М—стръ Двора, періодическіе передѣлы земель, которые существуютъ при общинномъ владѣніи. И прекращеніе передѣловъ должно быть важнѣйшею изъ тѣхъ мѣръ которыя надлежитъ установить, и эта мѣра болѣе неотложна, чѣмъ проектируемое нынѣ ограниченіе права продажи и залога надѣльныхъ участковъ» [1]).

Воронцовъ-Дашковъ предлагалъ уничтожить общину, путемъ запрещенія передѣловъ. «Когда же отмѣна передѣловъ создастъ множество собственниковъ, тогда будетъ, по мнѣнію моему, полезно укрѣпить это мелкое землевладѣніе, ограничивъ право продажи и залога надѣловъ».

Враждебное отношеніе дворянства къ передѣламъ было давно извѣстно Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и замѣчанія Воронцова-Дашкова побудили Министерство Внутенних Дѣлъ внести въ Государственный Совѣтъ проектъ закона объ огра-

---

[1]) Ibid. Стран. 202.

ниченіи передѣловъ, даже раньше, чѣмъ было закончен обсужденіе законопроекта «о неотчуждаемости надѣловъ».

Противъ законопроекта о неотчуждаемости надѣловъ очен рѣзко выступилъ Министръ Финансовъ.

«По полученнымъ Министромъ Финансовъ даннымъ, кре стьяне за 28 лѣтъ выкупили всего 0,6 милл. дес., т. е. 0,65% все площади надѣловъ (96,4 милл. дес.) и потому», писалъ Министр Финансовъ, «потери надѣльнаго фонда нельзя признать н достигшими широкихъ размѣровъ, ни угрожающими ему в чемъ-либо, въ особенности, если принять во вниманіе, что ² выкупленныхъ надѣловъ остались у тѣхъ, кто ихъ выкупилъ ¹ Слѣдовательно, вся убыль надѣльнаго фонда за 28 лѣтъ выра зилась въ 122 тыс. дес. (т. е. 0,12%), въ то время, какъ з 6 лѣтъ дѣятельности Крестьянскаго Банка крестьяне пріобрѣл 1,4 милл. дес. Эти данныя говорятъ за отсутствіе какой бы т ни было опасности обезземеленія крестьянъ».

Съ другой стороны, Министръ Финансовъ (Бунге) возражал противъ утвержденія, что досрочные выкупы надѣловъ «не уклонно растутъ». «Наоборотъ, они стали падать, говорил Бунге, послѣ того какъ выкупные платежи у помѣщичьих крестьянъ были уменьшены, благодаря чему доходность рыночная цѣна надѣловъ у этихъ крестьянъ болѣе прибли зились къ размѣру выкупныхъ платежей, и послѣ того, как выкупные платежи были повышены у государственныхъ кре стьянъ и скупка надѣловъ у нихъ перестала быть выгодной и заманчивою операціею».

Но самое важное въ этомъ вопросѣ, по мнѣнію Министра Фи нансовъ, было то, что и выдѣлы изъ общины, и продажа надѣ ловъ, были вполнѣ естественными явленіями, нисколько н противорѣчащими интересамъ крестьянъ. Такъ, «въ большинств у. у. губ. черноземныхъ, напр.—Екатеринославской, Орловской Самарской, Саратовской и Херсонской—высокая цѣнность земл вмѣстѣ съ возрастаніемъ населенія и неизбѣжными вслѣдстві того частыми передѣлами, побуждаетъ каждаго состоятельнаг домохозяина обезпечить свое хозяйство отъ всѣхъ невыгод и неудобствъ этихъ передѣловъ и взысканій по круговой порукѣ» [2]). Съ другой, стороны Министръ Финансовъ указывалъ

[1]) Ibid. Стран. 222.
[2]) Ibid. Стран. 219.

то въ такихъ губерніяхъ, какъ, напр. «Курская, Орловская, Псковская, Самарская, Таврическая, Тамбовская продажа надѣловъ объясняется распространенностью въ этихъ губерніяхъ даровыхъ надѣловъ, которыми крестьяне менѣе всего дорожатъ и на которые менѣе всего можно смотрѣть, какъ на источникъ обезпеченія быта крестьянъ».

Министръ Финансовъ возражалъ противъ проектированной отмѣны 165 ст., такъ какъ, по его мнѣнію, такая отмѣна была бы равносильна измѣненію одного изъ коренныхъ условій, на которыхъ заключены сдѣлки съ крестьянами по выкупнымъ ссудамъ, такъ какъ ссуды выданы не только безъ ограниченія должниковъ въ правѣ уплатить долгъ ранѣе истеченія срока ссуды, но съ положительной оговоркой этого права въ законѣ» [1]. Доводы Министра Финансовъ успѣха не имѣли и въ 1891 году Министръ Внутреннихъ Дѣлъ внесъ, въ Государственный Совѣтъ законопроектъ «о мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ земель».

Въ Объяснительной Запискѣ къ этому законопроекту Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ свои опасенія по поводу продажи надѣловъ преувеличенными и согласился съ тѣмъ, что мобилизація крестьянской поземельной собственности не пріобрѣла до сихъ поръ значительныхъ размѣровъ. Само виновное въ томъ, что «въ обществѣ начали ходить преувеличенные слухи о размѣрахъ надѣловъ»,—Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ теченіе 7 лѣтъ твердившее, что крестьянское землевладѣніе, «подвергается опасности медленнаго, но вѣрнаго разрушенія», писало теперь другое. «Появившіяся въ послѣднее время въ нашей повременной печати указанія на широкую мобилизацію крестьянскихъ земель не имѣютъ подъ собой достаточныхъ основаній, или, по меньшей мѣрѣ, оказываются крайне преувеличенными» [2]).

Но для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ теперь уже рѣчь шла не о количествѣ, а о качествѣ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ заявлялъ, что онъ отстаиваетъ взглядъ «чисто принципіальный», исходящій изъ высшихъ государственныхъ соображеній—о вредѣ для «интересовъ государства» мобилизаціи крестьянской поземельной собственности и потому онъ счи-

[1]) Ibid. Стран. 224.
[2]) Ibid. Стран. 232.

тая не важнымъ вопросъ о размѣрахъ торговли надѣлами Министръ Внутреннихъ Дѣлъ не отрицалъ «пользы фактическихъ данныхъ для освѣщенія вызваннаго имъ вопроса... но не признавалъ за ними рѣшающаго значенія».

Незначительность отчужденія надѣловъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ считало даже особенно благопріятнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ это говорило за то, что законопроектъ еще не запоздалъ.

Что касается права крестьянъ выходить изъ общины, то Министръ Внутреннихъ Дѣлъ теперь стоялъ за полную его отмѣну и съ «согласія», и безъ «согласія общества». Предлагая уничтожить право выхода крестьянъ изъ общины, сломать, такимъ образомъ, одну изъ серьезнѣйшихъ частей Положенія 1861 г., Министръ Внутреннихъ Дѣлъ въ то же время признавался, что у него нѣтъ окончательнаго мнѣнія по вопросу о «значеніи общиннаго землевладѣнія». Онъ шелъ даже дальше и утверждалъ, что категорическихъ сужденій объ общинѣ при современномъ состояніи знанія общины ни у кого и «быть не можетъ». «При современномъ далеко еще неудовлетворительномъ состояніи знанія о сельской поземельной общинѣ—всякое сколько-нибудь категорическое заключеніе о пользѣ или вредѣ этой формы землевладѣнія представлялось бы скорѣе всего преждевременнымъ» [1]).

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ даже допускалъ мысль о томъ, что правительство «рано или поздно можетъ рѣшиться приступить къ окончательной ликвидаціи общиннаго землевладѣнія». Проектируемое запрещеніе выходовъ изъ общины Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отнюдь не считалъ «ни искусственной поддержкой общиннаго землевладѣнія», ни посягательствомъ на какія-то права крестьянъ...

«Право досрочнаго выкупа было и остается правомъ, предоставленнымъ крестьянамъ закономъ въ числѣ многихъ другихъ правъ, дарованныхъ крестьянскому населенію Положеніемъ 19 февраля и потому казалось бы, что измѣненіе и даже полная отмѣна сего права должны быть признаваемы столь же правомѣрными, какъ всякое другое измѣненіе закона».

Противъ этой точки зрѣнія рѣшительно возсталъ Бунге, который «сильно сомнѣвался» въ томъ, что «крестьяне, ко

[1]) Ibid. Стран. 245.

торые за предоставленную имъ землю платили 30 лѣтъ, могутъ быть лишены дарованныхъ на нее правъ актомъ, не нарушающимъ справедливость» [1]).

Запрещеніе крестьянамъ продавать и закладывать землю Бунге считалъ мѣрой не только не полезной, но даже опасной, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, ибо «такая мѣра лишитъ крестьянъ побужденія къ пріобрѣтенію имущества... *разрушитъ у нихъ понятіе о правѣ собственности*, чѣмъ создастся угроза дворянскому землевладѣнію»...

«Единственный результатъ, достижимый въ будущемъ, вслѣдствіе неотчуждаемости крестьянской земли, ограничится тѣмъ, что крестьяне сочтутъ правительство обязаннымъ надѣлять ихъ землею *не только государственною, но и частновладѣльческою.* Пошатнувъ въ понятіяхъ крестьянъ навсегда ясное представленіе *о правѣ и о личной собственности*, правительство достигнетъ одного, что крестьяне не будутъ *уважать помѣстной собственности* и будутъ требовать *надѣловъ*. Едва ли это въ интересахъ дворянства. Что выиграетъ государство? Можно ли ожидать лучшей обработки земли, лучшихъ сѣвооборотовъ, большихъ сбереженій въ крестьянскихъ хозяйствахъ? Едва ли. Общины при каждомъ неурожаѣ будутъ ждать, чтобы ихъ правительство кормило. Налоги будутъ поступать въ размѣрахъ далеко ниже установленныхъ окладовъ. Зато принципъ неотчуждаемости будетъ спасенъ» [2]).

Бунге оспаривалъ утвержденія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Комиссіи Плеве о томъ, что связь крестьянъ съ землею была куплена цѣною громадныхъ пожертвованій со стороны правительства и дворянства. Въ этомъ утвержденіи, писалъ Бунге, «не все сказано и не все вѣрно». «Громадная тяжесть пала не на правительство, а отчасти на дворянъ и *главнымъ образомъ на крестьянъ*».

Въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта по вопросу о необходимости изданія закона о неотчуждаемости надѣловъ мнѣнія раздѣлились. 9 членовъ находили задуманную ломку крестьянскаго права несвоевременной и опасной, такъ какъ эта ломка вызоветъ у крестьянъ сомнѣнія въ устойчи-

---

[1]) Ibid. Стран. 289.
[2]) Ibid. Стран. 291.

вости *и дворянскихъ правъ на землю.* «Если право полной собственности на землю и было ограничено нѣсколько на первое время по обнародованіи Положенія 19 февраля, то это было сдѣлано, говорилось въ мнѣніи 9 членовъ, въ интересахъ казны, въ виду необходимости обезпечить лежащій на крестьянской землѣ выкупной долгъ. По истеченіи же девятилѣтняго срока крестьянское населеніе получило право распоряжаться надѣльною землею, какъ своимъ достояніемъ. Неизбѣжно возникаетъ вопросъ, удобно ли нынѣ, послѣ тридцати лѣтъ, протекшихъ со времени реформы, когда цѣлое поколѣніе крестьянъ выросло и воспиталось въ сознаніи о принадлежности имъ надѣльной земли на правѣ полной собственности, ограничивать распоряженіе ею столь существеннымъ образомъ, какъ это дѣлаетъ проектъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Ибо что остается у крестьянъ отъ этого права, если отъ него будутъ оторваны столь важныя его составныя части, какъ возможность залога этой земли, или продажи ея лицамъ, предлагающимъ наиболѣе выгодную за нее цѣну? Очевидно, весьма немногое. Могутъ ли крестьяне понять эту мѣру иначе, какъ въ смыслѣ отнятія у нихъ одной изъ великихъ милостей, дарованныхъ имъ при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Не поведетъ ли, какъ справедливо полагаетъ Министръ Двора, такое колебаніе правъ этихъ людей на земельную собственность къ возникновенію въ ихъ умахъ сомнѣній *относительно устойчивости земельныхъ правъ и прочихъ* сословій».

«Если правительство признаетъ нужнымъ ограничить размѣры этого явленія и привязать населеніе къ надѣльной землѣ, то оно должно принять для этой цѣли иныя мѣры, чѣмъ тѣ, которыя нынѣ предлагаются. Не насильнымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ надѣлу, а лишь устраненіемъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, которыя выгоняютъ крестьянина съ его участка, возможно достигнуть этой цѣли, безъ потрясенія экономическаго быта народа» [1]),—писали 9 членовъ Государственнаго Совѣта.

По мнѣнію этихъ 9 членовъ, цѣлый рядъ обстоятельствъ вліяетъ на пониженіе благосостоянія населенія, на уменьшеніе платежныхъ его средствъ и ведетъ къ накопленію недоимокъ. «Однимъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ способовъ къ выходу

[1]) Ibid. Стран. 311—316.

изъ такого положенія является для крестьянина продажа его участка, въ которомъ онъ не находитъ достаточнаго для себя обезпеченія».

«Составители проекта, писали 9 членовъ, считаютъ, что каждый случай такой продажи земли является плодомъ крестьянской нерасчетливости, ведущимъ крестьянина къ обезземеленію и окончательному разоренію» [1]).

«Но такой взглядъ едва ли можно признать правильнымъ».

Девять членовъ протестовало и противъ предполагаемаго запрещенія покупать надѣлы дворянамъ. Они писали, что «розни сословій у насъ не существуетъ. Дворянство идетъ всегда первое навстрѣчу всѣмъ начинаніямъ правительственной власти и стоитъ весьма близко къ крестьянскому населенію». «Оно принесло уже не мало жертвъ при освобожденіи крестьянъ и продолжаетъ въ настоящее время въ лицѣ своихъ предводителей и земскихъ начальниковъ служить интересамъ крестьянскаго сословія. Поэтому, полагали 9 членовъ, лишать дворянство права на пріобрѣтеніе крестьянскихъ участковъ нѣтъ никакого основанія». (319 стран.).

Но большинство членовъ Госуд. Совѣта въ Соединенныхъ Департаментахъ (18 членовъ) встало на защиту проекта Дурново. Они считали, что ограниченіе продажи и запрещеніе залога надѣловъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «духу Реформы» 19 февраля 1861 года.

«Положеніе 19 февраля не только даровало крастьянамъ свободу, но и надѣлило ихъ землею, необходимою для ихъ существованія и исполненія лежащихъ на нихъ предъ правительствомъ обязанностей. Въ этомъ и заключается великая заслуга этого преобразовательнаго акта. Освободивъ крестьянина отъ рабства личнаго, онъ не оставилъ его при этомъ въ рабствѣ экономическомъ, которое могло оказаться для народа тяжелѣе и невыносимѣе перваго. Обезпечивъ массу крестьянскаго населенія значительнымъ земельнымъ фондомъ, онъ тѣмъ самымъ предотвратилъ возможность образованія у насъ, по примѣру Западной Европы, *безземельнаго пролетаріата*»,—писали 18 членовъ.

18 членовъ соглашались, что съ установленіемъ такого ограниченія «будетъ нѣсколько нарушено отвлеченное понятіе *права полной собственности* въ томъ видѣ, какъ оно усвоено частью I

---

[1]) Ibid. Стран. 315.

тома X Свода Законовъ, но зато выиграетъ благосостояніе крестьянскаго населенія, и надѣльная земля останется въ рукахъ того сословія, которое стоитъ къ ней всего ближе и которому она всего нужнѣе».

«Слѣдуетъ замѣтить притомъ, прибавляли эти 18 членовъ, что мѣры, подобныя принимаемой нынѣ, не составляютъ новизны и встрѣчались уже въ исторіи нашего законодательства. Достаточно, напримѣръ, вспомнить, что дворянамъ въ свое время не было разрѣшено продавать населенныя имѣнія лицамъ недворянскаго сословія. Стѣсненіе это не давало, однако, повода къ признанію неполноты права собственности дворянства на землю» [1]).

«Восемнадцать членовъ затрудняются вообще усвоить себѣ существующій на Западѣ Европы взглядъ на земельную собственность, какъ на товаръ, ничѣмъ не отличающійся отъ прочихъ цѣнностей, обращающихся на мѣновомъ рынкѣ. Это, можетъ быть правильно по отношенію къ нѣкоторымъ Западно-Европейскимъ государствамъ, гдѣ собственность эта представляется понятіемъ точно и окончательно установившимся. Но и здѣсь неограниченная свобода торговли крестьянскою землею приводитъ къ неблагопріятнымъ результатамъ» [2]).

18 членовъ смотрѣли на новый законопроектъ, какъ на первый шагъ въ области упорядоченія крестьянской жизни, въ которой обнаружились явленія, убѣдившія правительство «въ невозможности предоставить жизнь массы крестьянскаго населенія ея естественному теченію и указавшія на необходимость принятія положительныхъ въ отношеніи къ нему мѣръ. Въ 1889 году состоялось учрежденіе съ этой цѣлью должности земскихъ участковыхъ начальниковъ и въ настоящее время проектируются мѣры, направленныя къ огражденію его надѣльной собственности».

Что касается 165 ст., то по первой ея части (право крестьянъ выходить изъ общины «съ согласія общества») у членовъ Соединенныхъ Департаментовъ не было разногласій: всѣ высказались противъ ея отмѣны.

По поводу 2-й ея части (выходъ изъ общины безъ согласія

[1]) Ibid. Стран. 320.
[2]) Ibid. Стран. 321.
[3]) Ibid. Стран. 322.

общества) возникли разногласія: меньшинство—9 членовъ—считало необходимымъ ее отмѣнить, а большинство—18 членовъ—наоборотъ, предлагали ее также оставить безъ измѣненія.

Меньшинство въ общинѣ цѣнило прежде всего ея фискальную роль: выходъ изъ общины «безъ согласія общества» подрывалъ значеніе одного изъ коренныхъ началъ общиннаго строя, круговой поруки, чѣмъ наносился «ударъ и самому существованію общины». Выкупъ надѣловъ часто производился съ цѣлью уйти отъ круговой поруки, но «устраненіе отъ круговаго ручательства наиболѣе состоятельныхъ членовъ общины и оставленіе его на рукахъ бѣднѣйшихъ однообщественниковъ едва ли входитъ въ виды правительства» [1]).

Большинство же (18 членовъ), основываясь на томъ, что продажа досрочно—выкупленныхъ надѣловъ происходитъ въ очень незначительныхъ размѣрахъ, и что прекращеніе досрочнаго выкупа являлось бы неприносящимъ никакой пользы нарушеніемъ одного изъ существеннѣйшихъ началъ выкупной операціи,—высказалось за сохраненіе всей 165 статьи.

Когда проектъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ перешелъ въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, то тамъ вновь возникъ споръ о томъ, соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ внесенный проектъ «духу» Крестьянской Реформы. Мнѣнія по этому вопросу рѣзко раздѣлились.

Меньшинство (19 членовъ) Общаго Собранія считало, что законопроектъ рѣшительно противорѣчитъ «духу» Положенія 19 февраля. Оно возражало противъ того, чтобы допускать продажу надѣловъ только *членамъ того же сельскаго общества* и не допускать продажи надѣловъ некрестьянамъ.

«Министерство Внутреннихъ Дѣлъ опасается пролетаріата, но, возражало меньшинство, крестьянинъ, который при ограниченномъ кругѣ покупателей вынужденъ будетъ продать свою землю за безцѣнокъ, конечно, гораздо скорѣе обратится въ пролетарія, чѣмъ тотъ, который при свободной конкуренціи получитъ за нее выгодную цѣну» [2]).

Сама продажа надѣльныхъ участковъ представлялась меньшинству членовъ Общаго Собранія явленіемъ вполнѣ нормальнымъ, поскольку оно вызывается «естественно экономическими

[1]) Ibid. Стран. 343.
[2]) Ibid. Стран. 361.

потребностями населенія и условіями, въ которыя поставлено землевладѣніе».

Меньшинство членовъ Общаго Собранія считало, что мѣра, предлагаемая Дурново, не можетъ предупредить обезземеленія крестьянъ, и стояло за полную свободу продажи надѣловъ безъ ограниченія ея тѣмъ или другимъ сословіемъ. Тѣмъ болѣе, что самое сильное «обезземеленье производитъ не продажа надѣловъ, а ростъ населенія, дробящій надѣлы до невозможности вести на немъ хозяйство» [1]).

Въ противоположность меньшинству, большинство Общаго Собранія (31 членъ) утверждало, что «мысль, положенная въ основаніе проектированнаго Статсъ-Секретаремъ Дурново правила, о неотчуждаемости надѣловъ, не только не составляетъ нарушенія началъ Положенія 19 февраля 1861 года, а, напротивъ, можетъ почитаться идущею въ ихъ подкрѣпленіе и развитіе». Эта мѣра, по мнѣнію большинства, вполнѣ совпадала «съ издавна сложившимся міровозрѣніемъ нашего народа... который вовсе не усвоилъ себѣ понятія о правѣ исключительной и полной собственности на мірскую землю, а скорѣе склоненъ смотрѣть на нее, какъ на достояніе государства, въ лицѣ *Самодержавной Власти*» [2]).

По отношенію къ отмѣнѣ 2-ой части 165 ст., т. е. запрещать или не запрещать выходъ изъ общины безъ согласія общества Общее Собраніе Гос. Совѣта также распалось на меньшинство и и большинство. Меньшинство (21 членъ) считало, что отмѣна 2-ой части 165 ст. (т. е. запрещеніе свободнаго выхода изъ общины) при досрочномъ выкупѣ противорѣчитъ духу Крестьянской Реформы; оно утверждало, что свободный выходъ изъ общины (по 2-ой части 165 ст.) составляетъ одно изъ основныхъ постановленій и всего закона 19 февраля 1861 года. Большинство (28 членовъ), наоборотъ, признало, что отмѣна 2 ч. ст. 165 не только не противорѣчитъ духу Крестьянской Реформы, но вытекаетъ изъ него, такъ какъ Реформа ставила своей задачей «сохранить общину»... 14 декабря 1893 г. Госуд. Совѣтъ принялъ законопроектъ М-ва Вн. Дѣл. Новый законъ запрещалъ выходъ изъ общины безъ согласія общества, даже при досрочномъ выкупѣ надѣловъ и кромѣ того запрещалъ продажу, залогъ и

---

[1]) Ibid. Стран. 367.
[2]) Ibid. Стран. 372.

дареніе надѣловъ «лицамъ, не приписаннымъ къ сельскимъ обществамъ».

Правительство считало, что новый законъ укрѣпитъ общину, остановитъ развитіе пролетаріата и такимъ образомъ остановитъ разрушеніе патріархальныхъ нравовъ деревни.

III.

Законъ объ ограниченіи права земельныхъ передѣловъ (1893 г.).

Девятилѣтнее (съ 1884 г. по 1893 годъ) обсужденіе законопроектовъ о «запрещеніи выхода изъ общины и о неотчуждаемости надѣловъ» обнаружило **полную** солидарность земской и бюрократической мысли въ вопросѣ о необходимости укрѣпить *общину*, въ интересахъ укрѣпленія «существующаго» порядка, т. е. Самодержавія. Такая же солидарность между земствомъ и бюрократіей оказалась и во взглядахъ на необходимость опеки «крестьянскаго міра».

Въ земскихъ и бюрократическихъ кругахъ считалось очевиднымъ, что «крестьянскій міръ» пользуются предоставленной ему «свободой» не согласно съ видами правительства и потому всѣ его дѣйствія должны быть поставлены подъ правительственный «надзоръ и воздѣйствіе».

Такой «надзоръ и воздѣйствіе» были поручены «земскимъ начальникамъ», созданнымъ закономъ 1889 г. Земскіе начальники получили право «отмѣнять всякое рѣшеніе крестьянскихъ сходовъ и направлять дѣятельность крестьянъ-общинниковъ въ области распоряженія ими надѣльной землей соотвѣтственно роли крестьянства, какъ главной платежной силы государства».

Въ одной очень важной, въ глазахъ земцевъ на мѣстахъ и бюрократовъ въ центрѣ, области—распоряженія земельными передѣлами правительство сочло необходимымъ дать земскимъ начальникамъ твердую почву «въ видѣ закона о минимальномъ срокѣ передѣловъ» [1]).

---

[1]) Матеріалы по изданію закона 8 іюня 1893 г. о передѣлахъ мірской земли въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Стран. 35.

Объ огромной опасности для государства оставлять передѣлы безъ «правительственнаго контроля» земцы давно писали правительству. Однако ходатайства земцевъ объ ограниченіи передѣловъ оставались безъ результатовъ до конца 1892 года, когда М-ство Вн. Дѣлъ выступило съ законопроектомъ о 12 лѣтнемъ наименьшемъ срокѣ передѣловъ.

Въ мотивахъ къ этому законопроекту М-ство Вн. Дѣлъ считало установленнымъ, что община, съ круговой порукой, является могущественнымъ орудіемъ обезпеченія исправнаго отбыванія крестьянами повинностей... Однако, оно находило, что права «міра» въ области распоряженія общинной землей необходимо урѣзать и изъять земельные передѣлы изъ безконтрольнаго усмотрѣнія сходовъ. М-ство Вн. Дѣлъ указывало, что, вопреки предположеніямъ составителей Положенія 19 февраля 1861 г., на сельскихъ сходахъ имѣютъ вліяніе не благоразумныя и трудолюбивые крестьяне, а худшіе элементы или лица, преслѣдующіе своекорыстныя цѣли. Благодаря этому, въ распоряженіи общинными землями царитъ полный произволъ и безпорядокъ, губительно дѣйствующіе на экономическое положеніе деревни. Въ подтвержденіе своихъ соображеній М-стръ Вн. Дѣлъ приводилъ мнѣнія губернаторовъ, сенаторовъ, ревизовавшихъ въ 1880—1881 гг. нѣкоторыя губерніи и ходатайства земствъ. Особенно подробно М-ръ Вн. Дѣлъ остановился на ходатайствѣ Симбирскаго земства, поданномъ правительству послѣ голоднаго, 1891 года. Симбирскіе земцы считали совершенно ненормальнымъ такое положеніе сельскаго хозяйства, при которомъ большая часть крестьянъ «при первомъ неурожаѣ требуетъ прокормленія на казенный счетъ» [1]).

Не возражая противъ общиннаго землевладѣнія, которое представляетъ «средство, предохраняющее отъ развитія безземельнаго пролетаріата», Симбирское земское собраніе считало все же необходимымъ «поставить крестьянина въ распоряженіи землей въ извѣстныя рамки»...

Существующій въ деревнѣ передѣльный порядокъ заключается въ томъ, что «большинство, обыкновенно состоящее изъ деревенской голи, стремится, путемъ передѣловъ, обратить въ общую разверстку унавоженныя полосы и такимъ образомъ воспользоваться трудомъ трудовыхъ хозяевъ». Такой порядокъ

[1]) Ibid. Стр. 723.

лишаетъ даже «хорошихъ домохозяевъ возможности вести сколько-нибудь правильное домохозяйство».

«Установившiеся въ деревнѣ земельные порядки, по мнѣнiю симбирскихъ земцевъ, не только служатъ тормазомъ въ улучшенiи обработки земли и къ возвышенiю ея производительности, но, прiучая крестьянина къ небрежному отношенiю къ землѣ, не могутъ служить хорошей почвой къ сбереженiямъ на черный день» [1]).

Государственный Совѣтъ въ Соединенныхъ Департаментахъ обсуждалъ законопроектъ М-ства Вн. Дѣлъ о передѣлахъ въ апрѣлѣ 1893 года. Въ журналѣ по этому поводу было указано, что Государственный Совѣтъ приступаетъ къ вопросу, который законодательство оставляло до настоящаго времени внѣ всякой регламентацiи [2]), «Крестьянскимъ обществамъ была предоставлена полная свобода какъ въ назначенiи срока передѣловъ, такъ и въ опредѣленiи порядка и условiй ихъ производства». «Тридцатилѣтнiй опытъ примѣненiя Положенiя 19 февраля 1861 года обнаружилъ, однако, что столь широкое право крестьянскихъ обществъ въ распоряженiи надѣльною землею ведетъ къ весьма невыгоднымъ послѣдствiямъ. Неопредѣленность условiй и случайность сроковъ производства общихъ передѣловъ мiрской земли лишаютъ крестьянъ всякой возможности вести правильное хозяйство» [3]).

Самые трудолюбивые домохозяева часто не рѣшаются [4]) удобрять отведенныя имъ полосы изъ боязни, что при ближайшемъ передѣлѣ плодами ихъ рукъ воспользуется посторонній.

Въ виду этого, Соединенные Департаменты Гос. Совѣта признали, что «широкое развитiе, которое получилъ за послѣднее время обычай передѣловъ, составляетъ крупное зло, пагубно отражающееся на экономическомъ благополучiи крестьянъ» (144).

Общее Собранiе Государственнаго Совѣта согласилось съ Соединенными Департаментами и законопроектъ о передѣлахъ 8 iюля 1893 года сталъ закономъ. Въ этомъ законѣ наименьшiй срокъ между передѣлами установленъ въ 12 лѣтъ и всѣ при-

---

[1]) Ibid. Стран. 25.

[2]) Ibid. Стран. 143.

[3]) Ibid. Стран. 145.

[4]) Ibid. Стран. 145.

говоры сходовъ о передѣлахъ должны были провѣряться земскими начальниками. Райономъ его дѣйствія должны были быть губерніи, въ которыхъ былъ введенъ институтъ земскихъ начальниковъ.

Для уничтоженія небрежнаго отношенія къ землѣ Симбирское губернское земство въ своемъ ходатайствѣ проектировало признать «нерадѣніе и лѣнь крестьянина въ обработкѣ надѣла проступками, подлежащими тѣлесному наказанію».

Приведя это классическое «ходатайство» Симбирскихъ земцевъ, въ которомъ утвержденіе, «что община предохраняетъ отъ *пролетаріата*», шло рядомъ съ противоположнымъ утвержденіемъ, что на общинныхъ сходахъ большинство составляетъ «*деревенская голь*», и въ которомъ проектировалось тѣлесное наказаніе «для нерадивыхъ», М-стръ Вн. Дѣлъ указалъ, что онъ все-таки не предлагаетъ «полнаго прекращенія земельныхъ передѣловъ, а ограничивается болѣе скромной задачей, сводящейся къ возможному *упорядоченію* общиннаго землевладѣнія вообще и земельныхъ передѣловъ въ частности» [2]).

IV.

Борьба съ общиной (Воронцовъ-Дашковъ, 1893 годъ).

Обсужденіе крестьянскаго вопроса, въ связи съ крестьянскими законопроектами 80- и 90-хъ годовъ, показало, что въ правящихъ сферахъ въ то время, какъ и въ 60-хъ годахъ, не было единства взглядовъ въ вопросѣ на роль общины въ нашей экономической и политической жизни. Одни,— правда, подавляющее большинство,—считали, что общинное землевладѣніе выгодно и экономически, и политически. Оно даетъ крестьянину землю, слѣдовательно, и средства къ существованію и къ отправленію государственныхъ повинностей. Обезпечивая народу землю и хлѣбъ, община содѣйствуетъ утвержденію въ странѣ «порядка и спокойствія». Меньшинство, наоборотъ, полагало, что община вредна экономически и безусловно опасна

---

[1]) Ibid. Стран. 32.
[2]) Ibid. Стран. 32.

политически: именно она несетъ съ собой нищету населенія и постоянныя голодовки, а, слѣдовательно, подготовляетъ почву для крестьянскихъ бунтовъ подъ подсказываемымъ общиной лозунгомъ—«земля народу»!

Понятно, что обѣ стороны «противники» и «защитники» стояли на стражѣ охраны «государственныхъ интересовъ» и «добросовѣстно» искали средствъ для укрѣпленія «существующаго самодержавнаго строя».

Наиболѣе яркими представителями общиннофобскаго, охранительнаго» направленія въ правящихъ кругахъ 80- и 90-хъ годовъ были Воронцовъ Дашковъ и Бунге, въ качествѣ же общиннофильствующаго охранителя 90-хъ годовъ наиболѣе характерной была фигура Витте.

Разсмотрѣніе взглядовъ этихъ «государственныхъ» фигуръ даетъ полное представленіе о пунктахъ расхожденія охранителей въ вопросѣ объ общинѣ.

Свои взгляды на многообразныя опасности, которыя таитъ въ себѣ политика покровительства общинъ Воронцовъ-Дашковъ изложилъ подробно въ «Запискѣ» по законопроекту о земельныхъ передѣлахъ, поданной въ 1893 г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ этой «Запискѣ» Воронцовъ-Дашковъ прежде всего установилъ, что распоряжающаяся землей по своему усмотрѣнію община создана только Положеніемъ 19 февраля 1861 г.

Крѣпостная Россія не знала такого института, она не знала общинъ, какъ субъектовъ права на землю, такъ какъ до 61 г. сами крестьяне были объектами владѣнія, они были въ крѣпостной зависимости казны, удѣла и помѣщика. Будучи крѣпостнымъ, крестьянинъ не владѣлъ землей, онъ самъ былъ объектомъ владѣнія и уже по одному этому ничѣмъ владѣть не могъ ни единолично, ни въ составѣ той деревни или села, которыхъ былъ членомъ. Крестьянина въ крѣпостную эпоху сажали на землю и сгоняли съ земли, не спрашивая его и, меньше всего, думая о немъ.

«Крестьянинъ пользовался тою землею, которую давалъ ему его владѣлецъ, съ цѣлью поддержать свою платежную и рабочую силу, и пользовался онъ ею постольку, поскольку владѣлецъ его находилъ это для себя полезнымъ и нужнымъ. Ради этихъ же цѣлей, ради удобства владѣльца, его селили обществами, а не онъ самъ селился такъ. Эта воля, и только

она, руководила его дѣятельностью, способами пользованія его имуществомъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ, даже его семейной жизнью»[1]), такъ писалъ Воронцовъ-Дашковъ.

Крестьянинъ, въ качествѣ объекта права, могъ вынести изъ крѣпостной эпохи только одну «историческую» привычку—повиноваться». Во время Крестьянской Реформы, выпустившей мужика на волю, была сдѣлана ошибка; надо было прежде, чѣмъ надѣлить крестьянъ правами и разрѣшить ему пользоваться ими безъ контроля высшей власти, предварительно, дать ему руководителя, вмѣсто «повелителя».

Такого «руководителя» у крестьянина не оказалось, если не считать совокупности тѣхъ же крестьянъ общины, не имѣвшей понятія ни объ уваженіи къ правамъ другихъ, ни яснаго пониманія, что законно, что незаконно, что можно, чего нельзя.

Оторванный отъ помѣщичьей власти мужикъ очутился въ омутѣ безвластья. «Прежде предъ мужикомъ была такая послѣдовательность: Богъ, Царь со своими пособниками и помѣщикъ или владѣлецъ, какъ лицо, ближе всего къ нему стоящее, непосредственно имъ руководившее. Въ семейномъ же строѣ уважалось старшинство и за дѣдомъ слѣдовали отцы, сыновья и внуки. Въ этомъ строѣ явился пробѣлъ, выпалъ изъ него ближайшій, непосредственный руководитель—помѣщикъ. Замѣнить его, очевидно, надлежало какимъ-нибудь учрежденіемъ, обладающимъ не только всѣми качествами прежняго руководителя, но даже большими, и не имѣющимъ его недостатковъ. Этимъ руководителемъ явилась община. Этотъ руководитель самъ безсознательный, некультурный, дѣйствовавшій инстинктивно, не могъ не дать простора инстинктамъ массы, всегда хищническимъ, неразумнымъ»[2]). Община оказалась несостоятельной и съ точки зрѣнія хозяйственной, и съ точки зрѣнія моральной. Она «была причиною того, что въ деревнѣ общинное благоустройство не только отсутствуетъ, но замѣняется полнѣйшимъ неблагоустройствомъ, она содѣйствовала паденію вѣры въ народѣ и уваженія къ церкви, она создала въ народѣ увѣренность, что, держась общины, въ массѣ онъ неуязвимъ и ненаказуемъ въ тѣхъ правонарушеніяхъ, ко-

[1]) Матеріалы по закону о передѣлахъ. Стран. 70—78.
[2]) Ibid. Стран. 91.

торыя онъ себѣ позволяетъ по отношенію къ чужой собственности».

«Деморализація въ общинѣ началась какъ только власть помѣщика была уничтожена; авторитетъ отца въ семьѣ упалъ: патріархальной семьи не стало. Рубль все болѣе становится силою. Изъ молодыхъ дѣятелей вырабатывались мірскіе воротилы, которые все ближе и ближе стали подходить къ типу мошенниковъ, кулаковъ, ростовщиковъ и обдѣлистыхъ малыхъ — настало ихъ царство, появилась на сходахъ водка и, зачастую, она-то и служила главнымъ основаніемъ приговоровъ и постановленій схода» [1]).

«Старость стала зломъ, а уваженіе къ ней и почетъ замѣнились, въ лучшихъ случаяхъ, снисходительностью къ ней, а въ худшихъ—грубостью и пренебреженіемъ». «Церковь стала удѣломъ стариковъ. Молодымъ дѣятелямъ стало не до того: имъ некогда, они въ дѣлахъ. Обходясь безъ церкви, они мало-по-малу стали добираться и до своихъ духовныхъ руководителей: ужъ батюшку не слушали съ благоговѣніемъ, а съ нимъ спорили, говорили ему «ты», сокращали его доходы» [2]).

«Даже тѣ заботы, которыя закономъ вмѣнены въ обязанность обществу, какъ призрѣніе престарѣлыхъ, больныхъ, одинокихъ и неспособныхъ къ труду, большею частью, вовсе не исполняются обществомъ. Всякій кто стоялъ близко къ деревнѣ, знаетъ это твердо. Въ дѣйствительности, всякій членъ общества предоставленъ былъ обществомъ самому себѣ, своимъ силамъ, своей судьбѣ. По какой бы наклонной плоскости къ разоренію ни шелъ одинъ изъ членовъ общины, хотя бы по своему поведенію самый достойный, община всегда оставалась къ нему вполнѣ безучастною и ничѣмъ ему на помощь не приходила» [3]). Индивидуальность общиной совершенно задавлена, «каждое отдѣльное лицо искусственно связано съ другими и безъ воли другихъ ничего не можетъ, всякая иниціатива убита непониманіемъ ея массою, массою необразованною, неразвитою, жадною, завидующею всякому успѣху, всегда живущею интересами дня и въ своихъ жизненныхъ проявленіяхъ всегда болѣе или менѣе стихійною. Но если все выдающееся

---

[1]) Ibid. Стран. 92—93.
[2]) Ibid. Стран. 93.
[3]) Ibid. Стран. 80.

гибнетъ въ общинѣ подъ гнетомъ массы, то ясно, что она обречена на застой».

«Никогда масса не ведетъ инициаторовъ, а всегда они ее ведутъ. Почему въ массѣ крестьянства это должно быть наоборотъ» (90).

Но опаснѣе всего для государства это развитіе въ общинѣ, «соціалистическихъ инстинктовъ», вѣры въ несокрушимость «міра», что міръ силенъ, что супротивъ міра ничего не подѣлаешь. Можно быть увѣреннымъ, писалъ Воронцовъ-Дашковъ, что въ концѣ-концовъ, алчные взоры массы, воспитанной въ убѣжденіи, что двое, трое—не одинъ и что «міръ силенъ, силенъ именно количественно» должны будутъ направиться отъ хищенія другъ друга внутри общины на владѣнія сосѣднія: «община уже проявила зачатки аграрныхъ безпорядковъ» [1]). «Община, говорятъ, спасаетъ отъ пролетаріата. Но пролетаріатъ въ деревнѣ съ каждымъ годомъ растетъ». «Сторонники общины закрываютъ на это глаза и утѣшаются мыслью, что на бумагѣ безземельныхъ крестьянъ нѣтъ. На бумагѣ ихъ нѣтъ, но на дѣлѣ ихъ много. Много такихъ которые, имѣя надѣлы, ихъ никогда не пашутъ, и надѣлы эти *всегда* въ пользованіи у другихъ. Уже одно то, что процентъ безлошадныхъ съ каждымъ годомъ растетъ въ деревнѣ, доказываетъ это какъ нельзя краснорѣчивѣе: безлошадный крестьянинъ уже не пахарь [2])».

На то, какъ плохо «хозяйничаетъ» община, «указываетъ состояніе крестьянскаго землевладѣнія». Ни одинъ изъ членовъ общества не знаетъ какимъ количествомъ земли онъ будетъ пользоваться завтра, будетъ ли онъ завтра пахать землю тамъ, гдѣ онъ ее сегодня пахалъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ земля, находящаяся въ пользованіи каждаго отдѣльнаго члена общества, разбита на безконечное число отдѣльныхъ полосокъ, часто до такой степени узкихъ, что нетолько болѣе культурнымъ орудіемъ, но и сохою почти невозможно обработать ее, не вредя сосѣду. Эти безчисленныя полоски земли отстоятъ отъ усадьбы хозяина и другъ отъ друга иногда на десятки верстъ [3]). «Всякое частное лицо не прикрѣпощенное къ такому владѣнію, конечно, убѣжало бы». «Возростаніе не-

---

[1]) Ibid. Стран. 94—96.
[2]) Ibid. Стран. 104.
[3]) Ibid. Стран. 80.

доимокъ, постоянное возростаніе сельскаго пролетаріата, неимѣніе никакихъ запасовъ у населенія, какъ доказалъ это прошлый неурожайный годъ, вотъ результаты этого хозяйничанья».

«Народъ бѣднѣетъ, годъ отъ году, всѣ усилія его направлены къ тому, чтобы безплодно бороться съ тѣми условіями, въ которыхъ его заставляютъ жить». Такое положеніе вмѣстѣ съ растущей деморализаціей деревни приводитъ уже къ грозному для дворянства результату—ибо «хищническіе инстинкты охватываютъ массы».

В.-Дашковъ призывалъ къ возможно быстрому разрушенію общины, такъ какъ дальнѣйшее ея существованіе принесетъ Россіи земельную революцію. «Я совершенно убѣжденъ въ томъ, писалъ онъ, что если Россіи суждено когда-нибудь пережить потрясенія, вызванныя стихійными движеніями народныхъ массъ, то починъ въ этомъ дѣлѣ, вопреки примѣрамъ Западной Европы, будетъ принадлежать массѣ аграрной. Факты уже доказываютъ это. Какъ община развила въ себѣ пролетаріатъ, такъ какъ она неминуемо разовьетъ и это зло».

Практическій выходъ изъ создавшагося положенія Воронцовъ-Дашковъ видѣлъ въ переходѣ отъ общины къ подворному владѣнію и въ созданіи земельнаго минимума для подворныхъ участковъ, «не дѣлимыхъ, не продаваемыхъ, не закладываемыхъ». «Избыточное населеніе», превышающее число минимальныхъ надѣловъ онъ предполагалъ «направлять къ переселенію».

Въ дѣлѣ переустройства земельныхъ отношеній Воронцовъ-Дашковъ рекомендовалъ постепенность. «Нѣтъ надобности, сразу, въ корень измѣнять во всей Россіи существующій способъ землевладѣнія, это должно сдѣлать постепенно, начавъ съ тѣхъ губерній и даже уѣздовъ, которые наиболѣе въ томъ нуждаются» [1]).

---

[1]) Ibid. Стран. 99.

V.

Борьба съ общиной. (Бунге 1893 г.).

Членъ Госуд. Совѣта Бунге изложилъ свои взгляды на общину въ особой Запискѣ, поданной имъ Общему Собранію Госуд. Совѣта. Въ этой Запискѣ Бунге рѣшительно возражалъ противъ соображеній, высказанныхъ большинствомъ (18 членовъ) Госуд. Совѣта въ защиту «неотчуждаемости» крестьянскихъ надѣловъ. Охранительная политика, по Бунге, должна строиться на частной крестьянской собственности, а не на общинѣ.

Это большинство утверждало, что освобожденіе крестьянъ съ землей предотвратило возможность образованія у насъ, безземельнаго пролетаріата и что стремленіе сохранить «земельный фондъ» неприкосновеннымъ вызываетъ «необходимость въ нѣкоторомъ ограниченіи распоряженій крестьянскою землею».

На это Бунге указывалъ, что главной задачей Кр. Рефомы «было созданіе сословія крестьянъ-собственниковъ», а вовсе не «неприкосновеннаго земельнаго фонда» [1]). Что касается опасности отъ «развитія пролетаріата, то въ Россіи его уже теперь больше, чѣмъ въ Западной Европѣ». «Обезпеченіе быта нашихъ крестьянъ уже не зависитъ исключительно отъ одной надѣльной земли». «Надѣлы не могутъ предупредить образованіе сельскаго пролетаріата, существующаго въ Россіи точно такъ же, какъ и на Западѣ, но тамъ въ меньшей степени, чѣмъ у насъ. «Одинъ видъ селеній на Западной Европѣ, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, при сравненіи съ большинствомъ русскихъ деревень, едва ли даетъ намъ право видѣть нищету и пролетаріатъ на Западѣ, а благосостояніе у насъ».

Причинъ, производящихъ пролетаріатъ, писалъ Бунге, много. «Независимо отъ стихійныхъ бѣдствій», пролетаріатъ развивается отъ возрастанія населенія, отъ трудности эмиграціи избытка населенія на свободныя земли, отъ медленности землевладѣльческихъ улучшеній, дающихъ возможность съ даннаго пространства земли получать большее количество произведеній; отъ неудовлетворительности администраціи, отъ неустройства

[1]) Соображенія члена Государственнаго Совѣта Н. Х. Бунге по вопросу о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли. Стран. 10.

системы податей и финансовъ—вообще отъ несовершенства законовъ, касающихся договоровъ и имущественныхъ правъ» [2]).

Бунге подсчиталъ, на основанiи данныхъ земской статистики по 117 уѣздамъ, количество безземельныхъ дворовъ. Въ 1880—90 гг. оно равнялось 157,5 тыс. т. е. 750 тыс. обоего пола. Общее число безземельнаго населенiя по 49 губ. Европ. Россiи онъ опредѣлялъ въ 2—3 милл. душъ; и въ то же время въ Ц. Польскомъ къ 1891 году насчитывалось безземельныхъ 859 тыс. душъ обоего пола, «несмотря на неотчуждаемость надѣловъ крестьянской земли».

Коснувшись утвержденiя 18 членовъ Государственнаго Совѣта о томъ, что законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ долженъ сохранить крестьянамъ землю, данную имъ съ крупными жертвами отъ казны и отъ помѣщиковъ, Бунге, безспорный знатокъ финансовой стороны освобожденiя крестьянъ, писалъ, что «никакихъ жертвъ ни помѣщики, ни казна не принесли отечеству—помѣщики за утрату правъ на личный трудъ крестьянъ получили вознагражденiе за надѣльныя земли; а казна не имѣла никакихъ потерь, потому что Государственное Казначейство никакихъ операцiй, обременившихъ финансы, при освобожденiи крестьянъ не предпринимало, а если и были выпущены процентныя бумаги по выкупу надѣловъ, то платежъ по нимъ процентовъ и погашенiя палъ на освобожденныхъ крестьянъ. Изъ отчетовъ Государственнаго Банка по выкупной операцiи до 1892 года оказывалось, что крестьяне уже уплатили около миллiарда рублей и что на крестьянахъ числилось еще къ 1893 г. капитальнаго долга 0,53 миллiарда».

Большинство членовъ Государственнаго Совѣта отмѣчало, что неотчуждаемость надѣльной земли будто бы не новость въ нашемъ законодательствѣ, что въ крѣпостную эпоху дворяне также не могли продавать населенныя имѣнiя не-дворянамъ. Съ другой стороны это большинство указало на Венгрiю, «гдѣ съ 1870 по 1880 г. было обезземелено болѣе 50000 мелкихъ землевладѣльцевъ и на Башкирiю, гдѣ башкиры легкомысленно распродавали землю, какъ на разительные примѣры опасности права торговать землей». Бунге считалъ эти ссылки несостоятельными. «Запрещенiе продажи населенныхъ имѣнiй не дворянамъ объяснялось тѣмъ, что другiя сословiя не имѣли права владѣть

[2]) Ibid. Стран. 11.

крѣпостными, а затѣмъ, при продажѣ земли безъ людей, законъ требовалъ также, чтобы крестьяне не были безземельны, имѣя при этомъ въ виду предупредить обращеніе людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ, въ личныхъ рабовъ».

«Обезземеленіе башкирскаго народа, находившагося на переходной ступени отъ состоянія пастушескаго къ земледѣльческому, едва ли можно привести, какъ доказательство возможности обезземеленія населенія земледѣльческаго, вслѣдствіе разрѣшенія отдѣльнымъ домохозяевамъ продажи выкупленныхъ земель» [1].

Цитируя мнѣніе 18 членовъ о томъ, что, хотя съ установленіемъ неотчуждаемости земли «будетъ нѣсколько нарушено отвлеченное понятіе права полной собственности въ томъ видѣ, въ какомъ оно усвоено въ I ч. X т. Св. Зак., но зато выиграетъ благосостояніе крестьянскаго населенія и надѣльная земля останется въ рукахъ того сословія, которое стоитъ къ ней всего ближе и кому она всего нужнѣе» Бунге намекнулъ на близость этихъ разсужденій «къ полному отрицанію хозяйственныхъ основаній современнаго общества», т. е. къ соціализму. Онъ предупреждалъ, что такія сужденія опасны, ибо они даютъ поводъ думать о какихъ-то «особыхъ правахъ крестьянъ на землю», «на преимущественное право крестьянъ на землю предъ другими сословіями» [2].

Бунге утверждалъ, что единственно частная собственность является надежнымъ оплотомъ противъ революціоннаго соціализма. «Блестящія изслѣдованія по этому предмету такихъ корифеевъ, какъ Сисмонди, Джонъ Стюартъ Милль, Бруно-Гильдебрантъ, казалось, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія и нашли подтвержденіе въ положеніи современной Франціи, гдѣ личная земельная собственность болѣе всего распространена и гдѣ благосостояніе въ сельскомъ населеніи оказывается наиболѣе всеобщимъ, а земледѣльцы наиболѣе чужды соціализму вообще и революціонному въ частности».

«Нельзя при этомъ не вспомнить, писалъ Бунге, слова знаменитаго писателя Д. С. Милля, который выразился такъ: обезпечьте человѣку право собственности на скалу,—онъ обратитъ ее въ цвѣтущій садъ, отдайте ему садъ въ 9-ти-лѣтнее пользованіе,—онъ обратитъ его въ пустыню» [3].

[1]) Ibid. Стран. 15—16.
[2]) Ibid. Стран. 15.
[3]) Ibid. Стран. 19.

VI.

Соціалистическая интеллигенція и община.

Отношеніе къ общинѣ какъ въ правительственныхъ и дворянскихъ кругахъ, такъ и среди большинства демократической интеллигенціи вплоть до 90-хъ годовъ 19 столѣтія, продолжало оставаться такимъ же, какимъ оно было въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Для дворянства община продолжала оставаться *«осью»* аграрной политики; для огромной части демократической интеллигенціи община продолжала оставаться «осью» соціальнаго вопроса въ Россіи.

Революціонное движеніе демократической интеллигенціи— «народничество», начавшееся почти на другой день послѣ Крестьянской Реформы, во всѣхъ его фазахъ полагало въ основаніе плановъ грядущаго соціалистическаго преобразованія Россіи крестьянскую поземельную общину. У революціонной интеллигенціи, въ первой фазѣ народническаго движенія, вѣра въ общину, какъ основу соціализма въ Россіи, шла рядомъ съ вѣрой въ особенную склонность русскихъ крестьянъ къ воспріятію соціалистическихъ ученій и въ революціонность крестьянскихъ массъ. На эти три устоя—общину, соціалистическую психику и революціонность «народа» разсчитывали опереться революціонеры.

Уже въ первомъ послѣ Крестьянской Реформы нелегальномъ обращеніи къ «Молодому Поколѣнію» (1861 г.) были указаны, неоднократно затѣмъ повторявшіяся въ соціалистической литературѣ, основанія, по которымъ Россія призвана въ исторіи человѣчества сказать «свое слово», не повторяя задовъ Европы: «Мы не хотимъ пролетаріата, аристократизма и государственнаго начала. Мы имѣемъ полную возможность избѣгнуть жалкой участи Европы. Мы не должны итти путемъ какой-нибудь Саксоніи или Англіи, или Франціи! Развѣ у нихъ существуетъ земельная община? Развѣ у нихъ каждый крестьянинъ и каждый гражданинъ можетъ быть земельнымъ собственникомъ? Нѣтъ. А у насъ можетъ». «Мы—народъ запоздалый и въ этомъ наше спасеніе»! Такъ прокламація къ «Молодому Поколѣнію» популяризировала извѣстные тезисы Герцена.

Идейный вождь первыхъ этаповъ народническаго движенія Бакунинъ, при всемъ своемъ скептическомъ отношеніи къ общинѣ—«ее испортило государство»—признавалъ всетаки чрезвычайно благопріятнымъ для революціоннаго движенія моментомъ «убѣжденіе русскаго народа въ томъ, что вся земля принадлежитъ народу, оплодотворяющему ее своимъ трудомъ и что право на пользованіе ею принадлежитъ не лицу, а цѣлой общинѣ».

Другой вождь народничества 70-хъ годовъ Лавровъ писалъ въ своей программѣ, что «соціальная почва, на которой можетъ развиться будущность большинства русскаго народа, въ томъ смыслѣ который указанъ общими задачами нашего времени, есть крестьянство, съ общиннымъ землевладѣніемъ» (1873 г.).

Тѣмъ же отношеніемъ къ общинѣ была проникнута и легальная прогрессивная журналистика. Стремясь вліять на правительственную власть путемъ литературы, «легальные» писатели настаивали на необходимости законодательной охраны общины. «Община—палладіумъ русскаго народа», повторялъ Михайловскій слова Кавелина. Въ «законодательномъ закрѣпленіи общины» Михайловскій видѣлъ «первый актъ» правительственнаго вмѣшательства для развитія тѣхъ отношеній труда и собственности, которые уже существуютъ въ наличности въ крайне грубомъ и первобытномъ видѣ (1872 г. «Отечеств. Записки»).

Однако, со второй половины 70-хъ годовъ въ рядахъ демократической интеллигенціи начинаетъ проявляться недовѣріе и къ соціалистичности, и къ революціонности крестьянскихъ массъ, и вмѣстѣ съ этимъ появляется опасеніе за общину.

Еще раньше, въ концѣ 60-хъ годовъ, Бакунинъ указывалъ на нѣкоторые признаки разложенія общины. «Если, писалъ онъ, благодаря напору государственности въ общинѣ и стало замѣтно подобіе внутренняго процесса, то это процессъ разложенія: всякій мужикъ побогаче, да посильнѣе другихъ, стремится вырваться изъ общины, которая его тѣснитъ и душитъ». Эти слова Бакунина въ началѣ не произвели никакого впечатлѣнія, но къ концу 70-хъ годовъ и личный опытъ «ходившей въ народъ» интеллигенціи, и накоплявшіеся земско-статистическіе матеріалы позволяли болѣе точно подсчитать «шансы самобытнаго развитія и шансы капитализма». И тревога за судьбу «устоевъ» начинаетъ охватывать уже значительные ряды интеллигенціи.

Въ 1878 году Михайловскій, повторяя старую мысль о томъ, что мы, какъ позже Европы начавшіе дѣлать свою исторію, можемъ воспользоваться всѣмъ ея историческимъ опытомъ, уже прибавлялъ «воспользуемся ли имъ—это другой вопросъ».

Черезъ два года, въ 1880 году, Михайловскій опять писалъ, что хотя «остается еще теоретическая возможность того, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особливый отъ европейскаго, но эта возможность убываетъ, можно сказать съ каждымъ днемъ».

Такое паденіе шансовъ «самобытнаго развитія» Михайловскій объяснялъ прежде всего характеромъ нашей пореформенной экономической политики. «Мы немедленно послѣ Крестьянской реформы, національно разрѣшившей наши національныя задачи, своей экономической политикой, начали душить задатки своего оригинальнаго или національнаго развитія, открывъ банкирской желѣзнодорожной Европѣ ворота».

Въ «Вѣстникѣ Народной Воли» въ 80-хъ годахъ слышатся тѣ же тревожныя ноты, хотя въ общемъ этотъ органъ смотрѣлъ на происходящее въ Россіи единоборство «самобытности» и «капитализма» очень радужно. Въ 1885 г. «В.Н.В.» еще категорически указывалъ, что, Россія ближе къ соціализму, чѣмъ Западная Европа. «Въ Россіи крестьянская масса поголовно проникнута принципомъ принадлежности земли всякому обрабатывающему ее и общинное владѣніе есть исконный принципъ ея исторической и современной жизни». «В.Н.В.» соглашался, что «Россія далека отъ сознательнаго соціалистическаго идеала»; но за то она вполнѣ подготовлена къ общественному пользованію величайшимъ экономическимъ факторомъ — землею». Отсюда Журналъ заключалъ, что политическій переворотъ въ цѣляхъ «обширныхъ» реформъ: аграрной, финансовой и общественной «будетъ лучшимъ фундаментомъ соціалистическаго развитія русскаго народа».

Что капитализмъ въ Россіи начиналъ развиваться, этого не отрицалъ и Вѣстникъ Народной Воли, но онъ утверждалъ, что капитализмъ, какъ система производства, у насъ не имѣетъ будущности, ибо русскій искусственный капитализмъ, въ противоположность европейскому капитализму, характеризуется только разрушительными чертами, а отнюдь не созидательными. «Капитализмъ у насъ выражается не въ соціализаціи труда, а въ

простомъ разобщеніи народа отъ орудій труда». «Наша буржуазія—только кулачество».

На всемъ пространствѣ Россіи начиналась борьба капитализма съ «устоями», «Разуваева съ мужикомъ» писалъ «В. Н. В.» въ 1882 году.

Ни одна изъ сторонъ не могла побѣдить безъ поддержки государственной власти. Безъ ея помощи «Разуваевъ (капиталъ) не сможетъ побѣдить «мужика» и искоренить «общинно-соціалистической основы, на которой держится мужицкая жизнь». Но съ другой стороны и «мужицкій строй жизни можетъ восторжествовать и развиться до своихъ логическихъ выводовъ только въ томъ случаѣ, если законъ и общія государственныя мѣропріятія будутъ за мужика». «Если государственная власть останется въ рукахъ Разуваевыхъ, то мужицкій общественный строй будетъ съ теченіемъ времени окончательно искорененъ». Надо встать на сторону мужика и «соединить стихійное движеніе народа съ сознательнымъ движеніемъ интеллигенціи».

Помѣшать капитализму производить его разрушительную работу можетъ только государственная власть, какъ государственная власть можетъ и помочь дальнѣйшему развитію капитализма.

Какой именно оборотъ получитъ «ходъ вещей» въ Россіи, будетъ зависѣть отъ того, куда будетъ направлена эта государственная власть и въ чьихъ рукахъ она будетъ находиться. Отсюда былъ прямой выводъ: соціалисты должны захватить государственную власть въ свои руки.

«Капиталистическій процессъ» продолжалъ свое разрушительное дѣло, и къ началу 80-хъ годовъ онъ внесъ «разложеніе» не только въ деревенскіе устои, но и въ само народничество. Народническое теченіе выдѣлило изъ себя марксистскую группу.

Марксисты съ самаго начала своихъ выступленій не имѣли никакихъ иллюзій въ вопросѣ объ «особыхъ» путяхъ русскаго историческаго развитія [1]).

[1]) Говоримъ „*почти*“ потому, что слѣды этихъ иллюзій имѣются даже въ „Нашихъ Разногласіяхъ“ Плеханова. Тамъ, напримѣръ, мы читаемъ: „нашъ капитализмъ отцвѣтетъ, не успѣвши окончательно расцвѣсть“. Сохранившіяся ко времени его „отцвѣтанія“ сельскія общины „дѣйствительно начнутъ переходить въ высшую коммунистическую форму“. Стр. 286—300. О такой возможности говорилъ правда, и Ф. Энгельсъ въ 1893 году.

Обосновывая соціально-политическую программу марксистовъ, Плехановъ указывалъ, что сущность «разногласія» между народниками и марксистами заключается въ различномъ пониманіи характера экономическаго развитія Россіи.

Марксисты, въ противоположность народникамъ, считали, что исторія не выдала Россіи никакой «хартіи» на «самобытное развитіе» и что Россія должна будетъ пройти «школу капитализма».

Процессъ разрушенія «устоевъ» марксистамъ представлялся вполнѣ очевиднымъ: произведенныя обслѣдованія деревни непререкаемо доказывали, «что крестьянскіе промысла капитализируются, а община разлагается».

«Развитіе общины заключается въ ея разложеніи», писалъ Плехановъ въ «Нашихъ Разногласіяхъ».

Въ спорѣ марксистовъ съ народниками о судьбахъ нашего соціальнаго развитія послѣдніе получили серьезную поддержку отъ самихъ отцовъ научнаго соціализма. Въ самомъ началѣ 1882 года Марксъ и Энгельсъ указали на одну возможность, при которой русская община могла служить исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія [1]). Это было бы въ томъ случаѣ, пояснялъ впослѣдствіи Энгельсъ, если бы Европа сумѣла ликвидировать свой капитализмъ, къ тому времени, когда въ Россіи еще не была бы разрушена община. (См. выше).

Но для русскихъ марксистовъ такая «возможность» не мѣняла дѣла: «чтобы не сулила соціальная революція въ Европѣ, писалъ Плехановъ въ «Нашихъ разногласіяхъ», злобой дня у насъ является капиталистическое производство, а слѣдовательно, всякая политическая дѣятельность должна была исходить изъ признанія этого положенія». Марксисты ставили своей задачей «организацію соціально революціонныхъ силъ города для вовлеченія деревни въ русло всемірно-историческаго движенія» [2]).

---

[1]) „Если русская революція послужитъ сигналомъ для революціи пролетаріата на Западѣ и такимъ образомъ обѣ дополнятъ другъ друга, то существующее общинное землевладѣніе въ Россіи можетъ послужить исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія". Писали К. Марксъ и Ф. Энгельсъ въ 1882 г. въ предисловіи къ русскому переводу „Маниф. Ком. Партіи".

[2]) „Наши Разногласія". (Стр. 305).

VII.

Защита общины (Витте въ Г. Совѣтѣ въ 1893 году).

Ни «хожденіе въ народъ», ни активная борьба интеллигенціи съ правительствомъ не подняли крестьянъ на возстаніе. Деревня осталась въ общемъ спокойной. «Крестьяне нигдѣ не возстали, а какъ жили раньше, такъ и продолжали жить мирно, заботясь лишь о насущномъ хлѣбѣ», писалъ одинъ изъ «бунтарей» 70-хъ годовъ [1]).

Народническое движеніе не встрѣтило среди кресьянъ «ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія», такъ характеризовала въ 1885 году отношеніе крестьянъ къ народническому движенію «Группа Освобожденія Труда».

Однако, правительство въ центрѣ и дворянство на мѣстахъ смотрѣли на дѣло иначе. Правительство рѣшило принять самыя энергичныя мѣры, какъ къ тому, чтобы затруднить проникновеніе въ деревню «пропаганды», такъ и къ тому, чтобы, по возможности, ослабить процессъ «разложенія» экономическихъ устоевъ деревни, неминуемо влекшаго за собой «разложеніе» моральныхъ ея «устоевъ».

Уже въ 70-хъ годахъ отъ мѣстной администраціи центральная власть получала донесенія о полной неблагонадежности лишеннаго этихъ патріархальныхъ устоевъ городского населенія. «Соціальныя ученія, доносилъ Харьковскій губернаторъ въ 1877 г., можно сказать вовсе еще не проникли въ среду сельскаго населенія, остающагося вѣрнымъ началамъ религіи, нравственности и порядка. Наоборотъ, классъ рабочихъ не представляетъ залоговъ устойчивости противъ распространенія новыхъ ученій. Низшій классъ городского населенія во многомъ утратилъ прежнюю неприкосновенность религіозныхъ вѣрованій и патріархальныхъ отношеній».

О невозможности предоставить дальнѣйшую жизнь крестьянскихъ массъ «ея естественному теченію» центральной власти доносили не только ея агенты съ мѣстъ, но и земское дворянство, и созываемые, время отъ времени, «свѣдущіе люди».

[1]) Дебагорій-Мокріевичъ.

Либеральное и реакціонное дворянство одинаково увѣряло правительство въ томъ, что деревня не перестаетъ бредить «чернымъ передѣломъ». Въ 1881 году гласный тверского земства Ф. И. Родичевъ указывалъ на существованіе среди крестьянъ «упорныхъ, нелѣпыхъ и повсемѣстныхъ упованій, переходящихъ въ вѣрованіе, на передѣлъ всѣхъ земель» [1]).

Необходимость искоренить у крестьянъ эти «мечтанія» и заставить ихъ уважать «свою, и чужую собственность», подчеркивалась въ Гос. Совѣтѣ при обсужденіи устава Крестьянскаго Поземельнаго Банка въ 1882 г.

Старый споръ, что цѣлесообразнѣе съ точки зрѣнія охраны «существующаго порядка»,—община или частная земельная собственность? что нужно для борьбы съ мужицкими бреднями о «черномъ передѣлѣ»: о всяческихъ земельныхъ прирѣзкахъ и т. д.;—распустить общину, т. е. дать мужику свободный выходъ изъ общинѣ или, наоборотъ, прикрѣпить еще прочнѣе мужика къ общины,—какъ мы видѣли, продолжался въ Государственномъ Совѣтѣ, при разсмотрѣніи законопроековъ о запрещеніи крестьянамъ выхода изъ общины безъ согласія «міра», и о запрещеніи залога и ограниченіи продажи надѣльныхъ земель.

Хотя на обсужденіи членовъ Гос. Совѣта стоялъ частный вопросъ о сравнительно «мелкихъ мѣрахъ», но Г. Совѣтъ считалъ нужнымъ обсудить *принципіальный* вопросъ о соціально-политическомъ значеніи общины для Россіи, ибо «то или иное сужденіе о проектированныхъ правилахъ, по словамъ М-стра Вн. Дѣлъ, находилось въ существенной связи съ воззрѣніями на принципіальный вопросъ объ общинномъ землевладѣніи».

Взгляды противниковъ общины — Воронцова-Дашкова и Бунге, мы разсмотрѣли.

Точку зрѣнія сторонниковъ общины въ Государственномъ Совѣтѣ особенно детально развилъ только что начавшій тогда свою министерскую карьеру Витте.

Въ особой Запискѣ Витте представилъ Г. Совѣту подробное опроверженіе взглядовъ противниковъ общины.

Хотя Записка, по словамъ Витте, была написана въ возраженіе

---

[1]) Матеріалы Комиссіи по крестьянскому вопросу. Вып. II, стр. 17. Конечно. для борьбы съ этими „нелѣпыми“ „упованіями“ либералы и консерваторы предлагали правительству далеко не одинаковыя мѣры. Напр. Ф. И. Родичевъ, для того, чтобы уничтожить крестьянскія упованія на передѣлы, предлагалъ рядъ мѣръ. направленныхъ къ „уравненію крестьянъ съ другими сословіями“.

«противъ крайне отрицательныхъ сужденій о свойствахъ и значеніи русскаго общиннаго землевладѣнія, высказанныхъ въ нѣскольких печатныхъ Запискахъ, составленныхъ членами Гос. Совѣта, Воронцовымъ-Дашковымъ и Бунге», но она, въ дѣйствительности, боролась со всѣми возраженіями противъ общины, раздававшимися въ легальныхъ и въ нелегальныхъ кругахъ русскаго общества.

Витте пытался доказать преимущества общины предъ частнымъ землевладѣніемъ и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ.

Наиболѣе важнымъ моментомъ Витте считалъ утвержденія Воронцова - Дашкова и Бунге объ аграрной—революціонной и соціалистической—опасности общиннаго землевладѣнія.

Бунге считалъ, что крестьяне частные собственники будто бы менѣе склонны къ соціализму, чѣмъ общинники. Онъ ссылался, какъ указано выше, на «блестящія изслѣдованія корифеевъ» экономической науки Сисмонди, Джонъ Стюарта Милля, Бруно - де - Гильбранта, указывалъ на Францію, гдѣ благосостояніе въ сельскомъ населеніи оказывается наиболѣе всеобщимъ, а земледѣльцы наиболѣе чужды соціализму вообще и революціонному въ особенности».

То же самое утверждалъ и Воронцовъ-Дашковъ, кагда говорилъ, что если Россіи суждено когда-нибудь пережить потрясенія, то починъ въ этомъ дѣлѣ будетъ принадлежать массѣ аграрной.

Витте взялся доказать, что подобныя заподазриванія общины ни на чемъ не основаны, что община вполнѣ «оправдала ока занное ей политическое довѣріе и возлагавшіяся на нее надежды» [1]).

Насколько мало составитель Записки стѣснялся пользоваться произведеніями оппозиціонныхъ правительству кру-

[1]) Для выполненія своей задачи Витте разсмотрѣлъ аргументы, которыми пользовались въ то время защитники и противники общины въ легальныхъ и нелегальныхъ кругахъ русскаго общества—въ университетахъ (полемика проф. Цитовича противъ проф. А. С. Посникова); въ литературѣ—полемика Герье и Чичерина противъ кн. Васильчикова; полемика народниковъ съ марксистами; пренія въ земскихъ собраніяхъ и т. д.

Для подкрѣпленія своей позиціи Витте аппелировалъ къ Гакстгаузену, Бисмарку, Лавеле, къ фактамъ земской статистики словомъ, старался использовать все. что давала теорія и жизнь того времени въ защиту общины. Для изученія цѣлей охраны общины въ 80 и 90-хъ годахъ Записка Витте имѣетъ огромное значеніе.

товъ, можно видѣть изъ слѣдующей характерной детали. Плехановъ въ «Нашихъ Разногласіяхъ» начинаетъ главу объ общинѣ такими словами: «если послушать нашихъ народниковъ, то, дѣйствительно, можно подумать, что русская община представляетъ собою совершенно исключительную по своей прочности организацію: ни междоусобія удѣльнаго времени, ни иго монгольское, ни кровавая эпоха Ивана Грознаго, ни смутные годы междуцарствія, ни реформы Петра и Екатерины, внесшія въ русскую жизнь начала западно-европейской культуры, ничто не поколебало, не измѣнило этого завѣтнаго учрежденія крестьянской жизни,—говоритъ одинъ изъ самыхъ легковоспламеняющихся народниковъ, г. К—нъ, въ книгѣ о «формахъ землевладѣнія русскаго народа». Во вступительной главѣ «Записки Витте», между прочимъ, написано: «роковая зависимость отъ судьбы земельной общины всего хода нашей соціальной жизни невольно приковываетъ общее вниманіе къ этому главнѣйшему устою экономическихъ порядковъ русскаго народа. Сельская община представляетъ собою наиболѣе яркое, живое и типичное выраженіе массовыхъ способностей, массоваго творчества крестьянскаго міра: *«ни междоусобія удѣльнаго періода, ни иго монгольское, ни кровавая эпоха Ивана Грознаго, ни смутные годы междуцарствія, ни Реформы Петра и Екатерины и т. д.*, и дальше продолжается та же цитата, взятая Плехановымъ у «легковоспламеняющагося народника», а у Витте неизвѣстно у кого, ибо источникъ въ Запискѣ не указанъ.

Въ своей Запискѣ Витте бралъ тонъ проповѣдника-богослова, соотвѣтственно модѣ, господствовавшей въ эпоху Толстого, Побѣдоносцева, Дурново: «Благодѣтельное значеніе общиннаго землевладѣнія для обезпеченія народныхъ массъ должно вызывать особую осторожность при обращеніи съ этимъ государственнымъ учрежденіемъ, почему, приступая къ обсужденію сего вопроса, я не могъ не проникнуться словами Петра Великаго: бѣдныхъ плачъ привлечетъ гнѣвъ Божій на все государство, наипаче на учинителей такихъ неправдъ, которые, кромѣ того, Его Царскому Величеству въ недобромъ домодержавствѣ и происходящемъ отъ того вредѣ отвѣтъ дать имѣють» [1]).

---

[1]) „Соображенія М—ра Финансовъ по поводу сужденій, высказанныхъ по вопросу о мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ земель".

Община требуетъ осторожнаго отношенія къ себѣ,—писалъ Витте. Въ ней есть что-то бытовое, стихійное и никакими искусственными построеніями и теоріями нельзя опровергнуть того, что съ полною очевидностью явствуетъ съ каждой страницы русской исторіи, что, наконецъ, всенародно чувствуется (стр. 3). Но не одна эта «исконность» общины должна обусловить бережную заботу о ней. Община нужна Россіи, прежде всего, съ точки зрѣнія хозяйственной. Неправильно думать, что община тормозитъ сельскохозяйственный прогрессъ. Временный характеръ пользованія землей отъ передѣла до передѣла отнюдь не является помѣхой развитія земледѣлія.

«Мнѣніе Милля [1]), принадлежащее собственно Артуру Юнгу, писателю прошлаго столѣтія,—поучалъ Витте, члена Г. Совѣта, Бунге,—не представляется въ настоящее время общепринятымъ въ наукѣ и опровергается хотя бы такимъ фактомъ, что въ Англіи фермерство, а не подворная собственность создала наиболѣе интенсивную въ мірѣ поземельную культуру. Правда, въ нашей общинѣ передѣлы раньше были безпорядочны, но законъ 8 іюня 1893 г. ихъ уже урегулировалъ и теперь въ передѣлахъ «едва ли можно усматривать серьезное препятствіе для сельскохозяйственнаго прогресса» (стран. 6).

Многочисленными примѣрами изъ данныхъ земской статистики Витте доказывалъ, что община не мѣшаетъ распространенію удобренія; что черезполосица не имѣетъ существеннаго значенія для земледѣльческой культуры и что принудительный сѣвооборотъ одинаково царитъ и въ общинѣ, и въ подворьѣ.

Онъ соглашается, что община стѣсняетъ нѣкоторыхъ исключительно предпріимчивыхъ лицъ, но община «вовсе и не предназначена служить ареною для инициативы и экспериментовъ людей исключительныхъ». «Нельзя же изъ-за нѣсколькихъ лицъ уничтожить форму землевладѣнія, если она благодѣтельна для громаднаго большинства». «Для такихъ исключительныхъ инициаторовъ нужна округленная частная собственность и правительство должно озаботиться, чтобы такая собственность могла быть пріобрѣтаема ими, напримѣръ, при помощи Крестьянскаго Банка» (17).

Не принимаетъ Витте упрека общинъ въ «скученности населенія». Возражая противъ этого упрека Витте развиваетъ по-

[1]) О скалѣ, превращаемой въ садъ при правѣ собственности на эту скалу.

ложенія, которыя 25 лѣтъ спустя, часто высказывались противниками Столыпинскихъ хуторовъ.

«Разселеніе деревни, писалъ Витте, зависитъ не отъ одного общиннаго землевладѣнія, а отъ многихъ причинъ экономическихъ и климатическихъ. Живя, деревнями крестьяне получаютъ возможность имѣть общій выгонъ, общее пастбище, общаго пастуха и табунщика; живя въ разбросъ, крестьянамъ пришлось бы каждому пасти свой скотъ или лошадей особо, или содержать ихъ круглый годъ въ стойлѣ: ни то, ни другое, при теперешнемъ уровнѣ хозяйства и степени культуры, немыслимо. Къ этому надо прибавить наши зимнія вьюги, мятели и сугробы снѣга, заносящія цѣлыя селенія, наши ростепели, наши половодья... Жители разбросанныхъ дворовъ, залитые водой и засыпанные снѣгомъ, перегибли бы въ одиночку отъ голода и холода, а школы пришлось бы закрывать совсѣмъ» (17).

Обвиненіе общины въ томъ, что она является главной причиной сельскохозяйственной отсталости деревни, Витте отклонялъ общимъ замѣчаніемъ, что не формы замлевладѣнія, а общія экономическія условія обусловливаютъ состояніе нашего крестьянскаго хозяйства: «Интенсивное хозяйство немыслимо въ странѣ елабо населенной и не развитой въ промышленномъ отношеніи».

Рядомъ примѣровъ Витте доказывалъ, что община является готовой формой для разнообразныхъ общественнохо-зяйственныхъ предпріятій.

Артельное начало далеко не погасло въ общинѣ: «Артелями крестьяне пашутъ, сѣютъ, убираютъ и обмолачиваютъ хлѣбъ; расчищаютъ лядины, косятъ траву, рубятъ лѣса и кустарники; косятъ камышъ, арендуютъ земли, роютъ ямы для храненія хлѣба, строятъ изгороди, общія гумна, овины, мельницы, сушилки, бани, риги, загоны для скота, мосты, гати, дороги, пруды, канавы; артельно покупаютъ лошадей, машины, нанимаютъ кузнецовъ и т. д. Наконецъ, та же община предпринимаетъ коллективныя работы по своимъ побочнымъ промысламъ: охотѣ, варкѣ соли, ломкѣ камня, добыванію извести, рыболовству и т. п. Общинами и артелями крестьяне устраиваютъ варницы, ломаютъ камень, устраиваютъ на рѣкахъ заборы, строятъ охотничьи и рыбацкія избы». (Стран. 22).

«При такихъ обстоятельствахъ,—заканчиваетъ Витте свои возраженія Воронцову-Дашкову, утверждавшему, что общинное

владѣніе землей осталось идеей, не облекшейся въ жизненныя формы,—едва ли возможно отрицать значеніе коллективныхъ предпріятій общины».

Всѣ эти артельныя начинанія и совмѣстныя работы Витте находилъ только въ общинной Россіи. «Напротивъ, при подворномъ владѣніи, враждующіе между собой и не знающіе общихъ интересовъ мелкіе хозяева не могутъ соединяться въ союзы для одолѣнія какихъ-либо препятствій на пути сельскохозяйственнаго развитія. Ни одно предпріятіе, требующее общихъ усилій, здѣсь не спорится» (23).

Коллективистическіе навыки, пріобрѣтаемые крестьянами въ общинѣ, не—зло, какъ полагали Воронцовъ-Дашковъ и Бунге, а очень важный хозяйственный моментъ.

«Громадное значеніе русской общины, какъ почвы для коллективныхъ хозяйственныхъ предпріятій, отмѣчено и иностранцами.

«Нѣтъ страны въ Европѣ, говорилъ Кренъ, болѣе чѣмъ Россія подготовленной къ кооперативному земледѣлію. Русскіе должны этимъ воспользоваться» (стран. 23).

Энергично протестовалъ Витте противъ обвиненія общины въ деморализаціи населенія, въ подрывѣ авторитета родителей, въ паденіи вѣры и т. д.

«Уже изъ разсмотрѣнія основныхъ мотивовъ передѣловъ земли явствуетъ, писалъ Витте, что альтруистическія чувства глубоко внѣдрены въ русской общинѣ, какъ лицѣ коллективномъ. Глубоко нравственъ уже самый взглядъ народный на общинную землю, какъ на общій источникъ существованія и обезпеченія общины» (стран. 25). «Для рѣшенія вопроса о передѣлѣ требуется по закону большинство ²/₃ голосовъ; но въ дѣйствительности такого большинства никогда не могло бы составиться, если бы всѣ крестьяне, особенно зажиточные, руководствовались въ этихъ случаяхъ одними лишь соображеніями о личныхъ интересахъ, личной выгоды» (стран. 25).

Общинный альтруизмъ прекрасно характеризуется содержаніемъ слѣпыхъ, старухъ, калѣкъ и т. д. на мірской счетъ. «Почтительнымъ благоговѣніемъ долженъ проникнуться къ русской общинѣ всякій, кто при оцѣнкѣ общинной филантропіи приметъ въ должное вниманіе мѣру, ею же благостыня эта мѣрится» (стран. 28).

Что касается соціально политической роли общины, то эта роль въ глазахъ Витте особенно ярко оттѣняется при сопо-

ставленіи Россіи съ Европой, «гдѣ соціальный вопросъ принялъ ужасающіе размѣры» (стран. 31).

Консервативное значеніе русской общины уже давно оцѣнено иностранцами, начиная съ «внимательнаго изслѣдованія Россіи» барона Гакстгаузена, кончая княземъ Бисмаркомъ. «Въ Россіи нѣтъ пролетаріата и онъ не можетъ образоваться, пока существуетъ такое общественное учрежденіе», говорилъ Гакстгаузенъ.

«Россія опасна для насъ не своимъ (80 милл.) населеніемъ и не своими солдатами, а своимъ аграрнымъ устройствомъ», говорилъ нѣмецкій ученый Р. Мейеръ.

Наконецъ, кн. Бисмаркъ утверждалъ, что вся сила Россіи въ общинномъ землевладѣніи (32). Витте ссылается и на русскаго ученаго Кавелина, говорившаго, что «общинное землевладѣніе есть для массы сельскаго населенія страховое учрежденіе отъ безземелья и бездомности» (32).

Благодѣтельное значеніе общиннаго землевладѣнія для обезпеченія быта народныхъ массъ и должно, по мнѣнію Витте, вызывать «особую осторожность» къ этому вопросу.

Заподозриваніе общины ея противниками въ соціализмѣ вызываетъ величайшее негодованіе Витте, такъ какъ въ Россіи именно община является наиболѣе охранительной силой.

«Эта великая охранительная и дисциплинирующая сила заподазривается въ соціализмѣ, оплотомъ противъ котораго она именно и служитъ у насъ», восклицалъ Витте (34).

«Выставивъ столь тяжкія обвиненія противъ всего великорусскаго народа, было бы справедливо привести въ подтвержденіе ихъ фактическія данныя», ядовито замѣчалъ Витте по адресу своихъ противниковъ. Вся русская исторія говоритъ противъ этихъ обвиненій.

«Если идея самодержавія въ неизмѣнной чистотѣ передается отъ поколѣнія къ поколѣнію и составляетъ незыблемую основу русскаго государственнаго устройства, то отнюдь не одной нашей интеллигенціи, воспитанной въ индивидуалистическихъ воззрѣніяхъ на право собственности», тѣмъ не менѣе одновременно увлекавшейся самыми пагубными идеями, должна быть приписана роль хранительницы этого завѣта русской государственности. Онъ сохраненъ въ чистотѣ, между прочимъ, и русскою общиною, которая нынче заподазривается (34). Общинѣ мы обязаны, «что у насъ нѣтъ той «черни», которая

страшнымъ призракомъ давитъ всѣ культурныя европейскія государства и грозитъ потопить цивилизацію Запада».

Тѣ «зачатки аграрныхъ безпорядковъ», о которыхъ писалъ Воронцовъ-Дашковъ, «разсѣялись, какъ дымъ, отъ одного слова», обращеннаго Государемъ къ окружившимъ его, словно дѣти, представителямъ сельскихъ міровъ» (стран. 34).

Витте считалъ, что не община, а скорѣе подворное владѣніе можетъ быть обвинено въ подготовкѣ почвы для пропаганды соціалистическихъ или анархистскихъ ученій. И онъ напоминаетъ своимъ оппонентамъ недавнія событія изъ эпохи хожденія интеллигенціи въ народъ. «Въ то время, когда великорусскіе мужики-общинники связывали, во имя здраваго государственнаго инстинкта, мятежныхъ юношей, проповѣдывавшихъ имъ черный передѣлъ, въ Чигиринскомъ уѣздѣ происходили кровавыя расправы».

Хотя у общинниковъ-великороссовъ и бываютъ земельные передѣлы, а у подворниковъ-малороссовъ ихъ нѣтъ,—но именно малороссы болѣе склонны къ захватамъ чужихъ земель. «Передѣлъ великоросса совсѣмъ не тотъ, за пропаганду котораго онъ самъ связываетъ агитаторовъ: у него не соединяется съ надеждами на передѣлъ мысль о своевольномъ захватѣ земли и, наконецъ, вѣроятно, многимъ извѣстно, что подворная Малороссія ожидаетъ «слушнаго часа», когда земля будетъ подѣлена между мужиками». (Стран. 35).

Если у русскихъ есть сознаніе народности, то этому они обязаны общинѣ: эта она «воспитала у великоросса сознаніе своей народности и въ этомъ ея высоко-полезное государственное значеніе».

Этого сознанія нѣтъ у народностей Россіи, живущихъ на подворномъ правѣ. Польское крестьянство дожило, въ силу своей разъединенности, почти до полнаго индиферентизма въ политическомъ отношеніи. Еще во время наполеоновскихъ войнъ обнаружилось, что ему нѣтъ дѣла до того, какой народности правительство правитъ имъ — польское ли, русское, австрійское, нѣмецкое (35). «Именно подворное владѣніе болѣе способно создавать тотъ строй, который воспитываетъ вражду другъ къ другу, убиваетъ понятія общественныя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и понятія о національности, о національной власти, погружаетъ въ полный политическій индиферентизмъ, при которомъ только и возможно человѣку признавать верховенство

барона, или пана, или мѣшка золота, безъ различія, въ чьихъ бы рукахъ онъ ни былъ». (Стр. 35).

Совсѣмъ другое наблюдается у великороссовъ. «Общинное землевладѣніе представляетъ иную практическую школу, благодаря которой во всей Великороссіи народъ еще называетъ себя «русскимъ» народомъ: признаковъ индиферентизма въ немъ еще никто не замѣтилъ и упаси Боже затронуть которое-либо изъ частныхъ понятій, входящихъ въ содержаніе сложнаго его понятія о народности» (36).

Нашъ расколъ лучше всего иллюстрируетъ «дисциплинирующій государственно-охранительный характеръ русскаго общиннаго строя. Наши «старообрядцы», благодаря своему мірскому общинному духу, сохранили въ неприкосновенности свое государственное чутье и свою неразрывную политическую связь съ народомъ и государствомъ, долгое время бывшимъ для нихъ злою мачехой. Несмотря на всѣ гоненія и преслѣдованія, несмотря на двухсотлѣтнее нравственно-унизительное положеніе, созданное для старообрядчества, никогда не возникало въ его средѣ не только никакого антигосударственнаго движенія, но даже нельзя найти слѣда антигосударственной мысли. Даже признавая въ разгаръ невыносимыхъ преслѣдованій и Царскую, и Верховную власть предавшимися антихристу, старообрядцы продолжали носить въ себѣ трогательную преданность русскому государственному началу и во всемъ томъ, что ни касалось тайниковъ ихъ вѣры, за которую они шли на муки и смерть, повиновались государственной власти безпрекословно» (36).

А въ то же время «внѣ общинной Россіи распространяется «штунда», представляющая собою явленіе ярко-антигосударственнаго характера».

«Глубоко національный характеръ русской общины не укрылся и отъ взора иностранныхъ наблюдателей. «Было бы достойно сожалѣнія — цитируетъ Витте Лавелэ — уничтожить вѣковое учрежденіе, глубоко и коренным образомъ связанное со всей жизнью и исторіей русской націи» (36).

Рѣшительно возражалъ Витте противъ утвержденія Воронцова-Дашкова, что крестьяне всѣми силами стремятся избавиться отъ общины [1]).

---

[1]) „Всякое частное лицо, не прикрѣпощенное къ такому владѣнію, конечно, убѣжало бы отъ него“—писалъ Воронцовъ-Дашковъ объ общинѣ. (См. выше).

Наоборотъ, вся жизнь крестьянская «отъ самыхъ важнѣйшихъ до самыхъ мельчайшихъ явленій ея, вообще свидѣтельствуетъ о глубочайшей привязанности крестьянина къ общинѣ, больше того, о неудержимомъ, стихійномъ влеченіи къ ней» (37).

Переселенецъ—великороссъ устраиваетъ общину въ Сибири; на мѣстѣ легко находится ²/₃ домохозяевъ для передѣла и крайне рѣдко находятся тѣ же ²/₃ для перехода къ подворью (38).

«Крестьяне, писалъ Витте, сравниваютъ общинное владѣніе съ рукавицею, а личную собственность—съ дворянской перчаткой: «въ дворянской перчаткѣ у каждаго пальца свой чуланчикъ и въ морозѣ они зябнутъ; въ крестьянской рукавицѣ всѣ пальцы вмѣстѣ и другъ друга грѣютъ»,—мы привыкли зябнуть въ индивидуализмѣ и имѣемъ полное право оставаться при своихъ привычкахъ, но крестьяне привыкли грѣть другъ друга въ общинномъ порядкѣ жизни и мы не имѣемъ никакого основанія поощрять болѣе холодныя формы быта» (42).

Неотложность изданія закона о неотчуждаемости надѣловъ Витте защищалъ прежде всего съ точки зрѣнія охраны государственнаго порядка и общественнаго спокойствія: крестьянинъ съ землей политически болѣе благонадеженъ, чѣмъ пролетарій; онъ болѣе надеженъ и какъ рабочая сила.

«Здравая государственная политика,—писалъ Витте по поводу проекта закона о неотчуждаемости надѣловъ,—не можетъ смѣшивать землю съ вещами, упускать первостепенное политическое и общественное значеніе ея и ради торжества началъ *римскаго права* вести къ разоренію массу человѣческихъ существъ». «Лишенный земли человѣкъ, недостаточно приспособленный къ неземледѣльческой дѣятельности, становится бродячимъ, недовольнымъ и безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ, теряетъ религіозность, у него нѣтъ уваженія, почтенія къ власти; семья не согрѣваетъ его, все въ немъ расшатано, онъ легко возбуждается и представляетъ постоянную угрозу государственному порядку и общественному спокойствію» (43).

Наоборотъ, крестьянинъ, «прочно обезпеченный землей, обладаетъ въ политическомъ отношеніи цѣнными качествами: онъ есть наиболѣе консервативная сила, *главная опора порядка*; онъ же наиболѣе *надежный работникъ* для помѣщика» (43).

Западная, Европа показала теперь плоды своей либеральной политики.

— «Обезземеленіе крестьянъ является основнымъ факторомъ современнаго положенія вещей (на западѣ), при которомъ *язва пролетаріата* все глубже и глубже разъѣдаетъ государственные организмы; блестящія цивилизаціи переживаютъ острый кризисъ и какой исходъ будетъ изъ этого положенія—трудно сказать» (43).

— «Во время первой французской революціи была провозглашена и осуществлена мысль—осчастливить народъ единственной панацеей, мелкой участковой собственностью. Для осуществленія этой идеи было пролито много крови и учинено много горя и несчастья; но прошло столѣтіе и передъ западно-европейскими государствами новое грозное явленіе—пролетаріатъ, обезземеленіе и обездоленность народныхъ массъ. Кровь была пролита напрасно, и этотъ кровавый урокъ исторіи не долженъ быть забываемъ (44).

Слѣдованіе въ области земельной политики началамъ «экономической свободы» породитъ въ Россіи «свободу нищенства».

«Признать землю вольнымъ товаромъ—это значитъ оставить наше крестьянство безъ всякихъ средствъ къ удержанію ея, къ сохраненію самостоятельнаго хозяйства, къ обезпеченію отъ нищеты и голода» (45).

Что будутъ у насъ дѣлать обезземеленные, лишніе люди? «Не слѣдуетъ забывать, какая для нихъ найдется арена для дѣятельности. Поджоги, кражи, грабежи, убійства и многое другое, о чемъ и думать страшно, — вотъ куда обратятся эти заштатные «полные собственники», долженствующіе быть оплотомъ права (римскаго?), вотъ прямой путь къ возникновенію сомнѣній относительно устойчивости земельныхъ правъ и прочихъ сословій,—отвѣчалъ Витте Воронцову-Дашкову.

Установленіе неотчуждаемости надѣловъ Витте считалъ дѣломъ, государственно-цѣлесообразнымъ и для крестьянъ благодѣтельнымъ, вытекающимъ изъ духа Крестьянской Реформы 1861 г., цѣлью которой было постоянное обезпеченіе быта «всего земледѣльческаго сословія». «Наши крестьяне, писалъ онъ, во многихъ мѣстностяхъ даже и не знающіе о существованіи закона, позволяющаго продавать землю, часто протестуютъ противъ «безбожнаго явленія» торговли землей, памятуя слова Священнаго Писанія: «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля, вы пришельцы и поселенцы у Меня» (46).

«По народному воззрѣнію, земля принадлежитъ государству въ лицѣ Самодержавной власти, распредѣляющей какъ

пользованіе этою землею, такъ и государственныя тяготы, съ этимъ пользованіемъ сопряженныя. Взглядъ этотъ исходитъ изъ того соображенія, что земля Божья, а, слѣдовательно, царская, и что отдѣльному человѣку въ неотъемлемую собственность нужно лишь «три аршина земли». Вообще же земля можетъ быть въ пользованіи у крестьянина постольку, поскольку у него хватаетъ силъ для ея обработки, или поскольку то вызывается экономическими и политическими соображеніями государства» (47).

Несмотря на то, что крестьяне, по словамъ Витте, будто бы протестуютъ противъ торговли землей, онъ соглашался, чтобы между крестьянами торговля землей была разрѣшена.

Выходы изъ общины безъ согласія «міра» Витте считалъ крайне вредными для крестьянъ.

Позволить крестьянамъ выходить изъ общины путемъ досрочнаго выкупа (на основаніи 165 ст.) значило бы, по Витте, «пускать землю на вѣтеръ, а земледѣльцевъ превращать въ чевѣческую пыль».

«Пусть укажутъ намъ,—заканчивалъ Витте свою Записку,— путь, по которому великорусскій крестьянинъ неминуемо придетъ къ прочному подворному владѣнію, и только тогда и въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ путь столкнется со стѣною, охранявшею русскую общину, можно будетъ спокойно открыть ворота. Отъ лазейки, открытой статьей 165, нѣтъ пути, тамъ безпутье!».

Начавъ съ установленія «факта» «стихійнаго» влеченія мужика изъ общины, Витте заканчивалъ Записку требованіемъ уничтожить право свободнаго выхода изъ общины «путемъ отмѣны 165 ст., какъ «лазейки», чрезъ которую мужики могли расползтись изъ общины.

Дворянское недовѣріе къ любви «мужика» жить въ общинѣ сказалось [1]).

---

[1]) Для цѣльности изложенія мы въ слѣд. главѣ приводимъ другую записку Витте, относящуюся къ болѣе позднему періоду.

VIII.

Борьба съ общиной (Витте въ 1904 г.).

На свою апологію общины Витте въ 1893 г. не получилъ отвѣта отъ своихъ противниковъ. Наиболѣе подробный отвѣтъ на нее былъ данъ ему лишь спустя 10 лѣтъ (въ 1904 г.). Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія по Крестьянскому Дѣлу—самимъ же Витте. За 10 лѣтъ Витте изъ общиннофила — Павла превратился въ общинноборца—Савла.

Промышленный подъемъ конца 90-хъ годовъ, сопровождавшійся началомъ рабочаго движенія; крестьянскіе безпорядки 1902 г., вспыхнувшіе въ нѣсколькихъ губерніяхъ Россіи, создали на бюрократическихъ верхахъ и въ дворянствѣ многочисленные кадры защитниковъ насажденія въ нашей деревнѣ «европейскихъ» земельныхъ порядковъ. Европейская деревня, съ ея строго проведеннымъ институтомъ частной собственности на землю, стала признаваться болѣе надежной опорой государственнаго порядка, чѣмъ нашъ, «патріархальный бытъ», покоящійся на «двусмысленномъ», полусоціалистическомъ земельномъ основаніи. На сторону политики насажденія частной крестьянской земельной собственности сталъ и Витте, очень скоро послѣ написанія цитированной «Записки» (1893 г.), въ которой онъ подъ видомъ защиты историческихъ русскихъ «устоевъ» защищалъ реакцію 80—90-хъ годовъ.

Уже въ своей объяснительной Запискѣ къ «росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1896 г.» Витте отмѣтилъ выдѣленіе изъ общей крестьянской массы, *«особой группы» зажиточныхъ крестьянъ*, такого слоя крестьянства, который сумѣетъ побороть неблагопріятныя условія сельской жизни».

Отвѣчая пессимистамъ, видѣвшимъ въ раздѣленіи деревни на богатыхъ, бѣдныхъ и пролетаріевъ «вторженіе въ нее, такъ называемаго капиталистическаго развитія», Витте указывалъ, что «никакого иного распространенія благосостоянія, кромѣ происходящаго на почвѣ этого капиталистическаго развитія, экономическая жизнь нигдѣ не видѣла». «И если наша сельская жизнь начинаетъ двигаться по пути капиталистическаго развитія, то это доказываетъ, что общее улучшеніе экономиче-

скихъ условій получило явственное выраженіе свое и въ сельскомъ обществѣ». Финансовое вѣдомство, руководившее русской экономической политикой устами своего шефа заявляло что Россія идетъ «капиталистическимъ путемъ». Но капиталу нуженъ прежде всего прочный рабочій рынокъ, постоянная резервная армія для заполненія усиленныхъ требованій на рабочихъ въ періоды промышленнаго подъема. Прикрѣпленность мужика къ землѣ обусловленная дѣйствующимъ крестьянскимъ правомъ, мѣшала установленію въ Россіи постояннаго рабочаго рынка, мѣшала «свободному» развитію капитализма. Надо было уничтожить эту «прикрѣпленность» мужика т. е. дать мужику «свободу» выхода изъ общины.

Прикрѣплявшее крестьянина къ деревнѣ «архаическое» право нашло враговъ и въ средѣ промышленной буржуазіи. Общинный «соціализмъ» началъ вызывать все большія опасенія.

Превращенный Крестьянской Реформой въ какого-то «пенсіонера» общины, крестьянинъ «мало работалъ» и все ожидалъ «земельной нарѣзки». Теперь «мужикъ» въ бурныхъ аграрныхъ безпорядкахъ сталъ проявлять всѣ опасныя для государства черты своей полусоціалистической психики. Перевоспитаніе «мужика» на основѣ частной собственности, на основѣ уваженія къ чужой собственности вотъ задача, на которую съ мѣстъ начали все чаще указывать правительству.

Это отношеніе къ общинѣ получило полное выраженіе, между прочимъ, въ Запискѣ Витте, поданной имъ въ Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ 1904 г.

Даже по стилю своему «Записка» Витте 1904 г. указывала на то, что Россія стоитъ предъ новой эпохой въ аграрной политикѣ. Клерикальный пафосъ (въ духѣ Побѣдоносцева), съ которымъ писалъ Витте въ 1893 г., теперь исчезъ онъ устарѣлъ, такъ же, какъ устарѣла охранительная политика на основѣ «всемѣрной защиты» общины. Витте доказывалъ, что для охранительныхъ цѣлей теперь требуются новыя средства: «палладіумъ» русской государственности, не община, а хуторъ.

Въ то время, когда Витте излагалъ свой новый взглядъ, представители стараго отношенія къ общинѣ далеко еще не сдали своихъ позицій. Среди дворянства и бюрократіи было еще не мало защитниковъ старыхъ средствъ управленія.

Началась жестокая борьба изъ-за общины. Каждая сторона горячо доказывала, что она не рветъ со старыми традиціями и, въ особенности съ Великой Реформой 1861 г., что ея взгляды именно соотвѣтствуютъ «духу Великой Реформы».

Защитники общины утверждали, что «духъ» этотъ заключается въ охранѣ общины, противники, наоборотъ, считали, что «духъ», Великой Реформы требуетъ насажденія именно частной крестьянской собственности.

Витте доказывалъ теперь, что община изжила себя, съ точки зрѣнія заданій Реформы 1861 г. Крестьянская Реформа оставила общину только до уплаты выкупного долга. Другой гарантіи полученія долга, кромѣ общины, у правительства въ то время не было. «Выкупной платежъ, въ большинствѣ случаевъ, значительно превышалъ цѣнность и рентабельность надѣловъ», почему приходилось какъ бы прикрѣплять крестьянъ къ землѣ». «Владѣніе надѣломъ не имѣло основного признака имущественнаго права его цѣнности, а носило рѣзко выраженный характеръ обязанности, тягла, несеніе коего обезпечивалось принудительными мѣрами, прикрѣпленіемъ къ землѣ и круговой порукой. Весь крестьянскій бытъ и все крестьянское право отражали не особый «духъ русскаго народа», а вытекали «изъ обязанности несенія тягла за коллективной отвѣтственностью рабочихъ союзовъ міра и двора» [1]).

Теперь, какъ и раньше, Витте считалъ, что община есть центръ крестьянскаго вопроса, но онъ уже отказывался отъ требованія неуклонной законодательной ея защиты. «Здравый смыслъ русскаго человѣка, писалъ онъ въ 1893 году, глубоко и вѣрно оцѣнилъ опасность обезземеленья; крестьянинъ, вѣрный традиціямъ дѣдовъ, протестуетъ противъ права отчуждать землю, такъ какъ онъ свыкся съ неполной собственностью и общиннымъ землевладѣніемъ и дорожитъ ими потому, что въ батрачествѣ, бродяжничествѣ, безъ угла, гдѣ бы можно голову приклонить, онъ ничего хорошаго не видитъ».

Въ 1904 г. Витте продолжалъ вѣрить въ «здравый смыслъ» русскаго крестьянина, который «подскажетъ ему вѣрный выходъ изъ создавшагося тяжелаго положенія». Но теперь онъ думалъ, что этотъ «здравый смыслъ» «побудитъ крестьянина

---

[1]) Записка по Крестьянскому Дѣлу — Статсъ-Секретаря С. Ю. Витте. СПБ. 1904 года.

отказаться отъ организаціи, едва ли пригодной въ иныхъ условіяхъ, какъ только при земельномъ просторѣ и дѣвственной почвѣ, т. е. отъ общины».

Что крестьянинъ уже началъ отказываться отъ общины, Витте видѣлъ въ «фактическихъ данныхъ послѣдняго времени, указывающихъ на существованіе обширныхъ районовъ, гдѣ община совершенно прекратила уравнительные порядки».

«Уравнительные порядки являются серьезнымъ тормазомъ культуры». Въ силу этого тамъ, гдѣ у крестьянъ наблюдаются прогрессивныя теченія, онѣ «наносятъ серьезный ущербъ уравнительному принципу». А за десять лѣтъ предъ тѣмъ, въ 1893 году, на основаніи тѣхъ же данныхъ земскихъ статистическихъ сборниковъ, Витте доказывалъ, что если гдѣ и совершенствуется крестьянское хозяйство, то именно въ общинѣ. «Едва ли можно согласиться съ категорически выражаемымъ мнѣніемъ, что общинное землевладѣніе препятствуетъ сельскохозяйственному прогрессу, въ особенности въ виду такого несомнѣннаго факта, что наше крестьянское общинное хозяйство на самомъ дѣлѣ прогрессируетъ тамъ, гдѣ къ этому представляются необходимыя внѣшнія условія, чѣмъ и подтверждается совмѣстимость общиннаго землевладѣнія съ сельскохозяйственными улучшеніями», писалъ Витте въ 1893 году.

Въ 1904 году Витте открылъ, что несмотря на свои уравнительные порядки, община вездѣ распадается на эксплуатируемое большинство и эксплуатирующее меньшинство.

«Въ общинной средѣ происходитъ дифференціація: большинство бѣднѣетъ, а самая незначительная часть богатѣетъ, путемъ хищнической эксплуатаціи земли и своихъ однообщественниковъ и сосредоточиваетъ въ однѣхъ рукахъ значительную и лучшую часть надѣла», такъ говорилъ о дифференціаціи деревни Витте въ 1904 г. Но въ 1893 году Витте находилъ, что въ общинѣ не происходитъ никакой дифференціаціи, что разложеніе деревни происходитъ именно «съ образованіемъ самостоятельныхъ крестьянскихъ владѣній», что у частныхъ собственниковъ-крестьянъ началось уже обезземеленіе бѣднѣйшихъ и скопленіе участковъ въ рукахъ наиболѣе вліятельнаго, зажиточнаго и предпріимчиваго меньшинства, какъ это наблюдалось во всѣ времена и у всѣхъ народовъ». И, въ 1893 г., Витте считалъ, что только общинное владѣніе, въ условіяхъ нашего крестьянскаго хозяйства, можетъ охранить крестьянъ отъ нищеты. «До

сихъ поръ масса нашего крестьянскаго населенія находится въ такомъ состояніи, въ которомъ дѣло идетъ не о сбереженіяхъ, а о возможности добыть хлѣбъ насущный и въ которомъ главенствуетъ не денежное хозяйство, а натуральное. Въ такомъ состояніи общинное землевладѣніе наиболѣе способно обезпечить крестьянина отъ нищеты и бездомности» [1]).

Въ разбитой на враждебныя группы массы крестьянъ-общинниковъ Витте въ 1904 году не находилъ рѣшительно никакихъ «общественныхъ чувствъ».

«Какъ ни парадоксально говорится въ трудахъ Комитетовъ, пишетъ Витте въ 1904 году, а приходится сказать, что общинное владѣніе менѣе всего воспитываетъ общественныя чувства, напротивъ того, порождаетъ скорѣе эгоизмъ». А за десять лѣтъ передъ тѣмъ Витте проникался къ общинной филантропіи «почтительнымъ благоговѣніемъ» и утверждалъ, что «поскольку общинѣ позволяютъ средства, она проявляетъ заботливость объ участи несчастныхъ».

«Если примѣнить должные масштабы при измѣреніи благотворительности всѣхъ нашихъ самоуправленій и общественныхъ группъ, то едва ли не сельская община окажется наиболѣе человѣколюбивою. При сужденіи о явленіяхъ нравственной жизни народа многое можно будетъ объяснить не народнымъ развращеніемъ, а народной нуждой», (Записка 1893 года).

Въ 1904 году Витте утверждалъ, что раздираемая внутренней борьбой община держится исключительно принудительными средствами. «При современномъ положеніи она имѣетъ многія черты публично правовой организаціи, невольно напоминающія военныя поселенія». И разъ будутъ ослаблены принудительныя связи, держащія крестьянъ въ общинѣ, то они разбѣгутся изъ нея. «Несомнѣнно, если община будетъ избавлена отъ принудительныхъ нормъ, регламентирующихъ ея жизнь, и будетъ возстановлена въ томъ видѣ, какъ она признана Положеніемъ 19 февраля 1861 года (т. е. будутъ уничтожены законы 1886—1893 гг.), то въ очень многихъ мѣстностяхъ слѣдуетъ ожидать прекращенія уравнительныхъ передѣловъ и перехода къ подворному пользованію. Сознавая это, защитники общиннаго землепользованія возстаютъ противъ мысли о возвращеніи крестьянамъ права выдѣлять свой надѣлъ въ подвор-

---

[1]) Стран. 52 Записки 1893 года.

ное пользованіе помимо согласія міра. По ихъ мнѣнію, это было бы искусственнымъ разрушеніемъ общины» [1]).

Наоборотъ, въ 1893 году Витте многочисленными примѣрами доказывалъ, что община держится не принужденіемъ, а нравственными узами. «Въ рѣшеніяхъ (о передѣлахъ) крестьянъ-общинниковъ играютъ большую роль нравственные общественные мотивы, и если бы ихъ не было, то законъ о правѣ производить передѣлы въ большинствѣ случаевъ оказался бы мертвою буквою». «Передѣлы совершаются и тамъ, гдѣ они невыгодны или безразличны для большинства, но гдѣ существуетъ уже значительное число крестьянъ, обдѣленныхъ или недостаточно надѣленныхъ землею. Разработкою данныхъ по нѣсколькимъ губерніямъ доказано, что вездѣ значительная часть хозяйствъ терпѣла ущербъ отъ передѣла, и что, слѣдовательно, для составленія законнаго большинства, ²/₃ голосовъ, необходимо было, чтобы къ нуждающимся крестьянамъ, требующимъ передѣлы, присоединялась и нѣкоторая часть зажиточныхъ, которые не только ничего не выигрывали, но даже терпѣли ущербъ отъ новой разверстки земли». (Записка 1893 г.).

Въ 1904 году Витте протестовалъ противъ насильственнаго удержанія крестьянъ въ общинѣ и требовалъ возстановленія права крестьянъ выходить изъ общины.

«Я держусь того взгляда, что если община прекращаетъ свое существованіе вслѣдствіе стремленія отдѣльныхъ ея членовъ къ личному владѣнію, то это явленіе естественное и, наоборотъ, преграждeніе крестьянамъ пути къ общему и отдѣльному выходу изъ общиннаго порядка есть искусственное покровительство системѣ общиннаго владѣнія» и потому въ 1904 г. Витте требовалъ возстановленія права, отобраннаго у крестьянъ при горячемъ содѣйствіи Витте въ 1893 году, когда въ свободномъ выходѣ изъ общины онъ видѣлъ серьезную угрозу государству.

«Если большинство крестьянъ производитъ выкупъ не для хозяйственныхъ цѣлей, а выкупающіе для этой цѣли лишены возможности удержать за собой выкупные надѣлы, если выкупъ земель разстраиваетъ общинное хозяйство остающагося большинства, какое основаніе, (писалъ Витте въ 1893 году противъ 2-ой части 165 статьи), сохранять въ силѣ законода-

---

[1]) Записка 1904 г.

тельное постановленіе, явно несоотвѣтствующее интересамъ крестьянскаго населенія и угрожающее государству разстройствомъ земельнаго быта крестьянъ?» «Право выхода изъ общины безъ согласія міра, писалъ Витте въ 1893 году, приведетъ къ тому, что существенный смыслъ Крестьянской Реформы—всенародное земельное обезпеченіе—потеряется, и Россія станетъ лицомъ къ лицу съ соціальнымъ вопросомъ».

Таковы были въ 1893 году аргументы Витте въ пользу закрытія мужикамъ всѣхъ «лазеекъ», черезъ которыя они могли бы вырваться изъ общины.

Само возстановленіе права выхода изъ общины безъ согласія міра въ 1904 году Витте считалъ только «первымъ шагомъ» къ созданію болѣе совершеннаго вида землевладѣнія, чѣмъ подворное черезполосное. Этой болѣе, совершенной, формой землевладѣнія, въ глазахъ Витте, были отруба и хутора.

Для того, чтобы «пріохотить» крестьянъ къ переходу отъ общиннаго къ личному владѣнію, Витте предлагалъ освобождать выходящихъ изъ общины, на извѣстное число лѣтъ отъ выкупныхъ платежей, ибо установленіе личной собственности на надѣлы для Россіи безусловно необходимо, «это—условіе, безъ котораго немыслимо развитіе экономическаго благосостоянія нашего крестьянства».

За 10 лѣтъ передъ тѣмъ и по этому вопросу Витте высказывалъ прямо противоположное мнѣніе. «Нѣкоторыми составителями Положенія 19 февраля, писалъ тогда Витте, проводился взглядъ на поземельную общину, какъ на временную переходную форму, которая можетъ и должна исчезнуть. Предполагали, что подворно-участковое владѣніе будетъ нормальнымъ, окончательнымъ, что оно установится само собою послѣ естественнаго и неизбѣжнаго разложенія общинныхъ, связей. Но это предположеніе едва ли не оказалось ошибочнымъ».

«Община обнаружила несомнѣнно большую жизненность, чѣмъ можно было думать съ точки зрѣнія теоретическихъ ея противниковъ».

Въ 1904 году Витте уже считалъ, что община пережила свою государственную полезность, что никакой «жизненности» въ ней нѣтъ, что общинное землевладѣніе, какъ и семейная собственность, только въ первыя десятилѣтія послѣ Реформы имѣли значеніе, какъ орудія фиска.

«Въ 60-70-хъ годахъ коллективное владѣніе общиной и дворомъ имѣло несомнѣнный смыслъ, ибо тогда надѣльная земля, въ большинствѣ случаевъ, не была имущественной цѣнностью, а тягломъ», (Записка 1904 г.).

Но «теперь (въ 1904 г.) навязывать крестьянству семейное владѣніе и лишать его личныхъ имущественныхъ правъ, на коихъ зиждется гражданское право всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, это значитъ закрывать глаза на современныя нужды и потребности, и жить воспоминаніями патріархальнаго прошлаго».

«Теперь», когда выкупной долгъ крестьяне уже уплатили, Витте вспомнилъ, что крестьяне «не только рабочая сида, которую полезно объединить для экономизаціи и продуктивности труда, но и живые люди» (Записка 1904 г.).

Въ 1904 году Витте пришелъ къ убѣжденію, что община не оправдала ни одной надежды, которыя на нее возлагались. «И надѣялись на общину только потому, что ей начали преклоняться раньше, чѣмъ стали ее изучать».

Не оправдались, между прочимъ, ожиданія тѣхъ, кто считалъ, что наша община будетъ «школой коопераціи».

«Высказывалось убѣжденіе, писалъ Витте, что эта форма землепользованія представляетъ блажайшую ступень къ тѣмъ кооперативнымъ союзамъ, въ развитіи коихъ западно-европейская наука видитъ разрѣшеніе многихъ современныхъ экономическихъ вопросовъ». (Записка 1904 г.). Но эта мысль безусловно не вѣрна, такъ какъ основой коопераціи является не общинная, а частная собственность на землю. «Мѣстные комитеты справедливо указываютъ, писалъ Витте въ 1904 г., что основаніемъ земледѣльческихъ кооперацій уже появляющихся на Западѣ, является твердое право собственности, опредѣленная доля участія въ доходахъ соотвѣтственно размѣрамъ владѣнія и вложеннаго капитала, свобода вступленія и выхода изъ союза и, наконецъ, сознательное чувство общности экономическихъ интересовъ, возможное лишь въ условіяхъ высокой культурности, развитой самодѣятельности и правовой гарантіи имущественныхъ интересовъ. Между тѣмъ всѣ эти условія совершенно отсутствуютъ при уравнительномъ землепользованіи» (Записка 1904 г.).

А въ 1893 году по этому поводу Витте писалъ въ Государственный Совѣтъ, что громадное значеніе русской общины,

какъ почвы для коллективныхъ хозяйственныхъ предпріятій, отмѣчено даже иностранцами. «Нѣтъ страны въ Европѣ, болѣе подготовленной къ коллективному земледѣлію», цитировалъ Витте Крена.

Въ этомъ полномъ переворотѣ взглядовъ на общину, происшедшемъ за 10 лѣтъ, у Витте, особенно рѣзко выразился переворотъ взглядовъ на задачи аграрной политики у бюрократіи и большинства дворянства.

Община не оправдала возлагавшихся на нее охранителями надеждъ, устои самодержавія шатались,—надо было найти средство подкрѣпить эти устои. Это средство правительство и дворянство начинали видѣть въ частной собственности на землю у крестьянъ.

IX.

Община въ Редакціонной Комиссіи Стишинскаго. 1902—04 гг.

Когда, въ 1893 г., Гос. Совѣтъ обсуждалъ проектъ закона о запрещеніи свободнаго выхода изъ общины и о «неотчуждаемости» крестьянскихъ надѣловъ, Общее Собраніе Гос. Совѣта высказалось за необходимость приступить къ полному пересмотру всего крестьянскаго законодательства.

Общее Собраніе Гос. Совѣта признало, что для этого «не требовалось особаго указанія въ законѣ». «Такое «указаніе» даже было бы опасно, такъ какъ оно могло бы повести къ возбужденію умовъ въ средѣ крестьянскаго населенія» [1]).

Направленіе, въ которомъ долженъ былъ совершиться этотъ пересмотръ, опредѣлилось уже въ длительной перепискѣ «вѣдомствъ» по поводу упомянутыхъ законовъ: требовалось объединить въ одно цѣлое Положеніе 1861 г. и позднѣйшее законодательство о крестьянахъ, т. е. создать Новое Положеніе о крестьянахъ...

«Государственная мысль, положенная въ основу законодательства 80 и 90 годовъ въ Новомъ Крестьянскомъ Положеніи,

---

[1]) Журналъ Общаго Собранія Гос. Совѣта.

должна была получить полное юридическое выраженіе и приведена въ законченную связь съ Положеніемъ 1861 г.».

«Мысль» эта была не сложна, она заключалась въ созданіи законченной системы нормъ по охранѣ сословной обособленности крестьянъ и въ дальнѣйшемъ укрѣпленіи «властнаго надзора за деревней».

Выполняя это пожеланіе Гос. Совѣта, М—ство Вн. Дѣлъ уже въ 1894 году выработало программу вопросовъ, касающихся важнѣйшихъ отдѣловъ законоположеній о крестьянахъ и переслало эту программу губернаторамъ для обсужденія въ совѣщаніяхъ, «составленныхъ изъ провинціальныхъ чиновниковъ и приглашенныхъ лицъ», подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ.

Работы этихъ «совѣщаній» и послужили главнымъ матеріаломъ для составленія Проекта Новаго Крестьянскаго Положенія. Въ 1902 году для обработки собранныхъ матеріаловъ была образована «Редакціонная Комиссія» изъ должностныхъ лицъ «Центральнаго Управленія М—ства Вн. Дѣлъ». Комиссія приступила къ работамъ подъ предсѣдательствомъ А. С. Стишинскаго въ іюлѣ 1902 года. Въ концѣ 1903 года «Редакціонная Комиссія» закончила свои занятія и въ 1904 г., по желанію М—ра Вн. Дѣлъ Плеве, ея «Труды» для дальнѣйшей разработки и согласованія съ мѣстными особенностями были переданы на мѣста губернскимъ совѣщаніямъ изъ «достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ».

Такими «дѣятелями», приглашенными въ Совѣщанія, оказались провинціальные чиновники, земцы, землевладѣльцы и назначенные губернаторами представители отъ крестьянъ. Во время работъ этихъ «совѣщаній», подъ вліяніемъ неудачной войны, общаго возбужденія, начавшаго захватывать все болѣе широкіе слои населенія, 12 декабря 1904 года былъ изданъ Указъ «о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка». Этотъ Указъ говорилъ о необходимости «объединить законы о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ въ Имперіи и ввести единство въ устройство судебной части въ Имперіи».

Задача «объединенія» крестьянскаго законодательства съ общимъ законодательствомъ въ Имперіи, очевидно, шла въ разрѣзъ съ задачей Редакціонной Комиссіи Стишинскаго, выработавшей стройную систему исключительныхъ законовъ для

крестьянъ. Казалось, Указъ 12 декабря 1904 г. долженъ былъ бы ликвидировать работу Комиссіи Стишинскаго. Однако, въ концѣ декабря 1904 года М—стръ Вн. Дѣлъ Святополкъ-Мірскій разослалъ губернаторамъ предписаніе окончить работы Губернскихъ Совѣщаній по разсмотрѣнію Трудовъ.

Но и это «предписаніе», какъ и всѣ Труды Редакціонной Комиссіи, были вскорѣ забыты подъ вліяніемъ нахлынувшихъ событій.

Комиссія Стишинскаго въ своихъ пятитомныхъ «Трудахъ» дала подробное обоснованіе тѣхъ началъ, на которыхъ реакціонное дворянство хотѣло построить «Новое Крестьянское Положеніе» наканунѣ революціи 1905 г.

Центральное мѣсто въ «Трудахъ» заняло доказательство государственной необходимости укрѣпленія крестьянской сословной обособленности.

Редакціонная Комиссія полагала, что крестьянство должно остаться изолированнымъ сословіемъ, ибо оно есть единственный въ государствѣ источникъ консервативныхъ нравственно-правовыхъ устоевъ, единственный оплотъ противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій. Генезисъ этого крестьянскаго консерватизма Редакціонная Комиссія объясняла почти «матеріалистически». Крестьянскій консерватизмъ есть продуктъ земледѣльческаго труда, «постоянной близости крестьянъ къ землѣ», однообразной обстановки жизни и, продиктованнаго измѣнчивыми условіями земледѣльческихъ работъ, сознанія своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка» [1]).

Крестьянинъ, слѣдовательно, консервативенъ потому, что устойчивое земледѣльческое «бытіе» его обусловливаетъ устойчивость содержанія его «сознанія».

Огромная политическая роль крестьянства обязывала государство слѣдитъ за тѣмъ, чтобы крестьянская сословная изолированность ничѣмъ не нарушалась. Государство должно было, и имѣло на это право, взять на себя надзоръ за крестьянами, такъ какъ, говорилось въ Трудахъ Редакціонной Комиссіи, государство «всегда оказывало и оказываетъ попеченіе крестьянамъ, а тому, кто оказываетъ попеченіе, принадлежитъ и право надзора за пользующимся его попечительными заботами» [2]).

[1]) Труды Редакціонной Комиссіи, т. I, стран. 12.

[2]) Труды Редакціонной Комиссіи, т. I, стран. 15.

Уничтоженіе сословныхъ граней и внесеніе нормъ общаго гражданскаго права въ крестьянскую жизнь не должно быть допускаемо потому, что это было политически опасно и, кромѣ того, это было бы насиліемъ надъ самобытно сложившимися, полными внутренней силы, явленіями дѣйствительности.

Но Комиссія считала, что сохранить крестьянство на вѣчныя времена изолированнымъ въ правовомъ отношеніи можно только при обезпеченіи его на вѣчныя времена землей [1]).

Однимъ изъ средствъ оставить землю на «вѣки» за крестьянскимъ сословіемъ Редакціонная Комиссія считала законъ 1893 года о неотчуждаемости надѣловъ. Этотъ законъ, разрѣшавшій продавать надѣлы только крестьянамъ, имѣлъ, въ глазахъ Комиссіи, одну особенно важную сторону: онъ предохранялъ деревню отъ внѣдренія въ нее некрестьянскихъ элементовъ.

Редакціонная Комиссія соглашалась съ тѣмъ, что проектируемыя ею ограниченія будутъ стѣснять «отдѣльныхъ предпріимчивыхъ и энергичныхъ личностей изъ крестьянъ», но Комиссія полагала, что государство не можетъ предоставлять народную массу, гдѣ имѣется множество слабыхъ элементовъ, «натиску, этихъ сильныхъ, одаренныхъ большей энергіей, а иногда и большей неразборчивостью въ средствахъ».

Охранительную политику Редакціонная Комиссія еще считала необходимымъ проводить подъ старымъ «благороднымъ» лозунгомъ: «охраны слабыхъ, а не ставки на сильныхъ».

Въ вопросѣ о формахъ землевладѣнія Редакціонная Комиссія формально стояла всецѣло на точкѣ зрѣнія «нейтралитета» къ общинѣ и подворью, признавая, однако, что «въ большинствѣ мѣстностей Имперіи объединеніе хозяйственныхъ интересовъ отдѣльныхъ владѣльцевъ общими интересами, интересами всего міра до сихъ поръ необходимо», т. е. необходима охрана общины [2]).

Редакціонная Комиссія боялась и подумать объ огульной ломкѣ «освященнаго вѣками крестьянскаго земельнаго» строя, такъ какъ такая мѣра, по мнѣнію Редакціонной Комиссіи, не только не встрѣтила бы сочувствія со стороны крестьянъ, но вызвала бы противодѣйствіе съ ихъ стороны [3]).

---

[1]) Ibid. Стран. 11.
[2]) Ibid. Стран. 25.
[3]) Ibid. Стран. 27.

Переводъ общинныхъ крестьянъ къ подворью опасный съ политической точки зрѣнія, по мнѣнію Комиссіи, ничего бы не далъ и въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ подворье и община въ хозяйственномъ отношеніи мало чѣмъ различаются; и потому переходъ крестьянъ отъ общины къ подворью «едва ли можетъ содѣйствовать упроченію у крестьянъ уваженія къ чужимъ правамъ и искорененію взгляда на землю, какъ на общее достояніе». «Степень уваженія къ чужимъ правамъ, заявляла Редакціонная Комиссія, находится, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ уровня общаго культурнаго развитія, а также хозяйственной обезпеченности населенія» [1]).

Хотя, Редакціонная Комиссія полагала, что взглядъ крестьянъ на «чужую землю» зависитъ не отъ характера правъ его на свой надѣлъ, а отъ того, поскольку этотъ надѣлъ обезпечиваетъ его существованіе, тѣмъ не менѣе она стояла не за его увеличеніе, а за сочетаніе охраны общины, съ внѣдреніемъ въ крестьянина чувства собственности, ибо, все-таки, истинный консерватизмъ держится на трехъ основаніяхъ: семьѣ, религіи и собственности.

— «Весьма важно стремиться къ внѣдренію среди крестьянъ понятія о правѣ собственности, которое, какъ извѣстно, лежитъ въ основѣ всякаго культурнаго быта, въ надлежащемъ огражденіи и развитіи котораго и заключается истинный консерватизмъ».

— «Не слѣдуетъ забывать, что на ряду съ религіею и семьею, собственность является однимъ изъ коренныхъ устоевъ существующаго порядка и что именно отсутствіе среди нашего крестьянства надлежащаго уваженія къ собственности служитъ одною изъ главныхъ причинъ замѣчаемаго въ нашей деревенской жизни безправія и отсутствія чувства законности» [2]).

Но считая крайне важнымъ пробудить у крестьянъ уваженіе къ чужому имуществу, путемъ развитія у него чувства собственности, Редакціонная Комиссія въ направленіи насажденія частной собственности на землю полагала своевременнымъ дѣлать очень осторожые шаги. Она признала не подлежащей возстановленію 2-ую часть ст. 165 и запрещала въ своемъ проектѣ Положенія выходъ изъ общины безъ согласія міра, такъ какъ

---

[1]) Ibid. Стран. 23.

[2]) Проектъ Положенія и о надѣльныхъ земляхъ. Т. V. Стран. 416-417.

право свободнаго выхода «сдѣлало бы положеніе оставшихся въ общинѣ домохозяевъ невыносимымъ и самою силою вещей вынуждало бы ихъ, въ свою очередь, домогаться выдѣла, что, въ конечномъ результатѣ, повлекло бы за собой уничтоженіе самой общины» [1]).

Проектъ Редакціонной Комиссіи разрѣшалъ общиннику предъявлять требованіе о выходѣ изъ общины съ землей только при земельныхъ передѣлахъ и то при условіи согласія выходящаго выселиться на выдѣленную землю.

Но въ виду того, что при разрѣшеніи выхода изъ общины только при передѣлахъ, въ безпередѣльныхъ общинахъ крестьяне не имѣли бы возможности вовсе выходить изъ общины, то для крестьянъ безпередѣльныхъ общинъ Редакціонная Комиссія проектировала разрѣшеніе выходить изъ общины, а также выселяться изъ деревни группами, въ 1/5 общаго числа домохозяевъ (и меньше—въ крупныхъ селеніяхъ).

Редакціонная Комиссія не рѣшилась (какъ это сдѣлано было указомъ 9 ноября) признать укрѣпленный въ собственность надѣлъ «личною собственностью» вышедшаго изъ общины домохозяина; она рѣшительно высказалась за «семейную собственность».

Уничтоженіе семейной собственности на надѣльную землю представлялось Комиссіи Стишинскаго мѣрой, разрушающей коренныя основы крестьянскаго быта.

Такая мѣра «повлекла бы за собой ломку всего земельнаго и имущественнаго строя крестьянъ, который до сихъ поръ покоится на семейномъ и на трудовомъ началѣ».

Комиссія Стишинскаго считала, что «личная собственность» на надѣльную землю прежде всего противорѣчитъ основной цѣли Крестьянской Реформы, заключающейся въ надѣленіи землею всего крестьянства, а не отдѣльныхъ крестьянъ-домохозяевъ и потому введеніе ея потребовало бы коренного измѣненія не только существующихъ законодательныхъ постановленій, но и твердо установившейся *практики* по этому предмету [2]).

Подъ «практикой» Редакціонная Комиссія Стишинскаго подразумѣвала судебную практику. Сенатъ въ 1884 году при-

[1]) Т. V. Стран. 130.
[2]) Т. V. Стран. 429.

зналъ крестьянскую семью «древнимъ *политическимъ* институтомъ, на которомъ лежали разнообразныя государственныя обязанности» [1]).

Доказывая необходимость сохранить въ Россіи семейную собственность, Комиссія Стишинскаго опять стала на «матеріалистическую» позицію. Семейное право крестьянъ есть продуктъ ихъ земледѣльческаго «бытія». Изученіе быта южнославянскихъ народовъ показываетъ, по мнѣнію Редакціонной Комиссіи, что у земледѣльческихъ народовъ (а въ Россіи 80% населенія занимается земледѣліемъ), «семейная собственность на землю вытекаетъ съ необходимостью изъ условій ихъ быта, гдѣ всѣ члены семьи участвуютъ въ пріобрѣтеніи семейнаго имущества».

«Понятіе о семьѣ, дворѣ, какъ о субъектѣ правъ на надѣльную землю и о домохозяинѣ, лишь какъ о представителѣ двора, сложилось у крестьянъ исторически и всегда лежало въ основѣ ихъ земельныхъ порядковъ» [2]).

Работы Комиссіи Стишинскаго наиболѣе полно выразили точку зрѣнія охранителей стараго типа на общину, какъ на оплотъ самодержавія въ Россіи.

«Новыя вѣянія» сказались впервые въ работахъ Особаго Совѣщанія Витте, изложившаго «credo» охранителей новой школы въ цитированной выше его Запискѣ 1904 года.

---

[1]) „Въ крестьянскомъ быту издревле сохранилось начало семейное, семья составляетъ единицу какъ политическую, такъ и экономическую", говорилось въ рѣшеніи Сената 1884 года. До изданій законоположенія 19 февраля 1861 года сельскія общества составлялись изъ отдѣльныхъ семействъ, земля распредѣлялась по семьямъ, при переселеніи отводились семейные участки, самое народосчисленіе велось по семьямъ, семья же отбывала рекрутскую и другія повинности, хозяйство составляло нераздѣльную принадлежность всей семьи, а старшій членъ ея былъ распорядителемъ этого хозяйства, представителемъ семьи и лишь въ этомъ смыслѣ именовался домохозяиномъ.

Съ изданіемъ Положенія 19 февраля 1861 г., „та же семья, въ составѣ извѣстнаго количества душъ и съ хозяиномъ во главѣ, является и обладательницей, и распорядительницей земельнаго и усадебнаго участка, а домохозяинъ именуется такъ не потому, что онъ имѣетъ домъ, землю и т. п., а потому, что онъ есть старшій членъ и представитель семьи, имѣющей въ своемъ владѣніи и землю, и хозяйство", рѣш. Гр. Касс. Деп. Прав. Сен. 1884 г., № 67). Труды Ред. Ком. Т. V. Стран. 420.

[2]) „Взглядъ на усадебный участокъ, какъ на общее достояніе всего двора, отвѣчаетъ условіямъ земледѣльческаго быта и тѣсно связанному съ нимъ трудовому началу, въ силу котораго члены семьи, участвуя въ пріобрѣтеніи (выкупѣ) и въ обработкѣ надѣла, т. е. въ созданіи, такъ сказать, семейнаго имущества, тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ извѣстныя права на это имущество". Труды. Т. V. Стран. 114.

X.

Община въ Комиссіи «объ Оскудѣніи Центра» 1903 г.

Ред. Ком. Стишинскаго была не единственнымъ бюрократическимъ совѣщаніемъ, гдѣ въ началѣ XX вѣка рѣшался крестьянскій вопросъ. Помимо Ред. Ком. этимъ занимались еще двѣ организаціи: «Комиссія Коковцова» «по изслѣдованію причинъ Оскудѣнія Центра (учрежденная въ концѣ 1901 г.) и Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (учрежденное 22 января 1902 года), подъ предсѣдательствомъ Витте.

Но Ред. Ком. Стишинскаго стоитъ одиноко по отношенію своихъ политической и экономической программъ. Ред. Ком. придерживается всецѣло старыхъ пріемовъ охранительной политики: усиленія власти въ центрѣ и на мѣстахъ, надзоръ государства за всѣми и за каждымъ обывателемъ въ отдѣльности, охрана сословности. Въ Комиссіи центра и въ Особомъ Совѣщаніи уже слышатся какія-то новыя политическія ноты. Здѣсь уже говорили о равенствѣ крестьянъ и не крестьянъ въ правахъ и обязанностяхъ, о томъ, что земскія собранія не могутъ быть признаны дѣйствительными выразителями всего населенія, о необходимости, по возможности, равномѣрнаго представительства въ земствѣ различныхъ группъ населенія и т. д.

«Комиссія Центра», составленная изъ 15 чиновниковъ и 19 земцевъ (въ томъ числѣ 15 представителей губернскихъ управъ) [1]), приступила къ работамъ въ октябрѣ 1903 г., т. е. только два года спустя, послѣ ея учрежденія. Въ числѣ матеріаловъ, разсмотрѣнныхъ Комиссіей Центра, большой интересъ, съ точки зрѣнія характеристики взглядовъ земскаго дворянства на общину за три года до указа 9 ноября 1906 года представляетъ «Записка» представителей земствъ.

---

[1]) Въ Комиссію были приглашены представители управъ губб.: Курской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Нижегородской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Казанской, Полтавской, Тульской, Костромской, Смоленской, Новгородской. Члены губ. управъ: Саратовской, Харьковской, Вятской. Член Орловскаго губ. земскаго собранія.

Въ этой Запискѣ уже намѣчался тотъ переломъ во взглядахъ на общину среди дворянства, который привелъ къ знаменитому указу 9 ноября о выходѣ изъ общины. Къ старымъ пріемамъ охранительной политики у земцевъ-дворянъ начинаетъ складываться вполнѣ отрицательное отношеніе. Въ охранѣ крестьянской собственности, въ охранѣ общины земцы уже не находятъ панацеи для «упорядоченія» деревенской жизни. Причины «оскудѣнія» деревни земцы видятъ «въ отсутствіи прочнаго правопорядка, въ безправіи и невѣжествѣ крестьянскаго населенія, въ несовершенствѣ волостного суда, поставленнаго въ зависимость отъ земскаго начальника и въ сложившихся формахъ землепользованія, независимо отъ того, будутъ ли они общинными или подворными». Записка земцевъ констатируетъ, что послѣ 19 февраля 1861 года ничего не было сдѣлано для того, чтобы усовершенствовать Положеніе о крестьянахъ 1861 г., изданное, какъ «временное», съ цѣлью установленія порядка въ переходную эпоху. Занимавшіеся пересмотромъ нѣкоторыхъ сторонъ крестьянской жизни Валуевская Комиссія 1872 г. и Кохановская 1886 г. остались безрезультатными. Что же касается крестьянскихъ законовъ эпохи Толстого-Дурново, то они «имѣли исключительно административно-фискальный характеръ» [1]).

Для борьбы съ «оскудѣніемъ» земцы намѣтили программу финансовыхъ и экономическихъ реформъ; въ программу вошла и «реформа крестьянскаго землепользованія».

Въ виду того, что Комиссіи Центра запрещено было касаться «общихъ вопросовъ», а разрѣшалось говорить только объ экономическихъ вопросахъ, то для формулированія своей скромной программы земцы прибѣгли къ дипломатіи: они рѣшили разсматривать самого крестьянина съ точки зрѣнія «государственной экономіи». Съ этой точки зрѣнія крестьянинъ представлялся не болѣе, какъ орудіемъ производства, притомъ орудіемъ «испорченнымъ». Такимъ образомъ, мѣры, которыя могли помочь исправить это «орудіе», оказывались чисто «экономическими».

«Мы полагаемъ, писали земцы, что съ точки зрѣнія чисто экономической крестьянинъ-земледѣлецъ долженъ разсматри-

---

[1]) Записка. Стран. 4.

ваться въ государственной экономіи, какъ орудіе производства, и всѣ мѣры усовершествованія этого орудія должны быть признаны имѣющими чисто экономическій характеръ и значеніе. Передъ нами выставленъ фактъ оскудѣнія крестьянина, т. е. испорченное орудіе производства» [1]).

Однимъ изъ главныхъ тормазовъ въ исправленіи этого «орудія» являются формы землевладѣнія у крестьянъ.

«Сложившіеся и установившіеся въ силу специальныхъ узаконеній или, освященныхъ временемъ обычаевъ формы землепользованія у земледѣльческаго крестьянскаго населенія Россіи, служатъ главнымъ тормазомъ для примѣненія въ крестьянскомъ хозяйствѣ тѣхъ улучшеній, которыя выработаны сельскохозяйственной наукой и которыя могутъ быть примѣнены крупными землевладѣльцами въ ихъ хозяйствахъ» [2]).

Деревенская масса господствуетъ надъ крестьяниномъ: инициатива лучшихъ крестьянъ убита. «Сознаніе о пользѣ того или иного культурнаго сельскохозяйственнаго пріема не проникаетъ и не можетъ сразу проникнуть во всю массу земледѣльческаго, крестьянскаго населенія. Въ сельскохозяйственномъ промыслѣ, какъ и во всякомъ другомъ, инициаторы полезныхъ мѣропріятій являются отдѣльныя, энергичныя и трудолюбивыя лица, при настоящихъ же условіяхъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, отдѣльная личность является совершенно подавленною и лишенною инициативы; при подворномъ землевладѣніи систему хозяйства для всѣхъ подворниковъ устанавливаетъ законъ, при общинномъ землевладѣніи, на основаніи закона,—воля міра» [3]).

Для того, чтобы изъ земли можно было извлечь все, что она можетъ дать, по убѣжденію земцевъ, необходимы три условія: «во-первыхъ, убѣжданіе земледѣльца въ томъ, что обрабатываемый имъ участокъ земли составляетъ его неотъемлемую собственность; во-вторыхъ, возможная близость полевого участка отъ мѣста жительства хозяина, въ-3-хъ, отсутствіе черезполосицы и цѣльность участка».

У крестьянина-общинника нѣтъ собственности на надѣлъ, а лишь временное владѣніе отъ передѣла до передѣла, у под-

¹) Записка. Стран. 3.
²) Ibid. Стран. 18.
³) Ibid. Стран. 20.

ворника и общинника нѣтъ цѣльнаго участка: царитъ черезполосица; отсюда нерадѣніе къ землѣ, отсюда принудительный сѣвооборотъ. «Преобладающая почти повсемѣстно въ земледѣльческой Россіи трехпольная система сѣвооборота, являющаяся, въ силу закона или обычая, обязательной для отдѣльныхъ лицъ, лишаетъ лучшихъ и наиболѣе энергичныхъ крестьянъ-хозяевъ какой бы то ни было возможности переходить къ другому болѣе выгодному сѣвообороту или же вносить какія-либо существенныя улучшенія на своихъ участкахъ земли. При общинной формѣ землевладѣнія и трехпольѣ, при согласіи большинства, которое достигается лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, еще возможно измѣненіе трехпольной системы землепользованія, но при подворномъ землевладѣніи и трехпольной формѣ землепользованія, даже и такое, рѣдкое исключеніе является недостижимымъ, и каждый крестьянинъ-хозяинъ обреченъ навсегда держаться той системы землепользованія, которую завели его отдаленнѣйщіе предки. Если ко всему этому прибавить: черезполосицу, которая еще болѣе дробитъ и безъ того малые крестьянскіе надѣлы, передѣлы, въ корнѣ уничтожающіе всякую охоту заботиться о своемъ участкѣ земли, опеку административную и опеку своихъ же однообщественниковъ, то станетъ понятнымъ, почему сельскохозяйственная культура у крестьянина за протекшіе 40 лѣтъ не поднялась, а пришла къ упадку» [1]). Намѣченная земцами землеустроительная программа уже приближается къ землеустройству 1906 года.

Земцы высказались за слѣдующія мѣры: «во-1-хъ, за то, чтобы крестьянская община была признана союзомъ добровольнымъ, а не обязательнымъ, при чемъ переходъ отъ общинной формы землевладѣнія къ подворной не долженъ быть стѣсняемъ: точно такъ же, какъ и обратный переходъ отъ подворной формы землевладѣнія къ общинной; во-2-хъ, за облегченіе разчлененія крупныхъ общинъ на мелкія, съ разселеніемъ ихъ на отдѣльные участки общаго владѣнія; въ-3-хъ, за поощреніе выселенія крестьянъ изъ общей черты осѣдлости на принадлежащіе имъ участки на правѣ полной собственности и облегченіе такого выхода на надѣльныя земли; въ-4-хъ, за предоставленіе крестьнамъ права свободнаго выхода изъ своего обще-

[1]) Ibid. Стран. 10—20.

ства, при условіи отказа въ пользу общины отъ своего надѣла (при чемъ въ такихъ случаяхъ общество могло бы вознаграждать выходящаго по своему усмотрѣнію); въ-5-хъ, за разрѣшеніе крестьянамъ при подворномъ владѣніи продавать свои надѣльныя земли лицамъ всѣхъ сословій на общемъ основаніи».

Въ этой программѣ земцевъ-дворянъ нѣтъ еще прямолинейности дворянъ-общинноборцевъ 1906 г. Земцы въ 1903 г. начинали борьбу съ принудительной общиной, они отстаивали добровольную общину, но въ то же время они предлагали крестьянину «свободный» выходъ *безъ земли*, зная, что всякій земледѣлецъ предпочтетъ остаться въ принудительной общинѣ, а не итти «добровольно» на обезземеленіе. Съ другой стороны, земцы-дворяне все же считали нужнымъ содѣйствовать выходамъ изъ общины «на полную собственность» и высказывались за разрѣшеніе продажи надѣловъ «лицамъ всѣхъ сословій».

Въ преніяхъ «Комиссіи Центра» многія положенія, высказанныхъ въ «Запискѣ» земцевъ, собрали большинство. Всѣ соглашались съ тѣмъ, что почти невозможно повысить урожайность крестьянскихъ полей при существующихъ формахъ землепользованія, когда «масса крестьянскаго населенія является еще настолько невѣжественною и косною въ способахъ веденія сельскаго хозяйства, что нерѣдко даже такія элементарныя нововведенія, какъ плугъ, встрѣчаютъ съ ея стороны сильное противодѣйствіе. Отдѣльные, болѣе предпріимчивые крестьяне, несмотря на все свое желаніе, зачастую не могутъ внести никакихъ измѣненій въ систему своего хозяйства, такъ какъ они находятся въ этомъ отношеніи въ зависимости отъ своихъ односельцевъ, съ которыми они связаны общимъ землепользованіемъ и другими хозяйственными условіями. Этимъ объясняется фактъ, что примѣненіе на общинной землѣ интенсивной системы хозяйства—вещь совершенно исключительная».

Предложеніе земцевъ о предоставленіи крестьянамъ права выхода изъ общины, безъ земли, было принято и вмѣстѣ съ тѣмъ было признано желательнымъ «вмѣнить въ обязанность общинѣ вознаграждать за оставляемую выходящимъ землю». Предсѣдатель Комиссіи Коковцовъ голосовалъ также за беземельный выходъ изъ общины на томъ основаніи, что «съ государственной точки зрѣнія, важно сохранить за крестьянствомъ его земельный фондъ, и потому мѣры, клоня-

щіяся къ уменьшенію крестьянскаго земельнаго фонда, нежелательны».

«Совершенно другое, говорилъ Коковцовъ, слѣдуетъ сказать относительно отдѣльныхъ лицъ: многіе и теперь уже фактически безземельны, такъ какъ не могутъ прокормиться при помощи клочковъ земли, которые находятся въ ихъ распоряженіи, другіе вполнѣ или значительно лучше обезпечиваются заработками на сторонѣ, такихъ лицъ нѣтъ никакого основанія удерживать при надѣльной землѣ».

Что касается продажи надѣловъ некрестьянамъ, то земцамъ возражали, что это пожеланіе противорѣчитъ «современному государственному воззрѣнію на крестьянскій надѣлъ, какъ на нѣчто неотчуждаемое отъ крестьянскаго сословія» [1]. Тутъ же земцамъ напомнили о томъ, что еще недавно земскія собранія ходатайствовали объ охранѣ общины и земельнаго фонда крестьянъ.

Однако, большинство Комиссіи признало «безполезнымъ» итти противъ требованій времени, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что скупка земли происходитъ и послѣ отмѣны 2-й части 165 ст. и что крестьяне вездѣ фактически продаютъ невыдѣленную землю.

— «Въ настоящее время, мотивировало большинство свои постановленія, у крестьянъ, владѣющихъ землею на подворномъ правѣ, установился уже взглядъ, что надѣльная земля составляетъ ихъ полную собственность, а такъ какъ жизнь зачастую побуждаетъ ихъ къ продажѣ своего надѣла въ цѣляхъ личной выгоды, то въ дѣйствительности, несмотря на запрещеніе закона, совершаются замаскированныя сдѣлки передачи надѣльной земли другимъ лицамъ».

— «Было бы гораздо лучше, если бы эти факты совершались при свѣтѣ закона, а не въ обходъ его. Нѣтъ основаній сохранять законъ, который всюду и вездѣ обходятъ, который отмѣненъ самой жизнью».

— «Нельзя успокаивать себя тѣмъ, говорило далѣе большинство, что разъ существуетъ законъ, не допускающій земельнаго пролетаріата, послѣдняго не будетъ и на дѣлѣ, когда въ дѣйствительности пролетаріатъ этотъ существуетъ и растетъ» [2].

---

[1]) Журналы Комиссіи Центра. Стран. 78.
[2]) Ibid. Стран. 80.

Возможность усиленія пролетаризаціи при допущеніи продажи надѣловъ не должна, по мнѣнію большинства, вызывать опасеній.

— «Не слѣдуетъ бояться обезземеленія тѣхъ крестьянъ, которые не могутъ уже прокормиться при помощи своего надѣла, въ силу его ничтожныхъ размѣровъ, а между тѣмъ, приложивъ свой трудъ въ другомъ мѣстѣ или въ другой отрасли промышленности, могли бы безбѣдно существовать».

Законъ 1893 г. о неотчуждаемости надѣловъ (разрѣшающаго продажу надѣловъ только крестьянамъ) въ Комиссіи признавался скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ такъ какъ онъ искусственно понижаетъ цѣны надѣльной земли и тѣмъ обездоливаетъ тѣхъ, кому необходимо продать надѣлъ.

По сообщенію Председателя Полтавской Губернской Земской Управы, земли одинаковаго качества продаются—казачьи «собственныя» по 300 руб., крестьянскія надѣльныя—150 руб. «Такимъ образомъ этотъ законъ нерѣдко препятствуетъ устроить свое имущественное благосостояніе тѣмъ крестьянамъ, которые переселяются въ другое мѣсто и, слѣдовательно, должны продать свой надѣлъ, а таковыхъ очень много. Въ особенности суровымъ законъ этотъ оказывается для небольшихъ обществъ, такъ какъ при пяти дворахъ въ обществѣ, а иногда и того менѣе, продажа фактически становится невозможною.

Бываютъ также случаи, когда крестьяне могли бы воспользоваться существующей въ ихъ мѣстности высокой цѣной на землю для улучшенія своего благосостоянія но не могутъ сдѣлать, такъ какъ законъ разрѣшаетъ продавать надѣльную землю только своимъ однообщественникамъ. Въ качествѣ примѣра Председатель Полтавской Губернской Земской Управы привелъ положеніе двухъ деревень возлѣ станціи Сновской Либаво-Роменской желѣзной дороги, гдѣ выросъ цѣлый городокъ, и цѣны на землю очень сильно поднялись. Крестьяне эти двухъ деревень могли-бы съ очень большою выгодою для себя продать часть своей надѣльной земли, но по закону они не могутъ этого сдѣлать [1]).

Въ общемъ, постановленія Комиссіи Центра были довольно неопредѣленны.

---

[1]) Журналъ Комиссіи Центра. Стран. 81.

Наибольшую неопредѣленность внесли земцы: они какъ будто отстаивали положеніе о неприкосновенности крестьянскаго надѣльнаго фонда и въ то же время требовали продажи крестьянской земли всѣмъ сословіямъ; они выступали съ такими, «радикальными» для земцевъ-дворянъ требованіями, какъ возможно болѣе равное представительство въ земствѣ всѣхъ группъ населенія и въ то-же время плакались на разложеніе старинныхъ устоевъ патріархальнаго быта.

«Въ жизни нашей деревни наблюдается не одно только пониженіе матеріальнаго достатка крестьянскаго населенія, говорили земцы Комиссіи Центра,—тамъ замѣчается явленіе болѣе глубокое, а именно *начавшійся упадокъ и разложеніе всего сельскаго быта*: потрясены старинные устои, вѣковой укладъ крестьянской жизни, замѣтны *признаки разложенія общины*, разрушается патріархальный строй семьи, наблюдается упадокъ нравственной дисциплины и чувства законности—потрясенъ весь хозяйственный и общественный бытъ деревни».

Нѣкоторые факты земцы констатировали правильно: «нравы разлагались», «устои шатались», живое «орудіе»—крестьянинъ, дѣйствительно, «испортилось»—но ни земцы, ни «власть» не понимали, что надвигается революція...

Исторія указа 9 ноября.

I.

Особое Совѣщаніе Витте по крестьянскому дѣлу 1902—1905 гг.

Работы Редакціонной Комиссіи Стишинскаго начались въ іюнѣ 1902 г. и въ февралѣ того же года открылись работы «Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности» подъ предсѣдательствомъ Витте.

Это Особое Совѣщаніе составилось изъ представителей высшей бюрократіи и спеціально приглашенныхъ свѣдущихъ лицъ, въ томъ числѣ нѣсколько профессоровъ.

Въ засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія (съ 8 декабря 1904 г. по 30 марта 1905 г.) участвовали профессора: Петроградскаго Университета—Л. І. Петражицкій; Петроградскаго Политехникума—Посниковъ и Иванюковъ; Кіевскаго Университета—А. М. Гуляевъ; Московскаго Университета—Каблуковъ. Между прочимъ, профессорамъ А. А. Мануйлову и В. М. Хвостову предсѣдателемъ было поручено написать записку объ «Арендѣ въ экономическомъ и юридическомъ отношеніяхъ». (Работа Мануйлова была Особымъ Совѣщаніемъ напечатана).

Въ мартѣ 1902 г. Особому Совѣщанію было разрѣшено учредить изъ «мѣстныхъ людей» Губернскіе Комитеты, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ и Уѣздные Комитеты, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Для тѣхъ же губерній и областей, гдѣ не было дворянскихъ выборовъ и не было введено земство, составъ мѣстныхъ комитетовъ опредѣлялся особымъ способомъ.

Мѣстные Комитеты по плану Особаго Совѣщанія должны были состоять изъ представителей дворянства и земства, мѣстныхъ чиновниковъ, представителей сельско-хозяйственныхъ обществъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, «участіе коихъ признавалось предсѣдателями полезнымъ для дѣла».

Комитетамъ предложено было на вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности отвѣтить по особой программѣ, выработанной въ Особомъ Совѣщаніи.

Мѣстные Комитеты приступили къ работамъ осенью 1902 г. Всего по Имперіи засѣдало 618 Комитетовъ; изъ нихъ 536 уѣздныхъ и 82 губернскихъ. Во всѣхъ Комитетахъ засѣдало около 12 тысячъ членовъ.

Подавляющее большинство членовъ Комитетовъ были чиновники и дворяне.

Въ Губернскихъ Комитетахъ чиновниковъ и дворянъ насчитывалось 66%, а въ уѣздныхъ—52%. Если сюда прибавить еще часть земскихъ гласныхъ (дворянъ по преимуществу), то на крестьянъ и всѣ остальныя группы въ уѣздныхъ Комитетахъ приходилось не болѣе 1/3 части, а въ губернскихъ—около 1/6.

СОСТАВЪ КОМИТЕТОВЪ.	Губернскихъ. Число членовъ.	%	Уѣздныхъ. Число членовъ.	%
Чиновники	646	29	2.128	26
Дворяне и землевладѣльцы	803	37	2.140	26
Земскіе гласные и служащіе по земству	496	23	1.799	22
Крестьяне	48	2	1.375	17
Остальныя группы	192	9	800	9
Итого	2.185	100	8.242	100
Лица, званіе коихъ не указано въ докладахъ Комитетовъ	131	—	—	1.535
Всего	2.316	—	—	9.777

Работы мѣстныхъ Комитетовъ закончились только къ концу 1904 г. Въ январѣ 1904 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Плеве, въ противовѣсъ Комитетамъ Витте, организовалъ свои «губернскія Совѣщанія» для разсмотрѣнія трудовъ Ред. Ком. Стишинскаго по крестьянскому вопросу. (См. выше).

Программа работъ, разосланная мѣстнымъ комитетамъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, была крайне блѣдна. Консервативный профессоръ Пихно въ засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія говорилъ, что въ этой программѣ много очень говорилось объ инструкторахъ, объ оврагахъ, но мало о томъ, что интересовало «насъ и въ особенности землевладѣльцевъ, какъ живетъ деревня, что въ ней дѣлается и что можно сдѣлать для нея». (Засѣданіе 8-го декабря 1904 г.).

Однако, «явочнымъ порядкомъ» крестьянскій вопросъ въ комитетахъ обсуждался.

Несмотря на обиліе Комиссій и Комитетовъ, засѣдавшихъ въ 1902—1904 гг., вопросъ о томъ, что думала «страна» о реформѣ крестьянскаго и общаго правопорядка, остался открытымъ. На тему о томъ, кто отвѣтственъ за то, что голосъ страны не былъ услышанъ, между Стишинскимъ и Витте возникла оживленная полемика.

Въ засѣданіи Особаго Совѣщанія, посвященномъ «Крестьянскому вопросу 8-го декабря 1904 г. [1]) Стишинскій заявилъ, что заключенія мѣстныхъ комитетовъ нельзя считать за «голоса» Россіи, такъ какъ составъ мѣстныхъ комитетовъ, по его мнѣнію, былъ далекъ отъ того, чтобы признавать эти комитеты составленными изъ «мѣстныхъ людей».

«Если возьмемъ первую рубрику—«чиновниковъ», говорилъ Стишинскій, то здѣсь мѣстными людьми являлись только земскіе начальники, ибо прочіе служащіе въ провинціи чины, какъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, такъ и другихъ вѣдомствъ, имѣютъ обыкновенно только случайное отношеніе къ той мѣстности, гдѣ служатъ. Слѣдующая рубрика—*земскіе гласные и служащіе по земству*, ихъ числилось, кажется, 1799. Вотъ это различіе *земскихъ гласныхъ и служащихъ* по земству убѣждаетъ меня, что второе выраженіе имѣетъ въ виду не предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, которые всѣ принадлежатъ къ составу земскихъ гласныхъ, а тѣхъ служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ *по найму (агрономы, статистики, учители народныхъ училищъ и проч.)*, которыхъ *нельзя признать* помѣстнымъ элементомъ,—земскимъ, въ точномъ смыслѣ этого слова. Мнѣ извѣстно по губерніямъ Воронежской и Курской, что такіе служащіе по земству имѣли широкое участіе и даже *преобладающее* вліяніе въ уѣздныхъ комитетахъ. Эти лица—весьма, можетъ быть, свѣдущіе по своимъ спеціальностямъ, но ихъ отнюдь нельзя причислить *ни къ мѣстнымъ людямъ, ни къ знатокамъ крестьянскаго дѣла.*

«Не меньшія сомнѣнія вызываютъ послѣднія двѣ рубрики—такъ называемыя «остальныя группы и лица, званіе коихъ не указано», а между тѣмъ первыхъ въ уѣздныхъ комитетахъ было 800, а послѣднихъ 1.535. Такимъ образомъ большинство

[1]) Засѣданія Особаго Совѣщанія съ 8-го декабря 1904 г. по 30 марта 1905 г. были посвящены спеціально „вопросамъ реформы крестьянскаго права". Въ этотъ періодъ Особое Совѣщаніе уже имѣло напечатанные „Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности".

мѣстныхъ комитетовъ не состояло изъ числа дѣйствительныхъ мѣстныхъ людей» [1]), говорилъ Стишинскій. (Протоколы по крестьянскому дѣлу).

При этомъ далеко не всѣ Комитеты высказались по крестьянскому вопросу.

«Главный принципіальный вопросъ крестьянскаго дѣла, говорилъ Стишинскій, былъ обсужденъ всего 150 Комитетами, при чемъ въ пользу уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями высказалось 103 Комитета, а остальные 47 высказались по этому вопросу отрицательно. По другимъ вопросамъ высказалось 70—80 Комитетовъ, по инымъ лишь—нѣсколько десятковъ. Уже одно сопоставленіе цифръ 531 и 150 приводитъ къ выводу, что почитать заключенія мѣстныхъ Комитетовъ голосомъ цѣлой Россіи едва ли возможно, если по самому главному вопросу около 300 Комитетовъ молчало». (№ 1, стран. 9—10. Прот. по крестьянскому дѣлу).

Въ виду этого Стишинскій полагалъ болѣе правильнымъ относиться къ заключеніямъ мѣстныхъ Комитетовъ съ осторожностью и рекомендовалъ почаще сравнивать эти заключенія съ данными Губернскихъ Совѣщаній, разсматривавшихъ труды Редакціонной Комиссіи самого Стишинскаго. Губернскія Совѣщанія, по мнѣнію Стишинскаго, выражали въ большой степени мнѣнія мѣстныхъ людей.

«По свѣдѣніямъ, доставленнымъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ губерніяхъ, въ коихъ введены дворянское и земское представительство, число лицъ, бывшихъ членами этихъ послѣднихъ Совѣщаній и имѣющихъ имущественный цензъ въ предѣлахъ губерніи, составляетъ 79%».

---

[1]) Остальныя группы—это прежде всего сюда отнесены представители (предсѣдатели и члены) мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, каковыхъ лицъ насчитывалось 133 въ губернскихъ и 150 въ уѣздныхъ комитетахъ. Далѣе идетъ довольно многочисленный разрядъ разнаго рода спеціалистовъ по сельскому хозяйству, не попавшихъ почему-либо въ четыре главныя группы, какъ то: агрономовъ (не земскихъ), управляющихъ имѣніями, садоводовъ, маслодѣловъ, землемѣровъ (частныхъ), инструкторовъ сельскаго хозяйства и т. п. Далѣе слѣдуютъ лица, входящія въ составъ городского общественнаго управленія, духовенство (свыше 100 лицъ), представители торговли и фабричной промышленности и, наконецъ, лица свободныхъ профессій (таковыхъ было всего нѣсколько десятковъ).

Общій обзоръ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ. Составилъ С. И. Шидловскій. Стран. 12.

«Эта одна цифра указываетъ, что въ губернскихъ совѣщаніяхъ преобладалъ несомнѣнно элементъ мѣстный...»

Въ отвѣтъ на это Витте указывалъ, что ни по составу своему (подобранный составъ), ни по условіямъ обсужденія вопросовъ (стѣсненіе свободы слова) губернскія совѣщанія не могутъ считаться голосомъ земли.

«Даже „Новое Время", органъ, отнесшійся сочувственно къ проекту М-ства Вн. Дѣлъ, говорилъ Витте, помѣстило статью, въ которой указывается, что крестьяне вовсе устранены отъ участія въ губернскихъ совѣщаніяхъ и что вообще свобода сужденій совѣщаній будто бы подвергнута стѣсненіямъ». Витте выразилъ сожалѣніе, что съ самаго начала не былъ сдѣланъ опросъ крестьянъ. «Къ мѣстнымъ силамъ, говорилъ онъ, обращались два раза. Въ первый разъ, когда «Особое Совѣщаніе» образовало мѣстные сельско-хозяйственные Комитеты, крестьянскій вопросъ *не былъ* предложенъ на ихъ обсужденіе, главнымъ образомъ, въ виду возраженій со стороны бывшаго Министра Вн. Дѣлъ Д. С. Сипягина; намъ пришлось исключить этотъ вопросъ изъ числа пунктовъ нашей программы, сообщенныхъ мѣстнымъ Комитетамъ. Засимъ, и при второмъ обращеніи къ мѣстнымъ дѣятелямъ въ Губернскихъ Совѣщаніяхъ М-ства Вн. Дѣлъ, голоса крестьянъ, насколько извѣстно, не были въ должной мѣрѣ выслушаны».

— «Я не имѣю въ виду высказывать упрековъ по адресу покойнаго Статсъ Секретаря Плеве, говорилъ Витте, но долженъ только констатировать фактъ, что крестьяне почти лишены были возможности высказать свои взгляды на проектируемую для нихъ реформу. Почему такъ вышло? Разбирать не буду» [1].

Для того, чтобы обрисовать положеніе дѣла въ губернскихъ совѣщаніяхъ Витте цитировалъ присланную ему Петроградскимъ губернаторомъ А. Д. Зиновьевымъ записку, въ которой Зиновьевъ писалъ: «М-ство Вн. Дѣлъ передало крестьянскій вопросъ на заключеніе Губернскихъ Совѣщаній, заранѣе пытаясь обезпечить въ средѣ ихъ, путемъ устраненія выборнаго элемента, благопріятное проекту большинство».

Въ подтвержденіе своихъ словъ Витте сослался еще на циркуляръ Святополкъ Мірскаго.

«Въ отношеніи стѣсненія свободы *совѣщаній*, я нѣкоторо

---

[1]) № 9 стран. 4 прот. по Кр. Дѣлу.

подтвержденіе того, что такое стѣсненіе дѣйствительно имѣло мѣсто, вижу въ послѣднемъ циркулярѣ М-стра Вн. Дѣлъ губернаторамъ отъ 31 декабря 1904 г.

«Прошу Г. Товарища М-стра Вн. Дѣлъ сказать, чѣмъ вызванъ этотъ циркуляръ»? обратился Витте къ Н. Н. Кутлеру.

Н. Н. Кутлеръ.—До М-ства Вн. Дѣлъ доходили изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣнія, что въ нѣкоторыхъ совѣщаніяхъ свобода обсужденія проекта М-ства стѣсняется предсѣдателями, въ виду чего Г. М-стръ (кн. Святополкъ-Мирскій) и призналъ необходимымъ дать разъяснительный циркуляръ».

А. Д. Зиновьевъ подтвердилъ, что, «составъ губернскихъ Совѣщаній былъ основанъ на началахъ назначенія, и заявилъ, что взглядъ покойнаго М-стра Вн. Дѣлъ на составъ губернскихъ Совѣщаній представляется ему «недостаточно широкимъ».

Стишинскій возражалъ противъ обвиненія Совѣщаній въ тенденціозномъ подборѣ ихъ состава. Онъ говорилъ, что покойнымъ Статсъ-Секретаремъ Плеве было указано Губернаторамъ, что, въ числѣ другихъ лицъ, въ *подкомиссіи*, подлежавшіе образованію въ составѣ губернскихъ совѣщаній должны быть приглашаемы и крестьяне, для выслушанія мнѣній ихъ по нѣкоторымъ бытовымъ вопросамъ, касающимся общественной и семейной жизни сельскаго населенія».

М-ство Вн. Дѣлъ, по словамъ Стишинскаго, дѣлало, дѣйствительно, указанія на мѣста, но не о составѣ губернскихъ Совѣщаній, а только о составѣ подготовительныхъ Комиссій избираемыхъ Совѣщаніями изъ своей среды.

«М-ство Вн. Дѣлъ указывало, дѣйствительно, относительно такихъ подготовительныхъ органовъ, что желательно, но отнюдь не обязательно, не выбирать въ составъ ихъ лицъ, относящихся отрицательно къ проекту М-ства Вн. Дѣлъ» [1]).

Въ дѣйствительности, и въ Совѣщаніяхъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и въ Комитетахъ Витте былъ слышенъ не голосъ страны, а голосъ бюрократіи и землевладѣльцевъ. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ въ Комитетахъ Витте звучали «живыя» ноты, въ губернскихъ же «Совѣщаніяхъ» Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не было слышно и этихъ отдѣльныхъ нотъ.

Редакціонная Комиссія Стишинскаго, съ ея губернскими Совѣщаніями и Особое Совѣщаніе Витте, съ его шестьюстами Ко-

[1]) № 9 стран. 4—5 прот. по Кр. Дѣлу.

митетами на мѣстахъ и торжественными обсужденіями «бюрократіей и наукой» крестьянскаго дѣла въ столицѣ сошли со сцены совершенно незамѣтно.

Декабрьскій манифестъ 1904 г. предписывалъ закончить работы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и работы Особаго Совѣщанія Витте.

«На ряду съ подробнымъ, на мѣстахъ, разсмотрѣніемъ первоначальныхъ предположеній Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, нынѣ въ особомъ, изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія, Совѣщаніи изучаются важнѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ Комитетахъ общихъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности. Мы повелѣваемъ, чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей».

Затѣмъ, 31 декабря 1904 г. предписывалось возобновить работы губернскихъ Совѣщаній Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Но въ началѣ 1905 г. о нихъ уже забываютъ. Въ мартѣ 1905 г. въ самомъ разгарѣ работъ внезапно закрывается и Особое Совѣщаніе по крестьянскому дѣлу Витте. Но закрытіе этого Совѣщанія сопровождалось «повелѣніемъ» объ открытіи новаго Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ Горемыкина.

Горемыкинъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ Особаго Совѣщанія Витте. Въ принципіальныхъ вопросахъ Витте и Горемыкинъ почти не расходились между собою. Оба они стояли за то, что основнымъ принципомъ аграрной политики Россіи должно стать «внѣдреніе въ крестьянъ чувства собственности». Характеръ взаимныхъ отношеній Витте и Горемыкина видѣнъ, напримѣръ, изъ слѣдующаго діалога.

«Предсѣдатель Витте. Франція—это та страна, которая изъ всѣхъ государствъ пережила наиболѣе рѣзкія политическія бури. Эта страна, какъ извѣстно, всегда была очагомъ, такъ сказать, школою революціоннаго движенія для всѣхъ государствъ».

«Вотъ я и задумываюсь надъ этимъ вопросомъ и спрашиваю, чѣмъ объясняется устойчивость Франціи во всѣхъ пережитыхъ ею событіяхъ? И для меня является все болѣе и болѣе не-

сомнѣннымъ такой отвѣтъ. Франція держится на тѣхъ распыленныхъ (какъ выразился Стишинскій) участкахъ земли, которые состоятъ въ личной собственности сельскаго населенія, изъ среды коего вышло столько выдающихся государственныхъ дѣятелей Франціи. Въ сознаніи этого сельскаго населенія твердо укоренилось чувство законности и собственности, и именно, благодаря этому чувству, которое вошло въ плоть и кровь массы народа, государство выходитъ нерушимымъ изъ всѣхъ переживаемыхъ эксцессовъ. *Но горе той странѣ*, которая не воспитала въ населеніи чувства законности и собственности, а, напротивъ—насаждала разнаго рода коллективное владѣніе, которое къ тому же не получило никакого опредѣленнаго выраженія въ законѣ, а регулируется то неизвѣстнымъ обычаемъ, то просто усмотрѣніемъ. Въ такой странѣ могутъ рано или поздно произойти такія *горестныя событія, подобныхъ которымъ, можетъ быть, нигдѣ не было*. Если меня спросятъ, чѣмъ держится Франція, я безъ колебанія отвѣчу—Франція держится тѣмъ, что въ ней масса населенія имѣетъ твердое чувство законности и собственности. Въ политическихъ сферахъ Франціи временами случаются ураганы, но они не оставляютъ слѣда на массѣ населенія, въ плоть и кровь котораго вошло понятіе о собственности и о связанныхъ съ нею институтахъ права. Въ результатѣ, страна не только благополучно переживаетъ политическія волненія, но развивается и богатѣетъ».

Горемыкинъ. «Съ политической точки зрѣнія имѣетъ весьма существенную важность то обстоятельство, на которое справедливо указали Ваше Высокопревосходительство (Предсѣдатель) — воспитаніе въ массѣ населенія чувства собственности». (Протоколъ № 26). Солидарность съ Витте была полная.

Закрытіе Особаго Совѣщанія произошло неожиданно. Предсѣдатель Особаго Совѣщанія, какъ обычно, закрылъ засѣданіе 30 марта въ $10^{1}/_{2}$ часовъ вечера, въ серединѣ горячихъ преній по любимому бюрократіей вопросу: соотвѣтствовалъ или нѣтъ законъ 1893 г. о неотчуждаемости надѣловъ «духу» Положенія 1861 г., предполагая продолжать эти пренія въ слѣдующемъ засѣданіи.

Но Витте не зналъ, что въ тотъ же день 30 марта 1905 года былъ подписанъ Указъ Сенату объ упраздненіи Особаго Совѣщанія (о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности) и о передачѣ его дѣлъ «подлежащимъ вѣдомствамъ и вновь

образованному Особому Совѣщанію по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія».

Въ тотъ же самый день, 30 марта, былъ изданъ на имя члена Государственнаго Совѣта Горемыкина «рескриптъ», въ которомъ Горемыкинъ назначался предсѣдателемъ этого новаго Особаго Совѣщанія, создаваемаго и для обсужденія вопросовъ «о мѣрахъ къ *укрѣпленію* крестьянскаго землевладѣнія». При этомъ въ «рескриптѣ» указывалось, что эта задача должна быть выполнена «при непремѣнномъ условіи *охраненія частнаго землевладѣнія* отъ всякихъ на него посягательствъ».

Такъ неожиданно были прекращены занятія Особаго Совѣщанія. Труды этого Совѣщанія скоро были забыты, какъ и труды Комиссіи Стишинскаго. Въ 1910 г., во время дебатовъ по законопроекту о выходѣ изъ общины, Витте въ Государственномъ Совѣтѣ съ горечью отмѣчалъ, что трудами Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности «пользуются только профессора».

Что касается Особаго Совѣщанія Горемыкина, то отъ него не осталось ничего даже «профессорамъ».

Основнымъ вопросомъ у Особаго Совѣщанія, какъ и у Редакціонной Комиссіи, оказался вопросъ объ «общинѣ» и «мірѣ». Своевременно ли освобождать крестьянина отъ власти «міра» которымъ 40 лѣтъ тому назадъ замѣнили власть помѣщика надъ крѣпостными? Выкупные платежи заканчивались, государственное казначейство почти уже не было заинтересовано въ сохраненіи «міра», какъ фискальнаго аппарата. Но «міръ» и его наиболѣе прочная основа «поземельная община» не продолжали ли быть нужными государству, какъ полицейскіе аппараты?

Редакціонная Комиссія М—ства Вн. Дѣлъ на эти вопросы, какъ мы видѣли, отвѣтила въ духѣ законодательства 80 и 90-хъ годовъ: власть «міра» надъ крестьянами должна остаться незыблемой, такъ какъ она еще и теперь охраняетъ существующій государственный строй.

Особое Совѣщаніе не закончило своихъ занятій и потому не дало окончательной формулировки своихъ сужденій о крестьянскомъ правѣ, но журналы его засѣданій показываютъ, что въ началѣ 1905 г. среди высшей бюрократіи настроеніе, враждебное общинѣ, сравнительно съ 90-ми годами, замѣтно усилилось. Бюрократія смутно чувствовала приближеніе бури, но

дальше репрессій и роспуска общины мысль ея въ «предупрежденіе событій» пошла. А когда весной 1905 г. вспыхнули аграрные безпорядки, это настроеніе стало уже вполнѣ оформливаться въ духѣ указа 9 ноября 1906 г.

Въ Особомъ Совѣщаніи всѣ сошлись на томъ, что (какъ выразился предсѣдатель Особаго Совѣщанія) крестьянскій вопросъ есть *вопросъ политическій*, къ которому необходимо относиться съ особенной осторожностью [1]). Обсуждая крестьянскій вопросъ, Особое Совѣщаніе остановилось подробно на значеніи общины, какъ оплота противъ пролетаріата, о вліяніи земельныхъ передѣловъ на сельскохозяйственную культуру и на обезпеченіе новыхъ поколѣній землей, о происхожденіи общины, о содержаніи понятія «общинное право» и т. д. Но ни по одному изъ этихъ вопросовъ единогласія у членовъ Совѣщанія не оказалось.

Десятилѣтіе, прошедшее послѣ изданія послѣднихъ укрѣпляющихъ общину законовъ (отмѣна 2 части 165 ст., законъ о неотчуждаемости надѣловъ 1893 г.) дало уже много фактовъ для доказательства того, что «міръ» и «община» уже не гарантируютъ сохраненія общественнаго «порядка». Эти факты были всѣмъ извѣстны, но истолковывались одними въ защиту общины и міра, другими—противъ нихъ.

Въ 1902 году въ 2-хъ южныхъ губерніяхъ—Харьковской и Полтавской—вспыхнули аграрные безпорядки. Въ Харьковской губ. преобладало общинное владѣніе землей, въ Полтавской—подворное. Какая же форма землепользованія была основой этихъ безпорядковъ—община или подворье? Этотъ вопросъ сразу всплылъ въ Особомъ Совѣщаніи, какъ только заговорили о «государственномъ» значеніи общинной и частной собственности.

Членъ Особаго Совѣщанія П. П. Семеновъ (членъ Госуд. Совѣта), отстаивалъ неприкосновенность общины, которая, по его мнѣнію, «лучше сдерживаетъ обезземеливаніе крестьянъ, чѣмъ подворное и даже хуторское владѣніе».

Въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ онъ видѣлъ подтвержденіе правильности старой общиннофильской политики. «Если уничтожить общину, говорилъ онъ въ засѣданіи 15 января 1905 г.,

[1]) Журналъ Особаго Совѣщанія № 10.

то будетъ образовываться все больше и больше безземельныхъ пролетаріевъ, подобныхъ тѣмъ, какіе произвели недавніе безпорядки (намекъ на движеніе петербургскихъ рабочихъ 9 января 1905 года): такой элементъ не дорожитъ ничѣмъ и очень отзывчивъ на всякія волненія, которыхъ чужды крестьяне-общинники». Правда, община не предохранила Россію отъ пролетаріата и пролетарскихъ движеній, но «въ ограниченномъ количествѣ» пролетаріи и не опасны. «Пролетаріатъ, объяснялъ Семеновъ, въ нѣкоторомъ размѣрѣ существуетъ среди всѣхъ сословій, являясь неизбѣжнымъ отбросомъ общества. Та толпа, которая еще на-дняхъ безчинствовала на улицахъ столицы, вѣроятно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, состояла изъ пролетаріевъ, вышедшихъ въ прежнее время изъ среды крестьянства и лишившихся обезпечивающей ихъ земли. Подобные отбросы и являются во всѣхъ странахъ матеріаломъ, изъ котораго анархисты создаютъ свои ополченія. Уничтожить вовсе пролетаріатъ трудно и мы не имѣемъ въ виду ограждать отъ него общество, какъ охраняютъ невинность женщины... Нынѣ, при существованіи закона 1893 года о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, можетъ быть, извѣстный процентъ 10—20% покидающихъ навсегда землю крестьянъ дѣлаются пролетаріями, но это еще не бѣда. Но если въ пролетаріевъ будетъ обращаться 80%, то дѣло совсѣмъ другое»...

Предсѣдатель Особаго Совѣщанія Витте обратилъ вниманіе Семенова на то, что указывая «на безпорядки въ столицѣ», онъ не упомянулъ «о волненіяхъ, происходившихъ 2 года тому назадъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, гдѣ въ смутѣ принимали участіе не безземельные пролетаріи, а именно крестьяне, имѣющіе землю».

На это Семеновъ возразилъ, что примѣръ Витте только подтверждаетъ его мнѣніе: такъ какъ въ Полтавской губ. распространено подворье, а въ Харьковской губ. «въ очень многихъ селеніяхъ существуетъ хуторское или подворное владѣніе». На это Витте представилъ «справку», изъ которой оказалось, что «безпорядки возникли и получили особо сильное развитіе въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губ., гдѣ изъ 195 тысячъ десятинъ надѣльной земли 175 тысячъ находилось въ общинномъ пользованіи, съ ежегодными притомъ переверстками пашни».

Министръ Земледѣлія Ермоловъ отказывался признать, чтобы «склонность населенія къ безпорядкамъ» зависѣла «отъ формы землепользованія». Къ тому же Министръ Земледѣлія и его товарищъ Шванебахъ констатировали, что безпорядки были и въ тѣхъ районахъ названныхъ губерній, «гдѣ населеніе достаточно обезпечено землей» и что «въ то время, когда возникли смуты, никакого обостренія нужды не замѣчалось».

Черезъ 2 мѣсяца послѣ этого засѣданія Особое Совѣщаніе еще разъ вернулось къ вопросу о связи формъ землевладѣнія съ «крестьянской смутой». Въ засѣданіи 12 марта 1905 года Министръ Земледѣлія Ермоловъ, говоря о вновь начавшихся на границахъ Курской, Орловской и Черниговской губерній аграрныхъ безпорядкахъ, уже соглашался, что «общинный порядокъ болѣе, чѣмъ подворный, можетъ служить причиной безпорядковъ». И въ качествѣ доказательства Ермоловъ, вопреки своему прежнему мнѣнію, указалъ на «безпорядки 1902 года, которые возникли именно въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ общинное землевладѣніе».

П. П. Семеновъ запротестовалъ «всѣми силами души» противъ этого: «я утверждаю, говорилъ онъ, что общинная форма землепользованія рѣшительно неповинна въ аграрныхъ безпорядкахъ, это—клевета на общину».

Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Ватаци сообщилъ, что безпорядки начались также въ Царствѣ Польскомъ, «гдѣ, несомнѣнно, есть только подворные владѣльцы» и потому говорилъ онъ «безпорядки и форму владѣнія нельзя ставить между собою въ связь».

Витте въ этомъ спорѣ рѣшительно всталъ на точку зрѣнія Ермолова. Онъ указалъ, что Россія дѣйствительно представляетъ исключеніе изъ всѣхъ странъ міра, въ томъ отношеніи, что въ ней народъ «въ теченіе болѣе чѣмъ 2-хъ поколѣній послѣ освобожденія крестьянъ воспитывается въ отсутствіи понятія о собственности и законности»... Въ Россіи населеніе «воспитано *въ условіяхъ уравнительнаго землепользованія*, т. е. въ условіяхъ, исключающихъ всякую твердость и неприкосновенность правъ отдѣльныхъ лицъ на ихъ земельное владѣніе».

Отсутствіе у крестьянъ правъ собственности на надѣльную землю поддерживаетъ у нихъ идею о правѣ на дополнительное полученіе земли при помощи государства. «И если идея воспи-

танія крестьянъ въ условіяхъ уравнительнаго землепользованія и вообще въ условіяхъ, отдаляющихъ ихъ отъ общаго правопорядка, будетъ и далѣе проводиться, съ такимъ же упорствомъ, то Россія можетъ *дожить до грозныхъ историческихъ событій*».

«Разъ крестьянинъ въ себѣ не имѣетъ чувства собственности, то, очевидно, онъ не будетъ уважать и чужой собственности». Витте категорически отказывался признавать «благодѣтельную роль общины», однако, онъ считалъ невозможнымъ уничтожить общину однимъ «почеркомъ пера». Онъ считалъ необходимымъ устранить все, «что такъ или иначе мѣшаетъ прирожденному чувству собственности и его ясному сознанію».

И если, говорилъ Витте, «въ близкомъ будущемъ» «не будетъ измѣненъ весь укладъ крестьянской жизни», «быть можетъ, въ *этомъ самомъ залѣ* придется обсуждать вопросъ *о дополнительномъ* надѣленіи крестьянъ землею».

Въ преніяхъ по поводу выхода изъ общины Витте пришлось дать объясненія, какимъ образомъ онъ, будучи 10 лѣтъ тому назадъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ искусственнаго закрѣпленія крестьянъ въ общинѣ (путемъ отмѣны 2 части 165 ст. о выходѣ изъ общины безъ согласія общества) теперь является сторонникомъ облегченнаго выхода изъ общины.

Витте разсказалъ, какъ въ началѣ 90-хъ годовъ «неожиданно возникъ вопросъ, что происходитъ быстрое и сильное отчужденіе надѣльныхъ земель и что грозитъ полнымъ обезземеленіемъ крестьянъ». «Правительство было сильно напугано этимъ и я, въ то время Министръ Финансовъ, принимая всегда къ сердцу интересы народныхъ массъ какъ крестьянъ, такъ и рабочаго класса, очень волновался».

Въ это же время пріѣхали въ Петербургъ англичане, интересовавшіеся земельнымъ вопросомъ, и сообщили о скупкѣ крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ Индіи. По словамъ Витте, «они оказали извѣстное вліяніе на него сообщеніемъ исторіи аграрнаго вопроса въ Индіи». Тогда-то Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Дурново и вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ 165 ст., въ виду обширности явленія отчуждаемости надѣльныхъ земель. Бунге доказалъ Государственному Совѣту неосновательность указаній на массовое отчужденіе надѣловъ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Дурново тогда началъ отстаивать положеніе, что если нѣтъ опасности теперь, то она можетъ

быть въ будущемъ. Къ этому мнѣнію и присоединился и онъ, Витте. Излагая исторію отмѣны 165 ст., Витте сдѣлалъ характерное заявленіе Особому Совѣщанію. «Я совершенно откровенно говорю, что въ то время *я не зналъ достаточно крестьянскаго вопроса* и сталъ сторонникомъ вопроса о неотчуждаемости надѣльныхъ земель».

Сенаторъ Евреиновъ въ Особомъ Совѣщаніи выступилъ съ критикой Трудовъ Редакціонной Комиссіи Стишинскаго. Онъ заявилъ, что проектъ Новаго Положенія, выработанный Стишинскимъ, исходитъ изъ такихъ принциповъ «всесторонняго соціальнаго обособленія крестьянъ», которые «при упроченіи» могутъ вызвать, и не въ отдаленномъ будущемъ, «*соціальный катаклизмъ, котораго еще свѣтъ не видалъ*». «Деревенская голытьба скоро распространила бы *уравнительные порядки* землепользованія не только на общественныя, но и на частновладѣльческія земли».

Евреиновъ считалъ наиболѣе правильной политику созданія мелкой поземельной собственности, «которая дастъ наиболѣе прочный устой общественному и государственному строю Россіи».

«Многочисленный классъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, говорилъ Евреиновъ, составилъ бы наиболѣе консервативный элементъ въ населеніи страны, знающій цѣну собственности и потому солидарной съ личными собственниками другихъ состояній» [1]).

Витте указалъ на то, «что провинціальная администрація имѣетъ возможность на осязательныхъ примѣрахъ видѣть разницу въ степени склонности къ аграрнымъ безпорядкамъ крестьянъ общинниковъ и частныхъ собственниковъ. «Мнѣ случалось—сообщалъ Витте—бесѣдовать съ мѣстными представителями власти и одинъ губернаторъ говорилъ, напримѣръ: за нашу мѣстность не бойтесь, у насъ не будутъ аграрные безпорядки, ибо у насъ масса земли находится во владѣніи крестьянъ на правѣ частной собственности (частью это выкупленные, частью прикупленные къ надѣлу участки); эти крестьяне, если другіе и начали бы бунтовать, сами не только не возстанутъ, но даже будутъ противодѣйствовать бунтовщикамъ и уговаривать ихъ;

[1]) Журналъ № 12.

эти крестьяне разсуждають такъ, что *если начнутъ землю отбирать у помѣщиковъ, то могутъ отобрать и у нихъ*. У нихъ уже явилось понятіе—или, правильнѣе сказать, чувство неприкосновенности земельной собственности».

П. П. Семеновъ указалъ Витте на противорѣчіе между оцѣнкой Витте общины и дѣятельностью Крестьянскаго Банка (за дѣятельность Кр. Банка былъ отвѣтственъ Витте, какъ М-ръ Финансовъ), которая направлялась къ тому, чтобы насаждать общинное, а не личное землевладѣніе. На это Витте сначала заявилъ, что ему «не хотѣлось бы касаться этого предмета». Но затѣмъ сказалъ, что М—во Финансовъ спѣшило съ покупкою земли и считало, что лучше какъ-нибудь пріобрѣтать землю для крестьянъ, чѣмъ вовсе ее не пріобрѣтать, и если бы М—во Финансовъ не спѣшило, то легко могло случиться, что вмѣсто 7 милліоновъ десятинъ было бы куплено всего 700 тысячъ десятинъ; а во-2-хъ,—что земля большею частью перешла въ руки крестьянскихъ товариществъ, а этотъ видъ владѣнія не имѣетъ ничего общаго съ общиннымъ».

Въ дальнѣйшемъ обсужденіи выяснилось, что мѣстная администрація старается еще по старому всемѣрно насаждать передѣлы. Во многихъ губерніяхъ земскіе начальники до сихъ поръ требуютъ отъ крестьянъ обязательныхъ *уравнительныхъ* передѣловъ «по истеченіи установленнаго закономъ» минимально 12-лѣтняго срока. Земскіе начальники, докладывалъ Особому Совѣщанію Риттихъ, и раньше внушали крестьянамъ «этотъ ложный взглядъ» (обязательность передѣловъ черезъ каждыя 12 лѣтъ) «настолько энергично, что Сенату приходится даже разъяснять земскимъ начальникамъ, что они *не имѣютъ права* «настаивать» на составленіи приговоровъ о передѣлѣ по истеченіи установленнаго закономъ минимальнаго срока его». «Судя по отзывамъ мѣстныхъ Комитетовъ, а также по числу дѣлъ, дошедшихъ до Сената, надо думать, что случаи, когда земскіе начальники «настаивали» и даже настояли, а населеніе подчинилось и не довело своего недовольства до Сената, *были весьма часты*», говорилъ Риттихъ.

Витте предложилъ Особому Совѣщанію просить Министра Вн. Дѣлъ немедленно разъяснить «органамъ крестьянской администраціи дѣйствительное значеніе закона о наименьшемъ срокѣ передѣловъ мірской земли».—На это управляющій Земскимъ Отдѣломъ Гурко сообщилъ, что «такія разъясненія уже дава-

лись Министерствомъ Вн. Дѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, и послѣ этого были случаи *обязательнаго* требованія передѣловъ, какъ, напримѣръ, во Владимірской губ., гдѣ губернаторъ созвалъ земскихъ начальниковъ и объявилъ имъ «къ исполненію» о необходимости производить передѣлы по истеченіи 12 лѣтъ послѣ послѣдняго приговора».

Евреиновъ указалъ, что, напр., въ Орловской губ. большая часть обществъ сохранила свой основной надѣлъ, владѣетъ по ревизскимъ душамъ, но въ нѣкоторыхъ обществахъ были произведены измѣненія, подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ (20) [1].

Наиболѣе яркимъ представителемъ защитниковъ общинной собственности въ Особомъ Совѣщаніи былъ сенаторъ Н. А. Хвостовъ. Онъ рѣшительно заявилъ, что «группа *истинно-русскихъ людей* не можетъ никогда помириться ни съ упраздненіемъ общины, ни съ уничтоженіемъ семейнаго быта крестьянъ», и горячо протестовалъ противъ «космополитовъ», полагающихъ, что «здѣсь, въ Россіи, можно сдѣлать все то, что уже сдѣлано въ Зап. Европѣ, что земля у насъ можетъ быть распродаваема, какъ и на Западѣ; что намъ нечего бояться пролетаріата, потому что въ Зап. Европѣ тоже существуетъ пролетаріатъ».

«Намъ, націоналистамъ, говорилъ Хвостовъ, остается только просить о томъ, чтобы не дѣлали вреда тому, что у насъ есть *самобытнаго*,—тому, что на Западѣ уже испорчено непоправимо и въ чемъ намъ вскорѣ вся Зап. Европа будетъ завидовать, т. е. нашей общинѣ, нашимъ обезпеченнымъ неотчуждаемой землей крестьянамъ и др. Такіе геніальные умы, какъ Бисмаркъ и Кавуръ, говорили, что вся сила Россіи заключается въ общинномъ устройствѣ, въ обезпеченныхъ землей крестьянахъ»...

---

[1]) Ко времени этихъ „воздѣйствій" губернаторовъ и земскихъ начальниковъ на „міръ" относится отмѣченный въ 90-хъ годахъ въ литературѣ по крестьянскому вопросу подъемъ передѣльной волны. Немалую роль въ этомъ подъемѣ, какъ видно, сыграли земскіе начальники и законъ 1893 г., устанавливающій минимальный срокъ между передѣлами въ 12 лѣтъ. Этотъ законъ былъ истолкованъ на мѣстахъ, какъ обязанность производить земельные передѣлы черезъ 12 лѣтъ. Мѣстная администрація—въ то время, какъ и послѣ указа 9 ноября 1906 года, только отражала отношеніе къ общинѣ центральной власти: въ 90-хъ годахъ она содѣйствовала всѣми силами насажденію уравнительныхъ порядковъ, послѣ 1906 г.—насажденію отрубовъ и хуторовъ.

И Хвостовъ въ мрачныхъ краскахъ рисовалъ будущее Россіи, если она покинетъ общину. «Подворное владѣніе опасно тѣмъ, что содѣйствуетъ образованію пролетаріата. Сильные скупаютъ землю у слабыхъ, и въ города приходятъ только обездоленные крестьяне, которые становятся удобнымъ матеріаломъ для всякой политической агитаціи. Нравственный уровень всѣхъ обездоленныхъ людей падаетъ, браки заключаются рѣже, увеличивается число незаконнорожденныхъ, становится частымъ убійство. При столь опасныхъ въ политическомъ отношеніи особенностяхъ подворнаго владѣнія, и въ агрономическомъ отношеніи оно стоитъ ниже общиннаго—оно тормозитъ сельскохозяйственный прогрессъ, мѣшаетъ разселенію крупныхъ селеній на небольшія деревни и т. д.».

Что касается аграрныхъ волненій, то здѣсь «виновата не община, а подстрекательство» говорилъ Н. А. Хвостовъ.

Когда крестьяне приступаютъ къ земельнымъ передѣламъ, то это значитъ они „спокойны", говорилъ Хвостовъ, ибо еще въ 70 и 80-хъ гг. въ нашей мѣстности замѣчено, что когда усиливались слухи о прирѣзкахъ на вновь родившіяся души, передѣлы пріостанавливались.

„Для помѣщиковъ передѣлы надѣльной земли бывали обыкновенно признакомъ успокоенія умовъ".

Однако, большинство Особаго Совѣщанія склонилось къ тому положенію, что община не спасла и не спасетъ Россіи отъ пролетаріата.

Никольскій (смѣнившій впослѣдствіи Ермолова на посту Министра Земледѣлія) заявилъ, что, „утвержденіе, будто община предохраняетъ отъ пролетаріата—является пустой фразой. Напротивъ, община есть условіе того, что въ Россіи черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ не будетъ ничего, кромѣ пролетаріата. Если признавать право каждаго уже потому, что онъ родился, получить участокъ земли, то черезъ нѣсколько поколѣній земля настолько раздробится, что, по извѣстному выраженію, вся она превратится въ „пыль".

Ермоловъ вполнѣ соглашался съ этимъ и говорилъ, что «человѣкъ, все земельное обезпеченіе котораго составляетъ лишь нѣсколько десятковъ саженъ,—тотъ же пролетарій, находящійся даже въ худшемъ положеніи, чѣмъ первый, такъ какъ пролетарій-общинникъ связанъ съ землей—онъ не можетъ ее реализовать, не можетъ и обратиться къ другимъ занятіямъ».

На этой же точкѣ зрѣнія стоялъ и проф. Петражицкій, указывавшій, что фактически община ведетъ къ постепенной пролетаризаціи населенія, вслѣдствіе постояннаго дробленія надѣловъ.

Соображеніе сенатора Хвостова о томъ, что община не мѣшаетъ прогрессу крестьянскаго хозяйства, нашло рѣшительную поддержку только у проф. Посникова, категорически заявившаго, что община «никакого препятствія къ развитію сельскаго хозяйства не представляетъ» [1]).

Большинство членовъ Совѣщанія держалось обратнаго взгляда, но такъ какъ «рескрипты» 23 февраля 1903 г. и 8 декабря 1904 г. говорили о томъ, что община не должна быть «разрушена искусственно», то Особое Совѣщаніе центромъ нападенія сдѣлало уравнительные передѣлы.

Въ связи съ этимъ была оживлена старая Кошелевская теорія о томъ, что община можетъ существовать и безъ уравнительныхъ передѣловъ. Лыкошинъ [2]) привелъ справку о томъ, что «Кавелинъ, Кейсслеръ, Клаусъ, Чупровъ высказываются за полную возможность существованія общины безъ уравнительныхъ передѣловъ». «По мнѣнію, напримѣръ, Кавелина и Кейсслера, говорилъ онъ, равенство правъ каждаго общинника на землю и равномѣрное распредѣленіе земли между общинниками отнюдь не составляетъ существенной, коренной особенности общины и, напротивъ, объясняются исключительно внѣшними причинами (крѣпостное право, подушная подать, круговая порука), которыя побуждали равнять земельное владѣніе между общинниками въ дѣлахъ хозяйственныхъ и финансовыхъ (уравненіе податной тяготы). Съ исчезновеніемъ этихъ внѣшнихъ причинъ, передѣлы, согласно мнѣнію упомянутыхъ изслѣдователей, должны сами собой исчезнуть и что будетъ не разложеніемъ общины, а лишь возвращеніемъ къ ея первоначальному типу, искаженному тѣми неблагопріятными условіями, при которыхъ протекала жизнь нашего крестьянина» [3]).

Лыкошинъ, однако, не выяснилъ, что останется отъ общины, если она не будетъ производить передѣловъ и чѣмъ она будетъ отличаться отъ подворнаго владѣнія.

[1]) Протоколы № 12.
[2]) Ibid. № 21.
[3]) Ibid. № 21.

«Рескриптъ» 23 февраля 1903 года, которымъ руководствовалось Особое Совѣщаніе, предписывалъ «облегчить» крестьянамъ выходъ изъ общины. Въ этомъ направленіи Особое Совѣщаніе разсмотрѣло три вопроса: 1) при какихъ условіяхъ можно разрѣшить цѣлому крестьянскому обществу перейти отъ общиннаго землепользованія къ подворью, 2) при какихъ условіяхъ можно разрѣшать выходъ изъ общины части домохозяевъ данной общины и 3) при какихъ условіяхъ можно выйти изъ общины отдѣльному домохозяину.

Прежде постановки этихъ вопросовъ Особое Совѣщаніе попыталось установить, какъ смотрѣли на общину губернскіе комитеты, обсуждавшіе вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

У членовъ Гос. Совѣта Семенова и Риттиха вышли по этому поводу рѣшительныя разногласія: Семеновъ утверждалъ, что противъ общины высказалось меньшинство комитетовъ, въ то время какъ по подсчету Риттиха выходило обратное.

Риттихъ въ своемъ объясненіи ссылался на проф. Чупрова, который писалъ, что «большая часть комитетовъ, высказавшихся по вопросу объ общинѣ, считаетъ желательнымъ болѣе или менѣе рѣшительное содѣйствіе со стороны государства переходу отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному «и далѣе указывалъ онъ, проф. Чупровъ писалъ еще, что: «большинство комитетовъ болѣе или менѣе опредѣленно стало на сторону противниковъ общины» [1]).

Отвѣты Особаго Совѣщанія на поставленные вопросы уже болѣе приближались къ указу 9-го ноября, чѣмъ пожеланія «Комиссіи центра».

По вопросу о томъ, сохранить ли на будущее время требованіе закона о квалифицированномъ, въ $^{2}/_{3}$ большинствѣ голосовъ для перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному— Совѣщаніе высказалось за сохраненіе установленнаго Положеніемъ 1861 г. большинства въ $^{2}/_{3}$ голосовъ (17).

Особое Совѣщаніе высказалось за право выхода изъ общины меньшинства домохозяевъ (не менѣе $^{1}/_{3}$) помимо воли большинства и за право выхода отдѣльнаго домохозяина безъ согласія общины, однако съ тѣмъ условіемъ, что если выходъ отдѣльнаго домохозяина, безъ согласія общества, совершается

---

[1]) Ibid. № 26.

внѣ передѣла, то общинѣ предоставляется право выдать вмѣсто земли денежное вознагражденіе по существующимъ цѣнамъ.

При рѣшеніи вопроса о томъ, какую долю общинной земли зачислять за каждымъ выходящимъ при переходѣ всей общины къ подворному или отрубному владѣнію, а также при выходѣ отдѣльныхъ домохозяевъ или отдѣльныхъ ихъ группъ, Особое Совѣщаніе раздѣлило общины на передѣльныя и безпередѣльныя.

Для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Положеніи 1861 г. имѣлось двѣ статьи. Ст. 36 Общ. Пол., относившаяся къ купчимъ землямъ, съ погашеннымъ выкупнымъ долгомъ, говорила о правѣ каждаго крестьянина на «соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи земли участокъ или на соотвѣтственное денежное вознагражденіе».

Эту статью предполагалось примѣнять къ безпередѣльнымъ общинамъ, если приравнять надѣльныя земли, съ погашеннымъ долгомъ къ купчимъ землямъ.

Въ передѣльныхъ общинахъ, гдѣ доля участія мѣнялась, нельзя было точно опредѣлить размѣръ участка, полагавшагося домохозяину.

Ст. 165 о выкупѣ говорила о выдѣлѣ домохозяину участка, «соотвѣтственно его взносу».

Но ст. 165 надо было распространить на государственныхъ крестьянъ, гдѣ для выхода изъ общины отдѣльнаго домохозяина всегда требовалось согласіе 2/3 домохозяевъ. Большинство въ Особомъ Совѣщаніи склонялось къ тому, чтобы въ передѣльныхъ общинахъ домохозяину, желающему выдѣлиться изъ общины, давалась земля по послѣдней разверсткѣ, а въ безпередѣльныхъ по фактическому владѣнію.

Поднятые вопросы о цѣлесообразности закона 1893 г. о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и о томъ, кому поступаетъ выкупленный надѣлъ—въ собственность семьи или въ личную собственность—не получилъ законченнаго рѣшенія, за внезапнымъ закрытіемъ Особаго Совѣщанія.

II.

Особое Совѣщаніе получило отъ лицъ и учрежденій множество «Записокъ», содержавшихъ пожеланія, совѣты и даже цѣлыя программы мѣръ борьбы съ «препятствіями», которыя крестьяне встрѣчаютъ въ своей сельскохозяйственной дѣятельности. Авторы «Записокъ», враждебно настроенные къ общинѣ, въ большинствѣ случаевъ видѣли въ ней одно изъ главнѣйшихъ «препятствій» развитія крестьянскаго хозяйства и предлагали разныя средства перехода къ новымъ формамъ крестьянскаго землевладѣнія [1]).

Для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ «Записокъ», заслуживших внимания, Особое Совѣщаніе назначило специальныя Комиссіи, другія Записки были переданы на заключеніе представителей вѣдомствъ. Какъ протоколы журналовъ засѣданій специальныхъ Комиссій по «Запискамъ», такъ и отзывы вѣдомственныхъ спеціалистовъ подтверждаютъ, что среди дворянства и бюрократіи крѣпло отрицательное отношеніе къ общинѣ.

Если общину еще щадили, то только за ея политическія заслуги, которыя, по традиціи, еще признавались.

Наиболѣе характерными изъ представленныхъ «Записокъ» были: «Записка» Департамента Окладныхъ Сборовъ и «Записка» Г. А. Крестовникова.

Записка Департамента Окладныхъ Сборовъ, подъ названіемъ «нѣкоторыя предположенія о способахъ улучшенія крестьянскаго землепользованія въ сельскохозяйственномъ отношеніи», была составлена во время директорства Кутлера. Особое Совѣщаніе передало эту Записку въ особую Комиссію подъ предсѣдательствомъ сенатора Коковцова, гдѣ Кутлеръ защищалъ эту Записку.

Департаментъ Окладныхъ Сборовъ въ упорядоченіи крестьянскаго землепользованія видѣлъ самую насущную задачу. Однако, Департаментъ полагалъ, что мѣры упорядоченія крестьянскаго землевладѣнія не могутъ помочь всѣмъ крестьянамъ. Малоземельный крестьянинъ съ нищенскимъ надѣломъ, ко-

[1]) Вопросъ объ общинѣ затрагивался во многихъ напечатанныхъ Особымъ Совѣщаніемъ „Запискахъ“: Дюшена, Родіонова, Ярошевича, Крестовникова, Бобрикова, Департ. Окл. Сборовъ, Соколова, Дмитріева, Еропкина, Департ. Земледѣлія и др.

нечно, ничего не получитъ отъ улучшенія его землепользованія, но Департаментъ полагалъ, что помощь такимъ крестьянамъ и не можетъ считаться задачей аграрной политики.

«Разъ доказано, что при данныхъ условіяхъ земля не обезпечиваетъ быта крестьянъ, говорилось въ Запискѣ то нѣтъ основаній признавать ее, вопреки дѣйствительности, необходимою для нихъ».

Департаментъ не считалъ возможнымъ побуждать малоземельныхъ крестьянъ къ отказу отъ земли. Это и «неудобно и опасно». Однако, если малоземельные крестьяне «сами признаютъ для себя необходимымъ отказаться отъ земли, то не только не слѣдовало бы имъ въ этомъ отношеніи препятствовать, но, напротивъ, надлежитъ принять мѣры, чтобы такая ликвидація земельныхъ отношеній произошла съ наименьшими потерями для отказывающихся отъ надѣла и наибольшею выгодою для остающихся на немъ».

Для изысканія правильныхъ способовъ улучшенія крестьянскаго хозяйства Департаментъ предлагалъ произвести сначала опытъ такого улучшенія въ двухъ-трехъ уѣздахъ. Но Департаментъ оговаривалъ, что работы, предназначенныя для повышенія сельскохозяйственной культуры въ этихъ уѣздахъ, отнюдь не должны были имѣть цѣлью установленія «болѣе уравнительнаго землепользованія крестьянъ».

Для того, чтобы работы не пошли въ направленіи «уравнительныхъ» порядковъ, онѣ должны были совершаться по программѣ, точно формулировавшей «предначертанія правительства». Только въ такомъ случаѣ полагалъ Департаментъ въ числѣ мѣръ, проведенныхъ на мѣстахъ, по «улучшенію современныхъ условій крестьянскаго землепользованія, не оказалось бы такихъ, которыя могли бы придать новую силу и жизненность общинному землевладѣнію».

Послѣднія мѣры считались не желательными, между прочимъ, потому, что отмѣна сего института (общины), говорилось въ «Запискѣ», *«если бы онъ былъ когда-либо признанъ подлежащимъ упраздненію, окажется сопряженною съ немаловажными затрудненіями»*.

Департаментъ Окладныхъ Сборовъ былъ противъ того, чтобы работы по улучшенію крестьянскаго землепользованія въ опытныхъ уѣздахъ совершались особыми отрядами, такъ какъ такая постановка работъ могла бы быть истолкована

крестьянами въ смыслѣ предположенія правительства произвести имъ «новый надѣлъ и вызвать смуту въ крестьянскомъ населеніи».

«Поэтому,—говорилось въ «Запискѣ» Департамента Окладныхъ Сборовъ,—несравненно предпочтительнѣе воспользоваться для опыта существующими *крестьянскими учрежденіями*, въ лицѣ *земскихъ начальниковъ* и уѣздныхъ съѣздовъ, съ уѣздными предводителями дворянства во главѣ». Эти учрежденія наиболѣе успѣшно могутъ произвести опытъ предполагаемаго землеустройства. Потому, что они обладаютъ: a) знаніемъ «мѣстныхъ условій»; b) знаніемъ «желаній и потребностей крестьянъ» и c) у нихъ есть «извѣстная власть надъ крестьянами для сохраненія должнаго порядка»...

Производство работъ по плану «Записки» должно было происходить въ такомъ порядкѣ: земскій начальникъ выяснялъ на мѣстѣ недостатки землепользованія въ данномъ селѣ, узнавалъ «осуществимыя» желанія крестьянъ и получалъ объ этихъ «желаніяхъ» приговоръ сельскаго схода. Затѣмъ, земскій начальникъ, съ техниками, производилъ «указанныя въ приговорѣ работы». Результаты работъ должны утверждаться уѣздными съѣздами, а недоразумѣнія разрѣшаться губернскими присутствіями.

«Записка» считала очень «полезнымъ отвести уѣздному предводителю дворянства въ настоящемъ дѣлѣ болѣе активную роль, чѣмъ какая ему принадлежитъ вообще по дѣламъ уѣзднаго съѣзда», «ибо отъ личности уѣзднаго предводителя зависитъ, главнымъ образомъ, успѣхъ предпринимаемыхъ работъ». Центральнымъ органомъ, слѣдящимъ за этими работами по улучшенію крестьянскаго землепользованія, должна была быть *Особая Комиссія* изъ представителей различныхъ вѣдомствъ «при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ или при Особомъ Совѣщаніи». Расходы, которые потребовались бы на землеустройство, Департаментъ Окладныхъ Сборовъ предлагалъ покрывать частью казной, частью самими крестьянами. Послѣднее признавалось важнымъ на томъ основаніи, что только «такая постановка вопроса облегчала бы *должное отношеніе* къ работамъ *крестьянскаго населенія* и устранила бы легкомысленныя и *непомѣрныя требованія послѣдняго*»..

Достаточно бѣгло сравнить схему организаціи землеустроительныхъ работъ, предложенныхъ Департаментомъ Окладныхъ

Сборовъ съ организаціей землеустроительныхъ учрежденій 1906 г., чтобы увидѣть между ними близкое сходство.

Уѣздныя Землеустроительныя Комиссіи, по указу 4 марта 1906 г., засѣдаютъ подъ предводительствомъ уѣзднаго предводителя дворянства (какъ это проектировала «Записка»), въ начальныхъ же стадіяхъ землеустройства главная роль принадлежитъ мѣстному земскому начальнику, что также предполагалъ Департаментъ Окладныхъ Сборовъ.

По «Запискѣ», «земскій начальникъ обязанъ сначала выяснить, въ чемъ именно заключаются недостатки существующаго землепользованія, какъ относятся къ нимъ крестьяне, желаютъ ли ввести въ свое землепользованіе улучшенія, какія именно и на какихъ условіяхъ и насколько эти желанія представляются осуществимыми. Какъ результатъ такого предварительнаго изслѣдованія вопроса, долженъ явиться приговоръ сельскаго схода, въ коемъ должны быть точно формулированы желанія крестьянъ и принимаемыя ими на себя обязательства. По удостовѣреніи въ правильности этого приговора съ формальной стороны и цѣлесообразности по существу, земскій начальникъ, при посредствѣ состоящихъ при немъ техниковъ, производитъ указанныя въ приговорѣ работы, предъявляетъ таковыя сходу и по исправленіи работы, въ чемъ окажется нужнымъ, вслѣдствіе замѣчаній схода или отдѣльныхъ домохозяевъ, представляетъ дѣло на окончательное утвержденіе уѣзднаго съѣзда, который также разрѣшаетъ по существу окончательно и поступившія къ нему жалобы отдѣльныхъ домохозяевъ. На губернское присутствіе могло бы быть возложено лишь разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія уѣздныхъ съѣздовъ въ случаѣ превышенія ими власти или нарушенія закона».

Чрезвычайно характерно въ «Запискѣ» Департамента Окладныхъ Сборовъ, какъ загадочное указаніе на возможное «упраздненіе» общины, этого «вѣкового института», такъ и отношеніе къ маломощнымъ крестьянамъ, для которыхъ земля «не являлась необходимостью», вскорѣ выраженное въ извѣстномъ лозунгѣ: «ставка на сильныхъ»...

Особая Комиссія подъ предсѣдательствомъ Коковцова разсмотрѣла, по порученію Особаго Совѣщанія, «Записку» Департамента Окладныхъ Сборовъ и высказалась въ томъ смыслѣ, что прежде, чѣмъ дѣлать опыты Землеустройства, необходимо черезъ земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ

изслѣдовать крестьянское землепользованіе и хозяйство въ 18 губерніяхъ, по одной волости въ каждой. Изслѣдованіе предполагалось поручить «мѣстнымъ учрежденіямъ», чтобы среди крестьянъ не «породить броженіе» и не дать «поводъ къ безпорядкамъ»... «Въ особенности, говорилось въ Журналѣ Комиссіи Коковцова, въ защиту передачи этого изслѣдованія земскимъ начальникамъ и податнымъ инспекторамъ, неудобно было бы возлагать изслѣдованіе на лицъ, неизвѣстныхъ крестьянамъ, въ настоящее время, когда, въ интересахъ соблюденія спокойствія и порядка въ деревнѣ оказалось нееобходимымъ, во многихъ мѣстностяхъ, прекратить даже земскія статистическія работы для того, чтобы положить предѣлъ вредному вліянію, которое оказывали на населеніе нѣкоторые *земскіе статистики.* «Такимъ образомъ, обсужденіе крестьянскаго вопроса въ «Ос. Совѣщаніи» вплотную привело высшую бюрократію и «свѣдущихъ лицъ», къ мѣропріятіямъ, сформулированнымъ менѣе, чѣмъ черезъ 2 года въ указѣ 9 ноября 1906 г. Убѣжденіе, что дальнѣйшее сохраненіе уравнительнаго землевладѣнія приведетъ Россію къ *грознымъ историческимъ событіямъ.* Къ соціальному *катаклизму, котораго еще свѣтъ не видалъ»* дѣлалось вее болѣе общимъ въ кругахъ дворянства и бюрократіи.

Въ «Запискѣ» крупнаго промышленника Г. А. Крестовникова, которая также вызвала образованіе Особой Комиссіи (кн. Оболенскаго), также предлагался нѣкоторый «опытъ» надъ крестьянами. Крестовниковъ проектировалъ, «въ каждомъ уѣздѣ, если не въ каждой волости, для опыта перевести изъ общины на участковое на правахъ собственности владѣніе нѣсколько крестьянскихъ селъ». Выведенныя изъ такого «опыта» указанія онъ думалъ примѣнить при переходахъ крестьянъ отъ общиннаго къ участковому владѣнію. Затѣмъ Крестовниковъ предлагалъ издать законъ, допускающій «переходъ отъ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія къ участковому на правахъ собственности». При покупкахъ земель крестьянами при посредствѣ Кр. Банка [1]) Крестовниковъ рекомендовалъ всѣми мѣрами способствовать образованію «участковыхъ вла-

[1]) Эта часть Записки цѣликомъ осуществлялась крестьянскимъ Банкомъ съ 1908 года.

дѣній» на правѣ собственности. Крестовниковъ предполагалъ поручить провести всю «реформу улучшенія крестьянскаго хозяйства» спеціально созданному «высшему учрежденію». Ни земскіе начальники, ни мелкіе чиновники, ни служащіе земства, т. е. лица работающіе изъ-за жалованья, негодятся для проведенія этой реформы: сюда надо привлечь лучшія патріотическія силы страны, надо выбирать для этого дѣятелей независимо отъ чина, положенія, сословія и пр. [1]).

Записка Крестовникова была прежде всего передана на разсмотрѣніе статистику В. И. Покровскому. В. И. Покровскій отнесся отрицательно къ проекту опыта, съ принудительнымъ переводомъ крестьянъ отъ общины къ подворью. По поводу же проектированной Крестовниковымъ новой землеустроительной организаціи В. И. Покровскій писалъ: «намъ думается, что изобрѣтать какую-то новую организацію, когда она уже существуетъ въ видѣ М-ва Земледѣлія, значитъ, стучаться въ открытую дверь. Для него (М-ва Земледѣлія) улучшеніе сельскаго хозяйства въ Россіи, несомнѣнно, главная задача».

Такое же отрицательное отношеніе проектъ о переводѣ крестьянъ отъ общины къ подворью вызвалъ и въ Комиссіи Оболенскаго. Комиссія указала, что вопросъ объ общинѣ есть вопросъ не только экономическій, но и административный. «Приведенныя у Крестовникова данныя, говорилось въ журналѣ комиссіи, не представляютъ достаточныхъ основаній для сужденія о цѣлесообразности предлагаемыхъ мѣръ. Между тѣмъ, вопросъ о преимуществахъ того или другого вида крестьянскаго землевладѣнія представляется до настоящаго времени *спорнымъ* и помимо его экономическаго значенія, находится въ тѣсной связи *съ административно-общественнымъ* строемъ сельскаго населенія».

Хотя большинство въ Ос. Совѣщаніи склонялось къ мысли, что община перестала «воспитывать» крестьянина въ патріархальномъ духѣ, ибо съ ходомъ экономическаго развитія земледѣліе во многихъ мѣстахъ переставало быть опредѣляющимъ экономическую жизнь факторомъ и «воспитаніе» населенія переходило «къ промышленности», гдѣ община была безсильна, тѣмъ

[1]) Всѣ эти предложенія Крестовникова были крайне робкими, по сравненію съ указомъ 9 ноября 1906 г. Но тотъ же Крестовниковъ былъ неудовлетворенъ указомъ 9 ноября и требовалъ въ 1908 г. уничтоженія закономъ общины (см. ниже).

не менѣе въ Особомъ Совѣщаніи, немногочисленные сторонники «неприкосновенности» общины одержали надъ ея противниками несомнѣнную побѣду. Особое Совѣщаніе Витте было закрыто и его дѣла были переданы новому Особому Совѣщанію, подъ предсѣдательствомъ Горемыкина, который считался болѣе надежнымъ сторонникомъ «устоевъ», чѣмъ Витте.

Только крестьянское движеніе лѣта 1905 г. окончательно опредѣлило законодательную судьбу общины.

3-го ноября 1905 г., когда предсѣдателемъ Совѣта Министровъ былъ графъ Витте, для успокоенія «бунтующихъ» крестьянъ, особымъ указомъ были отмѣнены выкупные платежи. Этой ликвидаціей выкупной операціи открывалась формальная возможность приступить къ ликвидаціи окончательно признанной неблагонадежной общины.

Въ ноябрѣ 1905 г. при М-ствѣ Вн. Дѣлъ подъ предсѣдательствомъ Гурко (извѣстнымъ уже своими рѣзкими выступленіями противъ общины, въ засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія Витте), было организовано Совѣщаніе «для согласованія крестьянскихъ узаконеній съ Манифестомъ 3 ноября 1905 г.».

Выработанныя «совѣщаніемъ» Гурко направленныя противъ общины положенія были разсмотрѣны въ Совѣтѣ Министровъ подъ предсѣдательствомъ Витте и 10 марта 1906 г. были внесены въ Государственный Совѣтъ, какъ *спѣшная мѣра*, связанная съ только что совершенной отмѣной выкупныхъ платежей. Однако, Государственный Совѣтъ не рѣшился обсуждать «столь важный» законопроектъ и предложилъ передать его на разсмотрѣніе открывающейся Государственной Думы.

При обсужденіи указа 9 ноября 1906 года въ Государственномъ Совѣтѣ графъ Витте разсказывалъ, какъ 10 марта 1906 года онъ внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ «тѣхъ самыхъ мѣръ, которыя затѣмъ въ нѣсколько болѣе широкомъ объемѣ были приведены въ исполненіе по ст. 87 настоящимъ Министерствомъ» (Министерствомъ Столыпина).

Послѣ того, какъ «представленіе» Витте было возвращено Государственнымъ Совѣтомъ, онъ образовалъ подъ предсѣдательствомъ Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ Никольскаго Междувѣдомственную Комиссію для выработки «*Главныхъ Основаній*» предположеннаго пересмотра

«крестьянскихъ законоположеній». Эти «*Основанія*» и предполагалось внести на усмотрѣніе Государственной Думы, въ качествѣ «основныхъ началъ преобразованія крестьянскаго права». Они очень близко подходили къ статьямъ указа 9-го ноября 1906 г. «Основанія» Витте, какъ и указъ 9-го ноября 1906 г., разрѣшали выходъ изъ общины безъ согласія «міра»; вмѣсто семейной собственности на надѣлы они устанавливали личную собственность.

Количество земли, которое крестьянинъ могъ укрѣпить за собою въ личную собственность и въ «Основаніяхъ» Витте, и въ указѣ 9-го ноября 1906 г. опредѣлялось однимъ и тѣмъ-же способомъ.

Но «Основанія» Витте въ дѣлѣ разрушенія общины предполагали итти дальше указа 9-го ноября.

Въ «Основаніяхъ» Витте тѣ общины, которыя не передѣлялись въ теченіе установленнаго закономъ срока (а таковымъ срокомъ по предложеніямъ еще Совѣщанія Гурко предполагалось принять 24 г.) [1]), должны были силою закона переводиться къ личной собственности, т. е. земли этихъ общинъ должны быть раздѣлены между членами общины, въ силу закона, по долямъ, пропорціонально ихъ дѣйствительному фактическому владѣнію (такой статьи въ указѣ 9-го ноября не было).

Такимъ образомъ, Столыпинъ провелъ по 87 ст. болѣе мягкія нормы, чѣмъ тѣ, которые предлагалъ Витте.

1-го октября 1906 года въ Совѣтѣ Министровъ уже разсматривался докладъ товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Гурко о необходимости изданія «указа 9 ноября» по 87 статьѣ.

Гр. Витте въ Государственномъ Совѣтѣ (въ 1910 г.), при обсужденіи указа 9 ноября 1906 года, возражалъ противъ отождествленія его «представленій» съ тѣмъ актомъ, который былъ проведенъ Столыпинымъ. Но ему не удалось подкрѣпить свои соображенія достаточными данными.

Въ доказательство полнаго несходства своего проекта съ указомъ 9 ноября 1906 года, Витте привелъ такую статью изъ своего проекта: «Въ обществахъ, въ коихъ въ теченіе опредѣленнаго установленнаго срока не было общихъ передѣловъ,

---

[1]) Еще въ Особомъ Совѣщаніи Гурко считалъ наиболѣе правильнымъ закономъ запретить передѣлы въ тѣхъ общинахъ гдѣ не было передѣловъ въ теченіе 25 лѣтъ (засѣданіе 22 января 1905 года).

земельныя доли, состоящія въ постоянномъ дѣйствительномъ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, закрѣпляются за ними въ личную собственность». Витте особенно подчеркивалъ, что въ его проектѣ закрѣпляются въ личную собственность «земельныя доли», а не тѣ земли, которыми крестьяне фактически въ данный моментъ пользуются.

Однако, Витте не объяснилъ, какая разница между укрѣпленіемъ навсегда, въ личную собственность, долей или участковъ.

III.

Община на дворянскихъ съѣздахъ.

Ко времени открытія первой Государственной Думы (конецъ апрѣля 1906 г.), начавшееся за годъ передъ тѣмъ крестьянское движеніе не остановилось. Деревня бурно волновалась. Мысль о «земельной нарѣзкѣ» за счетъ помѣщичьихъ земель среди деревенской бѣдноты была попрежнему очень популярной.

Собравшаяся Государственная Дума въ своемъ отвѣтномъ адресѣ на «тронную рѣчь» указала на необходимость принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, какъ на главнѣйшую мѣру, могущую успокоить деревню.

Въ глазахъ представителей «объединившагося для борьбы съ революціей» дворянства такое заявленіе Государственной Думы было прямымъ санкціонированіемъ притязаній крестьянъ на помѣщичью землю. Дворянство почувствовало себя атакованнымъ съ двухъ сторонъ—со стороны деревни и со стороны Таврическаго дворца. Дворянство рѣшило взять Государственную Думу подъ неусыпный надзоръ.

Какъ только открывалась Государственная Дума, сейчасъ же собирался дворянскій парламентъ—съѣздъ объединенныхъ дворянъ.

Въ самый разгаръ работъ первой Государственной Думы [1],

[1]) Первый съѣздъ объединеннаго дворянства продолжался съ 21 по 28 мая 1906 г.

видя себя «на краю бездны», объединенные дворяне собрались на «военный совѣтъ» [1]).

Съѣхавшіеся на первый съѣздъ представители 29 дворянскихъ обществъ считали своей «священной обязанностью» указать правительству средства для подавленія революціи.—«Мы должны честно опредѣлить народную болѣзнь и указать леченіе, хотя бы и цѣною своихъ интересовъ и рискомъ отвѣтить имуществомъ и даже жизнью», говорилъ дв. Павловъ.

Предъ дворянствомъ стоялъ старый вопросъ о природѣ революцій и о средствахъ, уничтожающихъ возможность ихъ возникновенія. Традиціонная аппеляція по этому поводу къ общинѣ, какъ къ оплоту противъ революцій, теперь звучала ироніей.

Догматъ о «консервативномъ черепѣ» общиннаго мужика опровергался суровой дѣйствительностью. «Индвивидуалистическая» Европа, со своими безчисленными кадрами пролетаріевъ была спокойна, въ то время какъ «общинная» Русь «бунтовала».

Дворянскій съѣздъ рѣшительно отвернулся отъ вѣкового дворянскаго общинофильства.

Съѣздъ объявилъ русскую революцію прямымъ порожденіемъ общины, подготовившей почву для распространенія среди крестьянъ идеи «соціалистической общей собственности»...

— «Мы, земельные дворяне, говорилъ дворянинъ Павловъ, знаемъ ходъ теперешней народной болѣзни, борьба съ соціализмомъ ясна, орудіе противъ него одно—собственность» [2]).— «Собственность есть та плотина, которая остановитъ соціальное движеніе», утверждалъ кн. В. М. Урусовъ.

— «Государство, если оно хочетъ положить предѣлъ соціализму, должно уничтожить общину», говорилъ Гриммъ. (Стран. 54).

«Исконная» общинофильская политика дворянства предается съѣздомъ анафемѣ, такъ какъ сама «община основана на началѣ соціалистическомъ». (Стран. 193). Оказалось, что именно благодаря общинѣ нашъ крестьянинъ лишенъ «чувства уваже-

---

[1]) „Вотъ уже два года, какъ дворянство въ краю открывающейся бездны пыталось собраться", говорилъ дв. Марковъ 2-й на первомъ съѣздѣ объединеннаго дворянства.—„Наше собраніе есть несомнѣнно военный совѣтъ", говорилъ на этомъ же съѣздѣ дв. Шишковъ.

[2]) Труды Перваго Съѣзда уполномоченныхъ Дворянскихъ обществъ 29 губерній (стран. 38).

нія къ праву собственности». «Не понимая, что такое собственность», чувствуя себя «пенсіонеромъ общины», мужикъ легко воспринимаетъ «соціальное ученіе» и требуетъ себѣ «нарѣзокъ» по причинѣ какого-то «малоземелья». Но само понятіе «малоземелья» порождено общиной и заключаетъ въ себѣ нелѣпую претензію на помѣщичью землю.

— «Если говорить о малоземельѣ, то надо полагать, что мы вѣримъ, что въ Россіи кто-нибудь имѣетъ право на нашу землю. Я это отрицаю». «Что значитъ малоземелье? Безземелье я понимаю, понимаю латифундію, а что такое малоземелье—не понимаю. Это слово понятно только вмѣстѣ съ общиной. Если она будетъ упразднена, я увѣряю васъ, что черезъ тридцать лѣтъ никто не будетъ понимать, что такое малоземелье» [1]), говорилъ баронъ Пилларъ фонъ-Пильхау.

«Добавочные надѣлы», на которыхъ настаивала Государственная Дума, ни въ какомъ случаѣ не остановятъ революціи и не уничтожатъ соціализма въ Россіи...—«Все это туманныя задачи», говорилъ баронъ Тизенгаузенъ.—«Это только заплаты», добавлялъ баронъ Пилларъ фонъ-Пильхау. Останется община—останется и почва для соціализма. А потому, «надо взять быка за рога и начать съ упраздненія общинъ, которыя есть разсадникъ соціалистическихъ бациллъ», убѣжалъ Съѣзъ баронъ фонъ-Пильхау (Ibid., стран. 35).

Настаивая на уничтоженіи «общины», объединенные дворяне прекрасно понимали, что они предлагаютъ коренную ломку земельныхъ отношеній, охраняемыхъ закономъ въ теченіе почти полутора вѣка. Но они не боялись этой ломки, они даже брались ее «безпристрастно» совершить.—«Вся огромная работа по земельной реформѣ не можетъ быть безъ помѣстнаго дворянства осуществлена. Мы эксперты, вооруженные опытомъ и сословною честью, гарантирующею безпристрастность» (Ibid, стран. 35).

Думской аграрной «реформѣ»—дополнительному надѣленію крестьянъ землей — первый съѣздъ объединенныхъ дворянъ противопоставлялъ свою аграрную «реформу» — уничтоженіе общинной собственности на надѣлы и замѣну ея частной соб-

---

[1]) Ibid., стран. 64—65. Утвержденіе, что нѣмецкій баронъ Гакстгаузенъ *открылъ* русскую общину, конечно, невѣрно,—общину въ Россіи знали и до него; но что остзейскіе бароны принимали дѣятельное участіе въ *закрытіи* великорусской общины—это несомнѣнно.

ственностью. Частная собственность въ рукахъ власти должна была сдѣлаться рычагомъ, которымъ деревня поворачивалась противъ революціи.

Еще недавно дворянство боролось противъ частной собственности на надѣлы именно потому, что частная собственность—это пролетаризація деревни, а пролетаріатъ—это революція. Теперь такое отношеніе къ «пролетаризаціи» признавалось глубоко наивнымъ.—«Нечего пугаться, что нѣкоторые продадутъ свои участки, говорилъ дв. В. Л. Кушелевъ, всѣ—130 милліоновъ не продадутъ,—всѣ не могутъ любить землю, зато тотъ, который любитъ, будетъ ее беречь и холить, и удобрять».

Часть крестьянства, при упраздненіи общины, несомнѣнно перейдетъ въ ряды пролетаріевъ, но пролетаріатъ нуженъ Россіи. Русской промышленности необходимъ пролетаріатъ, ибо въ русской промышленности «нѣтъ berufsarbeiter'овъ», говорилъ баронъ Тизенгаузенъ; т.-е. «нѣтъ спеціалистовъ рабочихъ», переводилъ баронъ Пилларъ фонъ-Пильхау. Необходимъ пролетаріатъ и частному землевладѣнію. Но особенно деревнѣ необходимы мелкіе собственники, они нужны и для «успѣховъ» земледѣлія, и для самихъ помѣщиковъ.

«Личная собственность, говорилъ дворянинъ Павловъ, является главнѣйшимъ могучимъ двигателемъ культуры и единственнымъ залогомъ прочности гражданскаго общества». Съ другой стороны, кадры мелкихъ собственниковъ, «довольныхъ и сильныхъ», дадутъ «крѣпкихъ союзниковъ помѣщикамъ».

Но если уничтоженіе общины расколетъ деревню и вызоветъ тамъ усобицу, будетъ ли это выгодно для страны? Дворянскій съѣздъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно: отъ этой усобицы онъ ожидалъ ослабленія революціи. «Разъединеніе среди крестьянъ на сторонниковъ и противниковъ общины будетъ полезно», говорилъ баронъ Тизенгаузенъ.

Вопреки традиціонно-дворянскимъ взглядамъ на общину, какъ на институтъ, соотвѣтствующій «*коренным*ъ» воззрѣніямъ славянства,—въ противоположность германскимъ и романскимъ народамъ—объединенное дворянство на первомъ съѣздѣ, отъ имени «русскаго народа», писало во «Всеподданнѣйшемъ» адресѣ: «Укрѣпленіе права собственности среди крестьянъ соотвѣтствуетъ *коренным*ъ воззрѣніямъ и желаніямъ русскаго народа».

«Объединенные» дворяне знали, что проектируемая ими «земельная» программа не встрѣтитъ сочувствія въ Государ-

ственной Думѣ, что Дума будетъ настаивать на своихъ «дополнительныхъ нарѣзкахъ»... Поэтому первый съѣздъ потребовалъ немедленнаго «роспуска Государственной Думы», «обузданія потворствующей революціи печати» и «объявленія военнаго положенія». Эти три кита всякой обанкротившейся власти—штыкъ, цензура и фальсификація народнаго представительства—должны были помочь дворянству провести задуманную ими земельную «реформу».

Первый съѣздъ объединеннаго дворянства закрылся 26 мая, а 19 іюня въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» была опубликована аграрная программа правительства. Въ этой программѣ не было рѣчи о «дополнительномъ надѣленіи», но была рѣчь о надѣльной землѣ: были указаны основы законопроекта о выходѣ изъ общины. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ этого—9 ноября 1906 г.—по 87 статьѣ Положенія о Государственной Думѣ былъ изданъ указъ, выразившій desiderata перваго съѣзда объединеннаго дворянства.

Политическое значеніе указа 9 ноября было выяснено Министромъ Вн. Дѣлъ при внесеніи законопроекта о выходѣ изъ общины во 2-ю Государственную Думу. Оно заключалось въ созданіи «той массы мелкихъ и среднихъ собственниковъ, которая повсемѣстно является сторонникомъ государственнаго порядка, охраняющаго ихъ насущные интересы»...

Аграрная политика, которая задавалась цѣлью «создать» собственниковъ-крестьянъ, естественно должна была круто порвать съ прошлой аграрной политикой, всѣми средствами препятствовавшей распаденію «мірской» земли на обособленные участки. Съ изданіемъ указа 9 ноября 1906 г. община, которую прежнее законодательство признавало институтомъ государственно необходимымъ и по финансовымъ соображеніямъ («порука міра»), и по политическимъ соображеніямъ («консервированіе патріархальности»), отнынѣ переставала охраняться. Существованіе ея ставилось въ зависимость отъ желаній и настроеній даже не сельскихъ сходовъ, а просто отдѣльныхъ крестьянъ. Крестьянина теперь не только не хотѣли насильно держать въ общинѣ, но даже поощряли его къ выходу изъ общины нѣкоторой земельной преміей.

Все прошлое законодательство объ общинѣ, въ особенности рядъ укрѣпляющихъ общину законовъ эпохи Дурново-Толстого (90-е годы 19 столѣтія), было признано вреднымъ и несоотвѣт-

твующимъ условіямтъ правового строя». «При новомъ строѣ» охранять безправное положеніе общинниковъ и принудитель- ый характеръ общиннаго землевладѣнія не представляется уже икакихъ основаній», писалъ Министръ Вн. Дѣлъ въ упомя- утой объяснительной запискѣ въ Гос. Думу.

Черезъ пять дней послѣ изданія указа 9-го ноября собрался торой съѣздъ объединеннаго дворянства. Этотъ съѣздъ про- іелъ также подъ знакомъ «борьбы съ революціей», какъ и ервый съѣздъ. Правда, на второмъ съѣздѣ было констатиро- ано наступленіе перелома движенія: Россія, «деревня выздора- ливала [1]) отъ революціи»... Но для окончательной побѣды надъ еволюціей требовалось все таки еще полное напряженіе всѣхъ нтисоціалистическихъ силъ страны.

На первомъ съѣздѣ противъ общины, какъ противъ «раз- адника соціализма», дворяне чисто русскихъ общинныхъ уберній выступали съ такой же страстностью, какъ и бароны стзейскихъ, незнающихъ общины, губерній. На второмъ ъѣздѣ рѣшено было привлечь къ дѣлу борьбы съ революціей ще польское дворянство.

Разногласія съ польскимъ дворянствомъ по вопросамъ «о прерогативахъ царской власти», о «порядкѣ управленія», по вопросу національному» и т. д., по мнѣнію сторонниковъ при- леченія польскаго дворянства, не исключали полной «соли- арности» съ нимъ въ такихъ вопросахъ, какъ «сохраненіе обственности», «борьба съ революціей».

Изданіе указа 9-го ноября «объединенное» дворянство на -мъ своемъ съѣздѣ встрѣтило съ полнымъ удовлетвореніемъ и е забыло подчеркнуть свою роль въ этомъ дѣлѣ. «На первомъ воемъ съѣздѣ объединенное дворянство выполнило свою ервую историческую задачу, выработало программу земле- стройства, выставило ея основныя положенія, противорѣчащія деямъ русскаго соціализма», писалъ дв. Павловъ въ своемъ окладѣ второму съѣзду.

Но самый указъ 9-го ноября на второмъ дворянскомъ ъѣздѣ оцѣнивался только, какъ одно изъ средствъ къ уни- тоженію общины, этого основного источника наивной кресть- нской вѣры въ то, что «земля Божья», и источника вѣчной ужицкой тоски о «земельной прирѣзкѣ».

[1]) Труды второго съѣзда уполномоченныхъ дворянскихъ обществъ 31 губерніи 14—18 ноября 1906 г.). Рѣчь Кристи, стран. 66.

На второмъ съѣздѣ намѣчался дальнѣйшій походъ на дер венскій «коллективизмъ», указывались мѣры, направленныя і то чтобы навсегда «отучить крестьянство отъ взгляда на земл какъ на матеріалъ, который государство обязано доставля ему въ неограниченномъ количествѣ» (Ibid. Стран. 93—95).

Указъ 9-го ноября отдѣлялъ мужика отъ общины толь юридически, а нужно еще отдѣлить его отъ общины и фа тически. Поэтому, «необходимо всѣми мѣрами способствова скорѣйшему переходу отъ общиннаго владѣнія къ подворном съ устройствомъ хуторовъ на отрубныхъ участкахъ».

Далѣе, нужно рѣшительно измѣнить политику Кресть скаго Банка и запретить ему поддерживать признанную «него ной форму землевладѣнія» и продолжать насаждать земельны коллективизмъ продажей земли крестьянскимъ обществамъ товариществамъ.

Крестьянскому Банку нужно «приказать», чтобы изъ госуда ственнаго земельнаго фонда онъ продавалъ земли только о дѣльнымъ домохозяевамъ.

Второй Съѣздъ призналъ, что указъ 9-го ноября былъ вст пленіемъ правительства на правильный путь утвержденія в деревнѣ частной собственности на надѣлы. Но гдѣ гаранті что дальнѣйшее законодательство пойдетъ въ томъ же напр вленіи, и прежде всего, гдѣ гарантія, что этотъ путь признает и Государственная Дума? На созываемую вторую Госуда ственную Думу у дворянства было также мало надежды, потом что избирательнымъ закономъ 11 декабря 1905 г. на выборах въ Государственную Думу «собственники подавлены пролет ріями».

— «Элементъ собственности, подавленный на выборахъ эл ментомъ пролетарскимъ, не можетъ играть надлежащей роли На избирательномъ съѣздѣ можно было услышать отъ владѣл цевъ нѣсколькихъ саженъ земли возмутительную аттестаці крупныхъ землевладѣльцевъ: это была настоящая революці на законномъ основаніи», говорилъ дв. Дубенскій.

Дѣло земельной реформы будетъ прочно только тогда, когд будетъ измѣненъ избирательный законъ. «Новый избирательны законъ долженъ выдѣлить всю массу пролетаріевъ въ одн группу».—«Нужно твердо заявить, что Россія есть страна со ственниковъ и что пролетарскому направленію, созданном закономъ, въ ней нѣтъ мѣста».

Избирательный законъ 11 декабря не могъ дать Думу, способную работать «на пользу государства 5 лѣтъ, не вызывая скандаловъ и необходимости разгона», говорилъ дв. А. Н. Брянчаниновъ. Онъ доказывалъ, что выборы въ Россіи должны быть построены на «сословно-групповомъ» началѣ, а не на «четыреххвосткѣ», послѣдствія примѣненія которой въ Россіи будутъ ужасны».

Подавляющимъ большинствомъ второй Съѣздъ потребовалъ немедленнаго измѣненія избирательнаго закона въ такомъ направленіи, чтобы на выборахъ «собственность» всегда получала перевѣсъ.

Однако, вторая Государственная Дума была созвана на основаніи того же избирательнаго закона, что и первая Государственная Дума. Составъ второй Думы былъ еще менѣе пріемлемъ для дворянства, чѣмъ составъ первой Государственной Думы. И какъ только была открыта вторая Дума, дворянство поспѣшило собраться на свой третій Съѣздъ. Положеніе внутри страны не внушало объединенному дворянству особыхъ опасеній.—«Пройдетъ годъ и мы будемъ имѣть дѣло съ совершенно другой Россіей. Можетъ быть, русская революція будетъ раздавлена мужицкимъ сапогомъ, какъ революція 48 года», говорилъ на третьемъ Съѣздѣ кн. П. Л. Ухтомскій [1]).

Но Государственная Дума и даже само правительство казались третьему Съѣзду безусловно ненадежными. «Ни одинъ законопроектъ не можетъ осуществиться безъ Государственной Думы: Если проектъ будетъ итти въ ущербъ нашимъ интересамъ, Государственная Дума его приметъ, если же онъ будетъ полезенъ дворянскому сословію, то нѣтъ сомнѣнія, что такой проектъ не пройдетъ», говорилъ дв. Кованько.

Что касается правительства, то поведеніе въ Государственной Думѣ нѣкоторыхъ его членовъ глубоко возмутило дворянъ. Во второй Государственной Думѣ господа Алексинскіе и компанія, и представитель министерства дѣлаетъ съ высоты кафедры заявленіе о раздвиженіи границъ для землеустроительныхъ дѣлей», жаловался дв. А. А. Чемодуровъ на м—ра земледѣлія, кн. Васильчикова.

---

[1]) Труды 3-го Съѣзда уполномоченныхъ Дворянскихъ обществъ 32 губерній, стр. 60.

Слова кн. Васильчикова во второй Государственной Дум о возможности «раздвиженія границъ для землеустроительных цѣлей» вызвали взрывъ негодованія.

Кн. Ухтомскій просилъ выяснить отношеніе кабинета к Васильчикову. «Если кн. Васильчиковъ просто сболтнулъ, гово рилъ онъ, то онъ долженъ въ этомъ сознаться, а если сказал умышленно, нарушивъ солидарность съ кабинетомъ, то ем нужно уйти».

Рѣзко нападалъ на кн. Васильчикова кн. Касаткинъ-Ростов цевъ. Его очень пессимистически настроила рѣчь Васильчи кова и онъ съ горечью заявилъ: «я лично прихожу къ заклю ченію, что правительство насъ (дворянъ) предастъ».

Дворянинъ Зыбинъ внесъ предложеніе «выразить сожалѣ ніе по поводу того, что заявленіе одного изъ представите лей правительства дало поводъ усомниться въ *твердости* пра вительственной политики по аграрному вопросу»...

Роспускъ 2-ой Г. Думы и измѣненіе избирательнаго закон въ Г. Думу признавались единственнымъ выходомъ изъ поло женія [1]).

3-го іюня 1907 г., черезъ 2 мѣсяца послѣ 3-го Съѣзда объ единенныхъ дворянъ, Г. Дума была распущена и былъ издан новый избирательный законъ.

Въ ноябрѣ 1907 г. была созвана 3-я Г. Дума; (9—16 мар 1908 г.) объединенные дворяне собрались на свой четверты Съѣздъ.

Четвертый съѣздъ констатировалъ, что революція законч лась и крестьянство „отрезвляется“... Крестьянство „начинает

---

[1]) 3-й Съѣздъ посвятилъ, между прочимъ, много вниманія „смутѣ въ высше школѣ“. Эту „смуту“ онъ также связалъ съ аграрнымъ вопросомъ. Съѣздъ треб валъ ликвидаціи „смуты“ и въ Университетахъ, и въ Военно-Медицинской Акад міи, такъ какъ для проведенія въ жизнь *аграрнаго закона* нужны подготовленны люди, а въ арміи нужны врачи, не затронутые смутой. „Когда большая часть пр фессоровъ будетъ не даромъ брать деньги, а получать жалованье за то, что испо. нитъ свои обязанности, тогда намъ наполовину легче будетъ провести *аграрны вопросъ*“, говорилъ В. М. Волконскій. Съ другой стороны, на 3-емъ Съѣздѣ ук зывалось, что „смута“ и „аграрный вопросъ“ должны быть „прекращены сило власти“. „Я слышалъ, говорилъ А. Д. Кашкаровъ, что Императоръ Вильгельмъ в разговорѣ съ однимъ русскимъ высокопоставленнымъ лицомъ, на его замѣчаніе, чт „у насъ революція“, отвѣтилъ:—„нѣтъ—у васъ не революція, а хуже—это отсу ствіе власти“.

различать истиное благо сквозь туманъ, навѣянный на него несбыточными лживыми обѣщаніями мятежниковъ" [1]).

Такую перемѣну настроенія деревни объединенное дворянство всецѣло приписало себѣ: правительство пошло по пути, указанному дворянствомъ. „Если мы вспомнимъ труды перваго Съѣзда, во время 1-ой Г. Думы, когда обсуждался аграрный вопросъ, и сравнимъ съ тѣмъ, что сдѣлано затѣмъ правительствомъ, то мы найдемъ поразительное сходство между тогдашними нашими пожеланіями и проектами послѣдняго", говорилъ кн. Н. Б. Щербатовъ.

— „Успокоеніе" деревни было настолько полнымъ, что объединенное дворянство на 4-омъ Съѣздѣ уже заговорило о забытой съ 1905 года темѣ: о „помѣстномъ дворянствѣ и о старозавѣтномъ крестьянствѣ", какъ „о двухъ твердыняхъ", которыя выдержали напоръ вражескихъ силъ, отстояли Царское Самодержавіе и русскій историческій укладъ, чѣмъ и спасли единую и нераздѣльную Русь [2])...

«Крамола» не могла устоять противъ объединеннаго дворянства и отрезвѣвшаго крестьянства. «Понявъ, что силою ей не одолѣть этихъ мощныхъ оплотовъ», крамола рѣшила прекратить ихъ «открытую осаду». Но она не прекратила войны—война лишь получила иной характеръ: «открытый бой замѣненъ тихой сапой, системой подкуповъ», писалъ Совѣтъ объединенныхъ дворянъ по поводу проектированной правительствомъ «реформы мѣстнаго управленія». Въ этомъ проектѣ объединенные дворяне увидѣли осуществленіе замысловъ «смуты», стремившейся разрушить «основы» сословныхъ организацій дворянства и крестьянства.

«Дворянство мощно въ видѣ своихъ предводителей—долой предводителей!».

«Крестьянство цѣльно и самобытно своимъ сословнымъ строемъ—разрушить этотъ строй!» Такъ Совѣтъ объединенныхъ дворянъ формулировалъ «революціонную» сущность мѣстной реформы.

Дворянство вновь вспомнило о крестьянскомъ «мірѣ», какъ объ устоѣ «консерватизма». Въ 1905—6 гг. такія крестьянскія

[1]) Краткій обзоръ трудовъ четвертаго Съѣзда. Стран. 10.

[2]) Краткій обзоръ трудовъ 4-го Съѣзда Уполномоченныхъ Дворянскихъ обществъ 32 губерній. Стран. 9.

поговорки, какъ «міръ—великъ человѣкъ» выдавались за выраженіе революціоннѣйшаго убѣжденія крестьянъ въ силѣ и безнаказанности «міра». Теперь, на 4-омъ Съѣздѣ, дворянство признаетъ, что «міръ», дѣйствительно, «великъ», но только въ томъ случаѣ, если въ него не входятъ чуждые ему элементы. «А проектируемая всесословная волость введетъ эти чуждые» элементы и разрушитъ «міръ».

Упразднивъ одинъ изъ «самобытныхъ» народныхъ институтовъ—общину, дворянство встало на защиту другого „самобытнаго“ института—„крестьянскаго міра“ потому, что оно перестало опасаться, что „крестьянскій міръ“ опять обратится противъ дворянства.

Убѣжденное въ томъ, что указъ 9 ноября отдалъ крестьянскій „міръ“ въ руки крѣпкихъ мужиковъ, дворянство стало считать этотъ „міръ“ надежнымъ опекуномъ деревни. Ошибка прежней политики оказывалась не въ томъ, что деревней управлялъ „міръ“, а въ томъ, что „міръ“ при общинѣ распоряжался землей и тѣмъ питалъ несбыточныя мечты о разныхъ нарѣзкахъ. „Міръ“ послѣ 9 ноября чуждъ соціальныхъ увлеченій, онъ будетъ надежной охраной собственности и помѣщиковъ, и крестьянъ.

Но „міръ“ долженъ остаться подъ контролемъ земскихъ начальниковъ, этихъ „мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ, отличающихся наибольшею стойкостью и преданностью существующему порядку“, подъ которыхъ особенно старательно подкапывается крамола въ своемъ проектѣ мѣстной реформы. (Стран. 9, сводъ постан. 4-го Съѣзда).

Въ мѣстной реформѣ дворянство увидѣло опасное устраненіе „сословнаго начала“, „настойчиво проводимую демократизацію“, „пренебреженіе къ бытовымъ союзамъ“ — вообще увлеченіе „историческими примѣрами Франціи“, „несогласованное съ правильно понимаемой заботой о сохраненіи и развитіи монархическаго начала, столь родственнаго духу русскаго народа и тѣсно связаннаго съ его исторіей“.

На 5-ый свой Съѣздъ „объединенные“ дворяне съѣхались въ то время, когда указъ 9 ноября проходилъ уже стадію законодательнаго утвержденія.

Дворянство уже не опасалось за судьбу указа 9 ноября. Оно было убѣждено, что третье-іюньскіе Г. Дума и Г. Совѣтъ твердо усвоили политическую важность указа 9 ноября и теперь знаютъ,

насколько важно уничтожить среди крестьянъ опасную мысль о томъ, что „вся Россія должна составить одну передѣльную общину“[1]). Дворянство было увѣрено, что большинство и въ Г. Думѣ, и въ Г. Совѣтѣ понимало, что именно община помогаетъ крестьянамъ усваивать тѣ идеи „соціализаціи и національизаціи земельной собственности“, которыя были такъ характерны для движенія 1905-1906 гг.

На пятомъ Съѣздѣ дворянство съ облегченіемъ разсматривало тотъ тяжелый путь, который имъ былъ только что пройденъ. Оно вспоминало то время, когда „казалось все было потеряно“ и когда коллективная работа дворянской мысли нашла выходъ изъ положенія. — Внушенный дворянствомъ указъ 9 ноября остановилъ движеніе, уничтоживъ у крестьянъ чувство „земельнаго голода“.

„Въ томъ положеніи, въ какомъ мы тогда находились, въ томъ пожарѣ, который охватилъ всю Россію, въ томъ понятіи, что все зависитъ отъ крестьянскаго сословія, что все, что крестьяне задумаютъ сдѣлать, въ тотъ же моментъ ими будетъ осуществлено, другого выхода не было“,—говорилъ К. Ф. Головинъ.

— „Крестьянское движеніе заставило правительство метаться изъ стороны въ сторону, не имѣя подъ собой твердой опоры, боясь потерять свое положеніе, и не только свое положеніе, но и самую династію. Считаясь съ этимъ условіемъ, оно не знало, что дѣлать, и, главнымъ образомъ, обратило вниманіе на удовлетвореніе крестьянскаго земельнаго голода».

«Явился законъ 9 ноября. Въ настоящій моментъ онъ сослужилъ свою службу. Онъ остановилъ то крестьянское броженіе, которое было основано на голодѣ земли», закончилъ свою рѣчь К. Ф. Головинъ“ [1]).

Устами дв. Павлова дворянство претендовало на признательность исторіи за ту роль, которую оно сыграло въ дѣлѣ подавленія „бѣшеной революціи“.

„Вспомнимъ первоисточникъ основныхъ положеній закона 9 ноября, проходящаго уже стадію законодательнаго рѣшенія. Мы первые подали голосъ. Отсюда изъ среды нашихъ комиссій, изъ Съѣзда, создались главныя очертанія и планъ закона. То было время главнаго натиска бѣшеной революціи,

[1]) Ibid., стран. 234. Рѣчь дв. Фролова.

смятенія, толчковъ и безумія правительства и въ тѣ же самые дни, въ той же средѣ, покойно, безпристрастно дворянствомъ вырабатывалась схема законопроекта и въ Совѣтѣ заканчивались заключенія будущей реформы. Съ этимъ фактомъ считается общество, Дума, печать; и исторія отмѣтитъ труды и починъ дворянства". „Не столь дорого дворянству отношеніе общества, сколько оцѣнка исторіи, и, въ случаѣ успѣха реформы—всего народа къ сословію, къ людямъ, вызвавшимъ государство на вѣрный путь обновленія земледѣльческой жизни". (Ibid., стран. 76).

Преобладающее большинство дворянства разсталось съ общиной „безъ печали"... Но среди меньшинства объединенныхъ дворянъ, въ его ультра-правой печати, раздавались голоса, сомнѣвающіеся въ томъ, что съ изданіемъ указа 9 ноября навсегда были уничтожены источники смуты. Представители этого меньшинства на съѣздахъ возражали противъ указа 9 ноября и, въ особенности, противъ „подъ вліяніемъ испуга написанной статьи объ укрѣпленіи полосъ", какъ говорилъ дв. Кошкаревъ на 4-омъ Съѣздѣ. Во-первыхъ, значительная часть крестьянъ несомнѣнно „обижена" указомъ 9 ноября.

— „Здѣсь говорятъ объ экспропріаціяхъ, а что это не есть то же самое. Развѣ не есть это отнять у крестьянина то имущество, которое онъ имѣлъ по закону"—говорилъ дв. Ушаковъ на 5-омъ Съѣздѣ объединенныхъ дворянъ.

Съ другой стороны, неминуемое развитіе пролетаріата сулитъ такія „явленія", отъ которыхъ мы, какъ „отъ самой тяжелой войны не поднимемся", говорилъ Ушаковъ.

Однако, громадное большинство объединенныхъ дворянъ склонялось къ тому, что указъ 9 ноября былъ безусловно необходимъ Россіи, такъ какъ онъ внесъ идею собственности туда, гдѣ 100 милліоновъ населенія не имѣли сознанія собственности, гдѣ и „земля и лѣсъ" считались „Божьими".

IV.

Указъ 9-го ноября въ Государственной Думѣ.

Въ первой половинѣ 1906 г. вопросъ о способѣ ликвидаціи общины былъ разрѣшенъ и правительствомъ, и дворянствомъ въ одномъ и томъ же направленіи. Проектъ закона о выходѣ изъ общины, изготовленный въ Министерство гр. Витте, пожеланія предводителей дворянства, высказанныя ими на совѣщаніи въ январѣ 1906 г., и положенія, выработанныя майскимъ (1906 г.) съѣздомъ дворянскихъ уполномоченныхъ почти совпадали между собой.

Указъ о свободномъ выходѣ изъ общины Министерство Столыпина провело 9-го ноября 1906 г. въ «чрезвычайномъ» порядкѣ по 87 ст. Положенія о Государственной Думѣ. Согласно той же 87 ст., правительство внесло соотвѣтственный указу 9-го ноября законопроектъ на одобреніе второй Государственной Думы.

Разогнанная вторая Государственная Дума (такъ же, какъ и первая въ началѣ своей первой сессіи) не разсматривала этого законопроекта. Но въ виду того, что правительство въ первыхъ двухъ Думахъ не имѣло большинства, законопроектъ о выходѣ изъ общины во второй Думѣ и не имѣлъ никакихъ шансовъ стать закономъ.

Только переворотъ 3 іюня 1907 г. и измѣненіе избирательнаго Закона въ духѣ пожеланій дворянскихъ съѣздовъ дало Государственную Думу, съ правительственнымъ большинствомъ. Эта третья Государственная Дума и приняла въ 1909 г. указъ о «выходѣ изъ общины».

Центръ тяжести указа 9-го ноября заключался въ его первой статьѣ, гласившей, что «каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльной землей на общинномъ правѣ, можетъ, во всякое время, требовать укрѣпленія за собою въ собственность причитающейся ему части изъ означенной земли».

Въ этой скромной статьѣ заключался полный разрывъ съ полуторавѣковой крестьянской политикой.

Указъ 9-го ноября не разрушалъ «насильственно» общины. Онъ не заключалъ прямыхъ моментовъ принужденія къ выходамъ изъ общины. Крестьянинъ могъ выходить изъ общины

только по собственному желанію, каждый крестьянинъ «можетъ требовать укрѣпленія», говорила 1-я статья.

Указъ 9-го ноября не запрещалъ и дальнѣйшаго производства уравнительныхъ передѣловъ: передѣлы оставались и попрежнему продолжали регулироваться закономъ 12 іюня 1893 г., устанавливавшимъ минимальный двѣнадцатилѣтній срокъ между передѣлами. Такимъ образомъ, при желаніи, крестьянское общество, и послѣ указа 9-го ноября могло продолжать владѣть землею на общинномъ правѣ и регулярно производить земельные передѣлы, по какой угодно разверсткѣ — по ѣдокамъ, по работникамъ, по мужскимъ душамъ и т. д. Однако, несмотря на отсутствіе принудительности въ указѣ 9-го ноября, этотъ указъ наносилъ смертельный ударъ общинѣ. Причиной этому была полная противорѣчивость интересовъ экономическихъ группъ, на которыя распалась деревня ко времени изданія указа. Что принудительной общиной и связанной съ ней крѣпостью къ землѣ тяготятся все болѣе значительныя группы крестьянъ, это было извѣстно за долго до того, какъ указъ 9-го ноября 1906 г. былъ изданъ. На фактическомъ имущественномъ разслоеніи деревни и была построена легшая въ основу указа дворянская теорія о «крестьянахъ—союзникахъ помѣстному дворянству». Такихъ союзниковъ ожидали найти во всякой общинѣ.

Съ другой стороны, разсчитывали на то, что уходъ изъ общины тѣхъ крестьянъ, которые опасались при передѣлахъ уменьшенія своей части, долженъ былъ понизить интересъ къ передѣламъ у тѣхъ домохозяевъ, которые имѣли въ виду помощью передѣла получить прибавку земли на «новыя души». И тамъ, гдѣ право на землю новыхъ членовъ превратилось бы въ фикцію «передѣлы должны были становиться все болѣе рѣдкимъ явленіемъ».

На эту автоматическую пріостановку передѣловъ и разсчитывалъ указъ 9-го ноября, поставившій одной изъ своихъ задачъ «внѣдреніе въ среду общинныхъ крестьянъ идей частной собственности на земли».

Одной первой статьи указа 9-го ноября, дающей право свободнаго выхода изъ общины всѣмъ желающимъ, было бы достаточно, чтобы нанести передѣльной общинѣ опасный ударъ. Но въ указѣ 9-го ноября были еще статьи, направленныя на прямое форсированіе процесса разложенія общины.

На основаніи второй статьи указа 9 ноября крестьянинъ, выходящій изъ общины, имѣлъ право получить то количество надѣль-

ной земли, которое находилось въ его постоянномъ (не арендномъ) пользованіи, если выходы происходили въ общинѣ, гдѣ въ теченіе послѣднихъ 24 лѣтъ не было земельныхъ передѣловъ.

Для выходящихъ изъ общины, гдѣ были передѣлы въ теченіе послѣднихъ 24 лѣтъ (статья 3-я), устанавливался другой порядокъ. Въ общинахъ послѣдняго типа выходящій могъ укрѣпить за собою всю находящуюся въ его пользованіи, по послѣднему передѣлу, землю, только въ томъ случаѣ, если въ его дворѣ были живы всѣ разверсточныя единицы, на которыя ему была въ послѣдній передѣлъ дана земля. Если же число живыхъ разверсточныхъ единицъ въ дворѣ уменьшилось, то за лишнія противъ разверсточныхъ единицъ доли, домохозяинъ долженъ былъ уплатить обществу незначительную сумму денегъ— выкупную цѣну этихъ долей.

Предполагалось, что возможность получать, въ видѣ преміи, лишнія доли, за недорогую плату, въ извѣстныхъ случаяхъ, могла явиться стимуломъ къ выходу изъ общины.

За технической стороной выходовъ изъ общины должны были наблюдать учрежденныя въ мартѣ 1906 г. Землеустроительныя Комиссіи, одной изъ задачъ которыхъ было также содѣйствіе крестьянамъ въ переходѣ къ новымъ формамъ землевладѣнія и хозяйства, т. е. къ хуторамъ и отрубамъ.

Однако, какъ ни были опасны общинѣ всѣ эти искусственные «факторы» разрушенія, въ видѣ «премій», содѣйствій администраціи и т. д., наиболѣе опасной для стараго уклада деревни оставалась 1-я статья, дававшая крестьянамъ право ухода изъ общины безъ согласія «міра». Эта статья разрушала общину по направленію естественныхъ изломовъ, произведенныхъ въ ней силою экономическаго процесса.

Первая статья указа 9-го ноября вводила еще одну чрезвычайной важности мѣру—она уничтожала всѣ сомнѣнія въ вопросѣ о томъ, кому принадлежитъ надѣлъ—домохозяину на правахъ личной собственности или всему двору—цѣлой семьѣ. Указъ 9-го ноября призналъ собственникомъ подворнаго и выдѣленнаго изъ общины участка домохозяина, а не всю семью.

Объяснительная Записка къ правительственному законопроекту «о крестьянскомъ землевладѣніи» предназначавшемуся 3-й Государственной Думѣ, выясняла причины, по которымъ рѣшено было уничтожить еще недавно считавшуюся исконнославянскимъ институтомъ—семейную собственность.

«Запиской» къ указу 9-го ноября утверждалось, что указъ преслѣдовалъ, будто бы, главнымъ образомъ борьбу съ крѣпостничествомъ въ крестьянскомъ правѣ. Семейная собственность объявлялась пережиткомъ крѣпостного права.

«Какъ въ дореформенное время, такъ и послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, лежавшія на крестьянахъ повинности въ интересахъ чисто финансовыхъ распредѣлялись не между отдѣльными лицами, а по дворамъ (тягламъ), при чемъ каждый членъ двора отвѣчалъ за исправное выполненіе повинностей другими членами».

Объяснительная Записка говорила далѣе, что усиленно охраняемая семейная собственность политически опасна, ибо она «подрываетъ авторитетъ родителей и расшатываетъ кровную семью».

Помимо того семейная собственность вредна для хозяйственнаго развитія деревни. «Семейная собственность стѣсняетъ самодѣятельность домохозяина, убиваетъ въ немъ всякую иниціативу и предпріимчивость и тѣмъ, несомнѣнно, крайне вредно отражается, какъ на общей, такъ въ частности и на сельскохозяйственной культурѣ».

Однако, самое важное зло семейной собственности «Объяснительная Записка» устанавливала въ томъ же: въ чемъ она видѣла и зло общины—семейная собственность мѣшаетъ крестьянамъ усвоить правильные взгляды на собственность.

«Отсутствіе личной собственности въ надѣльномъ имуществѣ препятствуетъ укрѣпленію въ сельскомъ населеніи правильныхъ взглядовъ на частную собственность вообще» [1]).

Свою защиту личной собственности на надѣльную землю Записка заканчивала аппеляціей къ «государственнымъ интересамъ».

«Самое существованіе прочнаго и сильнаго государства возможно лишь при такомъ распорядкѣ хозяйственнаго строя, который опирался бы на началахъ личной частной собственности и на уваженіи къ собственности другихъ. Только этимъ путемъ создана будетъ та масса мелкихъ и среднихъ собственниковъ, «которая повсемѣстно является сторонникомъ государственнаго порядка, охраняющаго ихъ насущные интересы».

Юридическое обоснованіе указа 9-го ноября «Записка»

[1]) Объяснительная Записка. Стран. 35.

видѣла въ ст. 106 Положенія о Выкупѣ, по которой «на крестьянскія надѣльныя земли по освобожденіи ихъ отъ выкупного долга распространяются правила, установленныя въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ въ отношеніи земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность»... (Изд. 1902 г.).

Выкупной же долгъ съ 1 января 1907 г. указомъ 3 ноября 1905 г. признавался уплаченнымъ.

«Со времени отмѣны выкупныхъ платежей, говорилось въ «Запискѣ», община, согласно предположеніямъ составителей Крестьянскихъ Положеній 1861 г., должна была стать союзомъ свободнымъ, а не принудительнымъ»...

Такимъ образомъ, Записка подтверждала, что принудительная община, какъ и семейная собственность, въ свое время были нужны фиску, и что съ погашеніемъ выкупного долга въ этихъ институтахъ не было уже никакой нужды.

Но «Записка» обходила одинъ важный моментъ, именно, что въ эти оба института (общину и семейную собственность) перестали вѣрить, какъ въ органы охраны «государственнаго порядка». Не будь подорвана эта вѣра, несмотря на прекращеніе выкупныхъ платежей, принудительная община и семейная собственность, конечно, продолжали бы считаться «незыблемыми» устоями русской жизни.

Въ Общее Собраніе 3-ей Гос. Думы законопроектъ о выходѣ изъ общины поступилъ осенью 1908 г., когда указъ 9-го ноября уже дѣйствовалъ на мѣстахъ и когда не подлежало сомнѣнію, что деревня не отвергла новаго права выхода изъ общины, а довольно интенсивно имъ пользуется. Ожидаемыя дворянствомъ отъ распаденія общины непосредственные результаты, какъ будто также уже оправдывались: въ 1908 г. деревня занялась своей надѣльной землей и помѣщичьи земли оставила въ сторонѣ.

Мѣстами на почвѣ выходовъ разгоралась въ деревнѣ внутренняя усобица: были случаи и кровавыхъ столкновеній, но, ко времени обсужденія указа 9-го ноября имѣлся уже 1 милліонъ дворовъ, вышедшихъ изъ общины.

Такое положеніе дѣлъ на мѣстахъ, несомнѣнно, способствовало гладкому прохожденію проекта въ Гос. Думѣ. Земельная Комиссія, въ своемъ большинствѣ отразившая «преданное» правительству большинство 3-ей Думы, всецѣло стояла на почвѣ «Объяснительной Записки» Министра Внутреннихъ

Дѣлъ [1]) и не только приняла законопроектъ, но даже «углубила» его, внеся въ него новую статью о принудительномъ переводѣ къ подворному владѣнію непередѣлявшихся въ теченіе 24-хъ лѣтъ общинъ. Комиссія мотивировала свое предложеніе тѣмъ, что общины, не передѣлявшіяся 24 года, являются уже «мертвыми» общинами. Это допущеніе было совершенно произвольно, такъ какъ подъ «передѣлами» Комиссія разумѣла только «законные» передѣлы, совершаемые по закону 8 іюня 1893 г., всѣ же «незаконные» передѣлы — всякаго рода свалки и навалки душъ, свидѣтельствовавшія о томъ, что община живетъ — Комиссія совершенно игнорировала.

Это усиленіе указа 9-го ноября новой антиобщинной статьей въ Комиссіи Г. Д. было принято аграріями дворянскихъ съѣздовъ, при поддержкѣ представителей «торговопромышленнаго класса». Торговопромышленная буржуазія, какъ классъ «новый», въ сравненіи съ помѣстными землевладѣльцами, никогда не питала къ общинѣ того піэтета, который былъ характеренъ для дореформенныхъ и пореформенныхъ помѣщиковъ-дворянъ.

Не чувствовала буржуазія и той ненависти къ общинѣ, которая стала такъ типична для аграріевъ послѣ 1905—1906 гг. Отношеніе къ общинѣ у буржуазіи было трезво-дѣловое. Почитать общину представителямъ этого класса было не за что. при помощи ея ни они, ни ихъ предки оброковъ и платежей не собирали, а чаще всего платили; никогда не вѣрили они, что община «спасаетъ» Россію отъ пролетаріата потому, что сами эксплуатировали этотъ вышедшій изъ общинъ пролетаріатъ на своихъ фабрикахъ и заводахъ.

Знали они общину хорошо: многіе изъ нихъ вышли изъ нея сами и, быть можетъ, у нѣкоторыхъ отцы или даже сами они носили на собственномъ тѣлѣ слѣды отъ наказаній по «мірскому приговору» за непочтеніе къ начальству или за какое-либо иное нарушеніе деревенскаго этикета.

---

[1]) Нужно сказать, что Объяснительная Записка Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ законопроекту о выходѣ изъ общины для второй Гос. Думы была составлена въ болѣе „конституціонномъ“ стилѣ, чѣмъ такая же „Записка“ для третьей Гос. Думы. Въ послѣдней отсутствовали указанія, имѣвшіяся въ Запискѣ для 2-й Думы на несовмѣстимость „принудительныхъ“ союзовъ съ строемъ „правового государства“ и на установленіе этой принудительности „искусственными мѣрами въ 80—90-хъ годахъ“.

Съ дворянствомъ буржуазія вполнѣ сошлась въ желаніи внѣдрить въ «мужиковъ» идею частной собственности. Это имъ нужно было и для спасенія ихъ усадебъ отъ погромовъ въ то, что мужицкая частная собственность застрахуетъ деревню отъ движеній они также вѣрили,—и для того, чтобы на базѣ «мужицкой» частной собственности развить болѣе интенсивную экономическую жизнь, создать крѣпкихъ мужиковъ, сдѣлать изъ деревни болѣе емкій рынокъ для ихъ фабрикатовъ и для того, чтобы получить себѣ, въ качествѣ рабочаго, отдифференцировавшагося отъ общины мужика - пролетарія. Отношеніе торговопромышленной буржуазіи къ общинѣ прекрасно выразилъ членъ Гос. Совѣта Крестовниковъ въ своей брошюрѣ, написанной въ 1908 году: «Могутъ ли быть передѣлы надѣльной земли крестьянъ послѣ окончанія выкупной операціи?».

На этотъ вопросъ Крестовниковъ отвѣчалъ отрицательно и настаивалъ на признаніи „за всѣми домохозяевами права личной собственности на надѣльныя земли, состоящія нынѣ въ ихъ постоянномъ (не арендномъ) пользованіи".

Авторъ считалъ, что онъ дѣлалъ только логическій выводъ изъ тѣхъ же посылокъ, изъ которыхъ исходило само правительство. Правительство считало, что передѣльная община въ Положеніе 1861 года введена въ фискальныхъ цѣляхъ. Крестовниковъ также считалъ безспорнымъ, что „передѣлы въ періодъ выкупа входили въ планъ выкупной операціи"; что безъ допущенія передѣловъ не могла бы быть осуществлена та комбинація надѣленія крестьянъ землею, какая была принята при реформахъ 1861 года. Передѣлы являлись слѣдствіемъ круговой поруки, которая была установлена „въ интересахъ какъ помѣщиковъ, такъ и правительства" [1]).

„Передѣлы, такимъ образомъ, составляли неизбѣжное звено въ общей цѣпи условій принятой системы выкупной операціи" [2]). Для того, чтобы повліять на бюрократію, Крестовниковъ запугивалъ ее передѣльнымъ соціализмомъ. Давалась ли земля въ періодъ выкупа даромъ? Нѣтъ, отвѣчалъ Крестовниковъ,

[1]) Г. А. Крестовниковъ. „Могутъ ли быть передѣлы...". Стран. 4. Записку Крестовникова, значительно менѣе радикальную, въ Особомъ Совѣщаніи Витте мы уже разсматривали выше. Свою Записку 1908 г. Крестовниковъ написалъ уже въ званіи члена Гос. Совѣта, которое принесла ему новая политическая эра.

[2]) Ibid. Стран. 5—10.

даромъ никому не давалась, такъ какъ передѣлы земли сопровождались и перераспредѣленіемъ платежей за выкупаемую землю. „Кто получалъ больше земли, тотъ больше и платилъ. Но послѣ окончанія выкупа земля при передѣлахъ будетъ даваться уже безъ оплаты. Даромъ будетъ получаться при передѣлѣ лишняя земля и безъ вознагражденія земля будетъ отниматься у прежняго владѣльца". Въ этомъ Крестовниковъ видѣлъ грозную соціальную опасность. Ибо такія періодическія „поравненія", не сопровождаемыя никакой имущественной компенсаціей (раньше если отбирали при передѣлѣ землю, то сбавляли платежъ, если прибавляли землю, то набавляли платежъ), будутъ осуществленіемъ въ жизни тѣхъ завѣтнѣйшихъ мечтаній соціалистическихъ ученій, которыя, пока, всѣмъ міромъ и всѣми государствами признаются, какъ утопическія". И если правительство допуститъ передѣлы послѣ окончанія выкупа, оно создастъ основу для осуществленія идей соціализма. Единственнымъ средствомъ изъять почву изъ-подъ соціализма въ Россіи заключалась, по Крестовникову, въ законодательномъ запрещеніи передѣловъ навсегда. Общиннаго „соціализма" боялся Крестовниковъ, такъ какъ считалъ, что онъ изъ деревни можетъ перекинуться на фабрику, въ городъ.

Докладчикомъ по законопроекту о выходѣ изъ общины въ 3-й Гос. Думѣ былъ октябристъ Шидловскій. Политическую подкладку указа 9 ноября онъ облекъ въ очень туманную форму. Онъ нашелъ у россійскихъ обывателей особую болѣзнь „вѣру въ пространство". Особенно, по его мнѣнію, страдало этой болѣзнью наше крестьянство, которое „въ пространство вѣритъ, какъ цѣлителя всѣхъ недуговъ". Крестьяне на „малоземелье жалуются поголовно всѣ: жалуются дворы, имѣющіе одну десятину, дворы безземельные, „вмѣстѣ съ тѣмъ, на малоземелье жалуются и киргизы, имѣющіе до 500 десятинъ на кибитку". „Вѣра въ пространство ведетъ къ тому, что всѣ жалующіеся на малоземелье убѣждены, что имъ можетъ помочь единственно прибавка земли". „Вѣра въ пространство, какъ цѣлителя всѣхъ недуговъ, опасна тѣмъ, что она убиваетъ вѣру во всякіе другіе способы достиженія той же цѣли".

„Вѣра въ пространство" поддерживаетъ у насъ и идею „уравнительнаго" распредѣленія земли.

Но всѣ эти упованія, связанныя съ мечтами о земельномъ просторѣ, по мнѣнію докладчика, есть иллюзія: никакого „зе-

мельнаго простора" у насъ нѣтъ. Нелѣпость всякихъ мечтаній о результатахъ земельнаго „поравненія" докладчикъ доказывалъ такимъ расчетомъ: въ 44 губерніяхъ Европейской Россіи имѣется земли не крестьянской, принадлежащей казнѣ, удѣламъ, частнымъ владѣльцамъ, церквамъ и монастырямъ около 46 милл. десятинъ, а мужского населенія крестьянскаго въ нихъ 44 милл. душъ, значитъ „уравнительное" распредѣленіе дастъ на 1 душу по 1 десятинѣ, „и вотъ это-то и есть та десятина, иронизировалъ докладчикъ, за счетъ которой должно быть достигнуто всякое благополучіе".

Надѣленіе крестьянъ этой одной десятиной представляетъ одно изъ популярнѣйшихъ рѣшеній „пресловутаго", какъ непринужденно выражался докладчикъ, „аграрнаго вопроса".

И всѣ другіе способы рѣшенія „аграрнаго вопроса", въ родѣ соціалистическихъ „національзаціи, муниципализаціи земли" или даже кадетскаго выкупа у помѣщиковъ земли „по справедливой оцѣнкѣ" для дополнительнаго надѣленія, — все это въ глазахъ докладчика, не болѣе, какъ слѣдованіе партій за мужицкой вѣрой въ пространство.

„Вѣра въ пространство", говорилъ докладчикъ, есть „принадлежность некультурнаго народа и поэтому уничтоженіе этой вѣры должно быть привѣтствовано, какъ одинъ изъ шаговъ вступленія на путь культуры".

Въ насажденіи этой болѣзни, по мнѣнію докладчика, повинна „совершенно неправильная правительственная политика въ области крестьянской и въ области аграрной за послѣднія 40 лѣтъ".

Пореформенная политика отступила отъ началъ Положенія 1861 г. Въ 80-хъ годахъ 19 столѣтія наступила эпоха, когда появились „взгляды, приведшіе къ кореннымъ измѣненіямъ крестьянскихъ узаконеній".

Вся эта политика, по мнѣнію докладчика, съ закрытіемъ выхода изъ общины, съ введеніемъ „благодѣтельной, опекающей" власти земскаго начальника; съ внесеніемъ сословнаго принципа въ земское положеніе и ограниченіемъ ея компетенціи, вмѣстѣ съ ограниченіемъ функцій суда; вмѣстѣ съ подчеркиваніемъ и вытягиваніемъ сословныхъ привилегій, „была неправильна".

„И намъ здѣсь теперь приходится расхлебывать результаты этой неправильности",—восклицалъ докладчикъ.

Докладчикъ утверждалъ, что, защищая Указъ 9 ноября, онъ стоитъ на почвѣ Положенія 1861 года, а дѣятели 80—90-хъ годовъ Плеве и другіе ломали это Положеніе.

„Я, гг., думаю, говорилъ докладчикъ, что, если бы я былъ поставленъ въ положеніе, что мнѣ, не зная сущности дѣла, нужно было съ завязанными глазами сказать, кому я больше вѣрю, тѣмъ ли, которые создали Положеніе 1861 года, или гр. Толстому, Плеве и Дурново, то я, совершенно не зная въ чемъ дѣло, смѣло сказалъ бы, что больше вѣрю создателямъ Положенія 1861 года".

Убить вредную вѣру въ пространство и соотвѣтствующіе партійные способы рѣшенія аграрнаго вопроса можетъ только развитіе личнаго землевладѣнія.

Указъ 9-го ноября имѣетъ цѣлью способствовать насажденію личнаго землевладѣнія. Личное землевладѣніе есть несомнѣнно необходимое условіе улучшенія культуры въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, а улучшеніе культуры есть не что иное, какъ разрѣшеніе аграрнаго вопроса, говорилъ докладчикъ при рукоплесканіяхъ большинства Государственной Думы.

Возраженіямъ конституціонно-демократической партіи докладчикъ противопоставилъ аргументы, почерпнутые имъ изъ сочиненій теоретиковъ той же партіи. «Правъ былъ, говорилъ онъ, проф. Петражицкій, говорившій въ первой Государственной Думѣ 18 мая 1906 г., что нужно создать такія формы землевладѣнія, при которыхъ въ сельскомъ населеніи воспитывалась бы предпріимчивость, а для этого надо воспитывать его на правѣ собственности».

Нападая на «реакціонеровъ» 80—90-хъ годовъ, Шидловскій заходилъ значительно дальше того, чѣмъ позволялъ ему тогдашній октябристскій либерализмъ. Вся дѣятельность партіи октябристовъ, къ которымъ принадлежалъ докладчикъ, свидѣтельствовала о вѣрности этой партіи «духу» Плеве-Побѣдоносцева. И сдѣланный докладчикомъ перечень грѣховъ политики 80 и 90 годовъ—«опека», «сословность», «правовыя ограниченія» и т. д. могъ быть перечнемъ и октябристскихъ грѣховъ.

Но независимо отъ степени искренности нападокъ докладчика на «духъ» системы Плеве-Побѣдоносцева нужно признать, что въ вопросѣ объ общинѣ Плеве и докладчикъ были дѣйствительно антиподы—насколько первому казалось государственно необходимымъ держать мужика въ общинѣ, настолько же рѣ-

шительно докладчикъ и его партія—считали «государственно необходимымъ» распустить общину.

Въ преніяхъ третьей Государственной Думы по поводу указа 9 ноября всѣ его защитники строили свои рѣчи на основной мысли доклада Шидловскаго: община въ агрикультурномъ отношеніи вредна, въ политическомъ опасна.

Они соглашались, что раньше община была нужна, что и теперь въ ней имѣются нѣкоторыя положительныя черты, но, тѣмъ не менѣе, ее необходимо упразднить, такъ какъ отрицательныхъ сторонъ въ общинѣ теперь больше, чѣмъ положительныхъ.

Точку зрѣнія «правыхъ» выразилъ епископъ Митрофанъ. Онъ авторитетно свидѣтельствовалъ, что «община удобна для людей, являющихся въ качествѣ учителей и руководителей народа»; ибо «она даетъ имъ возможность въ болѣе широкомъ масштабѣ развить свое просвѣтительное вліяніе на народъ, при ней можно влiять сразу на цѣлыя массы». Но онъ находилъ, что этотъ аргументъ въ пользу общины теперь много потерялъ въ своей убѣдительности, такъ какъ это несомнѣнное моральное преимущество общины «въ послѣднее время такъ хорошо усчитано и использовано людьми, которые, вытѣсняя *природныхъ* учителей народа, стараются сѣять смуту среди нихъ, прививать къ нимъ чувства ненависти, зависти и мщенія». И потому, хотя по мнѣнію епископа Митрофана община есть «изначальное явленіе нашей исторіи», необходимо все же «заимствовать» у Западной Европы фермерское устройство ея крестьянъ. Тогда крестьянинъ «будетъ знать, что его *трудъ не пропадетъ безслѣдно*, что если не онъ самъ, то его дѣти пожнутъ благодарные плоды его усердія».

И по политическимъ, и по экономическимъ причинамъ фракція правыхъ признавала, что «законъ 9 ноября въ высшей степени желателенъ для русскаго народа».

Представитель націоналистовъ, графъ Бобринскій, говорилъ, что указъ 9 ноября былъ изданъ въ моментъ чрезвычайно тяжелый для Государства: «крестьянство заметалось, оно потеряло голову и его охватили волненіе, отчаяніе и растерянность, народъ пошелъ за врагами отечества, когда казалось, что и Россія гибнетъ».

«Надо было дать крестьянству надежду, надо было указать на единственный путь спасенія»... «И если бы правительство не

издало закона 9 ноября, если бы оно не доказало крестьянству, что спасенiе *въ его личной собственности, что трудъ его будетъ обезпеченъ и не будетъ отнятъ другимъ*..., то правительство поступило бы преступно, преступно предъ Государемъ, передъ Россiей и передъ исторiей»!—Указъ 9 ноября, по графу Бобринскому, сдѣлаетъ по всей Россiи то, что уже наблюдалось въ западно-русскихъ губернiяхъ, гдѣ развивается хуторская жизнь...

«Я знаю отъ нашихъ крестьянъ-очевидцевъ, которые туда ѣздили, какая существуетъ колоссальная разница въ достаткѣ, въ обработкѣ полей, въ жизни, въ *нравственномъ обликѣ* тѣхъ крестьянъ, которые сидятъ на хуторахъ, по сравненiю съ тѣми, которые находятся въ общинѣ».—Тамъ «каждый имѣетъ свою собственность, и потому *уважаетъ* собственность другихъ».

Защитники указа 9 ноября—правые, нацiоналисты и октябристы—часто подчеркивали въ своихъ рѣчахъ принудительную и фискальную природу современной передѣльной общины; одни называли современную общину «крѣпостной общиной»; другiе называли общинное землевладѣнiе «крѣпостнымъ землевладѣнiемъ» и всѣ требовали «раскрѣпощенiя» мужика. Но все это «раскрѣпощенiе» сводилось къ указу 9 ноября—къ праву выхода изъ общины, всѣ остальныя сферы крестьянской жизни защитникамъ указа 9 ноября казались уже достаточно «раскрѣпощенными».

Гр. Бобринскiй горячо отстаивалъ «равноправiе въ экономической области». «Мы всегда были и будемъ противъ сословнаго законода тельства въ области экономической».

Противники указа 9 ноября въ 3-ей Государственной Думѣ составились изъ оппозицiонныхъ партiй к.-д., с.-д. и трудовиковъ.

По терминологiи лидеровъ к.-д. партiи соцiалъ-демократы и трудовики представляли оппозицiю «безотвѣтственную», а к.-д. «отвѣтственную».

«Отвѣтственная оппозицiя», к.-д., отстаивала и восхваляла частную собственность на землю, «безотвѣтственная оппозицiя»—трудовики и соцiалъ-демократы отрицали принципiально частную земельную собственность.

Представитель к.-д. партiи Шингаревъ говорилъ, что защитники указа 9 ноября «воспѣваютъ благо личной собственности, высоко цѣня тотъ стимулъ, тотъ подъемъ энергiи, ту бодрость,

которую даетъ институтъ частной собственности и которая въ результатѣ имѣетъ созиданіе національнаго богатства».

«Я не буду этого отрицать, говорилъ онъ, есть много людей, которые думаютъ такъ, и я лично думаю, что въ этихъ взглядахъ есть много справедливаго, глубокаго и что въ этихъ взглядахъ отражается теченіе общечеловѣческой мысли и дѣятельности, съ ними надо считаться, ихъ надо признать въ значительной степени вѣрными».

Другой ораторъ к.-д. партіи, Родичевъ, говорилъ, что онъ стоитъ «на точкѣ зрѣнія личной собственности, и считалъ, что, не говоря о будущихъ временахъ, въ настоящее время для русскаго народа необходимо земельное владѣніе, основанное на личномъ правѣ».

Но съ насажденіемъ частной собственности путемъ указа 9 ноября ораторы к.-д. не соглашались.

«Я именно думаю, говорилъ Шингаревъ, что насажденіе личной собственности и блага культуры и порядка настолько цѣнныя сокровища, что чрезвычайно рискованно подвергать ихъ неумѣлымъ экспериментамъ».

Родичевъ говорилъ, что когда былъ обнародованъ указъ 9 ноября, то онъ готовъ былъ его привѣтствовать. «Но такъ какъ практическое осуществленіе этого указа въ русскую деревню внесло такое начало, которымъ разрушается правовое сознаніе деревни, порождается безконечное количество неразрѣшимыхъ споровъ», то Родичевъ предлагалъ Г. Думѣ отвергнуть законопроектъ.

Ораторы партіи к.-д. доказывали несостоятельность утвержденія, что указъ 9 ноября только дополняетъ 12 ст. Общаго Положенія (т. е. ст. 36 изд. 1861 года).

Ст. 12 ничего не говоритъ о черезполосномъ укрѣпленіи—въ указѣ черезполосное укрѣпленіе допускается.

Ст. 12 даетъ право обществу откупиться отъ выдѣла земли однообщественнику—указъ отнимаетъ у общества это право.

Далѣе ст. 12 ничего не говоритъ объ уничтоженіи семейной собственности,—указъ ее уничтожаетъ и вводитъ личную собственность. И при томъ, указъ 9 ноября производитъ уничтоженіе семейной собственности у подворниковъ на основаніи статьи 12-й, относящейся только къ общинникамъ.

«Здѣсь передѣлывается и общинное владѣніе крестьянъ, здѣсь нарушается *коренной*, имъ *сродный* институтъ семейной собственности».

«Здѣсь идетъ нарушеніе и измѣненіе *коренныхъ* основъ крестьянской жизни», восклицалъ Шингаревъ, совершенно правильно указывая на несомнѣнную натяжку связыванія указа 9 ноября со ст. 12 Общаго Положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно забывая эксплуататорскую природу «коренныхъ» институтовъ, о которыхъ онъ печаловался.

К.-д. утверждали, что указъ 9 ноября не дастъ населенію «благъ личной собственности».

«Достигнетъ ли указъ 9 ноября, цѣною тяжкихъ жертвъ, цѣною недоразумѣній и смутъ въ деревнѣ, цѣною трудности его проведенія, грозности вопроса созданія безземельныхъ, достигнетъ ли онъ тѣхъ благъ, которыя онъ поставилъ своею цѣлью? Получимъ ли мы благо личной собственности»? спрашивалъ Шингаревъ и отвѣчалъ отрицательно.

Во-первыхъ, «личная собственность одна не сможетъ создать богатства». Въ «западныхъ странахъ только проявленіе правопорядка, проявленіе строгихъ основъ политической жизни создало имъ и богатство, и мощь, и силу».

При отсутствіи въ Россіи правовыхъ условій «западныхъ странъ» и при состояніи нашего земельнаго вопроса улучшеніе земледѣлія, по словамъ Шингарева, «мечты».

Возражая Шидловскому, Шингаревъ утверждалъ, что аграрный вопросъ въ Россіи стоитъ очень остро, что его можетъ разрѣшить не указъ 9 ноября, а единственно проектъ к.-д. о принудительномъ отчужденіи земли съ выкупомъ ея по справедливой цѣнѣ.

«Я думаю, что именно интересы государства требуютъ разрѣшенія вопроса аграрнаго въ томъ смыслѣ, какъ мы думаемъ».

«Выкупъ земли у помѣщиковъ по справедливой цѣнѣ, говорилъ Шингаревъ, есть не передача собственности отъ лица къ лицу—это есть институтъ государственный, во имя благъ государственныхъ». За два года дѣйствія указъ 9 ноября создалъ, по словамъ Шингарева, «положеніе тревожное»: на мѣстахъ чувствуется, что многія лица, укрѣпленныя и выдѣленныя не въ цѣляхъ землеустройства, а въ цѣляхъ ликвидаціи и продажи, навсегда обезземеливаютъ себя. Наростаетъ грозный вопросъ—вопросъ объ этихъ безземельныхъ, какъ съ нимъ справится наша будущая Россія»?

О политической цѣли изданія указа 9 ноября отъ к.-д. говорилъ Милюковъ. Произнесенная на эту тему рѣчь его пре-

красно характеризовала философско-историческія основы программы и тактики к.-д. партіи, лидеры которой до сихъ поръ твердо вѣрятъ, что исторію дѣлаютъ «добрые» и «злые» «государственные люди», «почеркомъ пера» устанавливающіе хорошіе и дурные законы.

Въ рѣчи Милюкова реальныя и историческія силы, опредѣлившія судьбы нашего крестьянства и нашей общины, были замѣнены безплотными абстракціями и хитрыми комбинаціями разныхъ «людей случая».

Въ изображеніи Милюкова крестьянская политика со времени Крестьянской Реформы до 1906 г. направлялось борьбой двухъ интересовъ: «государственнаго» и «помѣщичьяго»—«узкодворянскаго».

За послѣднія 50 лѣтъ въ развитіи крестьянскаго вопроса въ Россіи Милюковъ намѣтилъ три главныхъ момента: Крестьянская Реформа 1861 года; Крестьянская Реформа эпоха Плеве-Побѣдоносцева 80—90 годовъ, и, наконецъ, Крестьянская Реформа, датируемая Указомъ 9 ноября 1906 года.

До 1906 года, увѣрялъ Милюковъ, въ борьбѣ государственнаго и помѣщичьяго интересовъ всегда побѣждалъ «государствено-правовой взглядъ» и крестьянская политика направлялась такъ, какъ этого требовалъ государственный интересъ, а не такъ, «какъ того хотѣли помѣщики».

Прежде всего въ Крестьянскую Реформу 1861 г., по Милюкову, одолѣлъ взглядъ «государственно-правовой и демократическій, онъ одержалъ верхъ надъ взглядомъ частно-правовымъ и помѣщичьимъ».

Въ изложеніи историка Милюкова экспропріація крестьянской земли, совершенная въ 1861 году; огромный выкупъ, наложенный на крестьянъ; нищенскіе надѣлы; крѣпостническое крестьянское право, какъ оно выражалось въ законодательствѣ 1861 года; круговая порука; право сдачи „міромъ“ недоимщиковъ въ работы и „порочныхъ“ въ Сибирь,—все это было побѣда „демократическаго“ начала.

Такое освѣщеніе событій было, конечно, не историческимъ а фантастическимъ.

Не два „интереса“—государственный и помѣщичій—боролись во время Крестьянской Реформы 1861 года, а боролись два класса—дворянство и крестьянство.

Въ этой борьбѣ дворянство должно было уступить.—*Степень уступки* опредѣлилась „соотношеніемъ силъ“ дворянъ и крестьянъ, а *характеръ уступки* (малый надѣлъ, большой выкупъ, самосѣченіе и т. д.) опредѣлился интересами сѣверныхъ и южныхъ помѣщиковъ. Слабость крестьянства обусловила полную „недодѣланность“ Крестьянской Реформы. Извѣстно также, что „демократическій взглядъ на Реформу защищался не генералъ-адъютантомъ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ, этимъ «стойкимъ защитникомъ крестьянскихъ интересовъ», какъ его величалъ Милюковъ, а Николаемъ Гавриловичемъ Чернышевскимъ, который отъ представителей „государственныхъ взглядовъ“ получилъ каторгу за свои „демократическіе“ взгляды.

Депутатъ Милюковъ такъ увлекся сочиненной картиной торжества демократическаго принципа въ Крестьянской Реформѣ, что утверждалъ, что будто послѣ Реформы „на одинъ моментъ крестьяне повѣрили“ во что-то. Депутатъ Милюковъ не сообщилъ, въ какой именно „моментъ“ это было. Не во время ли двухлѣтнихъ крестьянскихъ волненій послѣ объявленія манифеста „о волѣ“?

Не интересы „фиска“ и „порядка“, по Милюкову, продиктовали законодателю сохраненіе общины въ Положеніи 1861 г., а „государственные интересы“, при чемъ подъ „государственными интересами“ Милюковъ понималъ не интересы господствующаго класса, а интересы большинства населенія.

Второй этапъ, разсмотрѣнный д. Милюковымъ въ развитіи крестьянской политики—это эра крестьянскаго законодательства Плеве-Побѣдоносцева.

Милюковъ не соглашался съ докладчикомъ, что законодательство 80—90-хъ гг. носило крѣпостническій характеръ. Онъ утверждалъ, что и въ крестьянскихъ законахъ Плеве-Побѣдоносцева, которыхъ онъ торжественно именовалъ „людьми 80—90-хъ годовъ“, побѣдили „государственные интересы“.

„Итакъ, г.г., люди 80—90-хъ гг. въ ихъ земельномъ законодательствѣ руководились не только крѣпостническими интересами, на которые намекалъ намъ докладчикъ въ своемъ историческомъ изложеніи. Нѣтъ, ими руководили и интересы государственные. Въ результатѣ... та частно-правовая точка зрѣнія, на которой настаиваетъ докладчикъ, отошла на второй планъ, *выдвинулась* именно точка зрѣнія государственная“. (Стран. 625—26 засѣданія 31 окт. 1908 г.).

То-есть побѣдила та самая „точка зрѣнія“, которая побѣдила въ 1861 г., говорилъ Милюковъ.

Въ 1861 г., по Милюкову, побѣдила государственно-правовая точка зрѣнія—„крестьяне на моментъ“ повѣрили... И если въ законодательствѣ 80 и 90-хъ годовъ также побѣдила государственно-правовая точка зрѣнія, то ясно, что государственная власть и въ это время шла съ крестьянами.

„Разъ, увѣрялъ депутатъ Милюковъ, правительство 80 и 90-хъ годовъ такъ опредѣленно выдвинуло государственную точку зрѣнія, трудно была ожидать, что среди крестьянства можетъ укрѣпиться точка зрѣнія діаметрально противоположная“.

Крестьяне (и не только на „моментъ“) повѣрили Толстому-Дурново.

Какъ мы видѣли выше, имѣются безспорныя свидѣтельства, что всѣ законы эпохи Толстого-Плеве-Дурново были проведены подъ непосредствомъ давленіемъ дворянства и въ интересахъ дворянства.

Третій этапъ въ развитіи крестьянскаго вопроса—указъ 9 ноября 1906 г., по Милюкову, начался съ Манифеста 26 февраля 1903 г. и указа Сенату 8-го января 1904 г., говорившихъ о пересмотрѣ крестьянскаго Положенія „на почвѣ главныхъ началъ преобразованія 1861 г.».

Въ этихъ актахъ, по Милюкову, звучала точка зрѣнія государственно-правовая, точка зрѣнія 80—90-хъ годовъ, какъ звучала она въ Особомъ Совѣщаніи по Крестьянскому Дѣлу Витте.

Но въ этотъ развивающійся на государственно-правовомъ началѣ процессъ пересмотра крестьянскаго права врывается „историческая личность“ Гурко, и все мѣняется.

Въ Особомъ Совѣщаніи, говорилъ Милюковъ, «впервые мы слышимъ рѣзко подчеркнутую новую ноту и на этой новой нотѣ я останавливаюсь, попрошу васъ къ ней прислушаться. Это рѣчь В. І. Гурко въ засѣданіи 2 января 1905 года. Я обращаю усиленное ваше вниманіе на нее потому, что этотъ тонъ потомъ уже не умолкаетъ. Тише или громче онъ будетъ звучать все время, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не перейдетъ въ докладъ нашего уважаемаго докладчика». Что же говоритъ

г. Гурко? «Культура и община—два понятія, другъ друга исключающія; борьба съ общиной необходима; мысль, что можно увеличить благосостояніе не усиленіемъ производительности, а увеличеніемъ площади—«фантастична»... «Законодатель, говоритъ онъ, можетъ безбоязненно ускорить процессъ распаденія общины».

Эти «разсужденія» Гурко, говорилъ Милюковъ, являются *источниками того зла*, съ которымъ намъ теперь приходится считаться».

Такимъ образомъ, «историческій» анализъ позволилъ Милюкову съ большою тонкостью установить, что «источникомъ» «зла»—указа 9 ноября—явился Гурко. Дѣйствительные «источники» указа 9 ноября, какъ мы видѣли, лежали не въ личности Гурко, а значительно глубже. «Разсужденія» объ общинѣ въ дворянскихъ и бюрократическихъ сферахъ въ духѣ Гурко, какъ мы видѣли, имѣли вѣковую давность и, несмотря на это, государственная власть насаждала и поддерживала общину вплоть до крестьянскаго движенія 1905—1906 гг.

Въ программѣ Особаго Совѣщанія Горемыкина, учрежденнаго послѣ Особаго Совѣщанія Витте (см. выше) 30 марта 1905 года, Милюковъ находитъ еще связи «съ государственно-правовымъ взглядомъ обезпеченія крестьянскихъ интересовъ». «Но, говоритъ Милюковъ, изъ-за Горемыкина все болѣе выдвигается личность Гурко, а гр. Витте, его соперникъ, приглашаетъ въ сотрудничество нашего товарища по партіи Н. Н. Кутлера». Далѣе дѣло изображается въ такомъ видѣ, что Кутлеръ является носителемъ государственно-правовыхъ взглядовъ, а Гурко узко-дворянскихъ. Побѣждаетъ Гурко,—послѣ дворянскаго съѣзда въ январѣ 1906 года.

Противопоставленіе позицій двухъ бывшихъ товарищей Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Кутлера и Гурко, было сдѣлано Милюковымъ, какъ показано выше, безъ достаточныхъ основаній. Мы видѣли, что въ Особомъ Совѣщаніи Витте товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Кутлеръ, выражаясь словами Милюкова, бралъ ту же «ноту», что и Гурко. Оба они признавали законодательное измѣненіе формъ крестьянскаго землевладѣнія насущной задачей момента, оба выступали съ проектами «реформы» крестьянскаго землепользованія. Мы видѣли, какъ близко проекты Кутлера подходили къ тому,

что было осуществлено въ Землеустроительныхъ Учрежденіяхъ 1906 года.

И Кутлеръ, какъ Главноуправляющій земледѣлія и землеустройства, зналъ за два мѣсяца до своей отставки о первыхъ варіантахъ указа 9 ноября, тѣмъ болѣе, что эти варіанты представляли, какъ мы видѣли, въ расширенномъ видѣ проектъ «опыта реформы» самого Кутлера.

Далѣе д. Мюлюковъ сообщалъ, что во время первой Государственной Думы, въ декларацiи правительства отъ 13 мая,—гдѣ говорилось не только объ улучшеніи условій землепользованія, но и объ увеличеніи площади землепользованія крестьянъ за счетъ свободныхъ казенныхъ и пріобрѣтенныхъ, при содѣйствіи Крестьянскаго Банка, частновладѣльческихъ земель,—правительство «стояло на той же самой государственно-правовой точкѣ зрѣнія, которой оно держалось въ теченіе всѣхъ 40 лѣтъ, прошедшихъ со времени освобожденія крестьянъ».

Перемѣна въ крестьянской политикѣ, по словамъ депутата Милюкова, подсказана была правительству дворянскими организаціями. «Я указалъ, говорилъ онъ, также и на то лицо, которое въ данномъ случаѣ является вдохновителемъ» (Гурко). Депутатъ Милюковъ упустилъ изъ виду, что «указъ 9 ноября» былъ готовъ уже въ декабрѣ 1905 года [1]).

Однако, «старо-государственная» традиція была еще сильна и даже въ Объяснительной Запискѣ къ проекту закона о выходѣ изъ общины депутатъ Милюковъ находилъ, что «правительство все еще пытается стоять на старой государственной точкѣ зрѣнія, въ то время, какъ депутатъ Шидловскій пытался поставить насъ на точку зрѣнія узко-дворянскую».

Оставляя въ силѣ законъ о неотчуждаемости надѣловъ и внося «поправку» о введеніи максимума сосредоточенія надѣловъ однѣхъ рукахъ въ то время, когда указъ 9 ноября былъ уже въ Г. Думѣ, говорилъ Милюковъ, правительство «старается держаться на государственной точкѣ зрѣнія».

Но въ 3-й Г. Думѣ правительство находилось, по Милюкову, въ трудномъ положеніи—между необходимостью соблюсти старую «государственную точку зрѣнія» и необходимостью дать дорогу дворянскимъ вожделѣніямъ. Оно находится въ чрезвычайно трудномъ положеніи, повторялъ Милюковъ, и я не знаю,

[1]) См. выше.

какъ оно изъ него выйдетъ. Съ правыхъ скамей на это отвѣчали: «съ нашей помощью!» [1]).

Однимъ изъ октябристскихъ ораторовъ, кн. Волконскимъ, была сдѣлана ссылка на работу Милюкова, гдѣ послѣдній доказывалъ, что передѣльная община у государственныхъ крестьянъ была создана подъ «правительственнымъ давленіемъ» въ концѣ XVIII вѣка. На это депутатъ Милюковъ отвѣтилъ, что правительство XVIII вѣка ввело уравнительное землепользованіе, «правда, изъ фискальныхъ интересовъ, но эти интересы тогда шли параллельно съ государственными».

«Правительство вѣдь не зря вводило уравнительное землепользованіе».

По Милюкову выходило, что аграрная крестьянская политика, начиная съ XVIII вѣка до 9 ноября 1906 г., направлялась «государственно-правовыми» демократическими взглядами она перестала направляться крестьянскими интересами только послѣ указа 9 ноября 1906 г.

Въ третьей Г. Думѣ ораторы всѣхъ партій, кромѣ крайней лѣвой, прикрывались «государственными интересами» и при нападеніи на указъ 9 ноября, и при его защитѣ. Крѣпостникъ Марковъ 2-й и тотъ считалъ недопустимымъ съ «государственной точки зрѣнія» надѣленіе крестьянъ землей даже за выкупъ по «справедливой цѣнѣ».

Несмотря на неоднократныя заявленія своихъ ораторовъ, что «надъ страной нависъ огромной важности вопросъ», что надо рѣшать сначала «общіе вопросы, а потомъ, уже частные»,—(«отъ земельнаго вопроса вы не отвертитесь», говорилъ А. И. Шингаревъ)—к.-д. фракція выступила съ собственнымъ законопроектомъ о выходѣ изъ общины. Этотъ проектъ былъ составленъ въ духѣ «государственныхъ людей 80 и 90-хъ годовъ».

Проектъ к.-д. очень мало отличался и отъ проекта Ред. Ком. Стишинскаго (см. выше), составленнаго при сотрудничествѣ Гурко, когда этотъ послѣдній былъ еще сторонникомъ «государственно-правовой» позиціи въ земельномъ вопросѣ. Проектъ к.-д. не допускалъ выхода изъ общины «безъ согласія общества съ землей». По ст. 1 проекта партіи к.-д.

[1]) Отчеты Г. Думы. Стран. 782.

сельское общество могло не дать земли желающему выйти изъ общины домохозяину, а заплатить ему опредѣленную сумму денегъ. Такъ что к.-д. проектъ не возстановлялъ даже 2-части 165 ст., отмѣненной въ 1893 г. Далѣе, по проекту к.-д. на заявленіе о желаніи выйти изъ общины, общество могло не отвѣчать желающему въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ и только по истеченіи этого срока выходящій могъ искать въ «подлежащемъ судѣ» землю или деньги за землю.

Эта статья, разрѣшавшая искать черезъ 3 года своего права въ «подлежащемъ судѣ» была классическимъ позаимствованіемъ изъ арсенала нашей бюрократической волокиты.

Проектъ представителя крупной буржуазіи Крестовникова, какъ мы видѣли, шелъ напроломъ и заключалъ требованія разрушенія общины однимъ ударомъ въ «государственныхъ интересахъ», т. е. въ интересахъ капиталистической Россіи. Проектъ к.-д.—представителей средней и мелкой буржуазіи—боялся круто разорвать съ прошлымъ, искалъ полумѣръ, золотой середины, желалъ на «первыхъ порахъ» только «облегченій» и «умягченій».

Трудовая группа въ преніяхъ по указу 9-го ноября не отмежевала себя отъ к.-д. фракціи и подпись ея члена стояла подъ законопроектомъ к.-д. фракціи о выходѣ изъ общины [1]).

Главное различіе въ рѣчахъ к.-д. и трудовиковъ выражалось въ томъ, что ораторы к.-д. фракціи хотя и противоставляли новую аграрную политику старой и утверждали, что «старая» стояла на стражѣ «государственныхъ интересовъ», но они не раскрывали этихъ неопредѣленныхъ понятій «государственные интересы», «государственно-правовая точка зрѣнія» и не говорили, чѣмъ именно эта «государственная точка зрѣнія» для мужиковъ полезна. Деревенская дѣйствительность была настолько печальна, что «трезвые» к.-д. и не пытались иллюстрировать примѣрами результаты политики Плеве-Побѣдоносцева, хотя и одобряли этихъ «людей 80—90-хъ» годовъ за ихъ общиннофильскую политику.

---

[1]) Законопроектъ к.-д. фракціи шелъ отъ меньшинства земельной комиссіи. Онъ былъ подписанъ, между прочимъ, трудовикомъ Кропотовымъ.

Ораторы трудовической фракціи, наоборотъ, идеализировали общинный бытъ и находили немало положительныхъ сторонъ въ общинѣ.

Эта идеализація общины была непонятна въ устахъ нѣкоторыхъ трудовиковъ, прекрасно знавшихъ деревню.

«Общинное владѣніе землей, говорилъ депутатъ Петровъ 3-ій,—это есть страхователь всѣхъ родившихся въ общинѣ» [1]).

Насколько дѣйствительно такое «страхованіе», ораторъ не сказалъ...

Другой ораторъ трудовой фракціи говорилъ, что благодаря общинѣ у нашего пролетарія имѣется «уголъ», котораго не будетъ при дѣйствіи Указа 9 ноября. «Ряды пролетаріата, говорилъ Дзюбинскій,—и безъ того въ громадной массѣ безработные, вслѣдствіе слабаго развитія и постоянныхъ кризисовъ нашей фабрично-заводской промышленности, будутъ быстро пополняться. Положеніе этихъ новыхъ пролетаріевъ, однако, будетъ хуже, чѣмъ было раньше, такъ какъ они будутъ лишены своего угла окончательно» [2]).

Рѣзко обособленную отъ всѣхъ фракцій позицію заняла соціалъ - демократическая фракція. Внеся предложеніе отклонить правительственный законопроектъ, она отказалась отъ исправленія его «поправками» и не внесла собственнаго законопроекта.

Удовлетворяющій демократію законъ о правѣ выхода изъ принудительной общины могъ быть, по мысли фракціи с.-д., только слѣдствіемъ установленія въ странѣ полной политической свободы, гражданскаго равноправія и вытекать изъ общаго закона о свободѣ коалицій. «Община должна быть, говорилъ депутатъ Гегечкори, свободнымъ добровольнымъ союзомъ свободныхъ земледѣльцевъ-гражданъ».

Съ другой стороны, вопросъ о свободной общинѣ с.-д. фракція хотѣла рѣшать *не вмѣсто* аграрнаго закона, какъ этого хотѣли защитники Указа 9 ноября, *а вмѣстѣ* съ аграрнымъ закономъ. Жестоко высмѣялъ депутатъ Гегечкори докладчика Шидловскаго, съ его одновременнымъ отрицаніемъ «пресловутаго аграрнаго» вопроса и рѣшеніемъ этого вопроса посредствомъ укрѣпленія крестьянскихъ полосокъ въ собственность.

[1]) Стенограф. Отчетъ Госуд. Думы, 521.

[2]) Стенограф. Отчетъ Госуд. Думы, 521.

«Что касается того рѣшенія аграрнаго вопроса, того рецепта [1]), которой былъ прописанъ г. Шидловскимъ, то нужно сказать, что онъ не совсѣмъ оригиналенъ: этотъ рецептъ уже предложенъ однимъ изъ персонажей въ комедіи гр. Льва Толстого «Плоды просвѣщенія». Когда мужики жаловались, что имъ куренка выпустить некуда, хлыщъ Вово прокартавилъ: «а вы мяту сѣйте, мяту сѣйте, очень выгодно». То же самое говоритъ Шидловскій: «укрѣпляйте, говоритъ онъ, свои клочки на основаніи указа 9 ноября, сѣйте мяту на этихъ клочкахъ, и аграрный вопросъ самъ по себѣ рѣшится»...

Никакихъ иллюзій относительно природы русской общины с.-д. не питали. «Принудительное пребываніе въ общинѣ есть наслѣдіе крѣпостного права... Ни одна группа населенія въ Россіи не знаетъ принудительныхъ хозяйственныхъ союзовъ; принудительная община и принудительный коммунизмъ это есть горькая привилегія русскаго крестьянства», говорилъ Гегечкори.

„Помѣщикъ въ крѣпостную эпоху... дорожилъ общиной потому, что она обезпечивала... его интересы... Помѣщики-крѣпостники и правительство искусственно насаждали общину. Въ пореформенную эпоху правительство старается оставить крѣпостные устои и патріархальный строй деревни нетронутыми".

И эпоха „людей 80 и 90-хъ годовъ"—Плеве и Побѣдоносцева—не рисовалась с.-д. въ такихъ радужныхъ краскахъ, въ какихъ она представлялась к.-д. фракціи. Депутатъ Гегечкори „эпоху" эту называлъ „рецедивомъ крѣпостничества".

Защитникамъ Указа 9 ноября депутатъ Гегечкори указывалъ, что они напрасно возлагаютъ надежды на то, что послѣ разрушенія устоевъ деревенскаго „коммунизма" не будетъ аграрныхъ бунтовъ, ибо причины аграрныхъ движеній и революцій лежатъ не въ общинѣ. „Крестьянинъ потому бунтуетъ, что онъ голоденъ, а не потому, что онъ — общинникъ и коммунистъ".

[1]) Въ элоквенціи третьедумскаго большинства вообще въ ходу были медицинскія метафоры. Шидловскій заявилъ, что онъ выступаетъ въ роли „врача" и этимъ объясняется реплика Гегечкори. Марковъ 2-ой считалъ, что мужику земля вредна, такъ же, какъ квасъ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ Столыпинъ также говорилъ о себѣ, какъ о „хирургѣ", съ окровавленными руками.

Законопроектъ о выходѣ изъ общины въ Государственной Думѣ былъ принятъ въ редакціи Земельной Комиссіи. Но при обсужденіи статьи, трактующей о передачѣ укрѣпленныхъ надѣловъ, въ личную собственность, правительственное большинство сильно порѣдѣло.

Защищать эту статью пришлось самому Предсѣдателю Совѣта Министровъ. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ Столыпинъ указалъ большинству Гос. Думы на политическое значеніе Указа 9 ноября и на роль въ этомъ Указѣ передачи надѣловъ въ личную собственность: „Правительство приняло на себя большую отвѣтственность, проведя въ порядкѣ ст. 87 Законъ 9 ноября 1906 года, оно ставило ставку не на убогихъ и пьяныхъ, а на крѣпкихъ и на сильныхъ", говорилъ Столыпинъ. „Неужели забыто..., что колоссальный опытъ опеки надъ громадной частью нашего населенія потерпѣлъ уже громадную неудачу".—„Нельзя возвращаться на этотъ путь, нельзя только на верхахъ развѣшивать флаги какой-то мнимой свободы" [1]).

Чтобы подѣйствовать на ультра-правую часть Гос. Думы, растерявщейся предъ проектируемой ломкой „вѣкового института", Столыпинъ напомнилъ о той роли, которую крѣпкій личный собственникъ призванъ сыграть для „переустройства нашего царства, переустройства его на крѣпкихъ монархическихъ устояхъ".

„Насколько личный собственникъ является преградой для революціоннаго движенія..., говорилъ Столыпинъ, видно изъ трудовъ послѣдняго съѣзда соціалистовъ-революціонеровъ, бывшаго въ Лондонѣ въ сентябрѣ настоящаго года. Я позволю себѣ привести вамъ нѣкоторыя положенія этого съѣзда. Вотъ, между прочимъ, что онъ постановилъ: правительство, подавивъ попытку открытаго возстанія и захвата земель въ деревнѣ, поставило себѣ цѣлью распылить крестьянство усиленнымъ насажденіемъ личной частной собственности или хуторскимъ хозяйствомъ. Всякій успѣхъ правительства въ этомъ направленіи наноситъ серьезный ущербъ дѣлу революціи". (Бурныя рукоплесканія центра). Затѣмъ, дальше: „Съ этой точки зрѣнія современное положеніе деревни, прежде всего, требуетъ со стороны партіи неуклонной критики частной собственности

[1]) Отчетъ Гос. Думы, стран. 2283.

на землю,—критики, чуждой компромиссовъ со всякими индивидуалистическими тяготѣніями“ [1]).

Рѣчь Столыпина показала большинству Гос. Думы, что правительство считаетъ статью о личной собственности настолько важной, что непринятіе ея для правительства будетъ равносильно отклоненію всего законопроекта.

За такимъ отклоненіемъ долженъ былъ послѣдовать роспускъ 3-й Гос. Думы.

И въ Госуд. Совѣтѣ, при колебаніяхъ большинства по вопросу о личной собственности на надѣлы, Столыпину пришлось опять „прикрикнуть“: „Я съ самаго начала заявилъ уже, что въ законопроектѣ есть стороны принципіальнаго характера, отъ которыхъ правительство не можетъ отказаться и не откажется“.

Послѣ принятія Гос. Думой статьи о личной собственности, судьба законопроекта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьба 3-й Гос. Думы, были обезпечены.

Въ засѣданіи 22 февраля 1909 года Гос. Дума приняла весь законопроектъ, который весной 1909 года былъ переданъ въ Государственный Совѣтъ.

V.

Указъ 9 ноября въ Государственномъ Совѣтѣ.

Въ Г. Совѣтъ «Указъ 9 ноября» поступилъ въ 1909 году. Первоначально онъ разсматривался въ Особой Комиссіи Государственнаго Совѣта.

Въ Особой Комиссіи для всѣхъ ея членовъ—какъ для защитниковъ, такъ и для противниковъ общины—являлся безспорнымъ тотъ фактъ, что деревня наша переживаетъ тяжелый кризисъ, и что только закончившееся крестьянское движеніе было выраженіемъ этого кризиса. Спорнымъ только представлялся вопросъ о томъ, гдѣ лежатъ причины кризиса и чѣмъ была обусловлена воспріимчивость крестьянъ къ лозунгамъ 1905—06 гг.

---

[1]) Стеногр. отчетъ, стран. 2283.

Одна сторона—большинство—давало одинъ отвѣтъ: основное «зло» деревни заключается въ общинѣ. Община повинна и въ экономической разрухѣ деревни и въ только что пережитой деревней «смутѣ».

Другая сторона—меньшинство—доказывала, что причины лежатъ не въ общинѣ. При этомъ правая часть этого меньшинства находила эти причины въ недостаткѣ охраны крестьянъ отъ «тлетворныхъ» вліяній, лѣвая же указывала на цѣлый рядъ обстоятельствъ, въ частности на недостатокъ свободы, о которой еще Монтескье сказалъ, что она способствуетъ производительности земли (слова чл. Г. С. М. М. Ковалевскаго въ Особ. Ком.).

Однако, несмотря на то, что меньшинство отказывалось видѣть въ общинѣ причину всѣхъ «золъ», оно, въ цѣломъ, не высказалось за отклоненіе указа 9 ноября. Оно лишь рѣшительно отказывалось принять форсирующее разрушеніе общины, дополненіе Г. Думы о переводѣ всѣхъ непередѣлявшихся 24 года общинъ въ положеніе подворно-наслѣдственнаго владѣнія [1]).

Наиболѣе полно точку зрѣнія большинства Комиссіи выразили члены Г. Совѣта: Н. А. Шебеко, М. В. Красовскій и бывшій министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ.

Н. А. Шебеко нарисовалъ крайне мрачную картину состоянія нашей деревни: тамъ онъ видѣлъ ростъ неурожаевъ, стаціонарность посѣвной площади, ничтожную производительность земли, недоѣданіе мужика и его физическое вырожденіе. Источникъ такого положенія вещей Н. А. Шебеко находилъ исключительно въ общинѣ.

— «Причины указанныхъ явленій заключаются въ общинной формѣ владѣнія, господствующей въ центральныхъ и восточныхъ губерніяхъ». (149 стр.) [2]). Поднять деревню и сельское

[1]) *Ст. 1-я Указа 9 ноября гласила:*—„Каждый домохозяинъ, владѣющій землей на общинномъ правѣ, можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собою въ личную собственность причитающейся ему части изъ означенной земли".

Ст. 1-я Законопроекта Г. Думы гласила: — „Общества и селенія, въ коихъ не было общихъ передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею или же въ теченіе 24 лѣтъ, предшествовавшихъ изданію этого закона, признаются перешедшими къ наслѣдственно участковому владѣнію. (Послѣдняя часть о 24-хъ годахъ была отвергнута Г. С.).

[2]) Законъ 14 іюня 1910 г. объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи. Изд. Госуд. Канцеляріи. Спб. 1911 г.

хозяйство можетъ только разрушеніе общины и насажденіе мелкой собственности. «Примѣръ Ц. Польскаго, говорилъ Н. А. Шебеко, показываетъ, что личная собственность способна менѣе, чѣмъ въ полвѣка повысить сельскохозяйственную культуру и сдѣлать крестьянъ хорошими земледѣльцами и исправными плательщиками, которыхъ не приходится продовольствовать въ неурожайные годы... На развалинахъ общины въ З. Европѣ выросла высшая сельскохозяйственная культура». (Стр. 150).

Но община опасна, говорилъ Шебеко, не только для экономическихъ судебъ Россіи. Она опасна и въ политическомъ отношеніи. «Эта форма обладаетъ всѣми признаками соціалистическаго ученія». «Печальное явленіе недавняго прошлаго—аграрныя волненія въ Россіи—также послѣдствія общиннаго владѣнія, не развивающаго въ крестьянствѣ любовь къ землѣ, основанную на чувствѣ личной собственности». (Стр. 149).

Мелкіе собственники необходимы Россіи, какъ политически консервативные элементы, тѣмъ болѣе, что въ Россіи наблюдается «грустный фактъ быстрой ликвидаціи помѣщичьей собственности». «Нельзя будетъ жить долго подъ охраной закона 3 іюня. Придется распахнуть двери законодательныхъ учрежденій и потому нужно заранѣе создать на мѣстахъ прочный консервативный элементъ». (150 стр.).

Шебеко не отрицалъ того, что примѣненіе указа 9 ноября можетъ усилить ростъ пролетаріата. Но «пролетаріатъ связанъ со всякимъ прогрессомъ», говорилъ онъ. «Если съ земли уйдутъ лѣнивые элементы, то тѣмъ лучше для земли, т. е. для государства». (Стр. 150). «А къ тому же не нужно забывать, что бѣдные будутъ служить у богатыхъ батраками».

Шебеко «привѣтствовалъ» указъ 9 ноября, какъ пробитіе «бреши въ крѣпости общиннаго строя»...

Указанія на политическую опасность общины, встрѣченныя шумнымъ одобреніемъ большинства, въ корнѣ противорѣчили недавно столь популярнымъ среди помѣстнаго дворянства взглядамъ на общину, какъ на оплотъ консервативности крестьянства.

Членъ Г. С. М. В. Красовскій, защищая Указъ 9 ноября, остановился на этомъ изжитомъ уже «предразсудкѣ». Онъ напомнилъ, какъ жестоко составъ Государственной Думы перваго и второго созывовъ разрушилъ эту наивную вѣру въ патріар-

хальность крестьянъ. Онъ напомнилъ также о томъ, что крестьянскіе безпорядки были наиболѣе сильны въ губерніяхъ «съ особенно развитымъ общиннымъ землевладѣніемъ». Красовскій считалъ притязанія крестьянъ-общинниковъ на чужую землю при нашихъ условіяхъ вполнѣ естественными... «При общинномъ владѣніи приростъ населенія долженъ быть обезпеченъ землею, и отсюда возникаетъ убѣжденіе, что на обязанности правительства лежитъ надѣленіе землею сперва изъ состава казенныхъ земель, затѣмъ удѣльныхъ и монастырскихъ, наконецъ, и частновладѣльческихъ»... (Стр. 157).

— За крестьянами идутъ и «партіи, защищающія общину. Онѣ выдвинули идею принудительнаго отчужденія земли и въ этомъ есть несомнѣнная послѣдовательность мысли»... (Стр. 157).

— Незнающіе индивидуализма общинники, говорилъ Красовскій, представляютъ удобный элементъ для пропаганды соціализма. Въ общинѣ есть крестьяне «идеалисты», иронизировалъ онъ, которые стоятъ за передѣлы, мечтая о надѣлахъ «не ими обработанныхъ и не ими удобренныхъ»... Но будущее благополучіе Россіи зиждется не на этихъ «идеалистахъ», а на крестьянахъ-скопидомахъ, которыхъ смѣшиваютъ съ ростовщиками и зовутъ общей кличкой «міроѣдовъ»... (Стр. 157).

Чл. Г. Совѣта А. Б. Нейдгардъ также считалъ общину источникомъ всѣхъ золъ экономическихъ и политическихъ. Отъ общины—«вѣчная праздность нашихъ крестьянъ, пьянство, пожары». «Русскій крестьянинъ, говоритъ онъ, рѣдко пьянствуетъ на свой счетъ, большинство пьетъ на мірскія деньги»... Община помогла распространенію соціализма въ деревнѣ. «Успѣхъ соціалистической пропаганды въ 1905—06 гг. объясняется именно тѣмъ, что принципъ, положенный въ ея основаніе—вся земля трудовому народу—понятіе, близкое общинѣ». (Стр. 161).

Нейдгардъ отстаивалъ Указъ 9 ноября съ поправками Г. Думы, какъ актъ огромной государственной важности, какъ актъ, «давшій уже блестящіе результаты».

Указъ дѣйствуетъ и долженъ дѣйствовать не потому, что нельзя его отмѣнить: «У власти есть средства—и на всякое противодѣйствіе власть должна немедленно оказать соотвѣтствующее воздѣйствіе». Отмѣнить Указъ 9 ноября Нейдгардъ считалъ вполнѣ возможнымъ, но это было бы вредно для государства...

Членъ Гос. Совѣта А. С. Ермоловъ признавалъ общинный строй главнымъ врагомъ агрономическаго прогресса и основной причиной голодовокъ. Въ «черезполосныхъ укрѣпленіяхъ» надѣловъ (по Указу 9 ноября) онъ видѣлъ важный шагъ къ переходу къ обособленному хуторскому владѣнію. Политическая опасность дальнѣйшей охраны общины увеличивалась, по мнѣнію Ермолова, съ каждымъ годомъ, такъ какъ «земельные передѣлы сперва пріучаютъ населеніе къ земельному поравненію, а затѣмъ внушаютъ ему мысль и о поравненіи имущественномъ»... (Стр. 165).

Членъ Г. Совѣта В. П. Энгельгардъ съ негодованіемъ разсказывалъ, какую роль играла мѣстная администрація въ насажденіи этихъ «опасныхъ» для государства общинно-передѣльныхъ порядковъ.

— «Кто знаетъ, какъ производились передѣлы, можетъ удостовѣрить, что на судьбѣ этихъ передѣловъ отражались настроенія и вѣянія, господствовавшія наверху и передававшіяся въ губерніи, уѣзды и на мѣста въ деревни. Нерѣдко, въ предѣлахъ одного уѣзда замѣчались такія явленія, что одинъ земскій начальникъ настаивалъ на передѣлахъ—и общіе передѣлы въ его участкѣ широко практиковались,—другой не допускалъ вовсе приговоровъ о передѣлахъ и изъ его участка не поступало въ съѣздъ ни одного приговора. Если мы встрѣчаемъ, очень нерѣдко, рядомъ селенія—одни, въ которыхъ были передѣлы, и другія, въ которыхъ такихъ не было, то нельзя сдѣлать заключенія, что правосознаніе у однихъ вырабатывалось одно, а въ другихъ другое»... (Стр. 192—193).

Энгельгардъ привѣтствовалъ Указъ 9 ноября (но безъ думскихъ дополненій), позволяющій крестьянамъ выходить изъ общины, которая «создана не на сознаніи взаимныхъ выгодъ и удобствъ, а установлена властью господъ надъ крестьянами, ради своихъ личныхъ выгодъ и удобствъ, а затѣмъ укрѣплена государственной властью, съ цѣлью фискальной». (Стр. 193).

Рѣчи всѣхъ сторонниковъ Указа 9 ноября подчеркивали, главнымъ образомъ, важность разрушенія института общинной собственности, съ точки зрѣнія охраны существующаго порядка, ибо община подтачиваетъ экономическую мощь государства и въ то же время нравственно разлагаетъ деревню. Община, какъ административный и фискальный аппаратъ, сдѣлала свое дѣло. Теперь стали невыносимы тѣ отрицательныя

стороны общиннаго строя (земельные передѣлы, семейная собственность), которыя раньше терпѣлись въ виду важности сохраненія общиннаго аппарата въ цѣломъ.

Среди защитниковъ разрушенія общины въ Особой Комиссіи, какъ было уже указано, были разногласія въ вопросѣ о томъ, цѣлесообразно ли ускорять процессъ разложенія общины принятіемъ думскаго «дополненія» о переводѣ непередѣлявшихся общинъ на подворье и слѣдуетъ ли уничтожать семейную собственность на надѣльную землю и замѣнять ее личной собственностью, какъ это требовалъ Указъ 9 ноября.

Лидеромъ ограниченнаго примѣненія Указа 9 ноября (безъ думскихъ дополненій и съ ограниченіемъ личной собственности) былъ чл. Г. С. А. С. Стишинскій.

Еще недавно, въ 1904 году, страстный защитникъ *неприкосновенности* общины, А. С. Стишинскій горячо привѣтствовалъ теперь Указъ 9 ноября, какъ мѣру и «своевременную, и необходимую»... (стр. 138), какъ мѣру, не ставящую вопроса ребромъ, не ломающую общину и открывающую просторъ «личному почину»... Но онъ высказывался противъ думскаго требованія о принудительномъ переводѣ общинниковъ въ подворники и противъ введенія абсолютной личной собственности на надѣлы. Ибо въ послѣднемъ предложеніи онъ видѣлъ «рѣзкую» ломку быта сельскаго населенія. Такая ломка особенно опасна въ Россіи, которая еще «въ теченіе вѣковъ», а можетъ быть, «навсегда» останется земледѣльческой страной...

Общинѣ, при всѣхъ ея недостаткахъ, по мнѣнію Стишинскаго, нельзя отказать въ одномъ достоинствѣ—она обезпечиваетъ Россію отъ образованія пролетаріата и отъ развитія нищеты.

Характерно, что въ 1904 г. А. С. Стишинскій по тѣмъ же мотивамъ «вѣковѣчности» въ Россіи земледѣльческаго уклада жизни и охраны Россіи отъ пролетаріевъ и революцій—стоялъ за всемѣрную охрану общины въ своемъ проектѣ Крестьянскаго Положенія.

Но борясь съ думскими поправками, А. С. Стишинскій въ преніяхъ О. Комиссіи часто переходилъ и въ нападеніе на весь Указъ 9 ноября.

Экономическіе и политическіе антиобщинные аргументы чл. Государственнаго Совѣта Шебеко А. С. Стишинскій считалъ несостоятельными. «Въ Польшѣ никогда не было общины, говорилъ онъ, и расцвѣтъ хозяйства тамъ обязанъ

хорошему рынку, близости заграницы, спросу военнаго населенія» и т. д. Онъ утверждалъ также, что аграрныя волненія обязаны своимъ происхожденіемъ не общинѣ, а «пропагандѣ», ибо «въ самой жестокой формѣ они разразились въ Балтійскомъ краѣ, гдѣ никогда не было общины, отъ нихъ не былъ свободенъ и Привислянскій край» (стран. 170).

А. С. Стишинскій принялъ личную собственность Указа 9 ноября на надѣлы, хотя продолжалъ считать, что семейная собственность у крестьянъ введена не Сенатомъ, какъ утверждали ея противники, а «зародилась въ глубокой древности». «Личная собственность, говорилъ онъ, вызываетъ сомнѣнія съ «государственной точки зрѣнія», такъ какъ она можетъ содѣйствовать широкой мобилизаціи надѣловъ». Онъ напомнилъ, что правительство еще такъ недавно, въ 1893 г., въ цѣляхъ борьбы съ пролетаризаціей крестьянства, уничтожило свободный выходъ изъ общины и что эта мѣра «была не придумана, а продиктована» людьми науки и была осуществлена по инииціативѣ земскихъ собраній.

Для того, чтобы ослабить вліяніе личной собственности, А. С. Стишинскій внесъ предложеніе ограничить право отчужденія хозяевами своихъ надѣловъ требованіемъ согласія на такое отчужденіе ихъ женъ.

Противъ послѣдняго предложенія возражалъ М. В. Красовскій: «Государство должно поддержать домохозяина, говорилъ онъ, и нельзя требовать, чтобы онъ ничего не предпринималъ безъ совѣта жены, дѣтей, ихъ опекуновъ и т. д. Онъ хозяинъ, на немъ зато лежитъ отвѣтственность передъ Богомъ, передъ Царемъ и передъ людьми»... (Стран. 222).

Горячій защитникъ общины М. М. Ковалевскій считалъ, что производимый Указомъ 9 ноября земельный переворотъ не можетъ быть оправданъ ни экономическими, ни политическими мотивами. «Нельзя, говорилъ онъ, выхватывать изъ жизни одинъ фактъ и на него валить все, считать его причиной всѣхъ бѣдствій»... «Искусственное разложеніе общины, говорилъ Ковалевскій, создастъ десятки милліоновъ безземельныхъ, которымъ промышленность не дастъ мѣста, такъ какъ внутренній нашъ рынокъ незначителенъ,—крестьянинъ только черезъ десятки лѣтъ станетъ значительнымъ покупателемъ,—а внѣшніе рынки заняты. Раньше мы создавали себѣ рынки при помощи военныхъ походовъ, теперь это невозможно»...

Солидарный съ М. М. Ковалевскимъ проф. А. А. Мануйловъ защищалъ крестьянъ-общинниковъ отъ обвиненія въ особой склонности къ соціалистическимъ ученіямъ. Нѣмецкіе крестьяне-собственники также довольно воспріимчивы къ соціализму. «Часто говорятъ, что законъ 9 ноября важенъ и съ политической стороны, такъ какъ будто бы каждый выдѣлившійся есть консерваторъ и другъ собственности». «Это вопросъ спорный. Въ Германіи соціалдемократія не имѣла успѣха въ деревнѣ, такъ какъ несла съ собой формулу Маркса, гибельную для крестьянъ. Когда же въ Баваріи она измѣнила свою тактику, то стала имѣть успѣхъ»... (Стран. 174).

— «Въ настоящее время какъ законодательная практика на Западѣ, такъ и наука признаютъ ошибочнымъ разрушеніе общины, говорилъ Мануйловъ. Въ Западной Европѣ пережили время общиннаго землевладѣнія, которое съ конца 18 вѣка начало разрушаться. Однако, изъ этого нельзя еще сдѣлать выводъ, что и мы должны пойти по этому пути»... (Стран. 143).

Защитникъ общины, крайній правый членъ Государственнаго Совѣта Ушаковъ говорилъ, что задуманная ломка «не принесетъ славы и пользы нашему отечеству. Куда пойдутъ всѣ эти бездомные голыши, спрашивалъ онъ, если даже состоятельные выдѣлившіеся крестьяне гонятъ своихъ сыновей изъ дома»?...

Ушаковъ сопоставлялъ два принципа: хуторовъ—«homo homini lupus» и общины—«Міромъ Господу помолимся»—и отдавалъ предпочтеніе второму, какъ основѣ аграрной политики (стран. 183).

П. П. Семеновъ, извѣстный членъ Редакціонныхъ Комиссій 1861 г., указывалъ, что при освобожденіи крестьянамъ дали выкупать надѣлы по преимуществу на общинномъ правѣ прежде всего по финансовымъ соображеніямъ.

— «Призванные къ законодательной работѣ отъ разныхъ мѣстностей Россіи эксперты Редакціонныхъ Комиссіи, какъ самые просвѣщенные хозяева государства, были прекрасно знакомы съ преимуществами фермерскаго хозяйства и со всѣми условіями интенсивной культуры, говорилъ Семеновъ, но тѣмъ не менѣе они встрѣтили совершенно недолимыя препятствія къ немедленному обращенію выкупаемыхъ земель въ ихъ частную собственность»... (Стран. 337).

Во-первыхъ, мѣшала финансовая сторона дѣла, требовавшая гарантіи уплаты выкупного долга.

— «Самое сильное къ тому препятствіе встрѣтилось уже въ томъ, что правительство того времени, очень опасавшееся принятія на свою отвѣтственность милліардной выкупной операціи, соглашалось на нее только при условіи круговой поруки, возлагаемой на юридическое лицо, отвѣтственное за уплату выкупныхъ платежей, а именно сельское общество»... (Стран. 337).

Не будь необходимости въ круговой порукѣ, судьбы крестьянскаго землевладѣнія,—по увѣренію этого единственно оставшагося къ тому времени въ живыхъ изъ близкихъ крестьянскому дѣлу дѣятелей 1861 г.,—были бы иныя.

Но законодатели 1858—1861 гг., по словамъ Семенова, поскольку возможно, стремились развить у крестьянъ и частную земельную собственность. Это стремленіе насадить рядомъ съ общиной и частную собственность нашло себѣ выраженіе въ рядѣ правъ, полученныхъ крестьянами при освобожденіи. «Это было, говорилъ Семеновъ, во-первыхъ,—признаніе личной частной собственности на землю, купленную крестьянами во время крѣпостного права на имя помѣщика; вовторыхъ,—распространеніе на всѣхъ крестьянъ права пріобрѣтать землю въ частную собственность; въ-третьихъ,—введеніе частной собственности на усадьбы и, наконецъ, въ-четвертыхъ, право свободнаго выхода изъ общины при досрочномъ выкупѣ надѣловъ по 165 статьѣ Пол. о выкупѣ 1861 г.».

— «Такимъ образомъ, законъ 19 февраля 1861 г. предоставилъ крестьянамъ неограниченное право пріобрѣтенія земли внѣ ихъ надѣловъ, но обратить надѣльную землю въ личную собственность онъ не могъ, такъ какъ на этой землѣ, при годовомъ бюджетѣ государства въ 300 милліоновъ рублей, лежалъ милліардный долгъ, обезпечиваемый въ глазахъ правительства толькой круговой порукой». И только теперь, послѣ окончанія выкупа, по мнѣнію Семенова, имѣлась возможность признавать крестьянъ личными собственниками (стран. 339).

Помимо того П. П. Семеновъ указалъ, что у правительства не было въ распоряженіи нужныхъ межевыхъ силъ. «Нельзя было преодолѣть межевую сторону дѣла. Отсутствіе у правительства межевыхъ средствъ для разграниченія земель и для образованія отрубныхъ участковъ дѣлали невозможнымъ введеніе личной поземельной собственности на надѣлы даже и тамъ, гдѣ они состояли въ подворномъ наслѣдственномъ пользованіи»...

Представитель правительства въ особой Комиссіи Государственнаго Совѣта А. И. Лыкошинъ доказывалъ правильность взятаго правительствомъ аграрнаго курса тѣмъ, что деревня охотно пользуется Указомъ 9 ноября и что укрѣпленія въ личную собственность приняли «стихійный характеръ». Причемъ Лыкошинъ обращалъ вниманіе на то, что примѣненіе Указа 9 ноября началось при условіяхъ «неблагопріятныхъ, ибо всѣ усилія революціонеровъ были направлены къ тому, чтобы затормозить дѣло»... (Стран. 145).

Скептикамъ Лыкошинъ говорилъ, что чиновники никакъ не могли вызвать такое движеніе въ пользу выходовъ изъ общины. Онъ не отрицалъ того, что «*должностныхъ лицъ* на мѣстахъ приходилось побуждать къ болѣе усиленной работѣ», «указывать имъ на недостаточную быстроту веденія дѣла» и «здѣсь, говорилъ онъ, можетъ быть въ отдѣльныхъ случаяхъ было проявлено недостаточно такта и были допущены ошибки»... Но онъ утверждалъ, что, «ни Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, ни его ревизоры, ни мѣстныя учрежденія какого-либо давленія *на крестьянъ* не оказывали»... (Стран. 164).

Но членъ Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскій далъ нѣсколько иную справку по этому поводу. Онъ указывалъ, что «были случаи неправильнаго пониманія Указа 9 ноября. Такъ напримѣръ, извѣстны губернаторскіе циркуляры, обѣщавшіе земскимъ начальникамъ денежныя награды и отличія при успѣшномъ примѣненіи Указа 9 ноября и грозившіе отставкой въ противномъ случаѣ» (стран. 163).

При голосованіи «дополненій» Государственной Думы о принудительномъ перечисленіи безпередѣльныхъ общинниковъ въ подворники 16 членовъ Комиссіи высказалось за и 12 противъ, при одномъ воздержавшемся.

Въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта законопроектъ поступилъ, по существу, неизмѣненнымъ, сравнительно съ тѣмъ, что утвердила Государстренная Дума.

Докладчиками отъ Особой Комиссіи Общему Собранію Государственнаго Совѣта были назначены М. В. Красовскій по всему проекту и А. С. Стишинскій по отдѣламъ, не вызвавшимъ разногласій въ Особой Комиссіи.

Точка зрѣнія большинства Особой Комиссіи на Указъ 9 ноября была развита въ докладѣ члена Государственнаго Совѣта Красовскаго.

Докладъ этотъ, между прочимъ, устанавливалъ причины, которыя въ 1861 г. заставили узаконить общину. «Община, съ круговой отвѣтственностью ея членовъ, во время Крестьянской Реформы была «узаконена», какъ важнѣйшее ручательство въ исправной уплатѣ выкупного долга».—Въ настоящее время, говорилось въ докладѣ, государство уже не заинтересовано въ охранѣ общины.—«Съ отмѣной круговой поруки и выкупныхъ платежей утратилось главное основаніе для сохраненія неприкосновенности крестьянской общины и настало время распространить и на крестьянское землевладѣніе основное начало гражданскаго быта у всѣхъ народовъ—личную собственность».

Съ потерей своего фискальнаго значенія, община все болѣе рѣзко будетъ проявлять свои отрицательныя стороны. Община приведетъ наше крестьянство къ полному разоренію, ибо крестьяне-общинники уже давно начали жить за счетъ государства. «Съ 1891 года 12 мил. крестьянскимъ дворамъ было выдано 553 милл. рублей ссудъ; $99^{1}/_{4}$% этой суммы (по 61 руб. на дворъ) пошло на общинниковъ; и только $^{3}/_{4}$%—на подворниковъ (по 1 р. 33 к. на дворъ)». Въ то же время жизнь показала ложность представленій объ общинѣ, *какъ объ оплотѣ* «противъ образованія безземельнаго пролетаріата и распространенія среди низшихъ слоевъ населенія разрушительныхъ политическихъ ученій».

Община не можетъ предупредить развитіе пролетаріата, такъ какъ «надѣлъ во многихъ общинахъ уже не составляетъ земельнаго обезпеченія: трудъ на надѣльной землѣ уже не въ состояніи прокормить всѣхъ участниковъ въ пользованіи ею» (стран. 370).

— «Не подтвердилась послѣдующими событіями, говорилъ далѣе докладъ, и вѣра въ общину, какъ въ хранительницу патріархальныхъ взглядовъ и опору государственнаго порядка».

— «Крестьянскіе безпорядки съ особенною силою проявились въ Саратовской и Воронежской губерніяхъ, соотвѣтствующихъ той части черноземной полосы, гдѣ преобладаетъ общинное землевладѣніе».

— «Это обстоятельство, въ связи съ участіемъ крестьянъ въ другихъ проявленіяхъ недавно пережитой внутренней смуты, доказало, что наша крестьянская община не воспитываетъ ни чувства уваженія къ праву собственности, ни подчиненіе необходимому въ государственной жизни порядку, а, напротивъ,

представляетъ благодарную почву для распространенiй самыхъ крайнихъ соціальныхъ взглядовъ».

Мѣры, предложенныя Указомъ 9 ноября, въ докладѣ не признавались опасными для крестьянскаго землевладѣнія, такъ какъ у насъ «замѣчается возрастаніе крестьянскаго землевладенія, а не убыль его». «России угрожаетъ не обезземеленіе крестьянъ, а другая опасность—черезмѣрное сокращеніе крупнаго и средняго землевладѣнія, необходимаго какъ для развитія земледѣльческой культуры, такъ и для поддержанія образованнаго класса землевладѣльцевъ, могущихъ съ успѣхомъ посвящать свои силы дѣлу мѣстнаго самоуправленія».

Дополненіе къ докладу сдѣлалъ Стишинскій.

Какъ было указано уже, Стишинскому выпала неблагодарная задача защищать мѣру, по содержанію прямо противоположную тому, что онъ, Стишинскій, проектировалъ за два года предъ изданіемъ Указа 9 ноября.

Тогда Стишинскій считалъ, что земельный строй русской деревни нуждается лишь въ нѣкоторыхъ «частичныхъ» измѣненіяхъ. Теперь, въ докладѣ Г. С. онъ говорилъ, что этотъ строй является «во многихъ мѣстностяхъ отживающимъ и не отвѣчающимъ болѣе запросамъ жизни и потребностямъ населенія».

Юридическое обоснованіе Указа 9 ноября Стишинскій далъ то же, что и Шидловскій въ Гос. Думѣ: по окончаніи выкупныхъ платежей вступили въ силу статья 12 Общ. Пол. и ст. 106 Пол. о выкупѣ. Эти статьи потребовали нѣкоторыхъ дополненій: нужно было рѣшить вопросъ о томъ, сколько земли дать выходящему изъ общины домохозяину и нужно было возстановить запрещенный въ 1893 г. отмѣной 165 ст. черезполосный выходъ изъ общины.

Такимъ образомъ, Указъ 9 ноября только распространилъ на всѣхъ крестьянъ отмѣненную въ 1893 г. ст. 165 Положенія. Стишинскій оговаривалъ, что ст. 165 дѣйствовала только у помѣщичьихъ крестьянъ и потому распространеніе ея теперь на государственныхъ крестьянъ было «новшествомъ», противъ котораго, по словамъ докладчика, между прочимъ, много возражали и въ Особой Комиссіи. «Но это, въ концѣ концовъ, для Особой Комиссіи не имѣло рѣшающаго значенія», тѣмъ болѣе, что сама отмѣна 165 ст. въ 1893 г. была лишь простымъ распространеніемъ на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ

правила, дѣйствующаго у государственныхъ крестьянъ, не имѣвшихъ права, и при «досрочномъ выкупѣ» выходить изъ общины безъ согласія общества.

Черезполосное укрѣпленіе крестьянъ, докладывалъ Стишинскій, также служило предметомъ нападокъ въ Особой Комиссіи, но Комиссія признала его цѣлесообразнымъ, ибо оно является первымъ шагомъ, за которымъ послѣдуетъ укрѣпленіе къ однимъ мѣстамъ. Успѣшное примѣненіе Указа 9 ноября на мѣстахъ служило, по словамъ докладчика, «яснымъ и очевиднымъ доказательствомъ, что населеніе приняло его, какъ благодѣтельную мѣру».

Взявшій послѣ докладчика слово предсѣдатель Совѣта Министровъ Столыпинъ очертилъ тѣ рамки, въ которыхъ правительство могло считать для себя пріемлемыми поправки къ Указу 9 ноября. Въ своей рѣчи Столыпинъ говорилъ о спасеніи государства посредствомъ Указа 9 ноября. Указъ этотъ безусловно экстренная мѣра, онъ былъ вызванъ экстренными обстоятельствами. — «Вѣдь это было довольно смутное время, говорилъ Столыпинъ, когда еще горѣли или догорали помѣщичьи усадьбы, когда свобода воспринималась какъ свобода насилія, когда насиліе это иные считали возможнымъ уничтожить *насиліемъ же*—принудительнымъ отчужденіемъ владѣльческихъ земель».

«А такъ какъ время смуты—время рѣшеній, не раздумья, то понятно, почему этотъ вопросъ былъ проведенъ въ порядкѣ 87 ст. словомъ и волею Государя». «Законъ четвертый годъ провѣряется жизнью, говорилъ Столыпинъ, и правительство убѣждено, что законъ построенъ правильно» и что «измѣненія и поправки могутъ только придать ему вредное неестественное направленіе». И потому Столыпинъ возражалъ противъ того, чтобы общины, не передѣлявшіеся въ теченіе 24-хъ лѣтъ, были признаны закономъ перешедшими къ подворному владѣнію.

«Правительство возражало бы, говорилъ онъ, противъ признанія участко-наслѣдственными тѣхъ общинъ, въ которыхъ не было общихъ передѣловъ за послѣдніе 24 года».

«Зачѣмъ принимать искусственныя мѣры, гдѣ дѣло идетъ естественнымъ ходомъ?».

Но зато Столыпинъ высказался противъ всякаго ограниченія правъ домохозяина на надѣлы.

Предложеніе Стишинскаго—ограничить право продажи домохозяиномъ надѣла согласіемъ жены—Столыпинъ категорически отвергъ. «Отдавать всю общинную Россію подъ опеку женамъ, создавать семейныя драмы и трагедіи, рушить весь патріархальный крестьянскій строй, имѣя въ мысляхъ только слабыя семьи, съ развратнымъ и пьянымъ домохозяиномъ во главѣ, простите, господа, я этого не понимаю».

«Вѣдь даже Сенатъ, создавшій у насъ институтъ семейной собственности, никогда такъ далеко не шелъ, никогда не ставилъ препятствій отдѣльнымъ домохозяевамъ продавать свои подворные участки. Когда создаютъ армію, *не равняютъ ее по слабымъ и отсталымъ, если только намѣренно не ведутъ ее къ пораженію!*».

Правительство было непреклонно въ отстаиваніи личной собственности потому, что, по словамъ Столыпина, она является *«осью нашей внутренней политики»* и потому, между прочимъ, что *уравненіе* правъ крестьянъ съ остальными сословіями Россіи должно быть не словомъ, а фактомъ».

Въ Общемъ Собраніи Г. Совѣта Указъ 9 ноября встрѣтилъ суроваго критика въ лицѣ гр. Витте. Здѣсь гр. Витте еще разъ измѣнилъ себѣ въ вопросѣ объ общинѣ. Рѣчь гр. Витте дала поводъ къ продолжительнымъ дебатамъ, выяснившимъ исторію Указа 9 ноября. Витте находилъ, что этотъ указъ, примѣняемый уже болѣе трехъ лѣтъ, не можетъ быть анулированъ, не пошатнувъ авторитета правительства, и предлагалъ Гос. Совѣту отвергнуть только думскія «дополненія». «Разъ ставка поставлена, ядовито говорилъ Витте по адресу Столыпина,—нечего дѣлать; но все, что можетъ быть сдѣлано, чтобы уменьшить размѣръ этой ставки, которая по самой ея природѣ содержитъ въ себѣ неизвѣстность, мнѣ кажется, сдѣлать слѣдуетъ изъ трезваго и элементарнаго благоразумія».

Витте считалъ, что Указъ 9 ноября, по идеѣ, очень хорошъ—онъ имѣетъ цѣлью насадить личную собственность на землю, которая безусловно полезна нашей родинѣ».

«Для меня несомнѣнно, что съ прочнымъ установленіемъ личной крестьянской собственности, наша родина сдѣлалась бы гораздо сильнѣе не только экономически, но также въ военно-политическомъ и культурномъ отношеніяхъ. Такъ на

это смотрятъ и наши заграничные друзья и наши кредиторы» [1]).

Но по мнѣнію гр. Витте, Указъ 9 ноября создавалъ не настоящихъ личныхъ собственниковъ, а такихъ собственниковъ, «которые не извѣстны въ другихъ цивилизованныхъ странахъ ни исторически, ни въ теоріи гражданскаго права». «Новые личные собственники ограничены и въ правахъ владѣнія своей землей. Закладывать землю они могутъ только Крестьянскому Банку, продавать землю они могутъ «большею частью малоимущимъ лицамъ, при томъ крайне ограниченнымъ по численности».—«Право пользованія собственностью въ двѣ—три десятины будетъ ограничено тѣмъ, что земля эта будетъ разбита на значительное число мелкихъ клочковъ, вкрапленныхъ во владѣніе не прежнихъ ихъ сообщниковъ, а людей постороннихъ, сосѣдей скорѣе враждебныхъ, нежели благожелательныхъ».

Графъ Витте возражалъ Столыпину и противъ самаго способа изданія Указа 9 ноября. По его мнѣнію, никакой экстренности въ изданіи Указа не было—этого не требовала ни отмѣна выкупныхъ платежей, ни интересы крестьянства.

«Можно было издать надлежащій законъ и черезъ годъ, и черезъ три года». «Очевидно, говорилъ Витте, что мѣра, принятая по ст. 87 Осн. Зак., я могъ бы доказать это какъ дважды два четыре,--была вызвана исключительно *политическими* обстоятельствами и Предсѣдатель Совѣта Министровъ въ прошломъ засѣданіи прямо это и заявилъ».

Указъ 9 ноября, въ глазахъ Витте, былъ продуктомъ «*исключительно канцелярской работы*», онъ рѣшалъ «по взмаху пера», «шаблонно-однообразно — на всемъ громаднѣйшемъ пространствѣ» Россійскаго государства одинаково — «крупнѣйшій вопросъ бытія Имперіи». Крестьянъ дѣлаютъ личными собственниками, не справившись у нихъ самихъ — «желаютъ ли они этого или нѣтъ».

Графъ Витте, не сообщилъ, когда именно спрашивали у крестьянъ ихъ мнѣнія по поводу тѣхъ или другихъ законовъ...

---

[1]) Упоминаніе гр. Витте о любящихъ частную собственность нашихъ друзьяхъ и кредиторахъ заставляетъ вспомнить о томъ, что въ эпоху Кр. Реформы было наоборотъ: наши заграничные кредиторы цѣнили общинную собственность выше личной. См. выше.

Ни предложеній, ни поправокъ Витте не счелъ возможнымъ вносить въ виду «серьезности вопроса».

«Я скажу, что я считаю этотъ вопросъ такимъ серьезнымъ, что раньше, нежели рѣшить, позвольте мнѣ еще двадцать пять разъ подумать и двадцать пять разъ вопросъ этотъ изучить».

«Я не имѣю такой смѣлости, чтобы взять и поставить «на ставку» весь бытъ нашего крестьянства и думаю, что никто изъ насъ не дозволилъ бы поставить на карту, можетъ быть, даже геніальнымъ людямъ, матеріальные интересы нашего сословія, т. е. дворянъ».

Витте говорилъ, что и Особое Совѣщаніе, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ, хотѣло «водворить личную собственность на надѣлы», «но мы тогда не предполагали, говорилъ онъ, сдѣлать это однимъ взмахомъ и мы понимали, что необходимо одновременно принять цѣлый рядъ мѣръ по водворенію правопорядка въ крестьянствѣ».

Отвѣчали Витте оба докладчика: Стишинскій и Красовскій. Первый, возражая противъ упрека «въ канцелярщинѣ», заявилъ, что на этотъ упрекъ «уже отвѣтили 1½ милл. общинниковъ», воспользовавшіеся указомъ. Что касается шаблонности и однообразія мѣры, то коррективомъ къ нему, говорилъ Стишинскій, является то, что примѣняется онъ «въ зависимости отъ личнаго интереса крестьянъ».

Красовскій указалъ, что упрекъ въ «поспѣшности и необдуманности» изданія указа со стороны гр. Витте его тѣмъ болѣе поразилъ, что еще 10 марта 1906 года на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта была внесена Меморія Совѣта Министровъ, за подписью тогдашняго предсѣдателя (Витте), которая заключала въ себѣ первообразъ Указа 9 ноября.

— «Въ этой Меморіи значится, что предлагаемая мѣра неотложна, что она должна быть проведена спѣшно и срочно потому, что она является естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ отмѣны выкупныхъ платежей, объявленной 3 ноября 1905 года».

«Отсюда можно заключить, иронизировалъ Красовскій надъ Витте, что то, что представлялось неотложнымъ, спѣшнымъ, необходимымъ въ лихорадочное время, которое переживала Россія въ 1905—1906 гг., въ спокойные дни стало казаться нѣкоторымъ изъ насъ слишкомъ быстрымъ и рискованнымъ».

Послѣ этихъ возраженій докладчиковъ, Витте значительно смягчилъ свои нападки на Указъ 9 ноября: онъ призналъ пріемлемымъ все, что было издано правительствомъ по 87 ст., но отказался принять думскія дополненія. «Постолько, поскольку разсматриваемый законопроектъ, пришедшій къ намъ изъ Г. Думы, выражаетъ мѣры, принятыя правительствомъ въ порядкѣ ст. 87, онъ въ громадномъ большинствѣ нашего Собранія ни въ правой, ни въ лѣвой его части, ни въ его центрѣ не вызываетъ непримиримыхъ разногласій», говорилъ Витте.

«Мы несогласны съ настоящимъ законопроектомъ *лишь* постолько, поскольку онъ отступилъ и расширилъ то, что было сдѣлано по ст. 87».

Правительственный указъ говорилъ о «добровольномъ» выходѣ, а думскія дополненія сдѣлали его «въ значительной степени принудительнымъ».

Витте пришлось признать, что основы Указа 9 ноября были выработаны во время его премьерства. «Дѣйствительно» въ началѣ 1906 года въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, говорилъ онъ, было образовано Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Гурко. Работы этого Совѣщанія разсматривались въ Совѣтѣ Министровъ подъ моимъ предсѣдательствомъ и тѣ мѣры, которыя, затѣмъ, въ нѣсколько болѣе широкомъ объемѣ, были приведены въ исполненіе по ст. 87 настоящимъ министерствомъ, были представлены мною при Меморіи Совѣта Министровъ въ мартѣ 1906 года въ Г. Совѣтъ. Г. Совѣтъ призналъ желательнымъ внести этотъ законопроектъ въ Г. Думу, «когда таковая откроется».

«Затѣмъ, говорилъ Витте, Совѣтъ Министровъ рѣшилъ, что крестьянское дѣло необходимо повести такъ, какъ были ведены всѣ великія преобразованія въ Россіи, т. е. сперва выработать общія Основанія Реформы, дать этимъ общимъ Основаніямъ законодательную санкцію, и лишь затѣмъ, руководствуясь этими общими законодательно утвержденными Основаніями, выработать соотвѣтствующіе окончательные законопроекты».

Эти «общія Основанія» были выработаны и одобрены Совѣтомъ Министровъ. «Затѣмъ, послѣ смѣны министерства, въ апрѣлѣ 1906 года, говорилъ гр. Витте, вся эта работа оказалась въ архивахъ и тамъ тихо покоится въ забытьи».

«Прошелъ годъ, наступилъ ноябрь мѣсяцъ 1906 года и бывшій предсѣдатель прежняго Совѣщанія Гурко имѣлъ удо-

вольствіе, будучи товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, увидѣть проектъ его осуществленнымъ». «Вотъ истинная исторія этого Указа», закончилъ Витте.

И на эту историческую справку докладчикъ Красовскій сдѣлалъ возраженія.

Онъ вновь подчеркнулъ, что всего за полгода до 9 ноября 1906 года Министерство самого гр. Витте признало эту мѣру «назрѣвшей» и связало ее, какъ и Столыпинъ, именно съ отмѣной выкупныхъ платежей. Далѣе, онъ указывалъ, что хотя гр. Витте теперь и протестуетъ противъ созданія «полусобственности», однако, въ программѣ крестьянскаго законодательства, выработанной въ Совѣтѣ Министровъ при гр. Витте, всѣ существующія ограниченія по продажѣ, залогу и т. д., дѣлающія крестьянъ «полусобственниками» надѣловъ, оставались въ силѣ.

«Отсюда для меня совершенно непонятно, почему «собственность» по проекту гр. Витте является «полу-собственностью» по проекту П. А. Столыпина», говорилъ Красовскій.

Не оставилъ Красовскій безъ отвѣта и протестъ Витте противъ думскаго предложенія признать крестьянъ, живущихъ въ общинахъ, непередѣлявшихся 24 года, перешедшими къ подворному владѣнію. Красовскій доказалъ, что и эта мѣра предлагалась самимъ Витте. «По программѣ, выработанной Совѣтомъ Министровъ, подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте, говорилъ Красовскій, видно, что тѣ общины, которыя не передѣлялись въ теченіе установленнаго закономъ срока,—а таковымъ срокомъ по предложенію Совѣщанія В. І. Гурко предполагалось принять 24 года,—должны были силой закона, т. е. принудительно переходить къ подворному владѣнію... Слѣдовательно, ст. 1—8 разсматриваемаго законопроекта (какъ онъ былъ принятъ Г. Думой) никакого отступленія отъ тѣхъ началъ, которыя были проектированы подъ предсѣдательствомъ гр. С. Ю. Витте въ 1906 году, не заключаютъ».

Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Лыкошинъ подтвердилъ, что основы Указа 9 ноября были выработаны при содѣйствіи Витте. «3 ноября 1905 года послѣдовала отмѣна выкупныхъ платежей, а уже въ концѣ ноября, или въ началѣ декабря 1905 года, было образовано Совѣщаніе при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ по вопросу о согласованіи дѣйствующаго крестьянскаго узаконенія съ Высочайшимъ Манифестомъ

3 ноября 1905 года». На всѣ эти «разоблаченія» Витте пришлось отвѣтить молчаніемъ.

Какую политическую цѣль преслѣдовалъ Г. Совѣтъ, принимая и утверждая Указъ 9 ноября, и какое политическое значеніе онъ придавалъ введенію института личной собственности на надѣлы, выяснилось, главнымъ образомъ, въ преніяхъ по поводу все того же думскаго «дополненія» о признаніи общинъ, непередѣлявшихся 24 года — перешедшими къ подворью, и въ преніяхъ о семейной и личной собственности.

Докладчикъ Красовскій доказывалъ, что предлагаемая Г. Думой мѣра шла въ направленіи общей задачи Указа 9 ноября—«внѣдренія» въ крестьянскую массу «спасительной» идеи частной собственности.

«Прежде всего подобной мѣрой мы внѣдряемъ въ цѣлой массѣ русскаго крестьянства—въ значительной его части, спасительное понятіе о собственности».

«Только тотъ, кто сознаетъ себя собственникомъ, кто знаетъ, что его права несокрушимы, что ихъ опора въ законѣ—въ государственной власти, въ государственномъ порядкѣ, тотъ уважаетъ чужую собственность, *уважаетъ власть,* уважаетъ порядокъ».

«Мы утверждаемъ, что для того, чтобы побудить нашего крестьянина уважать чужія права, *чужую синюю бумагу,* на которой пишутся крѣпостные акты, нужно дать ему такія же права, такую же синюю бумагу».

«Пока онъ безправный человѣкъ, у котораго можетъ быть отнято все (путемъ передѣловъ), надъ чѣмъ онъ трудился и чѣмъ владѣлъ, до тѣхъ поръ онъ уважать чужой собственности не станетъ, и въ трудные моменты всегда будетъ взирать на правительство и твердить: «вы обязаны снабжать меня тѣмъ, что мнѣ недостаетъ, у меня нѣтъ средствъ на продовольствіе, давайте царскій паекъ, пособіе, у меня много дѣтей и мало земли—отрѣжьте мнѣ земли».

Докладчикъ считалъ особенно вредной для законодателя вѣру въ «охранительное» значеніе общины. До самаго послѣдняго времени, по мнѣнію докладчика, ни общество, ни правительство не понимали общины, считая ее оплотомъ «охранительныхъ» началъ.

Дѣйствительность жестоко насмѣялась надъ этими вѣрованіями.

«Подъ вліяніемъ этого воззрѣнія на общинный строй, говорилъ Красовскій, и были составлены декабрьскія правила о выборахъ въ Г. Думу. Составу первыхъ двухъ Думъ, наполовину почти набранному изъ крестьянъ, суждено было разрушить эти иллюзіи. Оказалось, что вмѣсто *степенныхъ мужиковъ*, которыхъ думали получить въ Думу—явилась *буйная толпа*, смѣло идущая за любымъ руководителемъ, который разжигаетъ аппетиты. Тѣхъ консервативныхъ началъ, охранителемъ которыхъ считалось наше крестьянство, въ немъ не оказалось. А на ряду съ этимъ по всей Россіи запылали Герценштейновскія «иллюминаціи», воскресли картины изъ временъ Стеньки Разина и Пугачева, началась вакханалія уничтоженія всего того, что поднимается надъ толпою, началось дикое истребленіе всякихъ проявленій культуры».

«Мнѣ кажется, говорилъ Красовскій, что безпристрастный анализъ явленій послѣднихъ лѣтъ непреложно доказываетъ, что нашъ общинный строй, наши патріархальные крестьянскіе порядки не оправдали возлагавшихся на нихъ ожиданій, что за протекшіе съ 1861 года почти полстолѣтія, получились совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ ожидали и правительство и апологеты общиннаго строя». Считалось, что крестьяне и общинники абсолютно невоспріимчивы къ соціалистическимъ ученіямъ, въ дѣйствительности дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ: общинники представляли «богатый, вполнѣ подготовленный матеріалъ для воспріятія соціальныхъ идей»,—ибо между «началомъ уравненія и соціальными теоріями, провозглашающими: каждому по его потребностямъ,—но отнюдь, конечно, не по его заслугамъ—существуетъ неразрывная связь».

Въ 1893 году для охраны общины отмѣнили право выхода изъ общины по 165 ст.: это было «*роковой ошибкой*», говорилъ Красовскій.

Защищая думскія «дополненія», Красовскій отъ имени О. Комиссіи говорилъ, что и эти «дополненія», въ сущности, также представляютъ компромиссъ: надо было бы настаивать на полномъ и немедленномъ *упраздненіи общины*, «дополненія» же сохраняютъ общинные порядки тамъ, гдѣ общіе передѣлы производились въ послѣдніе 24 года.

Наиболѣе правильнымъ отношеніемъ къ дѣлу, по мнѣнію Красовскаго, было бы безповоротное запрещеніе передѣловъ и общій переходъ къ подворному владѣнію. «И большинство

Г. Думы, и большинство избранной Вами Комиссіи вполнѣ ясно и опредѣленно заявляютъ, что общину они считаютъ *зломъ* и что чѣмъ скорѣе Россія избавится *отъ этого зла, тѣмъ лучше*».

Тѣмъ, кто говорилъ, что Указъ 9-го ноября «навязываетъ» крестьянамъ частную собственность, не спрашивая ихъ мнѣнія, Красовскій возражалъ, что большинство Комиссіи въ этомъ дѣлѣ стоитъ на строго «государственной точкѣ зрѣнія». «Разъ признано, что извѣстный порядокъ отжилъ свой вѣкъ, что онъ вреденъ для государства, что онъ угрожаетъ его будущности, то нельзя предоставить его сохраненіе или отмѣну личной инціативѣ».

«Въ 1861 году не спрашивали, согласны ли помѣщики освободить крестьянъ, не дѣлали плебисцита между тѣмъ классомъ населенія, который въ то время единственно могъ заявлять свою волю».

Характерно, что «государственными соображеніями», «государственной точкой зрѣнія» докладчикъ Красовскій защищалъ «дополненіе» Г. Думы, направленныя на ускореніе ликвидаціи общины, въ то время, какъ докладчикъ Стишинскій той же апелляціей къ «государственнымъ интересамъ» возражалъ противъ этихъ думскихъ «дополненій».

Докладчикъ Красовскій былъ поддержанъ рядомъ ораторовъ: Шебеко, Ермоловымъ, Нейдгардомъ, Зиновьевымъ и др.

Исходнымъ пунктомъ разсужденій Шебеко было убѣжденіе, что природа ненавидитъ соціализмъ. «Форма землевладѣнія должна быть пріурочена къ требованіямъ природы, власти, предъявляемой почвою, а не къ методу осуществленія соціалистическихъ началъ уравнительности путемъ передѣловъ. Земля любитъ хозяина-собственника, она его требуетъ, она требуетъ, чтобы къ ней относились любовно... Почва требуетъ личной земельной собственности; община же грубо нарушаетъ это требованіе».

Передѣлы осуществляютъ ненавидимый землей соціалистическій идеалъ уравнительности, который убиваетъ энергію отдѣльныхъ лицъ, подчиняетъ ихъ косности массъ. «Передѣльная община есть та соціалистическая форма землепользованія, говорилъ Шебеко, которая не только не развила въ кресьянахъ понятія о правѣ собственности, но которая въ корнѣ подрывала его, это та самая форма землепользованія, которая научила его смотрѣть глазами завистника на чужую землю и не выработала въ немъ любви и уваженія къ чужому»...

При такой психологіи мужика понятно происхожденіе крестьянскихъ бунтовъ. «Община довела до истощенія почву, а при увеличеніи семьи истощеніе почвы перешло въ голодъ. Отсюда аграрные безпорядки, отсюда захватъ помѣщичьихъ земель, отсюда поджоги и пылавшія усадьбы»...

Шебеко всецѣло поддерживалъ мысль Столыпина о томъ, что въ борьбѣ «слабыхъ и сильныхъ» неминуема гибель слабыхъ.

«Противники Указа 9-го ноября намъ, быть можетъ, скажутъ, говорилъ Шебеко: Вы хотите создать пролетаріатъ, вы хотите унизить слабыхъ за счетъ сильныхъ. На мой взглядъ прогрессъ сводится къ борьбѣ слабыхъ съ сильными, онъ кончается поднятіемъ сильныхъ на гребень общественной волны. Если въ деревнѣ есть элементъ лѣнивыхъ, нетрезвыхъ, элементъ неработоспособныхъ, пусть они уйдутъ изъ деревни»...

Членъ Г. Совѣта Ермоловъ энергично протестовалъ противъ тѣхъ, кто говорилъ о предварительномъ опросѣ общинниковъ, желаютъ ли они разрушенія общины или не желаютъ.

Такой опросъ только оживилъ бы мысль о передѣлахъ тамъ, гдѣ она уже забыта. Даже въ тѣхъ общинахъ, говорилъ Ермоловъ, въ которыхъ 40 лѣтъ не было передѣловъ, существуетъ извѣстная группа лицъ, которая добивается передѣловъ, добивается того, чтобы отнять у однихъ часть земли и захватить въ свои руки или передать другимъ... «И если мы поднимемъ искусственно этотъ вопросъ, то мы, можетъ быть, сдѣлаемъ шагъ не впередъ, а назадъ—мы толкнемъ тѣ общины, которыя о передѣлахъ забыли, на то, чтобы, подчиняясь лицамъ, вліяніе которыхъ *опасно и вредно*, вернуться къ тому, отъ чего давно уже отказались».

Ермоловъ убѣждалъ Г. Совѣтъ принять думскія «дополненія» и не бояться насилія. «Тотъ человѣкъ, который хочетъ жить извѣстнымъ образомъ, для государства пагубнымъ, не можетъ требовать отъ государства, чтобы оно поддерживало его существованіе»... «Да развѣ государство по отношенію къ общинѣ не дѣлало насилій? Составители Положенія 1861 г. хотѣли предоставить дѣло естественной его эволюціи. А я спрашиваю васъ, говорилъ Ермоловъ, развѣ это указаніе было соблюдено, развѣ тѣ лица, которыя говорятъ теперь о насиліи не способствовали принятію такихъ принудительныхъ мѣръ какъ, напримѣръ, пріостановка дѣйствія ст. 165, какъ насильственное оставленіе въ общинѣ тѣхъ лицъ, которыя желали

выйти изъ нея? Развѣ это не было принудительной мѣрой! Развѣ нельзя сказать, что община искусственно поддерживалась у насъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ»?

Замѣчаніе Ермолова о «насиліи», совершенномъ въ 1893 г. надъ кретьянствомъ (отмѣна 165 ст.) были тѣмъ болѣе неожиданны, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя совершали это «насиліе».

Въ объясненіяхъ по поводу перемѣны своихъ взглядовъ Ермоловъ указалъ, что эта перемѣна произошла не только у него одного.

„Уже на этой трибунѣ, говорилъ Ермоловъ, было указано нѣкоторыми изъ гг. говорившихъ, что по отношенію именно къ закону 1893 года (объ отмѣнѣ статьи 165) взгляды не только должностныхъ лицъ высшаго управленія, *но и мѣстныхъ дѣятелей* въ теченіе этого семнадцатилѣтняго періода кореннымъ образомъ измѣнились. Дѣйствительно, въ то время со стороны земскихъ учрежденій представлялись правительству ходатайства объ *отмѣнѣ этой статьи*. Указывалось на тотъ вредъ для крестьянскаго населенія, который отъ сохраненія этой статьи можетъ произойти, и правительство рѣшилось ее отмѣнить. Но, затѣмъ, и въ центрѣ, и на мѣстахъ опытъ заставилъ отнестись къ этому дѣлу иначе, и я имѣлъ полное основаніе и считалъ себя въ правѣ говорить противъ ст. 165, не взирая на то, что 17 лѣтъ тому назадъ я подписалъ журналъ Гос. Совѣта по законопроекту объ ея отмѣнѣ».

Предсѣдатель О. Комиссіи кн. Трубецкой также остановился на вопросѣ о такъ называемомъ „насиліи“ надъ общиной. А чѣмъ, спрашивалъ онъ, было измѣненіе 165 ст.? „Это было насиліе... не вполнѣ справедливое, если вспомнить все то, что было обѣщано въ 1861 г.“.

Кн. Трубецкой оправдывалъ думскія „дополненія“ „государственной“ необходимостью—уничтожить общину. „Большинство О. Комиссіи отъ всей совокупности изученія этого опроса не могло притти къ иному заключенію, что чѣмъ скорѣе будетъ заложенъ фундаментъ для уничтоженія общины, тѣмъ будетъ принесено больше пользы государству“...

Кн. Трубецкой затронулъ вопросъ о «нравственномъ» вредѣ общины. Мы упоминаемъ о политическомъ вредѣ общины, объ экономическомъ вредѣ общины, но мы слишкомъ мало говорили о томъ огромномъ *нравственномъ* вредѣ, который она

оказываетъ на своихъ сочленовъ. То, что происходитъ въ деревнѣ подъ вліяніемъ общинныхъ порядковъ, это такой ужасъ, къ которому рѣшительно невозможно оставаться, какъ намъ рекомендуютъ, хладнокровнымъ зрителемъ... Кн. Трубецкой призывалъ Г. С. «смѣло сказать свое вѣское твердое слово». «Честь и слава Г. Думѣ, что она имѣла мужество сказать это слово. Я горячо надѣюсь, что Г. Совѣтъ послѣдуетъ ея примѣру».

Членъ Г. Совѣта Нейдгардъ защищалъ думскія «дополненія» отъ обвиненій въ принудительности заключающихся въ нихъ постановленій, указаніемъ на принудительный характеръ всякаго закона. «Если бы даже допустить наличность насилія, которое я отрицаю, то въ какомъ же законѣ нѣтъ элемента принудительности? Вѣдь всякій законъ является императивомъ и государство въ правѣ регулировать отношенія собственника къ собственности, общины къ ея надѣльной землѣ, тѣмъ болѣе, что эти взаимоотношенія устанавливались при значительномъ участіи казначейства»...

Право государства вмѣшиваться въ крестьянскія земельныя отношенія Нейдгардтъ выводилъ изъ той помощи, которую государство оказало крестьянамъ при выкупѣ надѣловъ...

Государство имѣетъ право регулировать земельныя отношенія крестьянъ, а потому оно имѣетъ право и уничтожить общину... Раньше на этомъ же аргументѣ сторонники общины устанавливали право государства принудительно удерживать общину. «Государство и понынѣ продолжаетъ свою попечительную по отношенію къ крестьянамъ дѣятельность. Но тому, кто оказываетъ попеченіе, принадлежитъ и право надзора за пользующимся его попечительными заботами», писала въ защиту существующаго у крестьянъ земельнаго строя Редакціонная Комиссія Стишинскаго.

Членъ Г. Совѣта Нейдгардъ утверждалъ далѣе, что по мѣрѣ уменьшенія крестьянскихъ надѣловъ общинный строй дѣлается все болѣе государственно-опаснымъ. «Возьмите то недовольство, которое плодится между общинниками, въ виду фиктивности ихъ земельнаго обезпеченія, въ виду непрерывнаго роста населенія и оставленія надѣльной земли въ тѣхъ же границахъ». Благодаря этому, община является послушнымъ проводникомъ тлетворныхъ идей, которыя *соціалисты* желаютъ внѣдрить въ сознаніе народа. Неужели, спрашивалъ Нейдгардтъ, не похоже народное сознаніе общинника, что «міръ великъ» на извѣстный

кличъ другого стана: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь»!— Въ обоихъ случаяхъ воображеніе общинника и соціалиста ласкаетъ мечту о силѣ единенія».

Членъ Г. С. Зиновьевъ говорилъ, что община въ Россіи поддерживалась не волею крестьянъ, а силою закона. Свою мысль онъ иллюстрировалъ на примѣрѣ происхожденія общины въ Могилевской губерніи.—„Приведу примѣръ той губерніи, которую я изучилъ хорошо—губернію Могилевскую. Могилевская губ., какъ и другія губерніи, входившія въ составъ Великаго Княжества Литовскаго, а потомъ и Рѣчи Посполитой, пользовалась со всей западной окраиной нашей однимъ гражданскимъ кодексомъ. Благодаря этому кодексу, тамъ общиннаго владѣнія не было, было, какъ и во всѣхъ литовскихъ губерніяхъ, подворно-наслѣдственное владѣніе. Между тѣмъ, мы видимъ, что съ объявленіемъ манифеста 19-го февраля 1861 г. въ Могилевской губерніи вдругъ появилось общинное землевладѣніе. На Могилевскую губернію распространено было Положеніе о Великороссійскихъ губерніяхъ, т. е. общинное право. Объяснить это можно очень просто. Могилевская губернія была въ то время бѣдной и сравнительно многоземельной. Землевладѣльцы очень хорошо понимали, что если бы имъ приходилось имѣть дѣло послѣ отмѣны крѣпостного права, которое давало имъ власть надъ крестьянами, съ каждымъ отдѣльнымъ хозяиномъ, имъ было бы очень трудно взыскивать повинности; они нашли, что гораздо лучше имѣть дѣло не съ отдѣльнымъ домохозяиномъ, а *съ цѣлымъ обществомъ*, въ которомъ одно лицо отвѣчаетъ за другое. Такимъ образомъ *явилось номинальное общинное землевладѣніе въ Могилевской губерніи*. Подтвержденіемъ этого можетъ служить, что черезъ пять лѣтъ послѣ этого, когда стали устраивать бытъ казенныхъ крестьянъ, для нихъ оставили подворное владѣніе, которое присуще Могилевской губерніи, и такимъ образомъ въ Могилевской губерніи *для крестьянъ помѣщичьихъ ввели общинный порядокъ*, а для крестьянъ казенныхъ было оставлено прежнее подворное владѣніе. Мнѣ кажется, этимъ причинамъ слѣдуетъ приписать и взгляды редакторовъ Положеній 19 февраля: тамъ тоже играло роль то обстоятельство, что нужно было обезпечить помѣщику правильное поступленіе въ его пользу повинностей сдѣльныхъ или денежныхъ, нужно было обезпечить помѣщику правильное поступленіе выкупныхъ пла-

тежей, когда крестьяне переходили на выкупъ. Опять-таки это было легче осуществить при томъ условіи, что за выкупъ отвѣчала *община по круговой порукѣ.* Этимъ путемъ подтвердилось то положеніе, которое держалось *прежде у многихъ землевладѣльцевъ»* (748—749).

Зиновьевъ разсказалъ, между прочимъ, о Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Гурко, устроенномъ Витте, послѣ изданія Указа о прекращеніи выкупныхъ платежей. Въ этомъ Совѣщаніи участвовали: Лыкошинъ, Литвиновъ, Пестржецкій, Зубовскій, Никольскій и др. «Всѣ они, за исключеніемъ одного члена, признали, что въ тѣхъ общинахъ, гдѣ не было передѣловъ свыше 24 лѣтъ, возможность общихъ передѣловъ маловѣроятна, и общества эти слѣдуетъ признать перешедшими къ подворному пользованію, фактически продолжавшемуся у нихъ свыше двухъ земскихъ давностей».

Противъ думскихъ «дополненій» къ Указу 9 ноября и противъ личной собственности выступилъ еще разъ Стишинскій. Нападая на личную собственность, Стишинскій вступилъ въ жестокую полемику съ самимъ собой и возражалъ противъ первой своей рѣчи, посвященной защитѣ Указа 9 ноября...

Стишинскій считалъ, что какъ эти думскія «дополненія», такъ и начало личной собственности безусловно противорѣчатъ Положенію 1861 г. Въ статьѣ 12 Общаго Положенія говорится о выдѣлѣ участка не въ личную, а въ частную собственность. При чемъ частная собственность противополагается общинной, а не семейной собственности. «Два начала, по мнѣнію Стишинскаго, доказываютъ реальность семейной собственности: во-первыхъ, право, каждаго члена семьи жить въ этой семьѣ и не быть изъ семейнаго очага изгнаннымъ, а во-вторыхъ—право, при извѣстныхъ условіяхъ, требовать семейнаго раздѣла. Эти два положенія установлены твердымъ обычаемъ и семейной практикой... Эта семейная собственность въ отношеніи участковъ укрѣпленныхъ зачеркнута Указомъ 9 ноября».

«Въ то самое время, когда передовая мысль юристовъ всего міра останавливается на необходимости огражденія интересовъ мелкой земельной собственности, мы, говорилъ Стишинскій, съ легкимъ сердцемъ отказавшись отъ начала семейной собственности, истребивъ всѣ его слѣды въ нашемъ законодательствѣ, предоставимъ владѣльцамъ мелкихъ надѣльныхъ участковъ, укрѣпленныхъ и выдѣленныхъ, полное неограниченное право от-

чужденія ихъ или залога, которое во многихъ случаяхъ будетъ также вести къ отчужденію"...

Говоря о „думскихъ дополненіяхъ", Стишинскій, который всегда смотрѣлъ на крестьянство, какъ на простой объектъ „попечительныхъ заботъ" начальства, ужасался, что въ одинъ прекрасный день общинники „проснутся переведенными, безъ ихъ вѣдома, въ подворники".

Рѣшительными противниками Указа 9 ноября оказались прежде всего правые. Одинъ изъ ораторовъ правыхъ, Олсуфьевъ, горько сѣтовалъ на то, что въ Россіи люди быстро мѣняютъ свои мнѣнія.

„Амплитуда колебаній нашего общественнаго маятника очень велика". „Законоположеніемъ 14 декабря 1893 г. почти устранялся выходъ изъ общины. Законъ этотъ направленъ былъ къ совершенно противоположной цѣли, нежели нынѣшній. Между тѣмъ правительство издало его согласно мнѣнію многихъ земствъ. Почти всѣ представители вѣдомствъ за него высказались. Въ Гос. Совѣтѣ дореформенномъ, въ томъ, который изображенъ на картинѣ Рѣпина, за него высказалось значительное большинство".

Олсуфьевъ говорилъ, что помѣщика совершенно напрасно запугали общиной: у личныхъ собственниковъ аграрные безпорядки, на его взглядъ, носили повсюду болѣе острый характеръ.

«Намъ настойчиво повторялось столько разъ уже опровергнутое утвержденіе, что будто аграрные безпорядки происходили среди общинниковъ. Аргументъ, сильно дѣйствующій на нашего брата-помѣщика. Но при этомъ опять, въ сотый разъ, забывали, что самыя жестокія волненія происходили въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, а также въ сосѣдней съ нами Румыніи, гдѣ нѣтъ общиннаго землевладѣнія, и что безпорядковъ не было во всемъ центральномъ русскомъ районѣ".

Но главную опасность Указа Олсуфьевъ видѣлъ не въ уничтоженіи общины, а въ переходѣ отъ „вѣками установившагося принципа трудового семейнаго сообщества, къ принципу личной полной неограниченной продажи, безъ всякаго обезпеченія интересовъ общества, охраняющаго свои общія земли".

И другой представитель правыхъ — Ушаковъ взялъ подъ свою защиту семейную собственность. Онъ говорилъ, что это „исконный» нашъ институтъ, игравшій огромную роль какъ при добромъ старомъ времени, при крѣпостномъ правѣ, когда

крестьянинъ эксплоатировался на почвѣ семейной собственности помѣщикомъ, такъ и послѣ Реформы, когда мѣсто помѣщика заняло государство.

«При составленіи ревизскихъ сказокъ населеніе расписывалось по семьямъ. Семья принималась въ крѣпостное время за единицу при наложеніи помѣщиками на крестьянъ тяголъ и при надѣленіи бывшихъ государственныхъ крестьянъ землей». Посягать на такія «коренныя основы» крестьянскаго быта Ушаковъ находилъ абсолютно недопустимымъ. „Положеніе о крестьянахъ глубоко продумано, оно вырабатывалось самыми лучшими представителями Русской земли, членами Ред. Ком., Членами Правительствующаго Сената, Кассаціоннымъ Департаментомъ, Вторымъ Департаментомъ, т. е. самыми авторитетными въ этомъ дѣлѣ инстанціями".

Членъ Гос. Совѣта М. М. Ковалевскій, представитель академической группы, выступилъ также рѣшительнымъ противникомъ „насильственнаго" разрушенія основъ быта нашего крестьянства. „Сами заинтересованные, говорилъ онъ, должны рѣшить, выйти имъ въ собственники или, по крайней мѣрѣ, въ семейные совладѣльцы или остаться имъ въ составѣ міра".

„Вся наша программа, говорилъ объ Указѣ 9 ноября проф. Ковалевскій, сводится къ тому, чтобы провести въ жизнь то правило, которое англичане выражаютъ словами handsoff! т. е. руки прочь!.. То, что несетъ съ собой Указъ 9 ноября, по мнѣнію проф. Ковалевскаго, представляло земельную революцію, которой міръ еще не зналъ". Даже при нашествіи варваровъ, при завоеваніи Англіи норманнами произошла перемѣна только въ лицѣ нѣкоторыхъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, но крестьяне продолжали владѣть своими землями на старомъ основаніи. Указъ 9 ноября поведетъ къ торжеству кулаковъ, ибо «неизбѣжная при примѣненіи Указа 9 ноября экспропріація народныхъ массъ пойдетъ на пользу того сельскаго мѣщанства, которое еще недавно, слѣдуя народному говору, уничижительно называли кулаками, міроѣдами, которыхъ теперь называютъ хозяйственными мужичками, которыхъ мы скоро назовемъ помѣщиками, у которыхъ если не въ первое, то во второе поколѣніе окажутся несомнѣнныя заслуги предковъ, которыхъ поэтому переведутъ въ ряды дворянства»...

Защищая семейную собственность, проф. Ковалевскій поддерживалъ поправку Стишинскаго о запрещеніи крестьянамъ про-

даже надѣловъ безъ разрѣшенія женъ. «Я слышалъ изъ устъ предсѣдателя Сов. Министровъ, говорилъ проф. Ковалевскій, что у насъ семейная собственность создана Сенатомъ. Меня очень поразило это заявленіе. Гораздо раньше 1880 г., съ котораго пошелъ рядъ сенатскихъ рѣшеній въ этомъ смыслѣ, семейная собственность существовала, существовала и въ нашемъ обычномъ правѣ, существовала и въ мѣстныхъ постановленіяхъ, и въ общемъ законѣ о выкупѣ». «Почему, спросите вы, мы такъ дорожимъ этой семейной собственностью? Да, мы дорожимъ ею, между прочимъ, по той причинѣ, что эта семейная собственность принимаетъ подъ свою охрану интересы женщины, матери, жены гораздо болѣе, чѣмъ писанное право, и что если вы не примете во вниманіе тѣхъ поправокъ, которыя предложилъ вамъ А. С. Стишинскій, то вы совершите величайшую несправедливость по отношенію къ русской женщинѣ, которая, въ виду существованія у насъ отхожихъ промысловъ, и въ виду того, что ея мужъ обязанъ нести воинскую повинность и въ виду многихъ причинъ, весьма часто является фактической домохозяйкой» (стран. 972).

Въ такихъ мѣрахъ, какъ признаніе подворными обществъ, гдѣ не было передѣловъ въ теченіе 24 лѣтъ, проф. Ковалевскій видѣлъ проявленіе «революціоннаго консерватизма». «Вы не дѣлились до сихъ поръ, говорятъ общинникамъ, такъ значитъ вы сознательно рѣшили не дѣлиться и тѣмъ самымъ сдѣлались частными собственниками. Крестьянинъ, да и не одинъ крестьянинъ, не пойметъ такого силлогизма. Когда я не выразилъ открыто этой воли, я никакъ не могу считать, чтобы кто-нибудь могъ эту волю въ томъ или другомъ смыслѣ истолковать за меня».

М. М. Ковалевскій въ охранѣ общины видѣлъ охрану Россіи отъ быстраго распространенія въ ней соціалъ-демократіи.

«Совершенно неправильно, по мнѣнію пр. Ковалевскаго, было думать, что сохраненіе общинной и семейной собственности будетъ содѣйствовать росту рабочей партіи, какъ политической партіи, ставящей на своей программѣ классовую борьбу и, въ концѣ концовъ, диктатуру пролетаріата».

«Если бы община не препятствовала развитію соціализма, то трудно было бы понять, говорилъ М. М. Ковалевскій, почему консерваторъ Гакстгаузенъ и другой консерваторъ Лепле, одна изъ книгъ котораго была переведена третьимъ консерва-

торомъ К. П. Побѣдоносцевымъ, стояли бы всѣ за *сохраненіе общины и семейной нераздѣльности*. Какія условія необходимы для того, чтобы не сдѣлать *скорымъ* наступленіе той классовой борьбы, которая можетъ повести, въ конечномъ исходѣ, къ диктатурѣ большинства крестьянъ и рабочихъ? Да, именно, сохранить то, что вы намѣреваетесь упразднить».

По мнѣнію проф. Ковалевскаго, „соціалъ-демократы враждебны общинѣ именно потому, что она мѣшаетъ пролетаризаціи крестьянства“.

Въ противность защитникамъ Указа 9-го ноября, утверждавшимъ, что община культивируетъ лозунги, близкіе къ лозунгамъ „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“, М. М. Ковалевскій утверждалъ, что именно Указъ 9-го ноября приведетъ къ тому, что деревня, доселѣ глухая къ кличу пролетаріевъ, теперь его услышитъ.

„Новое теченіе, говорилъ М. М. Ковалевскій, если вы подъ нимъ подразумѣваете соціалъ-демократію, все растущую и растущую на западѣ, высказывается самымъ отрицательнымъ образомъ по отношенію къ общинѣ и семейной нераздѣльности. По весьма понятной причинѣ, обѣ онѣ являются препятствіемъ къ той пролетаризаціи массъ, которая *необходима людямъ*, полагающимъ, что окончательный строй общества будетъ установленъ борьбою классовъ, въ которой пролетаризованный крестьянинъ пойдетъ объ руку съ городскимъ пролетаріемъ рабочимъ. И вотъ къ нимъ-то будетъ сдѣланъ тотъ призывъ, который едва ли слышатъ наши крестьяне, сидящіе на землѣ и еще не пролетаризованные, призывъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Убѣжденный, что община мѣшала пролетаризаціи нашихъ крестьянъ и что примѣненіе Указа 9 ноября выдвинетъ громадные кадры безработныхъ, при отсутствіи серьезныхъ средствъ для борьбы съ послѣдствіями этой безработицы и невозможности удесятеренія нашей промышленности, М. М. Ковалевскій заявилъ категорически: „итти на опытъ грандіознѣйшаго искусственнаго разложенія *старинныхъ устоевъ* русскаго народа, сельской земельной общины и семейной собственности, я, господа, не согласенъ и это мое послѣднее слово“.

Членъ Г. Совѣта С. Шебеко вступилъ въ полемику съ М. М. Ковалевскимъ по вопросу о томъ, что больше не любятъ соціалъ-демократы—общину или частную собственность. Шебеко

считалъ, что соціалъ-демократы не любятъ именно частную собственность, „навѣрно она невыгодна соціалъ-демократіи, говорилъ онъ, поэтому ее надо насаждать“.

Проф. Мануйловъ горячо поддерживалъ противниковъ Указа 9 ноября. Онъ указывалъ на то, что наше законодательство начинаетъ борьбу съ общиной въ то время, когда Европа отказалась уже отъ стараго взгляда на общину. „Я могъ бы привести цѣлый рядъ мнѣній авторитетныхъ экономистовъ З. Европы, которые держатся того мнѣнія, что точка зрѣнія, усвоенная законодательствомъ первой половины 19 столѣтія по отношенію къ общинному землевладѣнію, была ошибочной“.

Мануйловъ протестовалъ противъ перенесенія на русскую почву голаго положенія Артура Юнга и его послѣдователей, повторяющихъ фразу: „дайте собственнику скалу и онъ ее превратитъ въ цвѣтущій садъ“.

Противъ тѣхъ, кто считалъ, что община есть причина упадка крестьянскаго хозяйства, Мануйловъ выдвинулъ аргументъ, которымъ еще въ 50-хъ годахъ боролся за общину Н. Г. Чернышевскій: упадокъ крестьянскаго хозяйства объясняется не общиной, а цѣлымъ рядомъ причинъ совершенно иного порядка.

„Въ мѣстностяхъ, говорилъ проф. Мануйловъ, гдѣ на ряду съ общиной встрѣчается и подворное владѣніе, большинство наблюдателей склоняется къ выводу, что различіе формы землевладѣнія мало сказывается на уровнѣ хозяйства, а нѣкоторые даже отдаютъ предпочтеніе, при прочихъ равныхъ условіяхъ, хозяйству общинниковъ“.

„То же самое наблюдается и въ Зап. Европѣ. Существуютъ, напримѣръ, въ Баденѣ земли, которыя подвергаются передѣламъ. Онѣ лежатъ рядомъ съ землями, находящимися въ личномъ владѣніи. Существуютъ подобныя же мѣстности въ Италіи, напр., около Болоньи. И можно съ увѣренностью утверждать, что если по дорогѣ, по одну сторону которой лежатъ земли передѣльныя, а по другой—земли личнаго владѣнія, прошелъ самый большой знатокъ сельскаго хозяйства, онъ не могъ бы отличить по состоянію культуры, гдѣ земля передѣльная и гдѣ земля, находящаяся въ личномъ владѣніи“.

Не соглашался проф. Мануйловъ и съ политическими нападками на общину. Онъ цитировалъ рядъ мнѣній представителей власти, указывавшихъ на большую „благонадежность“ крестьянъ-общинниковъ.

„Наши противники, говорилъ проф. Мануйловъ, указываютъ на то, что личный владѣлецъ является eo ipso охраной порядка, а общинникъ по своей природѣ соціалистъ и революціонеръ. Въ подтвержденіе этого тезиса М. В. Красовскимъ цитировались въ Комиссіи воспоминанія одного виднаго революціоннаго дѣятеля, который разсказываетъ, что онъ, желая устроить возстаніе крестьянъ, привлекалъ къ себѣ именно общинниковъ, потому что они, по его мнѣнію, болѣе склонны къ бунту, чѣмъ подворники. Я не знаю, правъ ли этотъ дѣятель, но авторитету его въ этомъ вопросѣ, какъ нарушителя порядка, я противопоставляю авторитетъ тѣхъ, на обязанности которыхъ лежитъ поддержаніе порядка, и не знаю, почему бы этимъ послѣднимъ не придавать по меньшей мѣрѣ такой же вѣры, какъ и первымъ. Въ „Трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ" мы находимъ цѣлый рядъ указаній, какъ разъ противоположнаго свойства, указаній на то, что общинники являются гораздо болѣе благонадежнымъ элементомъ, чѣмъ подворники. Такъ, напримѣръ, однимъ изъ членовъ одного уѣзднаго комитета высказано слѣдующее: „Надѣляя всю массу сельскаго населенія собственностью, община поддерживаетъ консервативный элементъ деревни. Крестьянинъ общинникъ имѣетъ свой участокъ земли: какъ всякій крестьянинъ собственникъ, онъ недоступенъ революціоннымъ, соціалистическимъ идеямъ, онъ нравственъ и Бога боится". Это говоритъ земскій начальникъ. Затѣмъ, другое свидѣтельство:

„Гдѣ возникла и разлилась широко волна Пугачевщины, какъ не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было общины, и замерла она только на границѣ общины. Гдѣ развились съ такою силою безпорядки послѣднихъ лѣтъ Полтавской и Харьковской губерній, какъ не въ уѣздахъ, не имѣющихъ общиннаго строя, не затронувъ сосѣднихъ губерній, охранявшихъ общину". Это говоритъ вице-губернаторъ.

Судьба «думскихъ дополненій» въ Г. С. опредѣлилась заявленіемъ Столыпина, что правительство возражаетъ противъ той ихъ части, гдѣ община, не дѣлившаяся 24 года, переходитъ на положеніе подворнаго землевладѣнія.

Эта часть при голосованіи въ Г. Совѣтѣ не собрала большинства.

Въ остальномъ законопроектъ, хотя съ цѣлымъ рядомъ редакціонныхъ поправокъ, не мѣнявшихъ, однако, сути, былъ принятъ.

Согласительная комиссія, редактировавшая окончательно статьи, по которымъ были разногласія между Госуд. Думой и Госуд. Совѣтомъ, составилась изъ членовъ Госуд. Совѣта Красовскаго, Стишинскаго, кн. Трубецкого, Ермолова, Нарышкина и Струкова и членовъ Гос. Думы Шингарева, Кутлера, Родзянко, Капица, Володимирова и Балашева. Дополненія Гос. Думы объ общинахъ, не передѣлявшихся 24 года, были согласительной комиссіей отвергнуты. Часть второстепенныхъ поправокъ Гос. Совѣта была принята, часть отвергнута.

14 іюля 1910 г. Указъ 9 ноября 1906 г. сталъ закономъ.

VI.

Такъ закончился длившійся почти полторастолѣтія романъ правительства и дворянства съ общиной. Причина «разрыва» была чисто политическая. Надежды на общину не оправдались. Революція 1905—06 гг. показала, что община не спасла Россію ни отъ капитализма, ни отъ пролетаріата, ни отъ крестьянскихъ возстаній. Но самое грозное это было то, что община не отучила крестьянскую бѣдноту отъ притязаній на помѣщичьи земли...

Указъ 9 ноября, вмѣстѣ съ послѣдующими землеустроительными реформами, долженъ былъ нанести смертельный ударъ общинному соціализму и насадить въ Россіи «крѣпкихъ» частныхъ собственниковъ, чуждыхъ соціалистическихъ утопій и естественныхъ союзниковъ помѣщикамъ. Указъ 9 ноября осуществлялъ тотъ планъ «обходнаго» противъ общины движенія, о которомъ мечталъ, когда-то кн. Черкасскій... [1]).

«Успокоенная» военной силой и судебными репрессіями деревня—приняла Указъ 9 ноября. Не интересуясь тѣмъ, кто и какую «ставку» на нихъ ставитъ, крестьяне начали интенсивно использывать «новое право».

Выходя изъ общины, крестьяне меньше всего думали о томъ, чтобы поспѣшить на помощь помѣщикамъ, стать ихъ «союзниками». Они «укрѣплялись», выполняя не столыпинскія

[1]) См. выше.

политическія заданія, а повинуясь велѣніямъ своихъ хозяйственныхъ интересовъ. И, напримѣръ, про нашъ сѣверо-западъ можно сказать, что тамъ въ области разрушенія общины клеверъ сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ Столыпинъ.

Въ другихъ районахъ роль клевера играли свои экономическіе «факторы». Эти «факторы» выталкивали изъ общины крестьянъ всѣхъ разрядовъ—бывшихъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ, государственныхъ; всѣхъ національностей — великороссовъ, малороссовъ, татаръ и т. д.; всѣхъ имущественныхъ слоевъ—«богатыхъ», среднихъ и бѣдныхъ; всѣхъ географическихъ широтъ и долготъ. Порайонная интенсивность выходовъ изъ общины была прямо пропорціональна интенсивности общей экономической жизни района и интенсивности мѣстнаго крестьянскаго хозяйства.

«Экономическая необходимость» подходила къ крестьянину подъ самыми разнообразными формами: къ бѣдняку, рабочему и переселенцу,—въ видѣ продажной цѣны ихъ «укрѣпленныхъ въ собственность» надѣловъ; къ среднимъ и богатымъ дворамъ,—въ видѣ возможности сначала изъять ихъ надѣлы изъ будущихъ передѣловъ, а въ дальнѣйшемъ — совсѣмъ уйти изъ общины на хуторъ.

Для многихъ крестьянъ, имѣвшихъ «достаточный» надѣлъ, хуторское хозяйство, гдѣ «каждый самъ себѣ баринъ» было желанной мечтой задолго до изданія Указа 9 ноября. Показанія крестьянъ по самымъ различнымъ губерніямъ Россіи всегда отмѣчали однѣ и тѣ же побудительныя причины къ выходамъ на хутора и отруба [1]). «Хуторянинъ больше хозяинъ своей земли, чѣмъ деревенскій житель». На хуторѣ у хозяина «все подъ рукой»; «земля не пропадаетъ подъ межами, подъ кустарниками и болотами».

На хуторѣ трудъ гораздо производительнѣе: «гдѣ въ общинѣ надо имѣть 10 человѣкъ, на хуторѣ сработаютъ пятеро». «Здѣсь можно завести хозяйство «по новому, а не по дѣдовскимъ обычаямъ».

---

[1]) Статистическіе матеріалы, полученные при обслѣдованіи деревни послѣ 9 ноября 1906 г., поражаютъ тождественностью крестьянскихъ отвѣтовъ изъ губерній, раздѣленныхъ сотнями верстъ. Эта тождественность наглядно иллюстрируетъ парадоксальное утвержденіе, что „мыслитъ не человѣкъ, а его соціальный классъ“.

Но не всѣмъ хуторское хозяйство было доступно. «Обзаведеніе» на хуторѣ стоило дорого [1]). Помимо того, хуторъ требовалъ извѣстнаго minimum'а участка для того, чтобы «оправдалась работа».

Для многихъ это дѣлало неосуществимыми мечты о «привольной работѣ на хуторахъ». «Земли у насъ мало, скотъ держать негдѣ, кабы земли побольше—лучше нѣтъ житья, какъ на хуторахъ». Въ общинѣ и «у малоземельнаго для скота находился уголокъ», а если малоземельные выходили на хутора, то надѣлы—сразу «цыхру свою» показывали и «скотину приходилось сокращать». И тѣмъ не менѣе малоземельные крестьяне далеко не всегда были противниками хуторовъ и отрубовъ.

Зная, что на $3^1/_2$—4 дес. надѣлѣ трудно вести хуторское хозяйство, малоземельные сводили свои полосы къ одному мѣсту для продажи, такъ какъ при продажѣ или сдачѣ въ аренду сведеннаго къ одному мѣсту надѣла ему платили за него въ 2—$2^1/_2$ раза дороже, чѣмъ при черезполосномъ владѣніи. Продавъ сведенный къ одному мѣсту свой 4-хъ-десятинный надѣлъ, малоземельный «искалъ» себѣ случая купить «нормальный» хуторъ—въ 10—12 десятинъ—«съ помощью Крестьянскаго Банка».

Выходили изъ общины и сильные дворы. Но случалось, что именно эти доподлинные кандидаты въ «союзники» не хотѣли покидать насиженныхъ мѣстъ, гдѣ они безпрепятственно опутывали деревенскую бѣдноту. И когда на сходахъ обсуждался вопросъ о томъ, не нужно ли «разойтись на хутора», то бывало, что противъ этого «упорствовали богатые и бѣдные».

Тяга къ хуторскому или отдѣльному хозяйству во многихъ мѣстахъ была характерной чертой настроенія крестьянъ наканунѣ революціи 1917 г. Когда, съ началомъ войны заговорили о земельной нарѣзкѣ, «обособленное» хозяйство стало казаться возможнымъ въ будущемъ и для тѣхъ, у кого было для хутора «земли мало» [2]).

Но разселеніе крестьянъ на хутора, т. е. фактическое распаденіе общины—и было политической цѣлью Столыпина. Для

---

[1]) По Смоленской губ., въ 1911 г., хуторское обзаведеніе крестьяне оцѣнивали въ 300—800 рублей (всѣ показанія взяты изъ анкеты Вольн.-Экон. О-ва 1910—1911 гг.).

[2]) Что за военную службу вообще полагается „земля" — это убѣжденіе среди крестьянства никогда не умирало съ Московской Руси, платившей за „службу" землей. И въ каждую войну деревня громко говорила о земельной нарѣзкѣ.

«содѣйствія» отрубно хуторскому разселенію 29 мая 1911 года былъ проведенъ особый законъ «о землеустройствѣ».

И на столыпинскіе хутора пошли крестьяне, но не изъ-за «политики», а изъ-за хлѣба.

Если къ началу войны взять общую сумму дворовъ выдѣлившихся на хутора, укрѣпившихся черезполосно, никогда не передѣлявшихся общинниковъ и всѣхъ получившихъ надѣлъ на подворномъ правѣ [1]), то дворовъ, фактически перешедшихъ къ частной собственности на надѣлы, оказывалось больше, чѣмъ дворовъ, оставшихся въ общинѣ.

Казалось, цѣль дворянства была, въ значительной степени, достигнута: община уступила свое первенствующее мѣсто частной собственности и опасность новой революціи отодвинулась въ далекое будущее, если не исчезла навсегда.

Но правящіе круги не хотѣли видѣть, что революцію 1905—06 гг. создали не «формы» землевладѣнія, а земельный голодъ и безправіе.

И эти двѣ «силы» революціи не были ослаблены послѣ-революціонной политикой. Ограниченіе самодержавія было призрачнымъ, участіе крестьянъ въ политической жизни страны осталось ничтожнымъ. Земельная «тѣснота» не уменьшилась, а увеличилась: продажныя цѣны на землю росли, а арендная плата за землю мѣстами дошла до того, что представляла изъ себя не ренту землевладѣльца, а военную контрибуцію. Почва

---

[1]) (См. объ этомъ наши работы: „Крестьяне объ общинѣ" и „Община послѣ 9 ноября 1906 г."). Жизнь создала среди крестьянъ страстныхъ защитниковъ хуторовъ. Отношеніе этихъ „индивидуалистовъ" къ землѣ, очень ярко выражено въ слѣдующемъ стихотвореніи Псковскаго крестьянина, вышедшаго изъ общины на хуторъ. Стихотвореніе написано на анкетномъ бланкѣ во время статистическаго обслѣдованія деревни, уже во время революціи въ 1917 г. (въ іюлѣ) на вопросъ: „нѣтъ ли у хуторянъ и отрубниковъ желанія вернуться въ общину"?

Хуторъ—поле небольшое,
Оно вѣчное мое,
Смѣло въ землю плугъ пускаю,
Смѣло садикъ развожу.
Не боясь передѣловъ,
Все навозомъ уложу.

Съ капиталомъ соберусь,
Все кругомъ огорожу.
Теперь смѣло расчищаю,
Что сосѣдъ мой заростилъ,
Смѣло камни убираю,
Не жалѣя своихъ силъ.

Такое отношеніе къ землѣ—весьма плохо гармонируетъ съ положеніемъ, что „Земля—Божья".

для революціи оставалась непоколебленной. Міровая война съ ея колоссальнымъ потрясеніемъ страны, ускорила взрывъ революціи.

Передъ страной вновь во всей своей громадности всталъ крестьянскій вопросъ.

Для рѣшенія этого вопроса въ интересахъ трудовыхъ массъ революція 1917 г. создала небывало благопріятныя условія, такъ какъ политическая власть въ странѣ перешла къ народу.

Экономическій базисъ, на которомъ будетъ строиться новая Россія представляетъ азіатское зданіе съ европейскимъ фасадомъ. Соотношеніе элементовъ «Азіи» и «Европы» въ нашемъ хозяйствѣ наиболѣе ярко выражается въ томъ, что при 2 милліардахъ десятинъ пространства (Германія имѣла до войны всего 50 милл. дес. пространства) и при 175 милл. душъ населенія наканунѣ войны мы имѣли около 16 милліоновъ крестьянскихъ хозяйствъ (дворовъ) и всего 14 тыс. фабрично-заводскихъ предпріятій, размѣромъ отъ 5 до нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ. И если фабрично-заводскія предпріятія, по крайней мѣрѣ, крупныя, въ извѣстной степени, связаны между собою чрезъ банки, синдикаты, «совѣты» и т. д., то земледѣльческія хозяйства между собою абсолютно не связаны—и на рынкѣ другъ противъ друга выступаютъ, какъ вполнѣ независимыя хозяйства. Кооперативная связь этихъ хозяйствъ между собою еще крайне ничтожна. Этотъ «базисъ» и опредѣлитъ нашъ послѣреволюціонный соціальный укладъ. Правильно сказалъ Энгельсъ: «въ новой исторіи государства, политическая организація является второстепеннымъ элементомъ, рѣшающее значеніе имѣетъ гражданское общество—царство экономическихъ отношеній». Экономическая политика республиканской Россіи и должна быть направлена прежде всего на планомѣрную организацію нашего полуазіатскаго «царства экономическихъ отношеній», чтобы приблизить его къ «Европѣ».

Если революція 1917 г. превратитъ русскаго крестьянина въ полноправнаго гражданина; если она передастъ въ руки крестьянства всѣ некрестьянскія земли [1]), и если при этомъ землю получитъ и деревенская бѣднота; если земледѣлецъ станетъ свободенъ въ выборѣ способовъ веденія хозяйства, и если принудительная община, какъ и принудительный хуторъ, отой-

[1]) Конечно, при сохраненіи отъ разрушенія культурныхъ хозяйствъ.

дуть въ область преданія; если наше многомилліонное крестьянство получитъ возможность принимать активное участіе въ строительствѣ русской жизни (а это все составляетъ ближайшую цѣль крестьянскаго движенія 1917 г.), то въ такомъ только случаѣ въ Россіи создадутся необходимыя условія для полнаго развитія ея производительныхъ силъ и для наименѣе болѣзненнаго «изживанія» капиталистической фазы нашей исторіи.

И послѣреволюціонной Россіи придется еще многому учиться у «гнилого» Запада, ибо этотъ Западъ и по своимъ матеріальнымъ, и по своимъ интеллектуальнымъ условіямъ все еще далеко впереди «Святой Руси».

	Р.	К.
Рихтеръ, Д. И. Сколько земли въ Россiи и кто этой землею владѣетъ. Птгр. 1917; стр. 42	—	50
Чернышевъ И. В. Аграрно-крестьянская политика Россiи за 150 лѣтъ. Птгр. 1918 г.	9	—

Изданiя Вольнаго Экономическ. Общ. продаются въ канцелярiи Общества (ежедневно, исключая праздничныхъ дней) отъ 11 до 4 ч. дня, въ Птрг., по Забалканскому пр., д. № 33 (тлф. 21—19); въ книгоиздат. „Право“, въ Петр. по Литейному пр., 28 и въ другихъ книжныхъ магазинахъ Петрограда, Москвы и друг. крупныхъ городовъ.

ИЗДАНIЯ

Лиги Аграрныхъ Реформъ.

	Р.	К.
Органы земельной реформы: Земельные Комитеты и Лига Аграрныхъ Реформъ. Москва, 1917; стр. 48	—	30
Чаяновъ, А. Что такое аграрный вопросъ. Москва. 1917 г.; стр. 64	—	40
Макаровъ, Н. Крестьянское хозяйство и его интересы Москва. 1917 г.; стр. 109	—	75
Мозжухинъ, И. В. Аграрный вопросъ въ цифрахъ и фактахъ дѣйствительности. Москва, 1917 г.	—	60
Статистическiй справочникъ по аграрному вопросу, сост. подъ ред. Н. П. Огановскаго и А. В. Чаянова. **Вып. I.** Землевладѣнiе и землепользованiе. Москва, 1917; стр. 30 . .	—	50

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Стат. справочникъ по аграрному вопросу, сост. подъ ред. Н. П. Огановскаго и А. В. Чаянова **Вып. II.** Сельское хозяйство и рынки с.-х. продуктовъ.

Постановка аграрнаго вопроса. Статьи П. П. Маслова, П. А. Вихляева, В. А. Косицкаго, Б. Д. Бруцкуса, С. В. Николаева, А. В. Чаянова и др.

Трудовыя и потребительскiя нормы отчужденiя и надѣленiя землею. Статьи Н. П. Макарова, Н. Н. Черненкова и др.

Изданiя Лиги Аграрныхъ Реформъ продаются въ книгоиздательствѣ „Универсальная библiотека“, въ Москвѣ, 4-й Сыромятническiй пер., д. 1 (тлфн. 1—24—24).

Того же автора:

Община послѣ 9 ноября 1906 г. (по даннымъ анкеты Вольно Экономическаго Общества). Изданіе Вольно-Экономическаго Общества. 1917 г. Цѣна 4 р.

Крестьяне объ общинѣ. 1912 г. Цѣна 60 к.

Къ вопросу объ общинѣ. Проектъ изслѣдованія крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія послѣ 9 ноября 1906 г. 1911 г. Цѣна 30 к.

Откуда пошла крестьянская бѣдность въ Россіи. (Крестьянская Реформа). (Изданіе Скобелевскаго Комитета). 1917 г. Цѣна 75 к.

Земельный вопросъ въ Учредительномъ Собраніи. (Изданіе Скобелевскаго Комитета). 1917 г. Цѣна 25 к.

Задачи Учредительнаго Собранія. (Изданіе Скобелевскаго Комитета). 1917 г. Цѣна 25 к.

Всеобщее избирательное право. (Изданіе Скобелевскаго Комитета 20 к. и „Жизнь и Знаніе“ 30 к.). 1917 г.

Всеобщее избирательное право и его примѣненіе въ Россіи. 2-е изданіе Лосицкаго, съ діаграммами и картограммами. 1906 г. Цѣна 40 к.

Наша промышленность и война, 2 выпуска. (Изданіе Техническаго Общества). 1915 г. Цѣна 50 к.

Государственный бюджетъ 1915 г. и бюджеты Думскаго періода (съ діаграммами). Изданіе Техническаго Общества. 1915 г. Цѣна 50 к.

Избирательный законъ въ Учредительное Собраніе. (Изданіе Скобелевскаго Комитета). 1917 г. Цѣна 30 к.

Алкоголизмъ Петербургскихъ рабочихъ (вмѣстѣ съ А. Е. Лосицкимъ), съ діаграммами. (Изданіе Техническаго Общества). 1911 г. Цѣна 1 р.

Памятная книжка марксиста. Изданіе 1906 г. Цѣна 1 р.

Цѣна повышена

Цѣна 10 рублей.

Складъ изданій: магазинъ „Право“; Скобелевскій Комитетъ: Техническое Общество;

ВОЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО,

Забалканскій, 33.

